

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

Библиотека дипломата

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННОСТИ

К перспективам выхода
из глобального кризиса

Монография

4-е издание, переработанное и дополненное

Москва
Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»
2023

УДК 327
ББК 66.4
М64

Редакционная коллегия:

М. А. Неймарк — доктор исторических наук (ответственный редактор);
С. С. Жильцов — доктор политических наук;
О. П. Иванов — доктор политических наук;
О. Г. Карпович — доктор юридических наук, доктор политических наук.

Рецензенты:

В. К. Белозеров — доктор политических наук;
А. Г. Шляхтунов — доктор политических наук.

М64 **Мировая политика в фокусе современности** : к перспективам выхода из глобального кризиса : монография / отв. ред. М. А. Неймарк ; Дипломатическая академия МИД России. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2023. — 509 с.

ISBN 978-5-394-05286-6.

В книге исследуются новейшие тенденции в развитии мирополитических процессов. Наиболее острая и значимая международная проблематика вписана в масштабный контекст кардинальных изменений в современном мироустройстве. Анализируются особенности интернационализации украинского кризиса. Показаны возрастание роли России в формировании международной повестки дня, укрепление ее геополитического статуса. В книге отражены авторские точки зрения на международные проблемы современности.

Издание предназначено для широкого круга специалистов, занимающихся международно-политической проблематикой, для преподавателей, аспирантов и студентов профильных вузов и факультетов.

ISBN 978-5-394-05286-6 © Коллектив авторов, 2023, с изменениями
© Дипломатическая академия МИД России,
2023, с изменениями
© ООО «ИТК «Дашков и К°», 2023,
с изменениями

АВТОРСКИЙ КОЛЛЕКТИВ

БОРИСОВ Алексей Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

ДАНЕЛЬЯН Андрей Андреевич — доктор юридических наук, проректор по учебной работе Дипломатической академии МИД России, заведующий кафедрой международного права Дипломатической академии МИД России.

ДАНИЛОВ Дмитрий Александрович — кандидат экономических наук, заведующий Отделом европейской безопасности Института Европы РАН, профессор Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России.

ЕФИМОВ Евгений Сергеевич — кандидат политических наук, руководитель группы Управления проектов в области образования и социальной сфере Дирекции государственных проектов международной медиагруппы “Россия сегодня”.

ЖИЛЬЦОВ Сергей Сергеевич — доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

ИВАНОВ Олег Петрович — доктор политических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России.

КАРПОВИЧ Олег Геннадьевич — доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор, проректор по научной работе Дипломатической академии МИД России.

КОНЫШЕВ Валерий Николаевич — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

КОПЫЛОВ Александр Валентинович — доктор политических наук, профессор кафедры военно-гуманитарных наук Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил РФ.

НЕЙМАРК Марк Афроимович — доктор исторических наук, профессор кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

ПАШЕНЦЕВ Евгений Николаевич — доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института актуальных международных проблем Дипломатической академии МИД России.

РУДНИЦКИЙ Артем Юрьевич — доктор исторических наук, профессор кафедры международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России.

СЕРГУНИН Александр Анатольевич — доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета.

СОЛОВЬЕВ Эдуард Геннадьевич — кандидат политических наук, заведующий сектором Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН.

СУРМА Иван Викторович — кандидат экономических наук, заведующий кафедрой государственного управления во внешнеполитической деятельности Дипломатической академии МИД России.

ТИМАКОВА Ольга Александровна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России.

ТРОЯНСКИЙ Михаил Григорьевич — кандидат исторических наук, проректор по вопросам повышения квалификации и профессиональной переподготовки Дипломатической академии МИД России, чрезвычайный и полномочный посланник 1-го класса.

ШТОЛЬ Владимир Владимирович — доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России, главный редактор научно-аналитического журнала “Обозреватель — Observer”.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1 <i>Неймарк М. А.</i> Макросистемные трансформации мирового порядка: новые реалии и перспективы	7
Глава 2 <i>Соловьев Э. Г.</i> Современные международные отношения — тренд идеологизированного реализма	26
Глава 3 <i>Штоль В. В.</i> Россия на пути к новому глобальному проекту	43
Глава 4 <i>Карпович О. Г., Троянский М. Г.</i> Украинский кризис через призму современных глобальных изменений	99
Глава 5 <i>Жильцов С. С.</i> Стратегия Запада на постсоветском пространстве	118
Глава 6 <i>Жильцов С. С.</i> Политика Запада в отношении Украины	154
Глава 7 <i>Иванов О. П., Копылов А. В.</i> Военно-политические концепции США в условиях трансформации международных отношений	169
Глава 8 <i>Данилов Д. А.</i> Трансатлантические балансы: от Трампа к Байдену	197
Глава 9 <i>Тимакова О. А.</i> Средиземноморье в глобальной стратегии НАТО	223

Глава 10	
<i>Неймарк М. А.</i>	
Евросоюз: метаморфозы «стратегической автономии»255
Глава 11	
<i>Сурма И. В.</i>	
Киберугрозы и стратегии кибербезопасности	
в меняющемся мире266
Глава 12	
<i>Жильцов С. С.</i>	
Глобальное энергетическое соперничество:	
новые вызовы и перспективы321
Глава 13	
<i>Коньшев В. Н., Сергунин А. А.</i>	
Современное миротворчество ООН и политика России346
Глава 14	
<i>Борисов А. В.</i>	
Гуманитарная деятельность в расколотом мире:	
от помощи к системе383
Глава 15	
<i>Пашенцев Е. Н.</i>	
Информационно-психологическое противоборство	
в современной Латинской Америке416
Глава 16	
<i>Данельян А. А.</i>	
Международно-правовые аспекты обеспечения	
безопасности геномных исследований447
Глава 17	
<i>Рудницкий А. Ю.</i>	
«Исторический ревизионизм» в мировой политике467
Глава 18	
<i>Ефимов Е. С.</i>	
Медиаинструменты внешней политики	
Российской Федерации486

Глава 1. МАКРОСИСТЕМНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОВОГО ПОРЯДКА: НОВЫЕ РЕАЛИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

М. А. Неймарк

Геополитическая и военно-стратегическая обстановка в мире претерпевает беспрецедентные после Карибского кризиса 1962 г. изменения. Международные отношения и мировая политика находятся в острой фазе глобального мегакризиса, многие проявления которого имеют все признаки долгосрочно-системного. Система контроля над вооружениями разрушена. Диалог США — Россия по стратегической стабильности прекратился.

Привычный контекст развития мирополитических процессов кардинально изменился практически по всем геополитическим параметрам. Их отличительная особенность — глубина и всеохватная масштабность.

В условиях кризисных макросистемных трансформаций мирового порядка само развитие мирополитических процессов — нелинейных по определению — с их противоречиями, сложностями и неожиданностями чрезвычайно актуализирует проблемы, связанные с непредвиденными рисками для глобальной стратегической безопасности. Мощным ускорителем трансформационных потрясений в мировой политике стала совокупность трех кризисов: западноцентричной либеральной модели, пандемического ковидного кризиса и интернационализации кризисного развития ситуации на Украине.

Выступая 27 октября 2022 г. на итоговой пленарной сессии XIX заседания Международного дискуссионного клуба “Валдай”, тема которой — “Мир после гегемонии: справедливость и безопасность для всех”, Президент России В. В. Путин особо подчеркнул, что исторический период безраздельного доминирования Запада в мировых делах завершается, уходит в прошлое однополярный мир: “Мы стоим на историческом рубеже, впереди, наверное, самое опасное, непредсказуемое и вместе с тем важное десятилетие со времен окончания Второй мировой войны. Запад не способен единолично управлять человечеством, но отчаянно пытается

это делать, а большинство народов мира уже не хочет с этим мириться. В этом и есть главное противоречие новой эпохи”¹.

Нарастающая неопределенность в международных делах, углубляющая стратегическую нестабильность, — насыщенная питательная среда для воспроизводства старых и появления новых остропроблемных узлов глобальной политики, которые препятствуют поискам взаимоприемлемой модели грядущего мирового порядка. Тревожной реальностью стали неустойчивость и хаотизация мировой экономической системы. Все более отчетливым становится знаковый переход от конкуренции к острой борьбе ведущих западных держав и глобальных корпораций за жизненно важные ресурсы.

Прежняя конфликтогенность, приглушаемая (разумеется, относительно) расчетливо-конъюнктурно, резко перешла в стадию жесткого противоборства, чреватого нарастанием взаимозависимых рисков — экономических, политических, военных. Геополитические претензии США на монопольную гегемонию в мире, убежденность в собственной исключительности вызывают все больший критический настрой даже в европейских странах-союзниках. Возведенные в отработанную систему действия США ставят целью подменить международное право американскими “правилами”. Редакционная статья “Независимой газеты”, уделяющей большое внимание международной проблематике, аналитически точно расставляет все геополитические точки над “i”: либеральный порядок, констатируется в ней, на все больших мировых пространствах превращался в авторитарно-джихадистско-террористический хаос: Афганистан, Ирак, Сирия, Ливан, Ливия, Йемен, Шри Ланка, Мьянма. Да и в самих США годы президентства Трампа и Байдена выявили фундаментальный отказ от таких ценностей, как свобода слова, свобода информации, презумпция невиновности, честная политическая борьба. И как итог — прогностический вывод в отношении перспектив мирового порядка, с которым нельзя не согласиться: “Конец истории по Фукуяме откладывается на неопределенный срок в связи с неспособностью США поддерживать конкурентоспособность и лидерство на прин-

¹ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России. 27.10.2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения: 01.11.2022).

циях либеральной экономики и невмешательства государства в определение победителя. А распространять идею, противоречащую собственной практике, больше не представляется возможным. Так что нам предстоит быть участниками безжалостной борьбы за новый мировой порядок вместо “порядка, основанного на правилах”¹.

Либеральная ценностно-ориентированная модель мироустройства с ее устоявшимися опорными блоками претерпевает глубинные изменения. Ее кризис явился катализатором ранее обозначившихся тенденций: подвижки и сдвиги накапливались годами, предпосылки к ним вызревали постепенно, исподволь, и потому не сразу обобщались в оценочную формулу, которая бы адекватно отражала степень сущностного переформатирования мирового порядка.

Содержательное наполнение либеральной модели миропорядка — это многие плотно сопряженные компоненты. Но есть базовые основания, на которые она опирается: международно-политическое, экономическое и военное. За всеми — нескрываемое стремление США к доминированию в мире. Либеральная модель — это проект интернационализированных западных политических элит, исходно встроенный в процесс глобализации и ставший ее неотъемлемой частью. Стратегическую особенность либерального подхода определяет внедрение за пределами своей государственной юрисдикции западных ценностей, трактуемых как сугубо универсальные для всех стран. Доктрина “либеральной интервенции” под предлогом соблюдения западных стандартов демократии и прав человека на практике оборачивается либо прямым вмешательством во внутренние дела государств, либо — в более мягком варианте — завуалированной попыткой их контролировать. Основополагающий экономический принцип либеральной модели миропорядка, зафиксированный в целях и задачах Бреттон-Вудских институций — МВФ, Всемирного банка и ВТО, — открытые и прозрачные конкурентные рынки с минимальным вмешательством правительств.

Именно совокупность этих и других либеральных идей, и практик оказалась в эпицентре кризиса.

¹ Совсем не конец истории. О фатальных просчетах политики США после холодной войны // Независимая газета. 2022. 19 июля. URL: https://www.ng.ru/editorial/2022-07-19/2_8490_editorial.html (дата обращения: 11.07.2022).

Ситуацию усугубила геополитическая одновременность в 2016 г. двух мало кем ожидаемых событий — победы на референдуме сторонников выхода Великобритании из Евросоюза и прихода к власти в США Д. Трампа. Остроту кризиса в полной мере отражает жесткая констатация, вынесенная в заголовок статьи известных американских политологов-международников Дж. Колгана и Р. Кеохейна “Либеральный порядок прогнил”. По их словам, Великобритания и США, которые внесли наибольший вклад в формирование либерального порядка, “фактически отвернулись от него”: Брекзит стал символом восстановления британского суверенитета; Трамп провел националистическую по тону и содержанию избирательную кампанию. Феномены Трампа и Брекзит отражают крах общественного договора, лежащего в основе либеральной демократии. Предостерегая от недооценки многими экспертами угрозы, который “данный политический сдвиг представляет для либерального порядка”, авторы заключают: “Пришло время признать реальность и приступить к политике, которая поможет спасти либеральный порядок, пока не стало слишком поздно”. Если изменений не произойдет, заключают они, то “глобальный либеральный порядок умрет”¹.

Период внятных, более или менее упорядоченных конкурентных взаимодействий в мире заканчивается. Появляются новые геополитические смыслы, выскальзывающие из матрицы привычных представлений. В докладе “Оценка здоровья либерального международного порядка”, подготовленном компанией “РЭНД Корпорейшн” для обсуждения на Мюнхенской конференции по безопасности (2018 г.), зафиксировано “угасание либерального международного порядка”, которое ранее происходило медленно, а “теперь ускорилось под воздействием новых факторов и может быстро привести к его коллапсу”². События в мире, ускоренно наслаиваясь друг на друга, все более усложняются, непредвиденность их, казалось бы, неочевидных переплетений и взаимовлияний образует новые проблемные поля мировой политики, усугубляя кризис либеральной модели мироустройства. Потенциал ее

¹ Colgan J. D., Keohane R. O. The Liberal Order is Rigged. Fix It Now or Watch It Wither // Foreign Affairs. 2017. Vol. 96, No. 3. P. 37, 44.

² Measuring the Health of the Liberal International Order // RAND Corporation. 2017. P. 171. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR1994.html (accessed: 11.07.2022).

саморегулирования в целом уже исчерпан, как, впрочем, и нынешние инерционно-адаптационные попытки частичной модернизации и паллиативной санации ее отдельных компонентов.

“Сегодня мировой порядок сталкивается с самыми серьезными вызовами за несколько поколений”, — констатирует Дж. Най, долгое время входивший в рейтинговую десятку наиболее влиятельных в США интеллектуалов в области международных отношений. “Сможет ли он устоять и сохраниться? — задается вопросом аналитик, рассматривая его под углом зрения перспектив либеральной модели. — Мифология, которой оброс миропорядок, искусственно раздута. Вашингтон в целом предпочитал демократию и открытость, но нередко поддерживал диктаторов или совершал циничные своекорыстные шаги”¹. В том же ключе высказывается директор Королевского института международных отношений (Чатем-Хаус) Р. Ниблетт, по словам которого сторонники либерального мирового порядка давно демонстрируют непоследовательность в смысле приверженности его принципам. “Соединенные штаты и их союзники, возможно, в целом обеспечивают уважение к власти закона и либеральному правлению в пределах своих границ, но главная внешнеполитическая цель — защищать безопасность и экономические интересы Запада, даже если их действия на международной арене подрывают доверие к либеральной системе международных отношений”².

Резкое ослабление функциональной эффективности этой модели все более явственно обозначает точку геополитической бифуркации, за которой с неизбежностью следует нарастание неопределенности в глобальном политическом пространстве. И это уже не очередная циклическая трансформация в мировой политике, а ее переломный переход в иное, пока еще непредсказуемо сколько-нибудь точно состояние. Сегодня это уже не отдельные кризисные тенденции и проявления, а всеобъемлющая совокупность кризисов, интернационализация которых стала знаковой приметой международной жизни: локально-страновых, региональных, субрегиональных, транснациональных, глобально-международных. Консен-

¹ *Nye J. S. Jr. Will the Liberal Order Survive? // Foreign Affairs. 2017. Vol. 96, No. 1. P. 11–12.*

² *Niblett R. Liberalism in Retreat // Foreign Affairs. 2017. Vol. 96, No. 1. P. 21–22.*

сусный вектор внешнеполитических взаимодействий размывается все чаще. В условиях кризиса либеральной модели мироустройства достижение сбалансированных позиций на международных площадках разного уровня становится все более трудоемким, затяжным процессом и все чаще — менее предсказуемым.

С кризисом либеральной модели миропорядка в значительной степени связано обострение идеологической борьбы, которая вновь, как и в пиковые периоды холодной войны, стала конфронтационной приметой современного мирового развития. Виртуальные псевдорéalности нередко навязывают новые или модифицируют прежние идеологизированные интерпретации правил игры, которые способствуют искусственному нагнетанию международной напряженности.

Структурирующей матрицей международно-политических отношений вновь становится, как это уже бывало в XX веке, идеологическое противоборство в его модифицированных и инновационных формах, используемых коллективным Западом во главе с США с учетом растущей роли России в мировом сообществе. Их актуальность акцентируется в свете конфронтационной тональности Стратегии национальной безопасности США¹. Утвержденная ранее Национальная оборонная стратегия Соединенных Штатов, сохраняет в полном объеме план развития ЕвроПРО. Изменению баланса сил в свою пользу на долгосрочную перспективу подчинено намерение США создать, помимо двух стратегических районов ПРО на Аляске и в Калифорнии, так называемый третий позиционный район ПРО в Европе, что закольцовывает ее глобальную систему в мире. Конкретно предусматривается размещение элементов ПРО в Польше и Румынии, радара в Турции и создание базы оснащенных системой Aegis американских кораблей в Испании.

Новой фундаментальной особенностью мировых процессов стала усиливающаяся полицентричность, которая размывает основы либеральной модели мироустройства. Происходит рассредоточение мирового потенциала сил и развития. Меняется не только география смещения центров силы, но и сама геометрия двусторонних и многосторонних альянсов. К складывающимся

¹ National Security Strategy 2017 of the United States of America. The White House, Washington DC. P. 2. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (accessed: 11.07.2022).

геополитическим треугольникам добавляются новые конфигурации; растущее многообразие этих и других потенциальных форматов, внутри которых сосуществуют взаимовыгодные интересы и одновременно конкурирующие притязания участвующих в них стран, — новая особенность межгосударственных отношений. По прогнозным оценкам, США придется, не впадая в неоизоляционизм, приспособливаться к реалиям полицентричного и взаимозависимого мира, в котором силовой произвол подобен бросанию камней в стеклянном доме. Как самый сильный участник такого мироустройства они могут играть очень важную роль, действуя в рамках международного права и легитимных институтов. Но любые претензии на гегемонию и “право силы” встретят саботаж союзников и отпор других глобальных и региональных держав¹. Более или менее устоявшийся баланс геополитических сдержек и противовесов нарушен, похоже, окончательно. Рассчитывать на то, что сработает, хотя и не в близком будущем, маятниковый механизм инерционно-возвратного хода, явно не приходится.

Кризис либеральной модели миропорядка, размывание ареала возможностей коллективного Запада во главе с США доминировать в мировой политике становится все более очевидным фактом, подтверждая тем самым действенность и перспективную множественность моделей развития государств. На *геополитической* избранности США, “исключительности американской нации” настаивает само руководство Штатов. И это при том, что в Глобальном прогнозе национального Совета по разведке США утверждается, что к 2030 г. ни одна страна, будь то США, Китай или любая другая, не сможет выступить в роли гегемона. Авторы аналитического документа исходят из того, что “эпоха доминирования США в международной политике, начавшаяся в 1945 г., подходит к своему концу” и скорее всего через два десятилетия они останутся “первыми среди равных” в числе великих держав².

В основе американского культового мессианства лежит исходная макроисторическая идея о глобальной роли США в разви-

¹ Арбатов А. Крушение миропорядка // Россия в глобальной политике. 2017. 8 дек. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Krushenie-miroporjadka-19205> (дата обращения: 11.07.2022).

² Глобальные тенденции 2030: альтернативные миры // Публикация Национального совета по разведке США. NIC 2012-001. С. 8, 15.

тии мироустройства по тем стандартам, которые определяют сами США. Распад СССР и кардинальное изменение глобальной международной ситуации отнюдь не ослабили давнее стремление США американизировать системообразующие функции регулирования структурных характеристик, форм и параметров политического мироустройства. В целом сохранились прежние ценностно-идеологические принципы внешнеполитического поведения США.

Концептуальный стержень внешнеполитической стратегии США — убежденность в том, что принципы проводимой ее руководством внутренней политики являются самоочевидно универсальными и их применение во все времена благотворно. Этот догмат настолько укоренился в американском мышлении, не без иронии констатирует Г. Киссинджер, что предполагает “правительства, которые не придерживаются таких принципов, не вполне легитимны”. Он объясняет, что в упрек им ставится то, что в отличие от Америки почти каждый президент которой настойчиво заявлял о ее приоритетной приверженности универсальным принципам, “прочие страны преследуют *лишь* (?) национальные интересы”¹ (выделено мною. — М. Н.).

Известный американский политик Дж. Фулбрайт, возглавлявший сенатский комитет по иностранным делам, с его гигантским опытом участия в разработке внешнеполитической стратегии США при пяти (!) президентах — Рузвельта, Трумэна, Эйзенхауэра, Кеннеди и Джонсона, — полвека назад опубликовал книгу, символичное название которой — “Самонадеянность силы” — как нельзя точнее характеризует сущность нынешних действий США на мировой арене. Во главе угла его умозаключений — злободневная максима английского философа и историка XIX века лорда Эктонна: “Сила развращает”. В контексте критического осмысления внешней политики США он поставил под сомнение, во-первых, тезис о том, что государство может достичь длительного и прочного величия, ведя внешнюю политику с позиции силы. Во-вторых, он, по сути, как бы предвосхитил беспрецедентное, пожалуй, влияние внутренней политики в период трампизма на американскую внешнеполитическую стратегию. Это отчетливо следует из его утверждения, что только нация, живущая в мире сама с собой,

¹ Киссинджер Г. Мировой порядок. М.: Изд-во АСТ, 2016. 360 с.

со своими неудачами и достижениями, способна к великодушно-му пониманию других. В-третьих, это вывод, сформулированный как будто сегодня, с учетом нынешних геополитических реалий, который суммирует его болезненно-тревожные размышления по поводу американской гегемонии в мире: “Преобладающая часть человечества не хочет быть покорным слугой американской империи и требует теперь независимости и уважения к себе”¹.

Мессианские устремления политической элиты США в значительной степени определяют ее стратегическое видение вызовов и угроз современного мира, перспектив развития международных отношений, не говоря уже о внешнеполитических действиях руководства страны, совершаемых без какой-либо оглядки на институционализацию международной среды. З. Бжезинский высказался на этот счет со всей определенностью: “Теперь распространение демократии становится нашей целью, нашей миссией, пусть даже *это приходится делать силой*”² (выделено мною. — М. Н.). Конкретизируя свою оценку, он заявил: “И хотя результаты демократического миссионерства в целом не так уж плохи, у него есть свои недостатки — и в том, что ширма демократизации используется как предлог для достижения иных целей, как в Ираке, и в том, что *нам случалось существенно отступить от своей универсальной приверженности демократии, когда нам это было удобно*”³ (выделено мною. — М. Н.).

И в наши дни на геополитической избранности США, “исключительности” американской нации настаивают сами руководители страны. Так, раскрывая цели и задачи создания Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства, предыдущий президент Б. Обама прямо заявил: “Америка должна писать правила и принимать решения. Прочие страны должны играть по правилам, которые устанавливает Америка и наши партнеры, и никак иначе”⁴. Такой же подход лежит в основе политики последующих президентов США.

¹ Фулбрайт Дж. Самонадеянность силы. М.: Международные отношения, 1967. 256 с.

² Бжезинский З., Скоукрофт Б. Америка и мир. Беседы о будущем американской внешней политики. М., 2012. С. 251.

³ Там же. С. 253.

⁴ The Washington Post. 2016. 03.05.

США все более активно и целенаправленно использует в своих тактических и стратегических целях санкции. Их новизна относительна: совершенствуются лишь методы, технологии и формы проявления. Суть и исходные целевые установки неизменны.

О том, сколь важное внешнеполитическое значение придается руководством США санкционным вопросам, свидетельствует тот факт, что в 2013 г. в Государственном департаменте создали специализированную структуру, призванную координировать санкционные режимы США: до этого управление ими было рассредоточено по различным министерствам и ведомствам.

В последние годы санкционное давление США на Россию усиливалось по нарастающей. Введение Западом во главе с США международных экономических санкций против России происходит без мандата ООН; базовые принципы и условия членства в ВТО попросту игнорируются.

Особый интерес в условиях санкционного давления на нашу страну представляет весьма откровенная оценка целевой направленности санкций причастного в течение многих лет к выработке американских внешнеполитических решений Дж. Ная: “Общим для всех санкций является манипулирование экономическими операциями в политических целях”¹. И далее еще жестче: “Главной целью санкций является изменение поведения, сдерживание и смена режима в другой стране”².

В высшей степени симптоматично совпадение этой точки зрения с выводами Чеза Фримена, высокопоставленного в прошлом американского дипломата, ныне аналитика-международника в Институте мировой и публичной политики им. Уотсона в Университете Брауна, который также откровенно охарактеризовал исходную цель американских санкций: принудить к покорности страну, против которой они вводятся. Причем, подчеркивает он, после введения они становятся “не средством, а целью”. Поэтому, заключает он, их успех определяется тем, “сколько неприятностей и лишений мы сумели доставить противнику”. И далее не менее откровенно: “Мы вводим санкции как символ нашего недовольства и чтобы дать нашим политикам ощутить себя крутыми

¹ *Най Дж. С.* Будущее власти. Как стратегия умной силы меняет XXI век. М.: АСТ, 2014. 448 с.

² Там же.

ребятами, хотя в действительности эти действия могут быть безответственными и никчемными”¹.

Сами особенности санкционной доктрины США определяют уровень и качество американо-российских межгосударственных отношений, в значительной степени определяя вектор развития мирополитических процессов в целом. Это наглядно проявилось в ходе событий на Украине, интернационализации украинского кризиса и подготовки санкций против России. Сенсационным по своей необычной откровенности стало заявление государственно-го секретаря США Дж. Керри еще в 2015 г.: “Нам и так непросто убеждать Европу давить на Россию из-за Украины”².

В результате возрастания жестко выраженной реидеологизации международных отношений, вызванной обострением ценностных, политических и социально-экономических противоречий, нестабильностью мировой политической и экономической системы, повышается геополитическая значимость фактора силы. Возрастание роли силового компонента в мировой политике, развертывание новых видов вооружений создают угрозу стратегической стабильности и глобальной безопасности, способствуя тем самым эскалации кризисов в мире.

Нельзя не заметить, что все больше конкретных подтверждений получает оценочно-прогнозная логика анализа перспектив грядущего миропорядка, особенности которого “не укладываются” в привычные представления симметричного или даже ассиметричного выстраивания в нем наиболее значимых геополитических акторов. Имеется в виду, что консолидация Запада в условиях интернационализации украинского кризиса совсем не обязательно приведет к возрождению классической биполярности по оси “Запад — не-Запад”, так как многие страны глобального Юга (Индия, Бразилия, Нигерия, Саудовская Аравия и другие) пока совсем не готовы позиционировать себя в составе противостоящего Западу не-Запада. Потенциальное сплочение “не-Запада” вокруг Китая или России — дело явно не самой ближайшей перспективы.

¹ Фримен Ч. Дипломатия — утраченное искусство? // Россия в глобальной политике. 2015. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Diplomatiya--utrachennoe-iskusstvo-17744> (дата обращения: 11.07.2022).

² Цит. по: Комсомольская правда. 2015. 19 авг.

В международной среде, условно обозначаемой как “асимметричная биполярность”, объединенному Западу будет противостоять в разных формах и с разной степенью последовательности лишь часть незападного мира, притом что остальная его часть попытается в максимальной степени остаться в стороне от противостояния¹.

Пандемия COVID-19, вызвавшая глобальный шок в глобальной политике, стала форс-мажорным связующим звеном в осмыслении новых тенденций в развитии геополитических и геоэкономических процессов. Возникли непредвиденные риски и вызовы мировому развитию. Коронавирусный кризис создал “новую нормальность” или, точнее, “новую ненормальность”, в которой оказались страны независимо от их геополитического статуса и места в международной иерархии.

Пандемия Covid-19 не только спрессовала в единый проблемный узел накопленные в предшествующий период наиболее острые противоречия и разнонаправленные тенденции мирового развития, но и обозначила в нем новые точки отсчета в оценке тесной взаимосвязи и взаимообусловленности мирополитических, макроэкономических и социально-гуманитарных процессов в глобальном пространстве.

В четко обозначенном геополитическом ключе осмысливает коронавирусный кризис ректор Дипломатической академии МИД России А. В. Яковенко. “Пандемия, отчасти “замутив воду” и заставив “сменить тему разговора” в глобальной политике, — отмечает он, — стала мощным катализатором всех процессов, запущенных окончанием холодной войны и распадом СССР. Задержавшись на старте в силу того, что продолжалась инерция политики и практики холодной войны со стороны западных элит, эти процессы оказались трансформативно заряженными на финальном участке своего развития. Мы наблюдаем их эндшпиль, и пандемия, подобно “богу из машины” древнегреческих трагедий, приводит к ускоренной развязке комплексной ситуации, напоминающей гордиев узел”².

¹ См. *Кортунов А. В.* Асимметричная биполярность // РСМД. 2022. 7 июля. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/asimmetrichnaya-bipolyarnost> (дата обращения: 11.07.2022).

² *Яковенко А. В.* Мир на пороге перемен: пандемия как катализатор. СПб. : СПбГУП, 2020. С. 7.

Пандемия выявила слабость ресурсного, адаптационного и мобилизационного потенциала международных институтов¹. Многие из них (например, ООН, МВФ, ВТО, ВОЗ), выполняющие не только функции поддержания глобальной безопасности в гуманитарной, финансово-экономической или медико-эпидемиологической сферах, но и обеспечения реального межгосударственного политического диалога, демонстрируют довольно низкую способность к изменению и адаптации к новым условиям глобальной нестабильности, низкую эффективность в поддержании межгосударственной кооперации и противостоянии новым глобальным вызовам. “В итоге весь мир находится сейчас в переходном состоянии, чреватом различными потрясениями и кризисами, в своего рода фазе “интерлюдии”, когда прежняя модель мирового порядка и его институты функционируют все менее эффективно, а мотивации и импульсы к активному формированию новой модели и новых институтов еще не “вызрели”, не сформировались, не стали для политических сообществ императивом выживания в новых условиях”².

Примечательно, что оценки степени влияния на геополитику, а точнее — геополитических последствий коронавирусного кризиса, варьируются в самом широком диапазоне: от максимально конкретизированных представлений до самых широких прогнозных обобщений. Так, в анализе В. А. Никонова систематизированы 42 (!) геополитических последствия пандемического кризиса для человечества³. Выделим наиболее важные из них, имеющие

¹ О том, что именно от государства и национальных правительств граждане ждут спасения от коронавирусной пандемии, см., напр.: *Алексеев Е.* Последствия “короны”: “nuda vita” и “чрезвычайная власть” современного государства // РСМД. 2020. 17 апр. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/posledstviya-korony-nuda-vita-i-chrezvychaynaya-vlast-sovremennogo-gosudarstva> (дата обращения: 11.07.2022).

² *Лапкин В. В., Пантин В. И.* Глобальная политико-институциональная динамика в условиях дестабилизации миропорядка (на примере стран ЕС и России) // Полис. Политические исследования. 2020. № 4. С. 59–60.

³ *Никонов В. А.* Геополитика и антропология коронавируса: 42 последствия для человечества // Официальный сайт Вячеслава Никонова. 2020. 6 июл. URL: <https://v-nikonov.ru/favorites/194750> (дата обращения: 18.06.2022).

непосредственное отношение к стержневым проблемам нашего исследования:

- мировая система становится более фрагментированной;
- деглобализация. Пандемия ускорила уже шедшие процессы возвращения в собственную государственную скорлупу;
- растущая несостоятельность наднациональных структур;
- дальнейшее проседание сверхдержавного статуса Соединенных Штатов;
- кризисные процессы в интегрированной Европе и проседание Запада в целом;
- век Азии наступит раньше, чем многие думали, если уже не наступил;
- трансатлантическая солидарность оказалась под вопросом;
- стремление США и Запада усидеть наверху будет стимулировать политику подавления альтернативных центров силы, одним из которых, безусловно, является Россия;
- укрепление государств и государственности, возрастание значимости государственного суверенитета и суверенность государств;
- хорошо организованные и сплоченные общества проявили себя гораздо лучше, чем атомизированные.

“Вакцинная дипломатия” издавна была эффективным инструментом гуманитарного влияния государств в мире. Изобретение вакцин для борьбы с оспой, еще в конце XVIII века, холерой, полиомиелитом, лихорадкой Эбола и другими болезнями повышает престиж, авторитет и международную репутацию государств, в которых велись эти научные разработки. Коронавирусная пандемия вызвала к жизни “вакцинную дипломатию 2.0”, которая теряет свое классическое толкование и значение, становясь политизированной и даже ангажированной. На Западе происходит некая перезагрузка смыслов: “Уход от вакцины как элемента гуманитарной помощи к вакцине как способу манипуляции общественным мнением, инструменту “мягкой силы”, рычагу воздействия на международные организации и государства”¹.

¹ Табаринцева-Романова К. Дипломатия вакцины 2.0 // РСМД. 2020. 10 дек. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/riacdigest/diplomatiya-vaktsiny-2-0/> (дата обращения: 18.06.2022).

Директор Французского института международных отношений Т. Гомар выделяет в пандемической ситуации две характерные особенности. Первая — несоответствие масштаба принимаемых мер числу жертв (по сравнению с прежними демографическими кризисами). Вторая — контраст между материальностью санитарных средств, необходимых для победы над эпидемией (больничные койки, маски, тесты и др.), и нематериальностью задействованных для ее преодоления средств политических (развитие коммуникаций, медиасреды, цифровых решений и прочее). “Кризис вписывается в контекст интеллектуального сотрудничества, соперничества и противостояния, иначе говоря — мобилизации, ориентирования и контроля умов, и конечной целью является насаждение определенных моделей управления и поведения”. В этом видится прямой отсыл к “мягкой силе” в ее кризисно актуализированном формате, в котором Т. Гомар отмечает кардинальное изменение: “Речь идет не столько о внедрении “общественных ценностей” на Востоке, сколько о распространении “азиатских ценностей” на Западе, где они прививаются с помощью новейших технологий”. Первопричину этого изменения он видит в том, что на протяжении последних тридцати лет “западный модернизм вызвал отторжение и подталкивал к утверждению собственной идентичности у многих незападных стран”¹.

Примечательно, что по мере преодоления пандемического шока представления о вызванном им мощном воздействии на формирование нового мирового порядка становятся менее категоричными, менее радикальными. Прежде всего это относится к комплексу проблем, связанных с глобализацией. Ускорение разнонаправленных процессов в глобализированном пространстве оценивается сегодня в самом широком диапазоне терминологических обозначений, таких как антиглобализм, деглобализация, ложный универсализм, контртенденции в развитии глобализации и т. д. Другие оценочные позиции прогностически сводятся к переформатированию глобализации, неоглобализму и даже (явно с размахистой поспешностью) к постглобализации.

¹ Гомар Т. Covid-19, или конец эпохи цифровой невинности // Россия в глобальной политике. 2020. 9 нояб. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/konecz-epohi-czifrovaj-nevinnosti> (дата обращения: 01.06.2022).

Пандемия выразительно подчеркнула противоречие, связанное с обозначившимися ранее центробежными тенденциями в развитии глобализации: кризис глобальный, а противодействия ему — локальные, преимущественно в централизованных рамках “государство — нация”. Коронавирусный кризис подвел черту под эпохой неолиберальной минимизации роли национального государства. Отвергнута нарастающая в течение многих лет убежденность в неизбежности эрозии и даже исчерпанности функциональных возможностей государства. Обратный геополитический дрейф к “государству — нации” означает новое как хорошо забытое старое.

Преодоление травматического шока от коронавирусной пандемии вынужденно увязывается с поиском защиты непосредственно у государства, так как реальные возможности международных организаций для эффективного противодействия ей оказались суженными до малозначимых показателей. В условиях масштабной дезориентации неолиберального истеблишмента к государству возвращается роль централизованного регулятора. Угроза катастрофической депрессии понуждает его мыслить глобальными кризисными категориями, но ускоренно действовать в суверенных институциональных рамках. Из этого следует, что пандемия стала финализирующим фактором кризиса неолиберальной модели миропорядка, фактически одномоментно, в концентрированном виде выявив новые и подтвердив проявившиеся ранее ее структурные и функциональные изъяны. Это, конечно же, отразится на формировании параметров нового мироустройства: неизбежны межгосударственные конфликты, чреватые усилением глобальных дисбалансов.

Важнейшая составная часть современного мегакризиса — интернационализация украинского кризиса, которая контрастно, со всей очевидностью обнажила суть геополитического противостояния России и НАТО, практически вплотную приблизившейся к российским границам. В дополнение к существующим воинским контингентам Альянс создает четыре новые боевые группы на его восточном фланге в Болгарии, Румынии, Венгрии и Словакии. Еще более укрупненными и резко обозначенными стали различия в концептуальных и практико-политических подходах России

и коллективного Запада во главе с США по ключевым вопросам мировой экономики и политики, европейской и глобальной безопасности. Отнюдь не единичные эксперты-международники, как в России, так и за рубежом, стали рассматривать Украину как едва ли не самую глубокую геополитическую трясиину в современном мире. Тесное сопряжение внутренних противоречий и конфликтов и стремление западных, и прежде всего американских правящих кругов, превратить ее в форпост противоборства с Россией создали базовые предпосылки для использования ими сугубо конфронтационной модели в отношении с ней и соответственно для усиления в свою пользу дисбаланса в структуре стратегической безопасности. Создавая тем самым конфликтную зону геополитического отчуждения и маргинализации России.

Отсюда — неразрывная связь антироссийских санкций, беспрецедентный размах которых стал знаковой реальностью, с русофобскими тенденциями и проявлениями в западных странах. Причем санкционное давление на Россию, особенно со стороны США, осуществляется без какой-либо оглядки на институционализацию международной среды.

Интернационализация кризиса на Украине с еще большей наглядностью, чем раньше, контрастно обнажила глубинную суть и корневые особенности русофобии, линии ее преемственности и развития. Демонизация России в западном мире вышла на новый, беспрецедентный уровень. Окно возможностей для равноправного и равноценного диалога сузилось, образно говоря, до скрипучей форточки. В основе конфликтогенной активности США лежит стратегия сдерживания России. “Отрубить собаке хвост по самую шею” — такова, если использовать китайскую пословицу, ее базовая целевая установка.

Не будем упрощать: русофобия — феномен системный, т. е. ценностный, мировоззренческий, политический, экономический, социокультурный. Русофобию нельзя понимать иначе как системную антитезу геополитической значимости России. Здесь важно различать два пласта проблемы: мелкие, сугубо внешние пропагандистские проявления ее демонизации, рассчитанные скорее на внутреннее потребление в западных странах, на массовое сознание, давно убеждаемое к ее восприятию как неизбежного зла,

и опорные блоки русофобии, ее базовые компоненты, свойства и черты, характерные для глобально западной антироссийской рефлексии и совокупных практических действий. В цепочке “незнание — полужнание — вторично-частичное знание”, подпитываемое жестким отторжением западных массмедиа всего того, что связано с Россией, все звенья в совокупности их специфики способствуют сохранению и воспроизводству русофобских настроений и проявлений. В своем невежестве расписался даже генсек НАТО Й. Столтенберг (если только он сознательно не пошел на прямой обман мировой общественности), публично, под камеры, заявивший, будто Североатлантический альянс появился в ответ на создание Организации Варшавского договора, хотя в действительности все обстояло прямо наоборот.

В осмыслении наиболее острых проблемных узлов русофобии все большее геополитическое значение приобретает один из важнейших компонентов “мягкой силы” — управление прошлым как инструмент формирования новой реальности. Фантасмагорический в контексте известного романа Джорджа Оруэлла “1984” лозунг “Кто управляет настоящим, тот управляет прошлым” трансформируется сегодня в реальную глобальную антироссийскую установку, ориентирующую на размывание / уничтожение исторической памяти народов, переписывание истории в политических целях.

Новая тенденция — новояз откровенно антироссийских жестов в верхних эшелонах дипломатии отнюдь не единичных западных стран. Так, в ярком, красноречиво многозначительном образе предстала перед мировой общественностью экс-глава британской дипломатии Лиз Трасс, восседавшая на танке в бронезилете в воинственной позе в знак солидарности с Украиной в Эстонии рядом с российской границей. Пульсирующие на протяжении даже не десятилетий, а многих веков, страхи Запада перед Россией сохраняются надолго, это очевидно. Неизбывны, похоже, и фантомные боли русофобии.

Предельно жесткие ограничительные меры и санкции, используемые Западом фактически как альтернатива традиционной дипломатии, нарушают и все больше вытесняют давно сложившиеся в международных отношениях правила и кодексы. Рас-

ширение антироссийских санкций впервые сопровождается реализацией американской инициативы о введении так называемых вторичных санкций, направленных против стран, выступающих против экономического давления Запада на Россию и потенциально готовых помогать ей обходить эти санкции. Распутывать перетянутые узлы отношений России и Запада становится занятием все менее реалистичным.

Растущая интернационализация украинского кризиса минимизирует качество отношений России и Запада, которые оказались сегодня близки к точке невозврата. Не будет оценочным преувеличением утверждать, что на карту поставлено не только будущее суверенной России, но и оптимистичные варианты построения нового мирового порядка. На наших глазах возникает новая геополитическая реальность, уплотненная характеристика которой — переломный момент в мировой политике и международных отношениях. Меняется сам ход мировой истории. Начался радикальный разворот внешнеполитической стратегии России. Формируется новая система сдержек и противовесов. Эффективность внешнеполитической стратегии России во многом будет зависеть от того, как, какими способами и механизмами она сможет найти действенный противовес тесно взаимосвязанным и пересекающимся структурам координации антироссийских действий коллективного Запада во главе с США. Затянувшаяся негативная динамика кризисных отношений США и совокупного Запада с Россией теперь уже инерционно воспроизводит предпосылки для размывания оптимистических перспектив формирования нового мирового порядка на взаимоприемлемых основах конструктивного стратегического взаимодействия.

Растущая неопределенность этих перспектив становится долгосрочным фактором мировой политики и международных отношений. Отрицание отрицания становится ведущей тенденцией мирового развития.

Глава 2. СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ – ТРЕНД ИДЕОЛОГИЗИРОВАННОГО РЕАЛИЗМА

Э. Г. Соловьев

Глобализация, начатая индустриально развитыми странами Запада в собственных интересах, постепенно создала условия для экономического и технологического прорывов развивающихся стран и особенно так называемых быстрорастущих стран-гигантов (Китая, Индии, России, Бразилии, ЮАР и др.). Уже к 2015 г. стало очевидно, что вопреки афористичному утверждению Ф. Фукуямы история “возвращается”, происходит постепенная эрозия западного доминирования, сдвиг “богатства и влияния” на Восток, рост новых центров силы.

Существуют серьезная научная и политическая проблемы. За последние 100 лет были предприняты две попытки сделать анархичные (в гоббсианском смысле, т. е. хаотичные и не предполагающие наличия верховной власти, верховного арбитра, способного принудить основных акторов к соблюдению правил) международные отношения более управляемыми и предсказуемыми.

Первая попытка была осуществлена в 1920–30-х гг. и ознаменовалась усилиями, нацеленными на создание системы коллективной безопасности. Эта система была основана на механизмах международного права и международных институтах (создание Лиги Наций). Но между развитыми странами Запада сохранялись конкурентные отношения. Попытка потерпела неудачу в результате силовой ревизии Версальско-Вашингтонской системы международных отношений в ходе Второй мировой войны.

Вторая попытка была предпринята в гораздо более благоприятных для Запада условиях. Имеются в виду практически полное единство Запада (политическое, идеологическое, экономическое (в рамках процессов глобализации экономики)), ощущение победы в холодной войне и распространение настроений “либерального триумфализма” — т. е. ожиданий повсеместного распространения либеральной демократии (вплоть до Ирака

и Афганистана) и либеральных подходов к интерпретации международных проблем. При этом доминирование стран Запада в складывавшейся системе международных отношений казалось абсолютным (в экономическом, политическом, военном, информационном и т. д. отношениях).

С завершением холодной войны в общественно-политическом дискурсе стран Запада была актуализирована проблематика “конца истории” и “конца идеологий”. Во всяком случае утверждалось (как аксиома, не требующая доказательств), что внешняя политика утрачивает идеологическое измерение. Однако в реальности под деидеологизацией международных отношений зачастую понималось лишь исчезновение одного из идеологических полюсов. Но при этом идеологическая заряженность оставшегося полюса, его нацеленность в том числе на проведение ценностно-мотивированной политики практически сбрасывались исследователями со счетов. Однако идеологическая составляющая оказалась глубоко интегрирована в формировавшийся “новый” мировой порядок и играла в нем, пожалуй, еще более важную роль, нежели в эпоху холодной войны. Само доминирование стран Запада в складывавшейся системе международных отношений легитимировалось во многом посредством идеологического инструментария.

Демократия западного типа рассматривалась как универсальная историческая вершина политической эволюции, а исходя из постулата, согласно которому демократии не воюют, — еще и основой международной безопасности и предпосылкой устойчивого развития. Однополярность миропорядка рассматривалась как безусловное благо, поскольку позволяла надеяться на преодоление гоббсианского состояния анархичности международной среды. Западные страны (выступающие в качестве единственного центра силы глобального масштаба) приобретали роль, изоморфную роли шерифа или полицейского, и получали возможность эффективного контроля за поведением иных участников системы международных отношений за счет внедрения единых норм, ценностей, правил поведения и принуждения иных акторов к их исполнению.

В рамках четко проявившего себя к началу XXI века “униполярного момента” страны Запада, как и сто, и двести лет назад, пытались играть роль авангарда, проецирующего (в том числе

принудительно) свои ценности и институты (рынок, права человека, демократию) на другие общества, которые (пусть и в различной степени) готовы были оказать этому сопротивление и которые, как ни парадоксально, отстаивают ныне совокупность институтов и норм, навязанных им Западом ранее (суверенитет, территориальная целостность, дипломатия как основная форма взаимодействия на международной арене и т. д.)¹. Неудивительно, что именно в этот период (на рубеже XX–XXI веков) получили широкое распространение многочисленные концепции так называемого “наступательного” либерализма, предполагавшие возможность активного (в том числе с помощью применения силы ведущими мировыми державами) продвижения демократических институтов и ценностей, смены режимов по всему миру как главного условия обеспечения мира и всеобщей безопасности, а либерализм как идеология и либеральная теория международных отношений оказались на пике влияния к рубежу XX–XXI веков. Активно продвигаемую США либеральную модель (Вашингтонский консенсус), включающую свободную рыночную экономику и развитие демократических институтов, другие государства мира принимали прежде всего потому, что и политические элиты, и широкая общественность в соответствующих странах считали ее наиболее эффективной. Глобализация, понимаемая прежде всего как вестернизация, как воздействие стран Запада на трансформирующиеся политические сообщества и экономики стран третьего мира, получила широкое, почти общемировое признание.

В ходе дебатов по теории международных отношений постулировалось позитивное влияние на международные отношения ситуации формирующейся однополярности (“однополярного момента” (*unipolar moment*)) и преобладающего либерального консенсуса. Анархичная по определению (гоббсианская) международная среда противопоставлялась все более упорядоченным отношениям в рамках формирующегося либерального униполя, где роль верховного арбитра в формировании и утверждении правил игры, равно как и в обеспечении их соблюдения, должны были играть США

¹ См. об этом: *Buzan B. From international to World Society? English school theory and the social structure of globalization. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 237.*

и страны Запада. Новый мировой порядок базировался на совершенно определенной и универсальной по своим притязаниям либеральной идеологической платформе¹. В контексте торжества либеральной идеологической парадигмы утверждалось как аксиома, что либерализация необходима для обеспечения всеобщего мира и безопасности. Экономическая взаимозависимость и международные институты являются “альтернативными” либеральными стратегиями, направленными на смягчение политики государств, создание более мирной и кооперативной международной среды. Глобализация и все более плотные сети коммуникации и транснационального обмена информацией приводят к усилению спроса на международные организации и новые формы регулирования. Из этого вытекало, что в условиях глобальной взаимозависимости участники мировой политики неизбежно будут пользоваться либеральными нормами и политическим инструментарием, независимо от того, признают ли они их либеральное идеологическое основание.

В конечном счете международные институты и режимы необходимы для того, чтобы решать все более сложные дилеммы коллективного действия, которые появляются в глобализированном мире. Либеральный мировой порядок достаточно прочен и способен абсорбировать новые страны. Как отмечал Дж. Айкенберри, по мере развития таких быстрорастущих стран, как Китай, у них появляется необходимость защищать все больше “активов”, что постепенно приводит к большей интеграции в существующий глобальный либеральный мировой порядок и купирует тенденции развития “ревизионистской” внешней политики.

С точки зрения сторонников либеральных подходов, попытки изменить мировой порядок возможны. Однако в рамках сложившейся системы международных отношений и господствующих структур политического дискурса они будут “ограничены и упорядочены способами, исключающими проведение каких-либо аналогий с прошлым”. Как правило, выделяются три фактора: “1) происходит постепенное смещение, а не смена центров власти; 2) развязывание крупномасштабной войны между веду-

¹ См. об этом: *Ikenberry J. Liberal Leviathan: The Origins, Crisis and Transformation of the American World Order. Princeton: Princeton University Press, 2011.*

щими державами исключено, поскольку такое столкновение не может служить эффективным средством изменения системы; 3) многочисленные международные организации создают для стран, претендующих на расширение своего влияния, невиданные ранее преграды”¹. Совокупность всех этих факторов ограничивает возможности государств, недовольных существующей расстановкой сил, изменить сложившуюся систему и является препятствием для попыток изменения существующего миропорядка. Плотное переплетение устоявшихся правил и институтов поддерживает сохранение существующего статус-кво. Эта мысль подкрепляется результатами научных исследований и была резюмирована знаменитым высказыванием Дж. Айкенберри о присутствии институциональных систем “эффекте блокировки” (или эффекте “колеи”), обеспечивающем сопротивление изменениям. Эти факторы активно используются теми, кто нацелен на сохранение статус-кво (практически сформировавшегося однополярного либерального мирового порядка) и создают почти непреодолимые проблемы потенциальным ревизионистам.

Однако ситуация в мире стала заметно изменяться уже в начале 2000-х гг. и особенно явно в период глобального финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг. На фоне крайне унилатералистской и явно опирающейся на жесткую силу политики администрации Дж. Буша-мл., вторжений в Афганистан и особенно в Ирак, либеральный максимализм стал понемногу утрачивать позиции. “Войнами по выбору” США существенно подрывали собственный авторитет и влияние в мире. Причем в некоторых отношениях, по-видимому, безвозвратно. Прокламированное ими ничем неограниченное право на вмешательство в дела других государств ослабило доверие к американской политике. “Необязательные” (так называемые войны по выбору) и дестабилизирующие по своим последствиям вторжения в Афганистан, Ирак, Ливию подрывали веру в их силу и, главное, в способность к эффективному глобальному лидерству. Военное превосходство оказа-

¹ См. об этом: *Уолфорт У.* Возвращение реальной политики // Россия в глобальной политике. 2015. Июль — август. URL: <http://www.globalaffairs.ru/number/Vozvraschenie-realnoi-politiki-17636> (дата обращения: 14.05.2022).

лось иллюзорным, поскольку выяснилось, что с помощью военной силы (точнее — исключительно с опорой на военную мощь) невозможно разрешать проблемы современного мира. Ну а финансовый кризис 2008–2009 гг. радикально подорвал представление о том, что США обладают безусловной компетентностью и непререкаемым авторитетом в финансово-экономических вопросах. Произошла делегитимизация однополярного мира на фоне объективного роста тенденций полицентричности.

Присущий современному либерализму прагматизм трансформировался в подобие экономического детерминизма, когда внешняя политика стала восприниматься как технический механизм по обслуживанию ближайших экономических интересов национальных или транснациональных бизнес-элит. Все другие интересы (от сохранения национальной культуры до защиты национальной безопасности) объявлялись досадными рудиментами ушедшей эпохи. Сформулированные и принятые странами Запада правила не подлежали обсуждению. При этом увлечение едиными нормами и правилами не исключало правового релятивизма, когда базовые нормы международного права (суверенитет, невмешательство во внутренние дела других государств, отказ от использования военной силы и пр.) стали применяться выборочно (идея политического “шведского стола”), в зависимости от текущих политических потребностей и конкретных ситуаций. За правовым последовал и моральный релятивизм, проявившийся, например, в готовности разграничить “плохой” и “хороший” терроризм в зависимости от соображений политической конъюнктуры.

О кризисе либерализма свидетельствует и окончание “четвертой волны” демократизации, так и не утвердившей господства либеральных ценностей ни в Восточной Азии, ни тем более на Ближнем Востоке, и прогрессирующее, вопреки ожиданиям, снижение управляемости мировой системы.

Можно спорить о том, когда именно начался закат “эпохи либерализма”, — в период кризиса 2008–2010 гг. или существенно позже, в 2016 г., когда “черные лебеди”, вопреки предсказаниям аналитиков, буквально закружились на небосклоне мировой политики (Брекзит и особенно победа на выборах в США Д. Трампа). Едва обосновавшись в Белом доме, Трамп открыто провозгла-

сил, что США собираются сосредоточиться на своих интересах и больше не хотят в одиночку нести бремя глобальных обязательств¹. Осознание того, что Соединенные Штаты должны все-таки заниматься внутренними проблемами, не могут быть везде и не способны на все, стало явственно проявляться в политике Вашингтона еще при Б. Обаме. При этом, однако, Обама компенсировал фактическое ограничение активности, явный отход от унилатерализма во внешней политике усилением риторики относительно американской “исключительности”. Трамп же открыто декларировал, что США собираются сосредоточиться на своих интересах и больше не хотят в одиночку нести бремя глобальных обязательств. Победа Д. Трампа на президентских выборах в США — вне зависимости от его дальнейшей личной политической судьбы — с высокой вероятностью придала дополнительное ускорение деидеологизации мировой политики. Она показательна в том смысле, что импульсы к деидеологизации системы приходят уже не извне — с действиями коварных “китайских коммунистов”, неумолимых российских “ревизионистов” либеральных правил игры, эксцентричных авторитарных лидеров и кровавых диктаторов или исламистов, — а изнутри.

Судя по всему, пик влияния либеральной идеологии пройден. Значительное число исследователей заговорило в последнее время о возникновении тенденций полицентричности в современной мировой политике². Глобальный баланс сил изменяется буквально на наших глазах. Финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. подстегнул процессы перераспределения влияния и способствовал росту потенциала ряда незападных центров силы (Китай, Индия, Бразилия, Россия), наглядно продемонстрировал неспособность узкого круга западных стран, ответственных за глобальное регулирование на протяжении последних десятилетий (а в более широком смысле — и всего XX века), осуществлять эффективное глобальное управление, справляться с вызовами эпохи.

¹ Donald Trump: ‘Brexit will be a great thing ... you were so smart’. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/brexit-will-be-a-great-thing-you-were-so-smart-to-get-out-09gp9z357> (дата обращения: 14.05.2022).

² См. об этом: Россия в полицентричном мире : монография / под ред. А. А. Дынкина, Н. И. Ивановой. М. : Весь мир, 2011. С. 11–68, 157–162.

В давнем споре научных школ реализма и идеализма в политике о том, что важнее — “мощь” государств или “бумага” как некий набор кодексов и правил поведения, — решающее слово до последнего времени оставалось в анархичной международной среде за силой (совокупной мощью — *power*). Очередная (отнюдь не первая) попытка преодолеть анархичность среды в глобальном масштабе в начале XXI века не увенчалась успехом. Единственным регионом мира, где либеральный мировой порядок с соответствующим набором норм и ценностей утвердился практически в полной мере, стала объединенная Европа. Но возможность воспроизведения европейского опыта в иных исторических и цивилизационных контекстах вызывает определенные сомнения. Да и трудности, которые испытывает проект европейской интеграции в последнее время, отнюдь не увеличивают число его сторонников.

В условиях турбулентности, неизбежно возникающей в силу нарастающего давления ревизионистских держав (в Стратегии национальной безопасности (декабрь 2017 г.) и Национальной оборонной стратегии (2018 г.) ими официально признаны КНР и Россия¹) и сопротивления прежних безоговорочных лидеров мировой системы, а также в контексте неопределенности, размытости господствующих в мировой политике норм и правил, возвращение к реализму (пусть и на несколько обновленной теоретической основе) представляется весьма вероятным исходом. В историческом плане это в каком-то смысле возвращение к “нормальности”, а с учетом реальностей XXI века — к “новой нормальности”.

Ведущие центры силы начинают использовать идеологию в международных отношениях все более инструментально. КНР акцентирует уже не столько идеи марксизма с “китайской спецификой”, сколько новую версию “китайской мечты”, включающую

¹ См. Стратегию национальной безопасности США 2017 и Национальную оборонную стратегию 2018: National Security Strategy of the United States of America. Washington, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> (дата обращения: 14.05.2022); National Defence Strategy of the United States of America. URL: <https://www.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2018-National-Defense-Strategy-Summary.pdf> (дата обращения: 14.05.2022).

идею гармоничного соразвития мира при лидирующей роли Китая. Россия, конечно, поддерживает внутри и вне страны традиционные консервативные ценности, но явно не собирается положить их в основание своей внешней политики, которая остается весьма прагматичной и реалистичной. США при Трампе стали откровенно антилиберальными и от политики продвижения общих ценностей и правил перешли к переносу акцента на возвращение “величия Америки”, на силу, на максимально выгодные для страны сделки с самыми разными партнерами.

Приход к власти в США Дж. Байдена, как представляется многими аналитиками, особенно на Западе, якобы означал возвращение к либеральным истокам. Укреплению этих настроений способствовали и установочные выступления по внешней политике США Дж. Байдена. Однако сразу после прихода к власти Дж. Байден и представители его администрации довольно четко определили приоритеты. Уже в речи перед американскими дипломатами в Государственном департаменте, в выступлении на Мюнхенской конференции, докладе на виртуальном саммите G7 и др. Байден четко расставил акценты по поводу места США в современном мире и обозначил противников на ближайшую и среднесрочную перспективу¹. Основной упор был сделан на восстановлении “традиционных альянсов Америки” и на тезисе о “возвращении” США в мировую политику в качестве безусловного лидера (а не на либеральных ценностях). Характерно, что идея глобального “союза демократий”, активно продвигавшаяся на протяжении всего первого года президентства Дж. Байдена, постепенно отошла на второй план. А основной акцент стал делаться на системном противостоянии КНР и недопущении “ревизионистских” действий со стороны России.

¹ См. об этом: Remarks by President Biden on America’s Place in the World // The White House. 2021. February 04. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world> (дата обращения: 03.06.2022); Remarks by President Biden at the 2021 Virtual Munich Security Conference // The White House. 2021. February 19. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/19/remarks-by-president-biden-at-the-2021-virtual-munich-security-conference> (дата обращения: 06.06.2022).

Уже в марте 2021 г. Белый дом опубликовал Промежуточное руководство по национальной безопасности¹, описывавшее его основные приоритеты в терминах противостояния ревизионистским державам. Китай был обозначен как основной растущий конкурент США и стран Запада. Российская Федерация была описана в терминах, скорее, “падающей державы”, но при этом — в качестве второго (после КНР) крупного соперника США, и характеризовалась как стремящаяся к усилению своего влияния и подрыву существующих порядков страна, т. е. в первую очередь не как напрямую конкурирующая с Соединенными Штатами за мировое лидерство, но как некая дестабилизирующая сила. Трудно оспорить наличие в программных установках администрации Дж. Байдена элементов идеологизации внешнеполитического курса, активной эксплуатации риторики времен “распространения демократий” и “либерального консенсуса”. Однако очевидно, что ключевые цели и интересы США определены во вполне реалистичном ключе.

Носителями глубоко идеологизированного, “ценностного подхода” к мировой политике остаются прежде всего две очень разные политические силы — ряд стран ЕС и сама брюссельская евробюрократия, с одной стороны, и политические маргиналы и радикалы (вроде ИГИЛ), с другой. Понятно, что характеристики исповедуемых ими идеологий и мотивы их идеологичности разнятся. ИГИЛ использует идеологию исламизма для разрушения до основания существующей системы международных отношений и построения в перспективе глобального халифата (это такой идеологизированный альтер-глобализм, альтернативная версия глобализма, которая даже в рамках исламской цивилизации выглядит утопично и почти карикатурно). А страны ЕС (прежде всего Германия) наоборот акцентируют созидательную силу глобального либерального консенсуса, поскольку именно в его рамках и посредством универсальных норм и правил европейцы (немцы, в первую очередь) могут проявить свои наиболее сильные сторо-

¹ Interim National Security Strategic Guidance // The White House. 2021. March 03. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2021/03/03/interim-national-security-strategic-guidance> (дата обращения: 06.06.2022).

ны, связанные с влиянием посредством “мягкой силы”, включая распространение ценностей, а также с помощью экономических рычагов. Однополярный мир, в рамках которого страны ЕС выступали частью господствующего полюса силы, но при этом минимизировали свои издержки на поддержание своей лидирующей роли, почти полностью переложив их бремя на США, вполне устраивал европейские элиты. Отсюда стойкая приверженность, например, немецкой элиты “ценностному” подходу к мировой политике, вполне рациональная в своей основе.

Возникающий мировой порядок довольно трудно сравнивать с историческими примерами мироустройства, поскольку очевидный рост конкуренции государств в самых разных формах и проявлениях — экономической, информационной, военной, геополитической — сочетается с углубляющейся взаимозависимостью основных участников, что во многом лишает смысла прямые параллели с “большой игрой” XIX века, преддверием Первой мировой войны или тем более эпохой “холодной войны”. Помимо глубокой взаимозависимости основных субъектов политики новый полицентричный мировой порядок XXI века обладает рядом других важных особенностей.

Такая **полицентричность асимметрична**. Асимметрия обусловлена подавляющим превосходством Соединенных Штатов, либо их уверенным лидерством в целом ряде областей. Прежде всего, имеются в виду неоспоримая военная мощь и способность ее проекции в глобальном масштабе, доминирование в финансовой и экономической сферах (особенно в сфере инноваций), культурное доминирование и несопоставимые с другими участниками международных отношений возможности в информационной сфере, благосостояние и технологическая инновационность¹. Ряд авторов утверждает даже, что США по-прежнему остаются “в особом классе”, и никто не может бросить им вызов в обозримом будущем². В работах конца 1990-х гг. С. Хантингтон и Ч. Краут-

¹ *Ikenberry J.* The Illusion of Geopolitics. The Enduring Power of the Liberal Order // Foreign Affairs. 2014. Vol. 93 (3). P. 80–90.

² *Brooks S., Wohlforth W.* The Rise and Fall of the Great Powers in the Twenty-First Century. China’s Rise and the Fate of America’s Global Position // International Security. 2015/2016. Vol. 40 (3). P. 7–53.

хаммер ввели в оборот понятие *uni-multipolar world order* (у нас переводится как “полутораполярный” миропорядок), в рамках которого роль США уникальна и неоспорима, но наряду с Соединенными Штатами существует еще несколько крупных и влиятельных держав (*minor powers*)¹. Однако на сегодняшний день эта конструкция явно устарела, поскольку наряду с США совершенно особое положение в последние годы занимает и КНР, динамично нарастающая экономическую мощь и свой военный потенциал. Это позволяет ряду авторов все чаще вести речь уже чуть ли не о возвращении биполярной модели с двумя очевидно преобладающими центрами силы.

Миропорядок перестает быть европоцентристским. Глобализация как объективный процесс, вопреки изначальным намерениям глобализаторов, создала условия для экономического и технологического прорывов развивающихся стран и особенно так называемых быстрорастущих стран-гигантов (прежде всего Китая и Индии). Принципиальная новизна формирующегося полицентричного миропорядка — в наборе претендентов на лидерство в формирующейся системе. Впервые за последние столетия в их числе нет европейских стран (кроме России ЕС демонстрирует все признаки зависимости от США).

Финансово-экономический кризис 2008–2010 гг. подстегнул процессы перераспределения влияния и способствовал росту потенциала ряда незападных центров силы (Китая, Индии, Бразилии, России), у каждого из которых определенно проявились свои сильные стороны и растущее региональное и глобальное влияние. Но главное: кризис наглядно продемонстрировал неспособность узкого круга западных стран, ответственных за глобальное регулирование на протяжении последних десятилетий (а в более широком смысле — и всего XX века), осуществлять эффективное глобальное управление, справляться с вызовами эпохи. Возникла острая потребность в расширении круга стран, участвующих в принятии ключевых решений. Это стало побудительным мотивом

¹*Hantington S.* The Lonely Superpower // Foreign Affairs. 1999. Vol. 78 (2). P. 35–49; *Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment Revisited // The National Interest. 2002/2003. Winter. P. 5–17. URL: <https://nationalinterest.org/article/the-unipolar-moment-revisited-391> (дата обращения: 13.06.2022).

вом для возникновения и развития новых институтов глобально и регионального регулирования (таких как Группа 20, ШОС, БРИКС и др.).

В международных отношениях нормативное закрепление определенного порядка, режимов, норм или правил поведения субъектов по-прежнему является отражением фактического соотношения сил сторон. Под силой понимается совокупная мощь отдельных субъектов международных отношений — экономическая, демографическая, информационная, культурная, военная — и способность ее применить против своих оппонентов. Изменение баланса сил в глобальном или региональном масштабе с неизбежностью влечет за собой попытки пересмотра норм и правил поведения на мировой арене. В давнем споре научных школ реализма и идеализма в политике о том, что важнее — “мощь” государств или некий набор кодексов и правил поведения, — решающее слово до последнего времени оставалось в анархичной международной среде за силой в самом широком толковании этого понятия (военная, экономическая мощь, “мягкая сила”). Единственный регион мира, где либеральный мировой порядок с соответствующим набором норм и ценностей утвердился в полной мере, стала объединенная Европа. Но Европа выступает, скорее, исключением из общего правила, нежели провозвестником новой тенденции.

Китай с его стремительным экономическим ростом формирует серьезный вызов для США. Наши западные коллеги предпочитают оперировать оценками ВВП по среднегодовому курсу валют к доллару США (привычная для них картина ранжирования стран по объему ВВП по курсу валют по отношению к доллару США представлена в табл. 1). Хотя показатели ВВП, рассчитанные по паритету покупательной способности (ППС), еще более выпукло демонстрируют эту тенденцию (табл. 2).

Тут важны не только цифры, но и динамика перемен, а также то, как складывающаяся ситуация с распределением совокупной мощи о богатства воспринимается и интерпретируется на Западе. Несмотря на попытки самых маститых американских авторов выстроить некую неконфронтационную модель взаимодействия с Китаем, пока это все остается на уровне *wishful thinking* —

Таблица 1

ВВП по среднегодовым курсам национальных валют к доллару США

	Страна	ВВП 2020, млрд долл.	ВВП 2006, млрд долл.
1	США	20 894	13 202
2	КНР	14 867	2626
3	Япония	5045	4366
4	Германия	3843	2897
5	Великобритания	2710	2395
6	Индия	2660	911
7	Франция	2624	2248
8	Италия	1885	1851
9	Канада	1644	1269
10	Южная Корея	1638	888
11	Россия	1479	985
12	Бразилия	1445	1068
13	Австралия	1359	898
14	Испания	1280	1224
15	Мексика	1074	840

Источники: Основные показатели развития мировой экономики в 2020 г. // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность : ежегодник. Вып. 2021 г. / под ред. В. Г. Барановского, Э. Г. Соловьева. Москва : Идея-Пресс, 2022 ; Таблицы мирового развития // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность : ежегодник. Вып. 2007 г. / сост. Г. И. Мачавариани на основе баз данных: The World Bank Group “World Development Indicators”; International Monetary Fund “World Economic Outlook”, “International Financial Statistics”. Москва : Наука, 2007.

Таблица 2

ВВП крупнейших экономик мира в 2006, 2014 (год, когда Китай опередил США) и 2020 г. по паритету покупательной способности

	Страна	ВВП по ППС 2020 г., млрд долл.	ВВП по ППС 2014 г., млрд долл.	ВВП по ППС 2006 г., млрд долл.
1	КНР	24 191	18 031	10 048
2	США	20 894	17 419	13 202
3	Индия	8975	7393	4247
4	Япония	5312	4631	4131

	Страна	ВВП по ППС 2020 г., млрд долл.	ВВП по ППС 2014 г., млрд долл.	ВВП по ППС 2006 г., млрд долл.
5	Германия	4537	3690	2616
6	Россия	4100	3745	1705
7	Бразилия	3153	3264	1708
8	Франция	3017	2572	2039
9	Великобритания	2962	2525	2112
10	Италия	2461	2132	1795

Источники: Основные показатели развития мировой экономики в 2020 г. // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность : ежегодник. Вып. 2021 г. / под ред. В. Г. Барановского, Э. Г. Соловьева. Москва : Идея-Пресс, 2022 ; Основные показатели развития мировой экономики в 2014 г. // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность : ежегодник. Вып. 2015 г. Москва : Идея-Пресс, 2015 ; Таблицы мирового развития // Год планеты. Экономика. Политика. Безопасность : ежегодник. Вып. 2007 г. / сост. Г. И. Мачавариани на основе баз данных: The World Bank Group “World Development Indicators”; International Monetary Fund “World Economic Outlook”, “International Financial Statistics”. Москва : Наука, 2007.

желательных, но трудновыполнимых на практике сценариев¹. Как метко подметил в свое время известный американский политолог Роберт Гилпин, “состояние умов и политики определяет не статистическое распределение мощи, а динамика трансформации”². Правящие круги США воспринимают складывающуюся ситуацию и ускоренный рост других держав (КНР в первую очередь) как угрозу собственному глобальному доминированию. В том числе и потому, что в целом экспертные и политические круги на протяжении десятилетий озабочены проблемой “равной силы” (*peer power*), способной бросить вызов Соединенным Штатам. И поэтому официальный Вашингтон вне зависимости от того, какая имен-

¹ Бжезинский З. Стратегический взгляд. Америка и глобальный кризис. М. : Астрель, 2012; Киссинджер Г. Мировой порядок. М. : Изд-во АСТ, 2015; Киссинджер Г. О Китае. М. : Астрель, 2013; Allison G. Destined for War. Can America and China Escape Thucydides’s Trap? Melbourne, London : Scribe, 2017.

² Gilpin R. G. War and Change in World Politics. Cambridge : Cambridge University Press, 1981. P. 93.

но политическая сила преобладает на Капитолийском холме и кто именно занимает кресло в Овальном кабинете президента США, придерживается логики сдерживания роста потенциальной ревизионистской державы и/или претендента на мировое лидерство. Варианты сдерживания могут быть разными, но в целом они очевидно выходят за рамки либерально-глобалистских рецептов рубежа XX–XXI веков.

Либеральный проект в духе Фукуямы пытался подменить реальную гетерогенность (многообразие) гомогенностью по своему образу и подобию. Эта претензия опиралась прежде всего на западную экономическую и военно-политическую гегемонию, а во все не на силу убеждения и либеральные ценности и была в основе своей предельно рациональной¹.

На смену практиковавшейся в 1990–2000-х гг. “либеральной” гегемонии с президентством Д. Трампа пришла попытка выстроить “нелиберальную” гегемонию, новую *grand strategy*, что, однако, превращает США, как выразился даже один из “неоконов” Роберт Каган, в *rogue superpower* (сверхдержаву-изгой)². У администрации Трампа нормативная либерально-демократическая риторика окончательно деградирует до уровня риторического фасада, оправдания американского силового господства.

При Байдене мы наблюдаем некое возрождение идеологического стержня американской внешней политики. Демократы традиционно проявляют большую склонность к эксплуатации привычных идеологических нарративов. Но в конечном счете речь идет об идейно-политической упаковке понятной по содержанию идеологической повестки. Байден продвигает на международной арене своего рода “идеологизированный реализм”, где идеологическая компонента очевидно обслуживает реальные интересы находящегося у власти сегмента американской элиты и их собственное понимание интересов США. Это и понятно. В зарождающемся

¹ *Posen B. R.* The Rise of Illiberal Hegemony: Trump’s Surprising Grand Strategy // Foreign Affairs. 2018. Vol. 97 (2). P. 20–27; *Russell Mead W.* The Return of Geopolitics. The Revenge of the Revisionist Powers // Foreign Affairs. 2014. Vol. 93 (3). P. 69–79.

² *Kagan R.* The Jungle Grows Back: America and Our Imperiled World. New York : Penguin, Random House, 2018.

новом полицентричном миропорядке отношения становятся более конкурентными. Роль военной силы в соревновании ведущих мировых держав остается весьма значительной — наряду с экономической мощью и способностью обществ и экономик ведущих держав к опережающему инновационному и научно-технологическому развитию. В контексте происходящих изменений в системе международных отношений можно констатировать, что мировая политика вступила в турбулентную пост-однополярную эпоху, одной из основных черт которой станет возвращение к политическому реализму как интеллектуальной доминанте в интерпретации событий и принятии решений в динамичной и гораздо более неопределенной, чем в последние десятилетия, международной среде.

Глава 3. РОССИЯ НА ПУТИ К НОВОМУ ГЛОБАЛЬНОМУ ПРОЕКТУ

В. В. Штоль

Настало время обнажить меч.
Н. М. Карамзин. История государства Российского

Исторические корни современного противостояния

В течение весьма длительного времени после распада СССР Запад считал, что он достиг многого: ликвидировал своего основного конкурента на мировой арене, развалив его военно-промышленный потенциал и получив доступ к природным ресурсам; разрушил духовную основу общества, строящуюся на многонациональном и многоконфессиональном сотрудничестве народов страны; перевербовал почти всех его союзников в Европе, Азии, Африке и Южной Америке.

Но западные аналитики пропустили момент перелома в построении не только части политической элиты, но и населения, которое в своём большинстве курс младореформаторов на развал страны и подчинения её Западу никогда не принимало. Общество прозрело и поняло, куда его ведут либералы в политике, экономике и культуре.

В Мюнхенской речи В. В. Путина (2007) был дан анализ однополярному миру, а также места и роли России в нём как равноправного члена мирового сообщества, придерживающегося принципа “всеобщей и неделимой безопасности”. Президент России напомнил участникам конференции по безопасности слова генерального секретаря НАТО Манфреда Вернера (17 мая 1990 г.), который заявил: “Сам факт того, что мы готовы не размещать войска НАТО за пределами территории Федеративной Республики, даёт Советскому Союзу твёрдые гарантии безопасности”¹.

Прошло 32 года, и где соблюдение этих гарантий?

¹ https://nato.int/docu/speech/1990/s900517a_e.htm (дата обращения: 17.06.2022).

Ещё несколько месяцев тому назад экспертное сообщество и политики обсуждали основные факторы международной конфликтности, которые могли привести к кризису. Это:

— с одной стороны, отрицание Соединёнными Штатами наличия у России особых интересов на постсоветском пространстве и желание сохранить там своё влияние, а с другой — абсолютная неприемлемость для Москвы вмешательства Вашингтона во внутренние дела постсоветских стран;

— неприемлемость для России в принципе дальнейшего расширения НАТО и приближения её военной инфраструктуры к российским границам;

— принципиальное расхождение во взглядах России, КНР и США по вопросам миропорядка, на каких основах должны строиться отношения как между государствами, так и между другими акторами международных отношений;

— противостояние России и США в военно-технической сфере, обладающих потенциалом, способным как уничтожить друг друга, так и причинить неприемлемый ущерб, а также эффективно противостоять друг другу во всех сферах и по всему миру;

— упорное стремление США подорвать экономический потенциал России, разрушая её международные торгово-экономические связи, в том числе за счёт введения антироссийских санкций, которые, согласно международному праву, не являются легитимными¹;

— наличие значительного числа региональных и внутрорегиональных конфликтов низкой интенсивности (“замороженные конфликты”), каждый из которых может достаточно быстро приобрести высокую военную динамику. Для России это — Украина, Нагорный Карабах, Приднестровье;

— противостояние Китая и США в Индо-Тихоокеанском регионе с учётом возросшего военно-технологического потенциала Китая.

15 декабря 2021 г. российский МИД передал американской стороне проекты договора между Россией и США о гарантиях безопасности и соглашения о мерах обеспечения безопасности России

¹ Кехлер Х. Санкции и международное право // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2019. Т. 14, № 3. С. 27–47.

и государств — членов НАТО. В документе говорится, что Соединённые Штаты не должны создавать военные базы на территориях постсоветских стран, не входящих в НАТО, и не должны использовать их инфраструктуру для ведения любой военной деятельности, а также развивать с ними двустороннее военное сотрудничество. Согласно документу, это касается Украины и других государств Восточной Европы, Закавказья и Центральной Азии.

Таким образом, Россия чётко обозначила свою позицию по проблеме “всеобщей и неделимой безопасности”, принятой в своё время европейскими странами и США, предлагая коллективному Западу, и прежде всего Штатам, дать конкретный ответ. В ответе альянса говорится, что он не собирается что-либо обсуждать, считая, что в Вашингтонском договоре (1949 г.) всё чётко сказано, а вот американская администрация вроде бы была готова к переговорам по каким-то частным, хотя и важным для международной безопасности вопросам, но совершенно неактуальным для России с точки зрения её национальной безопасности.

Позицию России поддержал Китай с учётом ситуации не только в Европе, но и прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Что могло произойти в международных отношениях?

Первое. Запад в лице Вашингтона мог бы найти решение по “красным линиям”, обозначенным в российском документе (хотя надежды на это было очень мало).

В этом случае большая часть стран мирового сообщества, при желании хотя бы гипотетически, сможет выйти из-под диктата США, которые всегда навязывали миру так называемые демократические ценности. Тогда государства и их народы смогут жить в соответствии с нормами международного права, а ООН будет в полной мере соответствовать тем идеям, которые декларировались при её создании.

Второе. Из-за нежелания Вашингтона и Брюсселя принимать во внимание позицию Москвы разрешение кризиса дипломатическим путём не будет найдено. Тогда со стороны России будут применены военно-технические меры.

Коллективный Запад пренебрёг интересами Москвы. Именно поэтому 24 февраля 2022 г. Россия начала специальную военную операцию (СВО). И как показали дальнейшие события, на целую

неделю опередила Украину, которая была готова в начале марта начать наступление на Донбассе.

Совершенно очевидно, что США заинтересованы в локальном военном конфликте на границе с Россией. Как считают в Вашингтоне, это поможет, с одной стороны, уйти американцам от конкретных внешнеполитических решений, а с другой — он будет полезен и для внутреннего использования, так как в случае успеха должен положительно сказаться на имидже президента Дж. Байдена и Демократической партии. Как заявил президент США, американские вооружённые силы не будут непосредственно участвовать в конфликте, но усилят своё военное присутствие на территории стран альянса (Польша, Эстония, Латвия, Литва, Румыния, Болгария) и обеспечат страну — провокатора конфликта — оружием (в этом заинтересован ВПК США). Американские инструкторы будут проводить обучение военнослужащих украинских вооружённых сил, и, конечно, будут задействованы американские частные военные компании.

На роль провокатора конфликта идеально подходила Украина, которую за 30 лет “незалежности” Запад не без помощи украинской элиты превратил в анти-Россию. То, что в разжигании антироссийской пропаганды большая роль принадлежит странам Прибалтики, у которых первые президенты в 1990-е гг. были гражданами США, и Польше¹, общеизвестно. Но стоит обратить внимание и на позицию Лондона, не только безоговорочно поддержавшего Киев, но и постоянно его подталкивающего к активизации и расширению военных действий.

Надо отметить, что Британская империя даже во времена своей безграничной власти в мире (XIX век) всегда считала Российскую империю геополитическим противником и на Дальнем Востоке, и в Центральной Азии, и в Закавказье, и на Балканах. И наше сотрудничество с англичанами всегда сопровождалось антироссийскими интригами. Именно Британия сумела своими действиями по большому счёту спровоцировать Первую и Вторую мировые войны. Фактическое поражение во Второй мировой войне — постепенная утрата колоний в 1940–50-е гг. — свело её роль в мире

¹ *Штоль В. В.* Польская политика в болоте исторических химер // Обозреватель — Observer. 2021. № 3. С. 5–25.

лишь к верному союзнику США. Поэтому в вопросе использования Украины против России позиции англосаксонских стран полностью совпадают. Великобритания как член НАТО постоянно муссирует тему гипотетической российской угрозы. Лондон выдвинул идею альянса Украина — Польша — Англия, хотя в Варшаве должна была бы сохраниться память о 1939 г., когда немцы, спровоцировав конфликт из-за Данцигского коридора, оккупировали польскую территорию, а Британия ограничилась исключительно дипломатическим объявлением войны Третьему рейху. И всё.

К союзу Польши и Англии планировалось привлечь страны Балтии, Румынию, может быть, Чехию и Украину (то, что от неё останется в результате СВО). Это означает создание блока стран “новой” Европы, противостоящих “старой” Европе. Естественно, возникнут трения, европейцы погрязнут в выяснении отношений (темы англосаксы будут подкидывать). Именно тогда Лондон в полном согласии с Вашингтоном сможет управлять ситуацией на континенте.

Президент России В. В. Путин объяснил цели начатой на Украине специальной операции, заявив, что российские войска “сражаются за Россию, за мирную жизнь для граждан Донбасса, за денацификацию и демилитаризацию Украины”, “чтобы никакая “анти-Россия”, годами создаваемая Западом прямо у наших границ, нам не угрожала, в том числе ядерным оружием, как это было в последнее время”¹.

Россия, проводя специальную военную операцию, противостоит объединённому коллективному Западу, отстаивая своё право быть свободным государством, сохранить Русский мир и его многовековую культуру, а также за возможность всех стран мира иметь право выбора своего пути, исключив диктат “демократических ценностей”.

XX век оказался богат на войны, как мировые, так и локальные, не считая вооружённых конфликтов с разнообразными причинами и поводами. Фактически войной XX столетие и завершилось: распад СССР, который президент России В. В. Путин назвал “крупнейшей геополитической катастрофой XX века”, лишь его

¹ <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2022/03/03/912001-putin-mirnyyu-zhizn-donbassa> (дата обращения: 17.06.2022).

“архитекторы” считают мирным. Его жертвами стали миллионы советских граждан, погибших в этнических, межнациональных конфликтах, бандитских разборках и т. п.

В истории государства Российского было немало трагических периодов, и это всегда отражалось на численности населения.

В 1916 г. население территорий, входящих в настоящее время в Российскую Федерацию¹, составляло 100 725,5 тыс. чел., его прирост за период 1914–1916 гг. был порядка 6–6,5%², а население всей Российской империи (без Финляндии и Царства Польского) на начало 1917 г. оценивалось в 163 млн чел.

Выступая на судебном процессе по делу ГКЧП (1993 г.), экс-председатель КГБ СССР В. А. Крючков называл цифры потерь среди мирного населения страны только за начальный период существования “новой” России в 200 тыс. погибших и 700 тыс. раненых и изувеченных³. К этому добавились потери, связанные с депрессивным состоянием в обществе (как среди молодёжи, так и среди людей трудоспособного возраста и старшего поколения, воевавшего, отстоявшего мир от фашизма и создававшего экономический потенциал страны) и разгулом бандитизма, крышуемого властями. Люди потеряли ориентиры в жизни, что сопровождалось повышением смертности во всех возрастных категориях и снижением рождаемости. Именно тогда появился термин “демографический крест” России (табл. 1).

Таким образом, начиная с 1993 г. в отдельные периоды убыль населения в России превосходила суммарные военные потери США в двух мировых войнах, вместе взятых (порядка 530 тыс. чел.).

Через 30 лет после распада СССР, после афганской и иракской “одиссей” Джорджа Буша-мл., после его речи в Национальном

¹ Границы “русских” губерний Российской империи, вошедших в РСФСР после Октябрьской революции и Гражданской войны, а также в советский период, изменялись, поэтому указанную численность населения можно принять как базовую.

² Демография регионов Российской империи 1850–1916 гг. URL: <https://aftershock.news/?q=node/479773&full> (дата обращения: 17.06.2022).

³ Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В. Русский народ в национальной политике. XX век. М. : Русский мир, 1998. С. 370.

**Динамика численности населения РСФСР (1927–1990 гг.)
и РФ (1992–2021 гг.), тыс. чел.^{1, 2}**

Год	Население в границах РСФСР		Год	Население в границах РФ	
	Численность	Естественный прирост		Численность	Естественный прирост
1927	93 604	1983	1992	148 514,69	-219,79
1930	99 566	1675	1993	148 561,69	-750,36
1933	103 648	-1926	1994	148 355,87	-893,21
1935	102 080	1156	1996	148 291,64	-777,61
1940	109 678	1253	1999	147 539,43	-929,63
1946	97 548	1336	2000	146 890,13	-958,53
1950	101 160	1679	2005	143 801,05	-846,56
1955	109 643	1905	2010	142 833,50	-239,57
1960	118 307	1896,26	2015	146 267,29	32,04
1965	125 744	1031,73	2016	146 544,71	-2,29
1970	129 660	772,53	2017	146 804,37	-135,82
1975	133 217	796,44	2018	146 880,43	-224,57
1980	137 758	667,02	2019	146 780,72	-317,23
1985	142 061	749,88	2020	146 748,59	-702,07
1990	147 665,08	332,87	2021	146 171,02	-1042,68

фонде поддержки демократии (ноябрь 2003 г.), когда неоконсерваторами был озвучен проект неотроцкистской глобальной демократической революции, после “арабской весны” и непримиримого противостояния России с западной коалицией во главе с США в Сирии, после позорного бегства американцев из Афганистана³ и в целом системного антагонизма России и Запада мир постепенно стал осознавать весьма опасную реальность, всё явственнее приобретающую черты глобальной вялотекущей войны,

¹ Андреев Е. М., Дарский Л. Е., Харькова Т. Л. Демографическая история России: 1927–1959. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/andr_dars_khar/adk.html#0 (дата обращения: 17.06.2022).

² Российский статистический ежегодник 2021. М. : Росстат, 2021.

³ На афганскую кампанию за 20 лет (2001–2021 гг.) американцами было потрачено 2,313 трлн долл., а с учётом выплат ветеранам в период с 2022 по 2050 г. эта сумма увеличивается до 3,413 трлн долл.

которую из-за вовлечённости в неё стран и народов можно назвать прелюдией к третьей мировой.

Ещё пару лет назад обсуждался вопрос, в каком именно направлении пойдёт эскалация этого общемирового конфликта, станет ли первоначальным театром военных действий Европа, где фронт будет развёрнут против России в одной из кризисных точек на постсоветском пространстве? Или приоритет достанется Азиатско-Тихоокеанскому региону, где существует сложнейший узел противоречий в Южно-Китайском море между США и Китайской Народной Республикой, между США и Корейской Народно-Демократической Республикой, в которые так или иначе вовлечён и ряд других стран региона — от Филиппин, Вьетнама и Тайваня (Китайской Республики) до Японии, Индонезии и Южной Кореи? Именно в этом регионе в сентябре 2021 г. был создан военный блок AUKUS, в который входят США, Великобритания и Австралия. Как считают наблюдатели, это “филиал НАТО” в Индо-Тихоокеанском регионе, задача которого — противодействие Китаю в акватории Южно-Китайского моря.

Но в любом случае очевидно, что война, если, когда и где бы она ни разразилась, неизбежно охватит огромную Евразию, выйдя далеко за её пределы. Ведь уже формируются блоки — от американской коалиции AUKUS до Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и БРИКС, где сохраняются определённые противоречия¹, так как Индию американцы и англичане пытаются оторвать от блока, используя её недовольство рядом позиций китайского проекта “Новый Шёлковый путь”.

В табл. 2 представлены суммарные рейтинги экономик и численности населения коллективного Запада и стран, входящих в те или блоки (союзы) с Российской Федерацией. Интересно проанализировать характер взаимоотношений этих двух мировых группировок: на Западе действует диктатура мирового гегемона США, когда идеи, сформированные в Вашингтоне, директивно доводятся до брюссельской бюрократии, которую никто не выбирал, а те спускают их (при видимости обсуждения) демократически избранным правительствам стран ЕС.

¹ <http://brics2015.ru/transcripts/20150709/357756.html> (дата обращения: 17.06.2022).

**Суммарные рейтинги экономик¹ и численность населения²
коллективного Запада и стран, входящих в блоки с Россией**

Блоки стран	ВВП, млн долл.	Население, чел.
Весь мир	85 804 360,6	7,95 млрд
ЕС, НАТО, AUKUS	42 207 890,94	1 007 033 201
Япония	4 970 915,56	125 950 000
Итого	47 178 806,5	1 132 983 201
БРИКС, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ	21 387 222,77	3 484 336 086
Страны — кандидаты в БРИКС	909 749,35	128 941 282
Всего	22 296 972,12	3 613 277 368
Страны — наблюдатели ШОС	798 881,61	118 695 431
Страны — партнёры ШОС	100 323,77	53 878 989
Итого	23 196 147,5	3 785 851 788

В БРИКС, ШОС и ЕАЭС принцип иной: взаимодействие государств при наличии демократических процедур обсуждения можно рассматривать как ситуативное партнёрство с учётом интересов своих стран.

Антагонизма Европе всегда было не занимать, его накал был разный, но он был испокон веков. Его истоки — в незапамятных временах и связаны с тремя крупнейшими фундаментальными расколами, пережитыми Старым Светом за свою историю, и носили, хотя бы формально, религиозный характер.

Первый — это раскол христианства, когда католический Рим пошёл на разрыв отношений с Востоком, оформленный в 1054 г. Великой схизмой — взаимным проклятием Западной и Восточной церквей.

Второй и третий расколы произошли уже внутри самого западного христианства.

Сначала Реформация (XVI век) потрясла континентально-европейские владения Ватикана: приняв эстафетную палочку

¹ Рейтинг экономик мира в 2021–2022 гг. по данным ООН. URL: <https://visasam.ru/emigration/vybor/ekonomika-stran-mira-2.html> (дата обращения: 17.06.2022).

² <https://population-hub.com/ru/list-of-countries-by-population.html> (дата обращения: 17.06.2022).

от Мартина Лютера, Жан Кальвин превратил протестантизм из учения о свободе духа в учение о материальном богатстве, а затем была создана англиканская церковь во главе с королём Англии.

Современное противостояние в Европе, распространяющееся на весь мир (как считают политологи — прелюдия третьей мировой войны), уходит корнями в конец XIX века, когда в Старом Свете сложилась ситуация, которую можно было охарактеризовать как сверхантагонизм — комплекс непреодолимых противоречий, ставший прологом борьбы всех против всех.

В конце XIX века объединённая Отто фон Бисмарком Германия (1871 г.) захотела встать в один ряд с крупнейшими метрополисами мира. Именно тогда выявились непреодолимые противоречия между Британской империей, владевшей огромными колониальными территориями на всех континентах, и кайзеровской Германией, которой явно не хватало ресурсов, чтобы быть на равных в клубе избранных.

Для реализации своих амбиций Германия первой на континенте приступила к организации политических, плавно перерастающих в военные коалиций. Таковым стал Тройственный союз, включавший Германию, Австро-Венгрию и Италию (1882 г.). У Франции и России, которые хорошо понимали, против кого осуществляется объединение, не оставалось ничего другого, как начать договариваться между собой.

Но как внутри группировок, так и между ними существовали многочисленные противоречия и недоверие друг к другу. На этом играла Великобритания, явно не примыкая ни к одной из них, но используя конфликтные ситуации, следуя политике “блестящей изоляции” и считая, что море (при военно-технических возможностях конца XIX — начала XX века) её достаточно надёжно защищает.

Великобритания главную угрозу своим интересам в Дальневосточном регионе видела в лице России и поэтому мирилась с агрессивными претензиями Японии. К тому же между Россией и Великобританией было геополитическое противостояние по всей линии лимитрофов, окружавших большое евразийское пространство, занимаемое Российской империей, так называемая Большая игра (*The Great Game*, термин Редьярда Киплинга), продол-

жавшаяся почти весь XIX век. Под её лозунгами прошёл XX век, и всё те же вопросы перешли в XXI век.

В терминах классической британской геополитики (Хэлфорд Маккиндер) это пространство именуется “Хартлендом” (*Hearthland*) и утверждается, что миром владеет тот, кто держит это пространство под своей властью либо контролирует и управляет противоречиями его децентрализованных субъектов; но в то же время весь мир считает своим врагом того, кто владеет этой территорией.

Соединённые Штаты не стояли в стороне от делёжки мира. Их не устраивал проведённый европейскими державами и Японией раздел Китая на сферы влияния. Именно здесь столкнулись русские и американские, пока ещё только торгово-экономические, интересы. В итоге США на Дальнем Востоке примкнули к англо-японской группировке, проводя политику “открытых дверей” в торговле.

Ближний и Средний Восток также представляли собой конфликтный регион.

Захватив Египет, англичане осложнили отношения с раздираемой внутренними противоречиями Оттоманской империей, так как в случае её распада англичане окончательно утвердились бы в Египте, имея при этом виды на Месопотамию, Аравию и Крит, одновременно сняв с повестки дня вопрос о русском контроле над проливами Босфор и Дарданеллы. В борьбе за проливы Россию поддерживали Германия и Франция.

Великобритания не только оберегала, за счёт господства в Египте и на Кипре, морской путь в Индию, но и охраняла сухопутные подступы к ней: Афганистан, Персию, Аравию и азиатскую часть Турции. Основная цель Англии не скрывалась — создать вокруг Индии кордон из подконтрольных Лондону стран-лимитрофов. В конце XIX века в соперничество на Ближнем и Среднем Востоке включилась и Германия, пытаясь обеспечить себе контроль над Турцией.

Интересно, что все эти идеи, касающиеся Ближнего и Среднего Востока, напоминают современную концепцию “Большой Ближний Восток” с небольшими изменениями в составе главных действующих лиц, но во всех случаях с англосаксонским окрасом.

Это ясно указывает на очевидную преемственность англосаксонской политики. Современные США в этом контексте всё больше напоминают реинкарнацию имперской Британии XIX века, заставляя вновь задуматься о непотопляемости известной идеи Сесила Джона Родса¹ о “возврате Соединённых Штатов в Британскую империю”².

Африканский континент не был обойдён геополитическим вниманием европейских метрополий, особенно когда в Трансваале (Южная Африка) были обнаружены богатейшие запасы россыпного золота. И это не считая алмазов.

Политика финансовой группы С. Родса на юге Африки втянула Англию в войну с бурами (1899–1902 гг.), а Германия решила пошантажировать Британскую империю и поддержать буров, надеясь при этом получить от англичан определённые уступки, в частности, добавить к германским колониальным владениям бурские республики, в особенности Трансвааль.

В разделе Африки участвовали все, соперничая друг с другом, воюя и договариваясь о территориях. Кроме разве что России, никогда на Чёрный континент не покушавшейся.

В Центральной и Южной Америке в том или ином виде присутствовали США и никого туда старались не пускать с момента принятия знаменитой доктрины президента Джеймса Монро (декабрь 1823 г), в которой была провозглашена концепция невмешательства США во внутренние дела европейских стран и, соответственно, нежелательности участия европейских держав во внутренних делах стран Западного полушария.

Следует отметить, что беспрепятственность торговой экспансии всегда находилась в центре внимания нарождавшейся американской империи, поэтому прошло немногим более ста лет со

¹ Родс Сесил Джон — основатель Капской колонии, именем которого была названа Родезия, а также алмазный монополист — компания De Beers.

² *Барабанов О. Н.* Британская империя: идеология глобального доминирования от Джона Ди до Сесила Родса. URL: <https://oko-planet.su/politik/politikdiscussions/94909-britanskaya-imperiya-ideologiya-globalnogo-dominirovaniya-ot-dzhona-di-do-sesila-rodsa.html> (дата обращения: 17.06.2022).

дня провозглашения Декларации независимости (1776 г.) и соответствующий пункт появился в овеянных романтическими легендами, но на самом деле абсолютно рациональных “14 принципах” президента Вудро Вильсона, а затем и в Атлантической хартии, подписанной У. Черчиллем и Ф. Рузвельтом (14 августа 1941 г.)¹.

Конфликтность не обошла и Европу, на “домашней” территории которой во все века проблем было предостаточно, а соперничество между странами никогда не прекращалось. Но в то же время сама европейская территория не позволяла широко развернуться именно на континенте для решения своих противоречий. Поэтому в XIX веке ожесточённая борьба между крупнейшими колониальными державами шла в основном в колониях.

К началу XX века разрешать свои противоречия только на колониальных просторах европейским метрополиям уже не удавалось. И все взрывоопасные ситуации вновь сосредоточились на европейском “пяточке”.

Обострившееся англо-германское соперничество ослабило Тройственный союз (заключён в 1882 г.), так как и Австро-Венгрия, и Италия дорожили своими отношениями с Великобританией.

Противоречия Франции и Германии из-за Эльзас-Лотарингии были непреодолимы. Французы даже предложили немцам обменять Эльзас-Лотарингию на одну из своих колоний.

Мир поделён — начался его передел

К концу XIX столетия мир был в основном поделён, а в Европе Великобритания, продолжая соперничество с Францией и Россией, приобрела нового противника в лице Германской империи. Основной вопрос повестки дня можно было сформулировать так: какие именно противоречия — между Германией и Великобританией или между Великобританией, Россией и Францией — возобладают? Аналитики и эксперты того времени единодушно называли три возможных варианта: англо-франко-русское согласие, англо-германский блок или континентальная лига против Вели-

¹ Системная история международных отношений : в 4 т. События и документы. 1918–2000 / отв. ред. А. Д. Богатуров. Т. 2. Документы 1910–1940-х годов ; сост. А. В. Мальгин. М. : Московский рабочий, 2000. С. 27–28.

кобритании, вероятность создания которой во все века служила для англичан “ночным кошмаром”.

Все указанные глобальные и региональные события и ситуации относятся к межгосударственным отношениям и скрывают могущественные теневые факторы европейской и мировой политики, связанные с финансово-промышленным капиталом. Рост экономик ведущих стран вёл к усилению борьбы транснациональных корпораций и банков за рынки сбыта, природные и трудовые ресурсы, что требовало нового передела мира. Об этом писал В. И. Ленин в работе “Империализм как высшая стадия капитализма”, и как единственно реальный путь достижения цели — война, мировая война¹.

Борьба за передел мира между великими державами началась сначала вдали от Европы. Три из взорвавших мир на рубеже столетий войн: Испано-американская (1898 г.), Англо-бурская (1899 г.) и Русско-японская (1904 г.) были приняты В. И. Лениным за точку отсчёта перехода “конкурентного” капитализма в монополистическую стадию империализма. Можно по-разному относиться к этому термину, но факт остаётся фактом. Заключённые по окончании этих войн договоры, разумеется, не сняли и не могли снять основных противоречий между противниками. Во всяком случае, Великобритании надо было что-то делать с возрастающими амбициями Германии.

Франция также была заинтересована в сближении с Англией, так как из-за Русско-японской войны она вновь осталась в Европе один на один с Германией.

Камнем преткновения для сближения Англии и Франции были колониальные разногласия. Вот почему англо-французский договор (Антанта, апрель 1904 г.) — это прежде всего соглашение о колониях, в котором были разделены последние свободные колониальные территории.

Немцы, узнав о соглашении, попытались договориться с Россией. Не вышло, хотя в России было немало влиятельных сторонников союза с Берлином, и среди них — граф Пётр Дурново, занимавший в системе исполнительной власти второй по важности после премьер-министра пост главы МВД. В своём меморандуме

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 27. С. 299–426.

от февраля 1914 г. он во многом справедливо указывал, что Германии и России нечего приобретать в конфликте друг с другом. А вот потерять они могут многое, в том числе страну, империю и династию¹.

Нельзя забывать и о постепенном погружении России в финансовую зависимость и от англо-французского Запада, и от определявших его политику олигархических кланов, в частности Ротшильдов.

Оппозиция сотрудничеству с Германией, как и зависимость от Запада, оказалась сильнее российских национальных интересов и втянула страну в военный, а затем и революционный кризис. При этом англичане к своей выгоде тоже старались достичь договорённостей с Петербургом. Эта задача для дипломатов была достаточно сложной, так как англо-русские противоречия были значительно глубже англо-французских, хотя дальневосточный антагонизм между обеими державами был притуплён японской победой. Соперничество на Ближнем Востоке видоизменилось, существенно ослабнув перед лицом общего врага — Германии. В основном напряжённость сохранилась в Центральной Азии, вокруг Афганистана и Персии.

Наконец 31 августа 1907 г. англо-русское соглашение было заключено, оформив Антанту в хорошо известном историкам составе: Англия, Франция и Россия. Коалиция противостояла Тройственному союзу Центральных держав в составе Германии, Австро-Венгрии и Италии.

После оформления двух группировок ещё больше усилилось англо-германское соперничество на море и Ближнем Востоке.

Австро-Венгрия, в свою очередь, активизировалась на Балканах, пытаясь аннексировать Боснию и Герцеговину, а затем и Сербию. И ясно, что если бы Германии удалось осуществить свои планы по отношению к Османской империи, а Австро-Венгрии реализовать свои устремления на Балканах, то весь Ближний Восток оказался бы в руках Германии.

Конечно, Британская империя не могла этого допустить, так как всегда рассматривала эти территории как мост из Европы

¹ Меморандум Петра Дурново. URL: <http://antisys.ru/durnovo.html> (дата обращения: 17.06.2022).

в Индию. Этого не могла допустить и Россия: подчинение Турции и Балкан Австро-Венгрии и Германии угрожало безопасности всего русского Причерноморья. Кроме того, Россия не хотела отказываться от своей роли покровительницы славян, да и возможная близость немцев к Армянскому нагорью в этом случае также настораживала. Получилось так, что в Малой Азии и на Балканах, интересы Британской и Российской империй, несмотря на все геополитические противоречия между ними, совпали. Но в целом сербско-боснийский вопрос превратился в борьбу мировых лидеров за Ближний Восток.

В этот период было заключено и секретное соглашение между Италией и Россией, касающееся Балкан, проливов, Триполитании и Киренаики, в результате Рим ещё больше отошёл от Тройственного союза.

После очередного Марокканского кризиса (1911 г.) значительно усилилась гонка вооружений, а последовавшая Итало-турецкая война ускорила балканский кризис. Балканские государства пытались достичь между собой согласия, но никак не могли поделить Македонию. И не победив ещё Османскую империю, ожесточённо боролись уже за турецкое наследство, в частности Албанию.

Россия в условиях надвигающейся войны работала над созданием балканского блока. При этом она и поддерживающая её Франция пытались уговорить Балканские страны не торопить события. Не хотела войны и Австро-Венгрия — основной противник России на Балканах, но Черногория начала военные действия против Турции. Её поддержали Сербия, Болгария и Греция. Турция потерпела поражение, почти вся её европейская территория отошла к победителям.

Первая Балканская война, безусловно, ослабила австро-германскую группировку, но не разрушила блок балканских государств, в целом выступавший на стороне Антанты, хотя сделать это было не очень трудно, так как между Балканскими странами существовало множество противоречий (конфессиональных, национальных) и взаимных территориальных претензий и т. д.

В последние месяцы перед Первой мировой войной шли бесконечные переговоры, встречи, конференции представителей ведущих европейских стран. И при этом Великобритания хотела

уничтожить агрессивного соперника, а кайзеровская Германия, в свою очередь, пыталась стать бесспорным мировым лидером. И Лондон, и Берлин были заняты прежде всего тем, как бы захватить побольше чужих колоний, заполучить природные ресурсы и дешёвую рабочую силу, рынки сбыта для своей продукции в колониальных и отсталых странах, а также вновь переформатировать Европу.

В этот период взгляды всего мира сфокусировались на противостоянии двух союзов, внутри которых действовали весьма жёсткие соглашения о взаимопомощи. Достаточно было любого повода, чтобы нарушился хрупкий баланс и началась война. Повод нашёлся — убийство в Сербии наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Фердинанда. Стоит отметить, что для Российской империи сербский вопрос и связанная с ним панславистская мотивация участия в конфликте были всё-таки вторичными и проявляли себя в основном на уровне общественных настроений. Главная геополитическая цель России — получить выход к открытым морям. Это могло быть достигнуто только в случае победы, чтобы иметь на руках козыри и весомые аргументы для своих союзников по Антанте и утвердиться на Балканах. (Во Вторую мировую войну СССР эту задачу хотя бы частично, но решил.)

Война как европейская институция

Первая мировая война покончила со старым миром, принесла в жертву 10 млн убитых, в том числе в Европе, причём без учёта российских потерь — 5,8 млн погибших и 20 млн раненых.

По Версальскому мирному договору, на территориях, входивших в состав Германской, Австро-Венгерской и Российской империй, были образованы новые государства. Это преследовало две цели: во-первых, создать буферную зону для уменьшения немецкой опасности, и, во-вторых, эта же зона должна была служить препятствием для проникновения на Запад революционных идей.

Как показало дальнейшее развитие событий, Версальский мир, как до него Вестфальская система, Венский конгресс и, конечно, Франкфуртский мир, закрепил противоречия между победителями и побеждёнными и сопровождался переселением народов и переделом территорий. Особенно это коснулось славян, что усугубило европейские противоречия, став источником новых кон-

фликтов. Обострилась борьба между Англией и Францией, США и Англией, США и Японией, между Италией и другими членами Антанты. Казалось, что Версальский мир должен был покончить с войной, а на самом деле он превратил её в постоянную угрозу.

К Версалю вполне можно отнести слова, сказанные Карлом Марксом о Франкфуртском мире: “Это — вернейший способ превратить... войну в *европейскую институцию*... Это безошибочный способ превратить будущий мир в простое перемирие...”¹. С тем что Версальский мирный договор был только 20-летним перемирием, согласны многие исследователи на Западе, объединяя в единое целое Первую и Вторую мировые войны. Как раз в те дни, когда этот мир заключали, именно подобным образом — как “не мир, а перемирие на 20 лет” — его, не стовариваясь, охарактеризовали и Уинстон Черчилль, и главнокомандующий союзными силами французский фельдмаршал Фердинанд Фош.

У Первой мировой войны было много итогов. Но главное, на чём сходятся многие — это распад мировых империй. Всех, кроме Британской, что само по себе очень показательно. В Лету канули Российская, Германская, Австро-Венгерская и Османская империи; последние две вообще рассыпались в прах, а Россию в то страшное лихолетье спасло буквально чудо. Небольшая партия большевиков, единственная из всех, наряду с черносотенцами из Союза русского народа, не принимавшая участия в заговоре либерального Прогрессивного блока², смогла за короткое время

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. XXVI. С. 68.

² Прогрессивный блок — объединение депутатских фракций IV Государственной думы и Госсовета Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1918 гг.). Был образован в августе 1915 г., когда патриотический подъём первых месяцев войны сменился тревогой, вызванной весенне-летним отступлением русских войск, и состоял преимущественно из представителей парламентских партий прогрессистов, кадетов, октябристов и “прогрессивных русских националистов” (князь Г. Е. Львов, А. И. Гучков, Н. П. Милюков, гофмейстер двора М. В. Родзянко, граф В. А. Бобринский, В. В. Шульгин и др.). После Февральской революции (1917 г.) лидеры объединения вошли во Временное правительство России — так называемое правительство народного доверия, — но потеряли власть в результате бесконечных разговоров, хотя имели безоговорочную поддержку со стороны Антанты.

в условиях февральского развала нарастить своё влияние до уровня, который позволил ей... Нет, не взять, а подобрать власть, брошенную правящими элитами императорской России и выпавшую из рук её проанглийских “демократических” правителей из череды сменявших друг друга временных правительств.

Именно потому, что в России был Великий Октябрь, а также из-за того, что третья русская революция, ставшая по-настоящему Великой, прошла отнюдь не по тому сценарию, который виделся Западу, в планах глобальной олигархии произошёл “системный сбой”. Из-за него американской концептуальной элите пришлось внести в свои планы радикальные коррективы и, признав провал пройденного этапа “глобального реформирования”, сделать первую заявку на “переигровку” путём разжигания новой мировой войны. Принципиальное решение, по-видимому, принималось как раз в те дни и было оформлено двукратным — в конце 1919 и начале 1920 г. — отклонением ратификации Версальского договора сенатом США.

Бурная история XX века только начиналась. С падением империй династическая власть из императорских и королевских дворцов перекочевала в крупный олигархический бизнес, который, соединившись, в свою очередь, с сохранившимися королевскими дворами и родовой аристократией, а также с научным сообществом, стал новым глобальным гегемоном.

Но на пути этого гегемона к мировому господству меньшинства над большинством встала Советская Россия. Мировой элите необходимо было минимизировать влияние социалистической революции в России на международной арене, но самое главное — нужно было её участие в военных действиях на стороне Антанты. Для этого была спровоцирована Гражданская война с поддержкой белогвардейского движения (хотя зачастую чисто символически в виде советников, общих рекомендаций и отчасти материальной помощи и снабжения) и организована интервенция, в которой участвовали войска всех союзников по Антанте, а также Соединённых Штатов и Японии.

Но реализовать свои планы Западу не удалось, и вопреки всему разрушенная и разграбленная страна сумела сплотить имеющиеся силы и не потерять свою независимость, заплатив за всё

огромную цену: потерей территорий, разрухой в экономике и международной изоляцией. И всё-таки страна, а с ней и весь мир сохранили шансы на спасение. Но эти шансы ещё нужно было реализовать, потому что именно тогда, в 1919 г., в побеждённой Германии появилась Германская рабочая партия (ГРП), спустя два года переименованная в Национал-социалистическую немецкую рабочую партию (НСДАП).

Над миром поднималась мрачная коричневая тень фашизма...

Антигитлеровская коалиция: союзники-противники

В 1930-е гг. идеология фашизма, и самое главное — его практика, охватила всю Западную Европу. Президент Академии военных наук генерал армии М. Гареев так оценил участие европейцев в войне Третьего рейха против СССР: “В годы войны против нас воевала вся Европа. Триста пятьдесят миллионов человек, вне зависимости от того, сражались ли они с оружием в руках или стояли у станка, производя оружие для вермахта, делали одно дело. За время Второй мировой войны погибло двадцать тысяч членов французского Сопротивления. А против нас сражались двести тысяч французов. Мы также взяли в плен шестьдесят тысяч поляков. За Гитлера против СССР сражались два миллиона европейских добровольцев”¹.

Решающий вклад в победу над фашизмом внёс Советский Союз и его вооружённые силы. Именно советский многонациональный народ на фронте и в тылу ковал победу над гитлеровской Германией. За Великую Победу наша страна заплатила огромную цену — 27 млн погибших. Города и сёла лежали в развалинах на всей европейской территории СССР². Однако к концу войны отношения между союзниками по антигитлеровской коалиции не то чтобы окончательно испортились, и они превратились в открытых врагов, но трещины пошли по всем направлениям. Советское правительство знало о сепаратных переговорах американцев с немцами в Швейцарии (Цюрих, март 1945 г.). У. Черчилль дал указание Имперскому Генеральному штабу (апрель 1945 г.) начать пла-

¹ www.22junie.mil.ru (дата обращения: 17.06.2022).

² *Штоль В. В.* Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб. : Алетейя, 2019. С. 208–236.

нирывать операцию против советских войск в Европе с использованием немецких частей, сдавшихся в плен англо-американским союзникам, и боеспособной немецкой техники и вооружений¹.

Союзники по антигитлеровской коалиции опасались военно-экономического потенциала СССР, обретённого им во время войны за счёт мобилизационной экономики, помноженной на героический труд советских людей в тылу, и закалённой в тяжелейших боях армии, прошедшей после поражений первых дней войны “огонь, воду и медные трубы”, почувствовавшей вкус победы, которая, не имея равных себе, на военном азарте взяла не только Берлин и другие столицы Европы, но смогла продолжить победное шествие, освободив Париж и дойти до Ла-Манша.

Говорят, что Маршал Советского Союза Г. К. Жуков именно это предлагал Верховному Главнокомандующему и председателю Государственного Комитета Обороны И. В. Сталину, но получил чёткий отказ: “Мы их не прокормим”.

В Москве, конечно, понимали, что удержать достигнутое будет невозможно, любой порыв когда-нибудь выдохнется, а самое главное — надо было думать о восстановлении европейской части страны, где были разрушены предприятия и практически вся промышленная и гражданская инфраструктура, где тысячи деревень и сотни городов лежали в развалинах, где люди были лишены элементарных условий жизни.

По поручению советского правительства уже с первых месяцев 1943 г. специалисты наркоматов и Госплана СССР практически с передовыми частями Красной армии вступали на освобождённые от оккупантов территории для оценки восстановительных работ по предприятиям разных отраслей. С 1946 г. страна приступила к восстановлению народного хозяйства на основании утверждённого четвёртого пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства СССР (1946–1950 гг.).

Так что стране было не до разработки планов дальнейших завоеваний. Надо было сохранить под своим контролем страны Восточной Европы, восстановить свою экономику и не позволить США держать под контролем весь мир, угрожая атомной бомбой.

¹ *Штоль В. В.* Россия и Запад: несостоявшийся альянс, или Противостояние как неизбежность. СПб. : Алетейя, 2019. С. 277.

Фултон — начало холодной войны

В такой обстановке Фултонская речь Черчилля (5 марта 1946 г.) — это реперная точка отсчёта начала очередного этапа противостояния Запада и России в новой форме холодной войны. В своей речи У. Черчилль объединил как бывших врагов, так и союзников, а в изгой негласно попали лишь непонятные русские, отвергавшие западные ценности и протестантско-католическую этику.

Черчилля поддержал и возглавивший Соединённые Штаты после смерти Ф. Д. Рузвельта 33-й президент Г. Трумэн, который отказался от политики сотрудничества с Советским Союзом, провоздвигавшейся его предшественником.

12 марта 1947 г. он обратился с Посланием к американскому конгрессу, в котором заявил: “Свободные народы мира обращаются к нам за поддержкой для сохранения своих свобод. Если мы будем колебаться в нашем лидерстве, то можем поставить под угрозу мир во всём мире, и, конечно, поставим под угрозу благополучие нашей собственной нации”¹. В Послании содержались положения, ставшие известными как “доктрина Трумэна”. Одновременно “с доктриной Трумэна” правительство США провозгласило доктрину “сдерживания коммунизма”.

Так, в 1947 г. в американском политическом лексиконе появился термин “сдерживание”, который стал наиболее чётким выражением политики США по отношению к Советскому Союзу. Но чтобы ни у кого, включая Западную Европу, не закрались сомнения в серьёзности намерений американцев обеспечить своё господство над западным миром, они предприняли ещё целый ряд мер. Прежде всего, необходимо отметить план Маршалла², в рамках которого западноевропейским странам выделялось 17 млрд долларов безвозмездной помощи. Политические шаги были подкреплены решением Совета национальной безопасности США (июль 1948 г.) о посылке двух групп бомбардировщиков Б-29 с атомным оружием на борту для размещения в Англии. Во всех случаях размещение американского атомного оружия в Великобритании и при-

¹ Documents on International Affairs 1947–1948. L. — N.Y. — Toronto.

² American Foreign Relation. 1947. Vol. IX. Princeton University, 1949.

существование значительного контингента англо-американских войск в Западной Германии можно расценивать, с одной стороны, как добровольно-принудительную меру, направленную на консолидацию западноевропейских стран, а с другой — как угрозу СССР, не вписавшемуся в послевоенное мироустройство по-американски.

В дальнейшем в США была разработана программа помощи развивающимся странам, основные идеи которой изложены в речи Г. Трумэна в конгрессе (20 января 1949 г.) при его вступлении в должность президента на второй срок, а также в Специальном послании Трумэна конгрессу (июнь 1949 г.), так называемый четвёртый пункт программы Трумэна “Мир и свобода”¹. Этот план прежде всего был направлен на то, чтобы через оказание технической помощи развивающимся государствам помешать развитию их отношений с СССР и странами народной демократии.

Параллельно с экономическими планами поддержки Европы и стран третьего мира США разрабатывали, начиная с 1946 г., военные планы против СССР (*Dropshot*, *Totality* и др.), которые опирались на тотальное применение ядерного оружия. Это подтверждает и президентство Д. Эйзенхауэра, когда военная политика США строилась исключительно на доктрине “массированного ядерного удара”. В дальнейшем это оформилось в стратегию “гибкого реагирования”, поддержанную президентом Дж. Кеннеди и западноевропейскими союзниками США.

Все эти программы и стратегии означали полномасштабную холодную войну, силовым компонентом которой стала Организация Североатлантического договора (4 апреля 1949 г.). Её создание явилось осознанным шагом Запада, закрепившим окончательный раскол мира на два лагеря. Первый генсек Североатлантического альянса лорд Г. Исмей говорил: “НАТО создана для того, чтобы обеспечить присутствие США в Европе, не допустить Советский Союз в Европу и контролировать Германию”. (Последнее утверждение, когда Германия стала основной опорой американской военной политики в Европе, приобрело особое значение.) Важно отметить, что и сегодня, по прошествии более 70 лет, эти цели не изменились.

¹ Point Four: Cooperative Program for Aid in the Development of Economically Underdeveloped Areas. Wash., 1950.

Термин “холодная война” понимается как глобальное военное, экономическое и идеологическое противостояние. Этот термин вошёл в политический лексикон в 1947 г. с лёгкой руки известного американского журналиста У. Липпмана. Но в художественной литературе он появился ещё осенью 1945 г. в очерке Дж. Оруэлла “Ты и атомная бомба”, где говорилось о противостоянии двух супердержав, обладающих атомным оружием.

По утверждению американского учёного и политика А. Шлезингера, “в своём первоначальном виде термин “холодная война” обозначал, по-видимому, смертельный антагонизм, в котором сочеталось соперничество великих держав, идеологическая борьба, политическая пристрастность, т. е. участие (или поддержка какой-либо из сторон) в чужих войнах, и постоянная угроза взаимного ядерного уничтожения”¹.

Среди политологов, особенно западных, идут споры об истоках холодной войны.

Одна точка зрения господствовала в 1950–60-е гг. Её возникновение связывают с послевоенным крахом союзнических отношений, а причины видят в распространении после войны идей коммунизма и советского влияния в Европе, в том числе в образовании стран народной демократии, авторитете коммунистических партий и влиянии социалистической идеологии в Западной Европе и мире, росте национально-освободительных движений в Африке, Азии, Латинской Америке, испытании СССР своей атомной бомбы (1949 г.), что позволило ему стать второй атомной державой мира. Сюда же относят провозглашение Китайской Народной Республики на огромной материковой части Китая (1949 г.) и неудачи США в Корейской войне (1950–1953 гг.).

В 1960-е гг., во время Вьетнамской войны, появилась иная точка зрения, а именно: политика США — основная причина холодной войны, а русские зачастую просто действуют в ответ на агрессивные американские притязания на рынки и политический диктат в условиях большой асимметрии в балансе сил².

¹ *Schlesinger A. The Origins of the Cold War // Foreign Affairs. 1967. Vol. 46. P. 22.*

² *Alpperovitz G. Atomic Diplomacy: Hiroshima and Potsdam. N. Y.: Pluto Press, 1985.*

Появились высказывания, в которых утверждалось, что обе стороны виноваты в создании международной напряжённости, так как и США, и СССР преследуют свои собственные цели, защищают свои интересы и поэтому ошибочно трактуют действия другой стороны, а “структурная асимметрия в приложении к силе и политическим системам затрудняет взаимопонимание”¹. Отсюда делался вывод, что русские, в частности И. В. Сталин, больше беспокоились о своей безопасности (так как они это понимали), что и послужило поводом создания советской сферы влияния в Восточной Европе (об этом говорят материалы Ялтинской и Потсдамской конференций), чем о стремлении к мировому господству. Но как показывают события послевоенных лет, даже пассивная забота Советского Союза о собственной безопасности рассматривалась прежде всего англо-американским Западом как угроза своим интересам.

Ожесточённым противостоянием объединённого Запада под эгидой США, с одной стороны, и союзом СССР и Китая — с другой, воспользовались афро-азиатские и латиноамериканские страны, получая “помощь” от тех и от других, но в целом склоняясь в сторону Запада.

Метрополии вели долгую и изнурительную борьбу за свои колониальные владения, пока не поняли, что влияние там можно обеспечить и экономическим путём, сохранив или получив “доступ к торговле и мировым сырьевым источникам”, как об этом говорится ещё в Атлантической хартии, подписанной Ф. Д. Рузвельтом и У. Черчиллем (август 1941 г.), и “прикормив” аборигенную элиту.

На начало и середину 1960-х гг. приходится, по оценкам экспертов, первый пик американского главенства на Западе. США нарастили огромный стратегический потенциал и готовы были к “тотальному интервенционизму” по всему миру.

Согласно аналитическим данным, приводимым известным американистом А. Уткиным, США превосходили СССР по численности средств доставки ядерного оружия в 10 раз, но к концу десятилетия это превосходство растаяло. В начале десятилетия ВВП США в три раза превышал объединённый западноевропейский и японский, а через 15 лет показатели сравнялись².

¹ *Gaddis J. L. We Now Know: Rethinking Cold War History. Oxford, 1997.*

² *Уткин А. Вызов Запада и ответ России. М. : Алгоритм, 2003. С. 352.*

Конечно, Америка не стала слабее, просто вырос экономический потенциал стран третьего мира, а СССР к концу 1960-х гг. достиг определённого стратегического паритета с США: страна, восстановив народное хозяйство, разрушенное войной, создала новые производственные мощности на современном научно-техническом и технологическом уровнях; решала социальные задачи; наука, образование и медицина в целом соответствовали западным стандартам, а по целому ряду позиций (в частности, в образовании) превосходили их, с военным потенциалом тоже всё было в порядке.

Путь к ликвидации соцлагеря и завершение проекта “СССР”

В 1980-х гг. в международных отношениях появились термины “разрядка”, “мирное сосуществование”, успокаивающе действовавшие на мировую общественность, но на Западе под ними скрывались всё те же сформулированные ещё А. Даллесом в далёких 1940-х гг. принципы, взятые впоследствии на вооружение западными спецслужбами и не утратившие своей актуальности и через 70 с лишним лет, а именно: разрушать СССР изнутри, формируя управляемую “пятую колонну”.

Даллес так определил цель и результат: “И мы бросим всё, что имеем... всё золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей... Будем опощлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем таким образом расшатывать поколение за поколением... Мы будем бороться за людей с детских, юношеских лет, будем всегда главную ставку делать на молодёжь, станем разлагать, развращать, растлевать её. Мы делаем из них шпионов, космополитов”¹. Идеи, как одержать верх над Советским Союзом, нашли отражение в Меморандуме 20/1 СНБ США от 18 августа 1948 г.²

По мнению отечественного историка И. Я. Фроянова, “желание Запада “прибрать к рукам” советскую страну имело прежде всего две побудительные причины: экономическую и военно-

¹ Цит. по: *Митрополит Иоанн. Одоление смуты. Слово к русскому народу.* СПб. : Царское дело, 1995. С. 72–73.

² *Containment: Documents on American Policy and Strategy, 1945–1950 / ed. Th. H. Etzold, J. L. Gaddis.* New York : Columbia University Press, 1978 xii.

политическую”¹. “Цели и средства наступления были обозначены в серии секретных директив по национальной безопасности (NSDD)... в 1982 и 1983 годах...”.

В этих документах под грифом “Совершенно секретно” рекомендовалось:

— осуществить “нейтрализацию” советского влияния в Восточной Европе;

— поддержать различными мерами и другими методами антисоветские организации в Восточно-Европейском регионе;

— проводить политику, направленную на подрыв советской экономики, особенно тех её отраслей, на которых базировался военно-промышленный комплекс, и не забывать о необходимости бороться за ресурсы².

В целом предлагалось разработать и реализовать мероприятия наступательной политики по всем направлениям в целях фундаментального изменения советской системы. И это касалось не только СССР, но и всех стран соцлагеря. Особое внимание уделялось европейским странам народной демократии.

Когда-то премьер-министр Великобритании У. Черчилль, весьма недовольный союзниками, особенно независимой позицией генерала Шарля де Голля, утверждал, что “хуже плохих союзников может быть только война без союзников”. То же самое можно сказать и о восточноевропейских союзниках СССР, входивших в ОВД и СЭВ: при всех издержках они были нужны.

Советский Союз, стремясь избежать потенциальной военной опасности и установления “санитарного кордона”, как в 1920-е гг., на своих западных границах, способствовал приходу к руководству в восточноевропейских странах, освобождённых Советской армией, дружественных правительств. Кстати, о распределении там влияния между СССР и Великобританией была известная договорённость, которую предложил У. Черчилль в Крыму И. В. Сталину. Однако рост политического влияния Советского Союза в самом центре Европы после войны не устраивал прежде всего именно Лондон, который пытался вернуть свои довоенные

¹ Фроянов И. Погружение в бездну. М. : Алгоритм, 2001. С. 42.

² Цит. по: Швейцер П. Победа : пер. с польск. Минск : Авест, 1995. С. 13.

позиции с помощью США. При этом народно-демократические силы, пришедшие к власти на волне антифашистских настроений и чувствовавшие за спиной Советскую армию, не имели по большому счёту надёжной опоры среди населения с мелкобуржуазной психологией и “бюргерскими” традициями. И это при мощной информационной и очень часто материальной поддержке с Запада оппозиционных режиму настроений.

Во многом поэтому кризисные проблемы в восточноевропейских странах соцлагеря начались уже через несколько лет после провозглашения народной власти и прихода к руководству государством коммунистических партий и примкнувших к ним социал-демократов и других весьма ненадёжных попутчиков, как по доброй воле, так и в силу сложившихся обстоятельств.

Если перечислять такие события по хронологии, то это: ГДР (июнь 1953 г.), Польша (октябрь 1956 г.), Венгрия (октябрь 1956 г.), Берлинский (август 1961 г.) и Карибский (октябрь 1962 г.) кризисы, Чехословакия (январь — апрель 1968 г.).

Всё это — и Гавана, и Берлин, и Прага, и Варшава, и Будапешт — острые проявления холодной войны, к которым с полным правом надо отнести Корейскую и Вьетнамскую войны, Суэцкий и Панамский кризисы, события в Никарагуа, Чили, Анголе, Мозамбике, Конго, Гане и во многих других точках планеты. А в латентной форме по законам жанра “плаща и кинжала” она шла и идёт постоянно.

В годы нахождения М. Горбачёва у власти в так называемые времена нового мышления и перестройки агрессивная западная пропаганда, ориентированная на дезорганизацию советского общества, достигла своей цели и при всевластии Генерального секретаря ЦК КПСС привела к распаду государства и тяжелейшим потерям для абсолютного большинства населения когда-то великой страны.

Результатом его преступной деятельности для России как правопреемницы СССР стали огромные геополитические потери, включая территории и население. Имиджевые утраты, включая статус великой державы, вообще не поддаются оценке.

В былые времена очень часто осуждали большевиков за Брестский мир (март 1918 г.), заключённый с кайзеровской Гер-

манией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией¹. Тогда страна была вынуждена отдать Прибалтику, Западную Украину и Западную Белоруссию, некоторые территории в Закавказье, что составляло 26% от европейской части Российской империи, или 4% от всей территории страны, а также около трети населения европейской части страны (56 млн чел.).

В 1991 г. территориальные утраты были существенно больше. Это территории Прибалтики, Белоруссии, Украины, Молдавии, Грузии, Армении, Азербайджана, Туркмении, Казахстана, Узбекистана, Киргизии и Таджикистана с соответствующим уменьшением численности населения (табл. 3).

Таблица 3

Население и площадь СССР и РСФСР в 1990 г.²

Страна	Территория, тыс. кв. км	Население, тыс. чел.
СССР	22 402,2	288 624
РСФСР	17 075,4	148 041
Потери, %	Около 24	Около 49

Кроме того, последователями Горбачёва был уничтожен единый народно-хозяйственный комплекс СССР. “Новая” Россия во главе с Ельциным и его младореформаторами просто рвалась к власти и не думала, как страна будет жить дальше, на какой экономической базе. Они не знали или не понимали, что все предприятия, на которых держалась экономика союзных республик, строились на средства союзного бюджета — бюджета Центра, и поэтому Россия имела полное право сохранить за собой их контрольные пакеты акций. Тогда бы сейчас на Кавказе, в Средней Азии и Прибалтике, где существуют сильные националистические антирусские настроения, не надо было бы конкурировать, часто при этом проигрывая, с Турцией, Китаем и ЕС. В этом случае Россия ушла бы от необходимости решать огромное количество рукотворных проблем.

¹ Брестский мир аннулирован правительством РСФСР после поражения Германии в Первой мировой войне (ноябрь 1918 г.)

² Российский статистический ежегодник. М. : Госкомстат России, 1995.

В рассуждениях М. Горбачёва “Европа — общий дом”¹ не только Запад, но и страны социалистического лагеря, а также государства, входившие в Движение неприсоединения, уловили неуверенность позиции руководства СССР, стремление понравиться западным лидерам и не отстаивать свои принципиальные позиции. Кроме того, Москва позорно не выступила в защиту руководителей стран народной демократии (Румынии, Болгарии, ГДР, Польши и т. д.), когда против них начались репрессии, и отказалась от многих союзнических обязательств (Куба, Вьетнам и т. д.).

Итальянский журналист Джульетто Кьеза прав, когда пишет в своей книге “Прощай, Россия!”: “Я вижу, что проводящийся в России до сих пор курс губителен для всех ценностей, существовавших и существующих в этой стране, для культуры, духовности, науки и её мировой роли, как государства”².

Для страны под названием СССР конечной точкой была встреча М. Горбачёва и Дж. Буша-ст. на Мальте (2–3 декабря 1989 г.), которая зафиксировала то, что готовилось несколько десятилетий. Конечно, у Горбачёва была “перестроечная бригада” (“пятиколонники” — по терминологии профессора А. Д. Шутова), которую в основном формировал и воспитывал Запад, а цель её работы заключалась в том, как проговорился в одном своём интервью главный идеолог перестройки, член Политбюро ЦК КПСС и участник встречи на Мальте А. Н. Яковлев³, чтобы ликвидировать не только СССР и коммунизм, а тысячелетнюю модель русской истории, т. е. он признал (как и З. Бжезинский), что “перестройщики” боролись не с коммунизмом и СССР, а с Россией и “русским духом”.

А. И. Фурсов, директор Центра русских исследований Московского гуманитарного университета, утверждает: “Послемальтийская история показала: США, Великобритания, североатлан-

¹ Идею об “европейском доме” в своё время высказал президент Франции Ш. де Голль, а Горбачёв искажил её до абсурда.

² Кьеза Дж. Прощай, Россия! М.: Гей, 1998. С. 4.

³ По мнению В. А. Крючкова (председатель КГБ СССР в 1988–1991 гг.), А. Н. Яковлев был одним из самых активных деятелей “пятой колонны” в СССР.

тическая верхушка в целом ведут борьбу не против какой-то конкретной структуры русской истории, идеологии, а против исторической России, как бы она ни называлась, против России как культурно-исторического типа...”¹.

А дальше была сдача Германии.

Советскими и немецкими экспертами был подготовлен документ по принципам и условиям объединения Западной и Восточной Германии. На тот момент в нём содержались приемлемые для всех положения, а именно: одновременный роспуск Североатлантического альянса и Варшавского договора, обязательная демилитаризация Германии (это устраивало и Париж, и Лондон, которые опасались возрождения немецкого милитаризма в центре Европы) и нейтральный статус объединённой Германии. Горбачёв всё это отверг, удивив и Берлин, и Вашингтон.

Затем последовал вывод Западной группы Советских войск (ЗГВ)². Войска из Восточной Европы выводились практически в чистое поле, так как финансирование, выделенное для решения вопросов по дислокации и обустройству частей ЗГВ (15 млн немецких марок, а выплачено было только 8 млн), было благополучно разворовано ельцинской командой младореформаторов. По словам канцлера ФРГ Гельмута Коля, “мы получили Германию по цене бутерброда”³.

Есть такое проверенное веками наблюдение: крепости лучше брать не приступом в лоб, а изнутри — найдя предателя среди защитников. Горбачёв эту истину в очередной раз подтвердил: развалил вторую по суммарному военно-экономическому потенциалу страну он, а Россию попытался окончательно сдать на милость объединённого Запада Ельцин.

Не удалось, но это уже вопрос прежде всего национального менталитета.

¹ <http://www.rifinfo.ru/news/38676> (дата обращения: 17.06.2022).

² Началом вывода ЗГВ по решению Горбачёва следует считать 1989 г., а закончился он в августе 1994 г. уже при Ельцине.

³ По весьма приблизительным оценкам, Россия оставила только на территории ГДР имущества на 28 млрд долл., а компенсация составила всего 385 млн долл.

Россия виновата, потому что она — Россия

В большом перечне западных претензий к России любой общественной формации в последней четверти XX века появилась ещё одна — гуманитарная. Её Запад муссирует до сих пор во всех ракурсах, напрочь забывая о своих проблемах в этой сфере и лакунах в собственном гражданском праве.

Формально правовую основу для обсуждения прав человека в СССР Запад получил на основании Хельсинкского акта (1975 г.).

Разные цели, которые преследовали Запад и СССР со своими союзниками, проявились уже при подготовке встречи в столице Финляндии. Страны соцлагеря стремились к официальному закреплению итогов Второй мировой войны, сложившихся в Европе границ, официальному признанию Германской Демократической Республики и т. д., переходу к частичному разоружению и разрядке напряжённости, т. е. цели были целиком военно-политические, стратегические.

Запад согласился на созыв совещания, сосредоточив главные свои усилия на таких направлениях, как достижение открытости народно-демократических стран; возможность свободного потока идей и людей; размывание в СССР идеологических основ и тем самым на снижение антизападных настроений в соцлагере с конечной целью — ликвидации социализма как общественной формации на европейском континенте.

Подписанный Хельсинкский акт содержит три раздела: международно-правовой и военно-политический, экономический, гуманитарный, а также предусматривает дальнейшие шаги по его реализации. Гуманитарный раздел (достаточно расплывчатый, который можно наполнять любым содержанием) касался согласования обязательств по вопросам прав человека и основных свобод, в том числе свободы передвижения, контактов, информации, культуры и образования, права на труд, права народов распоряжаться своей судьбой, определять свой внутренний и внешний политический статус.

В СССР делали ставку на приоритет социально-экономических прав человека, учитывая общеизвестный факт, что в США “негров вешают” и “отстреливают”, а оппоненты — на индивидуальные права. У нас сразу же возникли хельсинкские группы

(с западным морально-материальным стимулированием) и активизировались правозащитники, хотя советское руководство считало гуманитарные вопросы своим внутренним делом, а не международным.

Сразу после Хельсинки СБСЕ/ОБСЕ про первые две “корзины” благополучно “забыла”, а основное внимание сосредоточила на нарушении прав человека (в том числе секс-меньшинств) и демократических (в западном понимании) свобод, особенно это касалось России. Российские “проблемы” рассматривались как прямой источник мировых кризисов и конфликтов, т. е. угроз для международного сообщества в целом, угроз внутренней стабильности других государств, и как следствие — фактор осложнения международных отношений.

Из-за развала СССР, потери Советским Союзом и, соответственно, Российской Федерацией как его правопреемницы союзников в Европе и во всём мире, перехода народно-демократических стран Восточной Европы в западный лагерь чёткая линия, существовавшая в СБСЕ¹ ранее и разделявшая блоки государств, размылась. Российская Федерация всё чаще оставалась на своих позициях в одиночестве, так как постсоветские государства (кроме Прибалтики), вступившие в ОБСЕ, не влияли на ситуацию, а Польша² и прибалтийские страны стали вести просто враждебную линию в отношении Москвы.

Таким образом, коренные геополитические изменения в Европе: исчезновение СССР, социализма как государственной формации, ОВД, СЭВ, вступление восточноевропейских и прибалтийских государств в НАТО и ЕС — всё это изменило ситуацию в ОБСЕ до неузнаваемости, превратив её в тенденциозную структуру, обслуживающую интересы Запада.

Именно поэтому в Федеральном собрании страны обсуждается целесообразность участия России в работе подобных ангажированных международных организаций, где российское высшее руководство всегда является объектом абсолютно необоснован-

¹ СБСЕ 1 января 1995 г. переименована в ОБСЕ.

² *Штоль В. В.* Россия — Польша: соседство как приговор // *Обозреватель — Observer*. 2020. № 12 (371). С. 6–20; *он же.* Польская политика в болоте исторических химер // *Обозреватель — Observer*. 2021. № 3. С. 5–25.

ных клеветнических нападок, ничего общего, по сути, не имеющих с реальностью, а по форме не соответствующих элементарным правилам дипломатического протокола.

Эта проблема интересует и граждан страны, так как наши взносы в бюджеты откровенно враждебных международных структур весьма существенны (за 2018–2020 гг. — 256,4 млрд руб., или порядка 4 млрд долл.) и несопоставимы с теми средствами, что вносят государства-“гномы”.

В связи с совершенно неприемлемой антирусской кампанией, развёрнутой на Западе, встал вопрос если не о выходе России из подобных международных организаций, то о приостановке членства.

Конец Ялтинско-Потсдамской системы мироустройства

Итак, Советский Союз, как раньше Российская империя, а сейчас и Российская Федерация стремились и стремятся защитить свой государственный суверенитет, свою цивилизацию, свой многонациональный народ. Это Запад определённо не устраивает.

В Ялте и Потсдаме советская делегация, делегации США и Великобритании выработали на условиях компромисса принципы послевоенного устройства мира. СССР, освободив Восточную Европу от власти Третьего рейха, создал кордон для защиты своих западных рубежей. Советский Союз действительно освободил восточноевропейские территории от фашизма, но большинство этих стран воевали на стороне Германии вполне добровольно за обещания Гитлера поделиться с ними плодами своей победы¹.

Конечно, продавали и предавали народы своих стран элиты, но великодушные победителя тоже надо уметь принять, а то в памяти остаётся неприятный осадок. К этому добавляются исторические обиды, мнимые или реальные. Всё это используется манипуляторами человеческих душ — политиками, церковью, СМИ. И вот уже комплекс ущербности готов, нужно только направить его в соответствующее русло. Что и было сделано весьма успешно в конце 1980-х — начале 1990-х гг. Как следствие — прежние

¹ *Штоль В. В.* Россия и Запад: несостоявшийся альянс или противостояние как неизбежность. СПб. : Алетейя, 2019. С. 236–263.

союзники в Восточной Европе превратились в заклятых врагов, а Запад ещё использовал и приманку, утверждая, что наконец-то они вернулись в лоно своей цивилизации и уже почти “настоящие европейцы”. Против этого аргумента не могла устоять никакая “братская” дружба народов, а возглавили антироссийский поход поляки и прибалты.

И лагерь открытых русофобов пополнился. Но в целом западная тотальная антирусская политика никогда не прекращалась: то это были разнообразные ландскнехты и рыцарские ордена, направляемые Ватиканом; то интервенция по главе со странами Антанты, бывшими союзниками; то изоляция; то диссидентствующая интеллигенция и “шестидесятники”, а ещё и Болотная площадь с навальными, собачками и элитой шоу-бизнеса; к этому добавились санкции и упрёки в нарушении “прав человека”, подозрения во вмешательстве в выборы (США) и референдумы (Каталония и даже Великобритания). Все и везде ищут “русский след” или русских хакеров. Да и антидопинговая кампания против российских спортсменов, начатая ещё в 2014 г. в преддверии XXXI летних Олимпийских игр (2016 г., Рио-де-Жанейро, Бразилия) и продолжившаяся в Пхёнчхане (XXIII зимняя Олимпиада, 2018 г., Южная Корея), Токио (XXXII летняя Олимпиада, 2020 г., Япония) и Пекине (XXIV зимняя Олимпиада, 2022 г., Китай) не выпадают из общей картины. Российские спортсмены вынуждены были выступать на Олимпиадах и на всех международных соревнованиях в нейтральном статусе.

После начала специальной военной операции на Украине (24 февраля 2022 г.) под запрет Международного олимпийского комитета (МОК) попали все российские паралимпийцы, приехавшие в Пекин. И никакая тёплая встреча в Москве не могла заменить им атмосферу Олимпийских игр. Затем МОК и все международные спортивные федерации запретили российским и белорусским спортсменам участвовать в международных соревнованиях, что является прямым нарушением Олимпийской хартии и прав человека, за которые так ратует весь Запад. При этом и Россия, и Белоруссия не могут проводить на своих территориях международные соревнования. Это коснулось уже финала Лиги чемпионов УЕФА в Санкт-Петербурге и этапа Гран-при Формула-1

в Сочи. В последнее время чиновники от спорта хотят запретить и трансляцию в России международных соревнований. Но это большие убытки для организаторов. Интересно, что победит — доллар или идеология? О здравом смысле речь не идёт.

А теперь уже запретили и русскую культуру, и её представителей, хотя появился и целый отряд отечественных перебежчиков, готовых продаться за западные у.е.

Под западные санкции попали даже отечественные собаки и кошки, которых не допустили на международные выставки.

И всё из-за того, что кроме ментальной несовместимости СССР (Россия) — обладатель почти одной шестой части суши — представляет для современных неокolonизаторов огромный интерес в части ресурсов. Поэтому была разработана схема ликвидации СССР: сначала надо было разложить власть (*удалось*), затем разделить страну (*удалось*) и уже по частям разбираться с тем, что получилось (*почти удалось*). Дальше пошла борьба за важнейшие ресурсы XXI века — плодородные земли (Украина, южная часть России), недра (Россия, Украина, среднеазиатские республики, в том числе Туркмения и Казахстан), геополитические преимущества (весь периметр СССР), питьевая вода (Россия).

Основной посыл Запада: хорошо бы исчезла российская государственность, а осталась бы территория с природными богатствами и некоторое количество “аборигенов”, чтобы эти ресурсы добывать, тем более что в мире уже давно утвердилось мнение, что экономика России — это исключительно сырьё для западных бензоколонок, да и наши либералы-рыночники стремились, чтобы страна не производила высокотехнологичную продукцию (“импорт решит все проблемы”), да и продовольственные проблемы также могут быть решены поставками типа “ножков Буша”.

Эти времена прошли, хотя не все вопросы решены, да и технологическое время идёт существенно быстрее календарного.

Введённые санкции, особенно ужесточившиеся после февраля 2022 г., нанесли серьёзный удар по экономике, но она не рухнула, доллар не стал стоить 200 руб., а экономика достаточно быстро благодаря принятым правительством мерам возвращает себе позиции. Стоит подчеркнуть, что решения правительства не разработаны весной 2022 г. Судя по их продуманности, работа над ними

шла уже давно и вполне планомерно. Но антироссийские санкции тяжело сказались на экономике всех стран мира и в первую очередь на сильнейших экономиках мира, в том числе США, Великобритании и странах Европейского союза и его лидере — Германии. Даже появился термин “путинский налог на бензин”.

Стоит отметить такой парадокс современности: всегда считалось, что экономика первична, а политика подстраивается под неё. Но сегодня, может быть, на очень исторически короткий период политика стала первична. Из этого следует вывод, что надо обязательно добиваться технологической независимости как наиболее капиталоемкой, трудозатратной и длительной по времени. Стоит отметить, что именно США всегда запрещали передачу технологий СССР.

Постепенно ряд западных аналитиков пришли к такому парадоксальному выводу: если исчезнет экономика Японии (3-е место в мире по данным ООН), то её место достаточно быстро по основной номенклатуре кто-то займёт. То же самое будет и с заменой экономики Германии (4-е место): мировая система в достаточно сжатые сроки найдёт ей замену. Совсем другое дело российская экономика (11-е место в мире). В этом случае мир ждёт мировой энергетический, металлургический и продовольственный крах.

Российскую экономику нельзя заместить, и это доказали все пакеты санкций: чем больше запретов налагается на Россию, тем большие убытки терпит экономика и население западных стран. До заветной евро-американской “зелёной экономики” десятки лет при огромных капиталовложениях, но без современных ресурсов эту будущую систему не создать.

Таким образом, поводов для антироссийских санкций не счесть, а цель Запада всегда одна — любым способом уничтожить страну, заставить её народ забыть свои корни и традиции, забыть, кто есть кто, отречься от веры дедов и отцов и, доведя население до состояния манкуртов, прибрать себе все богатства её территории.

Был ли конец у холодной войны?

В 1990-х гг. вопрос холодной войны — в контексте кончилась ли она с ликвидацией социалистического лагеря или нет — обсуждался достаточно широко в среде политиков и учёных. Ельцинско-

козыревская линия во внешней политике, как продолжение пораженческой дипломатии Горбачёва — Шеварднадзе, считала, что противостояние СССР и его правопреемницы Российской Федерации с Западом себя исчерпало, наступает эра “общевропейского дома”, куда Россию примут “тепло и нежно”. Это было не так, и это не могло произойти просто по определению. Россия как государство, как самобытная независимая страна, Западу не нужна, и при этом он испытывает перед её потенциальной мощью хронический страх на уровне подсознания.

Дальнейшие события во взаимоотношениях России и Запада ещё раз подтвердили, что противостояние как было, так и есть и конца ему в обозримом будущем не видно.

Ещё в 1940-е гг. русский религиозный философ И. А. Ильин утверждал, что войну против России ведут её хорошо всем известные враги, «которые не успокоятся до тех пор, пока им не удастся овладеть русским народом через малозаметную инфильтрацию его души и воли, чтобы привить ему под видом “терпимости” — безбожие, под видом “республики” — покорность закулисным мановениям и под видом “федерации” — национальное обезличение. Это зложелатели — закулисные, идущие “тихой сапой”»¹.

В иных терминах, но о той же самой угрозе для самого существования России как самостоятельного государства и её народа говорил и историк церкви митрополит Иоанн (Иван Матвеевич Снычёв): “...Против России, против русского народа ведётся подлая, грязная война, хорошо оплачиваемая, тщательно спланированная, непрерывная и беспощадная. Борьба эта — не на жизнь, а на смерть...”².

После ликвидации социалистической системы в лице СССР и восточноевропейских стран народной демократии во взаимоотношениях новой либеральной России и Запада, особенно в эпоху Ельцина, который уровень своей компетенции пережил ещё в Свердловске, будучи в течение почти 20 лет первым секретарём обкома, появилась новая лексика. Она наполнилась либеральными терминами-поучениями о том, как жить, как приватизировать,

¹ Ильин И. А. О грядущем России. М. : Воениздат, 1993. С. 169.

² Митрополит Иоанн. Одоление смуты. Слово к русскому народу. СПб. : Царское дело, 1995. С. 73.

что делать с социальной сферой, что есть, пить и смотреть, каким богам молиться и как забыть своё прошлое. В последнее время это особенно коснулось итогов Второй мировой войны и той роли, которую сыграл Советский Союз в достижении Победы¹.

Запад, используя временную слабость России в 1990-е гг., не только подчинил её своим экономическим интересам, укрепив союз с новой российской олигархией, но и придвинул свой военный альянс вплотную к нашей границе: сначала были поглощены бывшие союзники СССР по Организации Варшавского договора, затем республики Прибалтики, входившие в состав Советского Союза. У России вполне мог возникнуть “синдром... окружения”². А дальше начались манёвры вокруг Грузии и Украины, завершившиеся “цветными революциями”. Конечной целью было вовлечение в НАТО и этих республик, несмотря на жёсткую позицию, занятую Россией, примером которой может служить выступление президента В. В. Путина (февраль 2007 г.) в Мюнхене³. На какой-то период Североатлантический альянс предложил “дружить” с Россией, одновременно увеличивая контингент своих войск и их потенциал в Прибалтике и Польше и создавая “учебные” центры на Украине и в Грузии. “Дружба” кончилась в феврале 2022 г., когда коллективный Запад исчерпал запас терпения Москвы и на предложения восстановить статус-кво в продвижении НАТО на Восток, обеспечив гарантии неделимой безопасности России и западных стран — членов НАТО и ЕС, ответил отказом.

Североатлантический альянс на наших границах — это видимая военная угроза национальной безопасности страны. Не без прямой поддержки Запада были организованы конфликты на постсоветских территориях, непосредственно затрагивающие российские интересы: в Приднестровье (с 1989 г.) и Абха-

¹ Пономарева Е. Г. Фальсификация истории Великой Отечественной войны — технология трансформации сознания // Обозреватель — Observer. 2016. № 5 (316). С. 5–20.

² Cohen S. F. Failed Crusade. America and the Tragedy of Post-Communist Russia. N.Y., 2000.

³ Ужесточение позиций России по отношению к Западу произошло после визита правящего князя Монако Альбера II в Москву (2006 г.) и озвученных им предложений о расчленении России для её последующей частичной интеграции с Европой.

зии (1989–2008 г.), Южной Осетии (2008 г.) и Белорусии (2021 г.), Казахстане (январь 2022 г.) и Нагорном Карабахе (2021 г.), а также на юго-востоке Украины (с 2014 г.), несмотря на все инициированные Россией Минские договорённости, формально поддерживаемые также руководством Германии и Франции, которые являлись гарантами Минска.

Украина — проект “анти-Россия”

Культ “анти-России” на Украине — это явление не последних 30 лет. В этот период он лишь чётко выкристаллизовался и превратился в государственную идеологию при поддержке внешних сил. И если для Польши такой курс — это вековая традиция, то для Запада — вековая геополитическая целесообразность.

Истоки современного национализма Украины надо искать в истории Киевской Руси, когда во второй четверти XII века Древнерусское государство в результате междоусобиц распалось на самостоятельные княжества, Новгородскую и Псковскую феодальные республики. И если восточные земли Киевской Руси, сохраняя православие, постепенно объединялись вокруг Москвы, формируя государство, то территории западных княжеств, элита которых быстро приняла католицизм, а население, хотя и постепенно, униатство (Брестская уния 1596 г.), переходили из рук в руки: Польша и Литва, Речь Посполитая (Люблинская уния 1569 г.), Османская империя и империя Габсбургов и, наконец, разделы Речи Посполитой в конце XVIII века.

Стоит отметить, что римско-католическая и униатская церкви проводили весьма агрессивную политику, и прозелитизм был основным направлением в их отношениях с населением.

Но, несмотря на всех султанов, королей и императоров на местных тронах, для элиты основным врагом оставался восточный сосед — Московское государство, с которым воевал их очередной сюзерен. Образ врага в лице русских поддерживался и Святым престолом, пытавшимся через католичество и униатство вытеснить православие.

В этот период Киев полностью утратил своё былое значение для восточнославянских земель, православные храмы и монастыри были разрушены.

В 1596 г. Киевская православная митрополия приняла унию с Римом, поэтому многие соборы и монастыри перешли к униатам. Однако значительная часть горожан и монахов, в том числе Киево-Печерской лавры, не приняла униатство, и город на долгое время стал центром борьбы за православную веру.

В конце XVIII века исконно русские земли по Днепру и Северному Черноморью были освобождены от завоевателей (поляков, литовцев, турок, татар, австрийцев и венгров) и присоединены к Российской империи. Именно тогда захолустные польско-литовские окраины по правобережью Днепра приобрели статус губерний, в частности, Киевской, а позже Киевского наместничества и генерал-губернаторства. При этом поляки составляли значительную долю его населения, частично украинизировавшись, но именно они стали важным элементом и движущей силой украинского национализма, точкой отсчёта которого считается создание в Киеве тайного Кирилло-Мефодиевского братства по инициативе историка Н. Костомарова, выдвинувшего тезис о двух русских народностях (1861 г.), хотя украинцы рассматривались им однозначно как часть общего русского этноса. Но в умелых руках его идеи быстро разделили украинских националистов на “украинцев” и “малороссов”, последние считали себя частью русской общности в составе Русского государства, а “украинцы”, населявшие в основном восточные земли Австро-Венгрии, в частности, Галицию, всячески подчёркивали свою “особость” и право на собственное государство. Позиция Вены в данном вопросе понятна: из двух зол — польского и украинского национализма — австрийцы выбрали украинский как менее агрессивный.

В 1917 г. после революционных событий в Петрограде на территории Центральной и Западной Украины была создана сначала Украинская Народная Республика (УНР), потом Украинская держава при гетмане П. Скоропадском, затем вновь УНР, объединившаяся с Западно-Украинской народной республикой. Кроме того, Украина испытала власть Петлюры, батьки Махно, “зелёных” и т. д.

На юго-востоке Малороссии в конце 1918 г. была образована Донецко-Криворожская Советская Республика (ДКСР), в её состав вошли территории Харьковской и Екатеринославской гу-

берний (полностью), часть Криворожья Херсонской губернии, часть уездов Таврической губернии (до Крымского перешейка) и прилегающих к ним промышленных (угольных) районов области Войска Донского (фактически всё Левобережье)¹. Столицей республики был Харьков, затем Луганск.

В период Центральной рады руководство ДКСР пыталось сохранить советскую власть в Донбассе и осуществляло декреты РСФСР. Руководители ДКСР в марте 1918 г. заявили о создании единого фронта с РСФСР против германо-австрийских войск, которые вступили на территорию Украины по просьбе УНР. В феврале — апреле 1918 г. оккупационные войска (немецкие, австрийские, польские) захватили почти всю территорию Украины.

В августе 1918 г. правительство Советской России и Германия подписали дополнительный договор, по которому Донбасс был объявлен временно оккупированным немецкой армией. В ноябре 1918 г. Центральные державы признали своё поражение в Первой мировой войне. Их войска начали покидать занятые территории, а западноукраинские земли (Восточная Галиция, Северная Буковина и Закарпатская Украина) с санкции Антанты отошли к Польше, Румынии и Чехословакии².

17 февраля 1919 г. было принято постановление Совета Обороны РСФСР о ликвидации Донецко-Криворожской Советской Республики.

Советская власть утвердилась на Украине в июне 1920 г. За период с февраля 1917 г. по июнь 1920 г. власть в Киеве менялась 15 раз.

Говоря о немецкой оккупации Украины в 1918 году, когда с её территории составами вывозились продовольствие и сырьё (практически это был продналог), стоит напомнить, что и в плане блицкрига “Барбаросса” содержался экономический раздел — план “Ольденбург”, в котором были “заложены основные идеи по освоению территорий, завоёванных в результате реализации блицкрига. В нём содержались чёткие указания по сохранению

¹ Сейчас это Донецкая, Луганская, Днепропетровская, Запорожская, Харьковская, Сумская, Херсонская, Николаевская и Ростовская области.

² Эти территории вошли в состав СССР только в 1939 г.

и эксплуатации в условиях военного времени производственных мощностей промышленности и сельского хозяйства, а также соответствующей производственной и транспортной инфраструктуры оккупированных территорий с тем, чтобы они могли быть с наибольшей эффективностью использованы в интересах Германии как в военный период, так и при германизации завоёванного пространства”¹.

Говорят, что когда Гитлер рассматривал карту завоёванной Европы и рассуждал о неких государствах, которые будут созданы на этой территории, то для оккупированных советских земель речь шла только об рейхскомиссариатах², без всяких намёков на государственность.

Итак, из рук советской власти украинцы получили своё национально-государственное образование, а после войны — и членство в ООН.

После Первой мировой войны на западноукраинской территории вопрос о национальном государстве даже не стоял в повестке дня. В период между войнами (в 1920–30-е гг.) в Галиции была создана крайне ультранационалистическая организация ОУН³, которая свою террористическую деятельность направляла против СССР и Польши, считая, что эти страны лишили украинцев возможности иметь своё государство в “исторических границах”, а равноправным своим союзником они считали Третий рейх. Но это не соответствовало плану Германии, что привело к противостоянию с немцами и созданию Украинской повстанческой армии (УПА)⁴. Теперь националисты противостояли всем, но от создания собственного государства они были далеки, так как социальная поддержка, особенно на востоке и юго-востоке, падала, и они перешли к тактике массового террора. Освободив территорию Западной и Центральной Украины, СССР много лет боролся

¹ Штоль В. В. Россия и Запад: несостоявшийся альянс или противостояние как неизбежность. СПб. : Алетейя, 2019. С. 120.

² Dallian A. German Rule in Russia 1941–1945. L., 1953. P. 87.

³ Деятельность ОУН законодательно запрещена на территории Российской Федерации.

⁴ Деятельность УПА законодательно запрещена на территории Российской Федерации.

с националистическим подпольем, а после распада СССР на Украине стал быстро распространяться крайне правый радикализм. Со стороны казалось, что “переформатирование” населения Украины прошло слишком быстро. Но для этого были все основания.

После Октябрьской революции и до начала Великой Отечественной войны Донбасс и весь юго-восток превратился в основную промышленную базу СССР с крупнейшими заводами чёрной металлургии и тяжёлого машиностроения, шахтами и судостроительными заводами. Для всех этих отраслей народного хозяйства нужны были кадры и научно-производственная база. И то и другое здесь было, а местная молодёжь уезжала учиться в Москву, Ленинград и другие крупные города, где можно было получить соответствующую специальность. Поэтому в вузы, связанные с техническими дисциплинами, шли в основном уроженцы именно юго-востока Украины, а западная молодёжь училась в ближайших гуманитарных, выпускники которых по распределению работали здесь же. Ограниченный круг общения и неизменность обсуждаемых тем об “украинской исключительности” консервировали у молодёжи чисто национальные мифы о роли и месте Украины (особенно Западной), и с этими идеями они продвигались по карьерной лестнице. Поэтому местную и региональную власть на Украине, как правило, представляли уроженцы центральных и западных областей республики. Некоторые делали успешную карьеру и попадали в Киев и даже Москву с тщательно скрываемыми националистическими взглядами и безудержной жадностью власти. В конце концов они её получили. Это касалось не только среднего звена власти, но и высоких партийных руководителей в Киеве.

На Украине, особенно после 1990-х гг., кроме национализма в явно нацистской форме стали распространяться идеи типа “мы европейцы”, “мы не такие, как москали”. И в результате страна не смогла использовать полученную независимость для укрепления своей государственности, проведения национальной политики, что в значительной степени гарантировалось бы нейтральным статусом. Покровительство национализма властью в Киеве, отрицание общей с Россией истории, ненависть ко всему русскому привело к ожидаемому результату — расколу страны. Затем последовал весной 2014 г. госпереворот в Киеве и, как следствие, референдумы

в Крыму и Донбассе. Последней каплей для Донецкой и Луганской областей стал запрет на родной русский язык.

В Европейском союзе от войны на Украине может выиграть в основном Польша. Уже сейчас она пытается аккумулировать финансовые средства, поступающие в адрес Киева на поддержку военных действий, она является и главным хабом западных вооружений для украинских ВСУ, украинский золотой запас переведён в польский банк, да и полякам предоставляются равные права с украинцами, включая возможность занимать руководящие должности. Это можно рассматривать как ползучую оккупацию. Польше, конечно, всю страну “не переварить”, но западная часть вполне может быть её протекторатом с какой-нибудь псевдогосударственной символикой. Но любой симбиоз Польши, где никогда не забудут зверства Бандеры, УПА, расстрелы и погромы, с Западной Украиной — это источник постоянной нестабильности на востоке ЕС, что будет подогреваться Лондоном, который всегда хорошо себя чувствует, если на континенте все ссорятся.

Поляки когда-нибудь поднимут этот вопрос, ведь недавно они вспомнили, что являются жертвами Второй мировой войны¹, но пока им не позволяют это делать ни США, ни натовско-евросоюзосковский Брюссель, для которых бандеро-нацистская Украина — это новый плацдарм для *Drang nach Osten*.

Разворот Киева к Варшаве — это конец проекта “Украина”. Современная власть на Украине, скандально требующая от Запада военной и финансовой помощи для “окончательной победы над Россией”, не думает, как и когда эти долги возвращать. Это политика временщиков, а в целом — иллюстрация несостоявше-

¹ Поляки вдруг вспомнили, что они — жертвы Второй мировой войны и потребовали компенсацию от Германии и Российской Федерации, забыв, что от Германии они получили не только очень значительные суммы (репарации в виде материального имущества эквивалентом 2,37 млрд долл.), но и промышленно развитую территорию, а Советский Союз, хотя его города и сёла лежали в развалинах, сразу после освобождения столицы Польши на основании постановления Государственного комитета обороны (постановление ГОКО от 29 января 1945 г. № 7424) определил конкретные министерства и ведомства СССР и их обязанности по участию в восстановлении Варшавы с соответствующими сроками; позже Москва выделила финансирование на её восстановление.

гося государства (*failed state*), которое не может быть жизнеспособной политической и экономической единицей.

Совершенно очевидно, что за современным кризисом на Украине стоит, как всегда, политика США и НАТО и их стремление реализовать старую как мир “стратегию анаконды”, сформулированную ещё адмиралом А. Мэхэном: окружить Россию, выдавив её из Европы на северо-восток, и тем самым создать условия для её полного распада¹. Об этом мечтали все американские и западные стратеги — от советника президента США В. Вильсона полковника Э. Хауза (который ещё в 1918 г. сказал: “...Остальной мир будет жить спокойнее, если вместо огромной России в мире будут четыре России. Одна — Сибирь, а остальные — поделённая европейская часть страны”) до Гитлера и Бжезинского.

Цель Запада: Россия должна быть удалена с мировой арены

Вот эта неизменность целей и задач, рассчитанных на уничтожение нашей страны, и есть главное, что определяет внутреннюю логику поведения Запада: Россия должна прекратить существование. Сегодня киевским властям отводится в этом проекте роль внешнего тарана, а российской “болотной оппозиции” — внутреннего. Расчёт на то, что Россия завязнет в украинском кризисе, конечно же, присутствует. Но не только. Не менее важным является стремление напугать Европу “российской угрозой”, укрепив над ней уже существующий с 1940-х гг. американский контроль, прежде всего в сфере военной безопасности с помощью Североатлантического блока. Но даже признавая сложности кооптации новых членов, американцы не отступают, придумывая всё новые и новые формы сотрудничества и расширяя географические границы, на которые распространяется сфера ответственности альянса.

На саммите НАТО в Мадриде (30 июня 2022 г.) были единогласно одобрены кандидатуры Швеции и Финляндии. Для России это означает:

— протяжённость границы с альянсом увеличивается почти вдвое (1400 км);

¹ Mahan A.T. The Influence of Sea Power Upon History, 1660–1783. Cambridge University Press, 2010.

— Балтийское море практически становится внутренним морем НАТО.

Таким образом, Россия утратила свои позиции на Балтике, завоёванные ещё в начале XVIII века Петром I. Значение Балтийского моря понимали и при Иване III, и при Иване IV, в царствование которого Великое княжество Московское пыталось обеспечить выход страны к морю в течение длительной Ливонской войны (1558–1583 гг.).

В Балтийском море есть несколько точек, которые определяют всю геополитическую ситуацию не только его акватории, но и Северной Европы, а также Северного Балтийского побережья Центральной и Восточной Европы. Это Аландские острова, полуострова Ханко (Гангут) и Порккала-Удд, остров Гогланд.

На Аландских островах (принадлежали шведской короне с XII в.), находящихся при входе в Ботнический залив, русские войска появились во время Северной войны (1700–1721 гг.) в 1714 г. Именно тогда острова впервые стали базой русского галерного флота, контролирующего судоходство в заливе. По Ништадскому миру (1721 г.), территория Финляндии и острова были возвращены Швеции. Очередная Русско-шведская война (1808–1809 гг.) привела к тому, что Финляндия, в том числе и Аландские острова, перешли под юрисдикцию Российской империи. Острова были важнейшим пунктом обороны на российской Балтике, но после Парижского мира (1856 г.) по итогам Крымской войны (1853–1856 гг.) они стали демилитаризованной зоной. И только после убийства эрцгерцога Фердинанда в Сараево (1914 г.) там появились не только русские войска, но и началось строительство укреплений, которые должны были стать частью “Морской крепости Петра Великого” — системы военно-оборонительных рубежей на Балтике.

По условиям Брестского мира (1918 г.) русские войска покинули укрепрайон на островах. Когда Советская Россия признала независимость Финляндии (1917 г.), то проблема Аландов стала уже шведско-финской.

Важнейшим стратегическим объектом в Финском заливе является остров Гогланд, находящийся практически в его центре, на пересечении основных морских путей. Остров до 1743 г. принадлежал Швеции, но когда она попыталась вернуть себе земли,

утраченные во время Северной войны, то вновь проиграла и вновь потеряла ряд территорий, в том числе и Гогланд. После Октябрьской революции он был передан Финляндии, но в Зимнюю войну (1939–1940 гг.) СССР вернул себе остров и поставил там батареи.

С конца 1944 г. остров контролировался СССР, а с 1947 г. права СССР были закреплены мирным договором с Финляндией. В послевоенное время Гогланду как военному объекту не придавалось значения: он находился в 29,7 морских милях¹ от советской Эстонии и в 21,6 морской мили от финского порта Котка. При этом практически всё южное побережье Балтики принадлежало нашим союзникам по Варшавскому договору (ГДР и Польша), а северное — нейтралам².

Не менее важной точкой на карте Северной Европы является полуостров Ханко (Гангут)³, контролирующий вход в Финский залив, часть которого, включая город Ханко, его порт и прилегающую морскую акваторию, Финляндия после советско-финской войны сдала в аренду СССР сроком на 30 лет для создания военно-морской базы. После окончания Второй мировой войны взамен территории на полуострове Ханко СССР была предоставлена в аренду сроком на 50 лет территория полуострова Порккала-Удд с островами и водным пространством⁴.

Стратегически это было более удобное место для защиты Ленинграда, чем полуостров Ханко, так как батареи на Порккала-Удд и батареи на эстонском острове Нарген (Найссаар), где ещё до Октябрьской революции началось строительство военных укреплений, своим огнём перекрывают вход в Финский залив. База была построена и укомплектована, но просуществовала только

¹ 1 морская миля = 1,852 км, 1 км = 0,6 морской мили.

² Швеция провозгласила нейтралитет после наполеоновских войн, а Финляндия — после Второй мировой войны.

³ В августе 1714 г. (по новому стилю) состоялось сражение гребной флотилии русского флота и парусно-гребной шведского как одного из этапов Северной войны (1700–1721 гг.). Русские одержали безоговорочную победу. Это была первая в российской истории победа русского флота. Была выпущена медаль “За морское сражение при Гангуте”.

⁴ Ещё в 1911 г. в Петербурге именно Порккала-Удд рассматривался как военно-морской объект для защиты его от вражеского нападения.

до 1955 г., когда Н. Хрущёв отказался от аренды. Это рассматривалось как дипломатический успех: Норвегия, вступив в НАТО в 1949 г., обязалась не размещать на своей территории иностранные военные базы и атомное оружие, Швеция подтвердила свой нейтральный статус, а Финляндия кроме нейтралитета продлила на 20 лет Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР¹.

Может быть, тогда это решение об отказе от военно-морской базы на Порккала-Удд казалось правильным. Но не был учтён один существенный аспект. Как говорил ещё в 1848 г. в палате общин будущий премьер-министр Великобритании лорд Г. Пальмерстон, "...я утверждаю, что недалёковидно считать ту или иную страну неизменным союзником или вечным врагом Англии. У нас нет неизменных союзников, у нас нет вечных врагов. Лишь наши интересы неизменны и вечны, и наш долг — следовать им"².

В случае СССР/России друзья стали заклятыми врагами, а нейтралы превратились во врагов. Можно напомнить и о решении отдать Порт-Артур и Дальний (1960-е гг.), а также огромные акватории Берингова моря (1990 г.), отказ от военных баз на Кубе, во Вьетнаме и т. д.

Всё это — цена сиюминутных решений без просчёта возможного ущерба для национальных интересов страны на перспективу.

Большинству стран Балтийского региона Россия может противостоять в экономической сфере. Вопросы газа и нефти достаточно известны, а для Финляндии это ещё и Сайменский канал³, территория которого принадлежит России, но сам он находится в аренде у Финляндии. Канал был построен в середине XIX века,

¹ Эвакуация советских военнослужащих с базы Порккала-Удд проходила в спешке. Финской стороне была оставлена вся инфраструктура. Масштабы этого, конечно, несопоставимы с выводом ЗГВ из ГДР и стран ОВД, но технология сохранилась: всё оставляют возможному противнику в будущем без всякой компенсации.

² <https://citary.info/man/genri-dzhon-templ-palmerston> (дата обращения: 17.06.2022).

³ Общая протяжённость Сайменского канала — 57,3 км с морским фарватером, из них 23,3 км — на территории Финляндии, 19,6 км — на территории России, арендованной финнами, и 14,4 км — в Выборгском заливе.

когда Финляндия входила в состав Российской империи, повлияв на экономическое развитие глухих восточных финских районов.

Договор по Сайменскому каналу между СССР и Финляндией был заключён в 1962 г. со сроком до 2013 г. В 2010 г. был подготовлен новый проект договора, и в феврале 2021 г. он вступил в силу со сроком аренды до 2063 г. Россия получает постоянную арендную плату в размере 1,22 млн евро в год и переменную арендную плату 0,18 евро на каждую единицу валовой вместимости прошедших по каналу судов. Доход Финляндии оценивается от 10 до 30 млн евро. Учитывая европейскую “недоговороспособность”, Россия все договоры может соблюдать, исходя из своих интересов.

В Балтийском регионе всё кардинально изменилось, когда Эстония, Латвия и Литва провозгласили независимость, а в августе 1991 г. президент РСФСР Б. Ельцин, невзирая на ещё существовавший СССР, признал их от имени РСФСР. В марте 2004 г. страны Балтии вступили в НАТО.

Вся Прибалтика для натовцев представляет интерес исключительно как плацдарм против России и в какой-то мере как логистические маршруты. Экономический (промышленный и сельскохозяйственный) потенциал когда-то процветающих советских республик ими утрачен полностью с помощью евросоюзских дотаций. ЕС не нужна была ни продукция прибалтийской промышленности, ни сельского хозяйства, надо было исключить конкуренцию с собственными производителями. Одновременно шло сокращение населения как за счёт эмиграции, так и естественной убыли (табл. 4).

Таблица 4

Убыль населения в странах Балтии¹

Страна	Население, млн чел.			Изменения 2022 к 1990 г., %
	1990 г.	2019 г.	2022 г.	
Литва	3,7	2,8	2,66	-28
Латвия	2,7	1,9	1,87	-31
Эстония	1,57	1,32	1,33	-15

¹ <https://news-front.info/2022/02/17/ni-odna-respublika-pribaltiki-ne-v-sostoyanii-reshit-problemu-depopulyatsii> (дата обращения: 17.06.2022).

Ни одна из этих стран не в состоянии решить проблему депопуляции, и, кроме того, практически четверть населения — пенсионеры с пенсиями, составляющими примерно четверть от среднеевропейской, а потребительская корзина в среднем равна от 20 до 30% от пенсии при практически общеевропейских ценах на все товары и услуги.

Латвия, Литва и Эстония прославились сносом памятников советским воинам, наличием значительного числа русскоязычных неграждан, маршами неонацистов и общей русофобией в политике. Но вот Литве удалось превзойти своих соседей: тупо следуя указаниям Брюсселя по перечню антисанкционных товаров, Вильнюс перекрыл их поставку из России в её Калининградскую область и тут же начал “бояться” за Сувалкский коридор, нагнетая обстановку рассуждениями, сколько потребуется времени, чтобы российские вооружённые силы раз и навсегда отделили Прибалтику от остальной Европы.

Но если вспомнить историю, то Литва должна бояться не за этот гипотетический сухопутный 100-километровый коридор, который мог бы соединить Белоруссию с российским анклавом, а за территории, которые она получила во времена СССР от Белорусской ССР, включая Вильнюс (Вильно), и увеличив свою территорию практически на треть. Да и Клайпедский (Мемельский) край, отошедший к СССР по итогам Второй мировой войны и переданный Литовской ССР в 1950 г. лишь в административное управление, может быть на вполне законных основаниях востребован назад.

Итак, после присоединения Швеции и Финляндии к альянсу всё южное, северное и большая часть восточного побережья Балтийского моря — это вотчина НАТО.

При существующих взаимоотношениях России с коллективным Западом от него не стоит ждать соблюдения каких-либо конвенций по морскому судоходству и других норм международного права, регулирующих отношения между государствами. Поэтому на Балтике для России может быть затруднён выход в Мировой океан не только военных кораблей, но и торгового флота, может быть нарушена работа петербургских верфей (строительство и ходовые испытания подводных лодок, военных кораблей различного класса, ледокольного флота).

Действительно, настало время “отбирать наши пяди и крохи” (по В. Высоцкому) и возвращать страны Балтии под юрисдикцию России в соответствии с Хельсинкским заключительным актом СБСЕ (1 августа 1975 г.), признавшим послевоенные границы в Европе, а при необходимости “принуждать их к миру”.

Бывший глава Пентагона Д. Рамсфелд утверждал, что есть “старая” Европа, а есть “новая”. И “новая” Европа нужна для того, чтобы не допустить сближения и координации между Россией, Германией и Францией. Или по крайней мере, чтобы управлять этим процессом из “вашингтонского обкома”, опираясь на амбиции новоиспечённых сателлитов вроде Польши и стран Балтии, которые, как любые неопиты, готовы за одобрение Вашингтона буквально землю рыть.

Существуют различия экономических интересов между США и Европейским союзом, так как в отличие от Америки Европа не обладает собственной субъектностью и потому вопреки национальным интересам своих стран соглашается на антироссийские санкции. Конечно, не все страны Европы довольны своим нынешним положением в ЕС. Отчасти это связано с завышенными ожиданиями, которые были перед вступлением в Евросоюз. К таким странам можно отнести, например, Венгрию, Грецию, Румынию и Болгарию. Многие восточно- и центральноевропейские страны не в восторге от срыва проекта “Южный поток”, “Северный поток — 2”, которым они хотели попользоваться как страны-транзитёры. Но и Венгрия, и Греция, и Словакия, как и все остальные члены ЕС, — участники антироссийских санкций. Так же было и в годы Второй мировой войны. Они вольно или невольно, с большей или меньшей охотой под нажимом немцев вступили в войну в 1941 г., а сегодня под давлением американцев присоединились к санкциям против России. И это — принципиальный момент в отношениях Москвы и любого европейского государства.

Одна из причин подобного положения заключается в том, что в евро-атлантических отношениях на первом месте стоит военно-политическая зависимость Европы от США, причём абсолютная. Это касается отношений в рамках НАТО и целого ряда международных институтов так называемого интегрированного Запада. Тем не менее ограничения у НАТО существуют и сегодня, их соз-

даёт объективная реальность. США сильнее всех и могут, условно говоря, уничтожить любого оппонента, скажем, десять раз. Или двадцать. А конкурент, например, может сделать это только два раза. Но ведь и Америке этого достаточно, и будет рассматриваться как “неприемлемый ущерб”. (В своё время именно к такому же выводу пришёл президент Дж. Кеннеди, удержавшись от открытого вмешательства США на Кубе.) Так что вероятность многократного уничтожения не гарантирует безопасности. В этих условиях и начинает действовать другая логика, в частности, логика холодной войны, включая санкции, подкреплённые диверсиями в идеологической сфере.

Кроме военно-политической реальности необходимо учитывать и договороспособность лидеров государств коллективного Запада. Если посмотреть на галерею руководителей стран мира во время Второй мировой войны и пару-тройку десятилетий после неё, то это были яркие фигуры: Ф. Д. Рузвельт, И. Б. Тито, У. Черчилль, Ш. де Голль, М. Ганди, Ф. Кастро, Хо Ши Мин, Мао Цзэдун и т. д. Можно вспомнить ещё канцлеров послевоенной Германии: К. Аденауэра, В. Брандта, Л. Эрхарда и др. У всех этих, таких непохожих, но очень ярких национальных деятелей, интереснейший путь наверх, к вершинам власти, и нестандартные решения политических проблем.

Но к последней четверти XX века личности в мировой политике закончились. К власти пришли статисты, легко управляемые и так же легко сменяемые, которым просто дают ярлык на правление. Это абсолютно недоговороспособные персонажи. Казалось бы, на Западе существует многовековая традиция подготовки политиков, особенно в Великобритании, но именно она демонстрирует миру интеллектуально обанкротившуюся элиту в руководстве страной. В этом же ряду и Германия с Францией и, конечно, США, которые пока диктуют миру свои “правила”.

Цель России — победить, иного не дано

Если посмотреть на историю отношений государства Российского и Запада, то противостояние было всегда: Русь (Киевская Русь — Московское царство — Российская империя — Советская Россия / Советский Союз / Российская Федерация) и коллек-

тивный Запад. Порой у него появлялись лидеры: немецкие псырьцари. Польско-Литовское княжество, Речь Посполитая, Святой престол, Шведское королевство, Французская империя, западная коалиция в Крымскую войну, Пруссия и Австро-Венгрия с привлечением Османской империи. В XX веке — это объединённые силы западной интервенции. А дальше — фашизм, вскормленный и поддержанный Западом, холодная война 1950–80-х гг. и, наконец, общая обструкция современной России от экономико-политических санкций до Олимпийских игр и запрета русской культуры.

В 1990-е гг. казалось, что с Россией как великой державой всё кончено: финансы в руках западных советников, ресурсы и основные производственные мощности приватизированы в западных интересах, армия ослаблена и по большому счёту разложена, народ ввергнут в нищету, а бандитизм процветает. Но несмотря на всё это победа вдруг начала уплывать из рук Запада, и чтобы её удержать, хороши все средства. Совершенно неважно, на ком этот антироссийский негатив сфокусирован, кем пугали и пугают мир: Иваном Грозным, Петром Великим, Николаем I, Сталиным или Путиным.

Поводов для недовольства нашей страной много, а причина всегда одна — чёрная зависть и культивируемый на Западе страх перед неведомой “русской душой”, основанный на идеологии западной демократии, помноженный на жажду наживы.

Но на Западе не всё так хорошо, как пытаются это показать. Проблемы, связанные с антиэтическими ценностями, гендерным разнообразием, движением “жизни чёрных тоже имеют значение” (*black hives Matter*), сопровождающиеся социально-экономическими проблемами, — это уже не “закат Запада”, а его уничтожение, а скорее, самоуничтожение, так как все это он породил сам.

500 лет гегемонии “белого человека” Запада закончились. И теперь он, как прежде, не может привлекать весь остальной мир и его ресурсы к решению своих проблем и в упор не видит проблемы остального человечества.

Но и как во все исторические времена, современная Россия сначала глухо сопротивлялась многовекторной агрессии Запада, а затем стала постепенно, хотя и очень медленно, отвоёвывать себе позиции на международной арене. Возвращение России на лидиру-

ющие позиции в мире на Западе было воспринято весьма негативно в том смысле, что она вновь вспомнила о своём имперском прошлом, которое прочно связано с традиционными “имперскими инстинктами”, с которыми невозможно справиться якобы из-за авторитарной трансформации её современной политической системы¹. Отсюда следует вывод: какой бы Россия ни была — самодержавной, социалистической и даже либерально-капиталистической, “с человеческим лицом” или без, — Запад будет недоволен. Поэтому холодная война не может ни начаться заново, ни пережить некую “вторую волну” по той причине, что она никогда не прекращалась, в том числе и в последний более чем 30-летний период, который прошёл после распада Советского Союза. Задача, которую ставил перед собой Запад, начав очередной этап многовекового противостояния в виде холодной войны против нашей страны в XX веке, с разрушением СССР не была решена: преемницей Советского Союза стала Российская Федерация. Поэтому надо в зоне наших национальных интересов создавать конфликтогенные зоны (на Украине и Кавказе, в Прибалтике и Средней Азии).

Именно поэтому цель современной России всё та же: выстоять и сохранить себя. При этом помнить и понимать, что “ни одна страна в мире за свою историю не перенесла столько тяжелейших испытаний, как Россия. Русские одолели девять наиболее крупных нашествий: хазар, половцев, монголо-татар, поляков, шведов, осман, французов, дважды немцев. Но в 1990-е гг. объединённый Запад в сговоре с предателями, захватившими в стране власть, разгромил Советский Союз, уничтожил социалистический строй и, перегруппировав силы, приготовился к решающему броску против русского государства, против “русского духа”.

...Россия стоит перед дилеммой: либо отстоять свободу, либо быть поработённой агрессивными силами Запада и Востока, намеревающимися расширить своё “жизненное пространство” за счёт нашей страны. Свобода или несвобода — другой альтернативы у русских и других народов России нет².

¹ Russia's Wrang Direction. What the United States can and Should Do. N. Y., 2006.

² Шутлов А. Д. Последнее испытание России. М. : Onebook.ru, 2014. С. 354.

Ещё в 1854 г.¹ великий русский поэт Ф. Тютчев, прослуживший более 20 лет в Европе на дипломатической службе и насмотревшийся на западную цивилизацию, писал: “Давно уже можно было предугадать, что эта бешеная ненависть, которая с каждым годом всё сильнее и сильнее разжигалась на Западе против России, сорвётся когда-нибудь с цепи. Этот миг настал. Это весь Запад пришёл высказать своё отрицание России и преградить ей путь в будущее”. И ещё: “Но самые опасные наши враги при этом — внутри страны”².

У современной России нет права на ошибку и отступление. Она должна объединить народ разных конфессий и национальностей на основе традиционных ценностей; постоянно укреплять и совершенствовать свои вооружённые силы; развивать социально-экономическую сферу, повышая уровень жизни населения и создавая производственную базу на опережающем Западе технологическом уровне. Она обязана реализовать свой глобальный цивилизационный проект, собирая свои исконные земли, утраченные в те или иные исторические эпохи, и всегда идти особым — русским — путём.

¹ Эти слова относятся к Крымской войне, когда “вся Европа” опять ополчилась на Россию.

² *Кожин В. В.* Пророк в своём отечестве. Гл. 8. Крымская катастрофа. М.: Эксмо, 2002.

Глава 4. УКРАИНСКИЙ КРИЗИС ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННЫХ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

О. Г. Карпович, М. Г. Троянский

Если может быть в современной мировой политике максимально яркая иллюстрация к понятию “двойные стандарты”, то именно её мы имеем возможность в деталях рассмотреть прямо в эти дни. Президент России В. В. Путин на Валдайском форуме 27 октября 2022 г. правильно отметил, что Россия — не та страна, которая будет безропотно подчиняться чужой воле. Практически синхронно произошли два крайне примечательных дипломатических инцидента, которые в совокупности иначе и не охарактеризовать.

Сначала — форменная истерика, устроенная на ровном месте израильским МИД (и подхваченная мировыми СМИ) относительно вырванных из контекста безобидных высказываний С. В. Лаврова, — кстати, истерика, резко контрастирующая с предельно толерантным отношением Тель-Авива к героизации нацизма и всплесками антисемитизма на Украине и в Прибалтике. Затем — беспрецедентные оскорбления из уст уже ныне бывшего посла “Незалежной” в ФРГ А. Мельника в отношении федерального канцлера О. Шольца (“Разыгрывать обиженную ливерную колбасу — не очень по-государственному”). Немецкий лидер имел неосторожность выразить удивление отказом Киева принять президента В. Штайнмайера — и наткнулся на издевательскую отповедь со стороны украинского дипломата. В былые времена любой посол, сделавший такое заявление, мгновенно оказался бы в Германии под колоссальным давлением общественного мнения и политических элит, а вскоре — и перед перспективой либо униженно приносить извинения, либо вернуться на родину. Но А. Мельник, как и его начальство, тогда пользовался совершенно особым положением и небывалыми привилегиями.

Как нетрудно догадаться, офис канцлера в ответ на хамство посла лишь стыдливо отмолчался; министр иностранных дел А. Бербок не стала отменять планов посетить Украину; а лидер оппозиционной ХДС/ХСС Ф. Мерц и вовсе счел возможным со-

вершить в поездку в ту самую страну, представитель которой публично вытер ноги о немецкое правительство.

При взгляде на поведение украинского режима невольно вспоминается фраза из одного культового советского фильма: “Господин назначил меня любимой женой!”. Действительно, по воле США, ведущих на европейской шахматной доске свою изощренную игру, Украина мгновенно превратилась из пешки в ферзя. Заботливо направляя действия Киева, Вашингтон ведет дело к радикальной украинизации Европы, к расширению “анти-России” на весь континент. Задача украинских лидеров — выступать в роли светочей демократии и наставников, оценивающих степень скатывания европейских стран в сторону тотальной русофобии. Заодно американо-украинский тандем сводит счеты со старыми оппонентами вроде того же Штайнмайера, который еще в 2000-е гг. вызывал раздражение Вашингтона несогласием с курсом на втягивание Киева и Тбилиси в НАТО. Публичное унижение немецкого президента, а затем и канцлера командой Зеленского — сигнал другим их коллегам, которые должны почувствовать, что сами могут по неосторожности оказаться объектами “культуры отмены”.

Видимо, этот намек уловили и израильские власти. Немотивированная и абсурдная вербальная атака на главу российского МИД больше похожа на повод выслужиться перед западными кураторами, продемонстрировать приверженность “прогрессивным демократическим ценностям”. Отметим, что если кому-то этот скандал и невыгоден, то как раз Израилю, который максимально зависим от сотрудничества с Россией по темам Сирии и Палестины, как и от способности Москвы выступать неформальным посредником между Тель-Авивом и Тегераном, регулярно снижая уровень напряженности в их отношениях. Но ничего не поделаешь, необходимость соответствовать образу верного союзника и понятливого младшего брата, возможно, впервые в новейшей израильской истории затмила стратегические национальные интересы. Россия подобные демарши, к тому же устраиваемые на ровном месте, всегда переживала предельно спокойно. А вот последствия охлаждения в двусторонних контактах для Израиля могут оказаться весьма непредсказуемыми.

В целом украинский кризис перевернул международную политику с ног на голову, изменив представления о норме и здоровом

смысле. До какой степени он в итоге трансформирует ту же Европу — вопрос открытый. Вспомним, как даже во времена менее серьезной конфронтации представители Украины совместно с прибалтийскими коллегами фактически захватили идеологический контроль над Советом Европы и ПАСЕ, искусно разыгрывая роль вечной “жертвы Москвы”. Как выяснилось, это была только репетиция. Киев, окрыленный безнаказанностью, продолжит подминать под себя европейские институты и отдельных лидеров до той поры, пока из Вашингтона не поступит команда остановиться. Или пока у местных политических элит не проснется чувство собственного достоинства. А российским дипломатам в эту удивительную эпоху сбрасывания масок остается лишь благодарить судьбу за тот факт, что времена “kozyревских” подходов остались в далеком прошлом, и мы в отличие от бывших западных (а также некоторых восточных) партнеров обладаем самым ценным активом в мировых политических делах — свободой отстаивать свое мнение, ставить на место агрессоров и просто хамов, а также не изменять принципам, подобно немецким и израильским коллегам. Да, эта свобода досталась нам ценой противостояния со всем сонмом сателлитов и вассалов.

С началом специальной военной операции России на Украине в американских и европейских СМИ отмечаются резкие изменения с освещением проблем фашизма и ультраправых в этой стране. Озабоченность Запада нацификацией украинского общества и власти заменяется утверждениями о крайне мизерной роли нацистов ввиду их низкой электоральной поддержки. Доказательством общественного “здоровья” и благополучия называются прежде всего еврейские корни В. Зеленского, а инкорпорированные в Национальную гвардию полки “Азов” и “Айдар” не следует считать даже крайне правыми. Недавнее заявление министра иностранных дел Израиля Я. Лапида дает очень странное толкование проблемы Холокоста. И президент Латвии Э. Левитс тоже допускает вольные интерпретации украинских событий. Любые иные мнения безапелляционно отвергаются как “жесткая пропаганда Москвы”. Как это все понимать? Теперь нацисты — друзья Запада?

Как только действия нашей страны стали противоречить новой политике США по обелению и легитимизации укронацистов, на президента В. В. Путина, объявившего денацификацию одной

из двух основных целей специальной военной операции, тут же обрушились обвинения в “искажении истории”, хотя он не сказал ничего, что не было бы многократно озвучено в западной прессе. По сути, упомянуты были лишь те опасения, которые высказывались Вашингтоном и их союзниками в последние годы. А беспокоило ли коллективный Запад то, что восемь лет жители ДНР и ЛНР подвергались безжалостным обстрелам, нечеловеческим унижениям на грани тотального уничтожения?

Кстати Запад уже не в первый раз выбирает поддержку фашизма, рассчитывая использовать его против России. Так, после окончания Второй мировой войны благодаря поддержке правительства США, проводившего подрывную деятельность против СССР, опираясь на ЦРУ и украинскую диаспору в Соединенных Штатах, исповедующую нацистскую идеологию, удалось сохранить и посеять на украинской земле зерна пагубной теории членовеконенавистничества. И после 1991 г. эта политика только начала прогрессировать: людям начали рассказывать о нежелательности использования русского языка, превосходстве украинской культуры и необходимости чествовать украинский национализм. И особенно эти процессы получили дополнительную эскалацию после 2014 г., когда маски были окончательно сброшены. К власти пришли люди, которые перестали скрывать свои идеологические принципы, большая часть населения страны была откровенно взята в заложники. Власть не терпела инакомыслия.

Западные журналисты упорно не хотят осознавать, что и сегодня украинские неонацисты, как проживающие в США, так и находящиеся в ВСУ, остаются важным активом американской политики гегемонии. Благодаря их “генетической” русофобии нынешняя американская администрация доверяет им больше, чем любой другой политической группе на Украине (у Байдена и его сына уж очень тесные бизнес-связи с Украиной). И после долгих лет финансирования и подготовки Вашингтон ожидает, что они сыграют свою историческую роль в глобальной войне “по отмене России”.

Тем не менее неприглядную реальность распространения неонацизма на Украине и роста политического влияния ультраправых, открыто провозглашающих себя последователями Бандеры и Шухевича и героизирующих ОУН, причастную к массовым

убийствам гражданского населения, время от времени приходится признавать даже стремящимся заретушировать значение данной проблемы американским либеральным СМИ.

Некоторые аналитики открыто называют разворот американских СМИ в сторону героизации ультранационалистов “предательством миссии журналистики нести правду” и попыткой замалчивания “опасного и жестокого” движения, факт существования которого должен учитываться при формировании политики Запада в отношении событий на Украине.

На этом фоне воспевание коллективным Западом “говорящей головы” националистов Зеленского как “лидера мирового уровня” цинично и опасно как для Европы, уже бывшей ранее колыбелью фашизма, так и для нынешней администрации США, которой не удастся бесконечно долго скрывать или обелять преступные деяния своих подопечных. Активное лоббирование Вашингтоном и либеральными СМИ токсичного по тем же западным демократическим “мерилам” коррупционного киевского режима, подчеркивающего и гордящегося своей пронацистской ориентацией, может привести к существенным репутационным издержкам для нынешней американской администрации.

Следует помнить, что западные журналисты не первый раз очаровываются убийцами и сторонниками человеконенавистнических идеологий, которых ЦРУ готовило для борьбы с русскими. Так, поддержка “борцов за свободу” в Афганистане вылилась в атаку на башни-близнецы в Нью-Йорке в сентябре 2001 г. и последовавшую десятилетнюю охоту за Усамой бен Ладеном. То же самое происходит сейчас в отношении украинских неонацистов, чья идеология белого превосходства не оставляет сомнений в том, что однажды и они повернут свое американское оружие против своих же хозяев. Уверены, что вопрос только во времени. Время пошло.

С самого начала украинского кризиса Запад избрал предельно циничный, в духе заветов Макиавелли, но зато лишенный лицемерия времен холодной войны (когда формально он противостоял “призраку коммунизма”, а не обычным гражданам) подход к борьбе с “российской угрозой”. Разменной монетой в рамках новой “большой игры” стали судьбы и жизни миллионов мирных

обывателей — и россиян, подвергнутых беспрецедентному санкционному давлению, и украинцев, которым, по сути, запрещают даже думать о переговорах с Москвой, и непосредственно жителей западных государств, оказавшихся заложниками амбиций своих лидеров и уже всюду страдающих от тяжелейших экономических потерь. Но эти жертвы оказались, по большому счету, напрасными — и теперь, в рамках стратегии по изоляции и дальнейшей демонизации РФ в ход пущена “тяжелая артиллерия”. С помощью своих киевских подопечных американо-европейская коалиция пытается спровоцировать голод глобального масштаба, объявив его причиной, разумеется, российскую специальную военную операцию. Именно с помощью подобного “фола последней надежды” они надеются не только удержать на плаву оказавшийся на грани провала киевский режим, но и сломить волю к сопротивлению у развивающихся стран Азии и Африки, в большинстве своем до сих пор отказывающихся от присоединения к гибридной войне против России.

Президент России В. В. Путин уже неоднократно заявлял, что если подобный гуманитарный кризис и разразится, он будет носить заведомо искусственный характер. Преступное решение по минированию черноморской акватории, принятое В. Зеленским, с самого начала поставило на грань катастрофы и украинских сельхозпроизводителей, и, главное, получателей зерна и другой жизненно важной продукции в государствах “глобального Юга”. Российские предложения по организации альтернативных каналов поставок либо через соседние восточноевропейские страны, либо через порты Донбасса и Херсонщины, даже не рассматриваются, что совершенно неудивительно. По всем признакам мы имеем дело с заранее спланированной комбинацией, благо еще до начала острой фазы кризиса практически все аналитики предупреждали, что именно международная продовольственная безопасность окажется под ударом в случае перехода российско-украинского противостояния в плоскость военного конфликта. Несмотря на это, Запад отказался и от обсуждения предложений Москвы по гарантиям безопасности, и от рассмотрения законных притязаний республик Донбасса на самоопределение, и, хотя бы, от принуждения Киева к прекращению обстрелов ДНР и ЛНР. Судя по всему,

что в Вашингтоне, что в Брюсселе даже не стремились предотвратить вызванную их же авантюристической политикой гуманитарную катастрофу, а, напротив, всеми силами её приближали.

Нельзя не отметить, что фактор голода, да и других проблем мирного населения Африки и Ближнего Востока в прошлые годы редко смущал западные элиты. Целенаправленное провоцирование кризисов “арабской весны”, включая хаотические войны в Ливии и Сирии, поставило на грань выживания миллионы людей, оказавшихся в зонах конфликта. В Йемене голод и эпидемии, вызванные интервенцией вооружаемой США коалиции во внутренние дела этой страны, коснулись большей части её граждан — счет погибших идет на сотни тысяч. Регулярные вспышки голода и болезней повлекла и проводившаяся десятилетиями политика по навязыванию Сомали прозападного правительства, результатом которой стал распад этого государства и всплеск террористической активности.

Во всех перечисленных случаях (как и во многих других) интерес к трудностям бывшего “третьего мира” у “золотого миллиарда” традиционно сводился к заламыванию рук и пустым декларациям. Сейчас же страдания голодающих африканцев и арабов превратились в эффектный пиар-инструмент, с помощью которого можно решить целый комплекс задач, в том числе остановить укрепление позиций России в соответствующих регионах, а заодно, как и в начале 2010-х гг., воспользоваться социально-экономическими трудностями для вывода молодежи на улицу и организации новых “бархатных революций”.

Но этот план едва ли будет реализован. *Во-первых*, наши многолетние партнеры в Африке и на Ближнем Востоке давно знают цену демагогическим заявлениям американских и европейских лидеров и понимают, какова реальная подоплека затеянных ими “голодных игр”. Звучащие от представителей той же Германии, для которой в годы Второй мировой войны использование голода в качестве оружия было излюбленной практикой, обвинения в адрес России лишь добавляют мрачного колорита развязанной с участием Берлина антигуманной кампании, жертвами которой на глазах становятся самые уязвимые группы населения беднейших стран планеты. Попытка расширить антироссийский лагерь

через продовольственный шантаж обречена на провал — пытаюсь сковать действия России на Украине, Запад лишь в очередной раз открывает свое истинное лицо. А *во-вторых*, уже в ближайшее время масштабные поставки российского зерна на мировой рынок должны будут ликвидировать дефицит, спровоцированный украинским руководством и его кураторами. Главной жертвой развязанной продовольственной войны станут сами её западные инициаторы, которые и без того оказались в тяжелейшем положении и внутри своих стран, и на международной арене. Сегодня они синхронно теряют остатки доверия со стороны как собственных избирателей, так и жителей бывших колоний, которые окончательно поняли, какую роль в своих раскладах им отводят евро-атлантические демиурги. Операция под кодовым названием “голод имени Байдена — Зеленского”, демонстрирующая беспомощность и отчаяние оппонентов Москвы, вполне может стать последним гвоздем в крышке гроба почившего однополярного миропорядка.

Как и прогнозировали многие эксперты, одной из арен гибридной войны коллективного Запада против России стали безграничные просторы Всемирной сети. Превращение интернета из средства коммуникации в инструмент решения геополитических задач и сдерживания отдельных государств прослеживалось давно. Собственно, и сам по себе он появился на свет как секретная разработка Пентагона в разгар холодной войны. Конечно, идеологи глобальной либерализации годами уверяли мировое сообщество, что американоцентричность базовых интернет-технологий давно ушла в прошлое, а сама Сеть стала достоянием всего человечества. Под подобными популистскими лозунгами доминирование в виртуальном пространстве обретали интернет-гиганты, получавшие колоссальную власть над умами и кошельками даже не миллионов, а уже миллиардов пользователей. Стремительный рост их влияния на словах должен был положить конец зависимости Сети от контроля со стороны правительства Соединенных Штатов.

Однако результат оказался совершенно иным. За исключением разве что Китая, еще в 1990-е гг. озаботившегося защитой своего веб-суверенитета, большинство государств мира оказались заложниками решений, совместно принимаемых американским

правительством и крупнейшими корпорациями. Де-факто и де-юре контроль над Сетью и ее инфраструктурой по-прежнему находится в руках созданной и базирующейся в США корпорации ICANN, несмотря на многолетние требования большинства стран мира, включая Россию, обеспечить реальную демократизацию и интернационализацию управления интернетом. Стремление Вашингтона всеми силами сохранять главенствующее положение не удивляет. На наших глазах мировой интернет семимильными шагами превращается в пространство тотальной цензуры и площадку для пропаганды единственной, исходящей из Вашингтона, точки зрения на происходящие события. Украинский кризис лишь ускорил соответствующие процессы.

Разумеется, получили они и солидное дипломатическое прикрытие. Месяц назад администрация Байдена претворила в жизнь давно вынашивавшуюся идею о подписании совместно с 60 союзниками Декларации о будущем Интернета — весьма показательного по стилю и содержанию документа. Формально его авторы заявляют о необходимости отстаивания идеи “глобального Интернета”, открытого, инклюзивного, соответствующего западным представлениям о правах человека. Но в реальности через Декларацию, по сути, предлагается оформить разделение Сети на два основных сегмента — “демократический” (т. е. проамериканский) и “авторитарный”. С учетом закрепленного в США на доктринальном уровне понимания текущей мировой ситуации как “соревнования великих держав” такое разделение открывает “ящик Пандоры”. Отнесенные к несистемному (по вашингтонской терминологии, “авторитарному”) блоку страны в этой системе координат превращаются в своего рода “законную цель”, в отношении которой все средства хороши.

Собственно, Россия в ходе специальной военной операции ощутила на себе, насколько велик совместный деструктивный потенциал западных государств и интернет-гигантов по организации тотальной дискриминации бросившей им вызов страны в сетевом пространстве. А ведь США способны и на куда более масштабные и разрушительные действия, будь то организация беспрецедентных кибератак или отключение от интернета целых государств. Предпринимаемые Россией шаги по пресечению

этих угроз, в том числе через воплощения в жизнь закона “о суверенном Интернете” крайне важны. Но необходимо смотреть на ситуацию масштабнее и действовать, в том числе, через мобилизацию союзников. Как показывает список подписантов Декларации, США сегодня в меньшинстве — кроме их сателлитов, этот документ практически никого не заинтересовал. На фоне скандалов последних десятилетий, включая откровения Сноудена, вашингтонская демагогия на тему верховенства крайне превратно понимаемого права и размытых либеральных ценностей все чаще дает обратный эффект. Большинство стран-членов ООН не могут и не хотят смириться с реальностью, в которой под лозунгами о равенстве и открытости предпринимаются попытки закрепить глобальный диктат американского гегемона.

Интернетизация практически всех сфер жизни, достигшая пика с началом пандемии коронавируса, не оставляет нам шанса отгородиться от глобальной Сети. Но мы не должны забывать и о том, что интернет — источник не только ярких возможностей и полезной информации, но и деструктивного контента, а также непосредственных угроз национальной безопасности, генерируемых инициаторами новой холодной войны в тех же США. Многочисленные попытки России наладить двусторонний диалог с Вашингтоном по вопросу о кибербезопасности не дали результата. Вроде бы обещавшие конструктив многосторонние переговоры по линии ООН, приблизившиеся к прорыву полгода назад, с подачи американской стороны зашли в тупик. Текст той же Декларации о будущем интернета прямо формулирует видение будущего Сети, существующее в воображении американцев. России в этом будущем создатели и подписанты Декларации места явно не находят. Соответственно, наша цель должна состоять в планомерном выстраивании инфраструктуры, альтернативной той, что изначально заточена на зависимость от США. Заручившись поддержкой других центров силы, в особенности — стран БРИКС, мы, безусловно, решим эту задачу. Решим, ответив на скандальную Декларацию конкретными действиями, направленными на освобождение глобальной сетевой экосистемы от воздействия одной сверхдержавы, которая всё никак не может смириться с тем, что времена однополярного доминирования остались далеко позади.

Случайность это или же демонстративный жест, но решение Сейма Латвии о сносе памятника Освободителям Риги было принято в 15-летнюю годовщину аналогичного события, имевшего большое символическое значение. Веской 2007 г. власти Эстонии объявили о демонтаже “Бронзового солдата”, годами напомиравшего жителям Таллина о бессмертном подвиге тех, кому они и их предки обязаны освобождением прибалтийских земель от нацистских захватчиков. Этот монумент оказался слишком неудобным для идеологов новой эстонской государственности, так как символизировал реальную историческую правду в противовес её извращенной, сфальсифицированной версии, культивировавшейся местным руководством после распада СССР. В то же время эстонский инцидент стал лишь тренировкой, прощупыванием почвы. Столкнувшись в тот момент с жесткой реакцией России в виде де-факто экономических санкций, а также с беспрецедентными протестами со стороны местного населения, наследники прибалтийских коллаборационистов заняли выжидательную позицию. Полтора десятилетия они воздерживались от столь же серьезных шагов в деле осквернения памяти о Великой Победе и переписывания истории. И лишь теперь, на фоне украинских событий и небывалого разгула русофобии на Западе, получили возможность довести до логического завершения курс на реабилитацию нацизма, который в подспудном виде проводили годами.

Трудно представить, что в большинстве цивилизованных стран мира марши ветеранов Ваффен-СС и их сторонников, с заботой организовывавшиеся и поддерживавшиеся сменяющимися друг друга правительствами Латвии и Эстонии, логично переросли в войну с памятниками и Днем Победы, который латвийские власти в этом году бесхитростно запретили отмечать. В Риге и Таллине видят, как нацисты из батальона “Азов” воспеваются мировыми СМИ в образе героев и мучеников за демократию, а восхищение страшными “подвигами” Бандеры и Шухевича в так называемых прогрессивных европейских кругах перестало быть крамолой, и делают соответствующие выводы. Пока Россию “отменяют” всем Западом, для апологетов исторического ревизионизма открылось вождеделенное окно возможностей.

Возможно, это только начало. Память о наследии Второй мировой войны в Европе хранилась и передавалась новым поколениям благодаря российской принципиальной позиции — всеми силами предотвратить забвение героизма советского народа. Деятельность по этому направлению беспрестанно вели и дипломаты (ныне бойкотируемые), и организации соотечественников (теперь нещадно гонимые). Свой вклад, конечно, вносил и Израиль, напомиравший миру о трагедии Холокоста. Для многих других стран война оставалась источником вечного стыда — за Мюнхенский сговор, за безропотную сдачу позиций Германии, за смирение с оккупацией, стоившей жизни миллионам евреев, за тесное сотрудничество с новыми хозяевами, за преступную задержку с открытием Второго фронта, в конце концов в случае с государствами Оси и их многочисленными союзниками — за самые тяжелые и непростительные преступления в истории человечества, либо непосредственно совершенные, либо смиренно наблюдаемые с позиции молчаливых соучастников. Европейцы, собственно, и не отмечали День Победы с размахом, аналогичным российскому, потому что понимали — это не их праздник, и за то, что он в принципе появился в календаре, Европа, как в общем-то и весь мир, должна быть вечно благодарна России. Для многих наших бывших “западных партнеров” этот день был днем покаяния — совершенно оправданно и справедливо.

Теперь же политес и лицемерие прежних времен можно смело отринуть, благо и Израиль оказался втянут в антироссийские игры союзников Вашингтона. Похоже, мы наблюдаем рождение новой Европы, в которой удивительным образом совмещаются беспредельная, доведенная до абсурда толерантность, и ностальгический взгляд на времена Рейха. Ведь, по сути, только гитлеровская Германия была достаточно сильным противником Советского Союза, чтобы с ней можно было связать надежду на скорую нейтрализацию “русской угрозы” — раз и навсегда. Удивительно, но история сделала круг и вернулась в исходную точку. Если задуматься — изменение отношения к гитлеровскому наследию сегодня на Западе устраивает многих. Для умеренно левых и центристов, вроде Э. Макрона и О. Шольца, появляется отличный повод спекулировать на теме реванша правых настроений в обще-

стве, предлагая избирателям собственную серость и банальность в качестве единственной альтернативы, а параллельно проводя в жизнь ультралиберальную повестку. В свою очередь, для правых сил в лице, например, польской партии “Право и справедливость”, разжигание ненависти к социалистическому прошлому, включая и память о советской Победе, — шанс удержаться на плаву через пестование образа общего врага в лице СССР и его правопреемницы — Российской Федерации. Для Вашингтона же, привыкшего разделять и властвовать, происходящие события — отличный шанс сохранить контроль над теряющими моральный фундамент сателлитами в Старом Свете. Все эти политические комбинации в итоге приводят к стиранию из сознания молодого поколения европейцев понимания, что есть правда, а что — ложь; различий между добром и злом в историческом контексте.

Война с памятниками — и памятью — в Прибалтике, которая, конечно, не закончится демонтажом монумента в Риге, является симптомом общей болезни, переживаемой коллективным Западом. Создание мифа об агрессивной России, якобы угрожающей европейской идентичности, открывает “ящик Пандоры”, выпускающий на волю столь долго скрывавшиеся комплексы и страхи. В их числе — страх объективно посмотреть на свое прошлое и признать коллективную ответственность большинства государств Европы за преступления Второй мировой войны, остановленной силами и жизнями миллионов советских граждан. Именно с таких поползновений начинался трагический путь Украины к печальному состоянию, когда для ее излечения понадобилась операция по денацификации. Будем надеяться, что хотя бы из этого поучительного урока те же прибалты, а затем и их покровители сделают правильные выводы.

Пренебрежение наших бывших западных партнеров правилами хорошего тона и нормами дипломатического этикета давно стало притчей во языцех. Далеко в прошлом остались времена, когда гроссмейстеры мировой политики, в диапазоне от Черчилля до Киссинджера, выступали хранителями не только политических, но и этических традиций в международных делах. Сегодня профессионалы и тяжеловесы уступили место оппортунистам, для которых ради успеха на выборах в странах “прогрессивной

демократии” навыки шоуменов и демагогов имеют куда большее значение, нежели проработанная политическая программа или интеллектуальная зрелость. На недавнем саммите “большой семерки” мы могли воочию наблюдать признаки деградации лидеров входящих в неё государств. Озабоченные своим шатким внутриполитическим положением, они больше энергии тратили не на поиск выхода из тупика, в который сами себя и загнали, а на сотрясание воздуха экспрессивными лозунгами, рассчитанными на подавлившихся антироссийской истерии обывателей.

Дипломатия, которая испокон веков была тонким искусством, доступным лишь избранным виртуозам, превращена в круглосуточное реалити-шоу на потеху скучающей публике. Случайные фигуры, благодаря капризам избирателей и усилиям спонсоров с завидной регулярностью сменяющие друг друга во главе западных правительств, используют предоставленную им трибуну не для внесения вклада в укрепление международной безопасности, а ради быстрой самораскрутки с прицелом на последующее трудоустройство в крупные корпорации. Разумеется, в этом дивном новом мире, апологеты которого кичатся своей мнимой открытостью и демократичностью, представления о конфиденциальности и доверительности окончательно уступили место следованию законам развлекательного жанра. Характерный пример мы увидели буквально на днях, когда в прессу попала стенограмма разговора российского и французского лидеров. Как выяснилось, для получения доступа к частной беседе глав двух ведущих мировых держав журналистам не пришлось прибегать к ухищрениям и подкупу источников в окружении Э. Макрона. Президент Франции, формальный наследник де Голля и Миттерана, сам пригласил их в свою резиденцию и, работая на камеру, позвонил В. В. Путину в крайне непростой момент текущего кризиса. В это время он явно думал не о желаемых результатах переговоров с Москвой, а о своем рейтинге и героическом образе в глазах избирателей. Даже удивительно, что соответствующая беседа стала достоянием гласности лишь сейчас, — вероятно, французский лидер счел, что она мало поможет ему в избирательной кампании, благо, в опубликованном отрывке на фоне собеседника он выглядит нервничающим и суестьщимся дилетантом. Но прецедент создан.

В прошлом такого рода провокации мы наблюдали либо со стороны отдельных одиозных фигур вроде экс-генсека НАТО А. Фог Расмуссена (памятен его поход с диктофоном на встречу с российским лидером), либо со стороны большинства политиков постсоветской Украины, для которых понятие о конфиденциальности в принципе не существует. Но сейчас, похоже, пора говорить об украинизации европейской и американской политической жизни, где погоня за сенсациями и скандалами подменила собой конструктивный подход к глобальным проблемам. В этом контексте можно вспомнить и недавний вашингтонский казус, когда журналист близкого к Демократической партии издания Politico “неожиданно” оказался возле посла России во время частной встречи последнего, после чего распространил как некое откровение отрывки из услышанной краем уха беседы. С учетом тесного сотрудничества между администрацией Байдена и ведущими СМИ в деле ведения информационной войны и генерирования антироссийских фейков нельзя не предположить, что “удачливый” журналист в данном случае выступал орудием куда более влиятельных кураторов, стоящих за кампанией травли в отношении дипломатов из нашей страны.

При этом российское руководство традиционно выступало двумя руками за повышение прозрачности международного диалога. Можно вспомнить, как в прошлом году нашим Министерством иностранных дел в духе веяний времени сначала были представлены общественности аргументы по “украинскому вопросу”, фигурировавшие в переписке с немецким МИДом, а затем — проекты договоров о гарантиях безопасности, предложенные США и НАТО. Но каждый раз при попытке добавить открытости дипломатическим контактам, Москва сталкивалась с критическими выпадами из западных столиц. Обнародование наших предложений было воспринято крайне болезненно, так как мешало Западу продолжать проводить прежнюю линию с прицелом на выхолащивание содержательного диалога и дезориентацию общественного мнения по вопросу об истинных задачах и требованиях России. Можно уверенно утверждать, что ни в США, ни в Европе к истинной, конструктивной демократизации внешнеполитических процессов оказались не готовы.

Последние скандалы, в череде которых история с неприглядным поведением французского лидера оказалась лишь одним из эпизодов, демонстрируют нам, что руководители стран Запада сегодня в принципе не готовы к содержательному взаимодействию, как и не были готовы накануне начала специальной военной операции (когда упомянутый разговор и имел место). Будучи по своей психологии “временщиками”, они смотрят на кризис вокруг Украины как на очередную возможность для увеличения лично-го и партийного политического капитала. Продолжающиеся раздаваться призывы к Киеву противостоять России, по сути, “до последнего украинца”, являются не чем иным, как действенным способом переключить внимание массовой аудитории с внутренних трудностей на искусственно спровоцированный конфликт с демонизированной Москвой. Конечно, со временем американских и европейских избирателей должен будет утомить этот политический театр, статистами в котором выступают мирные жители Украины, России и самих западных стран. Но до того момента, как к местному электорату придет осознание пагубности пути, по которому пошли “народные избранники”, Москве придется терпеливо игнорировать эксцессы пиар-дипломатии в стиле Макрона. Будем исходить из того, что главными переговорщиками на этом направлении сейчас выступают героические участники спецоперации — и именно их успехи простимулируют ускоренное политическое взросление западных лидеров.

Хотелось бы также кратко затронуть проблему фальсификации истории Второй мировой войны. Под влиянием “младоевропейцев” оценка характера самой жестокой войны и отношение к коллаборационистам в общественно-политических кругах ряда стран Центральной и Восточной Европы давно уже претерпели значительные изменения и приобрели ярко выраженный анти-российский характер.

До начала процесса расширения Европейского союза в политических элитах Западной Европы существовал консенсус в подходах к восприятию Второй мировой войны, вина за ее развязывания возлагалась на Германию. И признавалась ее руководством. Война воспринималась как большая трагедия европейских народов и не только. Были общепризнаны некоторые памятные даты

(День памяти и примирения, освобождение концлагеря Освенцима и ряд других).

Данный подход цементировался тем фактом, что некоторые страны Центральной и Восточной Европы до конца 1980-х гг. являлись составной частью социалистического лагеря. Последующее радикальное изменение общественно-политической системы запустило процесс пересмотра истории Второй мировой войны.

С учетом того что некоторые государства открыто сотрудничали с гитлеровской Германией (Румыния, Словакия, Болгария и др.), они стремились оправдать себя и перенести ответственность за трагедию на СССР. Многие институты, до этого занимавшиеся вопросами расследования преступлений нацизма, быстро “переобулись” и бросились расследовать “преступления коммунизма”. Большая часть историков сконцентрировалась на формировании восприятия “пакта Молотова — Риббентропа” в качестве триггера начала жесточайшей войны в истории человечества, продвижении тезиса о равной ответственности “сталинского СССР и гитлеровской Германии” за ее развязывание, отрицание участия в холокосте и полное оправдание коллаборационистов.

В данном процессе ведущую роль всегда играла и играет Польша. Катынская трагедия и Варшавское восстание 1944 г. с обвинениями в адрес нашей страны вошли в официальную историографию и школьные учебники.

Латвийский сейм 29 октября 1998 г. принял Декларацию о латышских legionерах во Второй мировой войне. В ней открытым текстом оправдывались действия вступивших в данный легион граждан, поскольку, дескать, это была реакция на “осуществление геноцида со стороны СССР в период 1940–1941 годы”. Лица, сотрудничавшие с советской властью, принимающие участие в борьбе с “лесными братьями”, были объявлены преступниками, а коллаборационисты — национальными героями. В Риге ежегодно стали проводиться марши в честь legionеров. До сих пор в это сложно поверить с позиций обычного здравомыслия, но факт остается фактом.

Специальная комиссия сейма Литовской республики представляла лицам, сотрудничавшим с фашистами, а после войны борющимся с советской властью, правовой статус участника Со-

противления. К этой категории были отнесены военнослужащие литовских полицейских батальонов, которые отличились особой жестокостью на территории Белоруссии.

В Эстонии служившие в период Второй мировой войны в войсках СС, подразделениях вермахта, люфтваффе, полиции и охране концлагерей пособники нацистов были объявлены незаконно репрессированными и получили возможность пользоваться соответствующими льготами, при том что воевавшие с нацизмом в рядах Красной армии граждане этого совершенно лишены. Ежегодно проводится встреча ветеранов 20-й (эстонской) дивизии СС, предпринимаются попытки установления памятника ее бойцам.

После присоединения к Евросоюзу в 2004 г. восточноевропейские государства умело разыграли карту формирования чувства вины перед ними у стран “старой” Европы и, давая новые оценки истории Второй мировой войны, представляли себя в качестве “жертв коммунизма”. Они сумели добиться того, что Евросоюз фактически перестал осуждать их за реабилитацию коллаборационистов, особенно в тех случаях, когда они прямо не участвовали в уничтожении еврейского населения.

Под влиянием “младоевропейцев” Европарламент принял несколько резолюций, которые заложили серьезную основу для трансформации восприятия Второй мировой войны. В оборот были введены новые термины: “советская диктатура”, “советская оккупация” и “коммунистический тоталитаризм”.

В 2019 г. появилась очередная резолюция “О важности европейской памяти для будущего Европы”. В этом документе откровенно ставится знак равенства между Советским Союзом и гитлеровской Германией. Нет никакого упоминания об антигитлеровской коалиции и большом вкладе нашей страны в победу над нацизмом. Напротив, СССР представлен в роли оккупанта. Демонизация и очернение Советского Союза автоматически переносится на современную Россию, для которой якобы характерны “имперские амбиции” и “силовое давление на своих оппонентов”.

По инициативе “молодых европейцев” антироссийский крен уже давно стал прочным трендом общеевропейской политики. Демонтируя ценности и символы “старой” Европы, страны Цен-

тральной Европы во главе с Польшей и странами Балтии постепенно уничтожили морально-идеологические основы европейской безопасности, которые отражались в безусловном признании вины гитлеровской Германии за развязывание Второй мировой войны, что было четко закреплено решениями Международного военного трибунала в Нюрнберге.

Ревизия подходов к истории Второй мировой войны, итоги которой положены в основу ключевых международных институтов, в том числе Совета Безопасности ООН, может нанести непоправимый урон современному мироустройству, что поставит весь мир на грань глобальной ядерной катастрофы.

Глава 5. СТРАТЕГИЯ ЗАПАДА НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

С. С. Жильцов

В конце 80-х гг. XX века усилилось геополитическое соперничество между СССР и Западом, к которому относили США и ЕС. Наиболее активно действовали США, которые еще до распада Советского Союза усилили интерес к советским республикам, установив контакты с неформальными движениями и оппозиционными политиками, оказывая им техническую, финансовую и политическую поддержку. Запад и раньше проводил активную политику, направленную на распад социалистического лагеря, активно воздействуя на страны Центральной и Восточной Европы. Вследствие внутривнутриполитических трансформаций изменения в этих странах начались раньше, чем в СССР. Их выход из сферы геополитического влияния Советского Союза, а затем и ослабление отношений с Россией усилили позиции Запада.

Исчезновение СССР с политической карты мира открыло перед Западом новые возможности по продвижению своих интересов в странах, ранее входивших в состав единого государства в качестве союзных республик. Этому способствовали такие факторы, как экономические проблемы, с которыми столкнулись все новые независимые государства после декабря 1991 г., слабость государственных институтов, отсутствие четких представлений о внешнеполитических приоритетах. Кроме того, для продвижения своих интересов западные страны использовали технологическую отсталость государств постсоветского пространства¹.

Введение в научный и публицистический оборот понятия “постсоветское пространство” позволило Западу сфокусировать внимание на всех без исключения новых независимых государствах, каждому из которых западные страны стремились отвести собственное место в стремительно меняющихся мирополитических процессах.

Распад Советского Союза кардинально изменил ситуацию в мире, зафиксировав основной итог — исчезновение главно-

¹ См.: Трансформация экономики Казахстана. Астана, 2017.

го соперника Запада с политической карты. Администрация Дж. Буша-старшего (1989–1993 гг.), поддержав внутренние перемены в СССР, сумела решить главную задачу — добиться устранения геополитического конкурента в лице СССР, его распада на отдельные независимые государства, отягощенные взаимными претензиями и политическими амбициями новых элит. Собственно, эта задача была одной из ключевых для американской администрации на протяжении многих десятилетий XX века.

В качестве первых шагов Запада стало признание новых независимых государств и установление с ними дипломатических отношений. В короткие сроки им удалось поднять уровень сотрудничества в политической и экономической областях, заложив основы для формирования новых торгово-экономических отношений. В решении этой задачи Запад использовал международные финансовые организации, которые оживили экономики стран постсоветского пространства, в какой-то степени компенсировав потери, связанные с разрывом экономических связей с Россией. Кроме того, Запад использовал и другие инструменты. В декабре 1991 г. был создан Совет североатлантического сотрудничества при НАТО, в 1994 г. — запущена программа “Партнерство ради мира”.

В первое время западные страны демонстрировали готовность к установлению с Россией особых партнерских отношений, расширению экономического сотрудничества. Так, в период 1991–1993 гг. страны Запада, прежде всего США, заявляли о приоритетности оказания экономической помощи России и ее политической поддержки. Данная позиция создавала у части политической элиты России иллюзию формирования новой системы международных отношений, в которой не было места соперничеству между Москвой и Вашингтоном. В свою очередь, подобная убежденность поддерживалась Западом, поскольку давала дополнительные возможности для реализации своего внешнеполитического курса в отношении России. Запад расширял сотрудничество с Россией, признавая — сугубо декларативно — за ней ключевую роль в определении ситуации на пространстве бывшего СССР. Однако даже такая политика продолжалась недолго, когда стало понятно, что Россия не имеет политических и экономических ресурсов для сохранения своего влияния в странах постсоветского про-

странства. Кроме того, выработка целостной политики в отношении постсоветского пространства и отдельных стран заняло у Запада достаточно много времени.

Первоначально западные страны только присматривались к процессам, которые происходили в странах постсоветского пространства, справедливо полагая, что они всё еще входят в сферу влияния России. Лишь спустя несколько лет, когда стало очевидно, что политика России в силу объективных и субъективных факторов достаточно пассивна, а страны постсоветского пространства всё настойчивее ищут контакты с внерегиональными государствами, США и ЕС активизировали свои усилия, определяя, а впоследствии и реализуя, собственные долгосрочные цели. Одна из них заключалась в сохранении разобщенности стран постсоветского пространства, недопущении реинтеграции бывших республик. Осуществление данной задачи предполагало, что отношения с Россией должны выстраиваться как с одним из многих государств постсоветского пространства.

Последующему закреплению итогов распада СССР в значительной степени способствовала внешняя политика стран постсоветского пространства, элиты которых продемонстрировали несостоятельность в международных делах и неспособность решать социально-экономические проблемы, с которыми бывшие союзные республики столкнулись в начале 1990-х гг. В продвижении своих интересов западные страны использовали тезис о необходимости внедрения в новых государствах, освободившихся от “коммунистического наследия”, демократических свобод и демократизации политической жизни. Этот лозунг был подхвачен в бывших союзных республиках пришедшими к власти политическими элитами, которые, в свою очередь, выступали за ослабление зависимости от России и установление партнерских отношений с Западом. Кроме того, сказывалось слабое понимание в постсоветских республиках происходящих в мире процессов, что позволило Западу навязать новым независимым государствам внешнюю политику, которая предполагала их дистанцирование от России. Лидеры стран постсоветского пространства воспринимали участие западных держав в делах региона как возможность создать противовес влиянию России и укрепить собственные позиции.

После распада СССР страны постсоветского пространства оказались в зоне геополитических и экономических интересов ведущих государств мира. Их усилия были направлены на получение доступа к ресурсам постсоветских государств, оказание влияния на их внутреннюю и внешнюю политику. Запад стремился расширить свое присутствие в политической сфере, формируя прочные контакты с новыми представителями политического класса. Происходило расширение экономического взаимодействия, которое на практике привело к открытию в странах постсоветского пространства рынков для крупного западного капитала и к уничтожению национальных экономик. Бывшие советские республики встраивались в экономическую систему западной экономики, которой требовались новые рынки сбыта и ресурсы. В политическом плане элиты новых независимых государств заняли подчиненное положение.

В целом политика западных стран в отношении бывших советских республик носила избирательный характер и формировалась поэтапно. Сказывалось отсутствие устойчивых связей в период существования СССР, когда отношения выстраивались с союзным центром. Приоритет отдавался расширению политико-дипломатических контактов с руководством и основными политическими силами, которые пришли к власти. В фокусе внимания находились политики, которые выступали за расширение сотрудничества с Западом.

Страны постсоветского пространства имели различную “ценность” для Запада, поскольку каждая из них имела свои особенности и проводила разный внешнеполитический курс. Одни выступали за сохранение исторически сложившихся культурных и родственных связей со своими соседями, демонстрировали стремление к созданию новых партнерских отношений с Россией. Другие независимые государства установили курс на снижение уровня сотрудничества с Россией в различных областях, таким образом пытаясь решать вопросы, связанные с утверждением государственности, формированием национальной идентичности. Соответственно, это обусловило стремление новых политических элит обращаться к собственной истории, апеллировать к истории развития своего народа. Реализация подобного сценария помогла новым элитам сохранять свою власть.

По мере формирования своих целей и реализации политики на постсоветском пространстве, США и ЕС конкретизировали, уточняли подходы в отношении каждого из государств, по-новому расставляя свои внешнеполитические приоритеты.

В начале 90-х гг. Запад не имел консолидированной позиции в отношении стран постсоветского пространства. В отличие от американской администрации, которая стремилась решать конкретные задачи в экономической и политической сферах, политика ЕС отличалась общим подходом. В документах Евросоюза, касающихся постсоветского пространства, не содержалось конкретных условий, сроков реализации. Они в большей степени представляли собой декларации о намерении. Упор делался на реализацию инфраструктурных проектов в сфере транспорта и энергетики, которые рассматривались в качестве ключевых инструментов продвижения долгосрочных интересов. ЕС инициировал масштабные проекты “ТРАСЕКА” (предполагал создание транспортно-го коридора Европа — Кавказ — Азия) и “ИНОГЕЙТ” (должен был обеспечить доставку нефти и газа в Европу). Формирование механизмов внешнеполитической деятельности Евросоюза на постсоветском пространстве основывалось на целях долгосрочного развития самого ЕС: создание устойчивого безопасного окружения, призванного обеспечить внутреннюю стабильность интеграционного объединения и в то же время поддерживать имидж привлекательной модели политико-экономического развития¹.

Первенство в расширении сотрудничества со странами постсоветского пространства принадлежало западному капиталу, который быстро понял все выгоды происходящих в бывшем СССР перемен. В отличие от государственных структур, представители западных компаний увидели для себя новые возможности, открывшиеся благодаря переменам в бывших советских республиках с формирующимися экономическими системами. Западный бизнес получил фантастические возможности для извлечения прибыли. Его вхождению в страны постсоветского пространства способствовали пробелы в законодательстве новых независимых

¹ См.: Болгова И. В. “Восточное партнерство”: неоднозначные результаты // Современная Европа. 2016. № 6. С. 63.

государств, внутривнутриполитическая борьба, в которой стороны искали поддержку на Западе.

Позже вслед за крупным капиталом свое участие в делах бывших советских республик стали расширять государственные структуры западных стран, которые увязывали будущее сотрудничество со странами постсоветского пространства с выполнением различных условий как в политической, так и в экономической сфере, постоянно наращивая свое давление.

В первые годы после распада СССР в тени оставалась политика Китая на постсоветском пространстве. Подобная ситуация объяснялась сближением на рубеже 80–90-х гг. Запада и России, значительная часть элиты которой видела в западных странах не соперника, а потенциального партнера. Разворот на Запад привел к снижению внимания к соседям на Востоке. Между тем с первых дней образования новых независимых государств Китай проводил активную политику в Центральной Азии. Пекин стремился действовать через торгово-экономические механизмы, вовлекая страны этого региона в свою орбиту и “встраивая” их в свои внешнеэкономические приоритеты.

Политика Запада, прежде всего США, стала меняться после прихода к власти Б. Клинтона (1993 г.). На Западе возросло понимание значимости стран постсоветского пространства в укреплении собственных геополитических позиций и в решении экономических проблем. США, а вместе с ними и ведущие европейские страны, стали больше внимания уделять дальнейшему развитию политических и экономических отношений с новыми независимыми государствами, отходя от декларируемой поддержки России. В свою очередь, российская политическая элита стала критически оценивать ситуацию, в которой оказалась страна после распада СССР. Усиление негативных оценок геополитических изменений и последствий распада СССР сопровождалось ростом интереса к восстановлению экономического и политического сотрудничества с бывшими республиками. Свою роль в пересмотре отношений с Западом сыграл экономический кризис в России. Результаты курса на проведение рыночных реформ вызвали разочарование у населения, которое, в свою очередь, возлагало ответственность на западных советников, дававших многочисленные “рецепты” воз-

рождения экономики. Всё это вынудило российские власти внести серьезные изменения во внешнюю политику страны.

В 1993 г. в России была разработана концепция внешней политики, в которой постсоветское пространство декларировалось среди внешнеполитических приоритетов. Несмотря на безусловное признание независимости бывших окраин и первостепенное внимание к экономическим вопросам, российское руководство тем не менее стремилось исключить на пространстве СНГ влияние третьих держав¹.

Подобный пересмотр внешнеполитических приоритетов не остался незамеченным на Западе. США, а вслед за ними и ЕС, стали менять тональность оценок российской политики. Нарастала критика России за ее стремление формировать свое видение внешнеполитических приоритетов в процессах взаимодействия на постсоветском пространстве и проведение активной политики в отношении бывших советских республик. Критика внешней политики России, которая постепенно усиливалась, стала одним из эффективных инструментов внешнеполитического влияния, которые западные страны использовали для продвижения собственных интересов. Неприятие российского внешнеполитического курса отражало обеспокоенность западных стран планами России по консолидации постсоветского пространства, расширению интеграционного взаимодействия с опорой на евразийские идеи и сохранению обновленной рублевой зоны. Для США и ЕС ключевой задачей было противодействие реинтеграции стран постсоветского пространства, особенно при лидирующей роли России. Запад выстраивал свою стратегию в отношении стран постсоветского пространства, исходя из необходимости создания пояса безопасности².

На политику Запада большое влияние оказали политические перемены, которые произошли в большинстве стран постсоветского пространства. В результате парламентских и президентских выборов, проведенных в период 1992–1994 гг., к власти

¹ См.: Тренин Д. В. Россия и страны СНГ: “взросление” отношений // Внешняя политика России: 2000–2020: В 3 т. / Рос. совет по межд. делам; Под общ. ред. И. С. Иванова. Т. 1. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 210.

² См.: Приходько О. В. Американская политика в отношении Украины // Обозреватель. 2016. № 10. С. 43–61.

там пришли элиты, выступающие за развитие сотрудничества с Западом. При этом часть из них допускала сохранение тесных торгово-экономических и в меньшей степени политических контактов с Россией, другая часть придерживалась курса на дальнейшее ослабление российского влияния. Однако в целом в большинстве из них политические силы, отстаивавшие идеи реинтеграции или выступающие за восстановление разорванных экономических связей, потерпели поражение. Это позволило США и другим западным странам всё больше отходить от проводимой ими русоцентричной политики в пользу поддержки политических и экономических основ независимости стран — бывших республик СССР¹.

Большое внимание Запад уделял Украине, которая заняла ключевое после России положение на постсоветском пространстве. Российско-украинские отношения оказывали большое влияние на ситуацию в бывшем СССР. Соответственно, Запад ставил задачу не допустить улучшения взаимоотношений между двумя государствами, которые и так непросто развивались в начале 90-х гг. Раздел Черноморского флота, рост долгов Киева за поставляемый российский газ, сложные отношения в рамках СНГ, а также усиление позиций националистических сил на Украине — всё это негативно сказывалось на межгосударственных отношениях двух государств.

В 1994 г. на Украине произошла смена власти. На президентских выборах победил Л. Кучма, который продолжил курс на расширение сотрудничества с западными странами. Последние, в свою очередь, стремились использовать внутривнутриполитическую ситуацию на Украине для дальнейшей корректировки внешнеполитических акцентов Киева, подталкивая его дистанцироваться от Москвы. Соответственно, деятельность западных стран в отношении Украины резко возросла. Через структуры НАТО, международные финансовые организации на украинское руководство оказывалось давление. Запад добивался расширения политического сотрудничества с Киевом, настаивая на ослаблении российско-украинских связей. Ключевой задачей администра-

¹ См.: *Шорохов В.* Нефть и политика Азербайджана: Исследование ЦМИ МГИМО № 9 / ЦМИ МГИМО МИД РФ; под ред. А. В. Загорского. М.: ЦМИ МГИМО, 1997. С. 31.

ции Б. Клинтона на украинском направлении стало закрепление за Киевом роли оппозиции России на постсоветском пространстве и создание условий, которые бы предотвратили возникновение политико-экономического союза между Россией и Украиной.

В результате за несколько лет политика Запада на постсоветском пространстве эволюционировала от разрозненных шагов государственных структур и самостоятельных действий частного капитала до взаимосвязанной системы мер, направленных на продвижение своих интересов. Особенно активно действовали США. Весной 1995 г. госсекретарь США У. Кристофер заявил, что одним из главных внешнеполитических приоритетов США является поддержка независимости соседей России. В первую очередь американская сторона намерена была уделять внимание Казахстану и Азербайджану, которые обладали значительными запасами углеводородных ресурсов. Вопросы добычи и транспортировки нефти и газа на внешние рынки оказались в центре внимания не только прикаспийских стран, но и внерегиональных государств. Мировые державы любыми способами стремились подключиться к проектам разведки, освоения и экспорта нефти и газа Центрально-Азиатского и Каспийского регионов¹. Для них нефть и газ Каспия были “блюдами”, которые еще только предстояло распробовать². Впрочем, это не означало, что западные страны не уделяли внимания остальным странам постсоветского пространства. Украина, Белоруссия, Молдавия, Грузия, страны Центральной Азии и Южного Кавказа также находились в фокусе политики США, ЕС и Китая (который также постепенно укреплял свои позиции в бывших советских республиках). Однако в отличие от Пекина, делавшего акцент на торгово-экономическом взаимодействии, западные страны не скрывали своего интереса к политическим процессам в странах постсоветского пространства, подталкивая национальные элиты к разрыву отношений с Россией, а также по-

¹ См.: Тяньлэ Е. Роль Центральной Азии в энергетической стратегии Китая // Центральная Азия: проблемы и перспективы (взгляд из России и Китая): Сб. ст. / Под ред. К. А. Кокарева, Д. А. Александрова, И. Ю. Фроловой; Рос. ин-т стратег. исслед.; Кит. акад. совр. межд. отношений. М.: ИИСИ, 2013. С. 145.

² См.: Зонн И. С. Каспий: иллюзии и реальность. М.: Коркис, 1999.

пряя завышенные ожидания новых независимых государств занять достойное место в мировой политике и установить партнерские отношения с ведущими странами мира.

Таким образом, политика западных держав эволюционировала от пассивной поддержки суверенитета новых независимых стран в сторону активного участия в формировании их внешнеполитического курса и внешнеэкономических связей. В этом большую роль играли международные финансовые организации, которые не столько способствовали решению экономических проблем этих государств, сколько подрывали их экономику. Распространенным инструментом давления стало выдвигание различных требований к проведению псевдореформ в качестве условия предоставления новых кредитов. Через различные программы кредитования международных финансовых организаций страны втягивались в долговую зависимость. Подобная политика вмешательства во внутренние дела стран постсоветского пространства стала “традицией”, притом что любые попытки России отстаивать свои интересы на пространстве бывшего СССР, имевшем для нее стратегическое значение, рассматривались под углом нарастания “российской угрозы” и “восстановления империи”.

Активно действовали в этом вопросе США. Уточнение Вашингтоном своей политики стало ответом на пересмотр Россией своего внешнеполитического курса, в соответствии с которым странам постсоветского пространства стало уделяться большее внимание и предлагались различные интеграционные проекты. Задача развития отношений с ними на новой основе была отражена в Указе Президента РФ “Стратегический курс России с государствами — участниками Содружества Независимых Государств”, опубликованном в 1995 г. В этом документе регион ближнего зарубежья провозглашался зоной стратегических интересов России. Отмечалось, что главной целью политики России в отношении с СНГ является создание интегрированного экономически и политически объединения государств, способного претендовать на достойное место в мировом сообществе. Указывалось на необходимость консолидации России в качестве ведущей силы формирования новой системы межгосударственных, политических и экономических отношений на постсоветском пространстве.

Стремление Москвы к частичному восстановлению утраченных после распада СССР позиций в указанном регионе диктовалось задачами экономического развития. Однако это противоречило интересам западных стран, которые активизировали свою политику. США и ЕС, помимо политической поддержки руководства новых независимых государств и их поощрения на переориентацию внешней политики, расширили объемы предоставляемой экономической помощи, как на двусторонней основе, так и через международные финансовые организации. Одновременно изменилась тональность антироссийской риторики, в которой акценты стали делаться на “имперских” проявлениях внешнеполитического курса России. Этот тезис был подхвачен политическими элитами ряда стран постсоветского пространства и использован ими как в двусторонних отношениях с Россией для обоснования прозападного курса и объяснения социально-экономических провалов, так и во внутривнутриполитической борьбе, для удержания собственной власти.

Осторожные шаги Запада в отношении стран постсоветского пространства стали отходить в прошлое. Западные страны активизировали контакты с новыми независимыми государствами, выделив каждое из них в самостоятельное направление внешней политики. Поддержкой пользовались политические элиты, которые проводили курс на переориентацию внешней политики на западные страны и ослабление зависимости от России. В целом интересам Запада отвечала дезинтеграция постсоветского пространства, дальнейшее ослабление экономических связей, а также открытие товарных рынков для крупного капитала собственных стран, который стремился расширить рынки сбыта своей продукции, обеспечить альтернативное энергоснабжение¹.

Запад пытался использовать неудачи, которые сопровождали интеграционные проекты, инициируемые тогда Россией на постсоветском пространстве. Несмотря на подписанные соглашения, заключенные договоры, проведенные саммиты, страны постсоветского пространства не достигали прогресса в налаживании новых политических и экономических отношений друг с другом. Это

¹ См.: Евразия в поисках идентичности / Отв. ред. С. П. Глинкина, Л. З. Зевин. М.; СПб.: Нестор-История, 2011. С. 67–93.

было связано с односторонними действиями новых руководителей, их неготовностью учитывать интересы своих соседей. Наконец, элиты, пришедшие к власти после распада СССР, рассматривали Запад в качестве более перспективного партнера. Эти факторы, наряду с формулированием и уточнением долгосрочных интересов, обусловили смещение акцентов во внешней политике западных стран во второй половине 1990-х гг.

Прежде всего, Запад инициировал создание дополнительных постоянных механизмов взаимодействия с ключевыми странами постсоветского пространства. Так, в мае 1997 г. в Киеве был открыт Центр информации и документации НАТО, призванный формировать положительный имидж альянса среди украинцев и способствовать продвижению страны в направлении членства в этой организации. В июле того же года была подписана хартия “Об особом партнерстве между Украиной и НАТО”, ставшая первым документом, который юридически закрепил отношения между Киевом и Брюсселем и заложил законодательную основу для расширения их последующего сотрудничества, в котором США играли ключевую роль. Одновременно Запад увеличил финансовую поддержку украинских неправительственных организаций, масштабы деятельности которых возросли в странах постсоветского пространства.

Другим направлением политики Запада стала разработка новых механизмов многостороннего сотрудничества стран постсоветского пространства, но уже без участия России. Политика западных государств преследовала цели по созданию на постсоветском пространстве альянса государств, которые могли консолидировать свои усилия в достижении задачи по снижению влияния России. В 1997 г. при поддержке США была образована региональная организация, в которую вошли такие страны, как Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия (ГУАМ). Она рассматривалась в качестве альтернативы интеграционным проектам, предлагаемым Россией¹. Образованный при активном участии Вашингтона, ГУАМ должен был не только способствовать созданию новых маршрутов экспортных поставок нефти и газа из Каспийского

¹См.: Жильцов С. С., Зонн И. С. Черноморский регион: новые очертания. М.: МГОУ, 2010.

региона, но и сформировать альтернативные интеграционные структуры, в основе которых лежала антироссийская политика. Деятельность ГУАМ была направлена на ограничение влияния России прежде всего в Закавказье, Каспийском и Черноморском регионах¹. Кроме того, ГУАМ рассматривался как организация, где Украина могла бы утвердиться в качестве регионального лидера². В перспективе США были намерены способствовать укреплению позиций Украины, с тем чтобы вокруг нее объединялись страны, заинтересованные в расширении сотрудничества с Западом. Главным приоритетом внешней политики государств, образовавших ГУАМ, выступало углубление сотрудничества с западными странами³.

Во второй половине 1990-х гг. в политике Запада в отношении стран постсоветского пространства на одно из первых мест выходят вопросы энергетики. Этим объясняется усиление внимания к странам Каспийского региона и Центральной Азии, которые обладали значительными запасами углеводородных ресурсов. В частности, США и ЕС стремились укрепить независимость стран Центральной Азии, опасаясь “покушений” на нее со стороны России и Ирана⁴. Для реализации своих целей в Каспийском регионе и Центральной Азии США использовали различные инструменты укрепления политического и экономического влияния в прикаспийских государствах. Одновременно их усилия были направлены на срыв интеграционных проектов и создание препятствий в решении региональных проблем.

На это же время приходится обострение соперничества России и западных стран за влияние на Южном Кавказе. В январе 1997 г.

¹ См.: Орлова Т. В. Історія нових незалежних держав. Навч. посіб. (История новых независимых государств. Учебное пособие.). К.: Знання, 2010. С. 429.

² См.: Самуйлов С. М. Эволюция политики США в отношении СНГ. М.: [б. и.], 2005. С. 26.

³ См.: Чекаленко Л. Д., Федуняк С. Г. Зовнішня політика України (від давніх часів до наших днів). (Внешняя политика Украины (с давних времен до наших дней).) К.: ДП, 2010. С. 361.

⁴ См.: Казанцев А. А. Политика США в постсоветской Центральной Азии: характер и перспективы // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 4. С. 155–164.

американская администрация заявила о жизненно важном политическом значении государств Закавказья для США и о намерении “повернуть свою политику” в их сторону¹. В докладе Белого дома “Стратегия национальной безопасности для нового века” отмечалось, что “по мере истощения собственных запасов зависимость США от доступа к иностранным источникам нефти будет возрастать”. Авторы доклада предлагали осуществить “диверсификацию источников энергоресурсов”. Политика США в регионе была нацелена на ослабление связей с Россией, расширение коммерческих возможностей для американских компаний, содействие решению региональных конфликтов на выгодных для американской стороны условиях, дальнейшее формирование новых трубопроводных маршрутов, призванных усилить вовлеченность стран Южного Кавказа в обеспечение европейской энергетической безопасности. Аналогичные оценки в мае того же года были сделаны в отношении Каспийского региона, а затем и центральноазиатских государств². Используя различные формы, методы и инструменты проникновения, США стали устанавливать контроль над пространством, которое занимали прикаспийские страны³.

Столкновение интересов России и Запада в значительной мере было вызвано борьбой за выбор маршрутов экспорта углеводородных ресурсов, которые предполагалось добывать в Каспийском регионе. Объем будущих углеводородных ресурсов мало интересовал США и ЕС, хотя в многочисленных заявлениях официальных лиц и экспертов постоянно подчеркивалось значение каспийских углеводородов. Более того, Азербайджан рассматривался США и ЕС в качестве альтернативного источника углеводородных ресурсов, благодаря которым должны были снизиться поставки на европейский газовый рынок из России. Речь шла о переориентации поставок углеводородного сырья, создании новой трубопро-

¹ См.: *Михайлов С. А.* Отношения Грузии и США // *Грузия: проблемы и перспективы развития: Монография: В 2 т. / Под ред. Е. М. Кожокина. Т. 1.* М.: РИСИ, 2001. С. 202.

² См.: *Гаджиев К. С.* “Большая игра” на Кавказе. Вчера. Сегодня. Завтра. М.: Междунар. отношения, 2012. С. 169.

³ См.: *Жильцов С. С., Зонн И. С.* США в погоне за Каспием. М.: Междунар. отношения, 2009. С. 10.

водной “архитектуры”, которая должна была обеспечить экспорт нефти и газа в обход российской территории. Реализация данной задачи рассматривалась Западом в качестве приоритетной, поскольку политическое значение нефти и газа было чрезвычайно высоко. Такой же подход просматривался и в отношении Грузии, через которую предполагалось проложить будущие трубопроводы. Этим объясняется “неожиданно” возросший интерес к Тбилиси, который вывел Грузию в число приоритетов американской и европейской политики на постсоветском пространстве. Энергетический фактор во многом определял направления внешней политики Запада, который оказывал на добывающие страны и государства-транзитеры политико-дипломатическое давление. Ключевой задачей являлось уменьшение роли России в сфере добычи и ограничение ее участия в транспортировке углеводородных ресурсов из Каспийского региона и стран Центральной Азии¹.

Во второй половине 1990-х гг. основную роль в формировании и реализации политики западных стран на постсоветском пространстве играли США. С началом второго срока пребывания в Белом доме Б. Клинтона (1997 г.) Вашингтон принял решение сделать внешнюю политику наступательной, направленной на вытеснение России из стран бывшего СССР. Особое внимание Запад уделял оказанию идеологического и политического воздействия на политические элиты и экспертное сообщество новых независимых государств. Активное участие в этом принимали как официальные структуры западных стран, так и различные неправительственные фонды и институты.

Активизация политики Запада проходила на фоне уменьшения возможностей России влиять на внешнюю и внутреннюю политику стран постсоветского пространства. Данные изменения четко уловили западные страны. В феврале 1997 г. генеральный секретарь НАТО Х. Солана совершил визит в страны Южного Кавказа. Целью визита было расширение контактов со странами региона, которые демонстрировали готовность к углублению сотрудничества с западными государствами. Так, важнейшими партнерами

¹ См.: Жильцов С. С., Воробьев В. П., Шутов А. Д. Эволюция политики России на постсоветском пространстве. М.: Восток — Запад, 2010.

для Грузии стали Турция и США, с которыми Тбилиси развивал контакты в сфере обороны и безопасности¹.

Активная политика США в отношении государств Южного Кавказа была направлена на вытеснение России из жизненно важного для нее региона. Этому способствовало ослабление политических отношений и экономических связей стран региона с Россией, которая к тому моменту не рассматривалась ими в качестве приоритетного внешнеполитического партнера. Кроме того, снижение российского влияния отражало усиление политической зависимости стран региона от западных государств. Итогом повышенного внимания к региону со стороны США, ЕС и Турции стало снижение уровня сотрудничества России со странами Южного Кавказа².

Россия выступала против расширения военно-политических контактов Запада со странами региона, рассматривая подобное развитие ситуации в качестве угрозы своим интересам. Однако реальных рычагов повлиять на позицию руководства стран Южного Кавказа, а также оказать влияние на внешнеполитический курс Запада Россия не имела. Сказалось несовпадение позиций России с Грузией и Азербайджаном по вопросу разрешения конфликтов на Южном Кавказе. Это усилило заинтересованность Азербайджана и Грузии расширить взаимодействие между собой на региональном уровне, с одной стороны, а с другой — заручиться поддержкой США и ЕС. Тем более что западные государства использовали широкий инструментарий для переориентации внешней политики стран Южного Кавказа.

Для каждой из стран постсоветского пространства Запад подбирал индивидуальный подход и использовал различные механизмы продвижения своих интересов. Западные страны стремились скорректировать внешнюю политику стран постсоветско-

¹ См.: *Марабян К. П.* Политика Грузии по обеспечению национальной безопасности // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире.* 2015. № 11. С. 91–97.

² См.: *Ситохова А. Р.* Энергетическая политика России на Южном Кавказе // *Интеллектуальный потенциал XXI века: степени познания.* 2013. № 19. С. 35.

го пространства, выступая за снижение уровня сотрудничества с ними России.

Для переориентации внешней политики стран постсоветского пространства Запад использовал широкий спектр инструментов. Неправительственные организации, которые формировали общественное мнение и работали с представителями власти, международные финансовые организации, различные программы, направленные на расширение политических контактов, выделение средств на стажировки для представителей элиты, информационная поддержка — это неполный список рычагов, с помощью которых Запад оказывал давление на новые независимые государства.

Западные страны активно использовали антироссийскую риторику. Она позволяла политическим элитам новых независимых государств укреплять свои позиции, консолидировать националистически настроенный электорат, содействовала пересмотру советской истории и культурного наследия, который осуществляли все постсоветские страны.

Антироссийская риторика заняла прочное место в числе основных инструментов западных стран и преследовала долгосрочные цели, которые охватывали не только политическую и экономическую сферы. Они предполагали уничтожение общего исторического и культурного наследия, которое досталось постсоветским странам.

В русле информационной политики, проводимой западными государствами, в странах постсоветского пространства культивировался миф об “имперской угрозе” и “российской агрессии”. Одновременно большое внимание уделялось таким вопросам, как развитие демократии в государствах бывшего СССР, защита прав человека, создание рыночной системы экономики. Запад не раз заявлял о поддержке новых независимых стран в их продвижении по пути демократических реформ и экономических преобразований¹. В конечном счете усилия Запада были направлены не только на установление контроля над политическими элитами новых государств, видевших в западных партнерах гарантов их не-

¹ См.: Жильцов С. С. Украина: 20 лет пути к независимости. М.: Восток — Запад, 2012.

зависимости, сколько на разрушение единого культурного, гуманитарного пространства¹.

У Вашингтона были основания вырабатывать и проводить антироссийскую политику. Россия активно продвигала интеграционные проекты, прежде всего с Белоруссией, Казахстаном — наиболее развитыми в промышленном отношении странами постсоветского пространства. Большое внимание в Москве уделяли сохранению торгово-экономических отношений с Украиной, которая одновременно находилась в фокусе внимания Запада. Практическая реализация интеграционных проектов могла значительно усилить позиции России и восстановить российское влияние на части территории бывшего СССР. К этому Россию подталкивала экономическая, политическая и культурная конкуренция со стороны других стран и центров силы, в том числе и США².

В отличие от Запада, который с момента распада СССР не скрывал политических задач в отношении постсоветского пространства, Китай продвигал свои интересы посредством расширения торгово-экономических отношений. В 90-х гг. XX века Пекин наращивал экономическое взаимодействие со странами Центральной Азии, заняв ведущие позиции в регионе. В свою очередь, страны Центральной Азии рассматривали Китай в качестве альтернативы России, воспринимая китайскую экспансию в контексте укрепления своей независимости.

Политика Запада и Китая (при всех своих отличиях) привела к тому, что российское влияние на постсоветском пространстве уменьшилось. С позицией Москвы западные страны и Китай стали считаться в меньшей степени, одновременно активизировав свою деятельность. В итоге к концу 1990-х гг. Запад и Китай реализовывали внешнюю политику, направленную на вытеснение России из постсоветского пространства. В задачи Запада входили укрепле-

¹ См.: *Жильцов С. С.* Культурно-цивилизационное единство: мифы и реалии // Новые независимые государства в современных международных отношениях: Сб. науч. ст.: В 2 ч. / Под общ. ред. Б. А. Шмелева. Ч. 1. М.: ИЭ РАН, 2012. С. 12–25.

² См.: *Тренин Д. В.* Россия и страны СНГ: “взросление” отношений // Внешняя политика России: 2000–2020: В 3 т. / Рос. совет по межд. делам; Под общ. ред. И. С. Иванова. Т. 1. М.: Аспект Пресс, 2012. С. 216.

ние независимости стран постсоветского пространства, расширение коммерческих возможностей для западного бизнеса. Все это предполагало уменьшение их зависимости от России и интеграцию в международные экономические и политические системы.

США сохраняли повышенный интерес к Каспийскому региону и Центральной Азии, предлагая различные инициативы, чтобы закрепиться в этих стратегически важных территориях. В 1999 г. в США был принят закон “Стратегия Шелкового пути”, который должен был защищать американские интересы в Каспийском регионе. Речь шла о создании кавказско-азиатского коридора, который должен был создать условия для расширения экономического взаимодействия и сотрудничества с Западом. США и ЕС настойчиво продвигали идею прокладки экспортных маршрутов углеводородного сырья, идущих в обход российской территории. Главная роль в формировании нового трубопроводного каркаса на постсоветском пространстве отводилась Азербайджану и Грузии, которые, в свою очередь, делали ставку на развитие энергетического сотрудничества с западными нефтегазовыми компаниями. Ключевую роль в обеспечении транзита нефти и газа на внешние рынки западные страны отводили Грузии. Ее роль определялась транзитным положением: через грузинскую территорию осуществляется транспортировка углеводородных ресурсов из Каспийского региона¹. В конечном итоге участие Грузии позволило реализовать ряд трубопроводных проектов, направленных на ослабление влияния России в Каспийском регионе и на Южном Кавказе. В середине первого десятилетия XXI века были построены нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан, газопровод Баку — Тбилиси — Эрзурум. Данные проекты подкреплялись активной инвестиционной политикой Турции и опирались на внешнеполитическую поддержку западных стран.

Борьба вокруг выбора маршрутов транспортировки углеводородных ресурсов Каспийского региона обострила геополитическую конкуренцию в регионе. Этот фактор способствовал усилению разобщенности стран региона, привел к ослаблению их отношений с Россией. Свою роль в этом сыграли западные игроки, ока-

¹ См.: *Бахтуридзе З. З.* Внешняя политика Грузии (1991–2014 гг.): ключевые ориентиры и партнеры. СПб.: Аврора, 2015. С. 6.

завшие сильное влияние на позиции стран Южного Кавказа, который стал точкой пересечения геополитических интересов многих стран мира¹.

Одновременно с повышенным вниманием к республикам, располагающим значительными запасами углеводородных ресурсов и занимающим выгодное географическое положение для их транспортировки, Запад усилил политику давления на Украину, Молдавию и Белоруссию. Данные государства рассматривались в качестве перспективного “санитарного” пояса на западных границах России.

Таким образом, в начале XXI века Запад не отказался от замыслов создать на постсоветском пространстве новый каркас энергетических и транспортных коммуникаций, который должен был опираться на многочисленные связи, идущие в разных направлениях. Речь шла не только о формировании новых трубопроводных маршрутов, переориентации существующих и будущих направлений поставок энергетических ресурсов, но также и об изменении внешнеторговых и кооперационных связей между отдельными странами. Действия на Украине, в Молдавии, Белоруссии, странах Центральной Азии, на Южном Кавказе и в Каспийском регионе отражали кардинальные изменения в политике Запада, который выступал против реинтеграции постсоветского пространства при лидирующей роли России.

Пересмотр Западом своей политики прежде всего в сторону усиления влияния на страны постсоветского пространства был вызван с приходом в 2000 г. к власти в России Владимира Путина. Новый российский президент придал внешнеполитическому курсу прагматизм. Усилия России были направлены на развитие интеграционных процессов между странами постсоветского пространства. В частности, Россия предпринимала шаги по формированию Единого экономического пространства с участием Белоруссии, Казахстана и Украины, что негативно было воспринято в западных странах.

Под руководством нового российского президента были подготовлены и приняты такие документы, как Морская доктрина

¹ См.: *Гаджиев К. С.* Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка. М.: Экономика. 2011. С. 415.

Российской Федерации на период до 2020 года, Концепция приграничного сотрудничества в Российской Федерации. Кроме того, были уточнены подходы России в отношении стран постсоветского пространства. Подобные изменения вызвали серьезную обеспокоенность на Западе. США и ЕС стали опасаться восстановления российского влияния в регионе, который они уже считали зоной своих стратегических интересов. Этим объясняется усиление давления на украинские власти, от которых добивались серьезной корректировки внешней политики, активизация ГУАМ, настойчивое продвижение новых трубопроводных проектов в Каспийском регионе, поощрение властей Молдавии к срыву переговорного процесса по Приднестровью и т. д. Нажим на руководство стран постсоветского пространства сопровождался усилением Западом критики российской внешней политики. Эти действия находили сторонников в национальных элитах новых независимых государств, что позволяло США и ЕС обеспечить себе поддержку в институтах государственной власти этих стран за счет предоставления средств в виде грантов и финансовой помощи, активной деятельности зарубежных неправительственных организаций. Объем финансирования, выделяемого на поддержку “демократических” процессов в странах постсоветского пространства, который исчислялся миллиардами долларов, свидетельствовал об отнюдь не формальных претензиях Запада на геополитическое лидерство.

На рубеже XX и XXI веков более четко стали проявляться различия в подходах США и ЕС к реализации внешней политики на постсоветском пространстве. Американские администрации сохраняли преемственность во внешнеполитическом курсе на этом направлении, приспособившись к текущим условиям и исходя из внутривосточной расстановки сил в самих США. Для европейской политики была характерна не только заинтересованность в контроле над энергоресурсами стран Центральной Азии и особенно Закавказья, но и более плотная по сравнению с США включенность в борьбу против ширящихся угроз. ЕС стремился участвовать в решении таких проблем, как рост наркотрафика, нелегальная миграция, социальная напряженность, ограничения демократических процессов, а также проявления радикального

и воинствующего ислама¹. При этом политику как США, так и ЕС объединяло стремление сдерживать Россию, противодействуя ее политике на постсоветском пространстве и не допустить формирования регионального союза под руководством Москвы.

В начале нового века страны Запада выступили с рядом инициатив, направленных на дальнейшее расширение своего влияния в странах постсоветского пространства. В 2002 г. ЕС предложил проект газопровода “Набукко”, рассчитывая обеспечить поставки каспийского, а в перспективе и центральноазиатского газа на европейский рынок в обход России. Однако его реализация сталкивалась со значительными трудностями: не были определены источники финансирования проекта, конкретные поставщики углеводородных ресурсов. В тот же период ЕС выдвинул инициативы, ориентированные на Украину, Белоруссию и Молдавию. С этого момента дипломатия ЕС стала делать ставку на интеграцию отдельных стран постсоветского пространства с Европой, их отрыв от России. Для этого в 2003 г. была разработана Европейская политика соседства, а в 2004 г. — стратегия “Европейская политика соседства”.

Одновременно Запад ставил задачу по замене руководства в ключевых странах постсоветского пространства. В Грузии, Украине и Киргизии произошла смена правящих режимов. Приход к власти в Грузии в 2003 г. М. Саакашвили привел к дальнейшему ухудшению отношений с Россией. Несмотря на экономическую зависимость от России, М. Саакашвили инициировал пересмотр грузинской внешней политики. Была открыта новая страница в отношениях НАТО и Грузии, и уже в 2003 г. принят первый план индивидуального партнерства с НАТО.

Приход в 2004 г. к власти на Украине прозападно настроенного президента В. Ющенко обострил российско-украинские отношения, поскольку Киев сместил акценты в своей внешней политике в сторону расширения сотрудничества с Западом. Так же обстояло дело и в ряде других стран постсоветского пространства, где к власти пришли политические элиты, которые стояли на антироссийских позициях и выступали за дальнейшее расширение сотрудничества с западными странами.

¹ См.: *Томберг И. Р.* Центральная Азия и Каспийский регион: новый этап “большой энергетической игры” // *Центральная Азия и Кавказ.* 2006. № 5. С. 28.

В первом десятилетии XXI века сотрудничество западных стран с государствами постсоветского пространства продолжало расширяться.

Были разработаны проекты международных транспортных коридоров, призванных способствовать вовлечению новых независимых государств в сферу интересов ЕС и США. Так, по мере переориентации внешней политики Грузии и Азербайджана на западные страны уровень их экономического сотрудничества с Россией еще больше снизился. С 2004 г. ЕС превратился в главного торгового партнера каждой закавказской страны¹. В последующие годы тенденция сохранилась. Грузия снизила зависимость от поставок углеводородных ресурсов из России после 2006 г., когда был введен в строй нефтепровод Баку — Тбилиси — Джейхан. Реконструкция на Ингурской ГЭС позволила сократить поставки электроэнергии из России в летний период, хотя до этого времени Россия фактически была единственным поставщиком природного газа в Грузию и поставляла электроэнергию.

Запад выдвинул ряд долгосрочных проектов, которые должны были изменить расстановку сил в отдельных регионах постсоветского пространства. США предложили проекты, направленные на углубление многостороннего сотрудничества между ними. Один из них — Стратегия Большой Центральной Азии, предложенная директором института Центральной Азии и Кавказа при Университете им. Дж. Хопкинса в Вашингтоне Фредериком Старром. Он выдвинул идею создания центральноазиатского макрорегиона, предполагая таким образом вывести эту территорию из-под влияния России. Идея американских аналитиков сводилась к тому, чтобы рассматривать пять стран Центральной Азии, Афганистан, Пакистан и Индию в качестве единого региона, проводить в отношении них единую региональную политику. Прежде всего это касалось транспортной и торговой сфер². Кроме того, с 2005 г. получила свое оформление Концепция Нового Шелкового пути, кото-

¹ См.: Гусейнов Ф. Южный Кавказ во внешней политике Евросоюза // Analytic (Казахстан). 2010. № 2. С. 38–42.

² См.: Мажиденова Д. М., Шеръязданова К. Г. Возрождение Великого Шелкового пути и геополитические интересы стран. Астана: Акад. гос. управления при Президенте РК, 2014. С. 7.

рая прорабатывалась США с конца 1990-х гг. Инициатива США должна была способствовать созданию новых торговых маршрутов, связывающих Центральную Азию с Европой¹.

В 2006 г. в Стратегии национальной безопасности США отмечалось, что американская политика на евразийском направлении предусматривает дальнейшую территориальную экспансию НАТО за счет вступления в альянс новых “эффективных демократий” и изоляцию России². Одновременно НАТО расширяло свое присутствие в Азербайджане, Грузии, Украине, Молдавии.

С 2007 г. ЕС разработал ряд документов, направленных на укрепление связей с новыми независимыми государствами и их интеграцию в политическое и экономическое пространство западных стран. Европейский союз принял документ “ЕС и Центральная Азия: стратегия нового партнерства”, который включал в себя вопросы водных и энергетических ресурсов, ядерной безопасности. В нем подчеркивалось, что для ЕС представляет интерес Центральная Азия в качестве единого региона, а не отдельные центральноазиатские государства³. Появление на свет данного документа было связано с происходящими в мире изменениями, а также трансформацией международных отношений на постсоветском пространстве. Всё более четко проявлялась дефрагментация обширного постсоветского региона, который распался на группы стран с разными внешнеполитическими стратегиями. Кроме того, Центральная Азия признавалась в качестве важного энергетического и транспортного узла. Основным направлением политики Европейского союза выступало энергетическое сотруд-

¹ См.: *Гусарова А. Ю.* Политика США в Центральной Азии в контексте стратегии расширения демократии // Актуальные вопросы безопасности в Центральной Азии: Материалы X Ежегодной Алмат. конф. (г. Алматы, 6 июня 2012 г.) / Отв. ред. Б. К. Султанов. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2012. С. 63–68.

² См.: *Батюк В., Дьякова Н.* Военная политика США на постсоветском пространстве // *Россия и новые государства Евразии.* 2009. № 4. С. 62.

³ См.: *Серик Р. С.* Казахстан и стратегия ЕС в Центральной Азии: взаимодействие в энергетической сфере // *Центральная Азия в условиях геополитической трансформации и мирового экономического кризиса: Матер. VII ежегод. Алмат. конф. (г. Алматы, 9 июня 2009 г.)* / Отв. ред. Б. К. Султанов. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. С. 224–233.

ничество. Повышенное внимание было обращено на расширение числа поставщиков углеводородных ресурсов и путей их доставки на европейский рынок. Несмотря на принятие данного документа, процесс сближения ЕС со странами региона проходил достаточно медленно. В значительной мере это объяснялось тем, что Центральная Азия по своему значению уступала таким регионам, как Восточная Европа, Средиземноморье, Балканы. Сдерживающим фактором в продвижении ЕС своих интересов стало отсутствие эффективного механизма согласований внутри организации. Это привело к усилению в регионе отдельных европейских стран, в частности Германии и Франции.

Политика Запада была направлена на сохранение проблем и противоречий в отношениях России со странами постсоветского пространства. В частности, именно поддержка Запада спровоцировала конфликт России и Грузии в августе 2008 г. Прикрываясь тезисом о защите суверенитета грузинского государства, Запад поддержал внешнюю политику Грузии, усилив ее прозападный вектор. В январе 2009 г. Грузия и США подписали Хартию о стратегическом партнерстве, которая расширяла взаимодействие стран в сфере безопасности. Кроме того, важнейшей задачей для Грузии было сближение с Западом. Об этом говорилось в Концепции безопасности Грузии 2011 г., которая определяла в качестве приоритета европейскую и евроатлантическую интеграцию¹.

В 2009 г. ЕС инициировал программу “Черноморская синергия”, которая сводила вместе отдельные инициативы ЕС в Черноморском регионе. В том же году была предложена программа “Восточное партнерство”. Она предполагала политическое и экономическое сближение ЕС с Украиной, Молдавией, Беларуссией, Азербайджаном, Арменией и Грузией. Инициатива не обещала странам глубокой интеграции, будучи ориентированной на подчинение ресурсов данных государств потребностям Евросоюза. Таким образом, “Восточное партнерство” было направлено на разрешение собственных внутренних проблем: энергообеспе-

¹ См.: Шмелев Б. А., Симон М. Е. Влияние внутривосточных процессов на внешнюю политику новых независимых государств // Новые независимые государства в современных международных отношениях: Сб. науч. ст.: в 2 ч. / Под общ. ред. Б. А. Шмелева. Ч. 1. М.: ИЭ РАН, 2012. С. 83.

чение, устранение дефицита трудовых ресурсов, создание “свободных” зон торговли за счет секторального сотрудничества с отдельными странами¹. Это свидетельствовало о готовности Евросоюза усилить свое давление на часть стран постсоветского пространства, в том числе в ущерб интересам России².

По времени активизация политики западных стран совпала с обсуждением в странах постсоветского пространства интеграционных проектов, инициированных Россией, и принятием конкретных решений, направленных на расширение сотрудничества. В частности, были приняты решения о формировании Таможенного союза, создании Единого экономического пространства.

На постсоветском пространстве сталкивались политические и энергетические интересы России, ЕС и США. До конца первого десятилетия XXI века стратегия США в энергетической сфере базировалась на стремлении ограничить зависимость европейских государств от российского экспорта углеводородных ресурсов посредством создания альтернативных маршрутов доставки природного газа из Центральной Азии и Каспийского региона. Ситуация изменилась с началом “сланцевой революции” в США. Ее итогом стало резкое наращивание объемов добычи газа американскими компаниями, что усилило заинтересованность американской администрации поставлять углеводородные ресурсы в Европу. Для реализации этих планов было необходимо ограничить присутствие России на европейском газовом рынке. Соответственно, газовые конфликты между Россией и Украиной, которые произошли в 2006 и 2009 г., не в последнюю очередь были направлены на подрыв российских позиций в Европе, дискредитацию России как основного поставщика углеводородных ресурсов на европейский газовый рынок. Кроме того, планы по снижению поставок российского газа в Европу определялись за-

¹ См.: *Серик Р. С.* Современная политика ЕС в рамках программы “Восточное партнерство” // Перспективы сотрудничества Казахстана в новых геополитических условиях: Матер. 4-й двусторон. междунар. науч.-практ. конф. КИСИ-ИМЭМО (г. Москва, 9 апреля 2009 г.) / Отв. ред. Б. К. Султанов. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2009. С. 55–66.

² См.: Национальные особенности проявления мирового финансового кризиса в постсоветских странах / Под ред. Л. Б. Вардомского. М.: ИЭ РАН, 2010. С. 29.

интересованностью американских нефтегазодобывающих ТНК в разработке сланца непосредственно в Европе. Для обеспечения экспорта “сланцевой революции” в Европу необходимо было снизить потребность Европы в импорте сырья из РФ¹.

Приоритетным направлением внешнеполитического курса Запада в отношении стран постсоветского пространства было ослабление Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и ОДКБ, деятельность которых создавала предпосылки для формирования новых политических и экономических отношений на постсоветском пространстве и в конечном итоге усиливала позиции России. По этой причине США и ЕС поощряли усиление зависимости этих стран от международных финансовых структур, которые разрабатывали различные программы экономической помощи. Итоги подобной “модернизации” и “реформирования”, как правило, были отрицательными, поскольку выдвигаемые международными финансовыми структурами требования вели к деиндустриализации, обнищанию населения и усилению долговой зависимости. Поддержкой Запада пользовались элиты стран постсоветского пространства, которые ориентировались на интересы внерегиональных игроков. Все эти шаги были направлены на рост зависимости стран постсоветского пространства от внешних сил и создание барьеров для их участия в интеграционных проектах. К концу первого десятилетия XXI века американская администрация продолжала курс на обеспечение доминирующей роли в Евразии². Тем более что администрация Б. Обамы не намерена была признавать право России на особое влияние на постсоветском пространстве³.

В отличие от Запада, который в XXI веке вступил в конкуренцию с Россией за влияние на страны постсоветского простран-

¹ См.: Тимофеев Л. Основные приоритеты современной энергетической политики США // *Analytic*. 2012. № 4. С. 23–37.

² См.: Маркетос Трассиволос Н. Геополитическая стратегия Ирана в борьбе между США, Россией и Китаем за геостратегический контроль над Евразией ради обеспечения энергетической безопасности // *Центральная Азия и Кавказ*. 2009. № 4–5. С. 7.

³ См.: Ермаков С. М. Политика США и НАТО на постсоветском пространстве // *Проблемы национальной стратегии*. 2010. № 1. С. 79–91.

ства, Китай действовал более осторожно. Хотя китайская политика была направлена на достижение экономических и энергетических интересов, тем не менее Пекин стремился избежать прямой конкуренции с Россией на этой территории. Более того, Китай инициировал создание многосторонних механизмов сотрудничества с Россией и другими странами постсоветского пространства, прежде всего в Центральной Азии. Фундаментом этого сотрудничества стала ШОС. Ее создание позволило Пекину избежать соперничества с Россией и создать плацдарм для последующего продвижения своих интересов в других странах постсоветского пространства.

Причины острого соперничества между Западом и Россией на постсоветском пространстве определялись несовпадением их интересов. Планы российского руководства усилить здесь свое влияние, без чего невозможно было решение экономических проблем, негативно воспринимались на Западе. Их интересам отвечало наличие на постсоветском пространстве слабых и управляемых государств, собранных в “санитарный кордон” вокруг России.

В начале второго десятилетия XXI века отношения России с Западом продолжали ухудшаться. Основная причина — столкновение интересов. Западные страны продолжали вести курс на вытеснение России из постсоветского пространства.

Запад был обеспокоен планами России добиться реализации интеграционных проектов, в частности создать и сделать эффективным Евразийский экономический союз (ЕАЭС). С осуществлением данной задачи Россия могла рассчитывать на реинтеграцию части постсоветского пространства и расширение традиционной сферы своего влияния¹. Соответственно, планы России по созданию ЕАЭС находились в фокусе внимания западных стран во главе с США, которые всячески противодействовали любым объединительным тенденциям². Еще в 2012 г., когда стали обсуждаться кон-

¹ См.: *Ли Син, Ван Чэньсин*. Китайская политология о смысле и перспективах евразийского союза // *Международные процессы*. 2014. № 38. С. 72.

² См.: *Шуцунь В., Цинсун В*. Перспективы евразийского интеграционного проекта и его последствия для Китая // *Проблемы национальной стратегии*. 2013. № 3. С. 91.

кретные шаги по развитию интеграция на евразийском пространстве, Хиллари Клинтон, в тот период Государственный секретарь США, заявила, что Вашингтон постарается найти эффективные способы, чтобы замедлить или предотвратить это развитие¹.

Для решения данной задачи США и ЕС оказывали поддержку украинской оппозиции, которая была ориентирована на расширение сотрудничества с западными странами и разрыв экономических и политических отношений с Россией. Запад рассчитывал использовать Киев для ослабления позиций России. Переломным моментом в политике Запада в отношении России стали события на Украине, которые начались в ноябре 2013 г. Отказ украинских властей подписать соглашение об ассоциации с ЕС стал сигналом к началу скоординированных действий украинской оппозиции, которые завершились государственным переворотом в феврале 2014 г. Запад пытался извлечь выгоду из событий на Украине, закрепив Киев в орбите своего влияния. Примечательно, что уже через день после смены власти на Украине США выразили поддержку новому руководству, а в западных столицах царило приподнятое настроение, что объяснялось ощущением неожиданной победы над Россией в соперничестве за Украину².

Досрочные президентские и парламентские выборы, которые прошли в 2014 г., позволили произвести перезагрузку украинской власти. В итоге в коридорах украинской власти стали доминировать представители радикальных националистических сил, которых объединяла идеология украинского национализма и антироссийский курс.

Запад ставил задачу не столько расширить свое влияние в странах постсоветского пространства, что было достигнуто за четверть века, сколько повысить качество взаимодействия с ними. Для Запада особое значение приобрела задача создания механизмов, которые и дальше бы выводили страны постсоветского про-

¹ См.: *Кофнер Ю.* Готов ли Евразийский союз к расширению? // Евразия Эксперт. 13.07.2016. URL: <http://eurasia.expert/gotov-li-evraziyskiy-soyuz-k-rasshireniyu> (дата обращения: 29.07.2022).

² См.: *Колтон Тимоти, Чарлз Сэмюэль.* Украинский кризис: победителей нет // Россия в глобальной политике. Специальный выпуск. 2017. Декабрь. С. 114.

странства из сферы геополитического и экономического влияния России, ограничивая ее возможности в реализации интеграционных проектов¹. В связи с этим США и ЕС рассматривали украинский кризис в геополитическом контексте. Речь шла об ограничении внешнеполитической активности России и о выстраивании нового “санитарного кордона” против нее².

После событий на Украине в феврале 2014 г. политика Запада в отношении России кардинально изменилась. На смену экономическому сотрудничеству и политическому диалогу пришли санкционная политика и внешнеполитическое давление. В этот период широкий размах получила антироссийская риторика, используемая США и ЕС при реализации своей внешней политики. Под предлогом защиты интересов Украины Запад пошел на ограничение сотрудничества с Россией, выступив за ее исключение из “Большой восьмерки”, инициировал закрытие Совета Россия — НАТО, отмену проведения саммитов Россия — ЕС.

Вхождение в марте 2014 г. в состав России Крыма усилило заинтересованность Запада в реализации политики давления. В этом контексте введенные США в марте того же года санкции против России стали закономерным итогом российско-американских противоречий. В них отразилась обеспокоенность Вашингтона усилениями России в реализации проекта Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который в перспективе мог укрепить позиции Москвы на постсоветском пространстве. Также, в значительной степени при поддержке и одобрении Запада, в апреле 2014 г. официальный Киев начал проведение Антитеррористической операции на Востоке Украины. Ее итогом стал новый виток обострения российско-украинских отношений. В свою очередь, антироссийский курс был подхвачен украинской оппозицией, которая использовала его для последующего удержания власти. После переворота на Украине Запад сконцентрировал свои усилия на сохранении

¹ См.: Политика Евросоюза в отношении стран постсоветского пространства в контексте евразийской интеграции / Т. С. Гузенкова, О. В. Петровская, В. Б. Каширина [и др.] // Проблемы национальной стратегии. 2015. № 2. С. 9–51.

² См.: Михайлов С. А. Политика США в отношении Украины: концепции и текущая политика // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 5. С. 68–86.

Киевом антироссийской риторики и реализации курса дальнейшего обострения российско-украинских отношений. Через политическое давление на Россию, в том числе и посредством использования “украинской площадки”, США и ЕС ужесточили свои позиции. В целом антироссийский курс, осуществляемый Западом, принял масштабный и целенаправленный характер. Усилия были направлены на поддержку в Киеве антироссийской элиты, использование благоприятного момента для ослабления, а в перспективе и нового обострения российско-украинских отношений.

Запад усилил давление на Украину, добиваясь дальнейшего ее вовлечения в сферу своих интересов. На это были обращены действия Запада, которые предусматривали возобновление сотрудничества с МВФ, а также предоставление экономической помощи со стороны западных стран. За несколько последующих лет Украина получила экономическую помощь, исчисляющуюся несколькими миллиардами долларов. Однако потери от разрыва торгово-экономических и кооперационных связей с Россией оказались несоизмеримо большими, что в итоге существенно отразилось на экономике Украины.

Причины кардинального пересмотра западными странами отношений с Россией и однозначная поддержка новых украинских властей были связаны с геополитическими изменениями, которые происходили в мировой политике, а также с неспособностью Запада решить нарастание внутренних противоречий. События на Ближнем Востоке, миграционный кризис, укрепление в отдельных европейских странах позиций сил, выступающих за выход из Евросоюза, обострение борьбы за энергетические рынки — эти и другие проблемы обострили ситуацию внутри США и ЕС. Их попытки решить накапливающиеся годами экономические трудности не дали положительного результата. Кроме того, украинские события и обострение российско-украинских отношений потребовались странам Запада в связи с усилением геополитических позиций России и продвижением под ее эгидой интеграционных процессов на постсоветском пространстве. В итоге конфликт на Востоке Украины и обвинения в его разрывании России были использованы Западом для решения собственных проблем. Более того, через обострение российско-украинских отношений США добивались срыва интеграционных процессов, снижения

уровня сотрудничества России со странами СНГ и Балтии. Исходя из этой задачи Запад поддерживал на постсоветском пространстве политические элиты, которые проводили антироссийский курс. В свою очередь, официальный Киев был заинтересован во внешнеполитической поддержке со стороны Запада, способствуя формированию негативного образа России. Курс западных стран на обострение отношений с Россией и поддержка государственного переворота усилили позиции антироссийских, националистических сил на Украине. Такая политика рассматривалась украинскими властями в качестве одного из важных элементов сохранения собственной власти и получения зарубежной финансовой помощи, необходимой для поддержания минимального уровня социальной стабильности. При этом западные страны не признают Украину в качестве равноправного партнера, а отводят ей роль инструмента в реализации собственной внешней политики. Во многом это связано с длительным периодом внутривнутриполитической неустойчивости, неопределенности украинского внешнеполитического курса. Страна рассматривается в качестве слабого европейского государства, пригодного лишь для того, чтобы быть включенным в орбиту американского влияния в качестве “активной оппозиции” российской политике в регионе.

В реализации внешнеполитического курса в отношении России США использовали Киев, добиваясь от украинских властей дальнейшего снижения уровня российско-украинского политического и торгово-экономического сотрудничества. Для выполнения данных задач США предлагали программы финансовой поддержки Украины, перевооружения и оснащения украинских вооруженных сил, оказание помощи в осуществлении “реформ”. Важным направлением американской политики выступала поддержка Киева в международных организациях, а также предоставление экономической помощи по линии МВФ и европейских стран. Антироссийская риторика со стороны представителей США воспринимается на Украине в качестве реальной заботы Вашингтона в решении украинских проблем. При разных американских администрациях менялись акценты, тональность высказываний в отношении политики России, однако в целом данный инструмент постоянно использовался США для реализации и продвижения своих интересов и оказания давления на Россию.

Период, когда США добивались от Киева сохранения статус-кво в двусторонних российско-украинских отношениях, ушел в прошлое. Перед Киевом поставлена задача проведения “активной” антироссийской политики по широкому кругу региональных и двусторонних проблем. При поддержке Вашингтона Киев инициировал обсуждение “проблемы” Крыма, “российской угрозы” украинскому государству, путей решения энергетической безопасности.

Украина — единственное государство, в отношении которого западные страны проводят активную политику. По-прежнему большое внимание США и ЕС уделяют Белоруссии, Молдавии, странам Центральной Азии, Каспийского региона и Южного Кавказа. Наиболее последовательными сторонниками расширения сотрудничества с западными странами выступали Украина, Грузия и Молдавия. Запад использует разнообразный политический инструментарий, стремясь воздействовать на политику стран постсоветского пространства. Наличие в регионе государств с лояльными западным странам политическими режимами (Грузия, Азербайджан, Молдавия, Украина) благоприятствует реализации планов Запада по противодействию интеграционным проектам. Финансовые вливания со стороны Запада позволяют находящимся у власти элитам постсоветских стран поддерживать относительную социально-экономическую стабильность. Соперничество России и Запада прикрывает несостоятельность элит постсоветских стран, позволяя извлекать определенные выгоды.

Политика США и ЕС в отношении стран постсоветского пространства по-прежнему направлена на снижение темпов интеграционных процессов. Перед Западом остается актуальной задача по созданию препятствий для усиления влияния России на политику бывших советских республик. Вашингтон не оставит попыток переориентировать эти страны на ЕС и НАТО¹.

События последних лет показывают, что усилия, которое предпринимали западные страны в 90-х гг. XX века, стали, по сути, подготовительным этапом в осуществлении ими жесткой, прагматичной и экспансивной политики. Запад добивается создания “санитарного” кордона из стран постсоветского пространства, которые, по замыслам США и ЕС, должны выйти из сферы влияния

¹ См.: Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Под ред. А. А. Громько, В. П. Федорова. М.: Весь мир, 2014. С. 596.

России. Кроме того, Запад продолжает работать над укреплением своих позиций на постсоветском пространстве, рассматривая его как стратегический регион, важный с точки зрения решения собственных политических, экономических и энергетических проблем. Еще в марте 2014 г. на саммите США — Евросоюз в Брюсселе Барак Обама пообещал руководству ЕС “дать Европе столько американского газа, сколько надо”¹. Позже глава Службы внешней разведки России Сергей Нарышкин отметил, что США намерены расширять антироссийские санкции и ставят своим приоритетом экономическую войну против России. В частности, речь идет о попытке отсечь Европу от российских энергоресурсов².

В контексте данных задач очевидно, что западным странам важно не допустить углубления интеграции (Евразийский экономический союз) и попытаться сформировать на постсоветском пространстве альтернативный центр силы при лидирующей роли Украины. Соответственно, политика санкций в отношении России носит долгосрочный характер. Для реализации этой цели Запад использует различные механизмы: финансирование со стороны международных организаций, воздействие на национальные элиты отдельных стран. Активно используется политика, направленная на срыв создания новых маршрутов для поставок газа из России. Возрос интерес к формированию альтернативных региональных организаций. В частности, в 2017 г. вновь начал действовать ГУАМ, обсуждаются планы создания Балто-Черноморской организации. Продолжаются усилия НАТО по втягиванию отдельных стран постсоветского пространства в сферу своих интересов. Американское присутствие США в Центральной Азии, дополненное отдельными объектами из числа членов НАТО, позволяет Западу накрыть регион плотной сетью военной инфраструктуры³.

Западные страны поощряют принятие в странах постсоветского пространства законов, направленных на ограничение исполь-

¹ См.: *Грушевенко Д., Мельникова С.* Политическая геология // Россия в глобальной политике. 2014. Т. 12. № 2. С. 174.

² См.: *Никифоров О.* Состоится ли проект “Северного потока — 2” // Независимая газета. 2017. 11 июня.

³ См.: *Попов Д. С.* Центральная Азия во внешней политике США 1991–2016 гг. М.: РИСИ, 2016. С. 57.

зования русского языка, усиление позиций националистических сил, рост нетерпимости к России и ее политике. Таким образом, Запад стремится разрушить единое культурно-образовательное пространство.

В последнее десятилетие западные державы действуют на постсоветском пространстве более решительно, добиваясь в одностороннем порядке преимуществ и установления доминирующего влияния. Подобный подход встречает возражения России, которая хотя и снизила свое влияние на постсоветском пространстве, однако по-прежнему имеет здесь свои интересы. Подобное расхождение подходов при жестком подходе Запада привело к обострению отношений с Россией.

Итогом политики Запада стало переформатирование постсоветского пространства: часть новых независимых государств переориентировали свою внешнюю политику и проводят курс на дистанцирование от России. Можно ожидать, что США будут наращивать усилия, в том числе через внутреннюю дестабилизацию, развал или установление подконтрольных режимов в государствах, пытающихся сблизиться с Россией¹. Тем не менее часть из них, несмотря на тесное взаимодействие с западными странами, продолжают поиск путей восстановления утраченных экономических связей с ближайшими соседями. Отражением этого стало продвижение интеграционного проекта Евразийского экономического союза.

В свою очередь, Запад поддерживает те страны постсоветского пространства, которые проводят прозападный курс. В этом контексте для США и ЕС важной задачей остается координация антироссийских санкций, поддержка курса на ослабление влияния России в этих странах. После украинского кризиса соперничество за влияние на постсоветском пространстве перешло в открытое политическое противостояние².

¹ См.: Военная политика США и угрозы России / Г. Г. Тищенко, В. Е. Новиков, С. М. Ермаков [и др.] // Проблемы национальной стратегии. 2014. 6. С. 18.

² См.: Европейский союз в поиске глобальной роли: политика, экономика, безопасность / Под общ. ред. Ал. А. Громыко и М. Г. Носова. М.: Весь мир, 2015. С. 55–180.

К концу второго десятилетия XXI века Запад создал надежные контакты с широким спектром политических сил практически во всех странах постсоветского пространства. Этому способствовали различные механизмы финансового контроля и давления на политические элиты, ориентированные на интересы США. Дж. Буш-младший не сумел осуществить намеченные планы, которые предусматривали сведение к минимуму влияния России на постсоветском пространстве и создание условий для того, чтобы США заняли доминирующие позиции. Более настойчиво стала действовать администрация Б. Обамы, которая добилась в этом плане определенных успехов в расширении своего влияния в ряде стран постсоветского пространства. При президенте США Д. Трампе американские власти фактически пересмотрели приоритеты внешней политики на постсоветском пространстве, сохранив курс на конфронтацию с Россией. Антироссийские санкции стали важным элементом политики Запада в отношении России, которая рассматривается им в качестве основного конкурента на постсоветском пространстве.

В 2021–2022 гг. политика Запада приобрела откровенно антироссийский характер. Используя “фактор Украины” и в определенной мере спровоцировав Россию на проведение специальной военной операции (в феврале 2022 г.) для защиты своих национальных интересов, Запад реализует антироссийский курс, пытаясь нанести прямой экономический ущерб России и ограничить ее влияние в мировой политике. Между тем санкционная политика в отношении России показала свою бессмысленность. Потеря рынков, сворачивание политических контактов, значительные экономические потери в западных странах продемонстрировали бессмысленность политического курса. Раздел на сферы влияния — подход, который на протяжении длительного времени был востребован в мировой политике — не работает на постсоветском пространстве. Страны постсоветского пространства в силу своего географического положения вынуждены сотрудничать с Россией. Это ставит перед Западом задачи переосмысления сложившегося характера отношений с Россией и поиска новых подходов, направленных на вытеснение ее из пространства, которое входит в сферу ее национальных интересов.

Глава 6. ПОЛИТИКА ЗАПАДА В ОТНОШЕНИИ УКРАИНЫ

С. С. Жильцов

После февраля 2014 г., когда на Украине произошел государственный переворот, политика западных стран претерпела значительные изменения. США и ЕС при поддержке международных финансовых институтов стали оказывать сильное влияние на внешнеполитический курс Киева¹. Запад активно вмешивался во внутривластные дела Украины, прежде всего в конфликт на востоке страны. Западные страны фактически поощряли украинскую сторону не реализовывать все достигнутые договоренности по урегулированию конфликта на Донбассе. Поставки Западом вооружения вели к эскалации конфликта. США и ЕС рассматривали конфликт на востоке Украины в качестве инструмента давления на Россию, в отношении которой в последние годы вводились санкции и ограничения. При поддержке Запада Киев готовился к масштабным военным действиям на Донбассе и планировал нанести удар по российской территории. «Подготовка Киева к захвату неподконтрольных территорий резко активизировалась при администрации Байдена. Первая крупная провокация планировалась еще в апреле 2021 г.»².

С целью не допустить развитие ситуации по данному сценарию, Россия активизировала свою политику на Донбассе. 21 февраля 2022 г. президент России подписал указы «О признании Донецкой Народной Республики» и «О признании Луганской Народной Республики»³, а также были заключены с ними соглашения.

¹ Шмелев Б. А. Причины конфронтации между Россией и Украиной // Проблемы постсоветского пространства. 2021. Т. 8, № 1. С. 33–53.

² Цедилина Е. Украинский разлом (анатомия вооружённого конфликта) // Россия и новые государства Евразии. 2022. Т. 2. С. 27–42.

³ Подписание документов о признании Донецкой и Луганской народных республик. 2022. 21 февр. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67829> (дата обращения: 14.05.2022).

Подписание соглашений с ЛНР и ДНР подвело черту под длительным периодом обсуждения потенциальной возможности их реинтеграции в правовое и экономическое пространство Украины. Хотя, как отметил В. В. Путин, “весь ход последующих событий показывает, что сегодняшние (в феврале 2022 г. — *Прим. авт.*) киевские власти не собираются их исполнять”¹. По словам российского президента, после признания ДНР и ЛНР и подписания с ними договоров о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, “Минских соглашений теперь не существует”². При этом В. В. Путин подчеркнул, что “республики признаны в границах областей”³.

Затем 24 февраля Россия начала проведение специальной военной операции (СВО) на территории Украины. Тем самым Россия пошла на нанесение упреждающего удара. Целями СВО были определены денацификация и демилитаризация Украины.

Причины, которые побудили Россию начать проведение СВО, были изложены российским президентом. Как отметил В. В. Путин, “спецоперация вооруженных сил России на Украине предотвратила масштабный конфликт, который шел бы на территории России...”⁴.

Также российский президент отметил, что “Украину подталкивали к прямому столкновению с Россией, и такие планы, включая военную атаку на Крым и Донбасс, были прописаны, к сожалению, в доктринальных украинских документах сегодняшнего дня”⁵.

По словам российского президента, “на прилегающих территориях, замечу на наших же исторических территориях, соз-

¹ Заседание Совета Безопасности. 2022. 21 февр. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67825> (дата обращения: 14.05.2022).

² Минских соглашений теперь не существует — Путин. 2022. 22 февр. URL: <https://easaily.com/ru/news/2022/02/23/ukraina-voossoedinit-nelzya-sohranit> (дата обращения: 14.05.2022).

³ Там же.

⁴ Путин заявил о предотвращении масштабного конфликта на территории России. 2022. 27 апр. URL: <https://www.interfax.ru/russia/838274> (дата обращения: 17.05.2022).

⁵ Там же.

дается враждебная нам “анти-Россия”, которая поставлена под полный внешний контроль, усиленно обживается вооруженными силами натовских стран и накачивается самым современным оружием”¹.

До февраля 2014 г. западные страны оказывали экономическую поддержку Украине в основном через МВФ. Было подписано семь программ по кредитованию, по которым Украина получила в сумме 18,27 млрд долларов². Эффективность предоставленных средств вызывала сомнение. При этом кредиты МВФ сопровождались выдвижением официальному Киеву жестких политических и экономических условий. Соответственно, Украина не доводила до конца выполнение программы, поскольку она не отвечала интересам украинской стороны и затрагивала внутривнутриполитические процессы.

Ситуация изменилась после 2014 г., когда украинская сторона взяла курс на сворачивание торгово-экономических отношений с Россией, что привело к серьезным проблемам в экономике Украины.

Это потребовало от Запада и международных финансовых структур расширить экономическую поддержку Украины. При этом подходы МВФ не изменились — по-прежнему выдвигались экономические требования и политические условия. Например, создание Национального антикоррупционного бюро Украины (НАБУ), которое превращалось в мощный инструмент давления на представителей украинской политической элиты.

Условно помощь Запада можно разделить на кредиты международных финансовых организаций (МВФ, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития) (табл. 1, 2, 3), а также на помощь со стороны ЕС и ведущих западных стран.

¹ Владимир Путин объявил о начале специальной военной операции в связи с ситуацией в Донбассе. 2022. 24 февр. URL: https://www.1tv.ru/news/2022-02-24/421583-vladimir_putin_ob_yavil_o_nachale_spetsialnoy_voennoy_operatsii_v_svyazi_s_situatsiey_v_donbasse (дата обращения: 24.05.2022).

² *Кривогуз М. И.* 25 лет сотрудничества Украины с МВФ: предварительные итоги // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 4. С. 133–146.

Кредиты МВФ

Программа	Сумма кредита, млрд долл.	Период	Полученная сумма, млрд долл.
Восьмая программа	16,5	Апрель, 2014 г.	4,6 ¹
Девятая программа	17,5	Март, 2015 г.	8,7 ²
Десятая программа	3,9	Декабрь, 2018 г.	1,4 ³
Одиннадцатая программа	5,0	Июнь, 2020 г.	2,1 ⁴
Общая сумма	42,9		16,8

Таблица 2

Кредиты ВБ

Период	Сумма, млрд долл.	Цели кредита
Май 2014 г.	1,48	Поддержка бюджета ⁵
Сентябрь 2014 г.	0,5	Реформирование банковского сектора ⁶
Декабрь 2014 г.	0,38	Реформирование системы электроэнергетики ⁷

¹ Скорый А. Долги за долгами: как Украина рассчитается с МВФ. 2019. 4 сентября. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/09/04/12625519.shtml?ysclid=l5wi7az84f786645858> (дата обращения: 23.05.2022).

² Бездонная бочка: сколько МВФ выделил Украине. 2018. 21 декабря. URL: <https://ria.ru/20170502/1493232014.html?ysclid=l5wikurl43427452511> (дата обращения: 21.05.2022).

³ Богдановский А. МВФ одобрил программу поддержки Украины на пять миллиардов долларов. 10.06.2020. URL: <https://ria.ru/20200610/1572718168.html?ysclid=l5wix7b7lh814208706> (дата обращения: 17.04.2022).

⁴ Там же.

⁵ Украина и Всемирный банк подписали кредитные соглашения на 1,5 млрд долл. 2014. 26 мая. URL: <https://ria.ru/20140526/1009486260.html?ysclid=l5wjс7tyao927389064> (дата обращения: 14.03.2022).

⁶ Украина получила 500 млн долл. от Всемирного банка. 2014. 8 сент. URL: <https://ria.ru/20140908/1023244362.html?ysclid=l5wkz915kt686383588> (дата обращения: 12.05.2022).

⁷ Всемирный банк предоставил Украине почти 380 млн долл. на электроэнергетику. 2014. 23 дек. URL: <https://ria.ru/20141223/1039707320.html?ysclid=l5wl3kivtg45429005> (дата обращения: 12.05.2022).

Период	Сумма, млрд долл.	Цели кредита
2015 г.	2,0	Управление в госсекторе, реформа банковского сектора ¹
Сентябрь 2016 г.	0,5	Прохождение отопительного сезона ²
Декабрь 2016 г.	0,5	Закупка газа ³
Май 2017 г.	0,150	Поддержка малого бизнеса ⁴
Август 2019 г.	0,2	Развитие агропромышленного комплекса ⁵
Апрель 2020 г.	0,135	Борьба с COVID-19 ⁶
Май 2020 г.	0,150	Борьба с COVID-19 ⁷
Июнь 2020 г.	0,350	Финансирование антикоррупционной схемы ⁸

¹ Всемирный банк выделит Украине 2 млрд долларов помощи. 2015. 12 февр. URL: https://polit.ru/news/2015/09/16/credit_ukraine/?ysclid=15wmeja5em959926655 (дата обращения: 12.05.2022).

² Всемирный банк обеспечит правительство Украины газом на 500 млн долларов. 2016. 22 сент. URL: <https://lenta.ru/news/2016/09/22/gascredit/?ysclid=15wmmqmir3741614559> (дата обращения: 12.05.2022).

³ «Нафтогаз Украины» подписал соглашение о кредите в 500 млн долл. на закупку газа. 2016. 31 дек. <https://ria.ru/20161231/1485031635.html?ysclid=15wnqemxei74532988> (дата обращения: 12.05.2022).

⁴ Украина получила кредит на экспорт. 2017. 3 мая. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2017/05/03/10654739.shtml?ysclid=15wntasfr8224850470> (дата обращения: 12.05.2022).

⁵ Всемирный банк одобрил Украине кредит на 200 млн долл. 2019. 27 мая. URL: <https://finance.rambler.ru/economics/42242470-vsemirnyy-bank-odobril-ukraine-kredit-na-200-mln/?ysclid=15woqcxufw713350431> (дата обращения: 12.05.2022).

⁶ Всемирный банк одобрил кредит Украине в 135 млн долл. 2020. 28 апр. URL: https://tass.ru/ekonomika/8350765?ysclid=15wovmg2we960578452&utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 12.05.2022).

⁷ Всемирный банк выделил Украине дополнительно 150 млн долл. 2020. 1 мая. URL: <https://ria.ru/20200501/1570861077.html?ysclid=15wox5ks1o12859195> (дата обращения: 12.05.2022).

⁸ Всемирный банк предоставит Украине заем в размере 350 миллионов долларов. 2020. 27 июня. URL: <https://ria.ru/20200627/1573557553.html?ysclid=15wq8xugqg683915954> (дата обращения: 12.05.2022).

Период	Сумма, млрд долл.	Цели кредита
Декабрь 2020 г.	0,300	Преодоление последствий пандемии ¹
Сентябрь 2021 г.	0,411	На реформу образования ² ; на финансирование украинской энергосистемы ³
Декабрь 2021 г.	300 млн евро	На восстановление экономики ⁴
Общая сумма	7,4	

В целом с 1992 г., когда Украина присоединилась к Всемирному банку, обязательства банка перед страной достигли более 14 млрд долларов⁵.

Свой вклад в политику Запада в отношении Украины внесли средства ЕБРР.

В 2014–2021 гг. масштабную экономическую помощь Украине предоставили ЕС и США. Так, с 2014 г. ЕС предоставил Украине 17 млрд евро, которая шла на закупки вооружений и модернизацию вооруженных сил. Об этом заявил глава европейской дипломатии Ж. Боррель в январе 2022 г.⁶

¹ Всемирный банк выделил Украине еще 300 млн долл. для преодоления последствий пандемии. 2020. 12 дек. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2020/12/12/n_15352009.shtml?ysclid=l5wqrvsjic653820533 (дата обращения: 12.05.2022).

² Украина получила кредит Всемирного банка в 200 млн долларов на реформу высшего образования. 2021. 6 мая. URL: <https://www.ng.ru/news/708806.html?ysclid=l5wr58kuvf16834883> (дата обращения: 12.05.2022).

³ *Зинец Н.* Украина договорилась со Всемирным банком о двух кредитах на 411 млн долл. – премьер-министр. 2021. 13 сент. URL: https://fomag.ru/news-streem/ukraina_dogovorilas_so_vsemirnym_bankom_o_dvukh_kreditakh_na_411 mln_premier_ministr/?ysclid=l5wr9a4iwr38054669 (дата обращения: 12.05.2022).

⁴ Всемирный банк выделит Украине новый кредит на восстановление экономики. 2021. 20 дек. URL: <https://ria.ru/20211220/kredit-1764563573.html?ysclid=l5wrfprxpm840397838> (дата обращения: 12.05.2022).

⁵ Всемирный банк утвердил Украине кредит на 300 млн евро. 2021. 19 дек. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2021/12/19/901444-ukraine-kredit?ysclid=l5wqw4lruf405450292> (дата обращения: 12.05.2022).

⁶ Боррель: ЕС предоставил Украине 17 млрд помощи с 2014 года. 2022. 4 янв. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5155696?ysclid=l5wu4jkdj7684795610> (дата обращения: 18.04.2022).

Кредиты ЕБРР

Период	Сумма, млрд долл.	Цели кредита
Октябрь 2015 г.	0,3	Закупка газа ¹
Декабрь 2017 г.	0,167	Модернизация ж/д ²
Январь 2019 г.	0,167	Строительство ветряной электростанции ³
Июль 2019 г.	0,166	Модернизация электросетей ⁴
Июль 2019 г.	0,278	Развитие городского транспорта в г. Полтава ⁵
Сентябрь 2021 г.	0,165	Модернизация тепловых сетей в г. Киев ⁶
Общая сумма	1,24	

¹ ЕБРР и «Нафтогаз» подписали соглашение о кредите на \$300 миллионов. 2015. 23 окт. URL: <https://ria.ru/20151023/1306956248.html?ysclid=l5ws0re4mx269125184> (дата обращения: 12.05.2022).

² ЕБРР дает 150 млн евро на модернизацию ж/д линии в направлении черноморских портов. Подписан договор. 2017. 30 дек. URL: https://cfts.org.ua/news/2017/12/30/ebrr_daet_150_mln_evro_na_rasshirenie_i_elektrifikatsiyu_zh_d_linii_v_napravlenii_nikolaevskikh_i_odesskikh_portov_podpisan_dogovor_44814 (дата обращения: 12.05.2022).

³ ЕБРР организовал кредитование проекта ветроэлектростанции мощностью 250 МВт. 2019. 24 янв. URL: <https://inventure.com.ua/news/ukraine/ebrr-organizoval-kreditovanie-proekta-vetroelektrostancii-moshnostyu-250-mvt> (дата обращения: 12.05.2022).

⁴ ЕБРР выделит Украине 149 млн евро на модернизацию электросетей. 2019. 27 июня. URL: <https://ria.ru/20190627/1555966515.html?ysclid=l5wsc8g2ey732118712> (дата обращения: 12.05.2022).

⁵ ЕБРР выделил Украине кредиты почти на 400 млн. 2019. 30 июля. URL: <https://finance.rambler.ru/business/42582352-ebrr-vydelil-ukraine-kredity-pochti-na-400-mln/?ysclid=l5wsed9f7j169959022> (дата обращения: 12.05.2022).

⁶ ЕБРР выделил \$165 млн на модернизацию тепловой инфраструктуры Киева. 2021. 2 сент. URL: <https://finance.rambler.ru/realty/47134345-ebrr-vydelil-165-mln-na-modernizatsiyu-teplovoy-infrastruktury-kieva/?ysclid=l5wsgjgamm159967423> (дата обращения: 12.05.2022).

Тогда же глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен сообщила о готовности выделить Украине макрофинансовую помощь в размере 1,2 млрд евро (1,33 млрд долларов)¹.

Помимо ЕС значительные суммы выделяли западные государства. В 2020–2021 гг. Великобритания выделила Украине помощь на сумму 3,5 млрд фунтов стерлингов (4,7 млрд долларов)². Германия в период 2014–2020 гг. выделила Украине 1,4 млрд евро³. С 2014 г. до середины 2021 г. США выделили Украине 4,6 млрд долларов⁴.

Таким образом, в период с 2014 г. и до начала Россией СВО (февраль 2022 г.) Украина получила масштабную финансовую помощь, которая смягчила падение ее экономики. Впрочем, это не предотвратило ухудшение макроэкономических показателей. Боевые действия нанесли огромный ущерб экономике Украины. По оценкам Киевской школы экономики, “Украина потеряла до 600 миллиардов долларов. При этом 92 миллиарда долларов приходится на урон инфраструктуре: из строя выведено как минимум 195 заводов”⁵. По оценкам президента Украины, сделанным в июне 2022 г., половина экономики Украины не работает. В этот же период он просил для поддержки экономической системы страны около пяти миллиардов долларов ежемесячно, чтобы покрыть дефицит бюджета⁶.

¹ Еврокомиссия предложила новый пакет финансовой помощи Украине. 2022. 24 янв. URL: <https://ria.ru/20220124/ukraina-1769252911.html?ysclid=l5wsm8zutn885920756> (дата обращения: 18.04.2022).

² Британия выделит Украине еще \$1,3 млрд. 2021. 8 дек. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/12/08/899712-britaniya-videlit-ukraine?ysclid=l5wudkhg79146685299> (дата обращения: 18.04.2022).

³ Германия выделила Украине €1,4 млрд с начала кризиса. 2019. 26 сент. URL: https://www.gazeta.ru/business/news/2019/09/26/n_13509865.shtml?ysclid=l5wujsx2bz3883219158 (дата обращения: 18.04.2022).

⁴ Вашингтон напомнил Киеву о вложенных в Украину средствах. 2021. 6 мая. URL: <https://topwar.ru/182700-vashington-napomnil-kievu-ovlozhennyh-v-ukrainu-sredstvah.html> (дата обращения: 18.04.2022).

⁵ Цели НАТО и Киева не совпадают // The National Interest. 2022. 16.06. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2022/06/16/celi-nato-i-kieva-nesovpadayut-the-national-interest> (дата обращения: 14.08.2022).

⁶ Зеленский попросил средств для поддержки украинской экономики. 2022. 20 июня. URL: <https://ria.ru/20220620/ukraina-1796838474.html> (дата обращения: 22.06.2022).

Схожие оценки звучали со стороны американских представителей. По словам главы входящего в структуру Госдепартамента Агентства США по международному развитию Саманты Пауэр, “украинское правительство в условиях боевых действий на территории страны ежемесячно теряет 5–6 млрд долларов из бюджета”¹.

Помимо выделения Украине средств, необходимых для поддержания экономики Украины и ее восстановления, западные страны готовы были взять на себя финансирование деятельности государственных структур. В июне заместитель помощника госсекретаря США по делам Европы и Евразии Дерек Хоган заявил, что США в ближайшее время готовы направить до 1,5 млрд долларов ежемесячно на поддержание работы правительства Украины². Подобная политика США усилит возможность для оказания влияния на деятельность государственных структур Украины, в том числе отвечающих за внешнеполитический курс³.

Еще до окончания конфликта на Донбассе западные страны стали выделять средства на восстановление украинской экономики. По итогам международной конференции в Лугано (Швейцария, 4–5 июня) было заявлено, что Украине выделят на восстановление почти 1,9 млрд долларов⁴.

После 2014 г. западные страны усилили военную поддержку Украине, которая приняла широкий размах. Западные страны многократно увеличили объем поставок вооружений, дополнив их тяжелыми видами вооружений. После февраля 2022 г., когда Россия начала проведение СВО, США и ЕС активизировали политику в отношении Украины, увеличив поставки вооружений. При этом американская и европейская стороны расширили поставки тяжелых видов вооружений. Изменение позиции США и ЕС происходило по мере затягивания конфликта и отсутствия у Киева успе-

¹ Госдеп США: Украина теряет 5–6 млрд долларов в месяц, 2022. 22.06. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/06/22/gosdep-ssha-ukraine-teryaet-56-mlrd-dollarov-v-mesyac> (дата обращения: 22.07.2022).

² США намерены выделять Украине 1,5 млрд долларов ежемесячно. 2022. 14 июня. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/06/14/ssha-namereny-vydelyat-ukraine-15-mlrd-dollarov-ezhemesyachno> (дата обращения: 18.07.2022).

³ Там же.

⁴ Там же.

хов. Данная политика Запада, по сути, привела к эскалации конфликта, никак не приближая его к завершению. В свою очередь, “украинские власти ждут от США новых поставок вооружений по ленд-лизу, а от стран НАТО — танков, бронетранспортеров и реактивных систем залпового огня (РСЗО)”¹.

В апреле 2022 г. западные страны изменили политику в сфере поставок вооружений на Украину. 26 апреля 2022 г. на американской военной базе “Рамштайн” прошла встреча министров обороны стран НАТО и союзников Альянса, на которой были достигнуты договоренности о поставках на Украину не только легких, но и тяжелых вооружений². Глава НАТО Столтенберг заявил, что “союзники по НАТО предоставили Украине как минимум 8 млрд долларов поддержки”³.

В этот же период времени Байден запросил у Конгресса дополнительные 33 млрд долларов для поддержки Украины. Однако затем объем помощи возрос до 40 млрд долларов, которые должны были пойти на закупку вооружений и поддержку экономики⁴. К этому времени с начала СВО, проводимой Россией, военная помощь США Украине уже превысила 3 млрд долларов⁵.

¹ Мухин В. Переход к позиционным боям предвещает затягивание конфликта в Украине. 2022. 9 июня. URL: https://www.ng.ru/armies/2022-06-09/2_8458_conflict.html (дата обращения: 21.07.2022).

² Федорцев В. США на саммите НАТО попытались создать глобальную антироссийскую коалицию. 2022. 26 апр. URL: <https://rg.ru/2022/04/26/ssha-na-sammite-nato-popytalis-sozdat-globalnuiu-antirossijskuiiu-koaliciuu.html?ysclid=l63xsi3pb4158031329> (дата обращения: 21.06.2022).

³ Столтенберг: НАТО уже предоставила военную помощь Украине на \$8 млрд. 2022. 28 февр. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2022/04/28/stoltenberg-nato-uzhe-predostavila-voennuyu-pomoshch-ukraine-na-8-mlrd> (дата обращения: 11.03.2022).

⁴ Andrews Natalie House to Vote on Nearly \$40 Billion Ukraine Aid Package. 2022. May 9. URL: https://www.wsj.com/articles/house-to-vote-on-nearly-40-billion-ukraine-aid-package-11652124769?mod=Searchresults_pos10&page=1 (дата обращения: 21.05.2022).

⁵ Байден запросит у Конгресса США 33 млрд долларов на поддержку Украины. 2022. 28 апр. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2022/04/28/bayden-zaprosit-u-kongressa-ssha-33-mlrd-dollarov-na-podderzhku-ukrainy> (дата обращения: 26.05.2022).

Лидеры большой “семерки” заявили в совместном заявлении, что “они будут усиливать экономическую изоляцию России и “поднимать” кампанию против российских элит, поддерживающих президента Владимира Путина”¹.

В мае Запад пошел на расширение военной помощи Киеву. Так, президент США Джо Байден подписал закон о помощи Украине по программе ленд-лиза². Документ расширил полномочия американского президента по заключению соглашений с Украиной, упростив поставки ей военной помощи. Данный закон³ был внесен в сенат еще в конце января 2022 г., еще до СВО России. Однако ситуация на Донбассе ускорила его принятие США. Одобренный обеими палатами конгресса документ был призван упростить оказание прежде всего военной помощи Украине.

23 мая прошла новая встреча министров обороны стран, которые поддерживали Украину (“Рамштайн-2”). На встрече, которая проходила в онлайн-формате⁴, обсуждались планы, связанные с поставками дальнобойных систем залпового огня. Впервые было признано, что “систематические и скоординированные поставки вооружений Киеву преследуют цель добиться победы над войсками РФ”⁵. Были достигнуты договоренности о предоставлении Украине более мощных вооружений. В частности, противокорабельных ракет Harpoon, американских дальнобойных сис-

¹ G7 leaders pledge further economic isolation of Russia. 2022. May 8. URL: <https://www.reuters.com/world/g7-leaders-pledge-further-economic-isolation-russia-2022-05-08> (дата обращения: 27.05.2022).

² Байден подписал закон о “ленд-лизе” для Украины. 2022. 9 мая. URL: <https://ria.ru/20220509/bayden-1787701563.html?ysclid=l5wuq45h8d489644024> (дата обращения: 21.06.2022).

³ Ленд-лиз — программа, по которой США сдавали в аренду или передавали в долгосрочный кредит военную технику и снаряжение союзникам во время Второй мировой войны. С марта 1941 по август 1945 г. США передали союзникам помощь по ленд-лизу на общую сумму более 50 млрд долларов.

⁴ “Формат Рамштайн” — в честь американской военной базы в Германии.

⁵ Петров Г. Украина просит системы залпового огня. 2022. 22 мая. URL: https://www.ng.ru/world/2022-05-22/1_8441_system.html?ysclid=l63y0lo9gp191384378 (дата обращения: 22.05.2022).

тем залпового огня HIMARS и M270. Также были переданы гаубицы M777¹.

В целом, как отмечал заместитель помощника госсекретаря США по делам Европы и Евразии Дерек Хоган, за последние три месяца (к лету 2022 г.) США выделили на помощь Украине, в том числе на военную, около 53,6 млрд долларов².

В июне США заявили о готовности выделить дополнительную военную помощь на сумму в 1 млрд долларов³. Президент США Джо Байден “подтвердил приверженность” тому, чтобы “США помогали Украине в то время, когда она защищает свою демократическую систему, а также поддерживали ее суверенитет и территориальную целостность”⁴.

С целью демонстрации готовности НАТО продолжить оказание военной помощи Киеву было объявлено о подготовке плана по переводу украинской армии с советского оружия на оружие Альянса.

Об этом заявил глава НАТО Йенс Столтенберг. Кроме того, было объявлено о выделении Украине новых партий военной помощи, включающей тяжелое вооружение и дальнобойную артиллерию”⁵.

На встрече G7⁶, которая прошла в конце июня, лидеры стран заявили, что готовы выделить в 2022 г. Украине порядка 29,5 млрд дол-

¹ Петров Г. США и союзники прикинут цену конфликта с РФ. 2022. 14 июня. URL: https://www.ng.ru/world/2022-06-14/1_8460_conflict.html (дата обращения: 15.06.2022).

² США намерены выделять Украине 1,5 млрд долларов ежемесячно. 2022. 14 июня. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2022/06/14/ssha-namereny-vydelyat-ukraine-15-mlrd-dollarov-ezhemesyachno> (дата обращения: 21.06.2022).

³ Байден сообщил Зеленскому о выделении Украине военной помощи США на \$1 млрд. 2022. 15.06. URL: <https://www.ng.ru/news/741416.html> (дата обращения: 26.06.2022).

⁴ Там же.

⁵ Приходко Н. Киеву могут предложить “пряник” в виде перспектив вступления к ЕС. 2022. 15 июня. URL: https://www.ng.ru/cis/2022-06-15/5_8461_ukraine.html (дата обращения: 21.06.2022).

⁶ Германия, США, Великобритания, Франция, Италия, Канада и Япония.

ларов для оказания “бюджетной поддержки”¹. Данные средства будут необходимы украинской стороне, чтобы восполнить потери, которые несла экономика Украины после начала проведения СВО Россией. В итоговом коммюнике G7 отмечалось, что западные страны готовы поддерживать Украину “столько, сколько потребуется”, в том числе поставками оружия².

Наряду с поддержкой Украины западные страны продолжали оказывать давление на Россию. Под предлогом поддержки Украины США и ЕС пошли на введение новых санкций в отношении России, которые были направлены на подрыв российской экономики. В целом активная политика Запада в отношении Украины, которая носила антироссийский характер, по времени совпала с периодом ухудшения ситуации в мировой экономике. Это негативно отразилось на экономическом развитии США и стран ЕС, хотя многие проблемы в мировой экономике обострились в период пандемии коронавируса. Прежде всего, это было связано с ростом внешней задолженности и накачкой экономики денежной массой. “В ответ на пандемию крупнейшие центральные банки, в первую очередь Федеральная резервная система США, осуществили огромные вливания необеспеченных валют в мировую финансовую систему”³. Подобная политика привела к росту инфляции, которая уже в марте 2022 г. превысила 8,5%⁴. Подобная политика привела к росту цен на сырьевые товары и продовольствие. Это спровоцировало сырьевые и продовольственные кризисы. Тем более что Украина стала блокировать экспорт зерна через черноморские порты. При этом западные государства по-

¹ Бушев А. Лидеры стран G7 приняли итоговое заявление саммита 2022. 28 июня. URL: <https://rg.ru/2022/06/28/lidery-stran-g7-pokonchanii-sammita-priniali-sovmestnoe-kommiunike.html?ysclid=l4y7zxb77l685229802> (дата обращения: 28.07.2022).

² G7 plans more sanctions against Russia; Ukraine to get \$29.5-bn support. 2022. 27.06. URL: https://www.business-standard.com/article/international/g7-plans-more-sanctions-against-russia-ukraine-to-get-29-5-bn-support-122062700766_1.html (дата обращения: 28.07.2022).

³ Лукичева А. И. Конфликт в Украине маскирует старые продовольственные проблемы. 2022. 1 июня. URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2022-06-01/3_8450_kb.html (дата обращения: 03.06.2022).

⁴ Там же.

пытались возложить вину за возникшие проблемы на сырьевом и продовольственных рынках на Россию. По словам В. В. Путина, “мы сейчас видим попытки переложить ответственность за происходящие на мировом рынке продовольствия складывающиеся проблемы на этом рынке на Россию”¹.

3 июня 2022 г. Европейский союз заявил об окончательном утверждении шестого пакета антироссийских санкций. Ограничительные меры включают в себя отказ стран-участников ЕС от импорта нефти из России в течение шести месяцев и в течение восьми месяцев — от нефтепродуктов.

При этом в европейских странах шел активный поиск альтернативных источников получения углеводородных ресурсов. Рассматривались возможные поставки из стран Средиземноморья и строительство плавучих станций по приему СПГ. Однако данные усилия дали лишь частичный результат. Так, в начале лета 2022 г. одной из ведущих экономик ЕС — Германии — так и не удалось найти альтернативу поставкам российского газа. Об этом заявил министр по делам экономики и защиты климата, вице-канцлер ФРГ Роберт Хабек².

Государственный переворот 2014 г. на Украине проходил под лозунгом о необходимости реализации курса на евроинтеграцию. После захвата власти, уже 2 марта 2014 г. новое правительство распорядилось возобновить подготовку к подписанию соглашения об ассоциации. Уже 21 марта 2014 г. ЕС и Украина подписали политический блок Соглашения, а 27 июня — экономическую часть. Однако европейские страны не торопились содействовать Киеву в дальнейшем вступлении в ЕС.

Ситуация изменилась после февраля 2022 г., когда Запад расширил политическую поддержку Киева. Она выражалась в многочисленных визитах лидеров европейских стран, а также высокопоставленных чиновников ЕС. После начала СВО в Киеве по-

¹ Интервью В. В. Путина телеканалу Россия. 2022. 3 июня. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/68571> (дата обращения: 06.06.2022).

² *Виноградов Д.* Германия все еще не может заменить российский газ — вице-канцлер ФРГ. 2022. 6 июня. URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2022/06/06/germaniya-vse-eshche-ne-mozhet-zamenit-rossiyskiy-gaz-vice-kancler-frg> (дата обращения: 08.06.2022).

бывали лидеры Италии, Франции и Германии, балканские политики. В столицу Украины приезжали президенты Латвии, Литвы, Польши и Эстонии, премьер-министр Великобритании Борис Джонсон. Несколько раз в Киев приезжала глава Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен.

Активное обсуждение вопроса о предоставлении Украине статуса кандидата рассматривалось в контексте поощрения украинских властей к борьбе с Россией. В итоге 23 июня на саммите ЕС, главы государств и правительств Евросоюза одобрили предоставление Украине и Молдавии статуса кандидатов на вступление в союз¹.

Политика США и ЕС в отношении Украины, которая реализовывалась после начала Россией СВО, направлена на затягивание конфликта. С этой целью Запад осуществлял не только политическую поддержку Киева, но и оказывал масштабную экономическую помощь. Она позволяла украинским властям поддерживать социально-экономическую стабильность и не допускать окончательного обвала экономики. Кроме того, Запад активно накачивал Украину вооружениями, последовательно увеличивая объем поставок. При этом главной целью политики Запада выступала не Украина, а Россия.

В контексте политики в отношении Украины Запад будет реализовывать курс на российском направлении. К концу года должны начать действовать санкции ЕС, связанные с поставками углеводородных ресурсов. Ключевой задачей Запада по-прежнему является нанесение максимального ущерба российской экономике. В этом контексте рассматриваются шаги, направленные на ограничение экспорта из России и уход западных компаний с российского рынка. В то же время усилия западных стран нанести удар по России оказались неэффективными².

¹ *Титова В.* Статус кандидата в ЕС будет вечным: эксперты о решении европейских политиков по Украине. 2022. 24.06. URL: <https://ukraina.ru/exclusive/20220624/1034221339.html> (дата обращения: 25.06.2022).

² *Комраков А.* Экономический удар Запада по России оказался неэффективным. 2022. 9 июня. URL: https://www.ng.ru/economics/2022-06-09/1_8458_west.html (дата обращения: 21.06.2022).

Глава 7. ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ США В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

О. П. Иванов, А. В. Копылов

Штыки хороши всем, кроме одного —
на них нельзя сидеть.

Ш. Галейран

Военная сила была и остается важнейшим инструментом внешней политики США и незаменимой составляющей их глобальной стратегии. В последние десятилетия под воздействием грандиозных геополитических изменений после окончания холодной войны и в связи с участием американских войск в крупных военных конфликтах в Афганистане, Ираке и Сирии стали особенно актуальными следующие вопросы: как в Вашингтоне принимаются решения об использовании вооруженных сил за рубежом? на какие концепции по применению военной силы опирается военно-политическое руководство США в новых условиях? каковы перспективы развития российско-американских отношений?

Правовой основой принятия решения об использовании американских войск за пределами территории страны являются положения Конституции США о военных полномочиях, которыми наделены президент и конгресс. С одной стороны, президент США является главнокомандующим вооруженными силами (статья 2, раздел 2), с другой — конгрессу принадлежит право объявления войны (статья 1, раздел 8)¹.

По подсчетам сотрудника Исследовательской службы Библиотеки конгресса Л. Фишера, за всю историю конгресс США воспользовался своим правом объявления войны лишь в пяти случаях: во время войн с Великобританией (1812 г.), Мексикой (1846 г.),

¹ See: The Constitution of the United States and the Declaration of Independence. Washington, DC: Commission of the Bicentennial of the United States Constitution, 1991. P. 6, 11.

Испанией (1898 г.), а также в ходе Первой (1917 г.) и Второй (1941 г.) мировых войн¹.

Во всех этих случаях (кроме войны с Мексикой) конгресс давал согласие на предложение президента об объявлении войны, признавая в декларации, что состояние войны уже существует. Только один раз члены конгресса тщательно обсуждали все за и против ведения войны. Это было в 1812 г., когда решение об объявлении войны было принято с небольшим перевесом голосов.

На протяжении всей истории США ведение необъявленных войн стало скорее правилом, а не исключением. Американский сенатор Дж. Дживитс в свое время подготовил перечень 200 конфликтов, когда американские войска принимали участие или были на грани участия в боевых действиях по приказу президента страны, без санкции конгресса².

Все военные конфликты после Второй мировой войны, в которых участвовали США, начиная с войны в Корее, велись без одобрения конгресса и формально войнами не считались.

Некоторые из этих конфликтов были продолжительными и широкомасштабными — войны в Корее (1950–1953 гг.), Вьетнаме (1964–1975 гг.), Афганистане (2001–2014 гг.), Ираке (2003–2011 гг.). Другие конфликты были скоротечными, например акции США в Доминиканской Республике (1965 г.), операция по спасению американских заложников в Иране (1980 г.), операции в Гренаде (1983 г.) и Югославии (1999 г.), интервенция в Ливии (2011 г.).

Кроме того, американские войска принимали участие в миротворческих и других операциях, в которых понесли людские потери: Ливан (1982–1983 гг.), Персидский залив (1987–1988 гг.), Персидский залив (1991–1992 гг.), Сомали (1993 г.), Босния и Герцеговина (1995–1996 гг.), Ирак (с 2014 г.), Сирия (с 2014 г.) и др.

В большинстве случаев военное вмешательство США было осуществлено с санкции президента как главнокомандующего вооруженными силами под предлогом защиты американских граждан или собственности за рубежом. Иногда применение военной

¹See: *Fisher L.* Congressional Conflicts between Congress and President. Lawrence, Kansas: University Press of Kansas, 1991. P. 217.

²See: *Biskupic J.* Constitution's Conflicting Clauses Underscored by Irak Crises // Congressional Quarterly. 1991. Jan. 5. No. 1. P. 37.

силы объяснялось необходимостью соблюдать международные договорные обязательства или “присущими президенту полномочиями”, которые вытекали из широкого толкования прерогатив исполнительной власти. В действительности же каждый раз вооруженное вмешательство США сопровождалось обострением противоречий между президентом, конгрессом и Верховным судом, а также между федеральным правительством и правительствами штатов.

Как показывает политическая практика, члены конгресса, как правило, склонны поддерживать вооруженное вмешательство, если оно может привести к быстрому достижению политических целей с незначительными людскими потерями американцев. Продолжительные военные акции, сопровождаемые большими потерями, в конечном итоге вызывают недовольство членов конгресса и простых американцев. Так было во время войн в Корее, Вьетнаме, Ливане и в связи с затяжными операциями вооруженных сил США в Афганистане и Ираке.

Недовольство вьетнамской войной со стороны конгресса породило скептическое отношение законодателей к президентским инициативам в области внешней политики. В 1973 г. конгресс США предпринял попытку ограничить полномочия президента в области ведения войны американскими вооруженными силами на иностранных территориях. Результатом этого явилось издание закона о военных полномочиях¹.

Закон о военных полномочиях был принят путем преодоления вето президента Р. Никсона. Все президенты США после Р. Никсона выступали против этого закона и, как правило, не соблюдали его положения. Некоторые президенты вместе со своими сторонниками объявляли закон неконституционным.

Основное содержание этого закона о военных полномочиях сводится к следующим трем положениям:

1. Президент по возможности должен проводить консультации с конгрессом перед тем, как ввести вооруженные силы Соединенных Штатов в военные действия или подвергнуть их угрозе неизбежного вовлечения в военные действия в тех ситуациях,

¹ See: Joint Resolution Concerning the War Powers of the Congress and the President // US at Large. 1973. Vol. 87. P. L. 93-148. P. 555-560.

где на это ясно указывают обстоятельства. Впоследствии он должен проводить регулярные консультации с конгрессом до тех пор, пока вооруженные силы США участвуют в военных действиях или находятся в таких ситуациях¹.

Данное положение закона довольно расплывчатое, особенно фраза “по возможности”, которую как лазейку использовали президенты Дж. Картер, Р. Рейган, Дж. Буш и Б. Обама.

2. Президент должен в течение 48 часов после начала использования вооруженных сил представить в конгресс доклад с объяснением обстоятельств, правовой основы, а также ожидаемого масштаба и продолжительности военных действий. Такие доклады должны представляться периодически, не реже одного раза в шесть месяцев, в течение всего периода военного вмешательства.

3. В течение 60 календарных дней с того дня, когда доклад был представлен, либо с того дня, когда он должен был быть представлен, президент прекращает какое-либо использование вооруженных сил, если конгресс (1) не объявил войну или не принял закон, допускающий использование вооруженных сил, (2) не увеличил посредством принятия закона установленный 60-дневный срок либо (3) не в состоянии собраться, в связи с вооруженным нападением на Соединенные Штаты. Установленный 60-дневный срок может быть продлен, но не более чем на 30 дней, если президент представит конгрессу в письменном виде доклад о том, что обстоятельства требуют дальнейшего использования вооруженных сил США².

По нашему мнению, в последнем положении заключен основной смысл закона о военных полномочиях и его наиболее спорный момент. Теоретически оно возлагает всю ответственность за принимаемое решение на администрацию и тех членов конгресса, которые ее поддерживают, так как для продолжения участия американских войск в боевых действиях за рубежом необходимо положительное решение конгресса. Если конгресс не дает соответствующей санкции, то по закону президент должен отдать приказ о прекращении участия вооруженных сил США в военных акциях.

¹ См.: Соединенные Штаты Америки. Конституция и законодательные акты. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 189–190.

² Там же. С. 191.

Требования закона о военных полномочиях на практике чаще нарушались, чем соблюдались. Например, в период с 1973 по 1993 г. президенты США в 25 случаях докладывали конгрессу о развертывании американских войск на иностранных территориях. В ряде случаев военные акции были скоротечными и доклады в конгресс не направлялись.

Иногда исполнительная власть заявляла, что в докладах не было необходимости, так как личный состав вооруженных сил США не участвовал в боевых действиях или такое участие не было неизбежным. Так, администрация Р. Рейгана не сочла нужным соблюдать требование о предоставлении доклада в конгресс, когда американские военные советники были направлены в Сальвадор в 1981 г. и когда обеспечивалась защита нефтяных танкеров в Персидском заливе в 1987 г.¹

Вместе с тем закон о военных полномочиях сыграл свою роль во время войны в Персидском заливе в 1991 г., когда вооруженные силы США и многонациональные силы участвовали в реальных боевых действиях. Через неделю после того, как в августе 1990 г. иракские войска оккупировали Кувейт, президент США Дж. Буш уведомил конгресс о том, что он начал развертывание американских войск в регионе. И хотя накануне переброски американских подразделений в зону Персидского залива он не консультировался с руководителями конгресса, позднее обе палаты конгресса приняли резолюцию, которая одобряла решение президента и требовала, чтобы иракская армия была выведена из Кувейта.

Позднее ООН под влиянием решения администрации Буша и позиции России в этом конфликте приняла резолюцию, устанавливающую крайний срок — 15 января 1991 г. — для вывода иракских войск и дающую санкцию на использование “всех необходимых мер” для восстановления мира и безопасности в регионе. За неделю до истечения срока ультиматума президент США по настоянию руководителей конгресса обратился к конгрессу, чтобы тот принял резолюцию, поддерживающую использование вооруженных сил для выполнения решения ООН. Такая резолюция

¹ See: *Davidson R. H., Oleszek W. J. Congress and Its Members. Fourth Edition. Washington, DC: Congressional Quarterly Inc., 1994. P. 426.*

была принята 12 января 1991 г. Сенатом (52 — “за”, 47 — “против”) и Палатой представителей (250 — “за”, 183 — “против”)¹.

В последние два с половиной десятилетия президенты США представляли доклады конгрессу о применении вооруженных сил, однако были случаи, когда президенты нарушали положения резолюции о военных полномочиях. Например, после бомбардировки американской авиацией Косова в 1999 г., конгресс США осудил действия президента Б. Клинтона, который нарушил 60-дневный срок завершения применения американской авиации.

В 2011 г. конгресс США высказывал претензии к администрации Б. Обамы в связи с использованием американских вооруженных сил в Ливии. В 2013 г. и последующие годы в конгрессе не раз возникали дебаты по поводу участия американских войск в Сирии. Так, после нанесения Военно-морскими силами США ракетного удара по авиабазе правительственных войск Б. Асада в Сирии 7 апреля 2017 г. некоторые американские конгрессмены высказали мнение, что президент США нарушил закон о военных полномочиях, так как перед нанесением ракетного удара не проводил консультации с конгрессом.

В целом несмотря на то, что резолюция о военных полномочиях оказывает определенное влияние на политический процесс принятия решений об использовании вооруженных сил США, дискуссии о конституционных полномочиях по применению военной силы продолжают и по сей день. Члены конгресса неоднократно высказывали предложения о необходимости внесения изменений в существующий закон о военных полномочиях и ограничении полномочий президента.

Что касается позиции Верховного суда США по данной проблеме, то он уходит от ее решения, утверждая, что вопрос о военных полномочиях — это не юридический, а политический вопрос.

Таким образом, если говорить в целом, то следует отметить, что закон о военных полномочиях носит исключительно ограни-

¹ See: *Doherty J. C. Coverstory: a Devided Congress Votes for Possible Military Action as UN Deadline for Withdrawal Approaches // CQ's Washington Alert. 1993. Nov. 26. Hearings and Makeup Before the Committee of Foreign Affairs House of Representatives. One Hundred First Congress. Washington: U. S. GPO, 1991. P. 889–917.*

чительный характер, признавая за президентом США право применения вооруженных сил по его единоличному решению и оставляя за конгрессом лишь некоторые возможности воздействия на главу исполнительной власти после начала конфликта. На практике этот закон действует не всегда.

Проблема применения военной силы — одна из самых сложных и дискуссионных в международном праве. Это касается как возможности применения военной силы, так и границ ее применения.

В настоящее время Соединенные Штаты и их союзники по НАТО не соблюдают важнейшие положения Устава ООН о необходимости решения международных споров мирным путем, о применении государственной силы лишь в ответ на вооруженное нападение или по решению Совета Безопасности ООН. Курс США и НАТО на игнорирование ключевых норм международного права, агрессивные войны, начатые против Югославии в 1999 г. под “гуманитарным” предлогом, война США против Ирака в 2003 г. под предлогом наличия там “готового к применению оружия массового поражения”, военные акции в Ливии в 2011 г. и в Сирии с 2014 г. привели к катастрофическим последствиям для населения этих стран, способствовали распространению терроризма в мире.

Военная политика США как деятельность, направленная на создание, развитие и использование вооруженных сил для достижения геополитических целей, основана на официальных внешнеполитических и военных концепциях.

Под военно-политической концепцией авторы понимают совокупность теоретических и практических установок на определенный период времени, определяющих характер, возможные пути и способы решения назревших текущих и перспективных военно-политических проблем (крупных военно-политических задач)¹.

Традиционно внешнеполитические и военно-стратегические концепции строились и продолжают строиться на ньютоновском или механистическом понимании, то есть на науке о движении и взаимодействии сил в линейном порядке. В теории междуна-

¹ См.: Война и мир в терминах и определениях: военно-политический словарь / Под общ. ред. Д. О. Рогозина. М.: Вече, 2017. URL: <http://www.voina-i-mir.ru/article/77> (дата обращения: 15.07.2022).

родных отношений это получило свое выражение в теории политического реализма (неореализма), где взаимодействие главных акторов-государств строилось на основе баланса силы.

Военно-политическая стратегия концептуально строилась на теории К. Клаузевица, который ввел такие использующиеся до настоящего времени понятия, как масса, центры тяжести, трение и т. д. При таком подходе, когда главными игроками являются государства и союзы, известное определение войны К. Клаузевица как продолжения политики, только другими средствами, остается актуальным.

На завершающем этапе холодной войны в американской военно-политической мысли господствовала доктрина Уайнбергера — Пауэлла. Доктрина в США играет особую, отличную от других стран роль. Во-первых, ни одно государство в современной истории не полагалось так сильно на “доктринальные” заявления и принципы в международных делах, как Соединенные Штаты. Во-вторых, как правило, рождение доктрины — это реакция руководства страны на какой-то внешний кризис или крупный конфликт, затрагивающий важные американские национальные интересы. В-третьих, внешнеполитическая или военно-политическая доктрина не является официальным документом и в физическом виде она не существует. Доктрина в американском понимании подразумевает систему концептуальных взглядов руководства США, и в первую очередь президента, на складывающийся баланс сил в международной системе, место США в мировой политике, их роль, интересы, характер угроз, цели и способы их достижения. Особое внимание уделяется военной составляющей, имеющей огромное значение начиная с доктрины Трумэна.

В 1985 г. министр обороны США Уайнбергер и председатель объединенного комитета начальников штабов генерал Пауэлл выдвинули свою доктрину по применению военной силы США, которая получила название “Всё или ничего”. Основные положения этой доктрины заключались в следующем: 1) необходимо использовать вооруженные силы за пределами страны только в жизненно важных интересах США или их союзников; 2) при решении применить военную силу необходимо действовать с ясным намерением победить; 3) важно четко определить политические и военные

цели; 4) выделенные силы должны соответствовать поставленным целям; 5) необходимо получить одобрение конгресса до применения силы; 6) применять преобладающую военную силу быстро, решительно и с минимальным риском для американских военнослужащих; 7) применять военную силу как крайнюю меру только после неудачи дипломатии. Эта доктрина была успешно апробирована в операции “Буря в пустыне” в Ираке в 1991 г.

Доктрина Уайнбергера — Пауэлла находилась в русле традиционного военно-политического планирования, когда стратеги смотрели на мир через призму баланса сил, биполярный или иной поллярности мир, геополитические тектонические сдвиги и т. д. После окончания холодной войны американская военно-политическая стратегия сохраняла определенную инерционность, направленную на закрепление изменившегося баланса сил после распада Советского Союза в свою пользу. В известном документе Пентагона “Руководство по оборонному планированию (1994–1999 гг.)” утверждалось: “Наша первая цель — не допустить повторного появления нового соперника либо на территории бывшего Советского Союза, либо где-то еще, который может представлять угрозу порядку...”¹. Также в документе был представлен весьма наглядный сценарий возможного военного столкновения России и Белоруссии с НАТО. Согласно сценарию “экспансионистское авторитарное правительство вновь приходит к власти в бывшей Российской Республике. Используя права национальных меньшинств как предлог, Москва проводит наступление 18 российскими и шестью белорусскими дивизиями и захватывает часть территории Польши и Литвы. Польша и Литва обращаются за помощью к НАТО, которая посылает корпус быстрого реагирования и подкрепление в составе 24 дивизий, 70 эскадрилий истребителей и шесть авианосных многоцелевых групп. Россия консолидировала контроль над всем советским ядерным оружием, но ожидается, что оно не будет применено, если не будет поставлено на карту национальное выживание. В результате 89 дней боев силы НАТО выигрывают, включая 21 день высокоинтенсивного контрнаступления НАТО”².

¹ See: *Tyler P.* U. S. Strategy Plan Calls for Insuring No Rivals Develop A One-Superpower World // *The New York Times*. 1992. March 8.

² See: *Hastedt G.* American Foreign Policy. Prentice Hall. Upper Saddle River. New Jersey 07458. 1997. P. 363.

Новая американская стратегия реализовывалась и в стратегии расширения НАТО для неосдерживания России. Этот подход совпадает с позицией, которую поддерживал сенатор Р. Лугар: “Расширение связано с поддержкой США боснийских мусульман, а также Украины. Эти шаги рассматриваются как часть большого стратегического проекта с целью консолидировать геостратегические завоевания в холодной войне за счет России”¹. Вектор был задан, а сценарий создавался на заре появления новой России и перешел в XXI век.

Важным этапом в развитии американской стратегической мысли стала операция “Шок и трепет” в Ираке (2003 г.). Как известно, всё новое рождается в результате диалектической борьбы. Накануне войны в США шли жаркие дебаты о концепции ведения войны в Ираке. Анализ операции “Шок и трепет” показывает, что руководство США не стало использовать доктрину Уайнбергера — Пауэлла, несмотря на ее успех в 1991 г. Причина заключается в ином видении характера войн XXI века и пересмотре взглядов на применение вооруженных сил США в этих войнах. О том, что с приходом в Пентагон нового министра Рамсфелда такие изменения должны были произойти, свидетельствовали документы, предложенные Рамсфелдом. В частности, в руководстве по применению военной силы министр обороны США в 2002 г. заявил:

“1. Руководство США должно быстро определить, когда дипломатия не привела к успеху, и затем действовать решительно на раннем этапе в докризисный период, чтобы сорвать нападение на страну (США. — *Авт.*).

2. Руководство страны никогда не должно увязывать задачу с получением поддержки от общественности, конгресса, ООН или союзников.

3. Руководители должны избегать давать обещаний не делать что-то, то есть, например, не использовать сухопутные войска (как сделал президент Клинтон в период бомбардировки Косово в 1999 г., что вызвало недовольство среди американских во-

¹ See: Hearings Before the Subcommittee on European Affairs of the Committee on Foreign Relations United States Senate. US Government Printing Office. Washington D.C., 1995. P. 46.

енных. — *Авт.*), не бомбить ниже 20 000 футов, не рисковать жизнями американцев, не бомбить во время Рамадана и т. д.”¹

В основу плана проведения операции “Шок и трепет” легла концепция “накатывающегося начала” (*rolling start*). Согласно этой концепции боевые действия начинаются до прибытия всех готовых сил, которые затем могут использоваться для наступления в зависимости от хода сражения. Такой подход дает выигрыш во времени, но создает и риски в результате недостаточного ресурсного обеспечения боевой задачи, что и проявилось в Ираке, хотя этот риск и не имел решающего значения.

По мнению Рамсфелда, меньшие по численности, но лучше оснащенные и обученные современные вооруженные силы США вполне могли бы заменить громоздкие подразделения времен Войны в заливе 1991 г. Акцент должен был делаться не на масштабированной огневой мощи или на численном превосходстве вооруженных сил, как это было раньше, а на правильном использовании ВВС и относительно небольших сухопутных сил. Кроме этого, предусматривалось более широкое применение хорошо подготовленных сил специального назначения, а также передовых военных технологий, которые давали преимущество вооруженным силам США над любым потенциальным противником. Этим объясняется тот факт, что США сосредоточили только 1/3 от тех сухопутных сил, которые использовали в 1991 г., но масштабно применяли высокоточное оружие.

Как показала война в Ираке (2003 г.), министр обороны Рамсфелд полагал, что сегодняшние внешнеполитические вызовы требуют быстрого размещения мобильных войск в разных точках разное время для ведения интенсивных боевых действий как с традиционными, так и нетрадиционными противниками.

Вторым важным отличием от доктрины Уайнбергера — Пауэлла является ставка на скорость. Наземная операция в Ираке (2003 г.) началась без длительной фазы бомбардировки с воздуха и ожидания концентрации всех сил. Сам Рамсфелд сослался на закон физики, гласивший, что скорость важнее массы. В этом ключ к пониманию сути сформировавшейся и проверенной в Ираке

¹ *Shanker T.* Rumsfeld Favors Forceful Actions to Foil an Attack // *The New York Times*. 2002. Oct. 14.

доктрины Рамсфелда, открывающей новую американскую философию ведения войн: отказ от численного преимущества над противником в интересах технологического превосходства, использование связанных в единую интегрированную систему передовых технологий уничтожения и скоростной передачи информации. Это, по мнению американских стратегов, дает США военное преимущество над потенциальным противником и обуславливает характер будущих войн и способы их ведения.

Однако, как показала практика, победа на этапе ведения классической войны в Афганистане (2001 г.) и Ираке (2003 г.) не привела к миру, так как война плавно перешла к нетрадиционным повстанческим боевым действиям. Линейное превосходство в силе имеет эффект только при традиционном механистическом подходе и только небольшой промежуток времени. Как свидетельствуют этап операции США в Ираке после свержения режима С. Хуссейна и операция “Несокрушимая свобода” в Афганистане, как только американские военные столкнулись с иррегулярным противником, не опирающимся на привычные способы ведения линейной войны, они потеряли значимость своего технологического, а порой и численного превосходства. Американские войска создали хаос в Ираке и Афганистане и не только не стали стабилизирующей силой, а усилили его. Понятие победы в таких войнах стало размытым, а количество убитых противников вело не к снижению, а к увеличению сопротивления за счет роста недовольного местного населения.

После окончания холодной войны в международных отношениях обозначились новые факторы, которые стали оказывать всё большее влияние на межгосударственные отношения, внешнюю политику и военно-политическую стратегию. Такими факторами стали распад государств, внутренние вооруженные конфликты, вспышки национализма и рост экстремизма и терроризма. Всё это в совокупности создало новую реальность, отличную от более структурированной и предсказуемой международной системы в холодную войну.

Растущее влияние внутривнутриполитических процессов в ряде стран на международные отношения, а также появление нетрадиционного противника, такого как талибы и “Аль-Каида”, заста-

вили американских исследователей и руководство США концептуально пересмотреть военно-политическую стратегию страны.

Разрушение структурированных и достаточно жестко контролируемых СССР и США вертикальной иерархии в центре и в меньшей степени на периферии во времена холодной войны, в настоящее время привело к потере контроля над многими международными процессами. При этом особенное внимание исследователи и практики стали уделять хаотизации международных отношений, которая сначала в США рассматривалась как проблема, а позже и как возможность для реализации американских интересов.

Теоретико-практическое осмысление хаотизации международных отношений провел американский дипломат и политолог С. Манн. По его мнению, “механистическое видение мира придает уверенность, так как оно постулирует мир последовательных изменений. Он обещает стратегам, что можно предвидеть ход событий, если лежащие в основе принципы были открыты и если немногочисленные участвующие переменные (факторы. — *Авт.*) известны”¹. Государственные акторы в холодную войну имели примерно одинаковую вертикальную иерархическую структуру управления и принятия решений, что создавало в принципе весьма понятную и возможную для прогноза политику и обстановку в мире. Ситуация изменилась в конце XX века. Линейное и механистическое понимание мира стало неполным. С. Манн предложил свою теорию хаоса, которая попыталась объяснить новую парадигму в международных отношениях и стратегическом планировании.

В основе теории лежат следующие принципы:

- “Теория хаоса применима к динамичным системам, то есть системам с очень большим количеством подвижных компонентов.
- Внутри этих систем существует непериодический порядок. Кажущиеся наугад собранные данные могут образовывать упорядоченные, но неповторяющиеся модели.
- Такие хаотичные системы демонстрируют чувствительную зависимость от первоначальных условий, то есть незначительное изменение в любой из этих первоначальных вводных ведет к непропорциональным расходящимся результатам.

¹ Mann S. R. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters. 1992. Autumn. P. 56.

• Тот факт, что такой порядок существует, предполагает, что модели можно спрогнозировать, по крайней мере в слабохаотичных системах”¹.

Третий пункт имеет непосредственное отношение к феномену, известному как “эффект бабочки”. Термин возник в связи со статьей американского метеоролога Эдварда Лоренца: “Предсказание: взмах крыльев бабочки в Бразилии вызовет торнадо в штате Техас”. Из тезиса Лоренца следует, что взмах крыльев бабочки означает небольшие изменения в изначальном состоянии системы, которые вызывают ряд связанных событий, ведущих к крупномасштабным изменениям.

Этот тезис проявился и на практике в международных отношениях, когда всё большую роль начали играть новые тренды, а именно нелегальная миграция, террористические организации, хакеры, повстанческие группировки. Они имеют сетевой характер и своими действиями делают мир нелинейным и непериодическим, а прежние концепции, строящиеся на механистическом подходе, не вполне адекватными. Согласно традиционному подходу причины изменения всегда лежат во внешних факторах, которые ведут к изменению баланса сил. Американский политолог Каплан считал, что распределение силы в системе влияет, если не определяет поведение государств. Согласно теории хаоса изменения происходят не столько в результате внешнего воздействия, сколько в результате внутренних изменений, вызванных действиями многочисленных неправительственных, внесистемных акторов и индивидуумов изнутри. Причем эти действия обусловлены разными целями, ценностями и мотивациями. Более того, эта масса акторов имеет такую отличительную черту, как способность к самоорганизации.

Многослойное и динамичное международное окружение и пытающаяся его объяснить теория хаоса заставляют по-иному отнестись к современному внешнеполитическому и военно-политическому стратегическому планированию. “На международной сцене традиционная модель подводит нас к переоценке нашего влияния на события и уменьшает способность всех крупных

¹ Mann S. R. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters. 1992. Autumn. P. 56.

участников оказать решающее воздействие на события. В противоположность, парадигмы хаоса и критичности подчеркивают непропорциональные эффекты, которые могут вызвать кажущиеся второстепенными акторы”¹. Для иллюстрации этой теории можно привести трагичное самосожжение молодого торговца фруктами в Тунисе в 2010 г. Это, казалось бы, при всей своей трагичности не самое крупное событие явилось триггером целой цепочки революций “арабской весны”, в ходе которой произошла смена режимов в ряде государств.

Эти и более ранние элементы хаотизации усложнили характер международных отношений и заставили внести изменения в военно-политическое планирование США. По мнению российского исследователя В. Коньшева, “особенности современных конфликтов потребовали от США пересмотра военной стратегии, которая отходит от традиционного государственно-центричного подхода”². К этой мысли нужно добавить, что спектр американской стратегии начал расширяться. Большой акцент стали делать на противоповстанческих войнах. Интересно, что в начале 1990-х гг. в американских экспертных оценках зазвучал тезис, что сейчас нельзя представить себе выступающего по телевидению генерала Пауэлла, рассказывающего о своей доктрине.

В последние десятилетия не затихает бурная дискуссия среди американских военных, дипломатов и экспертного сообщества относительно войн, к которым США должны готовиться. В самом начале возобладало мнение, что после победы в холодной войне и “успешной” бомбардировки Югославии равного противника-государства в конвенциональной войне у США нет, а более вероятным противником является негосударственный актор, такой как террористическая организация. Следовательно, нужно отказаться от подхода к военно-политическому планированию на основе конкретной угрозы, а перейти к оценке способности противника нанести ущерб США. При этом военная сила по-прежнему рассматривалась как исключительно важный инструмент для “сох-

¹ Mann S. R. Chaos Theory and Strategic Thought // Parameters. 1992. Autumn. P. 61–62.

² Коньшев В. Военная стратегия США после окончания холодной войны. СПб.: Наука, 2009. С. 13.

ранения американского доминирования с помощью поддержания выгодного для США баланса сил в мире”¹.

Убедившись на практике, что современное военно-политическое планирование не может базироваться исключительно на традиционной механистической концепции или на теории хаоса, руководство США решило, что, не отрицая полностью линейный, механистический подход к планированию, необходимо учитывать и те факторы, которые способствуют созданию хаоса. О первом свидетельствует и документ Пентагона “Оборонное стратегическое руководство” (2012 г.), где указывается на смещение дуги американских интересов в области безопасности и экономики из Европы южнее в регион Индийского океана и Юго-Восточной Азии, реализованное в стратегии президента Обамы “восстановления баланса” в АТР. Однако показательно, что в документе Пентагона “Национальная военная стратегия США” (2015 г.) при характеристике стратегического окружения на первое место поставлены факторы, которые нельзя отнести к механистическому подходу. Они скорее попадают в список факторов, ведущих к хаотизации, так как ими сложнее управлять и контролировать. Согласно этой стратегии, к ним относятся глобализация, распространение технологий и демографические сдвиги. Глобализация является катализатором роста социальной напряженности, погони за ресурсами и политической нестабильности. Распространение технологий создает, в частности, новую информационную среду как для государственных, так и негосударственных участников международных отношений, которая снижает преимущественные возможности США в применении высокоточного вооружения и в системе раннего предупреждения. Демографические сдвиги, особенно в Северной Африке и на Ближнем Востоке, усиливают обозначенные выше изменения в стратегической среде.

Тем не менее американская оборонная стратегия по-прежнему считает приоритетными в списке угроз государства. В их числе Россия, Иран, Северная Корея и Китай. Однако в стратегии отмечается: “Как представляется, ни одно из этих государств не стремится к непосредственному военному конфликту с США или их

¹ XXI век: перекрестки мировой политики. М.: “Канон+” : РООИ “Реабилитация”, 2014. С. 323.

союзниками”¹. Другой серьезной угрозой считаются насильственные экстремистские организации, возглавляемые “Аль-Каидой” и “Исламским государством Ирака и Леванта” (ИГИЛ). В Национальной военной стратегии диапазон вероятного конфликта рассматривается от межгосударственного конфликта, с возможным широкомасштабным применением военной силы и передовых военных технологий для непосредственного вооруженного насилия, до гибридного конфликта, включающего регулярные и иррегулярные вооруженные силы, нацеленные на то, чтобы создать неопределенность и парализовать противника. Здесь используются как обычные, так и асимметричные средства борьбы. На другом краю спектра — вероятность негосударственного конфликта, где применяются небольшие подразделения и сети с целью подорвать действия правительства и получить контроль над населением.

В стратегии подчеркивается, что “сегодня вероятность вовлечения США в межгосударственную войну с крупной державой оценивается как низкая, но увеличивающаяся... Напротив, насильственные экстремистские организации, объединяя доступные технологии со своей экстремистской идеологией, представляют непосредственную угрозу трансрегиональной безопасности... Гибридные конфликты усиливают неопределенность, усложняют принятие решений и замедляют взаимодействие для выработки эффективных ответов. Поскольку агрессор в этих случаях обладает указанными преимуществами, есть вероятность того, что такая форма конфликта сохранится надолго и в будущем”².

Тем не менее в спорах о том, к какой войне готовиться американским военным, официальный военно-политический документ делает всё больший акцент на традиционную войну. “Последние десять лет наши военные кампании состояли в основном из операций против насильственных экстремистских группировок и объединений. Но сегодня и в обозримом будущем мы должны уделять больше внимания тем вызовам, которые бросают нам государственные акторы”³.

¹ The National Military Strategy of the United States of America. Joint Chiefs of Staff, 2015. P. 2.

² Ibid. P. 4.

³ Ibid.

Таким образом, предстоящее противоборство будет сочетать как механистический подход, так и подход, построенный на теории хаоса. Все эти факторы и тенденции в совокупности создают плохо прогнозируемую стратегическую среду, о характере которой ясно высказался в предисловии военной стратегии председатель Объединенного комитета начальников штабов генерал Демпси: “Глобальная обстановка в области безопасности сегодня является самой непредсказуемой за 40 лет моей службы”¹. Вероятно, этим можно объяснить путаницу среди военных руководителей США в прочтении угроз американской национальной безопасности и их иерархии, которая проявилась во время слушаний в конгрессе США летом 2015 г. Номинированные на должность председателя объединенного комитета начальников штабов генерал Данфорд и его заместитель генерал Селва среди главных угроз выделили Россию, Китай, Иран, Северную Корею и организации, которые возникли под влиянием идеологии, продвигаемой “Аль-Каидой”. При этом генерал Данфорд подчеркнул, что Россия представляет самую большую угрозу безопасности США, которая носит экзистенциальный характер. На вопрос сенатора Маккейна, почему террористическая угроза стоит последней в списке, генерал Селва ответил, что террористические группы, включая ИГИЛ, не угрожают американцам в своей стране. В то же самое время кандидат на должность командующего объединенным командованием стратегических перебросок вооруженных сил США генерал Макдью заявил, что главной угрозой является возможное кибернападение, так как нападение такого рода может остановить всю транспортную инфраструктуру страны.

Интересно, что эта оценка созвучна той, что представлена директором национальной разведки Клэппером в конгрессе США в феврале 2015 г. В его ряду угроз киберугроза шла первой. В противоречие заявлению генерала Селвы начальник разведывательного управления министерства обороны США генерал Флинн заявил: “Я знаю, это страшная мысль, но в 2004 г. в 18 странах насчитывалась 21 исламская террористическая организация. Сегодня в 24 странах насчитывается 41 исламская террористическая орга-

¹ The National Military Strategy of the United States of America. Joint Chiefs of Staff, 2015. P. i.

низация. Многие эти группы имеют намерение подвергнуть нападению интересы Запада, включая посольства Запада и в отдельных случаях страны Запада. Некоторые также имеют намерения и потенциал для нападения на Соединенные Штаты”¹. Интересно, что командующий корпусом морской пехоты США генерал Неллер поддержал тезисы как генерала Данфорда, так и Флинна: “Я бы согласился с генералом Данфордом, что Россия обладает самым сильным растущим потенциалом, их действия, а также тот факт, что они имеют стратегические силы, превращает их в самую большую потенциальную угрозу. Хотя я думаю, что они (русские. — *Авт.*) не хотят воевать с нами. Сейчас, я думаю, они не хотят убивать американцев. Я думаю, что насильственные экстремисты хотят убивать нас. Их потенциал не такой большой, но у них сильное намерение...”².

Такой разброс во мнениях свидетельствует о том, что еще несколько лет назад в американском военном руководстве не было единства взглядов на иерархию угроз национальной безопасности США, а их стратегические ориентиры были сбиты. Активно дискутировались подходы, чему отдать приоритет в подготовке: традиционным операциям с государством-противником, к контрповстанческой войне или к операциям по стабилизации.

Традиционно во главу угла американских военно-политических концепций ставится защита национальных интересов. “Чтобы обеспечить эти интересы, в Национальной военной стратегии разработан интегрированный подход, состоящий из трех общенациональных военных целей: сдерживать государственного противника, не дать ему достичь своих целей и нанести ему поражение; подорвать, ослабить и разгромить насильственные экстремистские организации (НЭО); укрепить нашу глобальную си-

¹ Flynn’s Last Interview: Iconoclast Departs DIA With A Warning // Breaking Defense. 2014. Aug. 7. URL: <http://breakingdefense.com/2014/08/flynns-last-interview-intel-iconoclast-departs-dia-with-a-warning> (accessed: 13.07.2022).

² Demirjian K. Russia or ISIS? Who is America’s No. 1 Enemy? // The Washington Post. 2015. Aug. 4. URL: <http://www.washingtonpost.com/news/powerpost/wp/2015/08/04/russia-or-isis-who-is-americas-no-1-enemy> (accessed: 23.07.2022).

стему союзников и партнеров”¹. Военная стратегия подтвердила отказ от принятой еще президентом Клинтонем стратегии готовности и способности вооруженных сил США вести одновременно две большие войны в отдаленных друг от друга театрах военных действий. Военная стратегия констатировала: “Нашей нации нужны такие вооруженные силы, которые обладают силами, средствами, потенциалом и готовностью для того, чтобы одновременно защищать территорию страны, проводить продолжительные и многочисленные контртеррористические операции, сдерживать агрессию в нескольких районах, а также гарантировать защиту союзникам с помощью передового военного присутствия и сотрудничества с ними. Если политика сдерживания потерпит неудачу, наши вооруженные силы в любой момент смогут нанести поражение региональному противнику в ходе широкомасштабной и многофазовой военной кампании, одновременно не давая добиться своих целей другому агрессору или вынуждая его нести неприемлемые затраты в другом регионе”².

От чего отказывается современная военная стратегия США? Во-первых, от применения военной силы для строительства демократии в других странах, по крайней мере в том формате, как это было при президентах Б. Клинтоне и Дж. Буше-мл. В современной военной стратегии США такие задачи перед вооруженными силами не ставятся.

Во-вторых, стратегия не предусматривает широкомасштабные и длительные операции по стабилизации, как в Ираке после свержения С. Хуссейна, в Афганистане после свержения режима талибов или в Сомали в 1990-е гг. и аналогичные им операции. Гуманитарные вмешательства будут возможны только в тех случаях, когда ожидается значительная поддержка союзников, а американские затраты будут минимизированы, то есть такие регионы, как Ближний Восток и Афганистан, будут маловероятными театрами широкомасштабных операций. В военной стратегии указывается: “Вооруженные силы США также готовы провести в случае необходимости ограниченные операции по обеспечению

¹ The National Military Strategy of the United States of America. Joint Chiefs of Staff, 2015. P. 6.

² Ibid.

стабильности, взаимодействуя с другими ведомствами, коалиционными силами и войсками страны проведения таких операций”¹. Директор Центра по комплексным операциям в Национальном университете обороны США Дж. Коллинз подчеркивал: “Потенциал США по проведению постбоевых операций по стабилизации уменьшается. Многие уроки, выученные в Ираке и Афганистане, испаряются перед лицом скептицизма в конгрессе и отсутствия интереса со стороны бюрократии... Слишком рано забываются уроки последних 14 лет”².

В-третьих, стратегия смещает акцент с противоповстанческой войны в пользу войны с государством-противником, а также гибридную. Накануне ухода в отставку в 2015 г. начальник штаба сухопутных войск США генерал Одиерно отметил: “За последние 18 месяцев мы действительно начали готовиться к тому, что мы называем гибридными боевыми действиями, которые, как я полагаю, ведет Россия. Мы находимся в процессе укрепления нашего потенциала”³. Одиерно также объяснил, что военные уходят от длившихся более 10 лет противоповстанческих операций и нуждаются в пересмотре своих умений в сторону их расширения. По мнению генерала, “около 33% наших (американских. — *Авт.*) бригад готовы действовать на этом уровне. Нам же нужно, и это моя цель, иметь около 60%”⁴.

Реальная угроза Европе и, соответственно, интересам США исходит не с Востока, а с Юга. Непрерывающиеся конфликты и войны на Ближнем Востоке, нестабильность на севере Африки превратились в экзистенциальный источник терроризма и экстремизма, угрожающий европейской безопасности. Кстати, это признают и руководители НАТО. Пророческой оказалась оценка главнокомандующего войсками НАТО генерала Демпси,

¹ The National Military Strategy of the United States of America. Joint Chiefs of Staff, 2015. P. 12.

² Collins J. Defense in the Next Decade // Small Wars Journal. 2015. May 20. URL: <http://smallwarsjournal.com/print/23453> (accessed: 14.07.2022).

³ The US Army’s Top General Points a Spear at Russia // Vice News. 2015. Aug. 21. URL: <https://news.vice.com/article/the-armys-top-general-points-a-spear-at-russia> (accessed: 25.07.2022).

⁴ Ibid.

который отметил в 2014 г.: “Мой совет моим коллегам (руководителям министерств обороны) в НАТО заключается в том, что южный фланг НАТО заслуживает намного большего внимания, чем он сейчас получает в НАТО. Вообще проблемы, которые проецируются в южный фланг (имеется в виду НАТО. — *Авт.*) с Ближнего Востока и Северной Африки, могут достаточно глубоко изменить жизнь не только в Южной Европе, но и в Центральной и Северной Европе”¹.

Если основывать оценку на соотношении потенциалов НАТО и РФ, то весьма иллюстративно заявление бывшего главнокомандующего войсками НАТО адмирала Ставридиса: “Нам нужно отбросить такого рода российское продвижение, такую российскую агрессию, показать им, что в XXI веке такое поведение просто недопустимо”, добавив при этом, что российские силы даже близко не настолько дееспособны, как силы НАТО”². Если оценивать заявления, раздающиеся в некоторых странах — членах НАТО, о якобы имеющихся намерениях российского руководства совершить нападение на европейские страны, то они отсутствуют, хотя бы по той причине, что статью 5 Устава НАТО никто не отменял, и это было бы равнозначно нападению на США со всеми вытекающими отсюда последствиями. Обыгрывание какого-либо сценария нападения России на члена НАТО необходимо только для развязывания русофобии и оправдания роста военных расходов стран НАТО, включая самих США³.

Как известно со времен древнегреческого историка Фукидида, общая угроза создает союзы, и такие угрозы, объективно толкающие Россию и США к сотрудничеству, существуют. Во-первых,

¹ *Weisgerber M. Dempsey To Urge Military Chiefs To Step Up Mediterranean Security // Defense News. 2014. May 18. <http://www.defensenews.com/article/20140518/DEFREG02/305180011/Dempsey-Urge-Military-Chiefs-Step-Up-Mediterranean-Security> (accessed: 25.07.2022).*

² *Ex-NATO supreme commander rips Obama over military cuts // The Hill. 08.09.2015. URL: <http://thehill.com/blogs/blog-briefing-room/news/250665-ex-nato-supreme-commander-rips-obama-over-military-cuts> (accessed: 15.07.2022).*

³ См.: Россия и современный мир. М.: “Канон+” : РООИ “Реабилитация”, 2016. С. 44.

это угроза распространения ОМУ. На основе резолюций Совета Безопасности ООН № 1373 и 1540 было создано Глобальное партнерство по борьбе с ядерным терроризмом, где сопредседателями выступают Россия и США. В настоящее время это международное партнерство включает 86 стран и 5 официальных наблюдателей. Принят целый ряд основополагающих принципов в области ядерной безопасности. Операция “Активные усилия” в Средиземном море и химическое разоружение в Сирии наглядно иллюстрируют возможности сотрудничества, когда США занимают конструктивную позицию.

Во-вторых, это борьба с терроризмом и такими наглядными его проявлениями, как ИГИЛ и “Аль-Каида”. Террористы не вводят санкции против друг друга, а объединяют свои усилия, чтобы нанести нам ущерб. Любопытно, что в 2015 г. бывший тогда министр обороны США Э. Картер назвал американский подход к России “жестким и сбалансированным”. Несмотря на то что американское военно-политическое планирование переключается на государственно-центричных противников, в числе которых и Россия, возможность сотрудничества США с РФ не исключается. По мнению Э. Картера, “сбалансированная часть заключается в том, что мы (США. — *Авт.*) продолжаем работать с Россией, потому что нельзя раскрасить их поведение одним мазком. Есть области, где они работают с нами: в значительной степени в антитерроризме, в некоторой степени в отношении Северной Кореи и Ирана... Итак, где Россия видит, что ее интересы совпадают с нашими, мы можем работать с ними и продолжим делать это”¹. Россия и США должны как минимум координировать борьбу с терроризмом. Сирия должна служить не “яблоком раздора” и быть причиной противостояния России и США, а стать возможностью для сотрудничества.

Однако заявления официальных лиц Вашингтона о возможном сотрудничестве с Россией в борьбе с международными вызовами и угрозами безопасности — это только заявления. Как показывает война в Сирии, политика США в других регионах мира,

¹ Wong K. Pentagon chief: Russia is a ‘very significant threat’ // The Hill. 2015. Aug. 20. URL: <http://thehill.com/policy/defense/251622-pentagon-chief-russia-is-a-very-very-significant-threat> (accessed: 13.07.2022).

американцы не спешат сотрудничать с Россией по вопросам борьбы с терроризмом.

Более того, в последнее время политика США в отношении России стала носить более активный наступательный характер. Об этом свидетельствует подписанная в декабре 2017 г. президентом Д. Трампом Стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов, которая призвана служить руководством по определению целей и приоритетов внешней и оборонной политики государства.

В отличие от администрации Б. Обамы, администрация Д. Трампа по-новому подошла к ранжированию угроз и вызовов национальной безопасности США. В документе говорится: “Есть три группы бросающих нам вызов: Китай и Россия с их ревизионистскими устремлениями, государства-изгои Иран и Северная Корея и организации транснационального характера, в частности джихадистские террористические группы. Все они активно действуют против США, наших союзников и партнеров. Хотя они отличаются по своей природе, все они бросают нам вызов в политической, экономической и военной сфере, активно используя информационные технологии в целях смещения региональных балансов силы в свою пользу”¹.

Таким образом, Китай и Россия, которые пытаются изменить мировой порядок после окончания холодной войны и подорвать глобальное американское лидерство, названы главными противниками Соединенных Штатов. Российская карта продолжает разыгрываться и во внутривнутриполитической жизни США.

Официальная российская оценка Стратегии национальной безопасности США была дана президентом В. Путиным в ходе выступления на итоговой коллегии Минобороны России в декабре 2017 г.: “На дипломатическом языке, если можно два слова сказать, она носит, безусловно, наступательный характер, а если переходить на военный язык, то, безусловно, агрессивный”².

Контент-анализ нового доктринального документа показывает, что Россия упоминается в нем 25 раз (в СНБ-2015 Россия упо-

¹ National Security Strategy of the United States of America. Dec. 2017. P. 25.

² Расширенное заседание коллегии Министерства обороны // Президент России. 2017. 22 дек. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56472> (accessed: 25.07.2022).

миналась 15 раз). Однако если в предыдущем документе содержался определенный баланс между антироссийскими положениями и положениями о возможности сотрудничества с Россией, то в новой стратегии сделан еще один шаг в антироссийском направлении. Только в одном пункте документа говорится о том, что намерения России (и Китая) “необязательно носят окончательный характер и Соединенные Штаты готовы сотрудничать в тех областях, которые представляют обоюдный интерес для обеих стран”¹.

Несмотря на предвыборные обещания Д. Трампа искать точки соприкосновения с Россией, в новой Стратегии национальной безопасности план по выстраиванию дальнейших отношений США с Россией отсутствует.

У российских граждан и всей мировой общественности не может не вызывать тревогу изложенный в американской стратегии внешнеполитический лозунг Д. Трампа “Мир через силу” (Peace through strength). Результаты использования Соединенными Штатами военной силы хорошо известны по последствиям, которые произошли после американского военного вмешательства в Югославию, Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии и других странах.

Стратегия национальной безопасности — это не только документ, в котором излагаются официальные взгляды Вашингтона, но и практическая деятельность по использованию политических, экономических, информационных, военных и других элементов государственной мощи для продвижения национальных интересов.

Итоги первого года деятельности американской администрации Трампа в области внешней и оборонной политики не дают основания для оптимизма. Стремясь воспрепятствовать процессу трансформации России в один из ведущих центров силы, Соединенные Штаты в 2018 финансовом году значительно увеличили военные расходы, которые достигли почти 700 млрд долл., поддерживают присутствие своих вооруженных сил за рубежом в том числе и в Сирии в нарушение норм международного права.

Анализ Стратегии национальной безопасности США, а также политики американской администрации Д. Трампа свидетельствует о том, что Вашингтон в ближайшей перспективе продолжит противодействовать Российской Федерации на глобальном

¹ National Security Strategy of the United States of America. Dec. 2017. P. 25.

и региональном уровне, пытаясь сдержать политическую и экономическую интеграцию России с бывшими советскими республиками, препятствовать политическим усилиям России нормализовать обстановку на Украине и в Сирийской Арабской Республике. При этом американская военная мощь активно применялась наряду с “мягкой силой”.

С приходом к власти администрации во главе с Джо Байденом антироссийская направленность военной политики США не изменилась. Похоже, что принятая при Д. Трампе и действующая в настоящее время Стратегия национальной безопасности устраивает администрацию США. Во Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности, вышедшем в начале 2021 г., утверждается, что Россия по-прежнему полна решимости усилить свое глобальное влияние и играть “деструктивную роль” на международной арене. Но главной угрозой США и миру администрация Байдена считает Китай, который благодаря своей напористости “является единственным соперником, обладающий способностью соединить свою экономическую, дипломатическую, военную и технологическую мощь и бросить вызов стабильной и открытой международной системе”.

Однако в Вашингтоне понимают, что добиться стратегической цели и победить Китай в одиночку США не в состоянии. Важное место отведено объединению усилий с союзниками и ближайшими партнерами для формирования под флагом борьбы за демократию единого антикитайского фронта: “Наша работа по защите демократии, — говорится в документе, — не заканчивается на нашей земле. Авторитаризм распространяется по миру, и мы должны объединиться с единомышленниками из числа союзников и партнеров, чтобы возродить демократию во всем мире”.

Именно в целях противодействия Китаю в сентябре 2021 г. было объявлено о формировании новой международной организации AUKUS, объединившей Австралию, Великобританию и США. Создание союза AUKUS имеет ярко выраженный военный характер и направлено на сдерживание Китая через усиление контроля над акваториями Тихого и Индийского океанов.

Концептуальные положения военной политики администрации Д. Байдена нашли отражение в новой Стратегии национальной

обороны США, которую 28 марта 2022 г. Пентагон передал конгрессу. В опубликованных в связи с этим пояснениях американское военное ведомство вновь заявило об “острых угрозах”, якобы исходящих от России, а также назвало Китай основным стратегическим конкурентом и вызовом для Соединенных Штатов. “Россия представляет острые угрозы”, — отмечается в сообщении. В качестве обоснования данного тезиса приводилась специальная военная операция по демилитаризации и денацификации Украины.

“Пентагон будет действовать безотлагательно, чтобы поддерживать и укреплять сдерживание, в то время как КНР является нашим наиболее важным стратегическим соперником и основным вызовом”, — добавили в ведомстве. — Министерство будет по-прежнему способно справляться с другими постоянными угрозами, в том числе со стороны КНДР, Ирана и жестоких экстремистских организаций”.

В целом в вопросе национальной обороны Вашингтон выделил четыре ключевых направления: защиту страны в условиях “растущей угрозы со стороны КНР”, сдерживание “стратегических атак” против США и их союзников, создание устойчивых вооруженных сил и оборонной экосистемы, а также “сдерживание агрессии при сохранении готовности в случае необходимости одержать верх в конфликте, отдавая приоритет вызову со стороны КНР в регионах Индийского и Тихого океанов, а затем вызову со стороны России в Европе”.

Эти же положения под влиянием США нашли в отражение в новой стратегической концепции НАТО до 2030 г., которая была принята по итогам первого заседания саммита в Мадриде в конце июня 2022 года. “Россия представляет самую главную и прямую угрозу для безопасности союзников, для мира и стабильности в евроатлантической зоне”, — говорится в концепции. Если в предыдущей концепции от 2010 г. упоминалось о стремлении развивать стратегическое партнерство с Россией в таких сферах, как контроль над вооружениями, борьба с терроризмом, наркотрафик, пиратство, то сейчас в концепции расставлены другие акценты. В концепции указано, что интересам альянса противоречит политика, которую проводит Китай, а также сближение Пекина и Москвы. “Углубление стратегического партнерства между

КНР и Россией, а также их взаимные попытки подорвать международный порядок, основанный на правилах, противоречат нашим ценностям и интересам”, — говорится в документе.

Итоги деятельности администрации во главе с Д. Байденом не дают основания для оптимизма. Стремясь воспрепятствовать процессу трансформации России в один из ведущих центров силы, Соединенные Штаты в 2022 финансовом году значительно увеличили военные расходы, достигшие 768 млрд долл., значительная часть которых направлена на усиление военной мощи Украины, противодействие России и Китаю, сохранение своего военного присутствия в различных регионах мира.

Всё это необходимо учитывать при разработке комплекса мер по созданию благоприятных внешнеполитических условий для развития нашей страны, обеспечению национальной безопасности государства, укреплению обороны и повышению боевой мощи Вооруженных Сил Российской Федерации.

Глава 8. ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИЕ БАЛАНСЫ: ОТ ТРАМПА К БАЙДЕНУ

Д. А. Данилов

Атлантический альянс: перезагрузка по Трампу

В ходе предвыборной кампании кандидат в президенты США Дональд Трамп не высказывался категорически против проводимой Б. Обамой политики в отношении европейских союзников. Он напрямую не критиковал перезагрузку отношений с Россией в 2008–2010 гг., в том числе по линии альянса, хотя этот внешнеполитический провал Обамы стал одним из главных обвинительных пунктов в отношении его администрации. Но в европейских столицах обратили внимание на его жесткие и, как тогда казалось, неприемлемые акценты, разрушающие установившиеся трансатлантические балансы и, более того, сами основы стратегического Атлантического альянса. Трамп предложил свою собственную перезагрузку НАТО, хотя и не стал связывать себя стереотипными клише.

Д. Трамп изначально назвал НАТО устаревшей организацией и заявил, что Европа должна выполнять союзнические обязательства и нести большую долю ответственности. После инаугурации 45-й президент США подтвердил, что его политика по отношению к Альянсу будет зависеть от того, насколько ответственность европейцев за коллективную, а по сути, за свою собственную безопасность соответствует американскому видению. Д. Трамп подчеркнул, что Соединенные Штаты готовы защищать своих союзников в Европе, но только в той мере, в какой европейские союзники готовы защищать себя сами, не говоря уже об их “полезности” для США. Другими словами, новый президент США применил к своим европейским союзникам по Альянсу тот самый принцип кондициональности (“большее за большее”), который применяется ЕС в отношениях с внешними партнерами в рамках “европейской политики соседства”. Но изначально поменял полярность этой конструкции — на “меньшее за меньшее”. Д. Трамп недвусмысленно

предупредил европейцев, что “бизнес как прежде” — американские деньги и гарантии в обмен на европейские обещания — его не устраивает. Наоборот, он хочет привести евро-атлантическое уравнение к каноническому виду: евро-инвестиции в уплату за американские гарантии безопасности Европы, а по существу — за американское лидерство. Формула трансатлантических отношений стала принципиально противоположной: обещание американских гарантий в обмен на гарантированный европейский вклад в обеспечение американских интересов.

Вашингтон потребовал от европейских союзников большего, “честного” вклада в трансатлантический альянс и евро-атлантическую безопасность, в том числе безусловного выполнения обязательств по росту военных расходов — по крайней мере до 2% ВВП, из которых пятая часть должна направляться на закупки основных видов вооружений (формула 2/20). Но и это требование, крайне болезненное для большинства европейских союзников, особенно для Германии, стало лишь одним из критических пунктов системного “вызова Трампа”. Признание американским президентом брекзита правильным решением британцев в еще большей степени увеличили сомнения в приверженности новой американской администрации стратегическому альянсу с Европой/ЕС и способности продолжать осуществлять ответственное лидерство в НАТО. Европа, последовавшая за лидером (США) при администрации Б. Обамы, в жестком ответе России “за Крым” столкнулась с масштабным риском, с одной стороны, лишиться четкого американского ориентира, с другой — своего сдерживающего влияния. Несмотря на то что администрация Трампа подтвердила принципиальную политическую оценку украинского кризиса и “дестабилизирующей” роли России, Вашингтон одновременно дал понять, что готов на сближение с Москвой (и на смягчение санкционного давления) в случае прогресса в двустороннем обсуждении обозначенных им приоритетов — вопросов контроля над вооружениями и борьбы с международным терроризмом/ИГИЛ. Хотя затем вынужден был подписать законопроект, ужесточающий антироссийские санкции, но включая их экстерриториальное применение, что также усилило американскую доминанту в отношениях с Европой.

Итак, президент Трамп выбрал в новой американской партии с Европой три сильные карты: “распределение бремени”, “американские гарантии” и... “российский джокер”. Ставки были обозначены предельно ясно: Европа должна Соединенным Штатам (“американскому народу”, а не Трампу); долг придется отдавать (Вашингтон будет следить); с Москвой надо договариваться (если это пойдет на пользу Америке).

Такая повестка еще более провоцировала политическую фрагментацию европейского интеграционного “центра силы”, у которого отсутствовали инструменты, а главное — мотивация для выработки консолидированных европейских ответов на “вызов Трампа”. Брекзит обострил дилеммы политического лидерства в Европе и коллективной Европы. Освобождает ли Британия место европейского лидера и особого партнера США? Если не Лондон, то Берлин — сможет ли Германия (с долей военных расходов 1,2% в ВВП против британских 2,2%) занять лидирующие позиции, тем более на фоне обострившегося конфликта с Вашингтоном. Германии дали ясно понять: хотите нашей поддержки вашего лидерства в Европе — платите. Канцлер ФРГ А. Меркель во время визита в Вашингтон в марте 2017 г. (“встреча терапевта с провокатором”, по определению “Дейче Велле”¹) пыталась убедить Д. Трампа в том, что военный бюджет Германии гораздо меньше ее совокупного вклада в европейскую и международную безопасность, но безуспешно. Такая позиция воспринималась Трампом как попытка давления и подрыв его европейской и трансатлантической программы и только разогрела конфликт².

Европейцы не могли напрямую оспаривать послание Трампа о “справедливом перераспределении бремени”, но многие понимали, что на деле требования Вашингтона довольно несправедли-

¹ Комментарий: визит Меркель в США — встреча терапевта с провокатором // Deutsche Welle. 2017. 16.03. URL: <http://www.dw.com/ru/комментарий-визит-меркель-в-сша-встреча-терапевта-с-провока-тором/a-37918162> (дата обращения: 20.06.2022).

² *McKirdy E.* Germany’s defense minister to Trump: No, we don’t owe NATO money. 2017. March 20. URL: <http://edition.cnn.com/2017/03/20/politics/nato-commitment-germany-reacts-trump> (дата обращения: 19.07.2022).

вы, особенно если принимать во внимание крайне важные аспекты военно-технологического развития и структурно-экономической роли ВПК как для ведущих, так и для ряда средних и малых стран ЕС. США, несомненно, имеют большую отдачу от военных расходов, прежде всего за счет экспорта. За счет инвестиций в оборонный сектор они не только обеспечивают его эффективность и конкурентоспособность, но и свои глобальные позиции, тогда как Европа не имеет аналогичных возможностей и капитализации. Более того, увеличение военных бюджетов может еще более ухудшить ее конкурентные позиции и подорвать “мягкую силу” ЕС. В Европе вряд ли не понимали, что финансирование общего европейского оборонного рынка повышает риски большей зависимости от США, в том числе учитывая существенное технологическое отставание ЕС и ее ВПК от США. Различающиеся политические и экономические ожидания европейских стран от их оборонных вложений, в том числе в контексте развития отношений с США, провоцировали центробежные векторы внутри Общей внешней политики безопасности и обороны ЕС (ОПБО) и снижали порог европейского политического знаменателя внутри НАТО¹.

Такой очередной внутренний раскол “европейской опоры НАТО”, спровоцированный Вашингтоном, усиливал потенциальные риски для поддержания атлантического баланса, подверженного серьезным негативным эффектам политики Трампа. Новые вызовы угрожали эскалацией кризиса евроинтеграции, потерей главных опорных точек для будущего трансатлантического соглашения, нарастанием в Европе антиамериканских настроений и размыванием европейских основ американского лидерства и глобальной роли. В таком трансатлантическом раскладе для Европы фактически не оставалось места равного партнера, как и самостоятельной партии с Москвой. Вместе с тем потенциал американского ревизионизма также был относительно ограничен. Трамп не обладал реальными возможностями “отойти” от НАТО, и та-

¹ Подробнее см.: Данилов Д. А. Трамп: перезагрузка НАТО // Мировая политика в фокусе современности : монография / Предисл. Е. П. Бажанова; Отв. ред. М. А. Неймарк; Дипломатическая академия МИД России. — М. : ИТК “Дашков и К⁰”, 2018. С. 147–173.

кой гипотетический разворот отнюдь не укрепил бы ни его собственные позиции, ни “мощь” США, которую он обещает усилить. Однако, потребовав “справедливой оплаты” американских гарантий безопасности и фактически обвинив европейцев в иждивенчестве за счет США, Д. Трамп впервые поставил под вопрос центральную аксиому Евро-Атлантики — ценность и неприкосновенность НАТО.

Саммит НАТО 2017 г.: программная повестка Трампа

Казалось бы, дилемма нахождения новых трансатлантических балансов, обострившаяся в связи с объявленным выходом альянса из Афганистана, вполне удачно решена союзниками в рамках “возвращения к истокам” — стратегического сдерживания России на основе укрепления коллективной обороны. Этот новый договор был закреплен в решениях Уэльского (2014 г.) и Варшавского (2016 г.) саммитов альянса. Но Д. Трамп не только опять внес в повестку вопрос “зачем Европа Америке”, но и поставил его перед европейцами в ультимативной форме.

Неформальная встреча глав государств и правительств НАТО 25 мая 2017 г. рассматривалась изначально как ключевое политическое мероприятие, как первый европейский визит Д. Трампа, в ходе которого предстояло определить новые условия трансатлантического соглашения и в рамках самого альянса, и в более широком контексте американо-европейских отношений. В преддверии майского саммита альянса заверений его генерального секретаря Й. Столтенберга о “приверженности НАТО” новой администрации Соединенных Штатов оказалось явно недостаточно. Европейские союзники ожидали от президента Трампа ясного и четкого подтверждения американских обязательств, в первую очередь относительно коллективной обороны и, следовательно, сдерживания России. В Европе всерьез опасались, что Д. Трамп способен заключить “двустороннюю сделку” с Москвой (по Сирии, Украине и т. д.), которая не только приведет к ослаблению НАТО, но и разрушит ценностный фундамент трансатлантической солидарности. К тому же союзники США были поставлены в ситуацию, когда их возможности обратного влияния сократились до критического предела, что ослабило позиции европейских политических элит.

Администрация Трампа ясно дала понять, что намерена обсуждать характер трансатлантических отношений только на американских условиях. Работа над ошибками, которую администрация Б. Обамы пыталась выполнить после провала Буша-мл., восстанавливая “ответственное лидерство” в отношениях с Европой, оказалась невостребованной новым президентом. Принцип *America first* (“Америка прежде всего”) из стержня политики национальной безопасности США превращался в редакции Д. Трампа в *American fist* (“Американский кулак”)¹.

Повестка саммита была предопределена позицией Вашингтона и отражала две центральные установки американской администрации в отношении НАТО. *Первая установка* — увеличение вклада Европы в коллективную оборону и военную активность НАТО. *Вторая установка* — борьба с международным терроризмом/ИГИЛ — в интерпретации Д. Трампа стала проблемной для союзников, когда он заявил, что это должно стать высшим приоритетом для альянса. Не было ясно, что стоит за этой, казалось бы, традиционно объединительной для НАТО позицией. С одной стороны, Вашингтон взял курс на выход из Афганистана, и у Европы остается не так много сфер, где она могла бы подтвердить свою солидарную полезность. Акцент Трампа на борьбе с терроризмом вполне резонно мог трактоваться как демонстрация его пренебрежения к европейскому вкладу в коллективную оборону по статье 5 и как желание перевернуть страницу “европейской поддержки” в шоковой ситуации 9.11., что до сих пор оставалось ключевым нарративом в ответ на вопрос “зачем Европа нужна Америке”. С другой стороны, после 2014 г. альянс принял ряд последовательных решений, связанных с перепрофилированием военно-политической и оперативной деятельности в направлении сдерживания России, когда другие вызовы сопровождались определением “а также” — в контексте “обороны на 360 градусов”. Д. Трамп фактически поставил европейских союзников в ситуацию крайней неопределенности, не предоставив гарантий преемственности стратегии и трансформации альянса, уже “заточенного” под российскую угрозу.

¹ Подробнее см.: Данилов Д. А. НАТО: неформальный саммит или новый формат? // Международная жизнь. 2017. № 8. С. 50–67.

Линия Вашингтона существенно обострила дилемму единства и проблемы оформления нового политического соглашения внутри НАТО. Во-первых, она ясно отражала мнение Д. Трампа о неэффективности организации, которой следует сосредоточиться на реальных приоритетах. Во-вторых — о недостаточном европейском вкладе: “полезность” Европы после выхода из Афганистана оказалась отнюдь не бесспорна для новой американской администрации. В связи с этим, в-третьих, косвенно под вопрос были поставлены главные ориентиры трансатлантической стратегии, о которых союзники договорились “до Трампа”, — прежде всего об укреплении коллективной обороны в ответ на российскую угрозу. В-четвертых, Москва, напротив, рассматривалась Д. Трампом как потенциальный или по крайней мере возможный партнер в борьбе с международным терроризмом/ИГИЛ. В-пятых, повышение профиля НАТО в борьбе с терроризмом было весьма проблематичным для европейских союзников как в политическом, так и в оперативном отношении. По существу, речь идет о замене активности стран альянса в составе антитеррористической коалиции на основе их национальных интересов на коалиционную дисциплину и участие в рамках НАТО, практический потенциал которой в этой сфере объективно ограничен.

Таким образом, июньский саммит НАТО стал для ее европейских участников подтверждением того, что Вашингтон демонстративно воспринимает их как “младших партнеров”, ведомых в трансатлантической связке; что Д. Трамп прибыл в Брюссель не слушать их, а выслушать ответ на его предложение, от которого нельзя отказаться; что европейским лидерам придется договариваться с Д. Трампом именно на этой встрече, и договоренности должны носить конкретный характер. Американская администрация в преддверии саммита внесла бюджетное предложение об увеличении на 40% ассигнования на военное присутствие США в Европе, чем, по словам Й. Столтенберга, подтвердила гарантии коллективной обороны¹. Чтобы быть более убедительным

¹ Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meeting of NATO Heads of State and/or Government in Brussels on 25 May, 25 May. 2017. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_144098.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 19.07.2022).

для Вашингтона, Й. Столтенберг подчеркнул при открытии саммита, что альянс готов ответить на американский запрос: “И сегодня мы примем обязательства делать больше в нашей общей борьбе с терроризмом”¹.

Демонстрация готовности европейских союзников США в целом двигаться в русле американской повестки, чтобы на этой платформе открыть новый этап определения взаимоприемлемых договоренностей и балансов, была воспринята Д. Трампом, напротив, как подтверждение европейской слабости и сигнал к продолжению своей европейской кампании на собственных условиях. Расчет на особую “торжественность момента” — открытие нового здания штаб-квартиры НАТО в Брюсселе и двух мемориалов (в ознаменование падения Берлинской стены и трагедии 9/11 со ссылкой на статью 5 о коллективной обороне), специально приуроченное к визиту Трампа, — не оправдался. Д. Трамп, который мог бы воспользоваться ситуацией, когда уже был обозначен благоприятный для него исход саммита, чтобы сгладить обоюдоострые углы американо-европейских разногласий, предпочел усилить эффект победы. Его короткое выступление и поведение во время церемонии создали новые линии напряжения; он продолжал поучать европейских партнеров и напоминать о долгах “американским налогоплательщикам”. Это было болезненно для европейских лидеров, особенно с учетом предварительно оговоренной и приемлемой для сторон позиции НАТО по вопросу о “справедливых взносах”, а также по ответу альянса на “антитеррористическую инициативу” Д. Трампа.

Вот только некоторые выводы, которые европейские союзники могли сделать после завершения торжественной части мероприятия:

— Д. Трамп объединил в один пакет американское понимание повестки альянса, изначально сузив возможность маневра в обсуждении каждого из вопросов (*Aut Caesar aut nihil* — “или все, или ничего”): “Если страны НАТО внесут свой полный вклад,

¹ Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meeting of NATO Heads of State and/or Government in Brussels on 25 May, 25 May. 2017. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_144098.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 19.07.2022).

тогда НАТО будет еще сильнее, чем сегодня, особенно в ответ на угрозу терроризма”¹. Но даже те страны альянса, которые вынуждены идти на соглашение “2/20”, не готовы связывать его с большими расходами на антитеррористическую активность в рамках НАТО (например, Франция).

— Д. Трамп тем самым дал понять — на фоне мемориала “9/11 — 5 статья”, — что прошлые “афганские заслуги” уже “не работают”, пора перестать делать на них акцент и озаботиться реальным и справедливым увеличением европейского взноса в альянс. Резюме Трампа: “Для меня большая честь находиться сегодня в сердце альянса, который обеспечивает свободу и безопасность Европы”² — следует читать с конца. Прежде речь, всегда шла об общей безопасности и коллективной ответственности Евро-Атлантики, теперь табу снято: НАТО, опираясь на гарантии США, защищает Европу, но не Америку.

— Д. Трамп даже ради политкорректности не сказал того, что от него ждали, — слов благодарности европейским союзникам за солидарность, и даже не упомянул статью 5 — о коллективной обороне у мемориала, символизирующего ее. Впоследствии президенту пришлось “исправляться” и более определенно высказаться в поддержку центральной функции НАТО — коллективной обороны, — но от этого ощущение неустойчивости американских гарантий только окрепло.

— Трамп демонстративно “прошел сквозь” премьеру Черногории Д. Марковича, в лице которого приветствовали 29-го равного члена атлантической семьи. (Тот затем неуклюже отреагировал: наконец-то благодаря этому малозначимому инциденту Черногорию заметили.) Стало понятно, что европейским странам альянса придется, признавая американское лидерство, считаться с тем, что Трамп настойчиво и последовательно стремится персонализировать его, замкнуть на себя.

¹ Remarks by President Trump at NATO Unveiling of the Article 5 and Berlin Wall Memorials — Brussels, Belgium. The White House. Office of the Press Secretary. 2017. May 25. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/05/25/remarks-president-trump-nato-unveiling-article-5-and-berlin-wall> (дата обращения: 19.07.2022).

² Ibid.

— Тем не менее Д. Трамп успокоил союзников и дал понять, что с должным вниманием относится к европейским приоритетам безопасности, в том числе в отношении РФ и миграционного кризиса. Он “добавил” эти позиции к “своим” спискам угроз и вызовов, хотя и не конкретизировал американскую позицию и ответственность: “НАТО будущего должна сосредоточить внимание на терроризме и иммиграции, а также на угрозах со стороны России и восточных и южных границ НАТО”¹.

Итоги саммита в Брюсселе были наиболее полно отражены в выступлениях генсека НАТО, а также в ходе визита его заместителя Роуз Готтемюллер 29 мая в Тбилиси на очередную сессию Парламентской ассамблеи альянса. Они ясно подтвердили, что на встрече внимание было сфокусировано на согласовании решений по двум “американским” проектам перестройки НАТО — участию в борьбе с терроризмом и справедливому распределению бремени в обеспечении евро-атлантической безопасности.

Главное решение по первой теме — соглашение о том, что НАТО не только увеличивает текущую активность на антитеррористическом треке, но и становится институциональным участником антитеррористической коалиции под руководством США (несмотря на то, что все государства-члены в национальном качестве входят в нее). Для европейских стран это было крайне сложным, но, как оказалось, необходимым пунктом нового договора с Вашингтоном. Политическая цена весьма высока. В Брюсселе предпочитали страховать риски и до последнего момента старались вообще не связывать ожидания от саммита с принятием каких-либо решений. Но Вашингтон добился поставленной цели, а “Старая Европа” не смогла воспротивиться американскому давлению. Альянс, в свою очередь, войдя в коалицию под руководством США и не обладая существенным потенциалом “добавленной стоимости” в Сирии, оказался в большей зависимости от атлантического лидера; роль НАТО в американской политике стала

¹ Remarks by President Trump at NATO Unveiling of the Article 5 and Berlin Wall Memorials — Brussels, Belgium. The White House. Office of the Press Secretary. 2017. May 25. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2017/05/25/remarks-president-trump-nato-unveiling-article-5-and-berlin-wall> (дата обращения: 19.07.2022).

еще более инструментальной. Теперь европейцы должны формулировать свою позицию в рамках коллективной ответственности, их потенциальная гибкость существенно снизилась, а зависимость от “непредсказуемых” или односторонних действий США и не только на сирийском направлении, напротив, возросла. Это касается и отношений европейских стран с другими ключевыми участниками антиигиловской борьбы и региональными державами (Россией, Турцией, Ираном, Израилем и т. д.), где интересы и подходы атлантических союзников не совпадают.

По свидетельству Р. Готтемюллер, “жизненно важной частью этой борьбы является быстрый и эффективный обмен развединформацией между союзниками и партнерами”. Именно для этого в новом разведуправлении НАТО было учреждено специализированное подразделение по борьбе с терроризмом. В объединенном командовании НАТО в Неаполе было запланировано создание нового “южного хаба” для мониторинга и оценки региональных угроз. Началась работа по изучению соответствующих возможностей Штаба специальных операций (ШСО) альянса, открывшим для союзников и партнеров специальную программу подготовки по борьбе с терроризмом. В связи с этим важно отметить, что в июне 2020 г. Украине был предоставлен статус “партнера с расширенными возможностями” (EOP — Enhanced Opportunities Partner), который предусматривает особые механизмы обмена развединформацией и обеспечения оперативной совместимости. Украина формально изменила статус своей антитеррористической операции (АТО) в зоне конфликта, но механизмы “расширенных возможностей” открыли новые возможности для расширения комплексного оперативного взаимодействия Киева с НАТО в условиях вероятного военного сценария конфликта на Донбассе.

Однако и политическая, и практическая значимость принятых саммитом 2017 г. решений оценивается весьма неоднозначно. Во-первых, этот “сильный политический сигнал о единстве в борьбе с терроризмом”, как его характеризует руководство НАТО, небезосновательно рассматривается как вынужденное согласие на условия Д. Трампа, особенно с учетом преодоленного сопротивления Берлина и Парижа. “Согласие” европейцев усилило тренд к размыванию их стратегического влияния и самостоятельно-

сти, причем уже при новых лидерах. Во-вторых, это соглашение укрепляет не столько альянс, сколько его инструментальную роль в политике США, деформирует трансатлантические балансы и в конечном счете ослабляет НАТО. В-третьих, очевидным контр-эффектом такого европейско-американского соглашения, под нажимом Вашингтона, неизбежно усиливало настроения противодействия диктату Трампа и в Европе, и в США. В-четвертых, в странах НАТО окрепли сомнения относительно практической эффективности альянса в борьбе с международным терроризмом и особенно с угрозами внутри Европы, включая противодействие национальных государств возрастающей террористической активности на их территории. В-пятых, по-прежнему неясно, каким образом НАТО может развивать свою роль и потенциал в борьбе с ИГИЛ, если так и не найдены политические пути и практические модальности для развития взаимодействия с Россией; напротив, отношения с ней стали устойчиво выстраиваться по конфронтационной экспоненте.

Фактически эти же критические аргументы относятся и к другому результату саммита — относительно “справедливого вклада” европейцев и их расходов на оборону. На брюссельской встрече ожидало была представлена позитивная динамика: преодоление в 2015 г. длительного периода сокращений военных расходов; их увеличение Европой и Канадой в 2016 г.; Румыния подтвердила, что выйдет на двухпроцентный уровень уже в текущем году; Латвия и Литва — в 2018 г. Но главный результат в другом — достигнута договоренность о ежегодной разработке и предоставлении национальных планов по достижению уэльских критериев “2/20”. На уэльском саммите 2014 г. уже было решено осуществлять периодический обзор выполнения финансовых ориентиров, но процедура не была отработана. Теперь, по настоянию Вашингтона, все страны-участницы должны предоставлять в НАТО своего рода финансово-плановые отчеты.

Р. Готтемюллер уточнила, что национальные планы предусматривают не только ежегодное увеличение объемов финансирования. Финансовые ресурсы должны направляться в рамках основных целей и задач военного строительства. Ежегодно обновляемые Планы должны, таким образом, включать три взаимосвязанных

компонента: деньги, оперативный потенциал и национальное участие в миссиях и операциях. На неоднократно поднимавшийся на мероприятиях с участием СМИ вопрос о том, что и как будет предприниматься в случае невыполнения национальных планов, т. е. о механизмах реализации и контроля (практического), Вашингтон дал категоричный ответ: такой вариант не рассматривается, поскольку означал бы нарушение союзниками их обязательств.

Трампа – НАТО: российский вопрос и расширение альянса

Российская тема в официальной программе саммита специально обозначена не была, но, конечно, обсуждалась. По словам Й. Столтенберга, “Россия в повестке НАТО всегда”, в том числе и в контексте трансатлантической связки и распределения бремени. На итоговой пресс-конференции он резюмировал: “Сегодня мы подтвердили наш двухсторонний подход: сильная защита в сочетании со значимым диалогом, и мы движемся по обоим этим трекам”¹.

Но главным, очевидно, было не детальное обсуждение российской повестки, а большая ясность, которой европейские союзники пытались добиться от Д. Трампа относительно его линии по России и в связи с этим подтверждения принципиальной преемственности американской политики по кризису европейской системы безопасности. Перед саммитом НАТО давление в США на Трампа по российскому вопросу крайне усилилось, и обозначенная прежде перспектива налаживания конструктивного взаимодействия с Москвой в областях общего интереса, включая Сирию/ИГИЛ, была фактически заблокирована. Особенно ясно об этом свидетельствовала ракетная атака ВВС США на аэродром Шайрат в ответ на применение 4 апреля сирийскими самолетами, по утверждению американцев, химического оружия. Это, по мнению американских аналитиков, обозначает “красную линию”, за которой Вашингтон готов применять оружие против правительства

¹ Doorstep statement by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of the meeting of NATO Heads of State and/or Government. 2017. 25 May. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_144083.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 19.07.2022).

Б. Асада, а ответственность, кроме него, возлагает на Москву и Тегеран. Тогда российская сторона проявила сдержанность, в том числе не желая раскачивать ситуацию в преддверии трансатлантических саммитов в мае. Однако встреча в НАТО в целом зафиксировала единство Д. Трампа с союзниками относительно России, что особо подчеркивалось руководством альянса в официальных выступлениях. По словам Й. Столтенберга, “единство в НАТО по нашему подходу к России в настоящее время сильнее, чем я наблюдал на протяжении многих-многих лет”¹.

“Более агрессивная Россия, рост насильственного экстремизма, рост ИГИЛ” — именно эти вызовы, как подчеркнула Р. Готтемюллер в Тбилиси, определили решения по двум центральным вопросам саммита. 2014 год, по ее мнению, стал для НАТО переломным “после вторжения России в Украину, захвата Крыма и захвата Мосула ИГИЛ”. При этом корни событий она видит в 2008 г., когда “на пороге финансового кризиса” произошло “российское вторжение в Грузию”². Такая жесткая риторика, особенно с учетом американского гражданства Р. Готтемюллер и ее связей с американским истеблишментом, говорит о том, что в целом с приходом Д. Трампа в альянсе были консолидированы жесткая линия на сдерживание РФ и общая позиция по Крыму и украинскому конфликту.

Расширение НАТО и политику открытых дверей также следует рассматривать в фокусе этой консолидированной линии. В майской встрече альянса впервые принял участие Душко Маркович, премьер-министр Черногории, прием которой в “евроатлантическую семью” состоялся несколькими днями позже (5 июня) в связи с ратификационными процедурами. Российский МИД по этому поводу отметил “антироссийскую истерию” в Черногории и право РФ на ответные меры на основе взаимности.

¹ Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meeting of NATO Heads of State and/or Government in Brussels on 25 May. 2017. 25 May. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_144098.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 19.07.2022).

² Speech by NATO Deputy Secretary General Rose Gottemoeller at the NATO Parliamentary Assembly session, 2017. 29 May. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_144090.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 19.07.2022).

Р. Готтемюллер на совместной пресс-конференции с главой грузинского МИДа Михаилом Джанелидзе на полях ПА НАТО в Тбилиси подчеркнула связь вступления в альянс Черногории и продолжения политики открытых дверей НАТО, которая особенно актуальна для Грузии, но также и для других стран-претендентов на членство. Был продемонстрирован большой партнерский вклад Грузии в миссии НАТО, силы реагирования альянса, учения и т. д.; заинтересованность НАТО в грузинском черноморском опыте и экспертизе; в развитии и укреплении сотрудничества. На вопрос, видит ли Готтемюллер альтернативу предоставлению Грузии Плана для членства (ПДЧ), она ответила: “Нет. Нет. НАТО приветствует, что Грузия является страной-претендентом, и мы приветствуем возможность работать с Грузией в отношении членства в НАТО”¹. Само проведение ПА НАТО в Тбилиси (впервые в стране-партнере с 2004 г.) видится участникам встречи масштабным и знаковым событием, где, по словам Виктора Долидзе, грузинского министра по европейской и евро-атлантической интеграции, “будет специальный посыл РФ, так же как НАТО в связи с тем, что в отношении Грузии волна расширения НАТО не должна останавливаться, и Грузия должна стать членом НАТО”².

Действительно, все поданные сигналы и сделанные акценты очень серьезны, а не ситуативны. Ведь изначально было понятно, что, планируя встречу в Грузии, особое внимание придется обратить именно на вопрос ее членства в НАТО. Это значит, что хотя вопрос о перспективе членства Грузии оставлен открытым, Москве дали понять, что в случае нарушения ею определенных красных линий (по Сирии, Украине и даже Молдове) НАТО после Черногории будет готова сделать следующий шаг и предоставить ПДЧ Грузии (которая рассматривается в политической связке с Украиной).

¹ Speech by NATO Deputy Secretary General Rose Gottemoeller at the NATO Parliamentary Assembly session, 2017. 29 May. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_144090.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 19.07.2022).

² ПА НАТО зафиксировала, что расширение альянса не остановится на Грузии — Долидзе // Грузия online. 2017. 25.05. URL: <http://www.apsny.ge/2017/mil/1495755592.php> (дата обращения: 21.06.2022).

Такое давление на Россию в совокупности с другими неблагоприятными для Москвы сигналами брюссельской встречи, негативной динамикой российско-американских отношений, жесткостью не только Берлина, но и Парижа при новом президенте Э. Макроне, а также в преддверии российских выборов 2018 г. увеличивало опасность дрейфа Европы к выстраиванию новых, управляемых отношений конфронтационного типа с РФ, дальнейшей консолидации Евро-Атлантики в рамках НАТО, а Москвы — на платформе “Крепость Россия”. Вполне предсказуемая при этом сценарии дальнейшая деградация отношений Россия — НАТО еще более осложняла бы поиск выходов из кризиса европейской системы безопасности. Но верно и обратное: перспектива налаживания конструктивного взаимодействия между Россией и США/НАТО всё ещё не была закрыта. Европейские страны и Евросоюз продолжали демонстрировать, хотя весьма осторожно, заинтересованность в постепенной нормализации и восстановлении политического диалога с Москвой.

Ключевой вопрос трансатлантического баланса — насколько США и их европейские союзники смогут договориться относительно обновленной повестки российско-западных отношений, в том числе и по линии основных евро-атлантических институтов — ЕС и НАТО, — оставался открытым. Неспособность Трампа не только реализовать свои программные намерения, но и консолидировать для этого собственную администрацию, увеличивали риски политического обновления Европы, связанные с ревизионистским пониманием Трампом трансатлантических отношений и с очевидной и усиливающейся проблемой договороспособности Вашингтона. Новое политико-дипломатическое столкновение Вашингтона с Москвой фактически подвело черту под некими ожиданиями нормализации российско-американских отношений, что, безусловно, ограничило возможности реанимации прагматичного взаимодействия в рамках Совета Россия — НАТО.

“Перезагрузка Трампа” в сфере европейской системы безопасности, таким образом, стала за короткое время действовать в обратном направлении — из катализатора (“триггера”) позитивных перемен она превратилась в фактор их сдерживания или противодействия. При этом ускоряющаяся динамика междуна-

родных отношений, очевидное обострение вызовов и рисков безопасности, с одной стороны, и дефицита многостороннего ответственного сотрудничества, с другой, уже тогда не позволяли выстраивать национальные и коалиционные политики в русле сохранения статус-кво, тактического выжидания. Расчет на “жизнь после Трампа” преобладающей части европейской политической элиты был неоправдан — активная антикризисная позиция выстраивание перспективной политической европейской стратегии были крайне необходимы именно на этом переломном для Европы этапе. Однако Европа/Евросоюз оказалась не способной признать необходимость выработки совместной проактивной стратегии в сфере европейской безопасности; любые попытки вернуться к здравому смыслу в европейских отношениях торпедировались лагерем сдерживания России на передовых рубежах, и именно этот лагерь оставался базовым для Вашингтона в маршрутизации его европейской политики.

Очередной саммит НАТО 11–12 июля 2018 г. в Брюсселе готовился и проходил в достаточно нервной обстановке разногласий и нарастающих противоречий между союзниками. Проект итоговых документов, конечно, отражал те политические формулы и оперативные планы, которые уже были в целом намечены и согласованы, включая новую формулу оперативной готовности — “Четыре тридцатки”¹. Однако “технические” решения саммита, нацеленного не на поиск стратегических решений, а, скорее, на паузу в ожидании развязок стянувшихся трансатлантических узлов, еще более отчетливо выявили стратегическую неопределенность опорной роли НАТО в рамках Атлантического альянса. На саммите не было принято никаких решений, связанных с долгосрочной стратегией трансатлантических отношений, зато “российский вопрос” по-прежнему стал стержневым для обеспечения единства альянса. В Декларации саммита тезисы об “агрессивной” и “наступательной” России звучат в первых пунктах принятого документа. Специфика трансатлантической солидарности теперь, кроме того, определяется не только по линии “Европа — Америка”,

¹ К 2020 г. запланировано создать потенциал в составе 30 механизированных батальонов, 30 боевых кораблей и 30 воздушных эскадрилий, готовых развернуться в срок до 30 дней.

но и формируется различными группами интересов внутри Альянса, что усиливает европейскую разобщенность. Но преобладающим весом стала обладать уже та группа стран, которая после украинского кризиса 2014 г. сделала ставку на коллективную оборону и всестороннее стратегическое сдерживание России¹.

Кризис атлантической солидарности и наследие Трампа

Не удивительно, что в условиях трансатлантической и европейской разобщенности следующий саммит НАТО в 2019 г. прошел совсем не в торжественно-юбилейном формате. “Самый успешный в истории” союз встретил свое семидесятилетие с серьезнейшим обострением внутренних проблем, связанных с кризисом трансатлантического единства и неспособностью отлаженных коллективных механизмов справиться с прогрессирующей внутренней разобщенностью. В преддверии саммита президент Франции Э. Макрон констатировал “смерть мозга НАТО”, что, по существу, было попыткой применения способа шоковой терапии в ответ на разрушительную для альянса политику Д. Трампа. Разрушительный эффект состоял не только в том, что “несистемный” американский президент признал НАТО устаревшей организацией и заставил европейских союзников долго искать хотя бы вербальных подтверждений американских гарантий в Европе. Трамп спровоцировал европейскую междоусобицу, когда в ответ страны альянса вынуждены были более определенно и жестко формулировать и отстаивать свои национальные интересы. В очередной раз усилился раскол по линии “старая” — “новая” Европа (внутри ЕС и НАТО), по-разному рассматривавших риски и дивиденды инвестирования в “доктрину Трампа”. Более остро обозначился “вызов Эрдогана” как в европейско-турецких отношениях, так и внутри разбалансированного атлантического альянса. Турция потребовала от альянса в полной мере обеспечить основополагающие интересы безопасности как неперемutable условие поддерж-

¹ Данилов Д. А. Саммит НАТО в июле 2018 года: “технические” решения и стратегическая неопределенность // *Международная жизнь*. 2018. Сент. С. 180–191. URL: https://interaffairs.ru/virtualread/ia_rus/92018/files/assets/downloads/publication.pdf; <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2084> (дата обращения: 12.08.2022).

ки коллективной политики сдерживания, включая обязательства укреплению восточного фланга и оперативных программ передового присутствия в Польше и странах Балтии. Анкара до предела обострила отношения с Францией, и этот конфликт перерос в открытую вражду президентов Макрона и Эрдогана. Средиземноморская политика Турции вышла из коалиционных рамок и стала вызовом и для НАТО, и для ЕС, и для развития партнерства между организациями. Проблема встала настолько остро, особенно на фоне аналогичных инцидентов между французскими и турецкими ВМС у берегов Ливии¹, что генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг приложил максимум усилий, чтобы установить прямую “горячую линию” Афины — Анкара для предотвращения вполне реальной военной эскалации между союзниками внутри НАТО².

Первоначальная реакция Европы на радикальный ревизионизм Д. Трампа была ситуативной, европейцы заняли выжидательную позицию. Никто не хотел верить в само существование “доктрины Трампа”, ее концептуальная неопределенность рассматривалась, скорее, как возможность, но не как некий стратегический вызов, требующий адекватного реагирования. Однако “Новая стратегия национальной безопасности — для новой эры”, разработанная и утвержденная администрацией Трампа в декабре 2017 г., вполне определенно определяла именно стратегические ориентиры США. В ответ на заявленный в Глобальной стратегии ЕС политический метод “прагматизма, основанного на принципах” (*principled pragmatism*) американская стратегия ориентирована на “принципиальный реализм” (*principled realism*) на основе опыта и практических национальных интересов.

Стратегия безопасности США фиксировала, таким образом, базовые установки концепта *America first*, протекционистски-односторонние установки администрации Трампа во внешней по-

¹ Данилов Д. А. 70 лет НАТО: юбилей на фоне политических разногласий // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 6. С. 73–79. URL: <http://vestnikieran.instituteofeurope.ru/images/Danilov62019.pdf> (дата обращения: 19.07.2022).

² Military de-confliction mechanism between Greece and Turkey established at NATO // NATO, 01 Oct. 2020 URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_178523.htm (дата обращения: 19.07.2022).

литике, в отношениях с союзниками и международными партнерами. “Кто не с нами — тот против нас” — именно такую формулу перестройки международных отношений предложил Д. Трамп “для новой эры”. “Реализм”, “бескомпромиссность” в отстаивании “*наших* ценностей и интересов” американская администрация “намерена отстаивать не на основе взаимодействия с другими ведущими мировыми игроками, а, скорее, посредством противодействия им, иными словами, в жесткой конкурентной среде. Согласно Стратегии, “ревизионистские державы, такие как Китай и Россия, которые используют технологии, пропаганду и принуждение в целях формирования мира, несовместимого с нашими интересами и ценностями”, определены в качестве носителей главных угроз безопасности, наряду с “региональными диктаторами” и “террористами из джихадистских организаций”¹.

По существу, Д. Трампу удалось добиться солидарности в НАТО на американских условиях. Он последовательно реализовал основные цели своей политики на основной трансатлантической площадке — НАТО, которая рассматривалась им не как “сообщество общих фундаментальных ценностей”, а как мощный ресурс продвижения глобальных американских интересов. В короткий период своего президентства, которое теперь не без оснований называют “эрой Трампа”, пусть даже в негативной коннотации, ему удалось добиться от европейских союзников поддержки практически всех инициатив, которые рассматривались Вашингтоном в контексте укрепления неоспоримого американского лидерства, и мобилизовать европейских союзников и их коллективные ресурсы на реализацию основных целеустановок обновленной американской стратегии безопасности.

В НАТО Трамп добился внесения в рамки практического планирования европейских обязательств по увеличению “честного вклада” в совместную оборону (прежде всего, по формуле увеличения военных расходов “2/20”), подключения альянса как организации к антитеррористической коалиции под руководством

¹ *Искандеров П.* “Бизнес-Стратегия” Дональда Трампа // *Международная жизнь.* 2017. 20.12. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/19014> (дата обращения: 19.07.2022).

США в Сирии, расширения оперативной деятельности и военного планирования НАТО, включая космическое пространство, официальное обозначение Китая в качестве вызова евро-атлантической безопасности, поддержки фактически всех позиций Вашингтона по ключевым аспектам в сфере контроля над вооружениями и т. д. Трампу удалось использовать НАТО как действенный инструмент, позволяющий направить развитие “европейской автономии” и “еврообороны” в атлантическое русло. Европейская политика к концу “эры Трампа” оказалась еще более зависимой от глобальной американской стратегии, которая к тому же активно выстраивалась с использованием инструментов преобладающего и существенно возросшего влияния США в Североатлантическом союзе. Однако все более явной и острой становилась и европейская заинтересованность в преодолении усилившегося дисбаланса трансатлантических отношений. Это позволило следующей администрации Джо Байдена вывести США из опасной зоны европейского антиамериканизма и, более того, раскрыть новые окна возможностей в отношениях с европейскими союзниками под флагами антитрампизма и возвращения в атлантическое сообщество (семью).

“Доверительное лидерство” Джо Байдена

Администрация Байдена, с большим трудом одержавшего победу над Трампом в ноябре 2020 г., сделала акцент на альтернативе трампизму, его концепту *America First* и на разворот США в сторону многосторонности в отношениях с атлантическими партнерами дисбалансов, возросших в период трамповского продвижения. Показательно прежде всего, что президент Байден вернулся к американской традиции, которую нарушил Трамп: свой первый зарубежный визит новый президент совершил в Европу. Официальной площадкой стал саммит “Большой семерки” 11–13 июня 2021 г., до саммита НАТО 14 июня. Это символизировало готовность к выстраиванию равноправно-заинтересованных отношений с партнерами в отличие от Д. Трампа, который в 2017 г. на саммите альянса потребовал от европейцев платить по счетам, а уже затем, ограничив потенциал сопротивляемости союзников, отправился на встречу “семерки”.

Но европейские союзники США, вырвавшись из “капканов” Д. Трампа, вновь столкнулись с дилеммами *Rex Americana*, дополненными новыми амбициями британского лидерства (*Global Britain*¹). Встреча G7 в британском Корнуолле была использована администрацией Байдена, чтобы подтвердить значимость особых отношений США и Великобритании, поставленных под вопрос Трампом. Для Вашингтона открылись возможности проводить более гибкую политику в Европе в кардинально изменившейся политической ситуации в контексте брекзита, варьировать адресатов европейской политики (ЕС/Германия/Франция/Польша/Великобритания и т. д.) в зависимости от поставленных целей. Именно тогда, без обсуждения с союзниками по НАТО и другими участниками G7, Вашингтоном и Лондоном были зафиксированы договоренности об учреждении нового оборонительного союза AUKUS (Австралия + Британия + США).

“Многосторонность” в такой англо-саксонской трактовке дает возможность усилить позиции США в отношениях с каждым из европейских партнеров, заинтересованных в продвижении своих интересов на американском направлении, а Британии — выстраивать свою глобальную стратегию и усиливать соответствующие инструменты влияния на региональных партнеров в Европе после брекзита. Конкуренция за “американский интерес” позволяет Вашингтону обновить инструменты влияния в конкурентной борьбе с ЕС, в том числе за счет относительного размывания лидерства ведущих европейских стран, обеспечить поддержку американских установок на противодействие другим “ревизионистским” центрам силы, прежде всего Китаю и России, мобилизовать европейцев на поддержку американской стратегии в азиатско-тихоокеанском регионе и при этом удерживать важные рычаги влияния на российскую политику Европы.

Вашингтон стремится закрепить свои позиции в качестве “демократического лидера” западного мира, делая акцент на консо-

¹ Global Britain in a Competitive Age: The Integrated Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy, Published 16 March 2021 // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy> (дата обращения: 10.06.2022).

лидации на платформе общих ценностей, опять-таки в противовес трампизму и в ответ на европейский запрос на мультилатерализм¹. Накануне саммита “семерки”, 10 июня 2021 г. США и Великобритания подписали совместное Заявление, первый раздел которого озаглавлен “Демократия, Права Человека и Мультилатерализм”², и приняли новую Атлантическую хартию³. В Хартии стороны “подтверждают свою приверженность совместной работе для реализации нашего видения более мирного и процветающего будущего”, “неизменную приверженность поддержанию наших непреходящих ценностей и защите их от новых и старых вызовов” и обязуются “тесно сотрудничать со всеми партнерами, которые разделяют наши демократические ценности, и противостоять усилиям тех, кто стремится подорвать наши союзы и институты”⁴.

Другими словами, для континентальной Европы это стало своеобразной кодификацией новой расстановки сил внутри атлантического альянса, когда базовые “атлантические” установки формулируются Соединенными Штатами с опорой на новый союз с Британией, и к которым они предлагают присоединиться европейским союзникам фактически путем процедуры “голосования по умолчанию”. Как альтернативу трампизму, разрушающему атлантическое единство, Джо Байден предложил “доверительное лидерство” США (*trusted leadership*). Его администрация фактически использовала прежний маневр президента Обамы, который на фоне провального ухода Дж. Буша-мл. предложил

¹ Данилов Д. А. Глобальные горизонты атлантического альянса: “вакцина” Байдена // Современная Европа. 2021. № 5. С. 19–31.

² Joint statement on the visit to the United Kingdom of the honorable Joseph R. Biden-jr., president of the United States of America at the invitation of the rt. hon. Boris Johnson m. p. the prime minister of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. 2021 // GOV.UK. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/992985/UK-US_Joint_Statement_-_June_10.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

³ Ibid.

⁴ The New Atlantic Charter, published 2021. 10 June // GOV.UK. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/992569/The_New_Atlantic_Charter_2021.pdf (дата обращения: 15.06.2022).

Европе “ответственное лидерство” Соединенных Штатов. Однако стратегия американского доминирования осталась, по сути, неизменной, и “возвращение Байдена” не изменяет ни ориентацию США на глобальное лидерство, ни ограниченность европейского потенциала политической автономии, особенно в том, что касается возможности влияния на Вашингтон.

В преддверии европейского турне Байдена в ЕС возросла разобщенность по вопросам сдерживания России. Внутриевропейский конфликт по “Северному потоку — 2”, разогретый при Трампе, увеличивал ставки в борьбе между европейскими столицами за то, на каких условиях “вернется” Байден. В отличие от Трампа, который долгое время держал европейских лидеров в напряжении относительно повестки и планов двусторонней встречи с В. Путиным (Хельсинки, 16 июля 2018 г.), теперь Вашингтон продемонстрировал партнерскую ответственность.

Саммит Байден — Путин был запланирован на 16 июня, после консультаций в рамках “семерки” и НАТО, и российская тематика обсуждалась партнерами в этом контексте. По существу, Джо Байден подтвердил, что его администрация будет действовать в рамках евро-атлантического курса на “сдерживание плюс диалог” с Россией и что Вашингтон не рассматривает какие-либо варианты сепаратных договоренностей с Москвой. И то и другое было понятно само по себе, учитывая кризисное состояние российско-американских отношений, объективно узкое окно возможностей для каких-либо двусторонних российско-американских “прорывов”, тем более подрывающих европейские позиции. Но главным для европейцев стало подтверждение Байденем атлантической солидарности и принципов многосторонности.

“Байден прибыл на встречу с клятвой подтвердить приверженность Соединенных Штатов военному альянсу, к которому его предшественник относился с пренебрежением”¹. Слоган Джо Байдена “я вернулся в Европу” был широко растиражирован, и формальные условия единства и равенства стратегических партнеров

¹ *Liptak K., Sullivan K.* Biden holds news conference after attending his first NATO summit as US President. CNN. 14.06.2021. URL: <https://edition.cnn.com/world/live-news/biden-nato-summit-updates-06-14-2021/index.html> (дата обращения 15.06.2022).

в этом “союзе ценностей” восстановлены. Именно это, а не реальные европейско-американские договоренности по исправлению системной асимметрии стратегического партнерства стало главным политико-дипломатическим итогом европейских саммитов в июне 2021 г. Большинство вопросов конкретной трансатлантической (и азиатско-тихоокеанской) повестки остались за этими общими декларативными рамками. Главный вопрос — что конкретно американская администрация подразумевает под “возвращением”, — был отложен на будущее.

При этом объединяющий интерес — чтобы маятник европейско-американских отношений не качнулся в обратную сторону, — определяется явно различающимися целями. Для европейцев важно обеспечить последовательность США в поле многосторонности. Для администрации Байдена — убедить союзников, что единственной гарантией являются невозвращение Трампа (как “кошмарного сна” для Европы и ее политических элит) и преемственность нового американского курса в новом электоральном периоде после 2024 г.

Однако теперь, в ситуации военной эскалации конфликта на Украине и усиливающейся конфронтации российско-западных отношений, Европа/ЕС сталкивается с гораздо более субстантивными проблемами стратегического планирования и обеспечения балансов в отношениях с США, чем в период атлантического ревизионизма Трампа. Байден хоть и “вернулся”, но не только не высвободил Европу из расставленных Трампом капканов на маршрутах ее продвижения к горизонту политической автономии, но даже усилил инструменты американского влияния, в том числе через НАТО, которые демократической администрации перешли в наследство из “эры трампизма”. Украинский конфликт не имеет для Вашингтона таких стратегических последствий, как для других участников европейской системы безопасности и, напротив, рассматривается как площадка для выстраивания собственной глобальной стратегии, которая нацелена не на европейское урегулирование, а, как и при Трампе, на капитализацию европейских активов в интересах США.

Европейские союзники последовательно увеличивали ставки в борьбе за американские гарантии безопасности в ответ на рос-

сийский “стратегический вызов”, но, оплатив страховку, оказались в еще большей зависимости от страховой монополии Вашингтона. Украинский конфликт и глубокий кризис европейской безопасности фактически обеспечили США доминирующие позиции в формулировке основных направлений атлантической стратегии, а Евросоюз, напротив, лишился самостоятельной роли в контексте управления острым и масштабным военным кризисом в Европе и, тем более и в этой связи, обоснованных перспектив обеспечения стратегической стабильности и автономии. “Глобальная стратегия” Евросоюза 2016 г. и принятый в 2022 г. для ее обеспечения “Стратегический компас”¹ (“когда мы стали свидетелями возвращения войны в Европу”²) создают некую виртуальную реальность, в которой за программное обеспечение (игры в атлантическую солидарность, европейскую автономию и “Союз обороны”) отвечает Вашингтон, выполняющий функции игрового модератора.

¹ A Strategic Compass for Security and Defence. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-security-and-defence-1_en (дата обращения: 12.08.2022).

² A Strategic Compass for Security and Defence. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-security-and-defence-0_en (дата обращения: 12.08.2022).

Глава 9. СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ В ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ НАТО

О. А. Тимакова

На протяжении тысячелетий Средиземноморье — этот своего рода мост между нациями — представлял для многих ведущих мировых государств предмет особого интереса. Политические и экономические процессы в регионе Средиземноморья развиваются неразрывно с глобальными мегатрендами и напрямую взаимосвязаны с состоянием миропорядка. Международная среда влияет на региональные процессы в сфере безопасности, экономики, политики и социума, но и те в свою очередь оказывают решающее воздействие на формирование международной повестки дня и поддержание существующих правил и порядков.

В рамках общего процесса трансформации мирового порядка в Средиземноморье развернулось непрекращающееся соперничество региональных и внерегиональных стран, сопряженное с опасными внутривнутриполитическими и социальными событиями в странах региона.

Уникальное геополитическое положение, стратегически важный морской путь и социокультурные особенности превратили эту территорию, за доминирование в которой разворачивались политические, экономические, этнические конфликты, в эпицентр политических баталий государств, ее населяющих. В Средиземноморье сталкиваются интересы большого количества акторов — все это делает достижение целостной региональной системы очень затруднительным. Политика мировых и региональных государств неоднократно приводила к значительной геополитической трансформации региона, а в XXI веке — к опасной дестабилизации всей системы международных отношений. Высокая конфликтогенность региона прямо провоцирует беспрецедентный рост масштабов международного терроризма, увеличение числа “несостоявшихся” государств, распространение оружия массового уничтожения, неконтролируемые миграционные потоки и многие другие риски, угрозы и опасности, чреватые катастрофическими последствиями для всего мира.

В Средиземноморье целенаправленно действует ряд международных государственных и негосударственных организаций, в том числе Организация Североатлантического договора (НАТО). Ее политика и деятельность в этом регионе преследует различные цели — официальные и открыто не декларируемые. В условиях изменения геополитических условий в Европе и усиливающейся активности НАТО действия альянса в трансграничных региональных зонах приобретают новое геополитическое измерение, существенно усложняя поиск конструктивных решений для обеспечения международной безопасности, что затрагивает национальные интересы и вопросы безопасности России.

Геополитическое значение Средиземноморья

Средиземноморье — территория больших контрастов, что дало право некоторым интеллектуалам называть его “колыбелью” или матрицей взаимозависимости современных государств. Эта матрица сложена на основе ряда факторов.

Во-первых, геополитических. Традиционно принято исходить из основополагающего труда Ф. Броделя¹, посвященного концептуализации Средиземноморья. Взяв за отправную точку XVI век, он постулировал единство средиземноморской цивилизации, важной особенностью которой являются ее гомогенность, с точки зрения Броделя, и значимость этой цивилизации для истории всего человечества. Противоположный тезис основан на предположении об окончательном разобщении и конфликтной природе Средиземноморского региона. Средиземное море в таком случае превращается в границу или разделительную линию между цивилизациями.

Устанавливается, что Южный берег представляет экзистенциальную угрозу для Севера, как например в знаменитой работе С. Хантингтона². В “Столкновении цивилизаций” происходит возврат к роли культурного императива в мировой политике и кон-

¹ Бродель Ф. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. Ч. 1: Роль среды / Пер. с фр. М. А. Юсима. М.: Языки славянской культуры, 2002.

² Huntington S. P. The clash of civilizations? // Foreign Affairs. 1993. No. 72 (3).

статифицируется безальтернативность конфликта между Западом и мусульманским миром.

Противоположная ей теория предполагает, что именно Северный берег подрывает развитие Юга — в данном случае значимы постколониальные интерпретации, в том числе как ответ на теорию Хантингтона. Исследователи постколониальной парадигмы идентифицировали Средиземноморский регион на центральную точку соприкосновения между доминирующим Глобальным Севером и противостоящим ему Глобальным Югом.

В то время как первая теория фокусируется на материализации культурных ценностей и норм, вторая теория считает основным фактором экономическую эксплуатацию и несправедливую конкуренцию.

С точки зрения постколониализма существует фундаментальный конфликт между Севером и Югом Средиземноморья — он происходит от неспособности европейских акторов к рефлексии и исправлению ошибок их колониального прошлого¹. Возвращаясь к идеям Э. Саида о том, что воображаемая география способна превратить расстояние в различия, пост-колониалисты утверждают, что это уже произошло в Средиземноморье: разделение на “мы — они” становится нормативным основанием для несправедливых практик. И несмотря на то что Средиземноморье представляет собой систему с множеством структурных связей, регион останется дестабилизированным из-за неразрешенных глубинных противоречий². Более того, все программы сотрудничества, инициированные Европой в регионе, являются или попыткой обозначить и закрепить разграничительную линию³, или “замаскировать неоколониальные концепции под транснациональные идеи”⁴.

На протяжении веков европейские державы пытались, с разной долей успеха, захватить Южный берег Средиземного моря.

¹ *Bicchi F.* The Mediterranean, between unity and fault line // *Global Affairs*. 2018. No. 4 (2-3). P. 329–339.

² *Chambers I.* Mediterranean crossings: The politics of an interrupted modernity. Durham, NC: Duke University Press, 2008.

³ *Pace M.* The politics of regional identity: Meddling with the Mediterranean. London ; New York : Routledge, 2006.

⁴ *De Cesari C.* Museums of Europe: Tangles of memory, borders, and race // *Museum Anthropology*. 2017. No. 40 (1). P. 18–35.

Степень контроля субрегиона видна, например, в том, что с 1830 по 1962 г. Восточное Средиземноморье даже считалось внутренним французским морем.

США прочно связаны с политикой в Средиземноморье. Уже в XVIII веке американский флот оказывал поддержку странам Европы в ответ на вызовы, с которыми та не могла справиться в одиночку. Сегодня шестой флот ВМС США продолжает оставаться значимым подспорьем военного потенциала европейских стран. Никогда не создавая как таковую американскую “Средиземноморскую политику”, США постоянно преследовали в регионе свои интересы — по большей части военные. Главный из них — не допустить в Средиземноморье установления гегемонии одного государства, что дало бы тому контроль над путями в Черное море, в Персидский залив и, конечно, в Атлантический океан. Например, З. Бжезинский¹ рассматривал экспансию на Южном берегу Средиземного моря третьим по важности регионом для поддержания глобального господства США.

Во время холодной войны Средиземноморье стало пространством противоборства двух полюсов силы — СССР и США, отразившегося в главном региональном конфликте тех лет — Арабо-израильском² — и в многочисленных пограничных конфликтах между Алжиром и Марокко, Египтом и Ливией и т. д.

Стратегическая значимость всего региона Средиземноморья для стран Североатлантического союза не может быть переоценена. Необходимо понимать, что Средиземное море является жизненно важным морским путем коммуникаций между Атлантикой и Индийским океаном³. В связи с декларацией стратегии Китая “Один пояс и один путь” эта его значимость лишь упорчилась⁴.

¹ Бжезинский З. Великая шахматная доска: Пер. с англ. М.: Междунар. отношения, 1999. С. 87.

² См.: Кукарцева М. А. Хронополитика и мировая политика // XXI век: перекрестки мировой политики / Отв. ред. М. А. Неймарк. М.: “Канон+” : РООИ “Реабилитация”, 2014. С. 180–188.

³ См., напр.: Admiral Ferdinando Sanfelice di Montefiore. Mediterranean Insecurity. URL: www.euroatlantic.org (дата обращения: 16.07.2022).

⁴ Putten van der F.-P., Meijnders M. China, Europe and the Maritime Silk Road // Clingendael Report. Netherlands Institute of International Relations, March, 2015.

Вторым фактором, сформировавшим матрицу взаимозависимости современных государств в регионе Ближнего Востока, стала сложившаяся там *военно-политическая ситуация*, переживающая значительные изменения в последние годы.

С военно-политической точки зрения Средиземноморское пространство может быть разделено на два сектора — Север и Юг. На Севере расположены относительно политически стабильные государства, объединенные общими (европейской и трансатлантической) идеями либеральной демократии. На Юге — в силу разных причин нестабильные арабские и ближневосточные государства, с преимущественно мусульманским населением¹.

Последние сегодня стали эпицентром международной напряженности, переживая сложнейшие социально-экономические последствия глобализации, что привело к гражданским войнам и революциям, подрывающим международную безопасность и стабильность.

Отчеты ООН демонстрируют, насколько бедными являются арабские страны Южного Средиземноморья². В экономической сфере этим странам не удалось полностью интегрироваться в глобальные экономические структуры. Результаты реформ, нацеленных на независимость от международной финансовой помощи, на предоставление молодежи перспектив для заработка и реальные возможности работы, оказались не столь значительны.

Вдобавок, когда дело касается социальных, общественных или политических возможностей, большинство арабских стран также находятся в конце рейтингов по сравнению со странами со схожим этапом развития³.

¹ За исключением некоторых стран Балканского полуострова и Турции, которые мы будем относить к Северу, несмотря на преобладание в них мусульманского населения.

² See: United Nations Development Program, 2009 // Summary Human Development Report 2009. URL: http://hdr.undp.org/en/media/HDR_2009_EN_Summary.pdf (accessed: 10.07.2022).

³ See: *Loewe M.* Die Diskrepanz zwischen wirtschaftlicher und menschlicher Entwicklung in der arabischen Welt // *Politik und Zeitgeschichte*. 2010. No. 24. P. 10.

Согласно ежегодному рейтингу организации “Фридом Хаус”, оценивающему по семибальной шкале политические и гражданские свободы, показатели Ближнего Востока в целом за 30 лет не изменились: 10,5 в 1980 г. и 10,6 — в 2010, что делает этот регион самым авторитарным в мире¹. После “арабской весны” рейтинг некоторых стран региона еще больше упал и продолжается оставаться низким².

Что касается сферы безопасности, то, опираясь на данные Института Гейдельберга по изучению международных конфликтов, публикуемые в ежегодном “Барометре конфликтов”³, в регионе существуют три острых субнациональных конфликта — Арабо-израильский конфликт, напряженность между правительством Турции и курдскими сепаратистами и международная борьба с террористическим квазигосударством “Исламское государство”. Всё это делает Ближний Восток чрезвычайно нестабильной территорией.

Войну с терроризмом в Северной Африке и на Ближнем Востоке Запад ведет на протяжении почти двух десятилетий, и итог ее на данный момент — более полумиллиона убитых и раненых, более 10 млн беженцев и вынужденных переселенцев, продолжение распространения экстремистских исламистских движений в арабских странах, в особенности в Сирии, Йемене, Ираке и Нигерии. В такой ситуации, по мнению экспертов, “перспектив умиротворения враждующих и гармонизации ситуации не просматривается, а также существует реальная опасность расползания этой гигантской конфликтной зоны на всё новые пространства”⁴.

¹ See: Freedom in the World Comparative and Historical Data // Freedom House, 2016. URL: <https://freedomhouse.org/sites/default/files/Country%20Status%20%26%20Ratings%20Overview%2C%201973-2016.pdf> (accessed: 27.08.2022).

² See: Freedom in the world 2022. The Global Expansion of Authoritarian Rule, Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/report/freedom-world/2022/global-expansion-authoritarian-rule> (дата обращения: 15.06.2022).

³ See: Conflict Barometer 2015 // Heidelberg Institute for International Conflict Research. URL: <http://www.hiik.de/en/konfliktbarometer> (accessed: 08.08.2022).

⁴ *Бажанов Е. П.* Россия между Западом и Востоком // Современный мир и геополитика / Под ред. М. А. Неймарка. М.: “Канон+” : РООИ “Реабилитация”, 2015. С. 22.

Средиземноморский регион объединен исторически сложившимися внутренними, социокультурными и политическими связями, адаптированными к постоянным изменениям системы, и именно это придает ему стратегическое, витальное значение для мировой политики и международных отношений. В этом регионе собраны воедино разные модели управления — от системы суверенных государств и соприкосновения цивилизаций до организованной анархии и космополитизма. Насильственное вмешательство в эту систему регионального баланса политического управления, попытки изменения состава ее элементов и их взаимосвязей resultируются в разрушении достигнутой степени внутренней и внешней адаптивности системы. Однако Средиземноморский регион обладает такой высокой мерой политической аттрактивности, что ведущие глобальные акторы не могут позволить себе оказаться в стороне от попыток вмешательства в дела региона и его дефрагментации в своих целях. Значимость этих акторов осознают региональные державы и используют в своей политике балансирования.

Адаптация к новым условиям

После окончания холодной войны Североатлантический альянс начал проводить новую политику за пределами своей зоны ответственности. Процесс трансформации НАТО начался еще до распада Советского Союза и до сих пор не завершен — идет превращение военно-политического альянса коллективной обороны в новую организацию, которая занимается множеством проблем международной безопасности, уделяя ключевое внимание ее политическому аспекту.

Сама трансформация была бы невозможна без изменения основополагающих принципов альянса. Именно в 1991 г. на саммите в Риме страны — члены блока одобрили первую, опубликованную для широкого доступа Стратегическую концепцию¹. Впервые НАТО стали рассматривать вопросы безопасности в контексте плюрализма угроз и вызовов современного мира². Радикаль-

¹ Стратегическая концепция НАТО 1991 г. URL: <http://www.nato.int/docu/basics.htm> (дата обращения: 05.08.2022).

² Там же. Параграфы 5, 8, 9.

ным изменением стало появление целого ряда новых вызовов, с которыми сталкивается НАТО, — начиная от нераспространения ОМУ до террористических атак. Тогда же появляется особый акцент на политическом сотрудничестве и диалоге как важных средствах для предупреждения войны, продвижения эффективной защиты и в целом достижения целей военной политики.

Появилось и упоминание значимости для альянса региона Средиземноморья. Именно исчезновение главной заботы и одновременно “смысла существования” НАТО, приведшее к своего рода кризису идентичности, позволило ей обратить внимание на арабский мир. Стратегическая концепция подчеркивала важность стабильности и мира в странах южной границы Европы для безопасности альянса. Война в Персидском заливе в 1991 г. подтвердила истинность этих заявлений.

Опыт первой войны в Заливе 1990–1991 гг. омрачил представления альянса о регионе. Фактически приоритет для обеспечения безопасности альянса, который сейчас имеет Ближний Восток, берет свое начало именно в те годы — НАТО определила, что все глобальные угрозы ее интересам исходили и до сих пор исходят из турбулентного региона Ближнего Востока¹. В то время угрозы фундаментализма и терроризма не были в фокусе внимания организации. Лишь позже проблемы Ближнего Востока станут синонимом терроризма.

Широкое понимание безопасности, зафиксированное в документе², заставило страны — члены альянса подтвердить необходимость сохранять гибкость в ответе организации на любые изменения военно-политической ситуации. Концептуальный документ 1991 г. закрепил рабочую стратегию, строящуюся на трех столпах — диалоге, сотрудничестве и поддержании потенциала коллективной обороны. Именно использование этих элементов, по замыслу организации, поможет справиться с появляющимися вызовами и рисками и предотвратить их³. Среди прочего в доку-

¹ Стратегическая концепция НАТО 1991 г. URL: <http://www.nato.int/docu/basics.htm> (дата обращения: 05.08.2022). Пар. 12.

² См. там же. Пар. iv.

³ См.: Римская декларация 1990 г. Пар. 4. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_23846.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 05.08.2022).

менте было подчеркнуто признание необходимости отвечать на вызовы, идущие из глобального Юга, включая последствия первой войны в Заливе. Все эти положения были развиты и в последующих документах альянса, принятых на протяжении 1990-х гг.¹

К концу второго тысячелетия — в 1999 г., в год 50-летия НАТО — альянс принял новую Стратегическую концепцию, которая стала поворотным пунктом в истории блока и способствовала его дальнейшей трансформации. Эта концепция акцентировала принцип сотрудничества вместо принципа конфронтации и идеологических конфликтов.

Базовые положения Стратегической концепции 1999 г. можно суммировать следующим образом.

Во-первых, хотя угроза войны в Европе или против альянса исчезла, появились новые угрозы интересам альянса. Они включают: этнические конфликты, нарушения прав человека, политическую нестабильность, экономическую слабость, которая может привести к нестабильности в обществе, распространение ОМУ и средств доставки, угрозы терроризма². В связи с тем, что источники этих угроз различны по характеру и содержанию, альянс для ответа на них вынужден расширить масштаб, юрисдикцию своей деятельности и зону ответственности, превратившись из организации по коллективной обороне стран Евро-Атлантического региона в организацию глобальной безопасности, готовую сдерживать врагов и справляться с разнообразными рисками. При этом союзники не стали устанавливать единую процедуру ответа на эти угрозы с помощью, например, привязки их к положениям статьи 5 Вашингтонского договора, но ограничились политикой рассмотрения каждого из рисков отдельно в каждом конкретном случае³.

Во-вторых, альянсу необходимо поддерживать военные возможности ответа на угрозы, что подразумевает весь спектр возможностей — от коллективной обороны до кризисного реагирования⁴. Стратеги альянса признали, что будущие операции блок

¹ См. декларации саммитов в Брюсселе в 1994 г. и Париже в 1997 г.

² См.: Римская декларация 1990 г. Пар. 3.

³ См.: *Штоль В. В.* Новая парадигма НАТО в эпоху глобализации. М.: Научная книга, 2003. С. 173.

⁴ См.: Римская декларация 1990 г. Пар. 10, 19.

будет проводить не на территории стран-членов, а это потребует участия в этих операциях партнеров альянса наравне с его странами-членами, для чего необходимы координация и достижение оперативной совместимости. Поэтому НАТО запустила Инициативу оборонного потенциала — она позволила бы подготовить силы альянса к сдерживанию враждебных действий в XXI веке, в частности с помощью усиления мобильности, устойчивости, гибкости и единых систем коммуникации и наблюдения.

Такие изменения в политике стали доказательством того, что альянс намерен защищать интересы стран-членов, где бы и когда бы это ни было необходимо. Этот поворот доктрины НАТО превратил ее из “оборонного” блока в “оборонный и наступательный”.

В-третьих, в документе была подчеркнута значимость предполагаемой роли НАТО в предупреждении конфликтов и кризисном регулировании, что подчеркивало именно политическую роль альянса¹. Такой акцент на том, что НАТО является “политико-оборонной” организацией, должен был задрапировать военную природу и структуру НАТО².

В-четвертых, основные инструменты для налаживания сотрудничества с партнерами — механизмы партнерства: “Партнерство ради мира”, Совет Евroatлантического партнерства, особые отношения с Россией и Украиной и “Средиземноморский диалог”³. Значимость Ближнего Востока в то время была ограничена лишь странами Южного Средиземноморья и станет приоритетом номер один для альянса лишь после терактов 11 сентября 2001 г.

Можно полагать, что Стратегическая концепция 1999 г. являлась классическим компромиссным документом, который должен был скрыть и сгладить различия в подходах и политиках союзников и который потом можно было бы интерпретировать согласно наличной политической целесообразности. В документе подчеркнуто стремление усилить роль альянса в мире и необходимость действовать в рамках международного права. Баланс,

¹ См.: Римская декларация 1990 г. Пар. 10, 12, 16, 29, 31, 34, 41.

² См.: *Котляр В. С.* Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО. М.: Научная книга, 2007.

³ См.: Стратегическая концепция НАТО 1999 г. Пар. 12.

который был достигнут, можно описать как “конструктивная двусмысленность”. Однако нововведения усиливали потенциальные возможности НАТО вмешиваться во все события, где бы и когда бы то ни было необходимо.

Обе концепции, 1991 и 1999 г., стали основой и проложили дорогу для процесса кардинальной трансформации альянса. Эти усилия были интенсифицированы после событий 11 сентября 2001 г. НАТО получила возможность доказать свою значимость и незаменимость в обеспечении безопасности Евро-Атлантического региона. Аналитик Атлантического совета М. Накис указывает, что именно атаки 11 сентября положили начало истории “новой НАТО” и эта история может затянуться на срок, схожий по длине с холодной войной¹.

На саммитах после 11 сентября — в Праге в 2002 г., в Стамбуле в 2004 и в Риге в 2006 г. — союзники обнаружили стремление ускорить процесс трансформации альянса и усилить его способности справляться с новыми вызовами и угрозами в изменяющемся мире, и в первую очередь бороться с терроризмом.

В декларации по итогам саммита в Праге в 2002 г. — первого очередного саммита альянса после атак на США — борьба с терроризмом попала в число главных приоритетов НАТО. Для многих это звучало как оправдание дальнейшего функционирования блока — учитывая внешние угрозы безопасности евроатлантического сообщества, альянс становился “союзом по необходимости”². В параграфе 4 Пражской декларации указывалось, что “терроризм представляет собой растущую угрозу населению стран — членов альянса, их силам и территории, а также международной безопасности в целом; [альянс] намерен бороться с этим бедствием так долго, как необходимо”³.

¹ See: *Nakis M. The United States and NATO: How to Go Together // Cehulic L. (ed.) NATO and the New International Relations. Zagreb: Atlantic Council of Croatia and Political Culture, 2004. P. 76.*

² *Cornish P. Partnership in Crisis: The US, Europe and the Fall and Rise of NATO London: Royal Institute of International Affairs, 1997. P. 117.*

³ Декларация по итогам саммита в Праге 2002 г. Пар. 4. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_19552.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 13.12.2016).

Союзники решили, что их ответ терроризму должен быть многогранным и целостным. Именно тогда и были созданы Силы реагирования НАТО (СРН)¹ — технологически улучшенные, гибкие, устойчивые и операционно совместимые силы, включающие наземные, морские и воздушные элементы, готовые быстро вернуться там, где прикажет Совет.

Стамбульский саммит 2004 г. стал первым очередным саммитом после начала Иракской операции. Он подчеркнул приверженность союзников сдерживать вызовы и угрозы наилучшими, на их взгляд, средствами. Саммит стал чрезвычайно важным в процессе эволюции альянса и трансформации механизмов его деятельности. На саммите было уделено особое внимание терроризму, в частности в связи с взрывами в Мадриде и Стамбуле за несколько месяцев до этого. Именно эти атаки снова сплотили союзников, помогли им преодолеть противоречия, возникшие после начала Иракской войны 2003 г.

В итоге на саммите в Стамбуле союзники решили расширить зону своих интересов, а также объем операций альянса, инициировать новый этап трансформации альянса и укрепить существующие отношения с значимыми странами в регионе Ближнего Востока. В частности, было указано, что союзники “готовы продолжить борьбу с терроризмом во всех его формах, в соответствии с международным правом и принципами ООН”². Между тем в том же параграфе звучит весьма двусмысленная фраза: “Защита от терроризма может включать действия вооруженных сил НАТО на основе решений Североатлантического совета, чтобы сдерживать, сорвать и защититься от террористических атак или угроз атак, нацеленных из-за границы, против населения, территории, инфраструктуры и сил любой страны — члена альянса”³. Такая формулировка полностью аннулировала предыдущую отсылку к международному праву и принципам ООН, так как постулировала, что оборонные решения будут приняты Североатлантиче-

¹ Декларация по итогам саммита в Праге 2002 г. Пар. 4. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_19552.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 13.12.2016). Пар. 4 (а).

² Коммюнике по итогам саммита в Стамбуле 2004 г. Пар. 13.

³ Там же.

ским советом, а не санкционированы Советом Безопасности. Кроме того, необходимо понимать, что “оборона” иногда требует, как это указано в Стратегии национальной безопасности США 2002 г.¹, предвосхищения и превентивного удара по источнику угроз. Таким образом, НАТО оставила себе право игнорировать нормы международного права в условиях неизбежной угрозы.

В этой же декларации впервые появляется четкая связь и корреляция между угрозой терроризма и регионом Ближнего Востока: “Операция НАТО “Эктив Индевор” демонстрирует решимость и способность альянса бороться с терроризмом”², учитывая, что в 2004 г. операция была распространена на всю территорию Средиземного моря. Одновременно было подчеркнуто, что наступил новый этап сотрудничества НАТО и стран Ближнего Востока — партнерство расширяется на весь Большой Ближний Восток через Стамбульскую инициативу сотрудничества.

К 2006 г. СРН достигли полного операционного потенциала³. Использование этих сил, которое, в сущности, не может быть отделено от готовности альянса бороться с терроризмом или любым государством, спонсирующим или дающим убежище террористам, не будет связано — или намеренно будет избегать связи — с соображениями международной законности или международного права. Они будут использованы так, “как решит Совет”⁴. Операции этих сил не ограничены зоной ответственности НАТО, и они могут быть использованы в любой точке земного шара, что является в связи с этим важным событием. Создание этих сил также подтверждает необходимость превосходства потенциала НАТО над любыми другими военными силами в мире.

На саммите 2006 г. в Риге было объявлено, что “СРН служит катализатором для трансформации и совместимости и позволит повысить качество вооруженных сил не только в НАТО, но и в ЕС,

¹ См., напр.: The 2002 National security strategy of the United States of America. URL: <http://www.whitehouse.gov/nsc/nss.html> (дата обращения: 17.12.2016).

² Коммюнике по итогам саммита в Стамбуле 2004 г. Пар. 10.

³ See: NATO Response Force. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm?selectedLocale=en (accessed: 10.12.2016).

⁴ Декларация по итогам саммита в Праге 2002 г. Пар. 4 (а).

ООН и на национальном уровне”¹. Это стало попыткой интернационализировать цели и задачи СРН. В качестве ответа на растущие угрозы с Ближнего Востока в декларации Рижского саммита союзники решили “изучить возможности ответа на растущую угрозу ОМУ для территории альянса, его сил и населения с помощью необходимого сочетания политических и оборонных усилий, а также сдерживания”².

Окончательное оформление идея геополитического расширения деятельности альянса, который будет действовать глобально, получила на саммите НАТО в Лиссабоне в 2010 г. Она была закреплена в очередной Стратегической концепции НАТО — “Активное участие, современная оборона”. В данной концепции были сформулированы три важнейшие задачи НАТО — коллективная оборона, кризисное регулирование и безопасность на основе сотрудничества. Определение среды безопасности указывает на трансграничное видение мировых проблем безопасности³. Таким образом, Концепция 2010 г. завершала эволюцию альянса от регионального оборонительного блока к международной организации, сфокусированной на решении глобальных проблем: “НАТО обеспечит оборону своих стран-членов, развернет мощные военные силы, когда и где это окажется необходимым для обеспечения безопасности”⁴.

Обновленная стратегия и политика альянса имела значительное влияние на Средиземноморский регион. Борьба с терроризмом получает еще больший приоритет в современной повестке дня альянса — данный вызов международной безопасности переходит в раздел “прямых угроз”.

¹ Декларация по итогам саммита в Риге 2006 г. Пар. 23. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_37920.htm?selectedLocale=en (accessed: 13.08.2022).

² Декларация по итогам саммита в Праге 2002 г. Пар. 4 (g).

³ См.: Стратегическая концепция 2010 г. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.08.2022).

⁴ См.: Стратегическая концепция 2010 г. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_68580.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 15.08.2022).

Частью общей глобализации деятельности НАТО стала глобализация подхода к партнерствам. Блок провозгласил развитие нового функционального принципа партнерских отношений, который подразумевает выстраивание сотрудничества со странами в зависимости от их роли в практических операциях альянса. На смену географическому принципу, делившему партнеров по регионам, пришел функциональный — он подчеркнул намерение альянса “развивать существующие форматы партнерства с учетом их специфики”¹.

Саммит альянса в Чикаго в 2012 г. вновь подчеркнул особое внимание НАТО к региону — теперь в связи с разгорающимися революциями по всему Ближнему Востоку и в особенности из-за крупномасштабной военной операции альянса в Ливии. Ливийская кампания, при всей ее критике мировой общественностью, должна была стать примером будущих военных операций НАТО, и, в частности, благодаря тому вкладу, который внесли партнеры.

На последовавшем за ним саммите НАТО в Ньюпорте в 2014 г., хотя повестка дня и была сфокусирована преимущественно на конфронтации с Россией², растущая нестабильность Ближнего Востока вновь оказалась в центре внимания альянса. Связано это было с продолжающейся гражданской войной в Сирии, активизацией джихадистских группировок по всему региону, в особенности угроза, которую представляет самопровозглашенное террористическое государство “Исламское государство в Ираке и Леванте” (ИГ, ИГИЛ), дезинтеграция Ливии, гражданская война в Йемене. Между тем в итоговых документах саммита в Ньюпорте НАТО лишь подтвердила свою приверженность партнерам в регионе и высказала готовность оказать всем сторонам политическую и консультативную поддержку³.

¹ Active Engagement in Cooperative Security: A More Efficient and Flexible Partnership Policy, April 15, 2011. URL: www.nato.int/nato_static/assets/pdf/ (дата обращения: 24.08.2022).

²См.: Декларация по итогам саммита в Уэльсе 2014 г. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?mode=pressrelease (дата обращения: 15.08.2022).

³См.: Декларация по итогам саммита в Уэльсе 2014 г. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm?mode=pressrelease (дата обращения: 15.08.2022). Пар. 34.

Волна беженцев, пересекающих Средиземное море в поисках убежища в Европе, хотя вызвала гуманитарный кризис, представляющий риски безопасности и стабильности Европы, не стала непосредственной заботой НАТО. Лишь через год решением саммита министров обороны альянса силы Военно-морского командования НАТО были направлены на помощь беженцам, что является для НАТО совершенно нехарактерной операцией¹. С момента окончания холодной войны данные силы, обладающие всем комплексом средств разведки, наблюдения и рекогносцировки, были использованы для охраны, эскорта, сдерживания и патрулирования, но никак не гуманитарных операций. Всё это позволяет предположить, что на данный момент их реальная цель — сдерживание России, которая в тот период стала активно участвовать в разрешении конфликта в Сирии и Восточном Средиземноморье.

Южный аспект стратегии НАТО стал одним из ключевых на повестке дня саммита в Варшаве в 2016 г. Средиземноморская безопасность стала насущной проблемой в свете рисков, исходящих из Северной Африки и Леванта². Терроризм, самопровозглашенные террористические организации “Исламское государство” (ИГИЛ) и “Аль-Каида”, чьи базы расположились в Ираке, Сирии, Ливии и Сахеле, являются сегодня актуальными угрозами. Непрерывающийся поток беженцев и мигрантов через Средиземное море породил большое количество гуманитарных рисков³. Продолжающаяся гражданская война в Сирии и война международной коалиции против ИГИЛ ставят вопрос о применении положений статьи 5 Вашингтонского договора, ведь появляется непо-

¹ See: NATO Defence Ministers Agree on NATO support to assist with the Refugee and Migrant Crisis // NATO. 2016. Feb. 11. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_127981.htm?selectedLocale=en (accessed: 14.08.2022).

² See: *Lesser I.* NATO looks South // GMF. 16.02.2016. URL: <http://www.gmfus.org/blog/2016/02/16/natos-aegean-deployment-shape-things-come> (accessed: 04.06.2022).

³ See: NATO Defence Ministers Agree on NATO support to assist with the Refugee and Migrant Crisis // NATO. 2016. Feb. 11. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/news_127981.htm?selectedLocale=en (accessed: 14.08.2022).

средственная угроза территории Турции, страны — члена НАТО. И хотя существует прямая угроза территории и населению альянса, борьба с международным терроризмом ведется в рамках международной коалиции, возглавляемой США. Сам альянс присоединился к коалиции лишь в мае 2017 г. Одно из наиболее важных решений саммита в Варшаве — предоставление самолетов класса AWACS иракскому правительству для лучшего наблюдения за территорией Ирака и Сирии и усиления борьбы с международным терроризмом¹. Опять же, такой шаг может быть связан не только со стремлением справиться с источником международной напряженности, но и с желанием сдерживать влияние России в регионе, которая продолжает тесное военное сотрудничество с правительствами Сирии и Ирана для борьбы с ИГИЛ.

В развитии дальнейшей стратегии НАТО особо значимое место занимает позиция президента США Дональда Трампа. На протяжении 2016 г. во время своей предвыборной кампании Д. Трамп не скрывал скептицизма относительно союзников США — в особенности европейских стран — членов НАТО. Тревога Д. Трампа о том, что альянс устарел, основывается на уверенности, что НАТО недостаточно вовлечена в борьбу с терроризмом. В связи с этим министры иностранных дел стран НАТО быстро отреагировали на критику Америки и в конце марта 2017 г. провели совещание, повесткой дня которого были вопросы о более справедливом распределении бремени расходов, об ответах на вызовы терроризма и о выработке единого подхода к России. НАТО также адаптируется и к самому Д. Трампу, объявляя терроризм самой главной угрозой альянсу и активизируя борьбу с террористической группировкой “Исламское государство” и другими экстремистскими группировками, открыв новый координационный центр в Неаполе.

Результаты президентского срока Д. Трампа оставили неоднозначное впечатление как в американском обществе, так и среди европейских стран-союзниц. Как Д. Трамп позволял себе не считаться с интересами трансатлантической солидарности, открыто критиковать союзников и даже вводил против них санкции, так и политические деятели, аналитики и представители СМИ стран Европы не стеснялись в выражениях относительно личных качеств

¹ См.: Коммюнике по итогам саммита в Варшаве 2016 г. Пар. 96.

бывшего президента ведущей сверхдержавы мира — невиданный до настоящего момента прецедент. Д. Трампа называли самовлюбленным, необразованным, смехотворным и т. д.¹

Американские эксперты видят в Дж. Байдене символическое возвращение традиционной внешней политики Америки и ее глобального лидерства². Однако в новых отношениях между Европой и США при Дж. Байдене вопрос расходов на оборонную сферу не ушел на второй план. В условиях пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг. и необходимости восстанавливать экономику после коронавирусного кризиса многие европейские союзники не повысили расходы на оборонную сферу³.

Трансформация НАТО после окончания холодной войны была значительной и фундаментальной. Результатами этого были максимизация сил НАТО, расширение ее состава и глобализация ее роли. Альянс более нельзя рассматривать как географически ограниченный оборонительный блок — его цели включают теперь как оборонительные, так и наступательные задачи.

Необходимо подчеркнуть, что НАТО декларирует военную трансформацию как долгосрочную задачу для достижения альянсом потенциала для борьбы с угрозами, которые представляют терроризм, “несостоявшиеся государства” и распространение ОМУ⁴. Эти три угрозы становятся новым “смыслом существования” альянса в XXI веке после почти десятилетия попыток его нахождения, а источником всех их становится именно Ближний Восток.

¹ Biden to the Rescue? Project Syndicate. 21.01.2021. URL: https://www.project-syndicate.org/bigpicture/biden-to-therescue?utm_source=Project%20Syndicate%20Newsletter&utm_campaign=4b6f3d1111-covid_newsletter_01_21_2021&utm_medium=email&utm_term=0_73bad5b7d8-4b6f3d1111-93856777&mc_cid=4b6f3d1111&mc_eid=5314e34c2b (дата обращения: 14.06.2022).

² *Ikenberry J.* The Next Liberal Order // *Foreign Affairs*. 2020. Vol. 99. No. 4. P. 133–142.

³ *Warrel H.* Most NATO countries set to miss military spending target // *Financial Times*. 21.10.2020. URL: <https://www.ft.com/content/9bf3fe51-f6c2-4c74-86b0-db2918e33745> (дата обращения: 15.06.2022).

⁴ See: Examining NATO’s military transformation. URL: <https://www.nato.int/DOCU/update/2002/10-october/e1016a.htm> (accessed: 25.07.2022).

От концепции к политике

На протяжении более 20 лет НАТО проводит свою политику на Ближнем Востоке в рамках программ партнерства “Средиземноморский диалог” (СД) и “Стамбульская инициатива сотрудничества” (СИС).

Успехи реализации программ за такой долгий период действия оказались очень скромными. Создается впечатление — это не более чем политическая и дипломатическая витрина и самим странам — членам НАТО недостает серьезного интереса в развитии настоящего многостороннего сотрудничества с партнерами в регионе. СД сфокусирована на формировании рамок кооперации, необходимых для укрепления уверенности, прозрачности и сотрудничества.

“Средиземноморский диалог” официально был запущен в самом начале 1995 г. Основными целями диалога были декларированы: укрепление региональной безопасности и стабильности, улучшение взаимопонимания сторон, изменение неправильного представления о НАТО среди стран региона.

Однако Генеральный секретарь НАТО Вилли Клас тогда впервые заявил, что исламский фундаментализм заменил советский коммунизм как главную угрозу Западу и их интересам¹. Другие официальные лица НАТО также делали подобные замечания, хотя и не столь публичные и громкие². Всё это выглядело как поиск НАТО нового, искусственного врага на Юге. Происходило это потому, что многие эксперты и политики считали, что после окончания холодной войны НАТО распадется, если не найдет новый “смысл существования”. Очевидно, что это был не самый благоприятный фон для установления диалога с преимущественно исламскими государствами. Создавалось впечатление, что новый “Средиземноморский диалог” имел негативные предпосылки в самом своем создании — попытка сдержать и справиться с возникающими угрозами в Южном Средиземноморье, а не поощрение стран региона к реальному партнерству.

¹ See: *Drozdiak W.* NATO Turns to the Threat from Islamic Extremists // *International Herald Tribune*. 1995. Feb. 9.

² See: *Stenhouse M., George B.* NATO and Mediterranean Security: The New Central Region. London: Brassey's Centre for Defence Studies, 1994.

Арабские страны также видели в НАТО лишь угрозу — рассматривая ее как инструмент влияния США и ведущих европейских стран. Альянс негативно воспринимали в связи с колониальным прошлым, за поддержку Израиля и стремление установить глобальную гегемонию. Такое мнение прочно укоренилось в арабском мире и до сих пор появляется на повестке дня, даже спустя более 20 лет с момент начала диалога.

Тем не менее запуск диалога стал официальным шагом, отражающим адаптацию НАТО к новой среде безопасности, и сама инициатива, по словам одного из высших чиновников Секретариата НАТО Альберто Бина, стала “ключевым инструментом для поддержания общей стратегии партнерства, диалога и сотрудничества альянса”¹. Члены НАТО очень тщательно выбирали страны, которые должны были стать участниками-основателями данной инициативы: Египет, Израиль, Мавритания, Марокко и Тунис, а через год и Иордания. Даже в 1990-е гг. можно было ожидать, что Ирак, Иран, Ливия, Ливан и Палестина не будут приглашены. Алжир, поглощенный гражданской войной, также стал спорным претендентом на участие и вступил в программу только в 2000 г.

Таким образом, первые страны — участницы СД — стабильные и достаточно дружелюбные в отношении Запада. Если бы страны — члены НАТО всерьез хотели бы запустить процесс по поддержанию стабильности и безопасности в Средиземноморском регионе, они должны были бы включить все страны, в особенности те, чья безопасность находится под угрозой.

Причиной инициации СД можно назвать не только желание справиться с вызовами безопасности, возникающими в Средиземноморье, но и в большей степени нежелание оставаться единственной организацией, не установившей программу сотрудничества для региона. Становится понятно, почему запуск форума и первые годы его функционирования кажутся спешными и несистематичными.

“Средиземноморский диалог” имел своей целью способствовать региональной безопасности, достичь большего взаимопони-

¹ Bin A. NATO's Mediterranean Dialogue: A Post Prague Perspective // Mediterranean Politics. 2002. Vol. 7. URL: http://pdfserve.informaworld.com/214069_751309036_713604510.pdf (accessed:14.08.2022).

мания и устранить неправильные представления о НАТО. Изначально предполагалось, что провозглашенные цели и принципы предоставят необходимые инициативы для стабильного развития и процветания стран Средиземноморья, а также большего вовлечения НАТО в меняющийся регион.

Однако тут же последовала критика данной инициативы сотрудничества со стороны политиков и аналитиков стран Запада. В 1996 г. на заседании ассамблеи Западноевропейского союза было заявлено, что “инициатива НАТО по установлению диалога с шестью странами Южного Средиземноморья не достигла целей партнерства ради мира в регионе”¹. И хотя изначально НАТО не возлагала на данную инициативу таких же амбициозных надежд, невозможно было не сравнивать успехи этих программ. И СД в данном случае казался чем-то незначительным и неважным.

Сотрудничество в рамках диалога заключалось в основном только в двусторонних встречах в штаб-квартире НАТО между официальными лицами альянса и представителями средиземноморских стран. И те и другие не имели согласованной повестки дня.

К началу XXI века, согласно отчету Парламентской ассамблеи НАТО, в СД сформировалось три проблемы: отсутствие необходимого финансирования, отсутствие существенного военного компонента сотрудничества и ощущение, что инициативе недостает целеполагания. Впоследствии эти проблемы так и не были разрешены.

Изначально террористические атаки 11 сентября 2001 г. не оказали негативного влияния на СД. Развитие рабочих программ продолжилось, хотя и в ограниченном масштабе, новых участников никто не приглашал. Атаки придали большее значение укреплению сотрудничества со средиземноморскими странами.

Весной 2004 г., когда “Средиземноморский диалог” праздновал свой 10-й юбилей, один из советников НАТО заметил: “В отличие от “Партнерства ради мира”, “Средиземноморский диалог” не добился значительных успехов. Он не сыграл значительной роли в стабилизации региона или в продвижении реформ

¹ Security in the Mediterranean Region. Paris: Assembly of the Western European Union, 1996. URL: <http://www.weu.int/assembly/eng/reports/1543e.html> (accessed: 17.08.2022).

в странах-участницах. Причины этого кроются в недостаточных инвестициях времени, людей и денег, значительном недоверии и непонимании НАТО со стороны своих южных партнеров, отсутствии механизмов диалога и кооперации, неспособности разделить вопросы широкой региональной безопасности от Арабо-израильского конфликта”¹.

На этом фоне и из-за возрастающего хаоса, сопутствующего интервенции в Ирак в 2003 г., союзники согласились создать *дополнительную* программу сотрудничества для стран Ближнего Востока. Так, в 2004 г. была запущена “Стамбульская инициатива сотрудничества” (СИС). Декларировалось, что СИС должен будет создать действительные взаимоотношения со странами Ближнего Востока, с тем чтобы те, в свою очередь, были способны и готовы участвовать в будущих миссиях альянса².

Инициатором СИС стали США, а целью являлась необходимость сохранить региональную поддержку усилий по стабилизации Ирака в условиях снижения трансатлантической солидарности. Иракская кампания вызвала много споров внутри альянса, а европейские союзники приняли лишь символическое участие в усилиях по стабилизации³. Хотя изначально интервенция в Ирак не проходила под флагом НАТО, именно эта операция сильнее всего повлияла на солидарность внутри альянса. Более того, США стремились укрепить общую региональную поддержку их “войны с терроризмом”. Интервенция в Ирак под предводительством США усилила негативные представления арабской общественности относительно целей американской внешней политики в регионе. С того момента в умах людей образовалась прочная связь между действиями НАТО и США.

¹ *Donnelly C.* Building a NATO Partnership for the Greater Middle East // NATO Review, 2004. URL: http://www.nato.int/docu/review/2004/issue1/english/art3_pr.html (accessed: 13.08.2022).

² Istanbul Cooperation Initiative NATO. 2004. June 28. URL: http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_21017.htm (accessed: 14.07.2022).

³ В отчете 2005 г. Парламентской ассамблеи НАТО указывается ограниченный вклад стран НАТО в усилия по подготовке сил безопасности Ирака, вся кампания куда вызывала сильные споры и противоречия между союзниками. См.: *Securing NATO's Role and Relevance*. Brussels: NATO Parliamentary Assembly, 2005.

Стать странами — участницами СИС были приглашены члены Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), но согласились только четыре из них — Бахрейн, Катар, Кувейт и ОАЭ.

Что касается Королевства Саудовская Аравия, то, учитывая политическое, экономическое и социокультурное влияние страны в регионе, понятно ее нежелание оформлять отношения с альянсом в рамках программы наравне с другими небольшими монархиями Залива.

Именно контртеррористическое сотрудничество и меры по борьбе с распространением ОМУ значились среди главных задач будущего сотрудничества в рамках СИС. Инициатива более сконцентрирована на вопросах безопасности, чем на устранении обоюдных подозрений. Однако СИС не смогла выработать ту глубину и силу взаимодействия, которые от нее ожидали. До сих пор не существует рамочного документа и единого формата военно-политического сотрудничества в рамках этой программы.

Было заявлено, что СИС будет дополнять “Средиземноморский диалог”, однако нигде не было указано, *как именно* на практике это должно работать. Несмотря на культурные и исторические связи участников СД и СИС, между этими инициативами так и не была выработана связь, и причина этого заключалась в несовпадении стратегического видения, угроз безопасности и подхода к обеспечению стабильности.

Фактически же создание СИС является признанием со стороны администрации Буша, что “восточно-западное” разделение союзников в НАТО является непреодолимым. Первыми участниками этой инициативы стали страны — члены Совета сотрудничества стран Персидского залива, организации, которая спонсируется США, и ни одна из этих стран не является участницей “Средиземноморского диалога”.

Таким образом, с 2004 г. у НАТО оказалось две отдельные и независимые друг от друга программы партнерства на Ближнем Востоке — не принимая во внимание обратные заявления в документах альянса. СИС не сблизила союзников, как-то было предусмотрено, на основе будущего улучшенного сотрудничества со странами Средиземноморья и Ближнего Востока. Фактически эта программа институционализовала разлом между США и евро-

пейскими странами, появившийся с момента запуска СД в 1995 г. К 2004 г. эти противоречия, подогреваемые разгорающейся войной с терроризмом Дж. Буша в целом и вторжением в Ирак в частности, достигли своего пика.

То, что эти противоречия не стали причиной ослабления трансатлантической солидарности, имеет объяснение: обе программы — “Средиземноморский диалог” и “Стамбульская инициатива сотрудничества” — оставались относительно незначительными по своему влиянию на внутреннюю политику НАТО, а также по достигнутым в них результатам. Провал фактического сотрудничества иллюстрирует крайне ограниченное участие данных стран в возглавляемых НАТО операциях. Существовали ожидания, что страны — участницы СД и СИС внесут вклад в контртеррористическую операцию “Эктив Индевор” по патрулированию Средиземного моря. Однако в этой операции приняли участие лишь две ближневосточные страны — Марокко и Израиль, и это еще больше говорит о провале политики альянса.

Несмотря на то, что Берлинская реформа НАТО 2011 г. отказывалась от географического принципа функционирования партнерств, программы СД и СИС продолжили свое существование. А это означало, что в их рамках продолжали проходить регулярные совещания, несмотря на содержательные разногласия. Сейчас же партнерские программы являются уже не более чем “пустышками”¹.

Чтобы оценить результаты деятельности “Средиземноморского диалога”, необходимо определить, какие цели он ставил перед собой: способствовать региональной безопасности и стабильности; достичь большего взаимопонимания; избавиться от любых неверных представлений о НАТО.

“Средиземноморский диалог” за свою более чем 25-летнюю историю был в большей степени сфокусирован на интересах и вопросах безопасности именно стран — членов альянса. СД пытался поддерживать статус-кво в регионе, и регион был достаточно стабилен с 1995 г. Восстания и революции, вспыхнувшие в арабском мире с 2010 г., стали сюрпризом даже для НАТО, по заяв-

¹ *Kamp K.-H., Reisinger H. NATO's Partnerships After 2014: Go West! // NATO Research Paper. 2013. No. 92.*

лению официальных лиц альянса. Случилось это потому, что события “арабской весны” происходили не из-за политики альянса, а вопреки ей.

Кроме того, всё еще отсутствует фундаментальный консенсус между странами-членами относительно того, какими являются их общие интересы на Ближнем Востоке. В данном случае чрезвычайно показательным то, что ни один новый член альянса не принял участия в Ливийской кампании 2011 г.

Отношения же в рамках программ СД и СИС преимущественно подчинялись внешним факторам. Самыми значимыми из них являются интервенция в Ирак в 2003 г. и неразрешенный Арабо-израильский конфликт — оба этих события препятствовали более значительной согласованности между НАТО и их южными собеседниками.

Что касается установления лучшего взаимопонимания и освобождения арабского мира от неверных представлений о НАТО, то и здесь заявленной цели не удалось добиться. “Диалог” не смог справиться с уничтожением негативных представлений и улучшением образа НАТО в странах Южного Средиземноморья. Более того, напряженная обстановка на Ближнем Востоке, хаос в Ливии, гражданская война в Сирии, непрекращающаяся напряженность в Афганистане демонстрируют, что культурный разрыв между Европой и Америкой с одной стороны, а также Северной Африкой и Ближним Востоком с другой — больше, чем разрыв, существовавший между Востоком и Западом к концу холодной войны.

Учитывая значимость, которую НАТО придает Ближнему Востоку, и необходимость справиться с вызовами и угрозами, появляющимися в этом регионе, “Средиземноморский диалог” мог бы стать потенциально ведущей программой партнерства, но для этого страны альянса должны изменить свое восприятие арабского мира и относиться к арабским партнерам как к действительным партнерам.

В новых условиях развития мирополитических процессов особую важность приобретает военный компонент деятельности альянса за пределами зоны географической ответственности.

Среди исследователей широко распространено мнение, что каждый шаг НАТО обязательно согласуется с американским

стратегическим видением будущего Северной Африки и Ближнего Востока¹.

Развивающиеся отношения между НАТО и ее перифериями, включая Южную Азию, Кавказ и, конечно, Ближний Восток, так или иначе служат целям глобальной стратегии США. Америка использовала существующие форматы консультаций в рамках программ сотрудничества для продвижения позиции Вашингтона по региональным кризисам, значимым вопросам международной безопасности, как, например, терроризм и распространение ОМУ и др. Будучи неоспоримым лидером НАТО, США способны как никто другой влиять на ее политику. По мнению некоторых ученых, именно НАТО позволяет США укреплять и легитимировать свою внешнюю политику².

Другие исследователи, в том числе и российские, придерживаются мнения, что альянс — не монолитная организация, а значит, США не всегда могут добиваться от союзников определенных действий³.

Влияние, которое оказали теракты 11 сентября на США и внешнеполитическую стратегию Америки, сложно недооценить — они стали мощным импульсом для развития роли альянса в регионе Средиземноморья и Ближнего Востока. Вначале альянс был решительно готов принять свою базовую цель и предоставить США помощь и поддержку. США моментально отреагировали на террористические атаки, сначала вторгшись в Афганистан, а затем инициировав иракскую кампанию, показав тем самым, что Америка не нуждается в НАТО для продвижения своей политики.

Альянс согласился на все запросы США по поддержанию их миссии в Афганистане, что включало полный доступ к их портам, аэродромам и другим базам НАТО, использование самолетов даль-

¹ See: *Fouskas V. Zones of Conflict: US Foreign Policy in The Balkans and the Greater Middle East.* London: Pluto Press, 2003. P. 31.

² See: *Clement S. The United States and NATO: A Selective Approach to Multilateralism // D. Malone, Y. Khong. US Foreign Policy: International Perspective.* London: Lynne Rienner, 2003. P. 408.

³ См.: *Вавилов А. И. Политика США в мусульманском мире на примере арабских стран.* М.: Библос консалтинг, 2009. С. 197.

него радиолокационного обнаружения, вывод всех подразделений США из миссии НАТО на Балканах и др.¹

Хотя НАТО и прибегла в Афганистане к статье 5 впервые в своей истории, США действовали там единолично, и это недвусмысленно говорит “не только об американской силе, но и о разрыве между военным потенциалом США и любой другой страны или группы стран”².

Прямое вовлечение НАТО в разрешение кризисов на Ближнем Востоке после 11 сентября связано с участием альянса в Иракской войне, причем его лишь вспомогательной ролью. Другими словами, НАТО не брала на себя ответственность за выполнение какой-либо прямой военной задачи в этом кризисе.

Официальные лица европейских стран — союзников были уверены, что НАТО должна придерживаться именно такой роли, полагаясь на механизмы “мягкой безопасности”. Связано это было с опасениями европейского истеблишмента вызвать негативные последствия в столь сложном регионе, которые бы сказались на непосредственной безопасности стран Европы.

Операция США в Ираке и второстепенная роль альянса в урегулировании данного кризиса не привели к улучшению региональной среды безопасности. Более того, она подтвердила, что США не готовы провести широкомасштабную и долгосрочную военную операцию в одиночку — без союзников и партнеров. Иракский кризис доказал, что США не могут диктовать альянсу, что им захочется, для достижения своих целей на Ближнем Востоке. Между тем, хотя и существовали различия в подходах к определению степени участия НАТО в урегулировании конфликта в Ираке и соблюдении норм международного права, это не сказывалось на самом факте вовлеченности альянса в ситуацию в регион Средиземноморья и на Ближнем Востоке.

Именно влияние США дало импульс развитию практического сотрудничества в области безопасности с арабскими партнерами. Целью было большее вовлечение НАТО в региональную политику.

¹ See: *Bennis P.* Before and After: US Foreign Policy and the War on Terrorism. Gloucestershire: Arris Books, 2003. P. 113.

² Ibid. P. 82.

Последствия афганской и иракской кампаний изменили и трансформировали роль альянса от ограниченного сотрудничества и диалога в сфере безопасности к эффективной политике привлечения арабских стран — партнеров к участию в военных операциях альянса, что подтвердилось на примере миссии в Ливии “Юнифайд Протектор”. Кроме того, расширился спектр активности НАТО в регионе для ответа на вызовы евроатлантическим союзникам. В целом НАТО, которая не играла значимой роли в регионе относительно главных вызовов безопасности и стабильности до терактов 2001 г., стала значимым региональным игроком.

Опыт же европейского лидерства в военной операции НАТО, как это было в Ливии, продемонстрировал, что европейские союзники нуждаются в США для компенсации собственного недостаточного военного потенциала и для заявленной ими цели стабилизации региона. Однако же основной целью Ливийской кампании можно назвать демонстрацию альянсом способности быстро реагировать и сдерживать угрозы, возникающие вне евроатлантической территории.

Основной итог военной кампании НАТО в Ливии заключается в том, что за десятилетие после свержения режима М. Каддафи Ливия так и не смогла установить базовую среду безопасности, необходимую для проведения политических реформ и восстановления государственности. В Ливии действуют экстремистские и террористические группировки, что, ввиду важного геополитического расположения страны, оказывает общий дестабилизирующий эффект на весь регион. Более того, европейские союзники сейчас склонны поддерживать Халифу Хафтара, главнокомандующего Ливийской национальной армии и бывшего соратника М. Каддафи, а не признанное ООН Правительство национального согласия. Разногласия среди стран — членов НАТО в поддержке разных сторон ливийского конфликта привели к открытому столкновению Франции и Турции¹.

Существует понимание между США и европейскими союзниками о необходимости достижения прочного консенсуса при

¹ France factor disrupts Turkey’s plan to control of Sirte, The Arab Weekly. 16.06.2020. URL: <https://the arabweekly.com/france-factor-disrupts-turkeys-plan-control-sirte> (дата обращения: 13.06.2022).

проведении будущих миссий в регионе, во избежание повторения раскола в подходах к политике в регионе, последовавшего за обеими операциями и угрожающего солидарности внутри альянса. Осознание, что продвижение политики Запада в регионе в настоящих условиях возможно лишь консолидированными усилиями альянса, подтверждает необходимость сохранения внутренней солидарности и общности интересов и нахождения компромисса с новым президентом США Д. Трампом.

Для европейцев любое вовлечение вне зоны ответственности НАТО — это спорный вопрос, и большая часть европейских союзников верят, что терроризм нужно сдерживать не военными средствами, а с помощью устранения причин его появления¹. Для администрации Буша “ислам” стал абстракцией, политически полезной в глобальной войне с террором².

Для США Ближний Восток находится слишком далеко, а потому было удобно перенести туда все свои проблемы. Но для Европы это ближнее зарубежье и американская стратегия глобальной конфронтации с исламом им не подходит.

Некоторые аналитики полагают, что хотя роль альянса в регионе и была скромной и медленной, очевидно, что НАТО накапливает региональный опыт и знания, которые позволят ей в будущем играть более существенную роль в разрешении кризисов безопасности и стабильности³.

В целом же общее мнение остается таковым, что НАТО способна только поддерживать Соединенные Штаты в их политике в регионе, но не заменить или вытеснить их в поддержании комплекса региональной безопасности.

Если политика альянса на Ближнем Востоке и продемонстрировала что-то значительное, так это подтверждение того, что США не могут использовать НАТО когда и где им захочется для достижения своих целей в регионе. Напротив, европейские союз-

¹ See: *Gallis P.* The NATO Summit at Prague', 2002 // M. Clausson. (ed.) NATO: Status, Relations, and Decision-Making. New York: Novinka Books, 2007. P. 101.

² See: *Judt T.* 'Europe Versus America' // The New York Review of Books. 2005. Vol. 52. No. 2. Feb. 10. P. 163.

³ See: *Masala C.* Rising Expectations // NATO review. 2005. No. 4. P. 3.

ники, или хотя бы некоторые из них, могут препятствовать использованию альянса Соединенными Штатами, едва они посчитают, что это не согласуется с их видением и их интересами. Например, США неудачно пытались втянуть Североатлантический альянс в кризис в Ираке, но европейские союзники предупредили такое развитие событий, предложив только скромное и символическое участие НАТО.

Ограниченность роли НАТО в ближневосточных кризисах говорит о прочности позиций как США, так и европейских союзников в их влиянии на политику альянса. До сих пор не выработано долгосрочных и четко определенных политических принципов руководства к действию и единого видения роли НАТО в регулировании вопросов “жесткой безопасности” в регионе. Каждый случай, как видно из Иракской войны, Ливийского кризиса 2011 г. и Сирийского конфликта, рассматривается отдельно, в зависимости от уникальных условий и обстоятельств, в зависимости от развития кризиса, а также интересов и нужд союзников. И касается это не только военных конфликтов. Показателен комментарий одного из официальных лиц альянса о возможной роли НАТО в переговорах об иранской ядерной программе: “НАТО не решила, принимать ли ей участия в [ее] разрешении, потому как союзники не пришли к единому мнению о роли и необходимости участия НАТО в этом кризисе”¹.

Администрация США последовательно продвигает политику усиления вовлеченности именно европейских союзников в операции альянса и стремится возложить на них бóльшую ответственность. Между тем, хотя европейские страны и приняли лидирующую роль в ливийской кампании, это не означает и не гарантирует полного консенсуса между союзниками в дальнейших операциях, что ограничивает возможную гибкость и эффективность действий альянса. В условиях же политики “умной обороны” наиболее действенными операции НАТО будут лишь при участии наибольшего количества стран-членов. Иначе становятся явными различия и пределы потенциала каждого из стран — союзников по блоку.

И, наконец, опыт интервенций НАТО демонстрирует, что стабильность не может быть достигнута исключительно военны-

¹ *Orfy M.* NATO and the Middle East. London, 2011. P. 153.

ми средствами, но требует полномасштабных операций посткризисного регулирования и государственного строительства, без которых среда безопасности региона ухудшится.

* * *

Дальнейшая концептуализация программных установок НАТО будет, скорее всего, проходить с учетом комплексов факторов, отражающих динамику внутристрановых и региональных особенностей и, похоже, в еще большей степени — трансграничных воздействий.

Между тем внутри НАТО нет единого подхода о конкретной роли альянса в Средиземноморье. США и Великобритания желают усиления роли блока в процессе урегулирования региональных конфликтов и большего участия европейских союзников в данной политике альянса. Часть европейских союзников — Германия и страны Восточной Европы — нацелены на обеспечение безопасности восточного фланга Европы и меньшее вовлечение альянса в ближневосточные кризисы. Южноевропейские страны — члены НАТО настаивают на активизации роли альянса в обеспечении безопасности границ и предотвращения новых миграционных кризисов.

В условиях войны в Сирии наглядно проявилась отстраненность НАТО от “глобальной войны с терроризмом”. НАТО как военно-политический союз оказался бесполезным в отражении одной из самых сложных угроз с южного фланга — нелегальной миграции. Альянс не в состоянии провести военную операцию в Средиземноморье, которая бы эффективно сказалась на разрешении этой проблемы, равно как и других региональных кризисов. Роль НАТО в борьбе с главным вызовом современности — международным терроризмом — сведена к минимуму и остается вспомогательной в большей степени из-за сложности нахождения консенсуса в кардинально расходящихся взглядах и подходах союзников к противодействию новым асимметричным вызовам и угрозам и недостаточной трансформации НАТО для противодействия им.

Оценочную позицию НАТО, крайне болезненно реагирующую на успешные действия ВКС России против международного терроризма в Сирии, следует рассматривать не только и не столь-

ко в страновом и регионально обозначенных форматах, сколько в самом широком геостратегическом контексте — контексте самого резкого после окончания холодной войны обострения отношений между Западом (прежде всего США) и Россией, широкомасштабных санкций против нашей страны и ее ответных контрсанкций, замороженных отношений в рамках Совета Россия — НАТО.

В прогностическом плане есть все основания считать, что в случае обострения кризисных тенденций и нарастания неопределенностей в мировой политике, акцентированная значимость региональной политики альянса и его стратегии в целом станет постепенно размываться. Она уступит место менее обязывающим положениям, тезисам и формулировкам, призванным сглаживать существующие и неизбежные в будущем как политические, так и финансовые трения среди стран — членов НАТО.

Глава 10. ЕВРОСОЮЗ: МЕТАМОРФОЗЫ “СТРАТЕГИЧЕСКОЙ АВТОНОМИИ”

М. А. Неймарк

В последние годы центральной идеей, которую активно продвигали лидеры интегрированной Европы, стало обеспечение ее стратегической автономии. В ее основе — повышение глобальной роли ЕС в мировой политике и международных отношениях. Руководитель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен выступила с амбициозной инициативой превратить ее в “геополитическую” структуру, призванную повысить ее реальную значимость в решении международных проблем в рамках Общей политики Евросоюза в области обороны и безопасности.

Между тем вид на геополитическое будущее интегрированной Европы явно портит невнятная картина настоящего. Ничто так не затрудняет выбор, как его отсутствие. В такой ситуации, похоже, оказался Евросоюз, утвердивший на саммите в марте 2022 г. первый обобщающий документ в области обороны и безопасности, получивший название “Стратегический компас Европы”.

В версии для печати (с фотографиями) текст документа насчитывает 70 страниц. Количество повторов, практически текстуальных совпадений, воспроизведений одних и тех же положений и установок таково, что без малейшего ущерба для содержательного наполнения можно было его сократить как минимум на две трети. Сама структура документа предполагает чрезмерно завышенный объем и ничем не оправданное многословие. Ровно 10% текста занимает предисловие главы дипломатии Евросоюза Ж. Боррелля, затем следует краткий *Синтез* и только на пятнадцатой странице — подтверждение размытости логики изложения — появляется *Введение* к тексту.

В предисловии Боррелля, задающего тональность всему документу, можно выделить ряд особенностей. Главная из них — жестко акцентированная адаптационная привязка к украинскому кризису и форсированный обвинительный уклон в адрес России, т. е. то, что кардинально изменило суть и характер “Стратегического компаса”. Документ постоянно подвергался концептуальной

политической редакции в отношении России. Если в проекте документа от 9 ноября 2021 г. говорилось, что “ЕС и Россию на самом деле связывают многие общие интересы и общая культура и, соответственно, стратегия ЕС направлена на вовлечение России в решение некоторых конкретных задач”¹, то из окончательного варианта эта констатация исчезла. Примечательно, однако, что, фиксируя резко возросшее применение силы в ее самых разнообразных формах и проявлениях в современном мире, Боррелль был вынужден признать, что “все эти тенденции наблюдались до [специальной операции] на Украине, которая их лишь усугубила”.

Другое его откровение касается отказа руководства ЕС от действий, которые оно старалось ранее не доводить до критических уровней и масштабов: теперь возведены в систему беспрецедентные санкции против России, принято решение о всесторонней поддержке Украины и впервые — о прямых поставках ей вооружений как воюющей стране.

Кризисное развитие ситуации на Украине адресно перефокусировало исходные политико-методологические обоснования документа. Укрупняя и европеизируя их концептуальный формат, Боррелль призвал “по серьезному относиться к угрозам стратегическим интересам ЕС, которые мы зачастую осознали, но на которые не всегда реагировали”² (далее цитаты даются по документу).

Из предисловия Боррелля отчетливо явствует, что стремление ЕС к военно-политической суверенизации отнюдь не означает ее замкнутости в своих региональных границах. Наоборот, об этом им заявлено прямо и недвусмысленно: “Наши интересы без-

¹ A Strategic Compass for Security and Defence — For a European Union that protects its citizens, values and interests and contributes to international peace and security. Working document of the European External Action Service. Brussels: European External Action Service; 2021. URL: https://i2.res.24o.it/pdf2010/Editrice/ILSOLE24ORE/ILSOLE24ORE/Online/_Oggetti_Embedded/Documenti/2021/11/11/st13638_en21%20SC%20DRAFT%200.pdf (дата обращения: 14.06.2022).

² A Strategic Compass for Security and Defence. European External Actions Service. 24.03.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-security-and-defence-0_en (дата обращения: 14.06.2022).

опасности задействованы на западных Балканах, в Африке, расширенном Ближнем Востоке и в Индо-Тихоокеанском регионе”.

Пожалуй, впервые глава дипломатии ЕС столь откровенно подчеркнул приоритетное значение силы в решении мирополитических проблем: “Если хотеть, чтобы диалог, дипломатия и мультилатерализм были успешными, надо мобилизовать силу. В этом смысл выражения “говорить на языке силы””.

Документ отразил особенности кризиса адаптации интегрированной Европы к кардинально изменившимся геополитическим условиям, усугубленного большим массивом постбрекзитных проблем. Внутренних и внешних конфликтогенных факторов в Евросоюзе становится все больше. Жизненная практика убедительно подтверждает истину: ничто так не множит проблемы, как половинчатые решения. Особенно это касается комплекса вопросов суверенной субъектности ЕС, стратегические перспективы развития которого зависят сегодня (и, похоже, чем дальше, тем больше) от преодоления геополитических диссонансов в отношениях с ключевыми центрами силы и эффективности взаимодействия с ними. Стратегическое мышление и адаптационная гибкость в императивной сопряженности с реальной, а не декларируемой готовностью решительно отстаивать свои цели и базовые интересы, становятся важнейшей предпосылкой для ускользающего, прежде всего усилиями США, суверенного статуса ЕС¹.

Содержательное наполнение документа определяют следующие базовые политико-методологические подходы. Прежде всего, это формирование общей стратегической культуры интегрированной Европы в области безопасности и обороны с целью заполнить существующие пробелы. Далее, это укрепление трансатлантического партнерства. Важнейшее значение придается согласованию общего союзнического стратегического партнерства в отношении Индо-Тихоокеанского региона. Стратегический диалог Евросоюза с Китаем должен опираться на концептуальное триединство “партнер — конкурент — соперник”. Курс на сдерживание России органично сочетается/переплетается с антироссийской стратегией США и НАТО.

¹ Подробно см.: *Неймарк М. А. “Хищники” в геополитике и Европа // Современная Европа. 2021. № 7. С. 152–161.*

Главная целевая установка документа — дать ответы на ключевые вопросы: каковы сегодня наиболее опасные для ЕС вызовы и угрозы; как в интегрированной Европе наиболее эффективно использовать имеющиеся силы и потенциалы и улучшить их взаимодействие; как ей добиться усиления влияния в качестве регионального и глобального игрока. Первопричину разработки “Стратегического компаса” в ЕС объясняют тем, что Евросоюзу грозит “стратегическое уменьшение”. Прежде всего, экономическая роль ЕС становится все более ограниченной: тридцать лет назад на его долю приходилась четверть мирового богатства, а через два десятилетия она будет едва превышать 10%. Происходит и демографическое сжатие интегрированной Европы, в результате которого к концу нынешнего века на ее долю будет приходиться менее 5% населения мира. Отсюда — ставка на резкое усиление ее геоэкономического статуса в плотной увязке с расширением ее геополитического потенциала. Конкретизируется это тем, что некоторые экономические конкуренты ЕС придерживаются отличающихся от него ценностей, что “создает угрозу его нормативной власти”. И это обстоятельство ЕС “обязан учитывать в своих политических решениях”, учитывая растущую конкуренцию за мировые стандарты в гонке за господство в сфере искусственного интеллекта, облачных вычислений, полупроводников и биотехнологий. В центре тревожных озабоченностей оказалась и вся политическая сфера ЕС в целом, которая, как признает его руководство, подвергается сжатию, а либеральные ценности Европы все чаще оспариваются.

Разработке этого документа предшествовало также осмысление вызовов со стороны “новых амбициозных игроков”, стратегий по дестабилизации с использованием кибероружия и дезинформации. Прошли времена, считают в руководящих инстанциях ЕС, когда мир и война представляли собой два четко различимых состояния.

В приоритетном порядке ставится задача способствовать формированию нового мирового порядка, действуя не только в региональных рамках ЕС, но и за его пределами. “Мы должны быть в состоянии отвечать на возникающие угрозы и быстро реагировать на кризисные ситуации вне ЕС, причем на всех стадиях того или

иногo конфликта”. Обращает на себя внимание указание на императивную необходимость расширить координируемое морское присутствие ЕС в самых различных зонах мира, где у него есть ключевые стратегические интересы.

Уточним: речь идет не об обеспечении полноценной автономии ЕС, а о его стремлении попросту играть более значимую роль в европейской и глобальной политике. Заявление Совета ЕС составляет все точки над геополитическим *i*: “Более враждебная среда безопасности требует от нас сделать качественный скачок вперед и увеличить наши возможности и готовность действовать, укреплять нашу устойчивость, а также больше и лучше инвестировать в наши оборонные возможности”¹. При том что военные расходы ЕС составляют 200 млрд евро, что практически в 4 раза превышает оборонный бюджет России.

Первостепенное стратегическое значение в документе придается союзническим связям ЕС с США. Несмотря на отдельные геополитические диссонансы, контрастно проявившиеся в период президентства Д. Трампа, “стратегический диалог ЕС — США в области безопасности и обороны представляет собой важный этап консолидации трансатлантического партнерства”. Что, по сути, означает не афишируемый отход лидеров ведущих стран — членов ЕС от прежних более выраженных и громких деклараций, призывающих последовательно следовать курсу на обеспечение суверенной самостоятельности Евросоюза, в котором отнюдь не единичные политики понимали: в отношениях США — ЕС и параллельные союзнические линии могут пересекаться. Так, в ноябре 2018 г. французский президент Э. Макрон в ответ на жестко-критическую реакцию Д. Трампа на его инициативу по ускорению создания общеевропейской армии заявил: “США — наш союзник, такова история наших отношений, и мы всегда останемся союзниками. Но быть союзником не означает принимать положе-

¹ UN-EU strategic partnership on peace operations and crisis management: Council conclusions on priorities for 2022-2024. Council of the European Union. 24.01.2022. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/01/24/un-eu-strategic-partnership-on-peace-operations-and-crisis-management-council-conclusions-on-priorities-for-2022-2024> (дата обращения: 24.06.2022).

ние вассала. Чтобы не быть вассалом США, нужно не зависеть от Америки в ряде позиций, а сохранять суверенность и идентичность как французам и как европейцам”¹.

Евроскептики неоднократно подчеркивали, что властную благосклонность США по отношению к интегрированной Европе жестко определяют их государственные интересы и геополитические цели и задачи. В ходе разработки “Стратегического компаса” необходимость обновления самого подхода к оборонной политике и к сфере безопасности в целом стала увязываться с осмыслением последствий поспешного бегства американских войск из Афганистана. В ЕС в полной мере осознали геополитическую значимость этого события: во-первых, то, что конфронтационная острота ситуации в этой стране опасно “раскачивает” более или менее устоявшийся баланс сил в Центральной Азии; во-вторых, что интернационализация борьбы за влияние за Кабул усиливает в целом конкурентно-конфликтное противостояние региональных и глобальных игроков.

От руководства ЕС все чаще звучали призывы действовать более решительно, если интегрированная Европа не хочет жить в мировом порядке, в формировании которого она не участвует. Смысл растущей озабоченности: в конечном счете вместо глобального игрока Евросоюз рискует стать объектом международной политики, только реагирующим на решения других, но не влияющим на ход событий. После уничижительных действий США и Великобритании по отношению к Евросоюзу, которого они оставили в неведении об их намерении сформировать новый военно-политический союз AUKUS, Ж. Боррель, пытаясь задним числом освежить явно потускневший облик европейской дипломатии, заявил: “Как показали недавние события, в том числе вывод войск из Афганистана и создание альянса AUKUS, наши американские друзья ожидают, что Европа возьмет на себя большую часть ответственности — как за собственную, так и за мировую безопасность”. На заключительном этапе разработки документа его концептуальный стержень подвергся адаптационному переосмысле-

¹ Macron says France is U.S. ally, not a vassal state // Reuters. 2018. 14.11. URL: <https://www.reuters.com/article/us-france-usa-macron-interview-idUSKCN1N2TH> (дата обращения: 13.06.2022).

нию, связанному с интернационализацией украинского кризиса. В результате в ЕС сработал принцип интеграционной солидарности, контрольно гасящий амплитуду антиамериканских настроений.

Документ постулирует, что стратегическое партнерство ЕС с НАТО является главным фактором обеспечения евроатлантических связей. Особо оговаривается, что заявленная готовность стран — членов ЕС больше инвестировать в обеспечение безопасности и обороны должна реализовываться не в национальных фрагментированных рамках, а аккумулироваться по-новому в автономных границах интегрированной Европы. Налицо осторожно сформулированная заявка на ее военно-политическую суверенизацию, за которой тут же следует упреждающий реверанс в сторону Североатлантического альянса: “Тем самым ЕС будет способствовать усилению НАТО, становясь ее более сильным трансатлантическим партнером и готовым, следовательно, разделять с ней расходы по поддержанию мира и международной безопасности”. И в очередной увязке с событиями на Украине и с Россией пиететно подчеркиваются главенствующая роль НАТО в коллективной защите стран-членов, а также значительная роль ЕС в целом в сфере безопасности и обороны. “Более сильный ЕС с большими возможностями в сфере безопасности и обороны будет позитивно способствовать обеспечению глобальной и трансатлантической безопасности, **дополняя НАТО**, которая остается основой коллективной защиты стран-членов” (выделено мною. — М. Н.). Разъясняется, что трансатлантические отношения между ЕС и НАТО опираются на принципы инклюзивности, взаимности и автономии ЕС в принятии решений. Тем не менее в одном из разделов документа внесено уточнение, что в случае появления кризисной ситуации Евросоюз должен действовать совместно с партнерами (“если возможно”) и самостоятельно (“если необходимо”).

Примечательный момент: по образу и подобию статьи 5 НАТО странам — членам Евросоюза предлагается использовать все имеющиеся силы для защиты одной из них в случае вооруженного вторжения на ее территорию. Правда, невнятно оговаривается, что это условие не распространяется на страны, оборонная политика которых “имеет специфический характер”.

Боррелль разъясняет, что приверженность интегрированной Европы натовскому альянсу, который остается в центре ее территориальной обороны, не должна мешать Евросоюзу развивать собственный военный потенциал и “проводить **независимые операции в соседних регионах и за их пределами**, особенно в период, когда внимание американских властей может быть отвлечено в другие регионы мира и не в последнюю очередь Индо-Тихоокеанский”¹ (выделено мною. — М. Н.).

Этим беспрецедентным заявлением Ж. Боррелль фактически американизировал внешнеполитический курс Евросоюза, воспроизведя важнейший принцип США, которые издавна объявляют зоной своих стратегических интересов любой уголок земного мира. Впервые поставлена конкретная задача создать европейские силы быстрого реагирования численностью до 5 тысяч человек. Одновременно акцентируется внимание на укреплении структур военного командования и контроля Евросоюза, усилении военной мобильности, проведении регулярных учений. Предусмотрено расширить возможности разведывательных служб ЕС для обеспечения адекватного стратегического анализа рисков и наиболее опасных вызовов для интегрированной Европы. Подчеркнута необходимость создания инновационного комплекса механизмов и инструментов для противодействия гибридным угрозам, дезинформации и вмешательству извне. Важнейшим императивом ЕС становится проведение эффективной политики киберзащиты. Однако идея создания единой европейской армии, которая в последние годы активно продвигалась лидерами Франции и Германии, в документе даже не упомянута.

Кризисное развитие современных мирополитических процессов чрезвычайно актуализирует вопрос о ресурсном потенциале, практических возможностях и перспективах партнерских отношений и сотрудничества России и Евросоюза. С момента установления формализованных связей России и ЕС колебательный контур их отношений варьировался в самом широком диапазоне: от приближения к высотам прагматичного сотрудничества,

¹ Borrell J. A Strategic Compass for Europe // Project Syndicate. 2021. 12.11. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/eu-strategic-compass-by-josep-borrell-2021-11> (дата обращения: 13.06.2022).

к стагнации, до нынешней низшей точки санкционного замерзания. В глобально изменившемся международном контексте будущее как прошлое в отношениях между ЕС и Россией вряд ли возможно, как это явствует из “Стратегического компаса”. Хотя объективная стратегическая потребность в партнерстве с обеих сторон остается неизменной.

Украинский кризис и его интернационализация рассматривается в документе прежде всего и главным образом через американскую призму восприятия России и, соответственно, в американоцентричном фокусе европейской и глобальной систем безопасности. В стратегическом сдерживании России совокупным Западом во главе с США геополитические ставки подняты до беспрецедентного уровня.

Концептуальное реформатирование документа произошло сразу же после начала специальной военной операции России на Украине. Интернационализация украинского кризиса контрастно, со всей очевидностью обнажила суть геополитического противостояния России и НАТО во главе с США, практически вплотную приблизившейся к российским границам. Еще более укрупненными и резко обозначенными стали различия в концептуальных и практико-политических подходах России и коллективного Запада по ключевым вопросам мировой экономики и политики, европейской и глобальной безопасности. Отнюдь не единичные эксперты-международники, как в России, так и за рубежом, стали рассматривать Украину как едва ли не самую глубокую геополитическую трясину в современном мире. Тесное сопряжение внутренних противоречий и конфликтов и стремление западных, прежде всего американских, правящих кругов превратить Украину в форпост противоборства с Россией создали базовые предпосылки для использования ими этой сугубо конфронтационной модели в отношениях с ней и, соответственно, для усиления в свою пользу дисбаланса в структуре стратегической безопасности, создавая тем самым конфликтную зону геополитического отчуждения и маргинализации России. Демонизация России в западном мире вышла на новый, беспрецедентный уровень. Судя по документу, окно возможностей для равноправного и равноценного диалога сузилось, образно говоря, до скрипучей форточки.

Таким образом, заявленное “пробуждение” интегрированной Европы не состоялось. “Стратегический компас” вряд ли может стать полноценной основой для проведения автономной политики Евросоюза в области обороны, региональной и глобальной безопасности. По оценке самого Ж. Боррелля, “Стратегический компас” — “это не волшебная палочка”. От самих стран ЕС будет зависеть, “станут ли нынешние геополитические сдвиги еще одним пропущенным звонком, а дискуссии о европейской обороне — очередным фальстартом”¹. Поднять наиболее важные стратегические вопросы до уровня реально перспективных ответов ЕС, судя по всему, не удалось. Новые геополитические горизонты Евросоюза — это никак не забытые старые.

Между тем накопилась такая критическая масса турбулентных процессов в мировой политике, что глубинного переосмысления требуют суть и степень подвижности самой шкалы “притяжение-противостояние”, “столкновение интересов — сотрудничество / партнерское взаимодействие”. Отсюда — практико-политическая значимость принципиально новых оценок, обозначения четких позиций, установок и ориентиров. В связи с этим отметим, что статусный формат “Стратегического компаса” среди других основополагающих документов ЕС никак не определен. Его можно рассматривать и как стратегию, развивающую и дополняющую Глобальную стратегию ЕС, и как военную концепцию, и как оборонную доктрину. Не учтены в должной мере центробежные процессы в ЕС, мешающие тесной координации действий стран-членов. В “Стратегическом компасе” нет главного — фиксации того, что единственно надежной страховкой от возможных потрясений и угроз является соблюдение универсальных принципов равной и неделимой безопасности применительно к евроатлантическому, евроазиатскому и азиатско-тихоокеанскому пространствам. Проигнорирована принципиальная позиция России, которая последовательно выступает за перевод в юридически обязывающую форму политических деклараций о неде-

¹ *Borrell J. A Strategic Compass for Europe // Project Syndicate. 12.11.2021. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/eu-strategic-compass-by-josep-borrell-2021-11> (дата обращения: 13.06.2022).*

лимости безопасности вне зависимости от членства государства в каких-либо военно-политических союзах.

Новый глобальный мегакризис, многие проявления которого имеют все признаки долгосрочно-системного, исключительно и заужено связываются в документе с обострением ситуации на Украине и особенно вокруг нее. Растущая интернационализация украинского кризиса минимизирует качество отношений России и Запада, которые оказались сегодня близки к точке невозврата. Не будет оценочным преувеличением утверждать, что на карту поставлено не только будущее суверенной России, но и оптимистичные варианты построения нового мирового порядка. На наших глазах возникает новая геополитическая реальность, уплотненная характеристика которой — переломный момент в мировой политике и международных отношениях. Меняется сам ход мировой истории. Формируется новая система сдержек и противовесов. Затянувшаяся негативная динамика кризисных отношений США и совокупного Запада с Россией теперь уже инерционно воспроизводит предпосылки для размывания оптимистических перспектив формирования нового мирового порядка на взаимоприемлемых основах конструктивного стратегического взаимодействия. Растущая неопределенность этих перспектив становится долгосрочным фактором мировой политики и международных отношений.

И, что особенно важно для России, из “Стратегического компаса” отчетливо следует: руководящие инстанции Евросоюза принципиально не настроены на преодоление столь укоренившегося в них синдрома “презумпции виновности” нашей страны во всех сколько-нибудь значимых вопросах международной жизни.

Глава 11. КИБЕРУГРОЗЫ И СТРАТЕГИИ КИБЕРБЕЗОПАСНОСТИ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

И. В. Сурма

Весной 2017 г. российские эксперты обнаружили несколько сотен компьютеров, размещенных в крупных компаниях, которые “майнили” криптовалюту в пользу неизвестных взломщиков, при этом использовалась та же уязвимость, что и в случае трояна-шифровальщика WannaCry. Еще не успел угаснуть шум вокруг безопасности интернета вещей (IoT) из-за ботнетов и DDoS-атак, как с помощью незащищенных “умных” кофемашин злоумышленники стали блокировать работу нефтехимических заводов, а смарт-аквариумы использовать для кибератак на казино. Число компаний, столкнувшихся в 2017 г. с целевыми атаками, или так называемыми АРТ-атаками, увеличилось почти вдвое. Одновременно с этим кибератаки прямо на глазах усложнялись, причем начинали активно применяться методы, затрудняющие анализ и расследование инцидентов. Не так давно шумевшие эпидемии вирусов WannaCry, NotPetya, BadRabbit, показали, что фокусировка на сложных технологических решениях при игнорировании прописных истин могут иметь серьезные и даже фатальные последствия.

Столкнувшись с вирусами-шифровальщиками, государственные учреждения и международные коммерческие компании прочувствовали на себе важность элементарных правил гигиены в области информационной безопасности (к примеру, необходимости своевременного обновления программного обеспечения). Отсутствие актуальных обновлений и привычка жить с уязвимостями привели, например, к остановке заводов Renault во Франции, Honda и Nissan в Японии; пострадали многие банки, энергетические и телекоммуникационные компании. Только лишь одна корпорация Maersk потеряла 300 млн долл. США. На фоне информационного цунами, вызванного вирусами-вымогателями, некоторые серьезные и важные события остались за пределами массового внимания. К тому же в начале 2000-х гг. кибертаки прочно утвердились как один из основных механизмов политического

влияния. Необходимость глобальной координации в области обеспечения безопасности и защиты сетей, а также в создании критически важной инфраструктуры стало неотъемлемой частью борьбы с терроризмом, осуществления посреднических операций и развития военного киберпотенциала. Тенденция к секьюритизации в сочетании с развитием повсеместного разведывательного потенциала создала серьезные проблемы для существующих и развивающихся партнерских связей между государственным и частным секторами и подняла основные вопросы относительно прав человека.

В настоящее время мы видим быстрое насыщение всего киберландшафта, что приводит не только к взаимозависимости стран и всех институтов, но также людей, устройств и приложений. Широко внедренные технологии (начиная со смартфонов, Wi-Fi и социальных сетей) создали новые рынки и социально-инжиниринговые практики, которые затронули сотни миллионов пользователей по всему миру. Надежда на то, что киберпространство будет свободно от конфликтов и идеологической борьбы, пропала. Информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) практически стали пятой властью, отличной от суши, моря, воздуха и космоса. Интернет и использование различных приложений представляют стратегическую и оперативную ценность сами по себе. Постепенно и потенциал, и уязвимость интернета стали проблемой национальной безопасности.

В целом современные ИКТ можно охарактеризовать как постоянно трансформирующийся феномен, являющийся настолько динамичным, что правовые нормы не всегда успевают адекватно адаптироваться к новой информационной реальности¹. Безу-

¹ See: *Kramer F. D.* Achieving International Cyber Stability. Atlantic Council, 2012. P. 4; *Idem.* Cyber Security: An Integrated Governmental Strategy for Progress // *Georgetown Journal of International Affairs*. 2012. P. 136–150; *Kramer F. D., Butler R. J., Lotrionte C.* Cyber, Extended Deterrence, and NATO // *The Atlantic Council. Issue Brief*. May 2016. URL: http://www.atlanticcouncil.org/images/publications/Cyber_Extended_Deterrence_and_NATO_web_0526.pdf (accessed: 10.08.2022); *Kramer F. D.* Cyber Security and the Need for New Approaches // *The Atlantic Council*. 09.05.2012. URL: <http://www.atlanticcouncil.org/blogs/new-atlanticist/cyber-security-and-the-need-for-new-approaches> (accessed: 10.08.2022).

словно, это ни в коей мере не отменяет регламентацию межгосударственных отношений нормами международного права. В то же время нельзя отрицать, что многие из его положений были разработаны до начала киберреволюции и главным образом были направлены на регулирование традиционных международных отношений. Сегодняшняя реальность требует либо доработки, либо адаптации действующего международного права к сфере ИКТ.

Важнейшей проблемой является выработка признанных международным сообществом определений таких понятий, как “информационное оружие”, “информационная война”, “информационная агрессия” и др.

Сегодня международная киберполитика превратилась в многоцелевой и сложный процесс, так как США и другие крупные мировые державы вновь подтвердили свои национальные и международные амбиции в области кибербезопасности. “Стремление стать “кибердержавой” является целью стратегии в области информационной безопасности (и развития ИКТ в целом), соответственно, достижение могущества в киберпространстве становится одним из ключевых аспектов политики”, — в этом суть доклада “The Road to Cyberpower”¹, подготовленного еще в конце 2009 г. под руководством Дж. М. Макконнелла² авторитетной консалтинговой компанией Booz Allen Hamilton. В этом документе представлен отличный от официального взгляд на вопросы использования политики сдерживания в информационном пространстве: “Кибермощь — стратегическое использование информационных и коммуникационных технологий в целях экономического роста, предоставления новых возможностей развития общества, усиления безопасности”.

Другие глобальные и локальные акторы с различными стимулами и возможностями стали присоединяться к этому процессу,

¹ The Road to Cyberpower: Seizing Opportunity While Managing Risk in the Digital Age. Booz Allen Hamilton, 2011. P. 2. URL: www.boozallen.com/media/file/road-to-cyberpower.pdf (accessed: 10.08.2022).

² Дж. М. Макконнелл (McConnell) — американский военный деятель, вице-адмирал, директор Агентства национальной безопасности США (1992–1996), Директор Национальной разведки (2007–2009); один из ведущих американских неправительственных экспертов по кибербезопасности.

в то время как рост киберпреступности привел к осознанию необходимости скоординированных ответов по всему спектру вопросов обеспечения кибербезопасности.

Приоритет Соединенных Штатов в области ИКТ и киберпространстве стал источником растущей международной напряженности, поскольку между США и остальными странами по-прежнему существует значительный разрыв в технологическом потенциале, стратегическом лидерстве и военно-эксплуатационных показателях. Эта напряженность усугублялась развитием киберпространства как операционного домена военной доктрины США. Появились утверждения о том, что США и Израиль в период между 2007 и 2011 гг. участвовали в саботаже иранской ядерной программы с использованием компьютеров. В свою очередь, западные державы обвинили Пекин и Москву в крупномасштабном взломе с целью шпионажа, а также для подрывной деятельности.

Как эффективное средство для обмена и хранения данных, интернет стал самостоятельной отраслью. Его пользовательская база состоит из примерно 3 млрд человек, что делает его важным инструментом экономического роста и главной платформой для преступности, пропаганды и слежки. Популярность электронной почты и огромное количество используемых доменов и веб-сайтов отражают растущую зависимость предприятий, правительств и общества в целом от передовых ИКТ. Эта тенденция, наряду с растущей взаимозависимостью, растущим рынком государственных и частных онлайн-сервисов и приложений, стимулирует инновации, но также повышает вероятность злонамеренной и враждебной деятельности.

В результате, хотя современные ИКТ способствуют социально-экономическому развитию и стабильности во многих странах мира, но в некоторых случаях они представляют угрозу для действующей власти. Большинство современных конфликтов включают, в различной степени, киберэлемент — будь то нарушение сетевых систем и служб, развертывание компьютеризованных высокоточных систем или использование социальных сетей для информационных операций. Наряду с восстаниями “арабской весны” военные усилия в Афганистане, Украине, Сирии и Ираке свидетельствуют о значительной роли ИКТ в конфликтах и политической конкуренции.

Таким образом, возможные выгоды от экономического и социального прогресса, обусловленные развитием ИКТ, компенсируются возможностью усиления нестабильности в использующих их странах, что вызывает озабоченность по поводу укрепления их национального и международного потенциала. Менее технологически развитые акторы международных отношений оказались неспособны контролировать, формировать или критически оценивать технологии, которые они переняли. Эта стратегическая незащищенность усилила идеологическую борьбу, связанную с развитием и использованием ИКТ¹. Поэтому следует обратить внимание на идеологическую составляющую киберсреды, что, к сожалению, практически не обсуждается в отечественном экспертном сообществе.

Безусловно, интернет является продуктом Пентагона, но такие явления, как сетизм (Netism), DIY², коннективизм, нейтралитет сети, движение сингулярности, — все они зародились в ходе широких дискуссий и обсуждений будущего интернета между техническими специалистами, учеными и энтузиастами. В США подход к интернету четко отражает дихотомию двух классических школ международных отношений — реализма и либерализма, что, соответственно, породило киберреализм и киберлиберализм (киберлибертарианство).

По причине многочисленных геополитических противоречий и жесткой конкуренции за контроль над перспективными технологиями интерес к вопросам безопасности в киберпространстве в последнее время чрезвычайно повышен. Особенно в США и странах блока НАТО кибербезопасность стала неотъемлемой частью национальной политики обороны, внешней политики и доктрин правительств, а также новой области ведения войны. Старая теория сдерживания и превентивной обороны расширяется за

¹ В частности, в перспективе Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка (страны БРИКС) в будущем должны будут выступать противником для агрессивных действий США в этой сфере.

² DIY (от англ. Do It Yourself — сделай сам) — вид деятельности, включающий в себя самостоятельное изготовление, ремонт, усовершенствование техники, мебели, одежды, оборудования и других предметов широкого потребления.

счет современных кибертехнологий, при этом Вашингтон заблаговременно пытается обвинить другие страны в применении киберопераций для влияния, нарушения и даже уничтожения систем своих соперников.

В ряде публикаций американских экспертов, связанных с военными аналитическими центрами, открыто говорится о необходимости применения как дипломатического давления на Россию и Китай по вопросам, связанным с киберпространством, так и проведения тайных операций, включая внедрение различного рода уязвимостей в мирное время. Сейчас США полагаются на использование технологии *Nobody But Us*, то есть применение инструментов и возможностей, которые были разработаны и есть только у них; внедрение методов нейронной разведки (NEURINT) и наращивание наступательных киберкомпонентов Пентагона (C4ISR), которые уже сравнивают с нервной системой, включая интернет вещей поля боя¹. Помимо исключительно военного применения киберпространство используется в различных политических целях. Ранее Госдепартамент США активно курировал и продолжает курировать проект кибердиссидентов, коллектив тактической технологии (поддерживался Институтом “Открытое общество” Сороса и Фондом Форда). Сейчас использование социальных сетей, включая троллинг и применение стратегических хештегов, получило название меметической войны, кроме того, американское академическое сообщество вместе с действующими политиками разрабатывают свои подходы, которые предполагают использовать как актуальные концепции, навязываемые остальным государствам (например, Потомакский институт реализует специальный проект под названием “Индекс киберготовности 2.0.”).

Сегодня АНБ вооружает Америку для будущих войн в киберпространстве, в которых ключевую роль должен сыграть интернет, а целью подготовки является обретение возможности парализовать вычислительные сети критически важных инфраструктур потенциального противника и таким образом нарушить систему государственного управления, работу промышленных предприятий,

¹ При этом в обеспечении кибербезопасности США участвуют около 80 коммерческих компаний, включая не только традиционных военных подрядчиков, но и относительно новые венчурные фирмы.

включая электростанции, заводы, транспортную инфраструктуру, аэропорты, финансовые институты и т. д. Это подтверждается рядом нормативно-правовых документов, принятых в США еще в 2015 г. Так, конгресс США одобрил два новых закона, которые относятся к информационной безопасности, — Закон о защите компьютерных сетей и Закон о продвижении национальной кибербезопасности¹. Закон о защите компьютерных сетей описывает правила по обмену информацией между коммерческими компаниями и государственными организациями. Компаниям гарантируется юридическая защита в том случае, если они сообщают властям информацию о взломе. Сообщать о взломах компании должны через специальный “киберпортал”, который создается на сайте министерства внутренней безопасности. Закон вызвал неоднозначную реакцию среди экспертов. Сторонники говорят, что он поможет предотвратить и бороться с последствиями крупных корпоративных взломов, часто сопровождающихся массовой утечкой конфиденциальных данных о пользователях.

Первенство Соединенных Штатов в этой сфере подтверждается и конкретными действиями других стран. Так, в сентябре 2017 г. от Дании был назначен официальный посол по кибервопросам в Силиконовую долину, что показывает, куда смещается реальная власть и где принимаются в настоящее время решения в области глобального киберпространства.

Многие государства в спешном порядке разрабатывают свои стратегии и доктрины по кибербезопасности. Иногда различные ведомства дублируют подходы к этому вопросу, акцентируя внимание на преимуществах электронной коммерции. Правительство Великобритании, например, привлекает дополнительные средства и персонал для борьбы с киберпреступностью, а также взаимодействует с США в области разведки и обороны.

Сегодня вопросы кибербезопасности стали стратегической проблемой государственной важности, которая затрагивает практически все слои современного общества. Поэтому правильно выстроенная государственная политика кибербезопасности (National

¹ See: H.R.1731 — National Cybersecurity Protection Advancement Act of 2015 // Congress.gov. URL: <https://www.congress.gov/bill/114th-congress/house-bill/1731> (accessed: 10.08.2022).

Cyber Security Strategy — NCSS) является средством усиления безопасности и надежности информационных систем государства. Вслед за США стратегии кибербезопасности приняли в Канаде, Японии, Индии, Австралии, Новой Зеландии, Колумбии и некоторых других странах. В рамках Евросоюза стратегии кибербезопасности приняли: Швеция (2008 г.), Эстония (2008), Финляндия (2008), Словакия (2008): Чехия (2011), Франция (2011), Германия (2011), Литва (2011), Люксембург (2011), Голландия (2011), Великобритания (2011 г.). Исходя из этого списка мы видим, что проблема кибербезопасности признается важной во всем мире.

Россия, как и абсолютное большинство стран мира, является относительно зависимой от США в области использования киберпространства, так как Соединенные Штаты до сих пор сохраняют многие рычаги влияния на глобальное информационное пространство. Российская Федерация неоднократно являлась инициатором обсуждения вопросов запрещения использования информационных технологий в целях, несовместимых с целями развития (определение ООН).

Начиная с 1998 г. в повестку дня Генеральной Ассамблеи ООН включен пункт, посвященный вопросам достижений в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности. В частности, в 2008 г. была принята резолюция Генеральной Ассамблеи ООН, в которой говорилось о необходимости “укрепления безопасности глобальных информационных и телекоммуникационных систем”¹. Если говорить о позиции американской дипломатии по вопросу международного регулирования использования информационных технологий, то она обусловлена стремлением обеспечить доминирование в информационной сфере, относящейся к области вооружений, и выдвиганием на первый план вопросов информационного терроризма, информационной преступности и обеспечения безопасности компьютерных сетей.

¹ Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 2 декабря 2008 г. “Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности”. A/RES/63/37. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/63/37> (дата обращения: 10.08.2022).

Кибербезопасность или информационная безопасность?

В первую очередь необходимо подчеркнуть, что существует два термина: “информационная безопасность” и “кибербезопасность”, которые настолько тесно связаны, что часто считаются синонимами. Однако между этими двумя понятиями существуют значительные отличия.

Информационная безопасность — это, по сути, защита информации, а именно обеспечение ее конфиденциальности, целостности и доступности. Информационная безопасность заботится о том, чтобы данные в любой форме — электронной и бумажной — были гарантированно в безопасности. Это понятие охватывает немного более широкую сферу деятельности, чем кибербезопасность.

Кибербезопасность же занимается исключительно защитой данных, которые находятся в электронной форме. В том числе она определяет, что представляют собой критическая инфраструктура или критические данные и разрабатывает технологии для их защиты.

Тем не менее сферы деятельности этих двух понятий пересекаются. Во-первых, как в информационной безопасности, так и в кибербезопасности присутствует необходимость в физической защите данных. Например, представим кабинет, полный конфиденциальных документов. В данном случае необходимо обеспечить безопасность самого помещения для обеспечения безопасности того, что хранится внутри, а именно информации. По мере того как всё большее количество данных становится цифровыми, для защиты этой информации необходимы более совершенные механизмы IT-безопасности. Таким образом, пока невозможно обезопасить данные, повесив замок на монитор, его можно повесить на двери серверной. Другими словами, вне зависимости от того, в какой форме хранится информация, необходимо убедиться, что все возможные средства защиты были применены для того, чтобы ограничить доступ неавторизованных лиц.

Во-вторых, оба этих понятия учитывают ценность данных. В случае с информационной безопасностью необходимо защитить от несанкционированного доступа любого рода, а в случае с кибербезопасностью — защитить данные от несанкционирован-

ного электронного доступа. Но в обоих сценариях речь идет именно о ценности данных.

Всё же за последнее десятилетие произошло заметное сближение или даже слияние этих двух понятий.

Говоря о различиях в использовании этих двух терминов в России и странах Запада, необходимо отметить следующее. Термин “информационная безопасность” выступает как синоним “кибербезопасности” в основном только в России и странах постсоветского пространства, в отличие от стран Запада, где эти два понятия разделяются и предпочтение отдается сфере кибербезопасности. Для сравнения возьмем определения информационной безопасности и кибербезопасности из словаря, составленного Центром передового опыта по совместной защите от киберугроз НАТО (CCD COE), расположенного в Таллине. Под кибербезопасностью обычно понимаются действия, направленные на обеспечение безопасности в киберпространстве как в гражданских, так и в военных целях, от угроз, способных нанести вред сетям и информационной инфраструктуре. Кибербезопасность стремится к сохранению доступности и целостности сетей и инфраструктуры, а также конфиденциальности содержащейся в них информации. Информационная безопасность же, согласно этому Центру, это способность информационного пространства противостоять угрозам, реагировать на них и восстанавливаться¹. Также там приведено определение “информационной безопасности”, данное в Доктрине информационной безопасности Российской Федерации 2000 г.², под которой понимается состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации в информационной сфере, определяющихся совокупностью сбалансированных интересов личности, общества и государства; информационная безопасность является одной из составляющих национальной безопасности госу-

¹ See: CyberDefinitions // NATO Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence. URL: <https://ccdcoe.org/cyber-definitions.html> (accessed: 10.08.2022).

² См.: Доктрина информационной безопасности Российской Федерации: утв. Президентом РФ 09.09.2000 г. № Пр-1895. URL: <http://base.garant.ru/182535> (дата обращения: 10.08.2022). Указом Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 настоящая Доктрина признана утратившей силу.

дарства. Из этого сравнения видно, что подразумеваются разные объекты воздействия в случае кибератаки.

Новые угрозы информационной безопасности стали характеризоваться в РФ словами, начинающимися с “кибер-”. Концепция стратегии кибербезопасности, вынесенная на обсуждение Советом Федерации ФС РФ еще 10 января 2014 г., закрепляла некоторые понятия:

- информационное пространство — сфера деятельности, связанная с формированием, созданием, преобразованием, передачей, использованием, хранением информации, оказывающая воздействие в том числе на индивидуальное и общественное сознание, информационную инфраструктуру и собственно информацию;

- информационная безопасность — состояние защищенности личности, организации и государства и их интересов от угроз, деструктивных и иных негативных воздействий в информационном пространстве;

- киберпространство — сфера деятельности в информационном пространстве, образованная совокупностью коммуникационных каналов интернета и других телекоммуникационных сетей, технологической инфраструктуры, обеспечивающей их функционирование, и любых форм осуществляемой посредством их использования человеческой активности (личности, организации, государства);

- кибербезопасность — совокупность условий, при которых все составляющие киберпространства защищены от максимального числа угроз и воздействий с нежелательными последствиями¹.

В официальных российских документах термин “кибербезопасность” не выделяется из понятия “информационная безопасность” и используется только в рамках последнего, никогда отдельно. В то время как в большинстве западных стран он рассматривается как относительно автономный и выделяется в самостоятельную дефиницию.

¹ Концепция Стратегии кибербезопасности Российской Федерации // Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/media/files/41d4b3dfbdb25cea8a73.pdf> (дата обращения: 10.08.2022).

На международном уровне существует стандарт ИСО/МЭК 27032:2012 “Информационные технологии. Методы обеспечения безопасности. Руководящие указания по кибербезопасности”¹, который берется за основу для рассмотрения данной проблематики, например, в тех же странах ЕС.

По аналогии с классическим определением информационной безопасности в стандарте под кибербезопасностью фактически понимают свойство защищенности активов от угроз конфиденциальности, целостности, доступности, но в некоторых абстрактных рамках — киберпространстве.

Киберпространство формулируется как комплексная виртуальная среда (не имеющая физического воплощения), сформированная в результате действий людей, программ и сервисов в сети Интернет посредством соответствующих сетевых и коммуникационных технологий. Сущностями киберпространства могут быть виртуальные деньги, облака, виртуальные посольства, виртуальные преступления, виртуальные развлечения и т. д. Что касается собственно обеспечения кибербезопасности, то в качестве приоритета выделена координация взаимодействия между организациями, формирующими киберпространство, самостоятельные действия которых не обеспечивают эффективную защиту от киберугроз.

Тезаурус кибербезопасности интегрирован с понятиями информационной безопасности, безопасности приложений, сетевой безопасности, безопасности интернета, а также безопасности критической информационной инфраструктуры, которая играет наиболее важную роль и, рассматривая кибербезопасность как часть международной безопасности, представляет собой цель ее обеспечения².

¹ ИСО/МЭК 27032:2012 “Информационные технологии. Методы обеспечения безопасности. Руководящие указания по кибербезопасности” (ISO/IEC 27032:2012 Information technology — Security techniques — Guidelines for cybersecurity). URL: <https://www.iso.org/standard/44375.html> (дата обращения: 10.08.2022).

² См.: *Марков А. С., Цирлов В. Л.* Руководящие указания по кибербезопасности в контексте ISO 27032 // Вопросы кибербезопасности. 2014. № 1 (2). С. 28–35.

Таким образом, Россия и страны Запада делают акцент на разных сферах общей для всех информационной безопасности, частью которой кибербезопасность и является. Это связано, в первую очередь, с разными подходами к обеспечению безопасности в этой сфере. Национальные интересы России в информационной безопасности включают: вопросы развития современных информационно-коммуникационных средств, соблюдение конституционных прав и свобод граждан в области получения и обмена информацией, защиту национальных духовных ценностей, пропаганду культурного наследия, обеспечение общественной нравственности и прав граждан на получение достоверной информации, недопустимость использования информации для манипулирования массовым сознанием¹. Для России в число угроз входят, например, действия в информационном пространстве с целью подрыва политической, экономической и социальной систем другого государства, психологическая обработка населения, дестабилизирующая общество.

Данная позиция была прописана еще в представленном Россией и другими государствами — членами Организации Объединенных Наций “Проекте конвенции об обеспечении международной информационной безопасности” в сентябре 2011 г. на международной встрече высокопоставленных должностных лиц, курирующих вопросы безопасности. С этим проектом были категорически не согласны США, Великобритания и некоторые другие государства. Их несогласие было обосновано так называемым западным консенсусом, в котором упор делается на безопасности инфраструктуры компьютерных сетей, а проблематика ограничивается спектром цифровых технологий, тогда как в информационной безопасности учитывается степень влияния информационных потоков прежде всего на социополитические и иные процессы. Соответственно, отличаются и восприятие, и понимание угроз. Россия рассматривает в качестве угрозы возможность применения информационных ресурсов для влияния на социально-гуманитарную

¹ См.: Безопасность и противоборство в информационной среде: аспекты национальной безопасности: Учебное пособие / В. И. Анненков, С. Н. Баранов, В. Ф. Моисеев, Н. А. Сергеев; Под ред. В. И. Анненкова. М.: Русавиа, 2010. С. 12.

сферу, а страны Запада признают угрозу, исходящую от враждебных информационных ресурсов, но делают оговорку на их содержание. Сутью документа является закрепление на международном уровне ряда понятий — “информационная война”, “информационная безопасность”, “информационное оружие”, “терроризм в информационном пространстве” и других, которые пока фигурируют исключительно в научных и научно-публицистических работах, но не стали категориями международного права. В российском проекте конвенции четко прописаны вопросы сохранения суверенитета государства над его информационным пространством, а также положения, направленные на защиту от “действий в информационном пространстве в целях подрыва политической, экономической и социальной систем другого государства, психологической обработки населения, дестабилизирующей общество”¹.

Однако с развитием технологий и механизмов воздействия на информационное пространство западное понимание кибербезопасности сблизилось с информационной безопасностью. Таким образом, в определении, данном в стратегическом докюме “Эволюция киберпространства: значения для национальной и глобальной безопасности” британского аналитического центра Международного института стратегических исследований, отмечается, что киберсфера чрезвычайно политизирована и обладает всё большим стратегическим значением². Исходя из вышеприведенных фактов можно утверждать, что в связи с развитием технологий и всё возрастающим влиянием киберпространства на все сферы жизни общества его невозможно не считать новым средством политики и механизмом ее влияния.

¹ Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 22.09.2011. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICk6B6BZ29/content/id/191666.html (дата обращения: 10.08.2022).

² See: Evolution of the Cyber Domain: The Implications for National and Global Security by International Institute for Strategic Studies. URL: <http://www.iiss.org/en/publications/strategic%20dossiers/issues/evolution-of-the-cyber-domain-fb56> (accessed: 26.08.2022).

Различия в подходах ведущих государств к обеспечению кибербезопасности — США и стран НАТО

В 2009–2010 гг. был сформулирован новый подход к обеспечению военной кибербезопасности, в рамках которого Пентагон признал киберпространство новым пространством ведения войны. Несмотря на то что киберпространство — антропогенная и отчасти виртуальная сфера деятельности, она стала рассматриваться как среда проведения военных операций наравне с сушей, морем, воздухом или космическим пространством. На Киберкомандование США были возложены три основные функции в рамках работы на кибернетическом театре военных действий. Во-первых, оно занимается защитой всех военных сетей, координирует антитеррористические действия и военные операции в киберпространстве. Во-вторых, оно осуществляет управление военными киберресурсами. В-третьих, Киберкомандование обеспечивает соблюдение правил информационной безопасности во всех подразделениях министерства обороны. Четвертая функция Киберкомандования заключается в том, чтобы обеспечивать сотрудничество между США и их союзниками в сфере кибербезопасности, а также между государством и транснациональными корпорациями.

Пентагон развернул систему, которая включает в себя три пересекающиеся линии обороны. Две из них базируются на ведущих коммерческих разработках. В их основе — обычное программное обеспечение, позволяющее регулярно обновлять антивирусные базы, а также обнаруживать проникновения в сеть. Третья линия обороны обеспечивает государственные разведывательные ресурсы с использованием специальных средств активной обороны. Агентство национальной безопасности первым разработало системы, которые, используя механизмы предупреждения, предоставленные разведывательными структурами, автоматически активизируют оборону для противодействия проникновениям в режиме реального времени. Сенсоры, охраняемые системы, наступательные вооружения — все эти элементы активной обороны лежат в основе новой модели сетевой обороны. Активные системы обороны сейчас защищают все военные и разведывательные сети в домене “.mil”. Но разработать соответствующие протоколы действий на случай массированных атак и сред-

ства защиты — довольно сложная задача. В реальности стремление определить четкие правила реагирования на нападения в киберпространстве является по объективным причинам практически невыполнимой задачей. Активная система обороны стала возможной только после интеграции коллективных возможностей кибербезопасности министерства обороны с аналогичными ресурсами разведывательных структур. Министерство внутренней безопасности отвечает за безопасность сетей в доменах “.gov” и “.com”, но Пентагон вынужден участвовать в защите этого критического элемента американской инфраструктуры. Кроме того, было решено также расширить взаимодействие в сфере информационной безопасности с союзниками по НАТО¹.

По мнению Дж. М. Макконнелла, основу американской стратегии в информационном пространстве должна составить политика сдерживания². Он сравнивает современную ситуацию в информационном пространстве со временами холодной войны. В тот период угроза Соединенным Штатам исходила от Советского Союза. Основной стратегией сдерживания являлось психологическое удерживание противника от нанесения ядерного удара (deterrence). Угроза информационной войны сопоставима с ядерной атакой — она дает потенциальный экономический и психологический эффект. Стратегия информационной безопасности, по мнению сторонников идей Макконнелла, должна сочетать как элементы сдерживания, так и превентивных действий. В зависимости от природы угрозы, США могут использовать элементы политики сдерживания и превентивных действий в киберпространстве.

Поэтому, на наш взгляд, в сложившихся условиях геополитической нестабильности эффективное урегулирование всех существующих проблем в области международной информационной безопасности возможно только с позиции сбалансированного подхода всего международного сообщества, который на данный момент находится лишь на стадии согласования.

¹ See: Joint Vision 2020. Report of the National Intelligence Council's 2020 Project. Government Printing Office (GPO) December 2004.

² See: The Road to Cyberpower: Seizing Opportunity While Managing Risk in the Digital Age. Booz Allen Hamilton, 2011. P. 2. URL: www.boozallen.com/media/file/road-to-cyberpower.pdf (accessed: 10.08.2022).

Сегодня в международном сообществе сформировалось два концептуальных подхода к проблеме использования ИКТ в военно-политических целях. Один из них принадлежит США и их сторонникам в данной сфере, второй разработан и продвигается Россией и государствами, поддерживающими ее точку зрения. Суть первого подхода состоит в том, что его сторонники убеждены в неизбежности возникновения военно-политических столкновений в информационном пространстве и настаивают на адаптации уже существующего международного права к соответствующим инцидентам.

Следует отметить, что в настоящее время многие государства, как правило, прозападной политической ориентации, ведут наращивание своего киберпотенциала для его реализации в военно-политических целях. К этим странам относятся США, Франция, Израиль, Великобритания, Австралия, заявившие об официальном закреплении положения о возможности ведения ими войны с задействованием своего кибероружия¹. Разумеется, большинство этих стран содержат данные о киберпотенциале в закрытом режиме, что не позволяет оперировать точной информацией о намерениях данных государств по развязыванию вооруженных конфликтов в киберпространстве.

Еще в 2003 г. американским руководством была издана «Национальная стратегия защиты киберпространства», в которой впервые отмечалось, что в случае реальной или потенциальной угрозы своим национальным интересам США имеют право осуществить превентивные действия в киберпространстве применительно к потенциальным источникам исходящих угроз². Спустя пять лет Национальная разведка США доложила в своем докладе, что «к 2025 году ряд стран будут использовать оружие, способное уничтожать или искажать информацию, воздействовать на коммуникационные сети и системы»³.

¹ См.: *Бедрицкий А. В.* Международные договоренности по киберпространству: возможен ли консенсус? // Проблемы национальной стратегии. 2012. № 4 (13). С. 119–136.

² См.: *Демидов О.* Обеспечение международной информационной безопасности и российские национальные интересы // Индекс безопасности. 2013. Т. 19, № 1 (104). С. 119–168.

³ См. там же.

Подобный политический настрой получил дальнейшее развитие. А именно, в октябре 2012 г. президент США издал секретную директиву, предполагающую возможность осуществления наступательных операций в киберпространстве в качестве инструмента достижения целей, удовлетворяющих американским интересам и продвигающих их на международной арене. Согласно документу, данные действия должны быть реализованы без предварительного предупреждения об их старте. Кроме того, главной задачей наступательных операций является ликвидация критически важных объектов инфраструктуры противника, в том числе компьютерных систем.

Заслуживает внимания и рассмотрение американским политическим истеблишментом разновидностей угроз международной безопасности. Так, в 2013 г. в докладе правительства США киберугрозы впервые возглавили список, обогнав терроризм¹. Примечательно, что в качестве одной из потенциальных угроз была выделена возможность совершения хакерских атак на критически важную инфраструктуру США со стороны какого-либо государства либо негосударственного актора. При этом отсутствовали упоминания конкретных стран или других акторов, в том числе указывалось на низкую вероятность совершения подобных атак со стороны таких кибердержав, как Россия и Китай.

Однако в докладе следующего года уже утверждалось, что многие государства (Россия, Китай, Иран и Северная Корея) разрабатывают мощные системы киберзащиты, при помощи которых смогут разворачивать кибероперации в отношении других стран.

Подобное мышление присуще и политикам стран НАТО. При переходе к анализу позиции данной организации необходимо подчеркнуть, что за всё время существования киберпространства киберпреступлениям подверглись стратегические и жизненно важные инфраструктуры таких стран, как Эстония, Грузия, Сирия и др. Несмотря на глобальный характер кибератак, на сегодняшний день отсутствуют единое международно-правовое определение понятий киберпреступности и кибервойны, а также

¹ See: *Clapper James R. Worldwide Threat Assessment of the US Intelligence Community*. 2016. Feb. 9. URL: <https://www.intelligence.senate.gov/sites/default/files/wwt2016.pdf> (accessed: 10.08.2022).

международно-правовой механизм регулирования отношений в киберпространстве.

Правовую основу борьбы с киберпреступлениями образуют прежде всего международные нормативно-правовые акты, такие как Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г., в которой отражены основные направления межгосударственного сотрудничества в данной сфере. Также на необходимость развития международного сотрудничества в информационном пространстве с целью предотвращения киберпреступлений указывают следующие международные документы: Декларация принципов “Построение информационного общества — глобальная задача в новом тысячелетии”, принятая в 2003 г. в Женеве на первой Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества (ВВУИО), “Окинавская Хартия глобального информационного общества”, принятая 22 июля 2000 г. лидерами стран “Большой восьмерки”, Тунисская программа для информационного общества, принятая в 2005 г., Программа “Информация для всех”, принятая в 2001 г. ЮНЕСКО (Организация Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры), и Руководство Международного союза электросвязи 2009 г. “Понимание киберпреступности: руководство для развивающихся стран”¹.

Важным этапом концептуализации их взглядов на положение дел в информационной среде, а также на процесс легализации ответных действий государства, подвергнувшегося кибернападению, стало создание в 2013 г. в Эстонии документа НАТО “Руководство по международному праву, применимому к ведению военных действий в киберпространстве”, или “Таллинское руководство”. По сути, документ представлял собой правила ведения войны в информационном пространстве, в основу которых заложен принцип применимости в информационном пространстве тех же норм права, что и в морском, воздушном и наземном².

¹ Подробнее см.: *Талипова Л.* Международно-правовая регламентация киберпреступности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 4. С. 121–123.

² См.: *Томилова Ю. О.* ООН и проблема обеспечения международной информационной безопасности // *Международная жизнь.* 2015. № 8. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1351> (дата обращения: 15.08.2022).

Прежде всего необходимо отметить, что данный региональный документ представляет собой комплексную оценку и наиболее масштабный синтез постулатов и принципов международного права, условий международных договоров, документов международных межправительственных организаций и правоприменительной практики международных судов. Структурно Таллинское руководство состоит из двух основных частей, закрепляющих 95 правил по ведению кибервойны:

1) часть А — “Международное право кибербезопасности” (International Cyber Security Law), включающая в себе две главы и 19 правил, регламентирующие права сторон конфликта на ведение кибервойны;

2) часть В — “Право киберконфликтов” (The Law of Cyber armed Conflict), состоящая из пяти глав и 76 правил, регулирующих поведение сторон в ходе кибервойны.

Цель Таллинского руководства — оценка нормативной и правовой базы в области информационной безопасности и анализ их эффективности в современных условиях. Руководство содержит важное положение: каждое государство обязано понимать и осознавать результаты разработки, внедрения и применения новых видов вооружения, в том числе кибероружия, в рамках международного гуманитарного права. Вместе с тем некоторые эксперты считают ошибочным применение норм международного гуманитарного права в киберконфликтах, настаивая на применении норм международного уголовного права и создании Международного уголовного трибунала по киберпространству. Тем не менее руководство не дает четко определенного толкования киберпреступления.

В Таллинском руководстве, кроме того, проводится тезис о том, что в ответ на атаку с использованием ИКТ допустимо проведение силовой операции.

Согласно уэльской декларации стран — членов НАТО от 2014 г., “решение о том, когда кибернападение приводит к введению в действие статьи 5, будет приниматься Североатлантическим союзом в каждом отдельном случае”¹. Таким образом, было официально

¹ См.: Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе // НАТО.05.09.2014. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 12.08.2022).

закреплено суверенное право США и их сторонников на начало боевых действий в ответ на атаку с использованием ИКТ. Важно отметить, что в документе отсутствует четкая регламентация относительно соблюдения принципа пропорциональности в случае ответной атаки, масштаба самой атаки, способной вызвать ответную реакцию стран — членов альянса, а также типа оружия — информационного или конвенционального, — посредством которого будут совершены ответные действия.

Вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что за последние несколько лет США и их союзники смогли осуществить доктринальное закрепление принципа неизбежности возникновения конфликтов в информационном пространстве и необходимости их регулирования.

Это позволило им продвинуться в убеждении многих других государств в рациональности своей позиции. Подчеркивается, что для нейтрализации угроз, исходящих от других стран в информационном пространстве, все средства, в том числе и силовые, являются действенным и легитимным способом ответа на кибератаки. Кроме того, поощряется наращивание наступательных вооружений.

На этом США не остановились. В январе 2015 г. президент США издал указ, позволяющий вводить санкции против официальных лиц и правительства Северной Кореи, которую на основании докладов американских спецслужб Вашингтон обвинил в совершении хакерской атаки на компанию Sony Pictures. В апреле того же года схожее положение о введении финансовых санкций против лиц, подозреваемых в киберпреступлениях, повторно было закреплено в указе президента США. Таким образом, США оставляют за собой право самостоятельно решать, кто может являться потенциальным “носителем” киберугрозы и применять в отношении него превентивные действия, полагаясь при этом не на нормы международного права, а исключительно на выводы спецслужб о возможном или фактическом участии в осуществлении атак с использованием ИКТ. Этот вывод подтверждают призывы США к принятию странами “правил ведения кибервойн” в контексте неоспоримого признания исключительности их национальных интересов.

Доктринальная основа и система обеспечения кибербезопасности ЕС

Говоря о доктринальной основе кибербезопасности в Европейском союзе, в первую очередь необходимо упомянуть Стратегию кибербезопасности ЕС “Открытое, безопасное свободное киберпространство”, которая была принята в феврале 2013 г.¹ Следует отметить, что эксперты американского исследовательского центра RAND отзываются в целом положительно об этом документе. В Стратегии сделана попытка объединить и координировать три ключевых направления обеспечения безопасности в ЕС: правоохранные органы, “цифровое государство” и оборону, безопасность и внешнюю политику. Ранее такие шаги были сделаны НАТО в военной сфере, однако политической сферы это не касалось. Целью Стратегии является повышение устойчивости и развитие потенциала государств — членов ЕС, усиление борьбы с киберпреступностью, формирование новой инфраструктуры и возможностей для ЕС, а также разработка международной политики в области кибербезопасности. Эксперты отмечают, что важной чертой этих инициатив будут действия по унификации инфраструктуры обеспечения кибербезопасности. Посредством изменений в национальных законодательствах каждое государство — участник ЕС будет обладать национальными Группами реагирования на инциденты компьютерной безопасности (Computer Emergency Response Team, CERT), а также компетентным органам предоставляется возможность выступать по этой теме от имени страны на общеевропейском уровне. Стратегия предпринимает попытку координации деятельности на национальном уровне в области обороны и внешней политики, поскольку эти области являются чувствительными для европейских государств в вопросе обеспечения собственного суверенитета².

¹ Стратегия кибербезопасности ЕС: открытое, безопасное и свободное киберпространство (Cybersecurity Strategy of the European Union: An Open, Safe and Secure Cyberspace) (7.02.2013). URL: https://eeas.europa.eu/policies/eu-cyber-security/cybsec_comm_en.pdf (дата обращения: 10.08.2022).

² См.: Эксперты RAND о европейской концепции кибербезопасности // АНО “Центр стратегических оценок и прогнозов”. 28.03.2013. URL: <http://csef.ru/ru/oborona-i-bezopasnost/272/eksperty-rand-o-evropejskoj-konczepczii-kiberbezopasnosti-4120> (дата обращения: 10.08.2022).

10 сентября 2014 г. Координационной группой по кибербезопасности (CSCG) были предложены Рекомендации к Стратегии кибербезопасности, за основу для которых был взят Регламент Европейского парламента и Совета Европейского союза от 25 октября 2012 г. о европейской стандартизации. Эксперты CSCG подчеркивают значение согласованных стандартов кибербезопасности для формирования единого европейского рынка. Эти рекомендации представляют собой предложения CSCG, систематизированные по трем аспектам: управление, согласование и глобальное измерение. При этом предлагается унифицировать значение таких терминов, как кибербезопасность (*cyber security*), безопасность сетей и информационных систем (*network and information security, NIS*) и киберпреступность (*cybercrime*) на основе существующих определений. До сих пор эти три термина используются без закрепления различий употребления, что может повлечь риск их разной интерпретации¹.

Однако, по сути, наиболее важным документом является Директива по безопасности сети и информационных систем (NIS), поскольку это первый законодательный акт ЕС по кибербезопасности. Директива NIS вступила в силу в августе 2016 г. Государствам — членам ЕС дается 21 месяц, чтобы включить ее в национальные законодательства и еще 6 месяцев предоставляется, чтобы определить компетентные органы по ее исполнению, а также назначить отдельный орган для выполнения функций трансграничного сотрудничества с компетентными органами других стран — членов ЕС. Целью Директивы является достижение высокого уровня безопасности сети и информационных систем в рамках ЕС с помощью:

- улучшения возможностей обеспечения кибербезопасности на национальном уровне;
- усиления сотрудничества в рамках ЕС;
- управления рисками и обязательствами по отчетам в случае инцидентов для провайдеров и операторов цифровых услуг.

¹ See: Recommendations for a Strategy on European Cyber Security Standardisation. URL: http://www.kigeit.org.pl/FTP/PRCIP/Literatura/079_CEN-CENELEC-ENSI-White_paper-Strategy_european_cybersecurity_standardisation.pdf (accessed: 10.08.2022).

Обязательным условием также является создание Группы реагирования на инциденты компьютерной безопасности в государствах-членах. В рамках сотрудничества внутри ЕС должны создаваться национальные группы по сотрудничеству, которые объединятся в информационную сеть, для поддержки и выполнения стратегических целей и обмена информацией¹. Согласно Директиве, все страны — члены ЕС должны проработать национальные стратегии кибербезопасности, которые будут отвечать новым требованиям. На данный момент все страны — члены ЕС, кроме Болгарии, Греции и Швеции, закончили разработку новых стратегий кибербезопасности.

Рассмотрим национальные стратегии кибербезопасности ЕС на примере нескольких стран². В Германии существует всеобъемлющая стратегия кибербезопасности, принятая в 2011 г. и дополненная сильной нормативно-правовой базой кибербезопасности. Наличие Федерального ведомства по информационной безопасности (BSI), отвечающего за управление безопасностью компьютеров и коммуникаций для правительства Германии, является наглядной демонстрацией того, что кибербезопасность находится на высоком правительственном уровне. В Германии также действует сеть CERT с национальным CERT — CERT-Bund, тесно сотрудничающим как с государственными, так и с неправительственными CERT. Кроме того, в стране имеются хорошо развитые общественно-частные партнерства, такие как Альянс кибербезопасности и партнерства.

Во Франции стратегия кибербезопасности была разработана в 2011 г., в ней основное значение уделяется обороне и национальной безопасности. Национальное агентство по безопасности информационных систем (ANSSI) — прочно укоренившееся учрежде-

¹ See: Directive (EU) 2016/1148 of the European Parliament and of the Council of 6 July 2016 concerning measures for a high common level of security of network and information systems across the Union. URL: http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=uriserv:OJ.L_.2016.194.01.0001.01.ENG&toc=OJ:L:2016:194:TOC (accessed: 10.08.2022).

² See: EU Cybersecurity Dashboard A Path to a Secure European Cyberspace. URL: http://cybersecurity.bsa.org/assets/PDFs/study_eucybersecurity_en.pdf (accessed: 10.08.2022).

ние, занимающееся информационной безопасностью. Оно функционирует совместно с Группой реагирования на инциденты компьютерной безопасности CERT-FR. В стратегии подчеркивается значение сотрудничества с частным сектором, однако этот пункт не слишком активно претворяется в жизнь. ANSSI опубликовало меры по обеспечению безопасности в конкретных секторах экономики, что делает Францию одной из немногих стран ЕС, где применяется такой целенаправленный подход управления кибербезопасностью.

Австрийская стратегия кибербезопасности была принята в 2013 г. Она является частью более широкой инициативы австрийского правительства в области ИКТ, изложенной в Национальной стратегии обеспечения безопасности ИКТ 2012 г. Стратегия представляет собой обширный план, который определяет целевые задачи кибербезопасности и направляет их в организованную сферу действий.

В Австрии создана Группа реагирования на инциденты компьютерной безопасности CERT.at с широкой и четко определенной сферой деятельности. В стране действуют также несколько государственно-частных партнерств, связанных с кибербезопасностью, таких как Центр безопасных информационных технологий Австрии (A-SIT) и Kuratorium Sicheres Österreich.

И, наконец, Эстония, которая имеет большое значение в обеспечении кибербезопасности ЕС, поскольку на ее территории находится Центр передового опыта по совместной защите от киберугроз НАТО (CCD COE). Эстония разработала национальную стратегию кибербезопасности одной из первых в 2008 г., обновив ее в 2014. В стране также существует обширная законодательная база, которая регламентирует информационную и кибербезопасность страны. В Эстонии существует прочно устоявшаяся Группа реагирования на инциденты компьютерной безопасности CERT Estonia, находящаяся под контролем Управления информационных систем.

Директива привела к активным обсуждениям и дебатам. Хотя все государства-члены признают необходимость принятия мер против киберугроз, мнения существенно различаются в отношении того, как наилучшим образом обеспечить сетевую и инфор-

мационную безопасность. Подразумевается, что в предложенных формулировках Директивы предпочтение комиссии отдаётся юридически обязательным мерам. Тем не менее некоторые государства-члены предпочитают более гибкий подход, когда регламентация ограничивается критической защитой инфраструктуры, а дополнительные мероприятия осуществляются на добровольной основе¹.

Эти вопросы поднимались как в Европейском парламенте, так и в Совете Европейского союза. 13 марта 2014 г. Европарламент принял в первом чтении законодательную резолюцию и 138 поправок к предложению, таким образом, Директива претерпела существенные изменения. Одно существенное изменение касалось сферы действия Директивы: “государственные администрации” и “операторы рынка” были освобождены от обязательных общих минимальных требований безопасности, а также явное исключение было сделано для поставщиков оборудования и программного обеспечения. Особое внимание было уделено использованию существующих национальных структур и соответствию другим требованиям ЕС (например, законам о защите данных) для достижения целей Директивы. Некоторые поправки отражают уточнения: например, термин “компетентные органы” был заменен “единицами контакта”, были расширены определения “риска”, “инцидента” и “операторов критической инфраструктуры”. Также разрабатывается система сотрудничества: стратегические цели группы сотрудничества в рамках всего ЕС и оперативные задачи CERT требуют уточнения.

Еще одним важным документом в области кибербезопасности ЕС является Глобальная стратегия ЕС по внешней политике и политике безопасности, принятая в июне 2016 г., в которой одной из новых и безусловно серьезных угроз европейской политики обозначена кибербезопасность. Стратегия четко определяет значение НАТО в обеспечении европейской безопасности в целом и кибербезопасности в частности. ЕС вносит свой вклад в сис-

¹ See: *Shooter S.* MEPs vote strongly in favour of the proposed European Cybersecurity Directive // Bird & Bird. 2014. March 13. URL: <http://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=c39213ca-77b0-432e-943e-37854fc6b921> (accessed: 10.08.2022).

тему коллективной безопасности в Европе в тесном взаимодействии со своими партнерами, в первую очередь с НАТО¹. Россия в новой стратегии, скорее, оппонент ЕС: она осуждается за нарушение международного права — дестабилизацию обстановки в Украине, что подрывает европейскую безопасность. В документе обозначена возможность выборочного сотрудничества с Россией при условии соблюдения ею норм международного права, однако четко эти сферы возможного партнерства не обозначены, как не обозначена и возможность сотрудничества России и Европейского союза в области кибер- или информационной безопасности.

В подпункте “Кибербезопасность” вышеупомянутой Глобальной стратегии отмечено, что ЕС будет уделять больше внимания обеспечению кибербезопасности, оснащая необходимыми средствами и содействуя странам — членам ЕС в защите от возможных киберугроз при сохранении открытого, свободного и безопасного киберпространства, особенно акцентируя внимание на устойчивости инфраструктур для гарантии целостности данных. Также ЕС будет поддерживать политическое и техническое сотрудничество между странами — членами ЕС, укрепляя при этом взаимоотношения в этой области с такими важными партнерами, как США и НАТО.

Цифровая повестка дня для Европы “Доверие и безопасность” (Pillar III: Trust and Security)² является одной из семи флагманских инициатив Стратегии “Европа 2020”, всеобъемлющей целью которой является достижение “разумного, устойчивого и открытого для всех роста”. Помимо стремления к единому цифровому рынку, документ направлен на устранение недостатка доверия и безопасности в киберпространстве. Фактически цели, закрепленные в Пункте III, непосредственно соответствуют целям Стратегии в отношении киберугроз и киберпреступности.

¹ См.: Глобальная стратегия ЕС по внешней политике и политике безопасности от 29.06.2016. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/belarus/press_corner/all_news/news/2016/2016_06_29_be.htm (дата обращения: 10.08.2022).

² See: Strengthening trust and security // European Commission. 2015. Feb. 10. URL: <http://ec.europa.eu/digital-agenda/en/our-goals/pillar-iii-trust-security> (accessed: 10.08.2022).

В Повестке излагается перечень действий и отслеживается состояние различных принятых до сих пор мер. Всеобъемлющий упор сделан на повышение устойчивости к киберугрозам. К соответствующим действиям относятся:

- Действие 28: Поддержка политики NIS.
- Действие 33: Обеспечение готовности в сфере кибербезопасности на общеевропейском уровне.
- Действие 38: Создание единой CSIRT (Computer Security Incident Response Team) для всех государств — членов ЕС.
- Действие 41: Создание национальных систем оповещения.
- Действие 123: Дальнейшие предложения к Директиве.

Для рассмотрения принципов кибербезопасности ЕС необходимо обратиться к уже упомянутой выше Стратегии кибербезопасности ЕС 2013 г. В ее введении обозначено, что существуют три ключевых составляющих: во-первых, зависимость экономического процветания ЕС от возможностей его информационных и коммуникационных систем, при невозможности роста без “открытого, безопасного и свободного киберпространства”; во-вторых, необходимость правильно спланировать и принять модель управления с участием многих заинтересованных сторон для преодоления разрыва в потенциале кибербезопасности в Европе; в-третьих, адаптация норм и принципов, защищающих основополагающие права, демократию и верховенство закона в ЕС к европейскому киберпространству.

Хотя эти стимулы не уникальны для ЕС, они имеют конкретные последствия для политики, учитывая серьезные различия в уровнях разработанности стратегий кибербезопасности ее государств-членов. Поэтому одной из основных тем Стратегии кибербезопасности ЕС является акцент на гармонизацию и координацию для преодоления в настоящее время фрагментированных подходов государств-членов. Это проявляется в различных инициативах: создании общеевропейских киберагентств, укреплении законодательства, касающегося киберпространства, и оказании помощи государствам-членам в укреплении их внутренних возможностей. Задача состоит в том, чтобы установить надлежащие пределы полномочий, которые должны быть делегированы национальным органам власти, при осуществлении скоординированной европейской повестки дня в области кибербезопасности.

Учитывая главную тему гармонизации и координации, Стратегия преследует пять целей¹:

- Достижение устойчивости в киберпространстве.
- Резкое сокращение количества киберпреступлений.
- Разработка политики и возможностей киберзащиты, связанных с общей политикой безопасности и обороны (Common Security Defence Policy).
- Развитие индустриальных и технологических ресурсов для обеспечения кибербезопасности.
- Проведение согласованной международной политики в отношении киберпространства для ЕС и продвижение основных ценностей ЕС.

Приверженность к расширению производственных ресурсов и сотрудничеству с международными заинтересованными сторонами имеет решающее значение, поскольку они играют стимулирующую роль в достижении киберустойчивости, сокращении киберпреступности и укреплении киберобороны.

Принципы европейской информационной безопасности также можно рассмотреть на основе исследования, сделанного одним из ведущих аналитических центров Германии *Stiftung Wissenschaft und Politik*², образованного на базе Германского института международной политики и безопасности, занимающего в 2015 г. лидирующие позиции согласно ежегодному докладу Института Лодера, аналитического центра Университета Пенсильвании³.

¹ См.: Стратегия кибербезопасности ЕС: открытое, безопасное и свободное киберпространство (Cybersecurity Strategy of the European Union: An Open, Safe and Secure Cyberspace) (07.02.2013). URL: https://eeas.europa.eu/policies/eu-cyber-security/cybsec_comm_en.pdf (дата обращения: 10.08.2022).

² See: *Bendiek A.* Due Diligence in Cyberspace: Guidelines for International and European Cyber Policy and Cybersecurity Policy // SWP Research Paper. Berlin: SWP, 2016. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2016RP07_bdk.pdf (accessed: 10.08.2022).

³ Программа “Аналитические центры и гражданское общество”. Институт Лодера. Университет Пенсильвании. 2016. URL: http://carnegieendowment.org/files/Global_Think%20Tank%20Rating%202015%20RUS.pdf (дата обращения: 10.08.2022).

Исследование озаглавлено “Юридическое закрепление принципов кибербезопасности в европейской и международной политике” и посвящено анализу принципов, по большей части, европейской политики кибербезопасности. В исследовании утверждается, что политическое регулирование и цифровой суверенитет в киберпространстве должны быть усилены и денационализированы. Подчеркивается, что в наше время происходит милитаризация киберпространства, поэтому необходимо учитывать это для организации успешной киберобороны ЕС — НАТО в будущем. К сожалению, политическая реакция на развитие киберсферы будет всегда отставать от технологического развития. Отсюда возникает три важных требования к политике кибербезопасности:

— европейская кооперация, а именно: необходимость встраивать национальные политические курсы в общую европейскую политику;

— открытость, а именно: предоставить разным группам интересов возможность участвовать в политике;

— “обратная связь с гражданами”: отдавать предпочтение гражданскому компоненту над военным (в особенности в мирное время).

Далее подробно раскрывается каждый из этих принципов с приведением примеров.

Под “европейской кооперацией” подразумевается, что государства ведут себя ответственно не только по отношению друг к другу, но и в своей внешней и внутренней политике придерживаются существующей регулятивной практики, что обеспечивается Стратегией кибербезопасности ЕС 2013 г. В качестве одного из шагов осуществления Директивы по безопасности сети и информационных систем (NIS) все страны — члены ЕС как минимум должны ввести стандарты и требования к отчетности для безопасности в сфере информационно-коммуникационных технологий, а созданные компетентные органы должны участвовать в борьбе с киберпреступностью. Для юридического закрепления таких компонентов, как единый цифровой рынок, а также национальные цифровые рынки, защита информации и регулирование интернета на уровне ЕС, считается необходимым ускорить исполнение Глобальной стратегии ЕС в части вопросов, касающихся

ся киберпространства. Государства — члены НАТО и ЕС согласны, что на данный момент страны несут ответственность за свое киберпространство только на национальном уровне.

Принцип “открытости” подразумевает в том числе необходимость продолжать попытки юридически закрепить на уровне ООН трактовку терминов. И, наконец, для раскрытия третьего принципа отмечается, что, например, создание национальных стратегий, защищающих экономику и промышленность стран от кибершпионажа, уже укрепило потенциал оборонительной разведки. Однако Министерство обороны Германии настаивает на еще большем усилении обороноспособности, чтобы реагировать на кибератаки. Также подчеркивается, что правительствам стран не рекомендуется переходить в так называемую “наступательную оборону” в киберсфере, поскольку это не только прямое противоречие “должной добросовестности” в кибердипломатии, но и влечет за собой риск напряжения обстановки и распространение кибератак.

Давно известно, что кибератаки сложно предугадать, а ответная реакция может нанести еще больший урон. Кибератака на бундестаг в июне 2015 г., в совершении которой немецкие власти обвинили Россию¹, показала, как важно настаивать на разработке мирной устойчивой системы противодействия. Рассмотрение этой кибератаки в качестве нарушения суверенитета, обращение к принципу коллективной обороны НАТО или объявление кибервойны “Исламскому государству”, как сделали США, должны являться крайними мерами. Дальнейшая разработка мер необходима, чтобы принять будущую стратегию устойчивого развития для обеспечения более эффективной безопасности технологий, для разработки цифровой криминалистики и для мер повышения осведомленности по теме среди государственных служащих, ученых, академиков и аналитиков. Меры укрепления доверия в рамках ОБСЕ и создание потенциала в этой сфере в третьих странах под руководством ЕС должны обеспечиваться более активно. Это единственный путь для развития двустороннего сотрудничества

¹ See: Verfassungsschutz verfolgt Spur nach Russland // WELT. 11.06.2015. URL: <https://www.welt.de/politik/deutschland/article142372328/Verfassungsschutz-verfolgt-Spur-nach-Russland.html> (accessed: 10.08.2022).

в вопросах решения и наказания виновных в совершении трансграничных цифровых преступлений.

Важно отметить, что нарушения кибербезопасности могут оказать серьезное влияние на правительства, частные организации, а также отдельных лиц. Некоторые высокопрофильные нарушения побудили правительства во всем мире рассмотреть вопрос о том, как наилучшим образом предотвращать, обнаруживать и реагировать на эти инциденты.

Обмен и совместное использование соответствующей информации в нужное время и скоординированные усилия соответствующих субъектов считаются лучшими способами снижения рисков и реагирования на киберинциденты.

Ключевой вопрос состоит в том, как наилучшим образом добиться значимого и эффективного обмена информацией между соответствующими заинтересованными сторонами. В некоторых странах были рассмотрены системы обязательного уведомления об инцидентах. Добровольный обмен информацией, основанный на доверии, оказался наиболее эффективным способом.

Однако для этого необходимо организовать среду, облегчающую такие обмены. Некоторые из основных принципов такой среды следующие:

— создание доверительной атмосферы. Обмен информацией, а также отчетность об инциденте требуют гарантий и стимулов для их эффективного функционирования. Эти элементы помогают обеспечить доверие, необходимое для функционирования такой системы. Они включают гарантии того, что любая организация или учреждение, предоставляющая информацию, не будет подвергнута осуждению за злоупотребление полномочиями или санкциям, а также не будет втянута в судебные разбирательства;

— обеспечение высокого уровня конфиденциальности. Учитывая деликатный характер информации об инциденте или киберугрозе, затрагивающей любую критическую инфраструктуру, крайне важно обеспечить соблюдение и безопасность связи между оператором инфраструктуры и любыми контролирующими органами при условии прозрачности их общения. Однако в некоторых случаях может потребоваться информирование общественности об инциденте. Тогда следует позаботиться о том, чтобы был

обеспечен серьезный диалог между субъектами, пострадавшими от нарушения, и властями до раскрытия информации, чтобы избежать увеличения масштаба атаки, появления более серьезных последствий инцидента или паники;

— обеспечение взаимодействия. Хотя частный сектор владеет и управляет значительной частью критической инфраструктуры стран ЕС, обмен информацией не должен рассматриваться как одностороннее предоставление соответствующих данных от частных лиц к государственным. Его следует рассматривать как реальный и взаимный обмен информацией, основанный на доверии и взаимных выгодах;

— четкость и последовательность требований в разных сферах полномочий. Поскольку требования об обязательном уведомлении охватывают постоянно растущее число областей и географических регионов, вероятность возникновения соперничающих правовых обязательств возрастает. К тому же различные организации работают в разных секторах в разных странах и регионах, и вопросы о том, что сообщать, когда и кому, уже вызывают определенные трудности. Поэтому в той мере, в какой должна быть внедрена система обязательного уведомления, крайне важно стремиться к максимально возможной согласованности не только между различными обязательствами по уведомлению, но и между различными национальными и региональными требованиями.

Наиболее важную роль в обеспечении европейской кибербезопасности в настоящее время играют две организации — ENISA и Европейский центр по предотвращению киберпреступлений.

ENISA — Европейское агентство по безопасности сетей и информационной безопасности, которое является европейским центром исследований в области кибербезопасности. В соответствии со своими функциями, ENISA играет ведущую роль в активизации устойчивости к киберугрозам в ЕС, особое внимание уделяется сокращению разрыва в возможностях государств-членов в этой сфере. ENISA была создана 10 марта 2004 г. как дополнительная структура, которая была призвана предотвращать, учитывать и реагировать на сетевую информацию и проблемы безопасности в ЕС. С тех пор агентство претерпело различные изменения. Срок действия его мандата был продлен в 2008 и 2011 г.

Когда в 2009 г. в Рамочную директиву о конфиденциальности и электронных коммуникациях 2002 г. были внесены поправки, полномочия ENISA значительно расширились: “Еврокомиссия, учитывая мнение ENISA, может принять соответствующие технические меры для их согласования”. По сути, ENISA наделена полномочиями принуждения к исполнению, поскольку ее рекомендации играют центральную роль в Стратегии согласования Еврокомиссии.

Другие ее важные обязанности описаны в “Основных предписаниях для ENISA” 2013 г. Будучи экспертным органом, ее основной задачей является консультирование Комиссии и государств-членов по вопросам, связанным с безопасностью сетей и информации, сбор и анализ данных для выявления возникающих рисков, содействие в оценке рисков и администрирование, а также поддержка сотрудничества между различными заинтересованными сторонами, в частности путем поощрения партнерских связей между государственным и частным секторами. На самом деле из-за уязвимости кибербезопасности — безграничной и (возможно) неуправляемой — необходимо задействовать максимально большее количество заинтересованных сторон для более эффективного восстановления потенциала и снижения рисков. В этом отношении ENISA старается развивать обмен информацией между различными участниками, выступая в качестве экспертного посредника, оценивая возможности, выявляя пробелы и определяя политику на национальном и европейском уровнях.

ENISA активно участвует в формировании безопасности сетей и информационной безопасности высокого уровня в пределах Европейского союза.

Агентство тесно сотрудничает с государствами — членами ЕС и частным сектором для принятия решений. Это включает общеевропейские учения по кибербезопасности, развитие национальных стратегий кибербезопасности, сотрудничество групп реагирования на инциденты компьютерной безопасности разных стран и укрепление потенциала в этой сфере. Помимо этого, ENISA способствует развитию и исполнению политики и законов ЕС в вопросах, касающихся информационной безопасности и безопасности сетей. Деятельность ENISA можно разделить на три сферы: рекомендации; деятельность, способствующая определению поли-

тики и ее применению; осуществление прямого взаимодействия с оперативными группами по всему ЕС.

Важно отметить, что при содействии ENISA разрабатываются национальные киберстратегии в соответствии со Стратегией кибербезопасности ЕС 2013 г. в качестве шага для координации деятельности как на национальном, так и на общеевропейском уровне. На данном этапе практически все страны — члены ЕС завершили разработку новых национальных киберстратегий, отвечающих требованиям как Глобальной стратегии кибербезопасности, так и Директиве по безопасности сети и информационных систем (NIS).

В рамках ENISA функционируют Группы реагирования на инциденты компьютерной безопасности (Computer Security Incident Response Team — CSIRT/CERT), которые представляют собой команды экспертов, занимающиеся сбором информации о нарушениях кибербезопасности, их классификацией и нейтрализацией. В Европейском союзе такие группы создавались чаще всего на базе университетов и крупных ИТ-компаний. Большинство государств — членов Евросоюза не имеют своих координационных центров, они сотрудничают через общеевропейскую организацию TF-CSIRT. Управление этими группами постепенно передается агентству ENISA.

CERT играют важную роль в борьбе с киберугрозами и как исполнители Директивы по безопасности сети и информационных систем (NIS). Поскольку успех Директивы NIS зависит не только от ее утверждения и последующего принятия, но также от ее реализации, то CSIRT/CERT поручено выполнить требования, введенные после утверждения Директивы NIS.

CERT/CSIRT — это организации, которые реагируют на нежелательные события в системе информационной безопасности и предоставляют первичные услуги безопасности, такие как оповещение, предупреждение, консультации и обучение. CERT появились после “инцидента Морриса” в конце 1980-х гг., во время которого сетевой червь, форма вредоносного ПО, разрушил глобальную инфраструктуру информационных технологий (ИТ), причинив огромный ущерб. Вскоре после этого, в 1992 г., первая европейская CERT, SURFnet-CERT3, была создана голландской ком-

панией SURFnet. Сегодня, согласно данным ENISA, в Европе действует более 100 известных CERT.

Чтобы внедрить культуру предвосхищения и быстрого реагирования на угрозы, Директива требует от каждого государства-члена создать национальную CERT, которая будет “действовать в качестве точки безопасности связи”. С этой целью ENISA помогает облегчить настройку и запуск CERT в целях сбора информации и сотрудничества в области обмена передовым опытом и информацией за пределами Европы с такими международными игроками, как Группа специального назначения CSIRT (TF-CSIRT), действующая в США группа US-CERT и, наконец, функционирующая в Азиатско-Тихоокеанском регионе Asian-Pacific-CERT. Группа реагирования для ЕС CERT-EU была создана после годового испытательного срока для повышения оперативной устойчивости к инцидентам и угрозам в отношении более широких европейских сетей. Хотя сфера деятельности CERT-EU охватывает все области безопасности — предотвращение, обнаружение, реагирование и восстановление — особая фокусная область CERT-EU заключается в “создании и дополнении существующих возможностей у государств — участников ЕС”. CERT-EU финансируется такими крупными европейскими институтами, как Европейская комиссия, Европейский совет и Европарламент, однако функционирует под стратегическим руководством межведомственного руководящего совета. 25 февраля 2015 г. была утверждена новая сфера деятельности CERT-EU, которая теперь включает обслуживание системы обмена информацией, тем самым стремясь укрепить связи с сообществом CERT и компаний, занимающихся защитой ИТ, размещенных в государствах-членах и в других странах.

Говоря о предотвращении киберпреступлений в ЕС, необходимо обратить внимание на Европейский центр по предотвращению киберпреступлений (European Cybercrime Centre, EC3). EC3 — это орган полицейской службы ЕС, Европола, который начал свою работу в январе 2013 г. для активизации деятельности правоохранительных органов ЕС по борьбе с киберпреступностью в Европейском союзе и для защиты европейских граждан, бизнеса и правительств. Его создание является приоритетной задачей,

поставленной Стратегией внутренней безопасности ЕС¹. ЕСЗ уделяет особое внимание трем видам киберпреступлений: киберпреступлениям, совершаемым организованными группировками, в особенности тем, которые получают доходы от этого; киберпреступлениям, причиняющим серьезный вред жертве (например, сексуальная эксплуатация детей онлайн); киберпреступлениям и кибератакам, которые нацелены на повреждение важной инфраструктуры или информационных систем в странах ЕС. Таким образом, ЕСЗ служит связующим звеном для получения информации о преступлениях и разведанных. Он также поддерживает операции и расследования государств — членов ЕС посредством анализа, сотрудничества и экспертизы и обеспечивает разработку разнообразных механизмов стратегического анализа, позволяющих принимать обоснованные решения на практическом и стратегическом уровнях, способствующие противодействию и предотвращению киберпреступности. Помимо этого, он координирует информационно-коммуникационную совместную деятельность правоохранительных органов с частными и научными кругами и другими несиловыми структурами, а также поддерживает обучение и наращивание потенциала компетентных органов государств — членов ЕС. Он предоставляет техническую и цифровую поддержку в расследованиях и операциях стран — членов ЕС и представляет правоохранительные органы ЕС в смежных сферах (научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах, интернет-управлении, разработке политики).

ЕСЗ можно назвать центром киберразведки Евросоюза. Этот нормотворческий, кооперативный подход отражен на уровне ЕС. Директива об атаках на информационные системы 2013 г.² преследует две цели: 1) установление минимальных стандартов для определения уголовных преступлений и соответствующих санк-

¹ The EU Internal Security Strategy in Action: five steps towards a more secure Europe. COM(2010)673 final, 22 November 2010. URL: <http://www.statewatch.org/news/2010/nov/eu-com-internal-security-strategy-nov-10.pdf> (accessed: 25.07.2022).

² Директива Европейского парламента и Совета Европейского союза от 12.08.2013 г. № 2013/40/ЕС об атаках на информационные системы и о замене Рамочного решения 2005/222/ПВД Совета ЕС.

ций; 2) развитие сотрудничества между национальными правоохранительными органами и специализированными органами Союза, а именно Европолом (или, более конкретно, ЕСЗ), Евроюстом и ENISA. Что касается стандартизации уголовных преступлений, Директива вводит четыре общие категории правонарушений: незаконный доступ к информационным системам, неправомерное вмешательство в систему, незаконное нарушение данных и незаконный перехват информации. В отношении расширения сотрудничества Директива подчеркивает важность наличия точек взаимодействия в каждом государстве-члене и необходимость предоставления Европолу и ENISA соответствующей информации.

ЕСЗ имеет три координационных центра, каждый из которых сосредоточен на определенной категории киберпреступлений или преступных сетей. Во-первых, Focal Point Terminal, центр, собирающий информацию, исследует международные мошенничества с платежами, сотрудничая с такими ключевыми институтами, как Европейский центральный банк (ЕЦБ), и национальными банками, предоставляя в реальном времени доступ к своим информационным базам данных и судебно-медицинским анализам. Во-вторых, Focal Point Cyborg борется с высокотехнологичными преступлениями, совершаемыми с помощью высоких технологий (кибератаки, вредоносное ПО) против важнейших секторов инфраструктуры. Cyborg использует систему анализа вредоносных программ Европола (EMAS) для экспертизы преступлений и поддерживает совместные следственные группы (Joint Investigation Teams — JITs) для проведения высокопрофильных трансграничных операций. В-третьих, Focal Point Twins фокусируется на сексуальной эксплуатации детей в интернете.

Важно отметить, что ЕСЗ связывает правоохранительные органы, CERT, промышленность и академические сообщества и представляет собой надежный источник информации о возникающих угрозах. Там, где выявлены угрозы большого масштаба, представляющие серьезную опасность, Объединенная целевая группа по борьбе с киберпреступностью (J-CAT) использует экспертизу различных агентств по связям за пределами ЕС для координации общей ответной реакции. Эта группа начала свою работу 1 сентября 2014 г. совместными усилиями ЕСЗ, Целевой группы по киберпреступности ЕС (European Union Cybercrime Task Force — EUCTF),

Федерального бюро расследований США (ФБР) и Национального агентства по предупреждению киберпреступности Великобритании (НСА). J-CAT работает в индивидуальном порядке, обладая привилегией самостоятельно определять приоритеты или проводить расследование на своих условиях.

ЕСЗ также выполняет стратегическую функцию, тесно связанную с укреплением своей деятельности. Благодаря стратегическому анализу ЕСЗ предлагает всестороннюю консультацию по возникающим тенденциям и методам преступной деятельности для политиков. Кроме того, он обеспечивает обучение правоохранительных органов в ЕС и за его пределами в сотрудничестве с соответствующими организациями, такими как Европейский полицейский колледж (CEPOL) и Европейская группа по подготовке и обучению для борьбы с киберпреступностью (ЕСТЕГ). Его судебно-медицинская экспертиза также заслуживает внимания: ЕСЗ создал свою собственную лабораторию цифровой судебной экспертизы, которая обеспечивает передовую криминалистическую помощь и проводит свои собственные независимые технологические исследования и разработки. Другими стратегическими задачами ЕСЗ являются повышение осведомленности общества и расширение партнерских отношений на международной арене.

Органом, занимающимся судебным преследованием кибергибридных преступлений в ЕС, является Евроюст (Eurojust). Он был создан в 2002 г. в соответствии с решением Европейского совета, чтобы укрепить судебную власть европейских правоохранительных органов. Как учреждение ЕС, Евроюст содействует процессу судебного разбирательства при проведении трансграничных расследований, в частности путем поддержки осуществления международной взаимной правовой помощи и запросов об экстрадиции. Фактически Евроюст имеет контактные пункты в 23 государствах, не входящих в состав ЕС, и тесно сотрудничает с Европейской судебной сетью (EJN), Европейским управлением по борьбе с мошенничеством (OLAF) и Европолом.

В годовом отчете Евроюста за 2014 г. выделяется ряд достижений в области кибербезопасности. Количество случаев киберпреступности, из-за которых государства-члены обратились за помощью к Евроюсту, увеличилось на 14,5% по сравнению с 2013 г.,

а 122 совместные следственные группы (ЖТ) получили помощь Евроюста.

Более того, Евроюст является одним из основателей Целевой группы ЕС по киберпреступности (ЕУСТФ), которая была создана в 2010 г. в качестве платформы для обмена передовым опытом. Группа состоит из руководителей подразделений по борьбе с киберпреступностью из всех государств — членов ЕС, Европола, Евроюста и Комиссии. Она следила за ходом проведения испытаний (апробации) J-SAT, успех которых привел к полной операционализации Объединенной целевой группы по борьбе с киберпреступностью. ЕУСТФ остается платформой высокого уровня для синхронизации действий ЕС против киберпреступлений. В целом усиление внимания к борьбе с киберпреступностью находит отражение в растущей концентрации учреждений, программ и проектов, которые существуют для этой цели в ЕС.

ЕС и НАТО: сотрудничество в области кибербезопасности

Наиболее значительным и близким партнером Европейского союза в области обеспечения кибербезопасности являются США в лице НАТО. В исследовании, проведенном британским аналитическим центром Chatham House¹ в июне 2016 г., отмечается, что на фоне неопределенности, которую повлек за собой выход Великобритании из ЕС, у Европы появляется возможность углубить европейскую интеграцию в области обороны, а также поспособствовать сотрудничеству между ЕС и НАТО. Участники обсуждения пришли к выводу, что ЕС должен стремиться к более тесному сотрудничеству с НАТО и в области кибербезопасности. Использование преимуществ НАТО и ЕС за счет более активного взаимодействия обеспечивает более успешное преодоление общих сложностей².

¹ Chatham House (англ. The Royal Institute of International Affairs — Королевский институт международных отношений) — британский аналитический центр в области международных отношений.

² See: The Changing Role of the US and the EU in the World // Chatham House; The Royal Institute of International Affairs. Brussels, 2016. URL: <https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/events/2016-06-29-changing-role-US-EU-world-meeting-summary.pdf> (accessed: 10.08.2022).

О попытках наладить более тесное взаимодействие свидетельствуют, помимо того, положения о намерении укрепить партнерство с Североатлантическим альянсом, прописанные в Глобальной стратегии ЕС по внешней политике и политике безопасности, а также заключение первой в истории Совместной декларации ЕС — НАТО о сотрудничестве. Этой декларацией Европейский союз и НАТО придадут новый импульс своему партнерству для успешного преодоления вызовов, связанных с такими явлениями, как гибридные угрозы, сотрудничество и обеспечение безопасности на море, кибербезопасность, миграция, содействие промышленному сотрудничеству и сотрудничеству в оборонном секторе¹.

Сотрудничество ЕС — НАТО в вопросах кибербезопасности началось в 2010 г. с проведения консультаций высокого уровня между сотрудниками по киберзащите и неофициальных встреч, которые в настоящее время проводятся ежегодно. Центр НАТО по реагированию на инциденты компьютерной безопасности (NATO Computer Incident Response Capability — NCIRC) и европейская группа реагирования CERT-EU сотрудничают с момента создания CERT-EU в 2011 г.

В исследовании, упомянутом выше, подчеркивается, что ЕС и НАТО сталкиваются с похожими киберугрозами, хотя существуют определенные отличия в нормативных документах и технических стандартах этих двух организаций. Европейские страны и США привлекают киберпреступников своими финансовыми возможностями и большим количеством интернет-провайдеров. В качестве примера стратегического сотрудничества Европарламент попросил авторов этого исследования рассмотреть Рабочую группу ЕС — США по вопросам кибербезопасности и киберпреступности, которая стала первым трансатлантическим форматом, созданным для борьбы с этими общими вызовами, и предоставила чиновникам возможность укрепить взаимное сотрудниче-

¹ См.: Могерини приведет в исполнение первую в истории совместную декларацию ЕС — НАТО по активизации сотрудничества // Представительство Европейского союза в Российской Федерации. 11.07.2016. URL: https://eeas.europa.eu/delegations/russia/5676/-----_ru (дата обращения: 10.08.2022).

ство в вопросах кибербезопасности и киберпреступности. Рабочая группа была создана во время саммита ЕС — США в Лиссабоне в 2010 г. для деятельности в четырех областях: управление киберпроисшествиями, государственно-частные партнерства, повышение осведомленности и киберпреступность. Эта рабочая группа обеспечила прочную базу для трансатлантического кибервзаимодействия, добившись удивительных результатов в деятельности по борьбе с транснациональными киберпреступлениями и другими киберугрозами.

С момента ее создания развитие международного киберпространства стало одной из основных задач во внешней политике и политике безопасности трансатлантических партнеров. Кроме того, всё больше политиков заявляют о необходимости более тесного сотрудничества в этой сфере¹.

Диалог ЕС — США помог ускорить разработку стратегий кибербезопасности в нескольких странах — членах ЕС, так же как и в самом ЕС. Однако Евросоюз не стал следовать примеру США в назначении “киберцаря” (человека, который отвечает за всю кибербезопасность страны), а создал органы, осуществляющие совместную деятельность, такие как ЕСЗ и ENISA.

Во время мартовского саммита в Брюсселе в 2014 г. трансатлантические партнеры договорились возобновить диалог ЕС — США, чтобы иметь возможность обмениваться опытом по вопросам безопасности киберпространства. Первое заседание состоялось 5 декабря 2014 г., на нем были рассмотрены такие темы, как развитие международного киберпространства, содействие и защита в вопросе прав человека в сети, военно-политическая и международная безопасность и развитие потенциала кибербезопасности.

Помимо других вопросов, которыми занимается рабочая группа, приоритетами являются создание стандартов по управлению рисками, повышение осведомленности в области кибербезопасности, продвижение Будапештской конвенции и управление

¹ See: Cyber security: EU and US strengthen transatlantic cooperation in face of mounting global cyber-security and cyber-crime threats // European Commission. 14.04.2011. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-11-246_en.htm (accessed: 10.08.2022).

бот-атаками¹. Данную конвенцию в 2001 г. подписали члены Совета Европы, разработавшие ее, и ряд других государств. Европейская конвенция по борьбе с киберпреступностью (Будапештская конвенция) регламентирует киберпространство. Россия не подписала ее, поскольку содержащаяся в ней 32-я статья о “трансграничном доступе”, позволяющая спецслужбам одних стран проникать в компьютерные сети других стран и проводить там операции без уведомления национальных властей, не устраивает Россию. Кроме этого, стратегия носит региональный характер, что не позволяет ей быть максимально эффективной. Россия настаивает на принятии глобальной стратегии, которая будет регламентировать киберпространство, однако европейские страны и США не настроены идти в этом вопросе навстречу.

В начале 2016 г. было подписано Техническое соглашение между Центром НАТО по реагированию на инциденты компьютерной безопасности NCIRC и европейской группой реагирования CERT-EU. Предусмотренный соглашением обмен технической информацией между данными службами призван способствовать обнаружению, реагированию и предотвращению компьютерных инцидентов в обеих организациях в соответствии с принятыми процедурами принятия решений.

Подписание этого соглашения стало важным этапом реализации целей Рамочной концепции ЕС в области киберзащиты, которая определяет сотрудничество с НАТО в качестве одного из пяти приоритетов. Усовершенствованная координация реагирования на инциденты позволяет в дальнейшем развивать практическое взаимодействие и обмен передовым опытом в области киберзащиты между ЕС и НАТО².

¹ See: Cybersecurity in the European Union and Beyond: Exploring the Threats and Policy Responses. Document Requested by the Committee on Civil Liberties, Justice and Home Affairs manuscript completed in September 2015. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536470/IPOL_STU\(2015\)536470_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/536470/IPOL_STU(2015)536470_EN.pdf) (accessed: 20.08.2022).

² See: EU and NATO Cyber Defence Cooperation // European Union External Action. 10.02.2016. URL: http://collections.internetmemory.org/haeu/content/20160313172652/http://eeas.europa.eu/top_stories/2016/100216_eu-nato-cyber-defence-cooperation_en.htm (accessed: 25.07.2022).

Сотрудничество ЕС — НАТО обсуждалось на Европейском совете 28 июня 2016 г. и способствовало принятию Совместной декларации ЕС — НАТО на саммите НАТО в Варшаве (8–9 июля 2016 г.). В декларации ЕС — НАТО излагаются новые направления практического взаимодействия в целях укрепления потенциала для борьбы с гибридными угрозами, в частности, посредством повышения устойчивости, ситуационной осведомленности и стратегических коммуникаций.

Ряд конкретных предложений был распространен до саммита НАТО в Варшаве, но официально не был принят. В апреле 2016 г. группа из 10 государств — членов НАТО (Хорватия, Дания, Германия, Латвия, Литва, Норвегия, Польша, Румыния, Соединенное Королевство и США) представила документ “Пицца для размышлений” (Food for Thought — FFT) о создании Групп по борьбе с гибридными угрозами НАТО — ЕС (Countering Hybrid Teams — CHTs). В документе предлагаются ЧГТ, в том числе “концентратор”, базирующийся в Брюсселе (по образцу платформы совместного анализа НАТО — ЕС, предложенной в немецком документе по БПФ в октябре 2015 г.). Согласно этому предложению, контргибридные группы — в дополнение к продолжающемуся процессу укрепления сдерживания и обороны — будут относительно небольшими и включать представителей НАТО, государств — членов ЕС и институтов ЕС, обладающих опытом в области реагирования на чрезвычайные ситуации, борьбы с терроризмом, управления границами, анализа разведанных, энергетической безопасности или стратегических коммуникаций. Их главными функциями будут анализ информации для повышения ситуационной осведомленности в поддержку процесса принятия решений, подготовки и устойчивости к гибридным угрозам и реагирования на гибридные угрозы.

На саммите НАТО в Варшаве в июле 2016 г. киберпространство было признано “сферой операций, где организация должна так же эффективно обороняться, как и в воздухе, на суше и на море”. По окончании встречи был принят документ под названием “Обязательства по киберобороне”, в котором ЕС отведено особое место как партнеру НАТО в обеспечении устойчивости Евро-Атлантического региона. Также НАТО заявляет, что под-

держивает сотрудничество ЕС — НАТО в области киберзащиты. Решение расширить сотрудничество с Европейским союзом в сфере киберобороны нашло отражение и в Совместной декларации, подписанной президентом Европейского совета, председателем Европейской комиссии и Генеральным секретарем НАТО¹. Подобное сотрудничество можно расценивать не только как стремление объединить потенциал для отслеживания кибератак и реагирования на них, но и как попытку альянса оптимизировать затраты на защиту национальной критически важной инфраструктуры и переложить это бремя (при сохранении стандартов и подходов НАТО) на сами государства. Другим средством оптимизации должно стать активное привлечение частного сектора к развитию средств киберзащиты — в мире эта практика постепенно получает всё более широкое распространение.

6 декабря 2016 г. является знаменательным днем в укреплении отношений между ЕС и НАТО. В области киберзащиты было принято несколько решений. Они определены в Заключениях об осуществлении Совместной декларации Президентом Европейского совета, Председателем Европейской комиссии и Генеральным секретарем Организации Североатлантического договора.

Киберзащита представляет собой лишь одну категорию среди нескольких, которые были выделены в Заключениях. К числу других относятся противодействие гибридным угрозам; оперативное сотрудничество, включая морские вопросы; обороноспособность, оборонная промышленность и исследования; укрепление потенциала в области обороны и безопасности.

Вслед за Совместной декларацией 2016 г. и наряду с другими событиями ЕС и НАТО укрепили свои отношения, впервые внедрив в отношения ЕС и НАТО официальный набор взаимосвязанных и взаимодополняющих действий в области киберобороны и кибербезопасности.

Закрепление этого плана сотрудничества в официальной декларации, безусловно, повышает важность совместной борьбы с кибератаками и помогает предотвратить дублирование усилий. Это, несомненно, имеет смысл, поскольку большинство го-

¹Cyber Defence Pledge Issued // NATO. 08 Jul. 2016. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133177.htm (accessed: 25.07.2022).

сударств — членом ЕС являются также членами НАТО; 22 из 28 стран — членом НАТО принадлежат к ЕС и, что примечательно, три из шести государств, не входящих в НАТО, а именно: Австрия, Финляндия и Швеция — присоединились к Центру передового опыта по совместной защите от киберугроз НАТО (Cooperative Cyber Defence Centre of Excellence — CCD COE) в качестве стран-доноров. Учитывая актуальность общего подхода к киберзащите, происходящие события в киберсреде являются ожидаемыми. В то же время в декларации также приветствуется выполнение Рамочной концепции ЕС в области киберзащиты 2014 г., где укрепление сотрудничества между ЕС и НАТО было выделено в качестве основной цели. Фактически до сих пор между ними не было проявлений сотрудничества в области кибербезопасности. Например, до настоящего времени в ЕС практически не обращались к образовательным курсам, предлагаемым CCD COE НАТО. Тем не менее в тех случаях, когда взаимодействие между CCD COE НАТО и ENISA (например, обучение в виде лекций) демонстрирует выдающееся сотрудничество, эти образовательные возможности останутся открытыми для сотрудников ЕС, где это возможно.

В обучение и учения CCD COE может внести огромный вклад. Предлагая технические и юридические курсы, тренинги, семинары и лекции по широкому кругу вопросов киберзащиты на неизвестном числе событий, CCD COE продолжит обучение и развитие персонала спонсирующих наций и сотрудников ЕС, которые также хотят извлечь из них выгоду.

Таким образом, приоритетом сотрудничества ЕС — НАТО в области гибридных угроз, включающих потенциальные киберугрозы, является способность противостоять гибридным угрозам путем повышения устойчивости, сотрудничества в сфере анализа, профилактики, раннего предупреждения, своевременного обмена информацией и, насколько это возможно, обмена разведанными между государствами. Развитие согласованных процедур посредством соответствующих механизмов будет содействовать осуществлению этих усилий и координации деятельности в области кибербезопасности (миссии, операции, учения и образовательные программы).

Однако, несмотря на тесное сотрудничество ЕС и НАТО во всех сферах, между двумя организациями существует ряд противоречий. В 2013 г. европейские СМИ начали публиковать показания сотрудника Агентства национальной безопасности США Эдварда Сноудена, который поделился информацией о деятельности АНБ. Например, что АНБ осуществляет множество секретных разведывательных программ, направленных на подслушивание телефонных разговоров и перехват электронных сообщений миллиардов людей из десятков стран. В качестве объектов шпионажа были особо отмечены страны Европы, Россия, Китай и ряд других.

Многие из этих разведывательных программ дублировали друг друга и были связаны между собой в секретную-коммуникационную систему. В них участвовало не только АНБ, но также Министерство юстиции США и ФБР¹, которым это было разрешено законами США, вроде Закона о внешней разведке США 2008 г. (FISA Amendments Act), а также судебными решениями, вынесенными секретным Судом по делам внешней разведки США (United States Foreign Intelligence Surveillance Court). Кроме того, в рамках многих разведпрограмм АНБ осуществлялось прямое сотрудничество не только между спецслужбами США, но и со спецслужбами других стран: например, британским Центром правительственной связи, австралийским Управлением радиотехнической обороны. И не только с государственными службами, но и с крупнейшими частными телекоммуникационными корпорациями и интернет-провайдерами: Verizon, Telstra, Google и Facebook².

Стало известно о существовании следующих секретных разведывательных программ:

- PRISM — сотрудничество между АНБ и интернет-провайдерами, в рамках которого провайдеры предоставляли АНБ доступ к своим серверам;

¹ See: Microsoft handed the NSA access to encrypted messages // The Guardian. 12.07.2013. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/jul/11/microsoft-nsa-collaboration-user-data> (accessed: 25.07.2022).

² See: The NSA files // The Guardian. URL: <http://www.guardian.co.uk/world/the-nsa-files> (accessed: 25.07.2022).

- **CO-TRAVELER** — инструмент для отслеживания передвижения владельцев сотовых телефонов и выявления их скрытых контактов;
- **Boundless Informant** — компьютерная программа для визуализации собранных разведданных;
- **X-Keyscore** — программа для проведения различных видов поиска среди собранных разведданных¹;
- **Dropmire** — наблюдения за иностранными посольствами и дипломатическим персоналом;
- **JUGGERNAUT** — система для перехвата информации (включая разговоры, факсы, данные и текстовые сообщения), передаваемой по сетям мобильной связи, и многие другие².

Позже стало известно, что АНБ имеет доступ к конфиденциальным данным пользователей таких мобильных устройств, как Android, IOS, BlackBerry, включая доступ практически ко всем данным, хранящимся на устройстве, например данным о местонахождении, SMS-сообщениям и др.

Помимо этого на территории некоторых стран ЕС находятся огромные центры сбора разведданных. В Германии, например, расположен один из важнейших разведцентров АНБ — Европейский технический центр (ЕТЦ) — в городе Висбаден на западе страны. Официально известный как американская военная база, ЕТЦ функционирует в качестве центра сбора первичной информации, получаемой от сотрудников АНБ и зарубежных партнеров агентства в Европе, Африке и на Ближнем Востоке.

Кроме того, в настоящее время создается Объединенный разведывательный центр — еще более мощная структура, которая разместится на американской военной базе в районе Эрбенхейм

¹ See: Snowden reveals Australia's links to US spy web // The Sydney Morning Herald. 08.07.2013. URL: <http://www.smh.com.au/world/snowden-reveals-australias-links-to-us-spy-web-20130708-2plyg.html> (accessed: 25.07.2022).

² See: PhotoGallery: NSA Documentation of Spying in Germany // Spiegel Online. 29.07.2013. URL: <http://www.spiegel.de/fotostrecke/photo-gallery-nsa-documentation-of-spying-in-germany-fotostrecke-99672-4.html> (accessed: 25.07.2022).

города Висбаден. На создание центра Вашингтон планирует потратить 124 млн долл.¹

Еще одним важным объектом АНБ в Германии Spiegel называет созданный в 2004 г. Европейский центр криптологии (ЕЦК) в городе Грисхайм, расположенном, как и Висбаден, на западе Германии. Журнал называет ЕЦК “важнейшим форпостом АНБ в Европе”². Однако эти разоблачения никоим образом не повлияли на отношения между ЕС и НАТО, а на данный момент они, напротив, укрепились, создав образ врага в лице России.

Кибербезопасность России в современных условиях

Политика России в области информационной безопасности на международной арене исходит из того, что информационная безопасность является неотъемлемой частью общего политического, военного, экономического, культурного и иных видов сотрудничества между государствами³, однако нельзя сказать, что эту позицию разделяют государства — члены ЕС.

После принятия Глобальной стратегии стало очевидно, что для Европейского союза ближайшим партнером и союзником является НАТО, а не Россия. Россия воспринимается, скорее, как опасный сосед. В Стратегии указывается, что регулирование отношений с Россией — ключевая стратегическая задача ЕС, а формирование последовательной и единой политики всех государств — членов ЕС должно оставаться приоритетом. Однако тут же осуждается агрессия России в отношении Украины, но при этом подчеркивается, что ЕС и Россия взаимозависимы и будут приложены все усилия, чтобы уладить существующие разногласия и укрепить сотрудничество в тех сферах, в которых интересы ЕС и России пересекаются. Также отмечается, что помимо существу-

¹ См.: Доклад: спецслужбы США превратили Германию в основной центр сбора разведданных в Европе // RT.com. 19.06.2014. URL: <https://russian.rt.com/article/37161> (дата обращения: 25.07.2022).

² See: NSA-Standorte in Deutschland // Spiegel Online. 18.06.2014. URL: <http://www.spiegel.de/netzwelt/netzpolitik/wiesbaden-mainz-kastel-nsa-standorte-in-deutschland-a-974992.html> (accessed: 25.07.2022).

³ См.: Брусницын Н. А. Информационная война и безопасность. М.: Вита-пресс, 2001. С. 178.

ющего сотрудничества возможна кооперация в вопросах, отвечающих интересам всей Европы, например в вопросах климата, по проблемам Арктики, в вопросах морской безопасности, образования, научных исследований и приграничного сотрудничества¹. В перечисленных сферах возможного сотрудничества, к сожалению, не идет речи о сотрудничестве в области кибербезопасности. Тон Стратегии показывает отношение ЕС к России: Россия занимает такое географическое положение, что полное отсутствие сотрудничества невозможно, однако в документе не дается обещаний скорого решения спорных вопросов.

Помимо существующих разногласий в других сферах, у России и ЕС есть нерешенные проблемы в сфере кибербезопасности. Россия регулярно обвиняется странами — членами ЕС в кибератаках. Примером может служить серия кибератак на государственные учреждения Эстонии (парламент, банки, министерства, СМИ) в ответ на решение эстонских властей о переносе “Бронзового солдата” (монумента воинам Советской армии, погибшим при освобождении Таллина), которая сыграла значительную роль в формировании как сотрудничества ЕС — НАТО, так и в целом политики киберобороны ЕС. Министр иностранных дел Эстонии Урмас Поэт обвинил Кремль в прямом участии в этих кибератаках. Однако не было приведено никаких доказательств для подтверждения обвинений.

Эти атаки заставили многие военные организации осознать важность кибербезопасности. НАТО в первый раз определила политику в области кибербезопасности в 2007 г., а в 2011 г. обновила ее. Особое внимание было уделено развитию взаимодействия между НАТО и национальными органами. В Эстонии был создан Центр передового опыта по совместной защите от киберугроз (CCD COE). Получивший в октябре 2008 г. аккредитацию при НАТО и статус международной военной организации, CCD COE не наделен оперативными функциями и служит в качестве исследовательского и обучающего центра, где разрабатываются доктри-

¹ See: Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe (A Global Strategy for the European Union’s Foreign And Security Policy). June 2016. P. 9. URL: https://eeas.europa.eu/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed: 15.08.2022).

нальные и концептуальные основы кибербезопасности и проводятся обучающие семинары. Данная структура позиционирует себя как “главный источник экспертизы в сфере совместной киберобороны”, который “аккумулирует, создает и распространяет знания по ключевым вопросам кибербезопасности внутри НАТО, между государствами альянса и его партнерами”, в число которых входит и Европейский союз¹.

ЕС и НАТО обвиняли Россию и в других кибератаках. Например, в одной из статей британского аналитического центра Chatham House описывается ситуация, сложившаяся вокруг Финляндии, на министерство иностранных дел которой в ноябре 2013 г. была совершена кибератака. В статье говорится, что России было наиболее выгодно совершить эту кибератаку в свете того, что более тесные отношения между Финляндией и НАТО представляют интерес для российских разведывательных служб². Опять же не были приведены никакие доказательства причастности России к этой кибератаке.

Ранее уже была упомянута кибератака на немецкий бундестаг в 2015 г., в совершении которой немецкие власти также обвинили Россию. В ноябре 2016 г. Европарламент одобрил резолюцию о противодействии внешней пропаганде, исходящей в том числе от России. В документе утверждается, что враждебная пропаганда против ЕС и его государств-членов направлена на искажение правды, внесение раскола между Евросоюзом и его североамериканскими партнерами, затруднение процесса принятия решений, дискредитацию институтов власти, призвана вызвать страх и неуверенность среди граждан союза. “Российское правительство применяет широкий спектр инструментов: аналитические центры, многоязычные телевизионные каналы (RT), псевдоинформационные агентства (Sputnik), социальные медиа и интернет-тролли,

¹ См.: *Казаковцев А. В.* НАТО и кибербезопасность // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 2. С. 111. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/nato-i-kiberbezopasnost> (дата обращения: 28.07.2022).

² See: *Cyber Attack on Finland is a Warning for the EU* // Chatham House. The Royal Institute of International Affairs. 08.11.2016. URL: <https://www.chathamhouse.org/media/comment/view/195392> (accessed: 28.07.2022).

деятельность которых направлена на раскол Европы и создание ложного впечатления о разногласиях между странами ЕС и их восточными соседями”, — говорится в документе.

В резолюции утверждается, что Москва финансирует политические партии и другие организации в рамках ЕС, в том числе крайне правые и популистские объединения. Среди других внешних угроз в резолюции называются пропагандистские действия террористической группировки “Исламское государство” и движения “Талибан” (обе запрещены в России)¹.

А вот что написано в справке Европарламента под названием “Российская информационная война: пропаганда или контрпропаганда?”. “На Западе Россию считают чаще зачинщицей, а не жертвой пропаганды. Однако кремлевские документы и правительственные СМИ утверждают, что России грозит серьезная опасность от информационной деятельности, направленной на нее извне, которая может подорвать политическую стабильность в стране, ограничить ее международное влияние и поставить под угрозу традиционные ценности. Власти заявляют, что США и их союзники ведут информационную войну против России; ИГИЛ (или ДАЕШ), публикующее всё больше русскоязычных материалов, является еще одним ее крупным противником. Российская власть подавляет СМИ и гражданское общество, чтобы исключить возможность внешнего воздействия. На международном уровне Россия запустила оружие средств массовой информации, а именно RT, а также финансирует пророссийские неправительственные организации”².

Критики Кремля опровергают его утверждения о ведущейся информационной войне против России со стороны Запада и обвиняют ее в дезинформации для оправдания агрессии в соседних

¹ See: EU strategic communication to counter act propaganda against it by third parties (2016/2030(INI)) // European Parliament. 14.10.2016. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-%2f%2fEP%2f%2fTEXT%2bREPORT%2bA8-2016-0290%2b0%2bDOC%2bXML%2bV0%2f%2fEN&language=EN> (accessed: 30.08.2022).

² Russia's information war: Propaganda or counter-propaganda? URL: [http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI\(2016\)589810](http://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document.html?reference=EPRS_BRI(2016)589810) (accessed: 30.08.2022).

странах, таких как Украина. С точки зрения достижения цели защиты России от информационных угроз, эти меры помогли исключить большую часть иностранного влияния со стороны. В огромном количестве отчетов, исследований, статей в Европе и Америке Россия представлена исключительно в образе врага. Призывы ЕС и НАТО ужесточить и продлить санкции против России, нагнетание обстановки вокруг Украины и воссоединение России и Крыма — всё это не создает благоприятных условий для сотрудничества вообще, а тем более в киберпространстве.

Федеральный закон “О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации” от 26.07.2017 № 187-ФЗ не просто рекомендует, а обязывает компании различных отраслей (как государственные, так и коммерческие) защищаться и вводит механизмы контроля эффективности защитных мер. Фактически вся вторая половина 2017 г. прошла под знаком указанного федерального закона — это первый в России случай, когда вступает в силу законодательный акт, охватывающий широчайший спектр отраслей одновременно (банковская сфера, связь, здравоохранение, наука, промышленность и т. д.). Это первый прецедент, когда закон не просто дает регуляторные рекомендации, а обязывает реально защищаться от компьютерных атак, вводит оценку требований и механизмы защищенности критических информационных систем. Выполнение закона будут регламентировать Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России), которая устанавливает требования безопасности и проверяет их исполнение, и ФСБ России, в чьи полномочия входит оценка реальной защищенности информационных систем, проведение расследований компьютерных атак (когда они затрагивают интересы государства), помощь в реагировании на атаки, то есть выработка подходов к защите от принципиально новых атак. Также закон предусматривает уголовную ответственность для владельца недостаточно защищенной информационной системы.

Следует отметить, что сегодня сформировалась новая для российского рынка концепция “частно-государственного” партнерства в области безопасности. Данная схема предполагает наличие государственных или частных систем, которые нужно защи-

щать. Во главе схемы располагается государство в лице 8-го центра безопасности ФСБ России, которое отвечает за функционирование системы ГосСОПКА, и есть разнообразие корпоративных и ведомственных центров реагирования на компьютерные атаки. В результате получается, что общегосударственная защита информационных систем распределяется между государством и коммерческими компаниями. При этом появляется возможность реализовывать аутсорсинг информационной безопасности. В конечном счете создается система взаимосвязанных субъектов: защищаемые системы, ГосСОПКА и государство. Система ГосСОПКА и требования закона № 187-ФЗ не гарантируют, что систему невозможно будет взломать, но выполнение этих требований и создание центров ГосСОПКА позволит отсеять 90% примитивных атак, позволив сконцентрироваться на высокоуровневых.

Создание процесса (программы) предупреждения компьютерных атак и реагирования на них — длительная и циклическая задача, разбивающаяся на несколько простых этапов: компании необходимо поставить цель защититься от тривиальных атак и атак низкой сложности (по статистике это примерно 75% атак). Только решив эту задачу, можно переходить к защите от более сложных атак, а затем — от незнакомых типов атак. Стоит особенно отметить, что закон нацелен на практическую безопасность: не идет речи о выполнении каких-то требований, наоборот, ставится задача грамотно реагировать на определенные компьютерные атаки.

Мировая практика также близка к российскому стилю регулирования в сфере кибербезопасности. Например, закон о защите персональных данных (Регламент ЕС 2016/679 от 27 апреля 2016 г., или GDPR — General Data Protection Regulation), вступивший в силу в 2018 г. в Евросоюзе, определяет, насколько система является значимой для субъекта обрабатываемых персональных данных. Для значимых информационных систем вводятся привычные нам понятия: национальное регулирование, сертификация систем на требования национальных регуляторов. От добровольной защиты информационных систем западный мир переходит к императивным подходам, то есть обязательным требованиям по защите информации. Таким образом, российский и зарубежный рынки сейчас задаются одним и тем же вопросом: что мы долж-

ны сделать, чтобы привести свою систему защиты к соответствию с новыми видами законодательства.

Важно подчеркнуть, что именно наше государство в 1998 г. инициировало международный диалог в рамках ООН по исследуемой проблематике. Спустя 20 лет Россия остается одним из ведущих государств, вносящих обстоятельные предложения по обеспечению международной информационной безопасности как на международных, так и на региональных площадках. В проекте Конвенции об обеспечении международной информационной безопасности, представленной Россией на Третьей международной встрече высоких представителей, курирующих вопросы безопасности, подчеркивалась необходимость сохранения суверенитета государства над его информационным пространством, а также возможность защиты от “действий в информационном пространстве с целью подрыва политической, экономической и социальной систем другого государства, психологической обработки населения, дестабилизирующей общество”¹.

Таким образом, помимо проблем обеспечения безопасности в киберпространстве и противодействия киберпреступности, необходимо рассматривать вопросы суверенитета в информационном пространстве и необходимости выработки правил поведения государств в этом пространстве. Нужен адекватный синтез идеологических, правовых, политических и экономических аспектов, сопряженных в рамках общего подхода, направленного на укрепление суверенитета и дальнейшего развития многополярности в международных отношениях.

¹ Конвенция об обеспечении международной информационной безопасности (концепция) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 22.09.2011. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkB6BZ29/content/id/191666 html (дата обращения: 17.08.2022).

Глава 12. ГЛОБАЛЬНОЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

С. С. Жильцов

Цепочки поставок углеводородных ресурсов по трубопроводам формировались на протяжении десятилетий и отличались стабильностью. Исторически европейская газовая промышленность полагалась на долгосрочные контракты на разработку газовых месторождений и финансирование магистральных трансграничных трубопроводов¹. При этом экспорт в Европу в основном осуществлялся в направлении восток — запад, а поставки по линии север — юг составляли небольшой объем. В последние годы, с ростом развития индустрии по производству и поставкам сжиженного природного газа (СПГ), ситуация стала стремительно меняться. Стали формироваться новые цепочки поставок за счет СПГ из США, Австралии и Катара. Тем самым началась трансформация межрегиональных отношений между потребителями и производителями газа. Одновременно был дан старт обсуждению новых проектов трубопроводов. Они должны быть встроены в новую конфигурацию поставок, которая определяется маршрутами доставки СПГ.

Фундаментальные изменения на энергетическом рынке ускорились в период пандемии коронавируса (COVID-19), которая началась в марте 2020 г. COVID-19 вызвал серьезные потрясения и нарушил работу от 78 до 95% организаций, участвующих в сетях цепочки создания стоимости². В марте того же года произошло падение цен на нефть — марка Brent упала ниже 46 долл.

¹ *Rioux B., Shabaneh R., Griffiths S.* An economic analysis of gas pipeline trade cooperation in the GCC // *Energy Policy*. 2021. Vol. 157. Oct. 112449. URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112449> (дата обращения: 24.06.2022).

² *Imran Ali, Ahmad Arslan, Maruf Chowdhury, Zaheer Khan, Shlomo Y. Tarba.* Reimagining global food value chains through effective resilience to COVID-19 shocks and similar future events: A dynamic capability perspective // *Journal of Business Research*. 2022. Vol. 141. March. P. 1–12. URL: <https://doi.org/10.1016/j.jbusres.2021.12.06> (дата обращения: 24.06.2022).

за баррель¹. Уже через год, в феврале 2021 г. она возвратилась к 67 долл. за баррель и в течении всего года оставалась на этом уровне². В 2022 г. цена на нефть росла, превысив 100 долл. за баррель³ и к концу первого полугодия достигла 120 долл. за баррель⁴.

В отличие от нефтяного рынка, который к 2022 г. сумел восстановиться и стал демонстрировать уверенный рост добычи и ценовую стабильность, мировой газовый рынок вступил в период трансформации. В частности, на газовом рынке ЕС происходили кардинальные изменения⁵. Рост мирового предложения СПГ в 2019 г. на 13% (рекордные за прошедшее десятилетие)⁶ (40 млн т) создал прочную связь для межрегиональной торговли газом.

В итоге был образован единый глобальный газовый рынок с высокой корреляцией между региональными спотовыми ценами. Однако если до 2019 г. основной прирост спроса на СПГ обеспечивали страны Азии, в первую очередь Китай, то затем основным потребителем СПГ стала Европа. При этом темпы прироста импорта СПГ в Китай снизились с 40 до 16%⁷.

¹ Oil Market Report — March, 2020. URL: <https://www.iea.org/reports/oil-market-report-march-2020> (дата обращения: 24.05.2022).

² Oil Market Report — February, 2021. URL: <https://www.iea.org/reports/oil-market-report-february-2021> (дата обращения: 24.05.2022).

³ Oil Market Report — April 2022. URL: <https://www.iea.org/reports/oil-market-report-april-2022> (дата обращения: 24.05.2022).

⁴ Graeme Wearden Brent crude rises above \$120 a barrel as UK fuel prices hit record highs. Mon 30. May 2022. URL: <https://www.theguardian.com/business/2022/may/30/brent-crude-rises-above-dollars-120-a-barrel-as-uk-fuel-prices-hit-record-highs> (дата обращения: 24.06.2022).

⁵ Zhiltsov S. S. Geopolitical Rivalry Between Russia and the United States for the European Gas Market. Post-Soviet Issues. 2022. Vol. 9. No. 1. P. 8–19. URL: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-1-8-19> (дата обращения: 24.06.2022).

⁶ Кириченко А. Новая реальность для глобального газового рынка: фаза супернизких цен. 2020. 31.03. URL: <https://oilcapital.ru/article/general/31-03-2020/novaya-realnost-dlya-globalnogo-gazovogo-rynka-faza-supernizkikh-tsen> (дата обращения: 01.06.2022).

⁷ Там же.

Пандемия усилила негативные тенденции в мировой экономике и мировой энергетике, хотя проблемы начались гораздо раньше¹. “Темпы роста международной торговли начали сокращаться задолго до пандемии, с первого квартала 2018 г., а в третьем квартале 2019 г., когда о коронавирусе еще ничего не было известно, они стали отрицательными”².

Последствия пандемии были минимизированы усилиями отдельных государств, которые использовали методы налогово-бюджетной поддержки своих экономик, что сохранило спрос в экономике, усилив потребности в энергоресурсах. При этом не удалось преодолеть проблему внешнего долга, которая не способствовала развитию экономик разных государств. Суверенный долг начал накапливаться во время глобального финансового кризиса 2007–2009 гг. и продолжал расти в период пандемии коронавируса³, увеличившись во многих странах.

Однако кризис 2007–2009 гг. не привел к пересмотру экономической политики в развитых государствах, где “средние темпы роста в 2010–2019 гг. составляли в среднем 2% в год по сравнению с 2,4% в 2001–2007 гг. Темпы роста в развивающихся странах снизились с 7,9% в 2010 г. до 3,5% в 2019 г. при среднегодовом уровне всего в 5,0% по сравнению с 6,9% в 2001–2007 гг.”⁴. По данным Всемирного банка, сумма внешнего долга стран с низким и средним уровнем доходов в 2020 г. выросла в среднем на 5,6% —

¹ *Zhiltsov S. S.* COVID-19 Pandemic: Global Reset of Political and Economic Fostering. *Post-Soviet Issues*. 2021. Vol. 8, No. 4. P. 414–424. URL: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-4-414-424> (дата обращения: 24.06.2022).

² *Zagashvili V. S.* International Trade in the Aftermath of the COVID-19 Pandemic // *World Economy and International Relations*. 2021. Vol. 65, No. 10. P. 15–23. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-15-23 (дата обращения: 20.05.2022).

³ *Кёсе М. А., Онсорге Ф., Нэйгл П., Сугавара Н.* Под натиском долговой волны. 2020. Июнь. С. 40–43. URL: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2020/06/pdf/COVID19-and-debt-in-developing-economies-kose.pdf> (дата обращения: 14.06.2022).

⁴ Доклад о торговле и развитии за 2020 год. Женева, 2020 г. // Организация объединенных наций. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2020overview_ru.pdf (дата обращения: 20.05.2022).

до 8,7 трлн долл.¹. При этом в большинстве стран возрастание внешней задолженности происходило на фоне отсутствия роста ВВП².

Глобальная реструктуризация цепочек поставок углеводородных ресурсов повлекла изменения в мировой экономике. Потребности в углеводородных ресурсах и их поставки были тесно связаны с развитием экономики и результатами, достигнутыми на пути преодоления негативного влияния пандемии.

После пандемии все страны мира были вынуждены тратить дополнительные средства на преодоление ее последствий. «Важнейшая черта кризисной ситуации 2020 г. — удар по экономике одновременно со стороны и предложения, и спроса. Режим самоизоляции привел к существенному спаду совокупного предложения, поскольку основную массу товаров и услуг нельзя производить удаленно. Еще большее негативное воздействие на экономику оказало сокращение совокупного спроса, причем в части не только инвестиций и внешней торговли, но и расходов домохозяйств»³. Следствием негативных процессов 2020 г. в период пандемии коронавируса стало сокращение мировой экономики на 4,3%⁴. При этом стоимостный объем товарного экспорта сократился на 7,5%, а торговля услугами снизилась на 19,9%⁵.

¹ World Bank Group President David Malpass: Foreword to the IDS 2022 Report: Low-Income Country Debt Rises to record \$860 Billion in 2020. 2021. Oct. 11. URL: <https://www.worldbank.org/en/news/statement/2021/10/11/world-bank-group-president-david-malpass-foreword-to-the-low-income-country-debt-rises-to-record-860-billion-in-2020> (дата обращения: 17.06.2022).

² Там же.

³ *Холопов А. В.* Макроэкономическая политика на перепутье // *Мировая экономика и международные отношения.* 2021. Т. 65, No. 7. С. 5–15. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-7-5-15 (дата обращения: 12.05.2022).

⁴ *The World Economic Situation and Prospects. 2021 / Ed. by Michael Brodsky.* United Nations New York, 2021. 198 p. URL: https://www.un.org/development/desa/dpad/wp-content/uploads/sites/45/WESP2021_FullReport.pdf (дата обращения: 12.05.2022).

⁵ *Итоги внешнеэкономической деятельности Российской Федерации в 2020 году и I полугодии 2021 года // Министерство экономического развития РФ.* URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/ab03f167412ee7c6c60d8caf776bab70/itogi_ved_v_2020g_i_1_polugodie_2021.pdf (дата обращения: 12.05.2022).

В целом объем мировой торговли в 2020 г. сократился на 9%¹.

Цепочки поставок газа на европейский газовый рынок стали меняться под влиянием политики ЕС, который стремился снизить использование ископаемых источников энергии и расширить применение возобновляемых источников. Политика диверсификации поставок газа осуществлялась в контексте реализации так называемой зеленой сделки.

Соответствующий документ был представлен Европейской комиссией в декабре 2019 г.² “Европейский зеленый курс” охватывает все секторы экономики, которые влияют на выбросы CO₂, включая транспорт, энергетику, сельское хозяйство, строительство, а также сталелитейную, цементную, текстильную и химическую отрасли³. Однако сделать это оказалось непросто, поскольку необходимо сократить как спрос, так и предложение ископаемого топлива⁴. Длительное время одним из основных источников газа, который поставлялся на европейский рынок, выступали месторождения в Северном море.

Либерализация рынка природного газа в Европе сыграла ключевую роль в привлечении СПГ. В итоге возможности Европы по импорту СПГ возросли⁵. Это позволило уже в 2019 г. увеличить суммарный импорт СПГ в Европу на 47,1 млрд м³ (на 69,4%). При этом рост произошел в первую очередь из-за увеличения поста-

¹ В 2020 году объем мировой торговли сократился на 9 процентов. 2021. 9 февр. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/02/1396462> (дата обращения: 12.06.2022).

² A European Green Deal. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (дата обращения: 19.06.2022).

³ European Green Deal: An official website of the European Union. URL: https://ec.europa.eu/clima/eu-action/european-green-deal_en#key-eulegislation-and-policies (дата обращения: 25.05.2022).

⁴ *Kjell Kühne, Nils Bartsch, Ryan Driskell Tate, Julia Higson, Andr'e Habet.* “Carbon Bombs” — Mapping key fossil fuel projects // Energy Policy. 2022. P. 166. URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2022.112950> (дата обращения: 24.06.2022).

⁵ *Rioux B., Shabaneh R., Griffiths S.* An economic analysis of gas pipeline trade cooperation in the GCC / Energy Policy. 2021. Vol. 157. Oct. 112449. URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112449> (дата обращения: 24.06.2022).

вок из России (+13,7 млрд м³), а также дополнительных объемов из США (+14,6 млрд м³) и Катара¹.

Ситуация на газовом рынке Европы стала стремительно меняться в 2019 г., когда из-за аномально теплой погоды в Европе был накоплен рекордно высокий уровень запасов газа в подземных хранилищах. Этому способствовало и стремление участников рынка нивелировать риски возможного прекращения транзита через Украину. Рекордный уровень запасов оказал давление на цены европейских торговых хабов². В 2020 г. в Европе были холодная зима и теплое лето 2021 г., что привело к росту энергопотребления. Хотя рост цены на СПГ начался весной 2021 г., ЕС предпринимал значительные усилия, чтобы не допустить увеличения цены на газ. Сделать это оказалось сложно, поскольку произошло падение добычи газа в Европе — на 11 млрд м³. Высокие цены в Азии сделали азиатский рынок привлекательным для СПГ из США.

Это повлекло снижение экспорта в Европу на 14 млрд м³ газа³. В свою очередь, сокращение объемов поставок на европейский рынок привело к росту цены на этот вид углеводородного сырья. В итоге, за период с середины 2020 г. до середины 2021 г. стоимость газа на спотовом рынке возросла более чем в десять раз. В сентябре 2021 г. тысяча куб. м стоила уже 1100 долл., достигнув в октябре уровня в 2000 долл. за тысячу куб. м природного газа⁴. В марте 2022 г. цена превысила 3600 долл. за 1000 куб. м газа⁵. Рост цен был обусловлен ограниченным предложением со стороны ряда поставщиков, низким уровнем заполнения европейских подземных хранилищ, холодной зимой и жарким летом 2021 г. “Жесткая

¹ *Комлев С.* Сложный год. Корпоративный журнал ПАО “ГАЗПРОМ”. 2020. №3. С. 15. URL: <https://www.gazprom.ru/f/posts/08/066164/gazprom-magazine-2020-3.pdf> (дата обращения: 07.06.2022).

² Там же.

³ *Dzyadko T.* European gas anomaly. RBC. 2021. No. 150. Oct. 7. P. 6–7.

⁴ Там же.

⁵ Цена газа в Европе превысила \$3600 за тысячу кубометров. 2022. 7 марта. URL: https://russian.rt.com/business/news/972483-evropa-gaz-cena?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 01.06.2022).

конкуренция между Европой и Азией за гибкие поставки СПГ подняла цены на споте до рекордного уровня”¹.

Поставки газа на европейский рынок распределялись между Великобританией, Нидерландами и Норвегией — 40%, еще 40% приходилось на Россию и 20% природного газа поставляются из Северной Африки — Алжира и стран Ближнего Востока². Одним из основных поставщиков углеводородных ресурсов на европейский рынок выступала Россия. “Газпром” является крупнейшим поставщиком природного газа в Европу. Его доля в зависимости от конкретного года колебалась от 28 до 32% от емкости рынка природного газа ЕС, который оценивается примерно в 400 млрд куб. м в год. Доля России на рынке ЕС выросла с 31,2% в 2012 г. до 44,7% в 2019 г. за счет снижения импорта из Норвегии (с 29,4% в 2012 г. до 21,3% в 2019 г.) и добычи из Нидерландов. При этом импорт газа из США в Европу также неуклонно рос, достигнув 4,1% в 2019 г. и 6,7% в первой половине 2020 г.³ Тем не менее в 2020 г. Россия по-прежнему занимала лидирующие позиции, поставив в ЕС около 44% природного газа, основными потребителями которого были Германия и Италия⁴.

В последнее десятилетие ЕС проводил курс на снижение доли российского газа на европейском рынке, сделав ставку на увеличение поставок СПГ. Он стал рассматриваться в качестве альтернативы российскому природному газу. Несмотря на усилия ЕС, на европейский рынок в последние годы приходилось лишь 30% экс-

¹ Цена газа в Европе превысила \$3600 за тысячу кубометров. 2022. 7 марта. URL: https://russian.rt.com/business/news/972483-evropa-gaz-cena?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 01.06.2022).

² *Kim S. H., Lim Y. Y., Kim D. W., Kim M. K.* Swing suppliers and international natural gas market integration // *Energies*. 2020. 13, 4661; doi:10.3390/en13184661.

³ *Ediger V. S., Bowlus J. V., Dursun A. F.* State capitalism and hydrocarbon security in China and Russia / *Energy Strategy Reviews*. 2021. Vol. 38, November, 100725. URL: <https://doi.org/10.1016/j.esr.2021.100725> (дата обращения: 24.06.2022).

⁴ The Role of Russian Natural Gas. Congressional Research Service 2022. March 23. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IN/IN11900> (дата обращения: 24.05.2022).

порта СПГ¹. Кардинально изменить систему поставок было невозможно по ряду причин, среди которых можно выделить наличие долгосрочных поставок России с европейскими компаниями, отсутствие необходимой инфраструктуры по приему СПГ. Сказывался подход ЕС к сотрудничеству с поставщиками СПГ, который не предполагал подписания долгосрочных контрактов². Слабой оставалась связь между странами ЕС, которые располагались на побережье и теми, кто находился в центре материка. Главной проблемой для Евросоюза, который поставил задачу снизить зависимость от поставок российского газа, заменив его СПГ, является доставка углеводородных ресурсов не только на побережье, но и вглубь континента.

Соответственно, при поставках СПГ географическое расположение дает значительные преимущества странам, которые расположены на побережье и располагают широкой сетью для приема углеводородных ресурсов³.

Ключевой проблемой остается дефицит интерконнекторов для поставок газа с центров регазификации, а также отсутствие необходимого количества терминалов. В некоторых европейских государствах имеются терминалы для принятия СПГ. Так, они были построены во Франции, Нидерландах, Бельгии и уже работают на 80–90% своей мощности.

У Германии, которая из всех стран Европы потребляет больше всех газа, терминалов нет. Всего в Европе действуют 22 терминала, включая объекты в Великобритании. В 2021 г. европейские страны импортировали около 79 млн т СПГ. При этом свободных мощностей по регазификации в ЕС всего лишь 65 млн т,

¹ *Kim S. H., Lim Y. Y., Kim D. W., Kim M. K.* Swing suppliers and international natural gas market integration // *Energies*. 2020. 13. 4661; doi:10.3390/en13184661.

² *Мануков С.* Забудьте про катарский газ: Европа не сможет заменить российские поставки. 2022. 21 июня. URL: <https://expert.ru/2022/06/21/katar> (дата обращения: 24.06.2022).

³ *Hammad M. A., Elgazzar S., Sternad M. A.* Conceptual Framework to Establish and Operate a Global Logistics Energy Hub // *Sustainability*. 2021. 13. 10976. URL: <https://doi.org/10.3390/su131910976> (дата обращения: 24.06.2022).

то есть почти половина от того объема СПГ, который должен заменить трубопроводный газ России¹.

На пути реализации данных планов стоят ограниченные возможности, связанные с приемом СПГ, поскольку отсутствует необходимая инфраструктура. С этой проблемой сталкиваются все европейские страны. Выходом из ситуации для европейских стран может стать строительство плавучих терминалов для принятия СПГ. Так, Италия, Франция и Германия рассматривают варианты по использованию плавучих терминалов СПГ. Например, на севере Франции власти и компании хотят установить танкер — регазификационный терминал². Аналогичные усилия предпринимает Италия, которая намерена приобрести один плавучий терминал и взять в лизинг второй. Их хотя разместить в портах Тирренского и Адриатического морей, где уже создана газовая инфраструктура³. Мощность терминалов должна составить 10 млрд куб. м. Германия, у которой нет ни одного СПГ-терминала для принятия сжиженного газа и его возврата в газообразное состояние, намерена разместить в Балтийском и Северном морях три регазификационных терминала мощностью 27 млрд куб. м в год⁴.

Строительство плавучих хранилищ СПГ и терминалов для регазификации, а также создание инфраструктуры для дальнейшего распределения газа между европейскими странами требует времени. Однако проблема заключается в том, что даже в случае доставки в Европу СПГ их мощности не хватит для покрытия потребности стран региона. Потребность в дополнительных мощностях уже вызвала глобальную нехватку плавучих терминалов.

¹ *Круглей И.* СПГ газовой беде Европы не помощник. 2022. 18 марта. URL: <https://oilcapital.ru/article/general/18-03-2022/spg-gazovoy-be-de-evropy-ne-pomoschnik?ysclid=14zrsf7bbl534788353> (дата обращения: 21.06.2022).

² Страны ЕС схватились за плавучие терминалы СПГ: на всех не хватает. 2022. 28 марта. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/03/28/strany-es-shvatilis-za-plavuchie-terminaly-spg-na-vseh-ne-hvataet> (дата обращения: 22.06.2022).

³ Там же.

⁴ *Мануков С.* Глава Uniper: СПГ-терминалы можно построить, но есть большая проблема. 2022. 21 июня (дата обращения: 24.06.2022).

Наконец, добыча и сжижение природного газа вносят существенный вклад в выбросы CO₂¹.

Несмотря на сложности, европейские страны стремятся достичь принципиальных договоренностей о поставках дополнительных объемов СПГ в Европу. Так, Германия обсуждала с Канадой вопрос строительства терминала сжиженного природного газа (СПГ) на восточном побережье Канады² для того, чтобы страна начала экспортировать топливо в Европу³.

Ценовые шоки на европейском газовом рынке 2021–2022 гг. положили начало новым тенденциям в сформированных ранее цепочках поставок углеводородных ресурсов, изменили политику поставщиков СПГ, привели к пересмотру подходов со стороны ЕС к поставкам на европейский рынок газа. Ключевой задачей стали диверсификация источников и поиск новых маршрутов поставок углеводородных ресурсов. ЕС стремился снизить долю российского газа на европейском рынке и переориентироваться на новых поставщиков.

Несмотря на сложности, ЕС продвигал идею снижения зависимости от российских поставок. Так, 18 мая 2022 г. Европейская комиссия представила план “REPowerEU”, который стал ответом на трудности и сбои на мировом энергетическом рынке, вызванные событиями в Украине⁴.

Было заявлено о необходимости преобразовать энергетическую систему Европы, исходя из двух задач: борьбы с кли-

¹ Onat C. N. How to compare sustainability impacts of alternative fuel Vehicles? / Transportation Research Part D 102 (2022) 103129. URL: <https://doi.org/10.1016/j.trd.2021.103129> (дата обращения: 24.06.2022).

² Канада начнет экспортировать СПГ в Европу. 2022. 28 июня. URL: https://lenta.ru/news/2022/06/28/spg_eu/?ysclid=l4zrq9s23f917906820 (дата обращения: 28.06.2022).

³ ФРГ обсуждает с Канадой варианты строительства СПГ-терминала для экспорта в Европу. 2022. 28 июня. URL: <https://tass.ru/ekonomika/15062961?ysclid=l4zrx8oyi3388165770> (дата обращения: 28.06.2022).

⁴ Press statement by President von der Leyen on the Commission's proposals regarding REPowerEU, defence investment gaps and the relief and reconstruction of Ukraine. 2022. 18 May. Brussels. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_22_3164 (дата обращения: 23.06.2022).

матическими изменениями и снижения зависимости стран ЕС от российского углеводородного топлива. “REPowerEU — это быстрое снижение нашей зависимости от российского ископаемого топлива путем ускорения экологически чистого энергоперехода и объединения усилий для достижения более устойчивой энергетической системы ЕС”¹.

Председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен предложила блоку покончить с зависимостью от российских углеводородов, включая газ, к 2027 г.²

В плане ставилась задача полностью прекратить импорт угля в ЕС из России с 10 августа 2022 г., нефти — с конца того же года, газа — сократить в три раза к концу 2022 г.

В документе отмечается, что атомная энергетика по-прежнему будет играть важную роль в обеспечении безопасности энергоснабжения ЕС.

При этом подчеркивается важность скоординированных действий по снижению зависимости от российских ядерных материалов и услуг топливного цикла³.

Отказ от российских ресурсов, а именно эта задача провозглашена ЕС в качестве приоритетной, потребует целевых инвестиций в газовую инфраструктуру в масштабах всего ЕС.

В русле снижения доли российских энергоресурсов Европейский союз стремится увеличить поставки СПГ из США и Канады; укрепить сотрудничество с Азербайджаном, особенно по Южному газовому коридору; заключить соглашения об увеличении поставок

¹ Press statement by President von der Leyen on the Commission's proposals regarding REPowerEU, defence investment gaps and the relief and reconstruction of Ukraine. 2022. 18 May. Brussels. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/statement_22_3164 (дата обращения: 23.06.2022).

² *Krukowska E., Nienabe M.* Von Der Leyen Eyes Ending EU's Russian Energy Reliance by 2027. 2022. March 10. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-03-10/von-der-leyen-eyes-ending-eu-s-russian-energy-reliance-by-2027> (дата обращения: 17.06.2022).

³ *Никифоров О. Н.* Предкризисная трансформация в Европе. 2022. 13 июня. URL: https://www.ng.ru/ng_energiya/2022-06-13/12_8459_transformation.html (дата обращения: 19.06.2022).

СПГ с такими государствами, как Катар, Египет, Израиль и Австралия; изучить экспортный потенциал стран Африки к югу от Сахары¹.

В качестве одного из перспективных поставщиков газа на европейский рынок рассматривается Катар², который занимает третье место в мире по доказанным запасам природного газа — 24,7 трлн куб. м (12,4%)³. В 2021 г. страна экспортировала 77 млн т СПГ⁴, который в основном шел на азиатский рынок. На рынке Европы доля катарского газа составляет 5%⁵.

Отношения ЕС с этой страной в газовой сфере развиваются достаточно сложно. Катар ориентирован на подписание долгосрочных контрактов с основными потребителями своего газа в Азии, что позволило этой стране в 2020 г. занять второе место в мире по экспорту СПГ⁶. Данная политика противоречит подходам ЕС, который не поддерживал данный подход. Трудный переговорный процесс не стал препятствием для сохранения позиций Катара на газовом рынке Польши, Франции, Италии.

В 2021–2022 гг. в связи с активизацией ЕС поиска альтернативных источников газа переговоры с Катаром возобновились.

¹ Factsheet on the International Energy Strategy. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/fs_22_3136 (дата обращения: 02.06.2022).

² Meza A., Ari I., Al-Sada M. S., Koç M. Future LNG competition and trade using an agent-based predictive model // *Energy Strategy Reviews*. 2021. Vol. 38. URL: <https://doi.org/10.1016/j.esr.2021.100734> (дата обращения: 20.05.2022).

³ Makhdoum H., Pouransari Z. Analytical Study of Iran Nonrenewable Energy Resources Using Hubbert Theory // *ACS Omega*. 2022. 7. 1772–1784. URL: <http://pubs.acs.org/journal/acsodf> (дата обращения: 24.06.2022).

⁴ Al-Haidous S., Al-Breiki M., Bicer Y., Al-Ansari T. Evaluating LNG Supply Chain Resilience Using SWOT Analysis: The Case of Qatar // *Energies*. 2022. 15. 79. URL: <https://doi.org/10.3390/en15010079> (дата обращения: 24.06.2022).

⁵ Gas Exporting Countries Forum in Qatar: Who said what. 2022. 22 Feb. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/2/22/what-was-said-at-gas-exporting-countries-forum> (дата обращения: 29.05.2022).

⁶ Natural Gas, liquefied in Qatar. 2020. URL: <https://oec.world/en/profile/bilateral-product/natural-gas-liquefied/reporter/qat?redirect=true> (дата обращения: 23.05.2022).

При этом каждая из сторон продвигала свое видение сотрудничества в газовой сфере. В марте 2022 г. министр экономики и защиты климата Германии Роберт Хабек провел переговоры с Катаром о поставках катарского СПГ¹. При этом, как подчеркивал министр, “власти Германии не планировали полностью менять сырье из России поставками из Катара”².

Как отмечал министр энергетики Катара “ни Катар, ни какая-либо другая отдельно взятая страна не в состоянии заменить поставки российского газа в Европу сжиженным природным газом (СПГ) в случае перебоев из-за конфликта между Россией и Украиной”³.

Катар рассматривает возможность увеличить поставки газа в Европу, но лишь в перспективе. Это связано с тем, что Катар не располагает свободными объемами газа, которые могут кардинально изменить ситуацию на европейском рынке. Кроме того, за катарский газ идет конкуренция со стороны азиатских стран. Например, к 2020 г. 75% объема от экспортируемого катарского газа закупали страны северо-восточной Азии⁴, которые, в свою очередь, ориентируются на долгосрочные контракты. В частности, в 2021 г. Южная Корея подписала очередной долгосрочный контракт, который предусматривает поставки СПГ в Южную Корею на протяжении двадцати лет с 2025 г.⁵. Аналогичное соглашение подписано с КНР, которая последовательно проводила политику по развитию сети СПГ-терминалов по единым техническим стан-

¹ Германия договорилась с Катаром о поставках СПГ. 2022. 20 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5269644> (дата обращения: 20.05.2022).

² Там же.

³ *Dahan M.E., Mills A., Rashad M.* Qatar says “almost impossible” to quickly replace Russian supplies to Europe. 2022. 22 Feb. URL: <https://www.reuters.com/world/middle-east/qatar-can-divert-up-15-its-gas-exports-2022-02-22> (дата обращения: 04.06.2022).

⁴ 75% of Qatar’s gas exports go to NE Asian countries. 25 Oct. 2020. URL: <https://thepeninsulaqatar.com/article/25/10/2020/75-of-Qatar%E2%80%99s-gas-exports-go-to-NE-Asian-countries> (дата обращения: 14.05.2022).

⁵ Катар подписал газовый контракт с Южной Кореей. 2021. 12 июля. URL: <https://1prime.ru/gas/20210712/834176504.html?ysclid=14z8mh354z755825783> (дата обращения: 16.06.2022).

дартам¹. С 2022 г. начал действовать новый контракт с Китаем, рассчитанный на 15 лет². Таким образом, долгосрочные контракты в Азии снижают возможности Катара переориентировать свои поставки в Европу и компенсировать поставки газа из России. Речь может идти лишь о снижении дефицита газа, но не о его замене. Катар готов увеличить поставки газа в Европу лишь на 10–15%, что составит 8–9 млрд куб. м к концу 2022 г.³

Катар рассчитывает выйти к 2026–2027 гг. на уровень производства 110 млн т СПГ, но открытым остается вопрос о географии его поставок⁴. В последние годы поставки газа из Катара в основном связаны с покупателями в Азии и других странах по долгосрочным контрактам. В 2024 г. должен быть введен в строй по сжижению природному газу Golden Pass, который находится в совместной собственности Qatar Energy и ExxonMobil. Частично это может заменить российский газ, который в то же время будет стоить больше. Наконец, газовый рынок ЕС не является приоритетом для энергетической стратегии Катара. Пока рынок ЕС играет для Катара вспомогательную роль, позволяя направлять на него излишки газа, Катар по-прежнему делает ставку на азиатский газовый рынок, который остается его приоритетом. В краткосрочном периоде поставки в Европу могут осуществляться в небольших объемах.

Кардинально менять свою политику Катар не собирается. Тем более что с Европой, которая выступает против долгосрочных контрактов, еще предстоит договариваться. Катар настаивает на

¹ *Fu Zihang, Shan Tongwen, Yang Yuxia, Liu Fang.* Interoperability of LNG terminals and gas pipeline networks // Natural Gas Industry B 8 (2021) 48–56. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ngib.2020.07.003> (дата обращения: 24.06.2022).

² *Барсуков Ю.* Контракт газом наперед. 30.09.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5008617?ysclid=14z8ryah1e198047712> (дата обращения: 17.05.2022).

³ Европа даст заработать на себе всем: “Газпрому”, США, Катару... 2022. 25 марта. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/03/25/evropa-dast-zarabotat-na-sebe-vsem-gazpromu-ssha-kataru?> (дата обращения: 25.05.2022).

⁴ Там же.

заключении долгосрочных контрактов¹, проводит политику, направленную на максимальную реализацию производимого СПГ, и заинтересован увеличить долю газа, который должен поставляться по долгосрочным контрактам. Кроме того, Катар предлагал ввести запрет на перепродажу поставленного газа за пределы ЕС; прекратить антимонопольное расследование. Данные требования Катара противоречат политике ЕС, который в последнее десятилетие продвигал подход, предполагающий отказ от долгосрочных контрактов.

Помимо Катара, одним из новых поставщиков поставок газа на европейский газовый рынок могут стать США. В 2021 г. они поставили в Европу 22 млрд куб. м СПГ² и заявили о готовности нарастить объем поставок газа на европейский рынок. По словам президента США Д. Байдена, “США и ЕС предпримут конкретные шаги, чтобы покончить с зависимостью природного газа из России. США вместе со своими международными партнерами будут работать над тем, чтобы в этом году поставить в Европу дополнительно 15 млрд куб. м СПГ”³. Однако данные объемы не смогут заменить российский газ, который поступает на рынок европейских стран. Кроме того, США не конкретизировали такие детали, как сроки поставок, а также цену на поставляемые ресурсы.

Ограниченные возможности внутри ЕС по замене российских углеводородных ресурсов усиливают внимание к новым маршрутам поставок. В качестве перспективного направления экспорта газа на европейский рынок рассматривается “Южный газовый коридор”. Проект был реализован в 2020 г. для транспортиров-

¹ Смирнова С. Далеко и надолго: Катар требует от ЕС 20-летних контрактов на поставку СПГ. 2022. 25 июня. URL: <https://iz.ru/1354847/sofia-smirnova/daleko-i-nadolgo-katar-trebuot-ot-es-20-letnikh-kontraktov-na-postavku-spg> (дата обращения: 27.06.2022).

² В Европе назвали объем “рекордного” импорта СПГ из США в 2021 году. 2022. 17 фев. URL: <https://rg.ru/2022/02/17/v-evrope-nazvali-obem-rekordnogo-importa-spg-iz-ssha-v-2021-godu.html> (дата обращения: 23.05.2022).

³ U.S. promises to deliver 15 bcm more of LNG to Europe in 2022 — sources. 2022. 25 March. URL: https://www.tradingview.com/news/reuters.com,2022:newsml_A5N2VD001:1-u-s-promises-to-deliver-15-bcm-more-of-lng-to-europe-in-2022-sources (дата обращения: 25.04.2022).

ки азербайджанского газа в Италию и Грецию. Это вывело Азербайджан в число стран, которые также стали оказывать определенное влияние на европейский газовый рынок. Поддержка данного энергетического проекта со стороны ЕС была продиктована стремлением создать альтернативный коридор поставок углеводородных ресурсов. Соответственно, данный проект рассматривался через призму повышения энергетической безопасности в Европе¹.

В 2021 г. Азербайджан поставил на экспорт около 10 млрд куб. м и в перспективе может выйти на рынок в лучшем случае с 30 млрд куб. м газа². Поставки газа из Азербайджана в южную Европу могут лишь дополнить, но не заменить российские углеводороды. За четыре месяца 2022 г. по трубопроводу в Европу было поставлено 3,5 млрд куб. м газа. В 2022 г. по Трансадриатическому трубопроводу Азербайджан рассчитывает поставить примерно 9,5 млрд куб. м газа. Этого объема недостаточно для европейских государств, которые потребляют гораздо больше. Очевидно, что по мощности он не может конкурировать с российскими поставками ни в настоящее время, ни в будущем³.

В последние годы в качестве новых районов, из которых ЕС может осуществлять экспорт, добавился бассейн Восточного Средиземноморья. С открытием значительных запасов углеводородов в Восточном Средиземноморье значение этого региона для европейских стран возросло⁴. В 2009 г. Израиль открыл месторождение Тамар с запасами около 280 млрд куб. м газа, а в 2010 г. —

¹ *Farzalibeyov F.* Evolution of the Southern Corridor in the European energy security agenda and policy-making process // *Global Energy Issues*, 2021. Vol. 43, No. 1. P. 55–78.

² *Жильцов С. С.* Политическое измерение европейского газового рынка. 2022. 14 марта. URL: https://www.ng.ru/ng_energiya/2022-03-14/12_8390_fuel.html (дата обращения: 26.05.2022).

³ *Жильцов С. С.* Европа обсуждает новые газовые маршруты. 2022. 13 июня. URL: https://www.ng.ru/ng_energiya/2022-06-13/9_8459_europe.html (дата обращения: 18.06.2022).

⁴ *Hasan Tutar, Teymur Sarkhanov, Nigar Guliyeva.* Eastern Mediterranean Area in Energy Security of The European Union: From Sea Border Issues to Economic Conflicts of Interest // *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2022. Vol. 12, No. 1. P. 332–341. DOI: <https://doi.org/10.32479/ijeepr.12602> (дата обращения: 24.06.2022).

месторождение Левиафан с запасами в 600 млрд куб. м. Затем в 2011 г. было открыто месторождение Афродита с запасами 129 млрд куб. м в Восточном Средиземноморье¹. Кроме того, в 2018 г. на месторождении Калипсо было обнаружено около 220 млрд куб. м природного газа. В 2015 г. Египет обнаружил 850 млрд куб. м природного газа в районе Зора². Это месторождение может дать новое развитие системе поставок газа из Средиземноморья³.

Глава Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен и премьер-министр Италии Марио Драги провели 13 июня 2022 г. встречи в Израиле, поскольку ЕС стремится отказаться от импорта ископаемого топлива из России⁴. Однако трубопровода, соединяющего морские месторождения Израиля с Европой, пока нет. Одним из вариантов доставки природного газа на европейский рынок может стать его доставка сначала в Египет, где он должен сжигаться и далее поставляться морским транспортом в Европу⁵. Реализация трубопроводного проекта оценивается в 1,5 млрд долл. и может потребовать два-три года.

Другим вариантом является прокладка подводного трубопровода (EastMed), который свяжет Израиль с Кипром и Грецией. Средиземноморский газопровод протяженностью 1900 км с годовой пропускной способностью 10 млрд куб. м даст импульс формированию нового энергетического центра в регионе. Египет мог бы подключить к нему свои газовые месторождения для будущего экспорта. Развитие добычи газа в Восточном Средиземномо-

¹ *Tutar H., Sarkhanov T., Guliyeva N.* Eastern Mediterranean Area in Energy Security of The European Union: From Sea Border Issues to Economic Conflicts of Interest // *International Journal of Energy Economics and Policy*, 2022. Vol. 12, No. 1. P. 332–341. DOI: <https://doi.org/10.32479/ijeep.12602> (дата обращения: 24.06.2022).

² Там же.

³ *Tagliapietra S., Mattei F. E.* Energy: a shaping factor for regional stability in the Eastern Mediterranean? Policy Department, Directorate-General for External Policies. Belgium. 2017. June. 59 p.

⁴ EU Chief, Italian PM In Israel For Energy Talks. 2022. June 13. URL: <https://www.barrons.com/news/eu-chief-italian-pm-head-to-israel-for-energy-talks-01655113808> (дата обращения: 16.06.2022).

⁵ Там же.

рье можно рассматривать как функцию региональной геополитической стабильности. ЕС выиграл бы от реализации создания газового хаба с точки зрения энергетической политики и реализовал бы долгосрочную стратегию диверсификации поставок газа в ЕС¹.

Ситуация на газовом рынке подтолкнула ЕС в 2022 г. пересматривать требования, направленные на переход к “зеленой” энергетике. Более лояльным стало отношение к газу и атомной энергетике². Изменение позиции было вызвано ростом цен на газ и сложностями с замещением российского газа. Были пересмотрены требования в отношении использования угля, который рассматривается в качестве замены газа.

Так, в 2022 г. в странах ЕС, в том числе в Германии и Италии, реанимировали выведенные ранее из эксплуатации угольные ТЭС, а угледобывающая отрасль в США переживает возрождение впервые за последние 10 лет³.

Наиболее сильно от реструктуризации поставок углеводородных ресурсов могут пострадать ведущие страны ЕС, например Германия.

Отказ Германии от импорта энергоносителей из России принесет значительные издержки. Инфляция в Германии в мае 2022 г. ускорилась до 7,9% в годовом выражении⁴. По словам главы Центра макроэкономики и исследований национального Института экономических исследований Андреаса Пайхла, “это повлечет

¹ Tichý L., Dubský Z., Maza J. The external energy actorness of the EU towards Egypt // Energy Strategy Reviews 37 (2021) 100695. URL: <https://doi.org/10.1016/j.esr.2021.100695> (дата обращения: 24.06.2022).

² Мусеев Д. Без российского газа выполнить “зеленые” обязательства Европе будет сложно. 2022. 17 марта. URL: https://www.ng.ru/world/2022-03-17/6_8394_ecology.html (дата обращения: 18.03.2022).

³ Волобуев А., Милькин В., Литова Е., Сангалова И. Глобальная энергетика возвращается к угольной генерации. 2022. 25 апр. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/04/26/919731-globalnaya-energetika-vozvrashaetsya-k-ugolnoi-generatsii?ysclid=14zbbkul04s110139228> (дата обращения: 15.06.2022).

⁴ Inflation rate expected to be +7.9% in May 2022. Pressrelease #221 from 30 May 2022. URL: https://www.destatis.de/EN/Press/2022/05/PE22_221_611.html (дата обращения: 14.06.2022).

снижение ВВП на 3%”¹. Без последствий для собственной экономики Германии будет сложно отказаться от поставок российского газа в сжатые сроки. Прежде всего, из-за отсутствия необходимых свободных объемов природного газа. Кроме того, Германия не имеет мощностей для того, чтобы осуществлять импорт сжиженного газа. По оценкам министра по делам экономики и защиты климата ФРГ Роберта Хаббека, “Германия не гарантировала себе достаточных поставок газа для удовлетворения своего внутреннего спроса следующей зимой”² (2022–2023 гг. — *Прим. авт.*). В итоге в первую очередь под удар попали энергозатратные отрасли: производство удобрений, нефтехимическая и сталелитейная промышленность³.

Переориентация поставок газа в Германию с России на США и другие государства в долгосрочной перспективе создаст дополнительные возможности для страны и одновременно вызовет новые риски. Вместо поставок газа по трубопроводам, которые регулировались долгосрочными контрактами, Германия проводит курс на переориентацию на морскую торговлю газом. Это вынуждает Германию уделять повышенное внимание развитию портов и портовой инфраструктуре. Подобное изменение повышает зависимость от морских поставок и волатильности глобального газового рынка. Трубопроводные поставки газа в Европу будут сведены к минимуму⁴.

¹ Отказ от российских энергоносителей может обойтись Германии в 3% ВВП. 2022. 14 марта. URL: <https://oilcapital.ru/news/markets/14-03-2022/otkaz-ot-rossiyskih-energonositeley-mozhet-oboytis-germanii-v-3-vvp> (дата обращения: 19.05.2022).

² Germany Unable to Heat Homes Next Winter Without Russian Gas Supplies, Minister Says. 2022. 19 March. URL: <https://sputniknews.com/20220319/germany-unable-to-heat-homes-next-winter-without-russian-gas-supplies-minister-says-1094015693.html> (дата обращения: 19.06.2022).

³ “Газпрому” не нужна такая Европа: в ЕС рухнет спрос на газ. 2022. 29 июня. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/06/29/gazpromu-ne-nuzhna-takaya-evropa-v-es-rushitsya-spros-na-gaz> (дата обращения: 29.06.2022).

⁴ Никифоров О. Н. Газовую подушку для Старого Света наполняют всем миром. 2022 16 мая. URL: https://www.ng.ru/ng_energiya/2022-05-16/14_8436_gas.html (дата обращения: 21.06.2022).

Уменьшение поставок природного газа в 2021–2022 гг. по трубопроводам из России частично компенсировалось увеличением производства и экспорта СПГ. Из 79 млн т СПГ, поставленных в Европу в 2021 г., 14 млн т обеспечили российские производители — заводы “Ямал СПГ” (13,3 млн т) и “Криогаз-Высоцк” (0,7 млн т)¹.

Согласно программе развития СПГ, которая была принята в России в марте 2021 г.², к 2035 г. производство СПГ должно увеличиться до 120–140 млн т в год³. Для этого должна быть оказана государственная поддержка СПГ-проектов, предложены стимулы для геологоразведки в Арктике.

В частности, с 2023 г. должны вступать в строй новые производства по СПГ, построенные в Арктике. Их мощность составляет почти 20 млн т⁴.

В случае реализации данных планов это позволит России войти в число ведущих экспортеров наряду с США, Катаром и Австралией⁵.

В июне 2022 г. российское правительство утвердило программу субсидирования разработки собственных технологий по сжижению природного газа. По оценкам вице-премьера Александра Новака, “если сегодня (2022 г.— *Прим. авт.*) в РФ производится

¹ Музлова Г. Рынок СПГ становится дефицитным. 2022. 28 марта. URL: <http://www.morvesti.ru/themes/1694/94761> (дата обращения: 18.06.2022).

² Долгосрочная программа развития производства сжиженного природного газа в Российской Федерации: утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 16 марта 2021 г. № 640-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/l6DePkb3cDKTgzxbb6sdFc2npEPAd7SE.pdf> (дата обращения: 28.05.2022).

³ Минэнерго: Россия к 2030 году может занять пятую часть мирового рынка СПГ. 2022. 17 июня. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/06/17/927255-mirovogo-rinka-spg?ysclid=l4zbmegbee542132511> (дата обращения: 28.06.2022).

⁴ Жильцов С. С., Зонн И. С. Арктика: регион будущего развития. М.: Аспект Пресс. 2022. 320 с.

⁵ Božić F., Karasalihić S. D., Smajla I., Ivančić I. Analysis of Changes in Natural Gas Physical Flows for Europe via Ukraine in 2020. *Energies* 2021, 14, 5175. URL: <https://doi.org/10.3390/en14165175> (дата обращения: 24.06.2022).

всего 30 млн т СПГ, то в перспективе можем выйти на 100 млн т в год”¹.

В ближайшие годы формирование новых цепочек поставок СПГ провоцирует дальнейший рост цен, поскольку дополнительных свободных объемов СПГ нет. По оценкам заместителя главы Еврокомиссии Мароша Шефковича, Евросоюзу потребуется 50–60 млрд куб. м газа из других источников, чтобы заменить поставки из России². При этом вице-президент Rystad Energy Синдре Кнутссон отмечал: “Допуская, что Европа привлечет все новые объемы из Атлантического бассейна в 2022 г. и дополнительные поставки, которые ранее шли в Азию, я думаю, что увеличение составит 32,5–45,5 млрд куб. м. Это то, что реально”³. Бывший итальянский премьер Романо Проди отмечал, что в краткосрочной перспективе Европа не сможет найти замену России в качестве поставщика природного газа⁴, а поставки СПГ в Европу не смогут полностью заменить транзит газа трубопроводу “Северный поток”⁵. Соответственно, ЕС либо должен пересмотреть свою политически мотивированную позицию в отношении российского газа, либо следовать прежним курсом, создавая условия для сохранения высоких цен на европейском газовом рынке.

¹ Катков М. Минэнерго: Россия к 2030 году может занять пятую часть мирового рынка СПГ. 2022. 17 июня. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/06/17/927255-mirovogo-rinka-spg?ysclid=14zcx0wwpa508052257> (дата обращения: 19.06.2022).

² В ЕС назвали задачу сокращения зависимости от энергоресурсов России сложной, но выполнимой. 2022. 15 марта. URL: <https://tass.ru/ekonomika/14069061> (дата обращения: 19.05.2022).

³ Европа даст заработать на себе всем: “Газпрому”, США, Катару... 2022. 25 марта. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/03/25/evropa-dast-zarabotat-na-sebe-vsem-gazpromu-ssha-kataru> (дата обращения: 22.05.2022).

⁴ Bulgaria decided not to renew contract with Gazprom. 2022. 20 March. URL: <https://generico.ru/2022/03/20/bulgaria-decides-not-to-renew-contract-with-gazprom> (дата обращения: 20.06.2022).

⁵ CEO Shell: СПГ не сможет полностью восполнить поставки газа в Европу. 2022. 29 июня. URL: https://quote.rbc.ru/news/short_article/62bc2d359a79471018317acc?ysclid=14zrn3vw24209934291 (дата обращения: 29.06.2022).

Мировой спрос на СПГ растет с каждым годом, что повышает уровень конкуренции между потребителями. Ожидается, что к 2040 г. мировой спрос на сжиженный природный газ удвоится и составит 700 млн т, в то время как в 2020 г. спрос составил 360 млн т¹. Исходя из данных прогнозов, поставщики углеводородных ресурсов пытаются извлекать максимальную выгоду из крайне неустойчивой ситуации, связанной с поставками СПГ. Это повышает необходимость в развитии устойчивых цепочек поставок СПГ².

Политика, направленная на отказ от долгосрочных контрактов, оказала негативное влияние на европейский газовый рынок. Высокие цены оказали отрицательное влияние на развитие экономики ЕС, которая зависит от газа. Замена дешевого российского трубопроводного газа на дорогой СПГ из США удорожает энергетическую составляющую европейских издержек и напрямую ухудшает конкурентоспособность европейской продукции на мировом рынке³. Это может затруднить переход к “зеленой” энергетике, который направлен на замену ископаемого топлива с высоким содержанием углерода чистой энергией с низким содержанием углерода⁴.

Роль экспортных трубопроводов меняется, однако не приходится говорить о полном отказе от их использования. СПГ потеснил трубопроводный транспорт, стремительно изменив расстановку сил на региональных рынках. Однако несмотря на кажущееся снижение роли трубопроводного транспорта, в Европе следует ожидать рост строительства сети новых трубопроводов, которые

¹ *Chestney N.* Global LNG demand expected to almost double by 2040: Shell. February 25, 2021. URL: <https://www.reuters.com/article/us-shell-lng-idUSKBN2AP15S> (дата обращения: 27.05.2022).

² *Kamal A., Al-Ghamdi S. G., Koc M.* Assessing the Impact of Water Efficiency Policies on Qatar’s Electricity and Water Sectors. *Energies* 2021, 14, 4348. URL: <https://doi.org/10.3390/en14144348> (дата обращения: 27.05.2022).

³ *Конопляник А. А.* Как США продвигают свой СПГ в ЕС против России и самой Европы. 2022. 13 июня. URL: https://www.ng.ru/ng_energiya/2022-06-13/11_8459_usa.html (дата обращения: 18.06.2022).

⁴ *Jinfang Tian, Longguang Yu, Rui Xue, Shan Zhuang, Yuli Shan.* Global low-carbon energy transition in the post-COVID-19 era // *Applied Energy* 307 (2022) 118205. URL: <https://doi.org/10.1016/j.apenergy.2021.118205>.

должны обеспечить поставки вглубь континента. Они должны быть интегрированы в глобальные поставки СПГ. Подобная реструктуризация евразийского энергетического пространства приведет к появлению новых центров поставок СПГ¹.

Отказ от российского газа расширит возможности стран-производителей СПГ, которые заинтересованы усилить свое влияние на европейском газовом рынке. Свои позиции могут усилить США, которые поставляют СПГ. В этом случае европейские страны попадут в зависимость от более дорогого газа, который будут поставлять другие страны. В частности, газ из Катара в перспективе будет более дорогим, чем ресурсы, которыми пользовались европейские компании до последнего времени. При этом сам Катар не готов переориентировать весь свой СПГ исключительно на европейский рынок. Соответственно при таком подходе новые поставщики могут рассматриваться лишь в качестве резервных источников, способных частично замещать поставки голубого топлива из России.

Пока ЕС продолжает придерживаться реализации курса на создание зеленой экономики. Хотя «все более очевидными становятся ограничения в развитии зеленой энергетики: необходимость осуществления огромных инвестиций в развитие экономически состоятельных технологий; ожидаемый острый дефицит необходимых для энергетического транзита металлов, включая литий, никель и кобальт; низкая эффективность низкоуглеродных решений. Будущая политика должна объединить цели декарбонизации с ограничениями энергетической безопасности, чтобы обеспечить плавный и безопасный переход к более устойчивой энергетической системе². На таком фоне наблюдающийся недостаток инвестиций в нефтяные проекты повышает риск наруше-

¹ *Meza A., Ari I., Saleh Al-Sada M., Koc M.* Future LNG competition and trade using an agent-based predictive model // *Energy Strategy Reviews*. 2021. Vol. 38. Nov. 100734. URL: <https://doi.org/10.1016/j.esr.2021.100734> (дата обращения: 24.06.2022).

² *Mattia De Rosa, Kenneth Gainsford, Fabiano Pallonetto, Donal P. Finn* Diversification, concentration and renewability of the energy supply in the European Union // *Energy* 253 (2022) 124097. URL: <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2022.112950> (дата обращения: 24.06.2022).

ния долгосрочной стабильности поставок на мировой рынок нефти. Все это требует более сбалансированного глобального подхода к развитию традиционной и альтернативной энергетики¹. Возможно, что несмотря на обнародованные планы ЕС, в течение следующего десятилетия российский газ будет по-прежнему доминировать в поставках газа в Европу².

Создание новых цепочек поставок углеводородных ресурсов проходит на фоне трансформации системы международных отношений, перестройки глобальной экономики и усиления конкуренции на товарных рынках. При этом цены на углеводородные ресурсы демонстрируют положительную динамику. Ее усиливают такие факторы, как снижение доступных запасов, прогнозируемое снижение добычи ресурсов в ключевых добывающих странах, отсутствие необходимой инфраструктуры для расширения использования СПГ, производство которого возросло. За последнее десятилетие производство СПГ увеличилось с 223,8 до 356,1 млн т в год³. За эти объемы в основном конкурируют два региона-импортера: Европа и Азия. В зависимости от политики, направленной на формирование новых цепочек поставок СПГ и позиций российских трубопроводов, будут развиваться сценарии развития мирового газового рынка⁴.

Создание новых цепочек поставок углеводородных ресурсов сопряжено со значительными затратами, связанными с созданием новой инфраструктуры и модернизацией производств. Тем бо-

¹ Сечин И. И. Альтернативы мировой энергетики: трансформационные тренды и риски // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 10. С. 33–44. DOI: 10.20542/0131-2227-2021-65-10-33-44.

² Nuryev G., Korol T., Tetin I. Hold-Up Problems in International Gas Trade: A Case Study // Energies 2021. 14. 4984. URL: <https://doi.org/10.3390/en14164984> (дата обращения: 24.06.2022).

³ Meza A., Ari I., Saleh Al-Sada M., Koc M. Future LNG competition and trade using an agent-based predictive model // Energy Strategy Reviews. 2021. Vol. 38. Nov. 100734. URL: <https://doi.org/10.1016/j.esr.2021.100734> (дата обращения: 24.06.2022).

⁴ Ruud Egging-Bratseth, Franziska Holz, Victoria Czempinski. Freedom gas to Europe: Scenarios analyzed using the Global Gas Model Research in International Business and Finance 58 (2021) 101460. URL: <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2021.101460> (дата обращения: 24.06.2022).

лее что реструктуризация цепочек поставок представляет собой длительный процесс. В итоге диверсификация энергетики не способствует улучшению экономических показателей в краткосрочной перспективе, особенно в странах ОЭСР и G20¹.

Переформатирование глобальных цепочек поставок ведет к усилению позиций производителей СПГ, которые используют технические и технологические достижения, а также создает новые условия для кардинальной трансформации мировой экономики. Также сказывается неустойчивость в международных отношениях, вызванная усилением геополитической конкуренции. В этом случае газовый и нефтяной кризисы, которые сейчас переживает современный мир, могут оказаться не временным явлением. Они вполне могут еще больше усугубиться².

¹ *Giray Gozgor, Sudharshan Reddy Paramati*. Does energy diversification cause an economic slowdown? Evidence from a newly constructed energy diversification index // *Energy Economics* 109 (2022) 105970. URL: <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2022.105970> (дата обращения: 24.06.2022).

² *Bartholomeusz S*. Power struggle: The world's energy crisis could get worse. 6.06.2022. URL: <https://www.smh.com.au/business/markets/power-struggle-the-world-s-energy-crisis-could-get-worse-20220606-p5arbg.html> (дата обращения: 07.06.2022).

Глава 13. СОВРЕМЕННОЕ МИРОТВОРЧЕСТВО ООН И ПОЛИТИКА РОССИИ¹

В. Н. Конышев, А. А. Сергунин

После окончания холодной войны миротворческая деятельность стала особенно востребована как инструмент стабилизации в условиях нарастающего хаоса международных отношений, коснувшегося как развитых, так и развивающихся стран. За последние годы нормативно-правовые и институциональные основы, а также формы миротворчества проделали значительную эволюцию. Однако миротворческая деятельность под эгидой ООН продолжает находиться в состоянии кризиса. Проблемы миротворчества касаются интересов России самым непосредственным образом, поскольку связаны с обеспечением внутренней стабильности, которая тесно связана с безопасностью в государствах ближайшего окружения, а также с ситуацией в других стратегически важных регионах мира. Между тем динамика взаимодействия России с ООН в последние годы показывает тенденцию к явному снижению ее активности. По данным на 2022 г., Россия по количеству участников миротворческих миссий занимает 65-е место из 121².

Оптимизация политики РФ в области миротворчества, включая взаимодействие со структурами ООН, требует предварительного анализа концептуальных основ, правовой базы, институциональных механизмов, проблем практического миротворчества, чему и посвящена данная глава.

Актуальность миротворчества ООН в условиях современных конфликтов

Современные военные конфликты неизбежно связаны с возрастанием рисков для безопасности гражданского населения. Этот

¹ Работа выполнена в рамках проекта, поддержанного Российским научным фондом (№ 16-17-10085).

² Uniformed Personnel Contributing Countries by Ranking. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/01_contributions_to_un_peacekeeping_operations_by_country_and_post_49_april_22.pdf (дата обращения: 09.06.2022).

процесс во многом связан с тем, что конфликты всё чаще носят характер так называемых внутренних войн. На фоне общего роста количества военных конфликтов в мире наблюдается снижение количества войн между государствами¹. Внутренние войны, имеющие признаки гражданской войны, отличаются отсутствием четкой территориальной локализации военных действий, активным вовлечением в конфликт гражданского населения и применением тактики повстанческих и асимметричных действий. Особенно важно обратить внимание на активное участие в этих конфликтах негосударственных и квазигосударственных субъектов политики, таких как:

- вооруженные отряды общественных движений;
- радикальные политические и этнорелигиозные организации;
- террористические и преступные организации;
- иностранные частные военные компании;
- формирования спецслужб иностранных государств.

Их участие в военных действиях объективно создает условия для нарушения тех международных норм, которые ориентированы на государство как главного субъекта мировой политики и международного права и, соответственно, призваны защищать гражданское население (Гаагская конвенция 1907 г., Женевская конвенция 1949 г. и Дополнительные протоколы к Женевской конвенции 1977 г.).

Следует отметить, что международно-правовая база для привлечения к ответственности за преступление против гражданского населения недостаточно разработана в части определения важных юридических понятий, таких как “военный преступник”, “выполнение преступного приказа”, “преступное бездействие командиров”, “военная необходимость”, “репрессалии” (карательные меры за нарушение правил войны)². Есть и более общая юридическая коллизия, которая состоит в том, что, с одной стороны, междуна-

¹ See: Human Security Report 2009/2010: The causes of Peace and the Shrinking costs of War (Simon Fraser University). New York: Oxford University Press, 2011. P. 157.

² См.: Сульдин Ю. И. Права спасателей и населения в военных конфликтах // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2012. Т. 2, № 2. С. 816.

родное право ориентировано на запрет применения силы, с другой — пытается регламентировать ее применение¹.

Однако не только негосударственные акторы, но и государства и международные организации нередко делают своей мишенью гражданское население. Как показывает опыт конца XX — начала XXI века, войны, которые ведутся под флагами “гуманитарных интервенций”, глобальной борьбы с терроризмом или распространением оружия массового поражения, также чреваты большими жертвами среди гражданского населения. В 1999 г. силы НАТО, действовавшие под руководством США, намеренно разрушали объекты жизнеобеспечения в Белграде, чтобы вызвать недовольство населения режимом С. Милошевича. Армия Израиля в 2004 г. проводила карательную операцию в Газе, разрушив 80 домов и уничтожив 110 граждан, чтобы настроить местное население против боевиков “Хамас”, которые укрывались в этом районе. В 2014 г. ситуация повторилась в еще больших масштабах: счет велся уже на сотни разрушенных домов и погибших, а также тысячи раненых. Американские бомбардировки в Ираке в 2003–2004 гг. городов Самарры и Эль-Фалуджи также были направлены на то, чтобы настроить гражданское население против политических руководителей². С лета 2014 г. силами регулярной армии Украины велась карательная акция на юго-востоке страны, официально названная антитеррористической операцией. Она также была нацелена на терроризирование гражданского населения и разрушение городской инфраструктуры Донецкой и Луганской народных республик, чтобы настроить местных жителей против ополченцев. Методами террора, направленными на запугивание населения, уничтожались лидеры ополчения. После начала специальной военной операции РФ на Украине 24 февраля 2022 г. отступающие украинские войска систематически наносят артиллерийские удары по жилым кварталам и гражданской ин-

¹ См.: Саунина Е. В. Международные военные конфликты // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Право. 2000. № 1. С. 176.

² См.: Панова В. В. Современные западные исследования международного конфликта // Международные процессы. 2005. Т. 3, № 2 (8). URL: <http://www.intertrends.ru/seven/005.htm> (дата обращения: 10.06.2022).

фраструктуре оставленных городов, а также проводят теракты, нацеленные на массовую гибель гражданских людей¹.

Конечно, на протяжении XX века большие жертвы среди населения при ведении войн не являются новостью. Они сопровождали и войны, которые велись в колониях, и противоповстанческие операции внутри государств. При этом жертвы были скорее “побочным продуктом” военных действий против регулярных сил противника. Теперь же насилие против гражданских лиц становится регулярной составляющей военных кампаний, которая планируется заранее как часть военной тактики. Насилие в отношении женщин и детей, этнические чистки служат для дегуманизации врага, его деморализации и облегчения дальнейшей эскалации конфликта. В конфликтах в Уганде, Афганистане, Пакистане, Восточном Тиморе, Демократической Республике Конго, Руанде женщин и детей использовали не только как вспомогательный персонал по обеспечению боевых действий, но и принуждали их непосредственно к участию в войне. Торговля своими же соотечественниками служит источником финансирования боевых действий и закупок оружия, как это практикуют, например, повстанцы Непала².

В условиях гражданской войны государство нередко вынуждено применять меры военного насилия против собственных граждан. Геноцид против собственного населения в Руанде в 1994 г. поставил ООН перед сложной дилеммой — посланные с миротворческой миссией войска не могли остановить массовые убийства, поскольку война была квалифицирована как гражданская. Эта ситуация порождает еще одно противоречие — между суверенным правом государства на внутреннее насилие и правом человека на жизнь и свободу. Возникшая коллизия нашла отражение в словах бывшего Генерального секретаря НАТО Кофи Аннана: “Если

¹ Небензя заявил, что западные СМИ признали гибель жителей Бучи от обстрелов ВСУ. URL: <https://iz.ru/1338917/2022-05-23/nebenzia-zaiavil-chno-zapadnye-smi-priznali-gibel-zhitelei-buchi-ot-obstrelov-vsua> (дата обращения: 09.06.2022).

² См.: *Ерохина Л. Д.* Формы эксплуатации населения в условиях военных конфликтов: военная проституция и торговля // *Женщина в российском обществе*. 2009. № 3. С. 110–111.

гуманитарная интервенция действительно является неприемлемым ударом по суверенитету, то как нам следует реагировать на такую ситуацию, как в Руанде или в Сребренице, — как реагировать на грубые и систематические нарушения прав человека, которые противоречат всем заповедям человеческого бытия?”¹

Запад попытался ответить на эту дилемму “гуманитарной интервенцией” в Югославии, которая была предпринята НАТО в 1999 г., несмотря на то что она противоречила нормам международного права и была осуществлена без санкции Совета Безопасности ООН. Большая часть международного сообщества осудила как саму эту акцию, так и подобный вариант “гуманитарной интервенции”. И до сих пор проблема обеспечения безопасности мирного населения в ходе военных конфликтов не нашла своего решения. Практика показывает, что в современных конфликтах жертвы среди гражданского населения намного превосходят потери личного состава регулярных вооруженных сил, доходя до 80–90% (против 50% в годы Второй мировой войны)². В одной из резолюций ООН было отмечено, что целенаправленные действия против гражданских лиц со стороны участников конфликта создают угрозу не только личностной, но и международной безопасности³.

Наряду с указанными выше объективными причинами, обусловившими повышение внимания ООН к проблеме защиты гражданского населения, имелись и другие факторы, способствовавшие актуализации этого вопроса в рамках данной организации. В частности, США и их союзники по НАТО пытались в полной мере воспользоваться ситуацией фактической однополярности в 1990-е гг.

¹ Мы, народы: роль Организации Объединенных Наций в XXI веке. Доклад Генерального секретаря. 54-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН. 27 марта 2000. (A/54/2000). P. 41. URL: <https://undocs.org/ru/A/54/2000> (дата обращения: 10.06.2022).

² See: Human Security Report 2009/2010: The causes of Peace and the Shrinking costs of War (Simon Fraser University). New York: Oxford University Press, 2011. P. 158.

³ See: United Nations Security Council resolution 1296 on protection of civilians in armed conflict. S/RES/1296. April 2000. URL: <http://www.refworld.org/docid/3b00efb824.html> (accessed: 10.06.2022).

и перестроить миротворческую деятельность ООН в соответствии со своими геополитическими интересами. Под эгидой “гуманитарных интервенций” они пытались устранить неудобные им режимы (Сербия, Ливия, Сирия), а ООН была для них лишь прикрытием их интервенционистских планов.

С международно-правовой точки зрения настойчивые попытки США и НАТО узаконить “гуманитарные интервенции” в деятельности ООН могут быть расценены как стремление англосаксонской правовой доктрины (*common law*) — с ее акцентом на правах личности и праве прецедента — “потеснить” континентальное (наполеоново) право, лежащее в основе Устава ООН и считающее государство главным субъектом международного права. Таким образом, необходимость защиты гражданского населения в условиях конфликтов была для Запада лишь поводом для девальвации таких базовых принципов международного права, как соблюдение государственного суверенитета, территориальной целостности и нерушимости границ государств, невмешательство во внутренние дела государств и пр.

Важно, что эта девальвация имела односторонний характер: Запад оставлял за собой право решать, когда можно пожертвовать указанными принципами и организовать “гуманитарную интервенцию” в развивающихся и постсоциалистических странах, в то время как в отношении самого Запада эти принципы оставались неизблемыми. Впрочем, эти попытки Запада не увенчались успехом, так как другие влиятельные страны мирового сообщества (прежде всего, Россия, КНР) и многие развивающиеся страны заблокировали подобные инициативы.

Убедившись в бесплодности своих попыток прямо пересмотреть Устав ООН, западные страны попытались трансформировать концепцию “гуманитарной интервенции” в ее более “мягкую” версию — “обязанность защищать” (далее — ОЗ). Спекулируя на реальной проблеме — настоятельной необходимости защищать мирное население в участвовавших международных и внутренних конфликтах, — Западу все-таки удалось провести эту концепцию через ООН, где она была закреплена специальной резолюцией 2005 г., а в более развернутом виде была представлена в 2009 г. в докладе Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна.

Таким образом, повышенное внимание ООН к проблеме защиты мирного населения и появление концепции ОЗ было вызвано довольно противоречивым сочетанием факторов. Из объективных отметим такие особенности современных конфликтов, как рост числа жертв среди гражданских лиц, беженцев, участвовавшие случаи геноцида и этнических чисток, а из субъективных — геополитические устремления западных стран, страдающих навязчивой идеей распространения демократии по всему миру.

“Обязанность защищать”: эволюция концепта

Современные проблемы миротворчества не могут быть сведены лишь к особенностям военных конфликтов или к демонизации отдельных государств и военных блоков, которые под прикрытием гуманитарных проблем решали свои прагматические задачи. Ведь государства всегда преследовали прагматический интерес, а население не в первый раз в истории стало мишенью и жертвой. Глубокие корни наблюдаемого кризиса миротворчества ООН связаны с новым поворотом в трактовке безопасности, вызванным определенными тенденциями мирового развития.

Традиционно в международных отношениях преобладал государствоцентричный подход, предполагавший, что главным референтом безопасности является государство и оно же обязано обеспечить безопасность общества. Процессы глобализации, начавшись в сфере экономического взаимодействия, в конечном счете привели к трансформации международных отношений в целом. Это выразилось в тенденции к размыванию политического суверенитета государств, монопольного права на внутреннее насилие, способности защитить своих граждан перед стихией глобальных процессов. Глобализация сопровождалась появлением новых угроз безопасности, нейтрализовать которые не способно даже самое могущественное государство: проблемы загрязнения окружающей среды, истощение природных ресурсов, неуправляемые миграции людей и капиталов, разрушение самобытности народов, рост международной преступности и международного терроризма.

Реакцией общества стала активизация неправительственных организаций и гражданских обществ, которые стали противопоставлять себя государству как гаранту безопасности, доказывая,

что государствоцентричный подход более не соответствует реалиям. Неизбежно подверглось эрозии и система международного права, пойдя по пути постепенного отказа от примата суверенитета государства. Вместо государства как референта безопасности в центре внимания политиков и экспертов оказалась личность (общественная группа). В попытке преодолеть “узость” государствоцентричного подхода адепты личностной безопасности (*human security*), с одной стороны, отождествили понятие безопасности с личностной безопасностью, а с другой — стали расширять его содержание.

В итоге единого понимания концепта “личностная безопасность”, которое бы стало международно признанным, выработать так и не удалось. На практике приходится апеллировать либо к различным трактовкам в рамках национальных внешнеполитических доктрин, либо понимать личностную безопасность предельно широко, включая туда такие аспекты, как экономическая защищенность, охрана здоровья, обеспеченность продовольствием, безопасная окружающая среда, персональная безопасность, безопасность культурно-языковой идентичности, политическая безопасность¹. Важно иметь в виду, что потенциально этот перечень не ограничен. Непонятно, кто будет определять степень угроз личностной безопасности, если признать, что государство не в состоянии делать это эффективно. Неясно также и то, кто будет защищать, если отказаться от государствоцентричной модели. Остается по умолчанию открыть двери для внешнего вмешательства неопределенных сил в лице “мирового сообщества”, международных организаций и неправительственных организаций.

Именно в таком достаточно рыхлом виде концепция личностной безопасности утверждается в миротворческой деятельности ООН в начале XXI века и оформляется в ее доктрине, известной как “обязанность защищать”. Так на фоне кризиса миротворчества в целом и дискредитации “гуманитарной интервенции” в частности, в деятельности ООН произошел сдвиг внимания от межгосударственных конфликтов к задачам по защите

¹ См.: *Коньшев В. Н.* Безопасность личности — новый поворот в понимании политики безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2014. № 40 (277). С. 43–56.

населения от последствий военных конфликтов различной природы. Последнее направление, соответствующее концепции личностной безопасности со всеми ее недостатками, стало центральным в деятельности ООН.

От “гуманитарной интервенции” концепция “обязанность защищать” унаследовала свободу от правовых оснований в виде согласия государства на внешнее вмешательство, абстрактное апеллирование к справедливости и благим намерениям внешней интервенции, неопределенность критерия “крупномасштабные человеческие жертвы”. Это нашло отражение в трех базовых принципах концепции: ответственность по защите перед международным сообществом как часть суверенитета государства (по сути — ограничение суверенитета), при необходимости международная помощь и создание потенциала реагирования на массовые жертвы, своевременное и решительное реагирование международного сообщества под эгидой ООН¹. Тем самым поле для политизации операций под флагом “обязанность защищать” сохранилось.

Как уже отмечалось, концепция ОЗ восходит своими корнями к доктрине “гуманитарной интервенции”. Однако в содержательном смысле они существенно отличаются друг от друга. Если основной целью концепции ОЗ — по крайней мере официально — является защита гражданского населения в условиях военных конфликтов, то в случае с “гуманитарными интервенциями” во главу угла ставилась защита прав человека и различных меньшинств перед лицом злоупотреблений как со стороны властей, так и негосударственных акторов. При этом западные страны оставляли за собой право определять содержание понятий “права человека” и “права меньшинств”, а также критерии, когда ситуация с нарушением этих прав достигает критического уровня.

Доктрина “гуманитарной интервенции” отражала внешнеполитическое кредо наиболее радикальной версии западного неоллиберализма 1990-х гг., считавшего, что нужно “подстегнуть” “третью (по С. Хантингтону. — *Авт.*) волну демократизации” в мире

¹ See: The Role of Regional and Sub-Regional Arrangements in Implementing R2P. Report of the Secretary-General. UN Document A/65/877-S/2011/393, 27 June. P. 3–11. URL: <http://www.refworld.org/docid/4e7713912.html> (accessed: 11.07.2022).

и ускорить падение всех оставшихся недемократических режимов. Существование последних воспринималось как некий вызов либерально-демократической модели мироустройства, о чьей победе было объявлено после окончания холодной войны и крушения системы социализма. Считалось, что в борьбе с последними “бастионами” авторитаризма и тоталитаризма все средства хороши. Там, где не помогали методы “публичной дипломатии” или торгово-экономические санкции, шли в ход “гуманитарные интервенции” или “цветные революции”.

Обоснование права на “гуманитарную интервенцию” началось в западной юридической и политологической литературе неолиберального характера еще на закате холодной войны¹. В начале 1990-х гг. разные авторы на фоне усиления гражданских и межгосударственных распри, этнического и религиозного насилия вводят новую терминологию: “интервенция в гуманитарных целях”, “интервенция по причинам гуманитарного характера”, “право демократической интервенции” либо ссылаются на право “чрезвычайной гуманитарной защиты или помощи”. Некоторые и вовсе стали говорить об обязанности обеспечить такую помощь без ссылки на правовые основания — даже если не получено согласие правительства затрагиваемого государства, в котором имеют место серьезные и систематические нарушения прав человека².

Рубежной для изменения позиции ООН по вопросу о допустимости “гуманитарных интервенций” считается резолюция Совета Безопасности № 688 от 5 апреля 1991 г., которая разрешала союзным силам, действовавшим против режима С. Хусейна, создавать в Ираке зоны безопасности и запрета для полетов в целях защиты гражданского населения.

Ревизия принципа невмешательства во внутренние дела государств, допускающих массовые нарушения прав человека, была продолжена ООН по инициативе ее Генерального секретаря Бутро-

¹ See: *Ronzitti N. Rescuing Nationals Abroad Through Military Coercion and Intervention on Grounds of Humanity.* Dordrecht: Martinus Nijhoff, 1985.

² См.: *Танья Г. Гуманитарная интервенция и гуманитарная помощь: эхо прошлого и перспективы // Белорусский журнал международного права и международных отношений.* 1998. № 4. URL: <http://evolutio.info/content/view/193/49> (дата обращения: 10.06.2022).

са Бутроса-Гали (1992–1996). В своем ежегодном докладе Генеральной Ассамблее в 1991 г. он заявил: “Сейчас как никогда осознается, что принцип невмешательства во внутреннюю компетенцию государств не должен рассматриваться в качестве защитного барьера, за которым систематически безнаказанно нарушаются права человека. Тот факт, что в различного рода ситуациях ООН не была способна предотвратить жестокость, не может расцениваться в качестве аргумента правового или морального характера против необходимых действий по изменению ситуации, особенно при угрозе миру”¹. Эта линия была продолжена следующим Генеральным секретарем ООН Кофи Аннаном (1997–2006), который, собственно говоря, и ввел термин ОЗ в политический лексикон ООН. Выступая на сессии Генеральной Ассамблеи в 1999 г., он призвал мировое сообщество к ответственности по защите мирного населения от бедствий войны в соответствии с нормами международного права².

В сентябре 2000 г. была создана Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета, в состав которой вошел и представитель от России — В. В. Лукин. Ее члены попробовали проанализировать основания для легитимации “гуманитарных интервенций” и представили на рассмотрение Генерального секретаря и членов Организации Объединенных Наций доклад “Обязанность защищать” (“Ответственность по защите”) (2001 г.). Международные эксперты подтвердили значимость государственного суверенитета, отметив, что суверенитет следует толковать как ответственность государств по защите населения в своих границах. Отказавшись от использования термина “гуманитарная интервенция” (“право на вмешательство”) в пользу понятия “обязанность защищать” (“ответственность по защите”), они сместили центр тяжести дискуссий с интересов других государств — их права на вмешательство — на интересы пострадавших от войн и насилия гражданских лиц, которые их го-

¹ Доклад Генерального секретаря о работе ООН. 46-я сессия. Дополнение № 1 (А/46/1). Нью-Йорк, 1991.

² См.: Справочная информация: ответственность по защите // Программа просветительской деятельности “Геноцид в Руанде и Организация Объединенных Наций”. URL: <http://www.un.org/ru/preventgenocide/rwanda/index.shtml> (дата обращения: 10.06.2022).

сударство или, в случае его неспособности или нежелания, международное сообщество государств обязано обеспечивать¹.

В докладе 2001 г. выделялось шесть принципов легитимного военного вмешательства:

- надлежащие полномочия — кто может дать полномочия на военное вмешательство. В докладе было подчеркнуто, что только Совет безопасности ООН является легитимным органом, имеющим право санкционировать военные интервенции в гуманитарных целях. Региональные организации могут предпринимать такие операции только с разрешения и по поручению Совета;

- справедливое дело — какова должна быть степень ущерба для оправдания военного вмешательства. Вмешательство может считаться оправданным, если имеют место крупномасштабные человеческие жертвы, связанные с этническими чистками или геноцидом, и если государство бездействует — сознательно или по причине его паралича;

- благое намерение — вмешательство должно быть направлено в первую очередь на помощь населению, а не смену существующего строя;

- крайнее средство — применение силы должно быть осуществлено только в том случае, если были исчерпаны все невоенные варианты отражения данной угрозы (политические, дипломатические, юридические и экономические);

- соразмерность — масштаб, продолжительность и интенсивность военного вмешательства должны быть минимально необходимыми для обеспечения достижения поставленной гуманитарной цели;

- вероятность успеха — военная акция может быть оправдана только в том случае, если существует обоснованный шанс достичь успеха, то есть прекращения или предотвращения жестокостей и страданий, которые прежде всего и стали причиной вмешательства извне².

¹ См. п. 2.29 доклада Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета “Ответственность по защите”. URL: <https://undocs.org/ru/A/57/303> (дата обращения: 10.06.2022).

² Доклад Генерального секретаря о работе ООН. 46-я сессия. Дополнение № 1 (A/46/1). Нью-Йорк, 1991.

В 2005 г. эти критерии вошли в итоговый документ Всемирного саммита ООН и были приняты главами 105 государств и правительств в качестве их добровольных обязательств. В резолюции саммита был официально закреплен принцип “обязанность защищать” гражданское население. Он устанавливает ответственность государства за защиту населения от геноцида, преступлений против человечности, военных преступлений и этнических чисток¹. Если же конкретное государство не может или не желает этого делать, то другие государства, получив мандат ООН, обязаны вмешаться, а при необходимости использовать военную силу. Концепция “обязанность защищать” получила дальнейшее развитие в специальном докладе Пан Ги Муна, опубликованном в январе 2009 г. и целиком посвященном данной проблематике².

Концепция ОЗ вызывает споры и неоднозначные оценки. Прежде всего она имеет настолько расплывчатое определение в доктринальных документах ООН, что дает основания для достаточно произвольной трактовки. Как показали события в Ливии, Ираке, Сирии и других странах, где Запад инициировал “цветные революции”, США и их союзники по НАТО продолжают интерпретировать ОЗ в духе концепции “гуманитарных интервенций”, то есть используют необходимость защиты гражданского населения в качестве предлога для свержения неугодных им режимов, насаждения псевдодемократии и расширения своего присутствия в стратегически важных регионах мира. Неслучайно английскую аббревиатуру данной концепции *R2P* критики этой доктрины предпочитают расшифровывать не как *responsibility to protect* (обязанность защищать), а как *right to punish* (право наказывать). Критики отмечают, что нарушение суверенитета под предлогом защиты прав человека стало возможным, потому что Запад разделяет мир на “цивилизованные” и “нецивилизованные” государства. Сомнительна и легитимность решений об интервенции,

¹ See: Resolution Adopted by the General Assembly A/Res/60/1.24 October 2005. P. 30. URL: <http://refworld.org.ru/topic,51dc05fd4,,478626ea2,0,,,html> (дата обращения: 09.06.2022).

² See: Implementing Responsibility to Protect. Report of the Secretary-General. A/63/677. 12 Jan. 2009. URL: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=A/63/677 (дата обращения: 13.06.2022).

поскольку они фактически отдаются на откуп элитам западных государств. По этой причине вполне объяснимо критическое отношение к концепции ОЗ со стороны России и Китая, которые опасаются внешнего вмешательства под предлогом защиты западных ценностей, не все из которых они разделяют. Солидарная позиция РФ и КНР состоит в том, что государства, где планируются миссии ООН, должны сохранять право окончательного выбора политической системы и путей социально-экономического развития для преодоления гуманитарного кризиса¹.

“Обязанность защищать”: от теории к практике

Недостатки концепции ОЗ не исчерпывают проблемы современного миротворчества ООН. На них накладываются проблемы институционального характера, связанные с механизмами реализации ОЗ на практике.

Особенностью современных миротворческих операций является участие в них не только учреждений ООН и приданных им сил и средств, но также и региональных организаций и государств. Расширяется и арсенал методов действий миротворцев, которые не только реагируют на возникший кризис, но и пытаются предупреждать его мерами сдерживания. Однако миротворцы, которые с 1999 г. (миссия ООН в Сьерра-Леоне) получают мандат на осуществление мер по защите гражданского населения, сталкиваются с рядом серьезных трудностей. В результате, как отмечается в докладе Генерального секретаря ООН за 2009 г., значительного прогресса за минувшее десятилетие не достигнуто, и основной жертвой военных конфликтов по-прежнему остается гражданское население².

¹ *Лабюк О. Е.* “Ответственность по защите” и право на вмешательство // Международные процессы. 2008. Т. 6, № 3; China’s Armed Forces: 30 Years of UN Peacekeeping Operations. URL: https://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202009/18/content_WS5f6449a8c6d0f7257693c323.html (дата обращения: 13.06.2022).

² See: Report of the Secretary-General on the Protection of Civilians in Armed Conflict, UN Security Council, S/2009/277, 29 May 2009. P. 5. URL: http://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=1&ved=0CCgQFjAA&url=http%3A%2F%2Fwww.poa-iss.org%2FCASAAUpload%2FELibrary%2FS-2009-77en.pdf&ei=bUxOU4quBoPpywOun4CgAQ&usq=AFQjCNELJmGSwRuj_6xuBkLDPheAlvDAkA&bv m=bv.64764171,d.bGQ&cad=rjt (дата обращения: 15.06.2022).

Говоря о причинах такого положения, следует указать на различия в понимании миротворцами из разных стран проблем безопасности, целей конкретной миссии и способов ее осуществления. Не существует единых подходов и к трактовке таких понятий, как круг обязанностей миротворца, кого нужно защищать и от каких угроз, что считать законным в условиях гражданского конфликта. Документы ООН, служащие руководством для миротворческих операций, не дают четких критериев, кого относить к гражданскому населению. В сложных случаях миротворцам предписывается определять “на месте” — кто есть кто¹.

Показательно в этой связи и то, что даже в стенах ООН термин “защита” трактовался двояко: и как обеспечение норм Женевских конвенций и протоколов, и как физическая защита гражданских лиц от военных атак. Практика показывает, что в настоящее время мандат на конкретные миссии в рамках концепции ОЗ может содержать самый широкий перечень действий. Но, как отмечается в одном из докладов экспертов ООН, “миротворческие операции не могут защитить всех и от всего”².

При всех расхождениях участники миротворческих операций должны тесно взаимодействовать между собой, иначе их общая миссия просто не будет успешно выполнена³. Эти сложности усугубляются необходимостью обеспечить военно-гражданское взаимодействие и сотрудничество между миротворцами, с одной стороны, и полицейскими силами, неправительственными организациями и гражданскими властями, действующими на местах, а также региональными организациями — с другой. Между тем каких-то универсальных моделей, правил и механизмов подобного сотрудничества, которые послужили бы руководством для плани-

¹ See: *Williams P.* Protection, Resilience and Empowerment: UN Peacekeeping and Violence against Civilians in Contemporary War Zones // *Politics*. 2013. Vol. 33, No. 4.

² *Holt V., Taylor G., Kelly M.* Protecting Civilians in the Context of UN Peacekeeping Operations. Successes, Setbacks and Remaining Challenges. New York: United Nations, 2009.

³ See: *Rolfe J.* Partnering to Protect: Conceptualizing Civil-Military Partnership for the Protection of Civilians // *International Peacekeeping*. 2011. Vol. 18, No. 5. P. 561–562.

рования и организации миротворческих миссий ООН в дальнейшем, пока выработать не удалось¹.

Негативные последствия от неоднозначности содержания концепции ОЗ и механизмов ее реализации ярко проявились в миротворческой операции в Демократической Республике Конго (начата в 1999 г.), когда мандат СБ ООН предполагал самые широкие полномочия как раз по защите населения, включая применение военной силы. Причем главные задачи были возложены на военных, общая численность которых на 2008 г. составляла более 19 тыс. человек.

К совместным операциям были также привлечены вооруженные силы Конго и национальные полицейские формирования. Однако конголезские военные и полицейские сами были замешаны в репрессиях против гражданского населения в регионах, откуда были вытеснены повстанцы. Некоторые их представители вообще считали, что дело не в расширении военных операций, а в том, что государство ДРК не в состоянии обеспечить им денежное довольствие.

Поэтому между национальными силами и миротворцами ООН не было общего понимания относительно целей и способов действий, им так и не удалось организовать оперативное взаимодействие. Более того, силы ООН даже обвиняли в том, что они сами разжигают конфликт².

Кроме того, опыт операций в Конго, Кот-д'Ивуар и Южном Судане говорит также о том, что ООН не всегда имеет достаточно материальных ресурсов для выполнения миссий. В частности, не хватает гражданских экспертов для того, чтобы создавать и поддерживать местные государственные институты. Кроме того, поскольку конфликтующие стороны стремятся использовать новейшие военно-технические средства, постольку военные контингенты ООН нуждаются в дополнительном оснащении беспилотными

¹ See: *Rolfe J.* Partnering to Protect: Conceptualizing Civil-Military Partnership for the Protection of Civilians // *International Peacekeeping*. 2011. Vol. 18, No. 5. P. 566.

² See: *Holt V., Taylor G., Kelly M.* Protecting Civilians in the Context of UN Peacekeeping Operations. Successes, Setbacks and Remaining Challenges. New York: United Nations, 2009.

летательными аппаратами и вертолетами¹. Проблема нехватки ресурсов усугубляется экономическим кризисом, из которого так и не вышли ни США, ни страны ЕС.

Отсутствие четкой правовой и концептуальной базы о целях и механизмах миротворческой операции ведет к тому, что решения ООН по спасению гражданского населения зачастую принимаются избирательно. На основе статистического анализа интервенций, проведенных под эгидой ООН, исследователи отмечают, что в одних случаях явно превалирует гуманитарная мотивация по защите людей, а в других фактически были реализованы интересы третьих государств, которые использовали мандат СБ ООН для интервенции. В то же время неэффективность превентивных мер по защите гражданского населения требует укрепления именно нормативной составляющей в принятии решений².

Однако тенденция к гуманизации, хотя и отвечает духу ООН, сама по себе не гарантирует от возможных политических манипуляций, когда гуманитарные цели используются для легитимации внешних интервенций во имя национальных интересов отдельных государств. Красноречивый пример представляет собой принятие решения СБ ООН по Ливии в 2011 г., которое предписывало создать бесполетную зону для ливийской авиации в целях защиты мирного населения от репрессий режима М. Каддафи. Само решение было принято в специфических условиях: при непопулярности М. Каддафи на Западе, существовании согласия по этому поводу между США и ЕС и желании быстро разрешить проблему. В своей резолюции ООН осудила ливийское правительство за преступления против граждан в общем виде, а на практике от обеспечения бесполетной зоны авиация НАТО сразу перешла к бомбардировкам той части Ливии, которую контролировал режим М. Каддафи. При этом пилоты вынуждены были на свой

¹ See: A New Partnership Agenda: Charting a New Horizon for UN Peacekeeping, Department of Peacekeeping Operations and Department of Field Support, New York, July 2009. P. 16. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/newhorizon_0.pdf (accessed: 10.06.2022).

² See: *Hultman L.* UN peace operations and protection of civilians: cheap talk or norm implementation? // *Journal of Peace Research* 2012. Vol. 50, No. 1. P. 60–62.

страх и риск определять цели для нанесения ударов, о чем пишут офицеры американских ВВС, действовавших в Северной Африке¹. В результате реализации концепции ОЗ массово гибло гражданское население, а М. Каддафи был свергнут и убит. Именно свержение и ликвидация режима М. Каддафи и было истинной целью операции, а вовсе не гуманитарные цели ООН.

Еще одна тенденция институционального характера усложняет планирование и проведение миротворческих операций, включая защиту гражданского населения. Если миротворчество зарождалось под эгидой ООН, то со временем эти функции стали брать на себя региональные организации, опираясь на положения главы 8 Устава ООН, где говорится о поощрении СБ ООН региональных инициатив и региональных организаций в деле поддержания безопасности. С этих позиций в 1992 г. ОБСЕ объявила, что будет развивать собственные возможности по предотвращению конфликтов, в том числе подготовку к миротворческим операциям.

Тут же НАТО, опираясь на расширительную трактовку безопасности, данную в ее стратегической концепции 1991 г., заявила о поддержке миротворческой деятельности ОБСЕ. Западно-европейский союз (ЗЕС), Африканский союз (АС), Организация американских государств (ОАГ), Содружество независимых государств (СНГ) также подтвердили, что их деятельность подразумевает ведение гуманитарных и спасательных операций, урегулирование кризисов и миротворчество.

Хотя все региональные организации разделяют идею сотрудничества с ООН, в их подходах проявились различия, которые создают потенциал для возникновения проблем институционального характера.

Особенность миротворческих операций, проводимых ОБСЕ, состоит в том, что они ограничены территориями стран-участниц самой организации, а решение об интервенции принимается на основе консенсуса. Содержательно операции ориентированы на политические и гуманитарные аспекты помощи и урегулирования, а принуждение как метод урегулирования в целом ряде случаев

¹ See: *Woodward M., Morrison Ph. The responsibility to Protect: the Libya Case // Joint Force Quarterly. 2013. No. 74. P. 23.*

просто отвергалось. Важно, что ОБСЕ всегда стремилась сохранять статус равноудаленного участника при разрешении конфликта.

ОАГ настаивает, что она не собирается быть “простым исполнителем” решений, принимаемых ООН или другими организациями. Согласно этой позиции, суверенные государства свободны в создании региональных организаций, в установлении пределов их компетенций, целей и принципов деятельности, механизмов взаимодействия с другими организациями, включая ООН. Главное и единственное ограничение — соответствие деятельности региональных организаций целям Устава ООН.

НАТО (и ЗЕС до своего ухода с политической арены) на практике также выступали за относительно самостоятельную роль в сфере миротворчества, опираясь на тезис о неповторимости конфликтов, требующих гибкого механизма взаимодействия с ООН. При этом НАТО считает возможным проводить миротворческие операции вне зоны своей формальной ответственности, то есть североатлантического макрорегиона. Политическое решение принимает Совет НАТО, и операция может проводиться либо как исполнитель самостоятельно, либо в рамках коалиций государств (без ООН и ОБСЕ), либо как исполнитель под эгидой ООН.

В СНГ миротворчество осуществляется по согласию между заинтересованными государствами, входящими в содружество. Формально предусматривается получение мандата ООН, но на практике этого не было. При этом использование военной силы допускается только по решению СБ ООН. В практике СНГ к операциям привлекаются контингенты не только нейтральных, но и конфликтующих сторон, однако финансовое обеспечение и выполнение миссий лежит в основном на российской стороне.

И лишь АС, не имея достаточных собственных ресурсов, считает, что ООН должна выполнять роль глобальной организации, обеспечивая финансовую, военную, материальную и логистическую поддержку деятельности АС. В свою очередь, функция АС сводится к вспомогательной, призванной помочь миротворцам ООН учесть местную историческую и культурную специфику¹.

¹ See: *Yamashita H. Peacekeeping cooperation between the United Nations and regional organizations // Review of International Studies. 2012. Vol. 18, No. 1. P. 4–5.*

Помимо концептуальных расхождений, существует и проблема оперативного взаимодействия региональных организаций и ООН. Примером служит миссия в Чаде и Центрально-Африканской Республике (2007 г.), которую нельзя считать полностью успешной из-за того, что силы, предоставленные ЕС, оказались готовы выполнить лишь краткосрочную операцию стабилизации. На практике же требовались долгосрочные усилия, включая не только военный компонент, но и комплексные меры по защите гражданского населения. В ряде случаев процесс принятия решения ЕС о направлении миротворцев затруднен разногласиями между государствами, что не позволило оперативно реагировать на внезапное обострение кризиса, как это было в случае с Конго в 2008–2009 гг.¹ МИД Финляндии по поводу итогов миссии ООН в сирийском кризисе 2011–2013 гг. прямо заявил о провале ООН и кризисе доверия к этой организации².

Можно видеть, что многие западноевропейские государства (Франция, Великобритания, Италия, Испания) не очень-то склонны к активным действиям за пределами своего региона кроме бывших колоний. Государства Северной Европы традиционно делают акцент на оказании социально-экономической помощи, а не решении проблем безопасности³.

Еще одна проблема связана с тем, что гуманитарная помощь и участники операций ООН по защите населения нередко сами становятся объектами для нападения. Отсюда появились новые формы защиты, такие как создание “гуманитарных коридоров” для доставки гуманитарной помощи. Защиты требует персонал, привлеченный к гуманитарным операциям, оборудование и имущество. С другой стороны, нередко серьезные нарушения прав человека практикуются теми, кто призван защищать людей —

¹ See: EUFOR in Chad and CAR. URL: www.iiss.org/en/publications/strategic%20comments/sections/2008-9832/eurfor-in-chad-and-car-0823 (дата обращения: 15.06.2022).

² См.: Финляндия готова принять участие в миротворческой миссии в Сирии // Фонтанка.FI. 29.09.2013. URL: <http://fontankafi.ru/articles/11870> (дата обращения: 10.06.2022).

³ См.: *Воронов К. В.* Миротворчество стран Северной Европы: ответы на вызовы // *Мировая экономика и международные отношения.* 2011. № 12. С. 68.

самими миротворцами. Известны случаи продажи женщин в сексуальное рабство из лагерей беженцев, охраняемых миротворцами, а также пытки, изнасилования и убийства, которые зафиксированы в Мозамбике, Анголе, Камбодже и Косово. Эти факты в небольшой степени компрометируют миротворчество под эгидой ООН¹.

На фоне обсуждаемых проблем далеко не случайно возникает вопрос о критериях эффективности миротворческих операций и взаимодействии ООН с региональными организациями. В связи с этим показателен опыт проведения операции в Восточном Тиморе (1999, 2002–2006 гг.), когда, по собственным оценкам ООН, мандат был полностью выполнен, и официально миссия считалась вполне успешной. В течение нескольких лет работало вновь созданное государство под патронажем ООН, однако всплеск насилия в 2006 г. проявил не только недовольство сложившейся внутренней ситуацией, но и недовольство действиями ООН, получившими ярлык “неоколониализма”. Видимо, успех миссии должен оцениваться не только выполнением задач, записанных в мандате СБ ООН по урегулированию кризиса, но и политическими последствиями этих действий.

Опыт миротворческих операций показывает, что существуют серьезные проблемы по взаимодействию региональных организаций и ООН. Знаковой стала деятельность НАТО в Косово (1999 г.), когда был заложен опасный прецедент. Войска НАТО, составившие ядро “миротворческих сил”, тогда применили военную силу, не получив санкции СБ ООН. Как настаивают западные эксперты, это — “особый случай”, а применение силы было лишь “технически нелегитимным”, но справедливым². Совершенно очевидно, что такая позиция подрывает основы международного права и просто “выводит из игры” ООН.

¹ См.: Доклад Специального докладчика г-жи Радхики Кумарасвами по вопросу о насилии в отношении женщин, его причинах и последствиях на 57-й сессии Комиссии ООН по правам человека (2001). E/CN.4/2001/73 // Университет Миннесоты. Библиотека по правам человека. URL: <http://hrlibrary.umn.edu/russian/commission/Rviolenceagainstwomenreport2001.html> (дата обращения: 10.06.2022).

² See: *Frank T. Recourse to Force. State Action Against Threats and Armed Attacks.* New York: Cambridge University Press, 2002. P. 184–185.

Указанные выше концептуальные, правовые, институциональные проблемы остаются актуальными и в настоящее время. Об этом свидетельствует Доклад Генерального секретаря ООН за 2021 г.: сохраняется разрыв “между обязательством нести ответственность по защите, принятым в 2005 г., и реальностью, в которой живет население”¹.

Миротворчество ООН и опыт России

Концепции и практика миротворчества РФ имеют свою специфику, не во всем совпадающую с подходами, практикуемыми ООН. Это касается трактовки видов миротворческой деятельности, соотношения силового принуждения и миротворчества, способов взаимодействия РФ и ООН при выполнении конкретных миссий.

Порядок предоставления российских военных и гражданских специалистов для операций по поддержанию мира и безопасности определен в Федеральном законе от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ (с поправками 2011, 2014 гг.)². В законе подчеркивается, что под миротворческой деятельностью понимаются меры, не являющиеся согласно Уставу ООН принудительными действиями. С учетом международно-политического опыта российские эксперты, относят к миротворчеству:

- *превентивную дипломатию (preventive diplomacy)* — предупреждение мерами дипломатического и иного характера перехода конфликта в военную фазу путем установления мер доверия, создания миссий по сбору фактов, организации демилитаризованных зон, превентивного развертывания войск в зоне потенциального конфликта;

- *поддержание мира (peacekeeping)* — проведение операций с использованием военных наблюдателей и вооруженных сил для

¹ Достижение прогресса в деле предупреждения зверств: работа Канцелярии по предупреждению геноцида и по вопросу об ответственности по защите. 3 мая 2021 г. A/75/863-S/2021/424. P. 19.

² О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности // Гарант. Интернет-версия. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/10118921/paragraph/1607:2> (дата обращения: 08.06.2022).

прекращения огня и разъединения конфликтующих сторон после заключения перемирия. Операции проводятся без военно-силового принуждения (кроме случаев самообороны) в условиях обоюдного стремления конфликтующих сторон к миру. Подобные действия на практике могут быть разнообразными и включать превентивное развертывание, помощь в проведении политических преобразований, гуманитарную помощь, меры по восстановлению экономики;

- *постконфликтное миростроительство (post-conflict peace-building)* — устранение последствий конфликта и нормализация жизни общества. Такие меры включают реинтеграцию в общество участников конфликта, возвращение беженцев, восстановление правопорядка и институтов власти, помощь в восстановлении экономики, хозяйственных и общественных связей и отношений, помощь в ликвидации условий для возобновления конфликта;

- *миротворчество в узком смысле (peacemaking) / миростроительство* — приведение к согласию враждующих сторон путем переговоров, посредничества, арбитража и других невоенных мер, осуществляемых по политико-дипломатической линии.

Меры же принудительного характера (*peace enforcement*) осуществляются только после решения СБ ООН и не требуют согласия сторон конфликта. Операции по принуждению к миру — это действия, направленные против государства или враждующей стороны, не желающей выполнять решения международных организаций и угрожающих миру. Принуждение может опираться на военную силу с санкции и под контролем ООН, в том числе для уничтожения военных объектов и живой силы. Другие формы принуждения, невоенные, могут включать в себя экономические, правовые и финансовые санкции, разрыв дипломатических отношений, эмбарго на поставки военной продукции, прерывание морских, воздушных и других коммуникаций¹.

Таким образом, российский закон проводит грань между миротворчеством и мерами принудительного характера с участием вооруженных сил. Вместе эти две разновидности составляют “де-

¹ См.: Комментарий к Федеральному закону от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ // Сейчас.ру. URL: <https://www.lawmix.ru/commlaw/761> (дата обращения: 13.06.2022).

тельность по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности”¹.

Общие принципы, определяющие участие российских вооруженных сил в зарубежных миссиях под эгидой ООН, отражены в Военной доктрине и в Концепции внешней политики Российской Федерации. В них говорится о том, что представители военных и других ведомств РФ сотрудничают с ООН по планированию и выполнению миссий. Воинские контингенты предоставляются в порядке, установленном федеральным законодательством и согласно международным договорам, в которых участвует Россия. В документах подчеркивается, что миротворчество направлено на укрепление безопасности в глобальном и региональном масштабах, а миссии должны проводиться под международно-правовым контролем ООН или других уполномоченных организаций.

Однако Военная доктрина Российской Федерации² предусматривает, что использование вооруженных сил РФ в операциях по поддержанию мира может проводиться не только по решению ООН, но и по решению Совета коллективной безопасности ОДКБ или по решению СНГ, а также на основе международных договоров (ст. 29, 30, 31). Хотя этот вид операций и относится к ненасильственным, здесь возможны политические коллизии, поскольку решение принимается без участия ООН. Во всяком случае, механизм взаимодействия с ООН в названных выше статьях не прописан.

При этом во всех упомянутых документах тема миротворчества не получила оформления в виде специальных разделов. Единого документа, регламентирующего миротворческую деятельность России, так и не разработано, хотя еще в 2006 г. началась подготовка концепции участия РФ в миротворческой деятельности. Кроме того, присутствует терминологическое несоответствие. Если в Федеральном законе 1995 г. и Комментариях к нему есть классификация миротворчества, учитывающая зару-

¹ См.: Комментарий к Федеральному закону от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ // Сейчас.ру. URL: <https://www.lawmix.ru/commlaw/761> (дата обращения: 13.06.2022).

² Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом РФ 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 // Российская газета. 30.12.2014. № 298. URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения: 15.06.2022).

бежную практику, то в Военной доктрине используется термин “поддержание (восстановление) мира”. Между тем в международной практике и согласно Комментариям к Федеральному закону существуют и другие виды операций, в которых Россия на практике принимает участие.

Термин “миротворчество”, который есть в Военной доктрине, в тексте никак не уточняется и может быть истолкован в самом широком смысле, в то же время Федеральным законом и Комментариями он трактуется как исключительно ненасильственные меры. Тогда из текста Военной доктрины остается неясным, могут ли вооруженные силы РФ по решению СНГ или ОДКБ участвовать в операциях по военно-силовому принуждению, если термин, эквивалентный *peace-enforcement*, в Военной доктрине попросту отсутствует. Очевидно, что в доктринальных документах такого уровня целесообразно уточнить терминологию и вполне конкретно прописать механизм взаимодействия с ООН. Ведь практика миротворчества ООН предусматривает наделение мандатом региональных организаций безопасности.

Подобные нестыковки носят отнюдь не академический характер, а имеют вполне определенные практически-политические последствия. Борьба вокруг замены российских миротворцев, выполняющих миссии на постсоветском пространстве, на некие международные контингенты, имеет под собой совершенно очевидную подоплеку: политический мандат российских миссий не полностью соответствует практике и требованиям, предъявляемым ООН.

Яркий пример дает Приднестровье, где операция по поддержанию мира проводится на основе двустороннего договора между Россией и Молдавией¹, но без мандата ООН. Более того, соглашение было подписано Молдавией под давлением российских войск, дислоцированных в Приднестровье, которые сначала силовым путем остановили конфликт. Такая ситуация не соответствует принципу ООН о добровольном согласии конфликтующих сторон на проведение операции по поддержанию мира. Есть

¹ См.: Соглашение о принципах мирного урегулирования вооруженного конфликта в Приднестровском регионе Республики Молдова. 21 июля 1992 г. // Кодекс. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901857454> (дата обращения: 09.07.2022).

и другие отличия от практики ООН. По инициативе России в миротворческой операции участвуют подразделения конфликтующих сторон — Молдовы и Приднестровья. Кроме того, миротворцы имеют право применять оружие при разоружении незаконных вооруженных формирований, что не соответствует принятому в ООН пониманию операций по поддержанию мира как ненасильственных.

Есть и другие концептуальные нестыковки российских подходов с практикуемыми в ООН. В операциях ООН произошел переход от использования военных контингентов регулярной армии к организации специализированного обучения миротворцев. Хотя российский миротворческий контингент может состоять из военных и гражданских лиц, все же Россия в основном опирается на действия военных. Например, для участия в миротворческих операциях сформирована 15-я отдельная мотострелковая бригада. В институциональном плане подразделения миротворцев могут входить в состав сил под эгидой ООН, ОБСЕ, Совета Россия — НАТО, ШОС, СНГ и ОДКБ¹.

В целом российский подход показал высокую эффективность, позволив снять напряженность и оперативно решать возникающие проблемы. И наоборот, ооновские миссии, несмотря на “чистоту принципов”, оказались на практике провальными. Однако вопреки вполне успешной работе миротворческой миссии в Приднестровье, где более 20 лет сохраняется стабильность, не погиб ни один миротворец и не произошло ни одного серьезного инцидента², у политических оппонентов возникает возможность вытеснить российскую миссию. Правовой основой для этого служит неполное соответствие требованиям ООН, а поводы на фоне украинского кризиса подходят различные — изменение политической обстановки, необходимость повысить международный контроль и т. д. Такую позицию уже неоднократно озвучивало руководство

¹ См.: Участие России в миротворческих операциях // Министерство обороны Российской Федерации. URL: http://structure.mil.ru/mission/peacekeeping_operations.htm (дата обращения: 08.07.2022).

² См.: МИД России: Мандат миротворческой миссии в Приднестровье не исчерпан // NOI.md. Новостной портал Молдовы. 16.10.2014. URL: http://www.noi.md/ru/news_id/49221#close (дата обращения: 10.06.2022).

Молдовы. Так, премьер-министр с трибуны Генеральной Ассамблеи ООН заявил, что миротворческая миссия уже выполнила свои задачи и должна быть трансформирована в гражданскую, получив международный мандат¹. Учитывая это, ПАСЕ приняла декларацию, в которой Приднестровье названо “зоной российской оккупации”, а 17 марта 2022 г. президент Молдавии М. Санду потребовала вывода российских войск из Приднестровья². Таким образом, Россию пытаются “выдавливать”, несмотря на успех операции.

Помимо двустороннего механизма, миротворческая деятельность РФ получила развитие в рамках ОДКБ, когда, согласно подписанному Соглашению о миротворческой деятельности³, были созданы постоянные силы из состава ВДВ, спецназа и мотострелковых подразделений, которым могут быть приданы милицейские и гражданские формирования. Совет коллективной безопасности ОДКБ информирует ООН о своем решении провести миротворческую операцию на территории государств-членов ОДКБ. Подобная организация миротворчества уже не вызвала возражений на Западе с точки зрения легитимности. Это показал опыт операции, проведенной ОДКБ в январе 2022 г. в соответствии с обращением президента Республики Казахстан К.-Ж. Токаева.

Концепция ОЗ, на которую опирается современная миротворческая деятельность ООН, также не встречает особой поддержки со стороны России в рамках ООН. Практика первого десятилетия XXI века показала, что в операциях ООН под эгидой ОЗ не удалось добиться единого понимания целей миссии, перечня угроз населению, конкретного объекта защиты, критериев законности

¹ См.: Молдавия настаивает на выводе из Приднестровья миротворцев РФ // РИА Новости. 01.10.2015. URL: <https://ria.ru/world/20151001/1294299910.html> (дата обращения: 10.06.2022).

² Майя Санду заявила о необходимости найти мирное решение этого конфликта. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/14095263?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 09.06.2022).

³ Соглашение о миротворческой деятельности Организации Договора о коллективной безопасности. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/soglashenie_o_mirotvorcheskoy_deyatelnosti_organizatsii_dogovora_o_kollektivnoy_bezopasnosti/#loaded (дата обращения: 09.07.2022).

внешних действий в условиях гражданской войны, функций миротворцев. Тупиковость ситуации хорошо демонстрирует один из докладов ООН, где говорится, что невозможно защитить всех людей от всех угроз¹.

Кроме того, концепция ОЗ предлагает серьезно деформировать сложившееся понятие суверенитета, добавляя к правам государства обязанности по защите граждан перед другими субъектами международной политики. И в случае несоблюдения вводимых правил или неспособности защитить граждан государство несет ответственность не только перед своим народом, но и перед международным сообществом в лице ООН. Государственные деятели могут быть за это призваны к ответу “как за свои поступки, так и за упущения”.

Официально Россия не высказывается против доктрины ОЗ, предпочитая выжидательную позицию и демонстрируя скептическое отношение к ней. В частности, западные эксперты отмечают, что российские дипломаты избегают прямо ссылаться на нее в текстах резолюций ООН. Российская сторона объясняет это тем, что в существующем виде концепция на практике используется вопреки “духу и букве” ООН: предпочтение интервенции над мерами по предотвращению конфликта, преимущество внешнему вмешательству перед правом государства на обеспечение безопасности, использование силы без крайней необходимости². В “тихом саботаже” России западные эксперты усматривают более широкий контекст: способ противостоять закреплению либеральных ценностей в мировой политике.

Возникает вопрос, так стоит ли России поддерживать теорию и практику концепции ОЗ, которая претендует стать новой нормой, но пока еще не закреплена в международно-правовых актах? Действительно, российская дипломатия оказалась в сложном положении.

¹ See: *Holt V., Taylor G., Kelly M.* Protecting Civilians in the Context of UN Peacekeeping Operations. Successes, Setbacks and Remaining Challenges. New York: United Nations, 2009.

² See: *Kurowska X.* Multipolarity as resistance to liberal norms: Russia's position on responsibility to protect // *Conflict, Security & Development*. 2014. Vol. 14, No. 4. P. 490.

Во-первых, эта концепция становится инструментом внешней политики государств, что уже нашло отражение в Стратегии национальной безопасности США¹. Такая же эволюция наблюдается в государствах ЕС². Вместе с тем США и их союзники весьма активно осуществляют военные интервенции под предлогом гуманитарных проблем в обход ООН. При этом умело используется тот факт, что четких указаний в Уставе ООН на этот счет нет. Даже в том случае, когда СБ ООН принимал решение о создании в 2011 г. бесполетной зоны в Ливии для защиты гражданского населения, всё равно западноевропейские страны явочным порядком интерпретировали резолюцию как разрешение на бомбардировки, что явно расходилось с мандатом ООН. Создание достаточно большого количества прецедентов в принципе позволяет говорить о формировании нормы обычного права, которая нивелирует принцип ООН о неприменении силы, становящийся всё более формальным и необязательным для исполнения. В этом смысле поддержка концепции ОЗ, в виде поправок в Устав ООН, весьма актуальна. Такие поправки затруднили бы ее произвольное толкование и закрепление этого произвола в практике. Этим путем России и другим заинтересованным государствам можно было бы ограничить политизацию концепции ОЗ.

Во-вторых, в мировой политике объективно наблюдается рост количества конфликтов и сопутствующих им жертв среди гражданского населения и массового нарушения базовых прав человека. В условиях отсутствия должной международно-правовой регламентации реагирования на подобные проблемы создается соблазн для произвола отдельных государств, который сопровождается вольным толкованием международно-правовых норм. В частности, исходя из противоречия между принципом ува-

¹ White House. National security strategy. 2010. URL: <https://info.publicintelligence.net/NationalSecurity2010.pdf> (accessed: 01.06.2022).

² French White paper on defense and national security. 2013. URL: http://www.livreblancdefenseetsecurite.gouv.fr/pdf/the_white_paper_defence_2013.pdf (accessed: 05.06.2022); Report on implementation of the European Security Strategy: Providing Security in a Changing World. 2008. URL: http://www.consilium.europa.eu/ueDocs/cms_Data/docs/pressdata/EN/reports/104630.pdf (accessed: 01.06.2022).

жения суверенитета государства и невмешательства во внутренние дела, с одной стороны, и принципом уважения к правам человека, с другой, приоритет отдается последним. И тогда отдельные государства присваивают себе право на интервенцию, например, в случае, если ООН затянет свое решение. При этом западные правоведы правоконсервативной ориентации уверены, что соблюдение прав и свобод граждан реально способны защитить только либерально-демократические режимы¹. Очевидно, что в рамках этой логики всякая самостоятельная деятельность России на поприще миротворчества тут же выносится за рамки легитимности под предлогом недостаточной либеральности кремлевского режима.

В-третьих, сложившаяся политическая ситуация не способствует диалогу России с западными партнерами. Недоверие к Западу в целом подпитывается многолетним разочарованием российских политических кругов. Свое дело сделали нежелание включить Россию в европейские институты на правах партнера, расширение НАТО на Восток, бомбардировки Косово, Ирака и Ливии без санкции СБ ООН. Политика НАТО в Ливии, имевшей мандат ООН согласно концепции ОЗ, свелась к уничтожению силой режима М. Каддафи, большим жертвам среди мирного населения и была названа представителями МИД России действиями, подрывающими основы мирового порядка. Далеко не случайно после этого Россия заблокировала в ООН попытки Запада начать военную интервенцию в Сирии под предлогом защиты населения.

В-четвертых, политический кризис на Украине и воссоединение Крыма еще более осложнили и запутали отношения России с Западом. В России идеи отказа от деления на блоки и прекращении системной конфронтации, навеянные западными либералами и глобалистами и столь популярные сразу после окончания холодной войны, окончательно отошли на задний план. На передовые рубежи выдвинулись принципы прагматичной политики в духе неореализма. В соответствии с ними, как заметил Ф. Лукьянов, председатель Совета по внешней и оборонной политике,

¹ См.: *Котляр В. С.* Концепция ответственности за защиту как проект кодекса проведения гуманитарных интервенций // *Международное публичное и частное право.* 2005. № 3. С. 44–48.

“право трактовать общечеловеческие ценности и правила международных отношений отошло к победившей стороне”¹. Если Россия, защищая национальные интересы, в своей риторике прагматично использовала либеральный тезис о защите русскоязычного населения Крыма в ущерб суверенным правам Украины, то Запад усмотрел в этом лишь нарушение норм международного права и посягательство на государственный суверенитет, а также борьбу России с гегемонией либеральной демократии². И Запад, и Россия “выворачивают” либеральные тезисы так, как им это выгодно, то есть они возвращаются к государствоцентричной логике. Либеральные нормы, включая ОЗ, объективно превращаются в инструмент политической манипуляции.

Последняя волна конфронтации России с Западом на фоне проведения специальной военной операции на Украине, начатой в феврале 2022 г., усугубила все имеющиеся противоречия. Но даже эта ситуация оставляет место ограниченному сотрудничеству, что вполне укладывается в неореализм как парадигму политики. В связи с этим представляется оправданным активно участвовать в обсуждении концепции ОЗ и бороться за внесение необходимых изменений в Устав ООН. Основная цель подобных поправок — укрепить полномочия СБ ООН по проведению силовых акций, подрываемые практикой односторонних действий ряда западных государств.

Реальной основой для этой поддержки является позиция части экспертов самой ООН, которые разрабатывали концепцию ОЗ. Еще по итогам работы комиссии ООН под руководством Г. Эванса и М. Сахнуна в 2001 г. были даны рекомендации по регулированию внешних интервенций для разрешения гуманитарных проблем:

— ввести четкие правила, процедуры и критерии необходимости вмешательства в дела другого государства, инструменты и длительность операции;

¹ Лукьянов Ф. Перестройка-2014 // Газета.ру. 16.03.2014. URL: <http://www.gazeta.ru/comments/column/lukyanov/5952017.shtml> (дата обращения: 10.07.2022).

² See: *Kurowska X. Multipolarity as resistance to liberal norms: Russia's position on responsibility to protect // Conflict, Security & Development. 2014. Vol. 14, No. 4. P. 503–504.*

— обосновать правомерность военного вмешательства как крайнего средства;

— обеспечить соответствие вмешательства объявленным целям и принять меры к минимизации ущерба государству и его гражданам;

— помочь устранить причины конфликта и создать условия для закрепления безопасности и мира на основе справедливости и права¹.

В целом выводы комиссии Эванса — Сахнуна были подтверждены “Группой высокого уровня”, созданной по инициативе Генерального секретаря К. Аннана и опубликовавшей доклад в 2004 г.² В нем подчеркивается, что речь идет не о праве вмешательства внешнего государства, а именно об ответственности. Главные средства содействия прекращению насилия и защите населения должны идти по линии ненасильственных мер, включая посредничество, направление гуманитарных, правозащитных и полицейских миссий. Силовые методы должны быть крайним средством (параграф 201). Авторы также подчеркнули, что интервенции могут проводиться лишь с санкции СБ ООН. Правда, доклад оставляет “лазейку” для произвола: “в некоторых безотлагательных ситуациях такая санкция может быть запрошена после начала подобных операций” (параграф 272-а).

В докладе Генерального секретаря ООН Пан Ги Муна на 65-й Ассамблее (2011 г.) было подтверждено, что практика внешнего вмешательства для защиты населения направлена не на подрыв принципа суверенитета государства, а на оказание помощи в тех случаях, когда государство не выполняет своих базовых функций. В частности, проблема связана с тем, что в современной политике всё чаще правительства ведут войну против собственно-

¹ The Responsibility to Protect. Report of the International Commission on Intervention and States Sovereignty. December 2001. URL: <http://web.archive.org/web/20070731161527/http://www.iciss-ciise.gc.ca/report2-en.asp#sovereignty> (accessed: 01.04.2022).

² Доклад Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам “Более безопасный мир: наша общая ответственность”. Доклад ООН, 2 дек. 2004 г. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/26514201> (дата обращения: 15.06.2022).

го народа. Именно в таких случаях соседние страны и международные организации призваны играть ключевую роль в “наведении мостов” между глобальными стандартами и локальными политическими процессами.

Однако к настоящему времени ООН так и не удалось выработать более конкретных рекомендаций, чтобы избежать неоднозначного толкования международно-правовых норм в подобных ситуациях. Эта проблема очередной раз обнаружилась в случае специальной операции РФ на Украине, одной из целей которой названа защита населения Донбасса от геноцида со стороны Киевского режима¹, считающего Донбасс своей территорией. При этом официальная позиция РФ состоит в том, что Украина “не имеет устойчивой государственности”², а значит, полного суверенитета и способности вести ответственную политику. Тем самым вопрос о легитимности военной операции был смещен в “серую зону” международного права, допускающую различные толкования. В итоге позиция РФ была признана нелегитимной многими государствами, а генсек А. Гутерриш признал провал ООН в предотвращении и остановке военного конфликта, связав ситуацию с необходимостью реформы ООН³.

Другой путь заблокировать произвол западных государств в использовании силы под флагом ОЗ состоит в укреплении роли региональных организаций, что соответствует российской практике миротворчества на постсоветском пространстве под эгидой ОДКБ и СНГ. В документах ООН не раз отмечалось, что члены СБ ООН, обсуждая вопрос о способах вмешательства, должны учитывать мнение государств, общественных групп, независимых экспертов из конкретного региона. Хотя принцип ОЗ и универсален, в то же время нет и не может быть единого стандарта реакци-

¹ Патрушев назвал цели спецоперации на Украине. URL: https://aif.ru/politics/world/patrushev_nazval_celi_specoperacii_na_ukraine (дата обращения: 12.07.2022).

² Путин решил признать ДНР и ЛНР. URL: <https://www.rbc.ru/politics/21/02/2022/6213c3c09a794743cd4e5ebf> (дата обращения: 12.07.2022).

³ Антонию Гутерриш: Совет Безопасности ООН нуждается в реформе. URL: <https://bb.lv/statja/v-mire/2022/04/30/antoni-guterrish-sovet-bezopasnosti-oon-nuzhdaetsya-v-reforme> (дата обращения: 12.07.2022).

рования на гуманитарные проблемы, возникающие в различных регионах мира. Ответственная политика под эгидой ООН должна опираться на сочетание региональных и глобальных механизмов принятия решений¹.

Работа по повышению эффективности миротворчества в целом будет зависеть и от успеха реформирования ООН в целом. Однако отступление США от принципа многосторонности, начатое при Д. Трампе, а также желание Франции и Великобритании сохранить свои доминирующие позиции в СБ ООН, создают серьезные препятствия для согласования путей реформирования ООН. Общее ухудшение отношений РФ с Западом также не способствует дипломатическому диалогу. В целом площадка ООН вполне позволяет России играть гораздо более весомую роль в обсуждении и уточнении концепции ОЗ. Пассивная же позиция, вкупе с недостаточной координацией миротворческой деятельности на постсоветском пространстве со структурами ООН, только ставит Россию в уязвимое положение.

Выводы

Защита гражданского населения в ходе военных конфликтов приобретает всё большее значение в миротворческой деятельности ООН. На планирование и проведение миссий ООН влияет множество факторов международного, регионального и локального характера. В то же время до сих пор не выработан общий понятийно-терминологический и концептуальный аппарат, который бы позволял четко определять, когда возникает необходимость в защите гражданского населения, а также пределы силового воздействия, параметры сотрудничества военных и гражданских структур, способы взаимодействия национальных и региональных организаций с организационными структурами и военными контингентами, выделяемыми ООН.

Неоднозначность трактовки проблем защиты гражданского населения в условиях военного конфликта, включая концепцию

¹ См.: Доклад Генерального секретаря ООН “Роль региональных и субрегиональных соглашений в реализации ответственности по защите”. А/65/877-S/2011/393. URL: <https://undocs.org/ru/S/2011/393> (дата обращения: 11.07.2022).

ОЗ, чревато политизацией миротворчества: тезис о необходимости обеспечения безопасности людей может служить лишь прикрытием для реализации интересов государств, использующих для интервенции флаг ООН. Именно так складывается ситуация с международным терроризмом, когда отсутствие единого для всех международно-правового определения не позволяет организовать совместную борьбу с этим злом. Аналогичное положение возникает и с антизападными режимами, которые становятся объектом интервенций со стороны западных стран под предлогом защиты прав человека и национально-религиозных меньшинств. Нелишне отметить, что практика интервенций в защиту прав человека провоцирует рост сепаратизма в “проблемных” странах, стимулируя радикальные группы на обострение конфликтов в надежде на победу с помощью миротворческих сил¹.

Значительное расширение функций миротворчества требует пересмотра как критериев оценки эффективности операций, так и методов их планирования и организации, которые пока больше ориентированы на традиционные задачи миротворчества (разделение враждующих сторон, принуждение к миру, контроль за соблюдением неприменения оружия) и выполнение мандата СБ ООН в этой части. Расширение же мандата действий миротворцев в рамках концепции ОЗ в условиях отсутствия ее четкого понимания и согласованности действий приводит к значительному снижению эффективности операций.

Особенно важно дальнейшее развитие и углубление взаимодействия ООН с региональными организациями. Пока не наработаны механизмы их практического взаимодействия. В итоге их совместная деятельность строится по принципу *ad hoc*, что удерживает эти организации от самостоятельного участия в крупных миротворческих операциях за пределами зон региональной ответственности. В таких случаях они склонны просто делегировать свои контингенты в рамках миссий, формируемых и направляемых непосредственно ООН. И наоборот, такая, по сути дела, ре-

¹ См.: Кокошин А. А. Феномен глобализации и интересы национальной безопасности // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002: Хрестоматия: В 4 т. / Сост. Т. А. Шаклеина. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2002. С. 42.

гиональная организация, как НАТО, объявляет фактически весь мир зоной своей глобальной ответственности. Но миротворчество НАТО во многих регионах мира воспринимается как нежелательное или даже враждебное. В этой связи представляется актуальным сохранить главенствующую роль ООН, создавая при этом достаточно универсальный, но гибкий механизм взаимодействия с региональными организациями.

В условиях охлаждения отношений России и Запада неполное соответствие российских доктрин и практики миротворчества нормам ООН будет служить удобным поводом для политических манипуляций и средством давления на Россию на всем постсоветском пространстве. России необходимо добиваться максимальной легитимизации своих действий в ООН. Ухудшение отношений с Западом не является непреодолимым препятствием для ограниченного сотрудничества в области миротворчества.

Первым шагом должна стать выработка единого документа национального уровня, уточняющего формы, методы, средства и правовую основу миротворческих операций, в которых может участвовать Россия как по линии СНГ и ОДКБ, так и по решению ООН. Этот доктринальный документ должен определить эффективные механизмы взаимодействия российских миротворцев с ООН на стадии принятия решения, мониторинга последующих миссий и оценки результатов.

Вторым этапом должна стать последовательная борьба внутри ООН за закрепление решающей роли СБ в выработке критериев успешности миссий, а также в выборе средств и временных пределов применения силы в конкретных конфликтах. Для принятия сбалансированных решений необходимо предусмотреть, чтобы в решениях СБ учитывалось мнение различных региональных участников политики: государств, международных организаций, общественных организаций и движений, экспертных учреждений.

России, не отказываясь от практики миротворчества под эгидой СНГ и ОДКБ, нужно искать формы и способы для более глубокого взаимодействия и координации действий со структурами ООН. Альтернативы этой универсальной организации пока нет. В частности, мировая практика показывает, что региональные организации по безопасности, проводившие самостоятельные миро-

творческие операции, такие как Африканский союз, ОБСЕ, НАТО, ЕС, АСЕАН, в большинстве случаев обращались за разрешением в Совет Безопасности ООН.

Кроме того, тесное взаимодействие с ООН затруднит практику дискредитации российской политики, сложившуюся на фоне украинского кризиса. Нельзя сбрасывать со счетов и активно развиваемый зарубежными экспертами тезис о том, что необходимо ограничить “имперские амбиции” России. Западные эксперты, которым вторят их украинские коллеги, миротворчество России на постсоветском пространстве трактуют как попытку организовать легальную форму постоянного военного присутствия на постсоветском пространстве, которую “трудно сравнивать с любым международно признанным определением миротворчества”¹.

¹ Реформа миротворческой миссии в Приднестровье: предпосылка для урегулирования конфликта. Киев: Institute of World Policy, 2014. С. 14.

Глава 14. ГУМАНИТАРНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РАСКОЛОТЕ МИРЕ: ОТ ПОМОЩИ К СИСТЕМЕ

А. В. Борисов

Гуманитарная деятельность все чаще рассматривается как действенное средство внешней политики государства и инструмент обеспечения международной безопасности.

Вместе с тем гуманитарная проблематика стала одной из ключевых проблем мировой политики не так давно. До конца 1980-х гг. ООН избегала даже употребления определения “гуманитарный” применительно к помощи, оказываемой людям, находящимся в бедственном положении, оперируя такими понятиями, как “чрезвычайная помощь”, “помощь в случаях стихийных бедствий и катастроф”. Гуманитарная деятельность сводилась лишь к деятельности по обеспечению прав человека и основных свобод.

К началу 1990-х гг. ситуация меняется, и гуманитарная деятельность становится лишь синонимом гуманитарной помощи, которая, составляя лишь чуть более 1% помощи, предоставляемой в кризисных ситуациях¹, является объектом пристального внимания и масштабных дискуссий.

Трактовка гуманитарной помощи как совокупности усилий государств, межгосударственных организаций, ориентированных лишь на нужды человека и опирающихся на принципы гуманности, беспристрастности, нейтральности, кажется общепринятой.

Выступая в июне 2022 г. перед Экономическим и Социальным Советом и призывая к более активной поддержке гуманитарной системы, Антониу Гутерриш говорит о гуманитарной помощи как о синониме возрожденной надежды, описывая систему ее оказа-

¹ *Willitts-King B., Bryant J.* Measuring the iceberg: the opportunities and limits of better tracking of resources beyond international humanitarian assistance. URL: <https://odi.org/en/publications/measuring-the-iceberg-the-opportunities-and-limits-of-better-tracking-of-resources-beyond-international-humanitarian-assistance> (accessed: 20.06.2022).

ния как “сильную, гибкую, хорошо обеспеченную”¹. Но еще в 1985 г. Перес де Куэльяр, выступая перед Генеральной Ассамблеей с докладом “Новый международный гуманитарный порядок”, отметил неопределенность термина “гуманитарный”: “...Иногда он используется для описания конкретного свода законов, таких как “право Гааги” или “право Женевы”... Иногда он используется для обозначения особого подхода к проблемам, подхода, который подчеркивает защиту и помощь человеку вне зависимости от политических соображений. А иногда этот термин используется в широком смысле и является выражением широко распространенного мнения: всё, что может быть сделано, чтобы облегчить страдания людей и помочь в реализации человеческих потребностей, должно быть сделано”².

Переход от неопределенности к установлению признаков, позволяющих выделить гуманитарную деятельность среди прочих видов активности, происходит достаточно быстро. В 1986 г. Международный суд определяет гуманитарную помощь, ссылаясь на практику Красного Креста, увязывая ее предоставление с соблюдением “первого и второго из основополагающих принципов (гуманность и беспристрастность. — А. Б.), заявленных на двадцатой Международной конференции Красного Креста”³. В свою очередь, это повлияло на решение Генеральной Ассамблеи ООН определить гуманитарную помощь исходя из трех основных принципов Красного Креста — гуманности, беспристрастности и нейтралитета⁴.

¹ “Hope is Wearing Thin”, Secretary-General Tells Economic and Social Council, Urging More Support for Humanitarian System Tackling Global Crises. URL: <https://www.un.org/press/en/2022/sgsm21340.doc.htm> (accessed: 23.06.2022).

² New international humanitarian order. Report of the Secretary-General Submitted pursuant to General Assembly resolution 38/125. Part One. A/40/348. 09.10.1985. Ad. 1. P. 41. URL: <https://undocs.org/en/A/40/348> (accessed: 16.06.2022).

³ Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Merits, Judgment. I.C.J. Reports 1986. P. 115.

⁴ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/46/182 “Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи ООН”. 19.12.1991. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/46/182> (дата обращения: 16.09.2022).

Можно предположить, что Международный суд принял во внимание и воспроизвел в своем решении позицию конгресса США, выраженную “поправкой Боланда”, ограничивающей полномочия правительства по финансированию любой военной или военизированной активности контраст, в том числе и с помощью неправительственных организаций и частных лиц¹. Попытка увязать “гуманитаризм” с корпоративной идеологией Международного движения Красного Креста представляется по меньшей мере не совсем удачной. Использование принципов, выступающих в качестве идентификатора организации, для описания процесса оказания гуманитарной помощи, в последнее время подвергается критике — не только со стороны тех, кто рассматривает гуманитарную деятельность как угрозу суверенитету государств-реципиентов, но и частью самого гуманитарного сообщества².

Ни в одном из документов, составляющих международное гуманитарное право, не содержится указание на то, что именно Международный комитет Красного Креста (МККК) получил исключительный мандат на трактовку гуманитаризма³. Более того, его инициатива изначально не была определена в гуманитарной терминологии, о чем заявил один из основателей Международного комитета (впоследствии Международного комитета Красного Креста) Гюстав Муанье на конференции 1863 г.: “Для нас доста-

¹ See: *Hamilton Lee H., Inouye Daniel K.* Report of the Congressional Committees Investigating the Iran-Contra Affair. DIANE Publishing, 1995. P. 396–398.

² See: *Bennet C. et al.* Time to let go. Remaking humanitarian action for the modern era. Humanitarian Policy Group, ODI, 2016; *El Taraboulsi-McCarthy S., Willitts-King B.* Foreign policy and humanitarian action: an agenda for inquiry. Humanitarian Policy Group, ODI, 2016; *Harmer A., Cotterell L.* Diversity in Donorship: The Changing Landscape of Official Humanitarian Aid, ODI, 2005; *Minear L.* Humanitarian Action and Politicization: A Review of Experience Since World War II // *The Golden Fleece: Manipulation and Independence in Humanitarian Action* (ed. by A. Donini). Sterling: Kumarian Press, 2012. P. 45–48; *Dilemmas of Humanitarian Aid in the Twentieth Century* (ed. by J. Paulmann). Oxford University Press, London, 2016; *Seybolt T.* The Myth of Neutrality // *Peace Review*. 1996. Vol. 8, No. 4.

³ See: *Cutts M.* Politics and Humanitarianism // *Refugee Survey Quarterly*. 1998. Vol. 17, No. 1.

точно того, что мы — инициаторы движения, которое будет постепенно расширяться и чья благотворительная деятельность наверняка пробудит всеобщее сочувствие”¹. Поисковый онлайн-сервис Google Books Ngram Viewer показывает, что в английском языке термин “humanitarian” (сходные результаты сервис выдает для французского и немецкого языков²) употребляется вне всякой связи с МККК и принципами, которые Международный суд и Генеральная Ассамблея ООН используют для определения гуманитарной помощи на протяжении всего XIX столетия³.

В отечественной традиции термин “гуманитарный” практически не употреблялся вплоть до 90-х гг. XX века. В 1898 г. Иван Станиславович Блюх (также известный как Жан де Блох) издает шеститомный труд “Будущая война в техническом, экономическом и политическом отношениях”, где подробно разбирает современные ему тенденции в военном деле. В пятом томе, в главе “Помощь раненым и больным на войне в прежнее время и в будущем”, он достаточно подробно останавливается на “инициативе Дюнана” и анализирует действия обществ Красного Креста⁴. Он не определяет вышеупомянутую инициативу как гуманитарную, а общества Красного Креста как гуманитарные организации. Вместо этого он говорит о частной помощи и частных и добровольных обществах помощи, о филантропии, филантропах и филан-

¹ Цит. по: Бюньон Ф. Международный комитет Красного Креста и защита жертв войны: Пер. с фр. М.: МККК, 2005. С. 22.

² See: Google Books Ngram Viewer. URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=humanitaires&year_start=1800&year_end=2000&corpus=19&smoothing=3&share=&direct_url=t1%3B%2Chumanitaires%3B%2Cc0; https://books.google.com/ngrams/graph?content=der+humanit%C3%A4ren&year_start=1800&year_end=2000&corpus=20&smoothing=3&share=&direct_url=t1%3B%2Cder%20humanit%C3%A4ren%3B%2Cc0 (accessed: 22.07.2022).

³ See: Google Books Ngram Viewer. URL: https://books.google.com/ngrams/graph?content=humanitarian&year_start=1800&year_end=2000&corpus=15&smoothing=3&share=&direct_url=t1%3B%2Chumanitarian%3B%2Cc0 (accessed: 22.07.2022).

⁴ Блюхъ И. С. Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. С.-Петербургъ. Типографія И. А. Ефрона, Прачешный пер. № 6, 1898. С. 501–634.

тропических организациях, милосердии и человеколюбии. В связи с изложенным примечателен ряд моментов, связанных с переводами на русский язык воспоминаний Дюнана и Конвенции о содержании военнопленных.

Во-первых, в изданных в Санкт-Петербурге в 1904 г. “Воспоминаниях о битве при Сольферино” А. Дюнана фраза генерала Дюфура “...to draw attention to this *humanitarian* question”¹ приводится как “...обратить внимание общества на этот вопрос *высокого человеколюбия*” (здесь и далее курсив мой. — А. Б.)².

Во-вторых, в русском переводе 1929 г. Конвенции о содержании военнопленных, принятой в Женеве, фраза “These provisions shall not be interpreted as restricting the *humanitarian* work of the International Red Cross Committee”³ звучит как “Эти положения не должны быть истолкованы как ограничивающие *человеколюбивую* деятельность Красного Креста”⁴.

В Европейском общественно-политическом лексиконе XIX века термин “гуманитарный” впервые употребляется для обозначения теософской позиции о человеческой природе Иисуса Христа⁵ и уже потом для определения этических доктрин, людей и организаций.

¹ *Dunant H.* A Memory of Solferino. English version. 1939. Reprinted by the International Committee of the Red Cross by courtesy of the American Red Cross. Geneva, 1959. P. 128.

² Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино (*Souvenir de Solferino*). Репринтное воспроизведение текста 1904 г. Место выпуска оригинального издания С.-Петербург, типография Исидора Гольдберга. М.: МККК, 2015. С. 63.

³ Convention relative to the Treatment of Prisoners of War. Geneva, 27 July 1929. Art. 79. URL: <https://ihl-databases.icrc.org/applic/ihl/ihl.nsf/ART/305-430080?OpenDocument> (accessed: 22.07.2022).

⁴ Конвенция о содержании военнопленных. Женеве. 27.07.1929. Ст. 79. URL: <http://actualhistory.ru/79> (дата обращения: 22.07.2022).

⁵ See: *The Christian teacher. A Theological and Literary Journal.* London: John Green, 121, Newgate Street, 1841. V. 3. P. 371. URL: https://books.google.ru/books?id=bQ4EAAAAQAAJ&pg=PA371&dq=%22humanitarian%22&hl=ru&sa=X&ved=0ahUKEwjdtYj_qp_VAhXpNJoKHWqoAik4KBDoAQgiMAA#v=onepage&q=%22humanitarian%22&f=false (accessed: 22.07.2022).

Гуманитариями именовали философов, разрабатывающих морально-этические доктрины, таких как Пьер Леру и Огюст Конт. Концепты, разработанные философами, получили название “гуманитарной религии”¹, соединяющей теологические принципы и науку, ядром же новой религии выступала простая мысль — человеческий эгоизм должен уступить место любви к человечеству². Преодоление человеческого эгоизма особенно важно в связи с тем, что именно деятельность человека лежит в основе всего происходящего — голод, болезни и революции, поражающие человечество, уже не являются Божьим судом. Это неизбежные следствия известных и предотвратимых условий. Преодоление эгоизма, каждодневное упражнение в любви к человечеству — залог устранения причин социальных потрясений³.

Гуманитарными именовали организации, чья социально-реформистская деятельность была направлена на достижение принципа социальной справедливости для всех, улучшение условий жизни всех людей. Период американской истории с 1825 по 1850 г. описывается Фрэнком Т. Карлтоном как “гуманитарная эра” в связи со взрывным ростом организаций, которые призывают к улучшению условий для трудящихся и неимущих, образовательному прогрессу, тюремной и уголовной реформе, освобождению рабов, предоставлению политических прав женщинам⁴. Определе-

¹ See: *Hoffman P. J., Weiss T. G. Humanitarianism, War, and Politics. Solferino to Syria and Beyond.* Rowman & Littlefield Publishers: New York, 2017. P. 40.

² See: *Carlton F. T. Humanitarianism, Past and Present // International Journal of Ethics.* 1906. Vol. 17, No. 1; *Pickering M. Auguste Comte: An Intellectual Biography.* Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press, 1993; *Hoffman P. J., Weiss T. G. Humanitarianism, War, and Politics. Solferino to Syria and Beyond.* Rowman & Littlefield Publishers: New York, 2017.

³ See: *Harrison F. Science and Humanity // The North American Review.* 1879. Vol. 129. No. 275. P. 322–342. URL: <http://ebooks.library.cornell.edu/cgi/t/text/pageviewer-idx?c=nora;cc=nora;rgn=full%20text;idno=nora0129-4;didno=nora0129-4;view=image;seq=356;node=nora0129-4%3A1;page=root;size=100> (accessed: 22.07.2022).

⁴ See: *Carlton F. T. Humanitarianism, Past and Present // International Journal of Ethics.* 1906. Vol. 17, No. 1. URL: <http://www.journals.uchicago.edu/doi/abs/10.1086/intejethi.17.1.2376099> (accessed: 22.07.2022).

ние “гуманитарный” описывает профсоюзные и благотворительные организации, кооперативные сообщества, коммуны. Британский социалист Генри Солт основывает в 1891 г. “Гуманитарную лигу” в целях обеспечения последовательной реализации принципа гуманизма, в том числе через просветительскую деятельность и выдвижение законодательных инициатив¹.

Иногда гуманитарные инициативы принимали откровенно “экстремистский” характер. В 1892 г. активистка американского феминистского движения Виктория Вудхулл начинает выпуск ежемесячного “Гуманитарного журнала”. Уже в первом номере Вудхулл заявляет, что на страницах издания будут обсуждаться вопросы, касающиеся благополучия человечества, но через призму евгеники. Например, считалось недопустимым размножение лиц с физическими и (или) умственными недостатками, “физически истощенных”, по причине последствий, которые их состояние будет иметь для потомства. Основной задачей Вудхулл было “разъяснение женщинам “дизъевгенических” последствий неравных браков”².

Деятельность гуманитариев воспринималась неоднозначно и достаточно часто подвергалась критике. Приведу два примера. Сэр Эдвард Бэйнс, издатель газеты Leeds Mercury и член палаты общин, сторонник “Закона о бедных” и, как следствие, противник увеличения социальной нагрузки на государство, писал в редакционной статье под названием “Гуманитарное законодательство” о необходимости различать здоровую филантропию, которая спасает преступников от ада на земле, от “сентиментальной филантропии гуманитариев”, которая обещает преступникам рай на земле³.

¹ See: The Humanitarian League: What It Is, and What It Is Not // Henry Salt Archive. URL: <http://www.henrysalt.co.uk/humanitarian-league/what-it-is-and-what-it-is-not> (accessed: 22.07.2022).

² Ziegler M. Eugenic Feminism: Mental Hygiene, the Women’s Movement, and the Campaign for Eugenic Legal Reform, 1900–1935 // Harvard Journal of Law and Gender. 2008. Vol. 31, No. 1.

³ Humanitarian Legislation // Leeds Mercury. 1864. July 16. URL: <http://www.britishnewspaperarchive.co.uk/search/results?basicsearch=humanitarian&exactsearch=false&place=leeds%2c%20west%20yorkshire%2c%20england&mostspecificlocation=leeds%2c%20west%20yorkshire%2c%20england&publictag=advertisements%20%26%20notices&sortorder=dayearly> (accessed: 22.07.2022).

Генерал армии Конфедерации Дэниель Хилл пишет в журнале *The Land We Love* о преступлениях филантропии, где на примерах движения аболиционистов и многочисленных обществ мира подробно описывает жестокость “гуманитарной филантропии”, указывая, помимо прочего, на то, что гуманитарные порывы не являются полностью бескорыстными, так как включают в себя некий элемент самолюбия и самолюбования и “аппетит к аплодисментам”¹.

Именно критика позволяет лучше понять смысл гуманитарных инициатив и их коренное отличие от прочих организаций, чьи усилия были направлены на благотворительную деятельность, социальную защиту и социальное обеспечение. Если задача последних состояла в оказании помощи представителям отдельных, четко очерченных социальных групп либо людям, оказавшимся в стесненных жизненных обстоятельствах², то гуманитарные организации обращались к человечеству, требовали улучшения условий жизни для всех людей, в том числе и через улучшение природы человека. Благотворительные организации и организации, занимающиеся вопросами социальной помощи, компенсировали недостаточность и несостоятельность государства, выступая в качестве его партнеров либо оппонентов, гуманитарные же организации обращались к человечеству поверх государственных границ. Восприятие человечества как единого целого, искусственно разделенного государственными границами, декларация приоритета человека перед государством — основа гуманизма.

При распространенности в XIX веке идей гуманизма, определенности при наименовании гуманитарных организаций,

¹ *Hill D. H. Crimes of philanthropy // The Land We Love. 1866/67. Vol. 2. Nov. — Apr. P. 81–93. URL: <https://babel.hathitrust.org/cgi/pt?id=uiug.30112.047578718;view=1up;seq=91> (accessed: 22.07.2022).*

² Подробнее о деятельности неправительственных организаций, занимающихся вопросами социальной защиты и благотворительности: *Грин Д. Возвращение в гражданское общество. Социальное обеспечение без участия государства. М.: Новое издательство, 2009; Макмиллан М. Война, которая покончила с миром. Кто и почему развязал первую мировую. М.: Центрполиграф, 2016; Назар С. Путь к великой цели: история одной экономической идеи. М.: АСТ: CORPUS, 2013.*

Международный комитет Красного Креста¹ изначально себя к таковым не относил, поскольку таковым и не являлся. Международный комитет Красного Креста создавался и вплоть до второй половины XX века функционировал исключительно как посредническая организация.

Традиционно создание МККК связывают с именем Анри Дюнана, при этом упускается из виду то, что он не предполагал создание международной организации. Джон Хатчинсон, профессор истории в университете Саймона Фрейзера (Канада), в своей работе “Чемпионы благотворительности: война и расцвет Красного Креста” характеризует идеи Дюнана как сомнительные и принципиально нереализуемые, а самого его как евангелического христианина с мессианским комплексом и несущего псевдорелигиозный бред². Замысел Дюнана заключался, во-первых, в создании в европейских странах добровольных обществ помощи раненым воинам, а во-вторых, в установлении международного принципа, защищающего раненых и всех тех, кто приходит к ним на помощь. За эти рамки его стремления не выходили.

Да, идеи Дюнана, который, помогая раненым после битвы при Сольферино, заявлял: “Tutti Fratelli” (все мы — братья), призывая жителей Кастильоне не различать раненых по принадлежности к той или иной армии, вполне возможно назвать гуманитарными. Однако заслуга образования Международного комитета из редакционной комиссии, созданной Женевским обществом поощрения общественного блага для написания докладной записки Международному конгрессу благотворителей, принадлежит Гюставу Муанье, ставшему впоследствии первым президентом

¹ Название “Международный комитет Красного Креста” было принято на заседании, состоявшемся 20 декабря 1875 г., и с 1876 г. присутствует во всех документах МККК. До этого момента названия Международного комитета часто менялись: Женевский комитет, Международный женевский комитет, Женевский комитет для помощи раненым воинам, Международный комитет для помощи раненым воинам, Комитет пяти. Для удобства здесь и далее мы будем использовать название “Международный комитет Красного Креста” либо аббревиатуру МККК.

² See: *Hutchinson J. F. Champions of charity: War and the rise of the Red Cross.* Westview Press, Boulder, 1996. P. 14.

МККК. Именно он предлагает редакционной комиссии “объявить, что она преобразована в постоянный международный комитет”¹.

Различие в позициях Дюнана и Муанье лучше всего проявляется в итоговых документах Международной конференции 1863 г. и Дипломатической конференции 1864 г. Если подготовка первой — целиком инициатива и заслуга Дюнана, то подготовка и проведение второй — Муанье.

В первом случае в итоговом документе говорится о желании прийти на помощь раненым в случае, если военные медицинские службы не смогут сделать этого в достаточной мере, утверждается необходимость создания национальных комитетов для оказания помощи медицинским службам вооруженных сил в случае войны, заявляется о необходимости предоставления нейтрального статуса официальному и добровольному медицинскому персоналу², во втором же случае об этом нет и речи.

В Конвенции об улучшении участи раненых и больных воинов в действующих армиях, принятой в ходе Дипломатической конференции 1864 г., не содержится упоминания о добровольных обществах помощи, а нейтралитет медицинского персонала небезусловный. Более того, ст. 8 Конвенции содержит четкое указание на приоритет государственных интересов перед гуманитарными соображениями: “Подобные правила по исполнению настоящей конвенции будут определяемы главнокомандующими воюющих войск по предписаниям их правительств и согласно общим началам, выраженным в сей конвенции”³.

Проект Конвенции, разработанный Муанье, исходит из того, что идеи нейтралитета, в том числе для добровольного медицинского персонала, да и сама идея добровольцев-медиков на поле

¹ Цит. по: Бюньон Ф. Международный комитет Красного Креста и защита жертв войны: Пер. с фр. М.: МККК, 2005. С. 12.

² См.: Резолюции Женевской Международной конференции // Бюньон Ф. Международный комитет Красного Креста и защита жертв войны: Пер. с фр. М.: МККК, 2005. С. 23.

³ Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами и касающихся различных вопросов частного международного права. Т. 2. СПб.: Типография Тренке и Фюсно, 1890. С. 519–522.

боя, не будут приняты и одобрены правительствами, а такое одобрение крайне необходимо для успеха начинания. Такая позиция вызывает неприятие Дюнана. Последний пишет Муанье письмо, в котором заявляет о нежелании заниматься делами Международного комитета: “Милостивый государь, мне кажется, что я уже сделал всё, что мог, для успеха нашего дела, сейчас я желаю полностью отойти от него. Прошу вас впредь не рассчитывать на мое деятельное участие: я снова уйду в тень. Дело начато, я был всего лишь орудием в руках Божьих, теперь наступило время более умелых работников, нежели я сам, — пусть начатое продолжат они”¹. И действительно, хотя Муанье отказывается принять его отставку, Дипломатическая конференция 1864 г. была последней, в которой Дюнан участвовал в качестве представителя МККК. В 1867 г., признанный банкротом, он пишет письмо в Международный комитет с просьбой об отставке с поста секретаря. Решение было принято в ходе заседания от 8 сентября 1867 г.: “Сообщить ему, что не только принимается его отставка, но и что он не является более членом Комитета”².

Заслуга Женевского комитета, ведомого Гюставом Муанье, заключалась в том, что он воспринял гуманитарные идеи Дюнана и изложил их привычным для европейского среднего класса языком. В содержании Женевской конвенции не было ничего нового, английская, немецкая и российская практики добровольной медицинской помощи были достаточно прогрессивными для своего времени. Ратифицируя Конвенцию об улучшении участи раненых и больных воинов в действующих армиях, государства руководствовались не только и не столько принципами гуманизма, но прежде всего принципами *Realpolitik*³. Отметим также, что ничего нового не было и в резолюциях Женевской конференции.

¹ Цит. по: Буассье П. Анри Дюнан. Вместо предисловия // Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино (*Souvenir de Solferino*). Репринтное воспроизведение текста 1904 г. Место выпуска оригинального издания С.-Петербург, типография Исидора Гольдберга. М.: МККК, 2015. С. XV.

² Там же. С. XVII.

³ See: *Hutchinson J. F. Champions of charity: War and the rise of the Red Cross*. Westview Press, Boulder, 1996. P. 23.

Эти два документа дали возможность МККК вести инициативную деятельность в качестве нейтрального посредника между воюющими странами, осуществлять контроль за соблюдением Конвенции об улучшении участи раненых и больных воинов в действующих армиях и заявлять претензии на координацию деятельности национальных обществ Красного Креста. Еще до созыва Дипломатической конференции, 13 марта 1864 г., Международный комитет направляет двух делегатов на Датскую войну с целью “изучить на месте, как применяются либо могут применяться решения Женевской конференции”¹. Делегаты действуют по обе стороны фронта и лишь на основании направления Международного комитета, поддержанного рекомендательными письмами Федерального совета Швейцарии. По словам Франсуа Бюньона, бывшего заместителя директора управления политики и международного права МККК, “уже с первой миссии начинает определяться та роль, в которой Международный комитет проявит свое подлинное призвание: роль нейтрального посредника между воюющими сторонами”². Описывая деятельность делегатов Международного комитета в ходе Австро-прусской войны 1866 г., тот же Бюньон, отмечая посреднические усилия МККК в ходе войны, заявляет: “Непосредственного участия в деятельности по оказанию помощи жертвам конфликта Международный комитет, как кажется, не предусматривал”³. Роль посредника была закреплена за Комитетом:

во-первых, решением Берлинской международной конференции 1869 г.: “В случае войны Международный комитет проследит за тем, чтобы в подходящем месте было создано бюро для передачи корреспонденции и сведений, которое всячески облегчило бы связь между комитетами и пересылку помощи”⁴;

во-вторых, решением Международной конференции в Карлсруэ, состоявшейся в 1887 г.: “В интересах всего Красного Кре-

¹ Бюньон Ф. Международный комитет Красного Креста и защита жертв войны: Пер. с фр. М.: МККК, 2005. С. 36.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 39.

⁴ Там же. С. 41.

ста целесообразно сохранить Международный комитет со штаб-квартирой в Женеве в том виде, в котором он существует с момента своего возникновения. Он будет по-прежнему:

а) поддерживать и развивать связи между центральными комитетами;

б) уведомлять об учреждении новых национальных обществ, *предварительно удостоверившись в приемлемости принципов, лежащих в их основе;*

в) публиковать “Международный бюллетень”;

д) способствовать во время войны, если это потребуется, ...обмену корреспонденцией между национальными обществами воюющих стран”¹.

Процитированные решения не столько определяли роль Международного комитета, сколько фиксировали сложившееся положение вещей. Так, например, описывая работу добровольных медицинских обществ в ходе Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., И. С. Блюх подробно анализирует действия английского, австрийского, российского, константинопольского, итальянского, болгарского и румынского обществ Красного Креста, рассказывает о деятельности английских обществ Stafford House-Committee, National Society, ордена Иоанитов. О деятельности Международного комитета упоминается лишь в связи с организацией последним “агентства международного женевского общества” в Триесте². Деятельность агентства была предельно неэффективной, что признал даже Международный комитет³.

Таким образом, Международный комитет с момента своего основания возлагает на себя и пытается закрепить, где и как только возможно, роль посредника, просветителя и пропагандиста. Даже в тех случаях, когда в МККК поступали просьбы от врачей, санитаров и иных лиц, которые желали оказать деятельную помощь

¹ Бюньон Ф. Международный комитет Красного Креста и защита жертв войны: Пер. с фр. М.: МККК, 2005. С. 80.

² См.: Блюхъ И. С. Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. С.-Петербургъ. Типографія И. А. Ефрона, Прачешный пер. № 6, 1898. С. 586–588.

³ See: Boissier P. Histoire du Comite international de la Croix-Rouge, De Solferino a Tsoushima. Paris: Plon, 1963. P. 409–410.

раненым, комитет рекомендовал им обращаться в центральные комитеты воюющих стран. Гуманитарные, по сути, идеи Дюнана при воплощении трансформировались в бюрократическую организацию с достаточно серьезным влиянием на международной арене и значительным финансированием¹. Пересмотр Конвенции для улучшения участи раненых и больных в действующих армиях в 1906 г. лишь подчеркивает важность посреднических услуг Международного комитета. “Признанное общество нейтральной страны может предоставить содействие своего персонала и санитарных учреждений воюющей стороне не иначе, как с предварительного разрешения своего правительства и с согласия самой воюющей стороны”², — гласит положение Конвенции.

Это положение определяет важность посреднической миссии Международного комитета Красного Креста — кому, как не организации, явившейся инициатором создания добровольных обществ помощи и самой Конвенции, выступать посредником между обществом добровольцев и правительствами стран, вовлеченных в конфликт. Такое положение будет сохраняться достаточно долго. Но необходимо отметить, что посредническая роль МККК констатировалась извне — решениями Международных и Дипломатических конференций, кодифицированной доктриной Международный комитет не обладал. На тот момент в ней не было необходимости.

Всё изменилось после окончания Первой мировой войны, поставившей Европу на грань гуманитарной катастрофы и приведшей к качественным и количественным изменениям гуманитарного ландшафта. Война способствовала возникновению ряда мощных гуманитарных организаций, таких как Save the Children, Commission for Relief in Belgium, American Relief Administration, Nansen International Office for Refugees, National Catholic Welfare

¹ После Франко-прусской войны 1870 г. только неизрасходованные средства, оставшиеся в распоряжении Красного Креста, составили более 160 тыс. швейцарских франков (*Golay J.-F. Le financement de l'aide humanitaire: l'exemple du Comité international de la Croix-Rouge. Peter Lang, Berne, 1990. P. 40*).

² Конвенция для улучшения участи раненых и больных в действующих армиях. Женева, 06.07.1906. Ст. 11. URL: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=48194> (дата обращения: 02.08.2022).

Council, American Jewish Joint Distribution Committee и многих других, спровоцировала изменения в финансовом, организационном и политическом положении национальных обществ помощи, в том числе национальных обществ Красного Креста. Большинство национальных обществ Красного Креста получали значительные средства от своих правительств; к концу военных действий они достигли невиданных доселе масштабов. Так, например, бюджет американского

общества Красного Креста, возглавляемого Генри П. Дэвисоном, в 1918 г. составил около 50 млн долл., в десять раз больше, чем в 1914 г. Но поддержка национальных обществ Красного Креста приводит к тому, что они более не занимают нейтральные позиции, а выступают в качестве элемента национальных усилий, направленных на победу в войне. На американском плакате 1914 г.¹ изображены два солдата — один держит в руках флаг Красного Креста, а второй — флаг США. Подпись под плакатом — “Loyalty to one means loyalty to both” (верность одному означает верность обоим)².

Проблему, решаемую Международным комитетом, можно рассматривать как чисто экономическую: за годы войны сформировался конкурентный рынок гуманитарной помощи — к 1916 г. только в Великобритании насчитывалось более 70 международных организаций, оказывавших помощь жертвам войны, обладавших достаточными средствами для оказания помощи, в том числе за пределами национальных границ³. Trenchdesign, одна из российских дизайнерских студий, занимающаяся визуализацией брендов компаний, рекомендует своим потенциальным клиентам:

¹ Histoire du Comité international de la Croix-Rouge, De Sarajevo a Hiroshima, Institut Henry-Dunant, Genève, 1978. P. 113.

² Library of Congress. Prints & Photographs Reading Room. Prints & Photographs Online Catalog. URL: <http://www.loc.gov/pictures/resource/cph.3g07770> (дата обращения: 05.08.2022).

³ See: Jones H. International or transnational? Humanitarian action during the First World War // European Review of History — Revue europeenne d'histoire. 2009. Vol. 16, No. 5. October. P. 705.

“Заботиться об основательной разработке бренда приходится в том случае, когда ваш продукт или услуга выходит на конкурентный рынок, а ее отличия от того, что предлагают другие, неочевидны для обывателя”¹. Именно в такой ситуации оказывается Международный комитет Красного Креста после Первой мировой войны и именно этим обусловлены его нормотворческие усилия.

В риторике Международного комитета появляется гуманитарная терминология. Но гуманитарность означает лишь беспристрастность, ничего более. Показателен пример употребления определения “гуманитарный” по отношению к позиции Международного комитета Красного Креста в послевоенный период. В 1926 г. руководитель Международного соглашения для борьбы с III Интернационалом Теодор Обер обратился к руководству МККК с предложением добиться от СССР разрешения посетить советские тюрьмы и концлагеря, чтобы оказать помощь заключенным. Ответ представителя Международного комитета: “Международный комитет Красного Креста на вчерашнем заседании изучил вашу просьбу с позиций исключительно *гуманитарных и аполитичных*...”². В последовавшей за этим обращением переписке с председателем Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца СССР и Народным комиссариатом иностранных дел СССР неоднократно подчеркивался гуманитарный, неполитический и беспристрастный характер Международного комитета Красного Креста и его деятельности³.

МККК заявляет о себе как о гуманитарной организации, выражая приверженность принципам беспристрастности и независимости. Эти принципы, наряду с принципами универсальности Красного Креста и равноправия его членов, были закреплены в Уставе Международного комитета, принятого на восьмой Международной конференции Красного Креста, состоявшейся в 1921 г.

¹ Trenchdesign. URL: <http://the-trench.ru/design/blog/brendirovanie-segodnya-chast-1-vvedenie> (дата обращения: 05.08.2022).

² Цит. по: Богомазов Н. И. “Отказ советского правительства произведет удручающее впечатление”: попытка Красного Креста получить разрешение на посещение советских тюрем и лагерей // Новейшая история России. 2013. № 3. С. 247.

³ См. там же. С. 248–257.

в Женеве. Эти принципы никоим образом не касались характера или форм гуманитарной деятельности, но лишь самого Международного комитета. Интересно высказывание Жан-Симона Пикте по поводу первой кодифицированной доктрины Международного комитета: “Как это ни странно, но только лишь после потрясений Первой мировой войны Международный комитет Красного Креста... почувствовал необходимость сформулировать свою доктрину. До этого момента традиции имели большее значение, чем зафиксированные на бумаге права. Определенные идеи морального порядка, которые не требовали обсуждения или объяснения, взывали к человеческой совести... Они (принципы. — А. Б.) были перечислены МККК следующим образом: беспристрастность, независимость от любых расовых, политических, религиозных или экономических соображений, универсальность Красного Креста и равенство национальных обществ Красного Креста. *В этом тексте по-прежнему не было самого важного принципа — принципа гуманности*”¹.

Если до 1945 г. МККК действовал исключительно как посредник, то после окончания Второй мировой войны он стал брать на себя оперативные функции. Возможно, это было связано с изменением геополитического и геоэкономического ландшафта, а возможно, и с попыткой самореабилитации после неудачных действий во время войны. Его участие в оперативной деятельности ставит Международный комитет в один ряд с иными гуманитарными организациями, чье количество неуклонно растет. Это объясняется в том числе и тем, что сложившаяся в послевоенный период архитектура международных отношений предполагала разграничение сфер влияния сверхдержав — СССР и США.

Именно поэтому для действий на спорной территории, а таковой на послевоенный период оказываются получившие независимость азиатские и африканские страны, в качестве инструмента используются неправительственные организации, заявляющие о себе как о гуманитарных. Неслучайно Международный суд, в уже цитированном решении, указывает: “Не может быть никаких сомнений в том, что предоставление гуманитарной помощи лицам или силам в другой стране, независимо от их политической

¹ *Pictet J. The Fundamental Principles of the Red Cross. Commentary // International Review of the Red Cross. 1979. № 210. May — June. P. 133.*

принадлежности или целей, не может рассматриваться как незаконное вмешательство (во внутренние дела государства. — А. Б.) либо иное нарушение международного права...”¹. Вопрос о вмешательстве в дела суверенных государств и его легитимности стоит на повестке дня Международного сообщества времен холодной войны. Расколотому миру были необходимы инструменты, маскирующие вмешательство.

Второй причиной, по которой произошел расцвет гуманитарного сообщества, исследователи называют ресурсную ограниченность государств и международных организаций. На повестке дня международного сообщества стояли задачи восстановления и реконструкции Европы и Японии, что ставило под вопрос возможность непосредственного вмешательства развитых государств в проблемы африканских и азиатских стран². Таким образом НПО, способные воздействовать на общественное мнение, апеллировать к чувствам и кошелькам граждан, способные аккумулировать частные средства и доставить их в зону, представляющую интерес, лишь компенсировали ресурсную несостоятельность сверхдержав.

В октябре 1965 г. на XX Международной конференции Красного Креста, которая состоялась в Вене, единогласно принимается резолюция “Провозглашение основополагающих принципов Красного Креста”³. Именно там впервые, начиная с попытки

¹ *Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America)*. Merits, Judgment. I.C.J. Reports 1986. P. 114.

² См. подробнее: *Дауэр Дж. У.* В объятиях победителя. М.: Серебряные нити, 2017; *Липкин М. А.* Советский Союз и интеграционные процессы в Европе: середина 1940-х — конец 1960-х годов. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2016; *Мазовер М.* Власть над миром. История идеи. М.: Кучково поле, 2016; *Системная история международных отношений: В 2 т. / Под ред. А. Д. Богатурова.* Т. 2: События 1945–2003 годов. М.: Культурная революция, 2006; *Paulmann J.* Conjunctures in the History of International Humanitarian Aid during the Twentieth Century // *Humanity*. Humanity Journal. 2014. June 12. URL: <http://humanityjournal.org/issue4-2/conjunctures-in-the-history-of-international-humanitarian-aid-during-the-twentieth-century> (дата обращения: 05.08.2022).

³ Resolutions adopted by the XXth International Conference of the Red Cross // *International Review of the Red Cross*. 1965. Fifth year — No. 56. November. P. 571. URL: https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/RC_Nov-1965.pdf (accessed: 05.08.2022).

Гюстава Муанье инициативно сформулировать общие для всех обществ Красного Креста правила в 1874 г., прозвучало слово “гуманность”. Формулировка принципов была предпринята якобы как условие признания национальных обществ¹. Но в Уставе Международного комитета Красного Креста указывается, что его роль заключается в том, чтобы “отстаивать и распространять основополагающие принципы Движения: гуманность, беспристрастность, нейтральность, независимость, добровольность, единство и универсальность”², а в Уставе Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца условием признания национального общества является требование *всего лишь* “уважать основополагающие принципы Движения и руководствоваться в своей деятельности принципами международного гуманитарного права”³. Эти принципы провозглашаются в тот момент, когда происходит рост количества гуманитарных организаций.

Уставные документы Красного Креста позволяют предположить, что применимость этих принципов вызывает большие сомнения даже у него. В третьей статье второго раздела Устав Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца гласит: “Национальные общества... выполняют свои гуманитарные задачи в соответствии со своими Уставами и национальным законодательством, стремясь к достижению цели Движения и руководствуясь его основополагающими принципами. Национальные общества поддерживают государство в решении им гуманитарных задач в соответствии с нуждами населения каждой

¹ См.: Бюньон Ф. Международный комитет Красного Креста и защита жертв войны: Пер. с фр. М.: МККК, 2005. С. 484.

² Устав Международного комитета Красного Креста. Принят 18 декабря 2014 г. и вступил в силу 1 апреля 2015 г. Ст. 4. П. 1. URL: <https://www.icrc.org/ru/document/ustav-mezhdunarodnogo-komiteta-krasnogo-kresta-prinyaty-18-dekabrya-2014-g-i-vstupivshiy-v> (дата обращения: 05.08.2022).

³ Устав Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца. Принят XXV Международной конференцией Красного Креста в Женеве в октябре 1986 г., с поправками, внесенными в 1995 и 2006 г. Раздел 2. Ст. 4. П. 10. URL: https://www.icrc.org/rus/assets/files/red-cross-crescent-movement/movement_statutes_rus.pdf (дата обращения: 05.08.2022).

страны”¹. Каким образом можно одновременно руководствоваться принципами Движения и поддерживать государство — понять трудно, если вообще возможно.

Именно неприменимость принципов и размытость требований ставят МККК в исключительное положение “гуманитарного регулятора”, когда только он может решать, кто достоин выступать от имени Красного Креста, а кто нет; кто может претендовать на долю финансирования и пользоваться защитой международного права, а кто нет. Позиция гуманитарного регулятора включает посреднические функции, но не предполагает гуманитарной идеи в ее базовой формулировке — восприятие человечества как единого целого, искусственно разделенного государственными границами, приоритет человека перед государством. В Уставе МККК роль последнего определена как “исключительно нейтрального и независимого учреждения и посредника”². Уже данное положение отрицает возможность отнесения Международного комитета к гуманитарным организациям, так как в противном случае мы можем предположить, что любой, даже самый преступный политический режим, использующий государство для насилия над гражданами страны, может признаваться как безусловное благо и достойный контрагент в переговорах.

В 1991 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию “Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций”, где содержалось прямое указание на то, что гуманитарная помощь “должна оказываться в соответствии с принципами гуманности, нейтралитета и беспристрастности”³. Решение Генеральной Ассамблеи выразило претензии ООН на роль органа глобального управления, в том числе и в области гуманитарной деятельности: “Организация Объединенных Наций призвана играть главную и уникаль-

¹ Устав Международного движения Красного Креста и Красного Полумесяца. Раздел 2. Ст. 3. П. 1.

² Устав Международного комитета Красного Креста. Ст. 4. П. 2.

³ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН “Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи ООН”. A/RES/46/182. 19.12.1991. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/46/182> (дата обращения: 16.09.2022).

ную роль в обеспечении руководства усилиями международного сообщества по поддержке пострадавших стран и координации этих усилий... Следует предоставить в ее распоряжение ресурсы, соответствующие будущим потребностям”¹. Если до 90-х гг. XX столетия гуманитарная деятельность была уделом частных лиц, сообществ волонтеров и негосударственных организаций², то в 1991 г. ООН заявляет претензию на определение форм, источников и бенефициаров гуманитарной деятельности.

Тем более что ресурсы, на обладание которыми претендует ООН, весьма значительны. Отчет “Гуманитарная экономика: куда уходят все деньги?”, представленный исследовательским проектом “Local2Global Protection” при поддержке Integrated Regional Information Networks и охватывающий период с 2000 по 2014 г., открывается следующей фразой: “Экономика гуманитарной помощи объемом 156 млрд долл. США подвергается справедливой критике за то, что она является структурно устойчивой к изменениям, разнообразию, конкуренции и включению местных благотворительных организаций. Донорам и международным НПО нравится настаивать на прозрачности и благом управлении в странах, в которых они работают, но насколько хорошо мы представляем, где и как тратятся деньги, предназначенные для помощи?”³. По прошествии восьми лет ситуация не изменилась. Хотя экономика гуманитарной помощи по-прежнему закрыта, а финансовые транзакции за пределами первичных доноров не отслеживаются, несмотря на все усилия контролирующих органов ООН⁴, можно

¹ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН “Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи ООН”. A/RES/46/182. 19.12.1991. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/46/182> (дата обращения: 16.09.2022).

² See: *El Taraboulsi-McCarthy S., Willitts-King B.* Foreign policy and humanitarian action: an agenda for inquiry. Humanitarian Policy Group, Overseas Development Institute, 2016; *DeChaine, R. B.* Global Humanitarianism: NGOs and the Crafting of Community. Lanham, MD: Lexington Books, 2005.

³ The Humanitarian Economy. Where is all the money going? URL: <http://newirin.irinnews.org/the-humanitarian-economy> (accessed: 06.08.2022).

⁴ The State of The Humanitarian System. 2018 edition. ALNAP Study. London : ALNAP/ODI, 2018. P. 84.

предположить, что ее объем увеличился. Такой вывод основывается на том, что объем денежных средств, предоставленный только лишь ООН и ее партнерским организациям, за период с 2014 по 2021 г. вырос на более чем 400%¹.

В 2013 г. Генеральным секретарем ООН было дано определение гуманитарной системы как “сети международных гуманитарных структур, функционально связанных рамочной системой координации, которая создана Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 46/182 и ее последующих резолюциях и включает Координатора чрезвычайной помощи, Межучережденческий постоянный комитет и механизмы планирования и финансирования, и руководствующихся приверженностью руководящим принципам, принципам гуманности и нормам международного права”². Это определение примечательно в силу целого ряда причин. Во-первых, указанием на точку отсчета — 9 декабря 1991 г., во-вторых, указанием на сетевую структуру гуманитарной системы, в-третьих, указанием лишь на гуманитарные структуры как основу гуманитарной системы.

Сетевая структура гуманитарной системы способствует внедрению, усвоению и поддержанию норм, регулирующих поведение участников сетей и не только максимизирующих благосостояние тех, кто разрабатывает, внедряет и санкционирует нормы, превращая их в правила, но и, что немаловажно, минимизирующих благосостояние тех, кто оказался за пределами сети. Наличие внутрисетевых правил поведения ведет к тому, что организации, получающие доступ к ресурсам сети, теряют самостоятельность, принимая правила игры. Сети обеспечивают взаимодействие, подтверждая компетентность и состоятельность акторов сетевого взаимодействия. Более того, они являются вместилищем “социальной памяти”, выступая в качестве инфраструктуры для хранения, циркуляции и воспроизводства информации. Именно это

¹ Global Humanitarian Overview 2022. URL: <https://hum-insight.info> (accessed: 17.06.2022).

² Доклад Генерального секретаря ООН “Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций”. A/68/84–E/2013/77. URL: <http://undocs.org/ru/A/68/84> (дата обращения: 16.09.2022).

позволяет сетевым координаторам угрожать отступникам репутационными и, как следствие оных, материальными потерями.

ООН пытается координировать разношерстное гуманитарное сообщество, что в принципе возможно лишь при провозглашении правил игры. Если эти правила будут прозрачны и выполнимы, то роль гуманитарного координатора не будет значительной, а сам он лишится возможности реализовывать собственный интерес. Именно поэтому в качестве признаков, определяющих гуманитарную деятельность, принимаются принципы, провозглашенные Международным комитетом Красного Креста в 1965 г., — они неприменимы в практической деятельности. Более того, беспристрастность, нейтральность и независимость при оказании гуманитарной помощи ведут лишь к консервации гуманитарных кризисов¹. В 2020 г. 10 крупнейших реципиентов гуманитарной помощи — Сирия, Йемен, Ливан, Южный Судан, Демократическая Республика Конго, Сомали, Судан, Эфиопия, Турция, Ирак — получили 57% всего объема гуманитарного финансирования. Все эти страны, за исключением Турции, переживают кризис более 10 лет подряд.

А Демократическая Республика Конго, Сомали и Судан являются потребителями гуманитарной помощи более 20 лет². Примечательно, что Сирия, Йемен и Южный Судан входят в пятерку крупнейших получателей гуманитарного финансирования начиная с 2014 года³. Это связано с тем, что:

во-первых, требования к применению означенных принципов к гуманитарной деятельности способствуют поддержанию гуманитарных кризисов, компенсируя слабость нестабильных государств и способствуя высвобождению ресурсов для осуществле-

¹ See: Planning from The Future. Is the Humanitarian System Fit for Purpose? 2016. November. P. 19. URL: http://www.planningfromthefuture.org/uploads/4/5/6/0/45605399/pff_report_uk.pdf (accessed: 17.06.2022).

² Global Humanitarian Assistance Report 2021. URL: <https://devinit.org/resources/global-humanitarian-assistance-report-2021/chapter-3-donors-and-recipients-humanitarian-and-wider-crisis-financing> (accessed: 11.06.2022).

³ The State of The Humanitarian System. 2015 edition. ALNAP Study. London: ALNAP/ODI, 2015. P. 34.

ния репрессивной политики, позволяют негосударственным вооруженным формированиям использовать гуманитарную помощь как ресурс для вербовки новобранцев или же шантажа населения, проживающего в оккупированных районах. Что, в свою очередь, позволяет ООН и Международному комитету Красного Креста ежегодно заявлять о растущих потребностях¹ и обеспечивать бесперебойный поток гуманитарного финансирования, основными получателями которого являются гуманитарные агентства ООН, получающие около 60% всего объема², а также шестерка крупнейших гуманитарных организаций, таких как World Vision, International Rescue Committee, Norwegian Refugee Council, Save the Children International, Catholic Relief Services и Médecins Sans Frontières (MSF), поглощающие 23% средств, выделяемых на оказание гуманитарной помощи³.

Еще в 1995 г., в докладе Объединенной инспекционной группы по вопросам участия системы ООН в оказании и координации гуманитарной помощи, было заявлено, что множество гуманитарных организаций, действующих в условиях ограниченной координации и не имеющих согласованной и общепринятой доктрины, не могут решить задачи по разрешению гуманитарного кризиса и стабилизации ситуации в зоне реагирования — “можно лишь изумляться, что ситуация не оказалась хуже”⁴. Но и в 2022 г. ситуация не изменилась.

Разрешение кризиса не входит в задачи субъектов гуманитарного реагирования, тем более что гуманитарная помощь составляет лишь около 1% от всей международной помощи, направля-

¹ Global Humanitarian Assistance Report 2021. URL: <https://devinit.org/resources/global-humanitarian-assistance-report-2021/chapter-two-humanitarian-and-wider-crisis-financing> (accessed: 06.06.2022).

² The State of The Humanitarian System. 2018 edition. ALNAP Study. London: ALNAP/ODI, 2018. P. 84.

³ Примечание к докладу The State of The Humanitarian System. 2018 edition. URL: <https://www.alnap.org/help-library/the-state-of-the-humanitarian-system-sohs-2018-full-report> (accessed: 16.06.2022).

⁴ Участие системы Организации Объединенных Наций в оказании и координации гуманитарной помощи : Доклад Объединенной инспекционной группы. JUI/REP/95/9.

емой жертвам гуманитарных катастроф¹. Целый ряд исследователей настаивает на том, что единственными “покупателями” гуманитарной помощи выступают международные и многосторонние организации, которые, в свою очередь, диктуют правила игры на гуманитарном рынке², преследуя корпоративные интересы³;

во-вторых, гуманитарные принципы выступают основой для регуляции доступа на “гуманитарный рынок”, а в силу неприменимости этих принципов в реальной жизни позволяют “регулятору”, будь то МККК или ООН, самостоятельно определять: кто может быть бенефициаром гуманитарного финансирования, чье присутствие в зоне гуманитарного реагирования легитимно, кто имеет право на защиту со стороны международного сообщества. На состоявшейся в октябре 2021 г. в Центре Вильсона дискуссии, посвященной будущему гуманитарной деятельности, Уильям Стэйгер, руководитель службы персонала USAID с 2012 по 2017 г., заявил: “Фраза, которую экономисты использовали бы для описания современной системы гуманитарной помощи — закрытый рынок. Он состоит из относительно небольшого числа игроков, в основном это учреждения ООН и международные НПО. Сложившаяся на настоящее время система препятствует появлению новых участников. ...Выделение средств тем или иным организациям не зависит от показателей ее эффективности. Доноры, в том числе и USAID, минимизируя риски, выделяют средства лишь тем организациям, с которыми они взаимодействовали в прошлом”⁴.

¹ *Willitts-King B., Bryant J.* Measuring the iceberg: the opportunities and limits of better tracking of resources beyond international humanitarian assistance. URL: <https://odi.org/en/publications/measuring-the-iceberg-the-opportunities-and-limits-of-better-tracking-of-resources-beyond-international-humanitarian-assistance> (accessed: 20.06.2022).

² *Weiss T.* Humanitarian Business. 1st edn. Wiley. 2013. URL: <https://www.perlego.com/book/1535537/humanitarian-business-pdf> (accessed: 06.06.2022).

³ *Lough O., O'Callaghan S.* Five years on from the World Humanitarian Summit: lots of talk, no revolution. URL: <https://odi.org/en/insights/five-years-on-from-the-world-humanitarian-summit-lots-of-talk-no-revolution> (accessed: 06.06.2022).

⁴ Rethinking Humanitarian Aid. URL: <https://www.wilsoncenter.org/event/rethinking-humanitarian-aid> (accessed: 20.06.2022).

Тем не менее гуманитарный рынок расширяется. Если в докладе о состоянии гуманитарной системы 2015 г. насчитывается более 4,5 тыс. международных неправительственных организаций¹, предоставляющих гуманитарную помощь, то в 2021 г. количество таких организаций составило 5 641. И это без учета обществ — участников краснокрестного движения, частных и международных фондов².

Рост количества гуманитарных игроков и объемов выделяемого им финансирования повышает значимость гуманитарного регулятора. Неоднократно цитированный Франсуа Бюньон в своей масштабной работе по истории Международного комитета Красного Креста указывает на опасность неконтролируемого расширения гуманитарного сообщества, отмечая, что МККК для успешного выполнения своих функций должен рассчитывать на регулярные финансовые поступления³. В случае ООН происходит то же самое. По состоянию на 2021 г. более 85% доноров — государства, еще 11% гуманитарного финансирования поступает от неправительственных организаций. Средства, предоставляемые частными лицами и международными НПО, составляют менее 2%⁴.

Из всего объема донорской помощи более 60% формируется за счет взносов США, Германии и ЕС⁵, которые, манипулируя финансированием, могут использовать и используют регулятора в собственных интересах, по возможности не дискредитируя его, ставя под вопрос независимость и беспристрастность регулятора, поддерживая эти принципы как исключительно высокие заградительные барьеры для потенциальных участников гуманитарной деятельности, обуславливая выделение финансирования своими интересами. Помощь не является актом благотворительности.

¹ The State of The Humanitarian System. 2015 edition. ALNAP Study. London: ALNAP/ODI, 2015. P. 38.

² Total reported funding 2021. Financial Tracking Service (FTS). URL: <https://fts.unocha.org/global-funding/countries/2021> (accessed: 19.06.2022).

³ См.: Бюньон Ф. Международный комитет Красного Креста и защита жертв войны: Пер. с фр. М.: МККК, 2005. С. 1363–1364.

⁴ Total reported funding 2021. Financial Tracking Service (FTS). URL: <https://fts.unocha.org/global-funding/countries/2021> (accessed: 19.06.2022).

⁵ Ibid.

Так, в отчете исследовательской группы Конгресса США, посвященном исследованию механизмов гуманитарной помощи “Международные кризисы и стихийные бедствия: механизмы оказания гуманитарной помощи США”, говорится: “...Политические соображения играют ключевую роль при принятии решения, каким образом и кому оказывается помощь. ...Гуманитарная помощь является способом “нейтрального” вмешательства в кризисные ситуации и наиболее гибким политическим инструментом, который можно быстро применить в условиях международного кризиса¹. В опубликованной в мае 2022 г. Стратегии содействия международному развитию Великобритании гуманитарная помощь рассматривается как “неотъемлемый элемент усилий по обеспечению национальной безопасности”².

Принципы, провозглашенные в 1965 г. для того, чтобы подчеркнуть особую роль Международного комитета Красного Креста и наделить его полномочиями посредника и гуманитарного регулятора, были использованы в 1991 г. ООН для того, чтобы сформировать систему глобального управления гуманитарной деятельностью. Неудача Организации Объединенных Наций в построении означенной системы не привела к пересмотру принципов — наличие независимого регулятора устраивает лидеров мирового сообщества, позволяя использовать гуманитарную помощь как инструмент для достижения геополитических целей, оставаясь в тени и избегая репутационных потерь.

Примечательна дискуссия, развернувшаяся после событий 11 сентября 2001 г. и продолжающаяся по сей день. Предмет дискуссии — финансирование международных гуманитарных НПО донорами (как государствами, так и негосударственными структурами) в условиях борьбы с терроризмом и финансированием

¹ *Margesson R.* International Crises and Disasters: U.S. Humanitarian Assistance Response Mechanisms. CRS Report for Congress. 2013. August 1. P. 14. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/RL33769.pdf> (accessed: 19.06.2022).

² The UK government’s strategy for international development. Published 2022, 16 May // GOV.UK [Official Site]. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/uk-governments-strategy-for-international-development/the-uk-governments-strategy-for-international-development> (accessed: 19.06.2022).

терроризма¹. Проблема финансирования НПО донорами и осуществления гуманитарной деятельности на территориях, которые контролируются террористическими организациями, не решена и по сей день и решается посредством исключений из санкционного режима. Первое исключение из санкций ООН было предусмотрено для Сомали в 2010 г.² На тот момент в Сомали проводилась одна из крупнейших гуманитарных операций, но, начиная с 2008 г., помощь была приостановлена, поскольку гуманитарные группы не могли действовать в районах, контролируемых исламистской повстанческой террористической группировкой Аль-Шабаб, без предоставлений им средств в виде платы за проезд, “налогов” или взяток, что являлось нарушением целого ряда резолюций Совета Безопасности ООН³. Исключение делается лишь для “Организации Объединенных Наций, ее специализированных учреждений или программ, гуманитарных организаций, имеющих статус наблюдателя при Генеральной Ассамблее Организации Объединенных Наций, оказывающих гуманитарную помощь, или их партнёров-исполнителей”⁴. Подобная практика будет продолжена и в последующих резолюциях. Именно такой подход позволяет ООН определять правила игры на гуманитарном рынке, используя гуманитарные принципы, определять его размеры, порядок и объемы финансирования.

Назвать лишь государства или ООН в лице ее гуманитарных агентств в качестве основных заинтересованных сторон существования гуманитарной системы будет не совсем справедливо. Всё дело в том, что гуманитарная деятельность порождает инфраструктуру — финансовую, прежде всего страховую, логистическую, безопасность и т. п.

¹ *Micheletti P.* Anti-terrorism laws must take humanitarian principles into account. URL: <https://ideas4development.org/en/anti-terrorism-laws-humanitarian-principles> (accessed: 21.06.2022).

² Резолюция 1916 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6289-м заседании 19 марта 2010 г.

³ Наиболее полный перечень содержится в Резолюции 2368 (2017), принятой Советом Безопасности на его 8007-м заседании 20 июля 2017 г.

⁴ Резолюция 1916 (2010), принятая Советом Безопасности на его 6289-м заседании 19 марта 2010 г.

Так, в 2006 г. происходит рождение гуманитарного страхования — Всемирная продовольственная программа ООН заключает первую сделку с французской компанией AXE Re, входящей в группу AXE, страхуя риск неурожая в Эфиопии¹. Но страхуются не только гуманитарные риски. Так, в настоящее время группа компаний Bellwood Prestbury предоставляет услуги “гуманитарного” страхования международным благотворительным организациям, гуманитарным НПО, всем тем, кто работает в зонах повышенного риска, где стандартное страхование не действует².

Страховой рынок расширяется. Объем страхового рынка невозможно оценить в силу закрытости информации о “гуманитарном” финансировании. Трудно предположить, что компании, готовые платить многомиллионные (в долларовом эквиваленте) страховые премии, устроятся от контроля за деятельностью своих клиентов. Выпускающий в 2017 г. пятилетние “гуманитарные облигации” МККК привлекает 22 млрд долл. частных инвесторов, в том числе и New Re, входящего в группу Munich Re (Munich Reinsurance Company)³, одну из ведущих страховых компаний мира, частью которой является благотворительный фонд Munich Re Foundation, с объемом финансирования около 50 млн евро, и заявляющего о том, что направления его деятельности включают “образование и подготовку кадров, науку и исследования, предотвращение стихийных бедствий, защиту окружающей среды и общественное здравоохранение”⁴. Таким образом, замыкается круг — те, кто страхует “гуманитарные риски”, инвестируют в гумани-

¹ See: World's first humanitarian insurance policy issued. Published on 03 June 2006 // World Food Programme. URL: <http://www.wfp.org/node/598> (accessed: 19.06.2022).

² International Humanitarian & NGO Insurance // Bellwood Prestbury. URL: <https://www.bellwoodprestbury.com/industries/humanitarian-ngo> (accessed: 19.06.2022).

³ See: Allen K. Red Cross launches “humanitarian impact bond” // The Financial Times. 2017. Sep. 8. URL: <https://www.ft.com/content/8d82241d-096b-313e-91d8-786ba99d2073> (accessed: 19.06.2022).

⁴ See: Purpose of the Foundation // Munich Re Foundation. URL: <http://www.munichre-foundation.org/home/About-us/PurposeOfTheFoundation.html> (accessed: 19.06.2022).

тарную деятельность в надежде извлечь доход. Кто может предположить, что данные структуры стоят в стороне?

Тем более что ожидаемые выплаты по “гуманитарным облигациям” составят, по разным оценкам, от 3 до 7%¹. Международный комитет Красного Креста, выдвинув инициативу выпуска “гуманитарных облигаций”, актуализировал поиск новых моделей финансирования, при том что разрыв между потребностями, заявленными ООН и объемами финансирования постоянно увеличивается². Одним из таких инструментов является гуманитарное инвестирование. В 2019 г. Всемирный экономический форум запустил инициативу “Гуманитарное инвестирование и инвестирование в устойчивость” (Humanitarian and Resilience Investing) по объединению гуманитарной экосистемы, партнеров по развитию, предпринимателей и инвесторов, объединяя экономические и политические организации (Всемирный банк и Европейская комиссия), гуманитарные организации (Международный комитет Красного Креста и Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев), а также частных инвесторов, таких как Credit Suisse и Lombard Odier. Поддержку проекту оказывают IMD Business School и Boston Consulting Group³. Основная задача, решаемая в рамках гуманитарного инвестирования, — привлечение частного капитала для финансирования гуманитарных проектов.

¹ Heisten P. A model for humanitarian investment: can it work? // The middle Road (official site). URL: <https://www.oneyoungworld.com/blog/model-humanitarian-investment-can-it-work> (accessed: 21.06.2022) ; First Humanitarian Impact Bond. URL: <https://themiddleroad.org/global-bytes/first-humanitarian-impact-bond> (accessed: 21.06.2022).

² Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/76/124 “Укрепление координации в области гуманитарной помощи и помощи в случае бедствий, предоставляемой Организацией Объединенных Наций, включая специальную экономическую помощь: укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций”. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N21/393/72/PDF/N2139372.pdf?OpenElement> (accessed: 21.06.2022).

³ All About the Humanitarian and Resilience Investment Initiative // The DGBM Taylor Family Foundation (official site). URL: <https://www.dylantaylorfoundation.org/blogposts/all-about-the-humanitarian-and-resilience-investment-initiative> (accessed: 22.06.2022).

Участники Всемирного гуманитарного саммита, состоявшегося в мае 2016 г. в Стамбуле, констатировали несостоятельность сложившейся глобальной гуманитарной системы.

Гуманитарные организации, входящие в топ-10 по объемам финансирования и привлекаемых ресурсов, такие как OXFAM international, заявили о необходимости перевернуть с головы на ноги сложившуюся систему гуманитарной помощи¹, а Mercy Corps прямо указывало на несостоятельность сложившейся системы координации гуманитарных усилий мирового сообщества, описывая глобальную гуманитарную систему как "...излишне централизованную и иерархически организованную структуру, чрезмерно ориентированную на ООН"².

Понимание того, что сложившаяся практика ориентирована не на удовлетворение гуманитарных потребностей людей, а лишь на процесс оказания гуманитарной помощи, не на удовлетворение базовых потребностей тех, кто находится в состоянии нужды и опасности, а на попытки определения и нормативного описания процедур, нашло отражение в докладе Генерального секретаря ООН в связи со Всемирным саммитом по гуманитарным вопросам³.

Результатом Всемирного саммита по гуманитарным вопросам стала программа реформ, в основе которой лежат меры, направленные на обеспечение превентивности действий мирового сообщества, преодоление разрыва между гуманитарной помощью и помощью в целях развития, изменение характера финан-

¹ Секретариат Всемирного саммита по гуманитарным вопросам. Восстановление гуманности: общие сведения о процессе консультаций в рамках подготовки к Всемирному саммиту по гуманитарным вопросам. Нью-Йорк : Организация Объединенных Наций, 2015. С. 96.

² *Mercy Corps*. *Cracking the Code: Enhancing Emergency Response & Resilience in Complex Crises*. URL: <https://reliefweb.int/report/world/cracking-code-enhancing-emergency-response-resilience-complex-crises> (accessed: 19.06.2022).

³ Единое человечество: общая ответственность. Доклад Генерального секретаря в связи со Всемирным саммитом по гуманитарным вопросам. A/70/709. URL: https://unrcca.unmissions.org/sites/default/files/sg_report_for_the_whs_russian.pdf (accessed: 19.06.2022).

сирования гуманитарной деятельности, подотчетность, прежде всего перед людьми, находящимися в состоянии нужды и опасности¹.

Этот пакет реформ получил название “Большая сделка” и представлял собой соглашение, содержащее 51 обязательство, которые должны быть исполнены к 1 января 2020 г.² Соглашение было подписано 48 крупнейшими донорами и гуманитарными агентствами, которые на тот момент контролировали около 95% всего гуманитарного финансирования³. Предполагалось решить до 2020 г. проблемы гуманитарной системы, связанные не только с ликвидацией разрыва между потребностями и финансированием, но и с прозрачностью гуманитарных потоков, бюрократизацией системы управления гуманитарной деятельностью, оценкой потребностей, подотчетностью гуманитарных агентств, использованием денежных средств в качестве основного вида гуманитарной помощи. Целевые показатели, заложенные в “Большой сделке”, не были достигнуты⁴. Можно предположить, что и этот, менее амбициозный, чем предыдущий, пакет реформ не увенчается успехом.

Лишь в ситуации, когда ООН ограничится усилиями по мониторингу глобальной гуманитарной ситуации, определению гуманитарных приоритетов, гуманитарного арбитража, то есть начнет действовать исходя из Устава, оставив государствам и глобально-

¹ См.: Итоги Всемирного саммита по гуманитарным вопросам. Доклад Генерального секретаря. A/71/353. 23.08.2016. URL: <https://www.agendaforhumanity.org/sites/default/files/A-71-353%20-%20SG%20Report%20on%20the%20Outcome%20of%20the%20WHS%20%28%20Russian%29.pdf> (дата обращения: 23.06.2022).

² About the Grand Bargain // The Inter-Agency Standing Committee (IASC) (official site). URL: <https://interagencystandingcommittee.org/about-the-grand-bargain> (accessed: 19.06.2022).

³ *Redvers L.* Hunting for the Grand Bargain. Fixing emergency aid, one committee at a time // The New Humanitarian. URL: <https://www.thenewhumanitarian.org/2017/03/22/hunting-grand-bargain> (accessed: 19.06.2022).

⁴ *Lough O., O'Callaghan S.* Five years on from the World Humanitarian Summit: lots of talk, no revolution. URL: <https://odi.org/en/insights/five-years-on-from-the-world-humanitarian-summit-lots-of-talk-no-revolution> (accessed: 06.06.2022).

му гражданскому обществу действовать, исходя из собственных интересов, реформа гуманитарной деятельности увенчается успехом. Вопрос лишь в том, что слишком большое число лиц, организаций и государств, заинтересованных в существующем порядке вещей, не позволят что-либо изменить и вернуть гуманитарной системе ее первоначальное значение — облегчать страдания людей и помогать в реализации человеческих потребностей. В расколотом мире гуманитарная помощь, предоставляемая гуманитарной системой ООН, — лишь средство либо для решения внешнеполитических задач, либо для извлечения прибыли.

Глава 15. ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОТИВОБОРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Е. Н. Пашенцев

Низкие темпы развития мировой экономики, массовая безработица, растущие имущественная и социальная поляризация, неэффективность и коррупция государственного аппарата, внутривластная конфронтация вместе с опасным обострением обстановки на международной арене во многом связаны с таким направлением деятельности современных государственных и негосударственных акторов, как информационное противоборство. По сути, информационное противоборство — важное средство достижения решающего превосходства и даже — в отдельных случаях — победы над противником без применения военной силы на основе использования его объективных слабостей.

В специальной литературе в области информационного противоборства даются различные определения этого явления. Так, авторы вышедшего в 2016 г. второго издания монографии “Глобальное информационное противоборство: новое цифровое поле боя” Э. Джонс и Дж. Ковачич (каждый из них имеет опыт нескольких десятилетий практической работы в сфере информационной безопасности в Великобритании и США) определяют информационное противоборство как “использование информации и информационных систем как наступательных инструментов против другой информации и других информационных систем”¹.

Технические средства информационного противоборства (программы несанкционированного доступа к информационным ресурсам, средства радиоэлектронной борьбы и др.), при всей их важности, на наш взгляд, подчинены задачам противоборства в информационно-психологической сфере, поскольку, только сло-

¹ Jones A., Kovacich G. L. Global Information Warfare: The New Digital Battlefield. 2nd Edition. New York: Auerbach Publications — Taylor & Francis Group, 2016. P. xxii.

мив волю противника или подведя его к принятию неверных решений, можно добиться решающей победы.

Большинство российских и зарубежных специалистов вполне обоснованно рассматривают информационно-психологическое противоборство (ИПП) как столкновение сторон, имеющих своей целью ограничение возможностей противной стороны вплоть до ее уничтожения¹. Однако в реальности побеждает в конечном счете тот, кто не только и не столько разрушает и уничтожает, сколько тот, кто создает нечто новое и более прогрессивное. Отклонения от этой закономерности на национальном (региональном) уровне до сих пор носили временный характер или затем подвергались коррекции на более широкой арене действий. Если эта закономерность прекратится, наступит общий упадок человечества. В современных условиях, чреватых многими глобальными рисками, это упадок, довольно быстро переходящий в смерть.

Поэтому, на наш взгляд, необходимо рассматривать действия в рамках информационно-психологического противоборства в единстве с возможностями того или иного общества к дальнейшему развитию и, в частности, к обновлению информационно-коммуникационной среды на благо большинства людей. Слабость усилий по информационно-психологической защите населения

¹ См. подробнее о содержании и соотношении понятий “информационное противоборство”, “информационная война”, “информационно-психологическое противоборство” и др., а также об истории и современной практике информационно-психологического противоборства: *Брусницын Н. А.* Информационная война и безопасность. М.: Вита, 2001; *Вепринцев В. Б., Манойло А. В., Петренко А. И., Фролов Д. Б.* Операции информационно-психологической войны. М.: Горячая Линия — Телеком, 2005; *Лайнбарджер П.* Психологическая война. М.: Центрполиграф, 2013; *Armistead L.* Information Operations Matters. Best Practices. Washington, DC: Potomac Books, 2010; *Paul Ch.* Information Operations — Doctrine and Practice: A Reference Handbook. Westport: Praeger, 2008; *Psychological Operations — Principles and Case Studies.* CreateSpace Independent Publishing Platform, 2012; *Irregular Pen and Limited Sword: Psywar, Psyop, and MISO in Counterinsurgency.* CreateSpace Independent Publishing Platform, 2014; *Kingler K.* Psychological Warfare: 5 Books in 1: Manipulation Techniques Honed Over the Centuries by Politicians, Strategists, Speakers, Performers and Sellers Around the World. Independently published, 2021.

от нападения извне в разных странах наблюдается по двум базовым причинам.

Во-первых, наиболее защищен от информационно-психологической атаки (и не только) человек с крепкой психикой, мощным разносторонним интеллектом и высоким уровнем морально-этических требований по отношению к себе и другим людям. Но такой человек далеко не норма в современном обществе, и, если бы это стало возможным, насколько в нем заинтересованы правящие элиты, особенно в тех странах, где высок уровень коррупции и социальной поляризации? И это — во-вторых.

Мы взяли идеальный случай, однако прогрессивные и ориентированные на разностороннее развитие личности-гражданина правительства имеют и больше шансов на победу в информационно-психологическом (и не только) противоборстве с противником, разумеется, развивая соответствующую систему информационной и коммуникационной безопасности. И в этом отношении прогрессивные правительства Латинской Америки могут лучше использовать человеческий потенциал своих стран, чем мощнейшая империя мира, пока она остается империей.

Современные тенденции в информационно-психологическом противоборстве в Латинской Америке связаны с текущей расстановкой сил на континенте, стратегическими интересами и целями основных внутренних и внешних сил, активно влияющих на ход событий.

Подобный подход далеко не нов и концептуально был развит в годы холодной войны обеими сторонами-антагонистами, разработки в этой сфере идут и после ее окончания. В частности, специалисты корпорации RAND Р. С. Моландер, А. С. Риддайл и П. А. Уилсон в своем исследовании середины 1990-х гг. вводят термин “Strategic Information Warfare” — “стратегическое информационное противоборство”, означающий войну с размытыми временными и пространственными границами, ведущуюся в глобальном масштабе и требующую нового качества государственного управления¹.

¹ См. подробнее: *Molander R. C., Riddile A. S., Wilson P. A. Strategic Information Warfare. New Face of War. Santa Monica: National Defense Research Institute, RAND, 1996.*

В данной главе автор уделяет особое внимание возможностям управляющего воздействия на человеческое сознание. На уровне транснациональных корпораций, во внутренней и внешней политике ведущих стран мира идет постепенный, не всегда заметный, но от этого не менее неизбежный и необратимый процесс формирования коммуникационного менеджмента — профессионального управления людьми и капиталами посредством коммуникаций.

Вместе с тем в системе государственного управления США и ряда стран Западной Европы в последнее время получила признание и практическое развитие концепция стратегической коммуникации, которая, как пишет признанный эксперт в этой области д-р Кристофер Пол, представляет собой “...скоординированные действия, послания и образы... с целью информирования, влияния или убеждения избранных аудиторий в поддержке национальных целей”¹. Растущее внимание к новой концепции проявляется в политических, военных и дипломатических кругах Китая. Де-факто стратегическая коммуникация присутствует и в политике России, хотя сам термин и не получил пока здесь распространения в официальных документах и научной литературе.

Усиление роли коммуникационного менеджмента (КМ) и стратегической коммуникации (СК) не в последнюю очередь связано с изменением соотношения сил на международной арене не в пользу глобальной империи. При этом, с одной стороны, мы наблюдаем попытки сохранения ведущих военно-политических позиций США в современном мире с помощью широкого набора средств и не в последнюю очередь методами информационно-психологического противоборства, а с другой — понимание лидерами многих стран необходимости полицентричного мироустройства в целях противодействия военно-политическому вмешательству и экономическому, идеологическому давлению со стороны США, которое посредством КМ и в рамках СК позиционируется как экспорт демократии.

¹ *Paul Ch. Strategic Communication: origins, concepts, and current debates. Santa Barbara: Praeger, 2011. P. 3. См. также подробнее: Пашенцев Е. Н. Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация: Современные технологии глобального влияния и управления. М.: МЦСПИК, 2014.*

Новые технологии открывают и новые возможности для ведения информационно-психологического противоборства на национальном, региональном и глобальном уровнях. Тот, кто наиболее эффективно использует эти технологии, может получить решающее преимущество для победы над противником, обладающим равным или даже большим военно-экономическим потенциалом.

Социально-политическая напряженность и геополитическое соперничество как факторы информационно-психологического противоборства в Латинской Америке

После Великой депрессии страны региона в XX столетии ввели многочисленные ограничения на прямые иностранные капиталовложения, чтобы защитить себя от иностранной эксплуатации. К 1995 г. все эти ограничения в большинстве латиноамериканских стран были сняты в рамках политики неолиберализма. Прямые иностранные инвестиции в регионе с 1990 по 1997 г. выросли в восемь раз¹, экономический рост стал преимущественно определяться спекулятивными колебаниями на мировом рынке, а не потребностями национального развития.

По оценкам Межамериканского банка развития, если в начале 1990-х гг. реформы обеспечивали прирост ВВП континента на 1,3%, то в конце десятилетия — лишь на 0,6%. Эксперты банка констатировали, что Латинская Америка переживает свой худший кризис за последние десятилетия².

Не решил неолиберализм и проблемы бедности. Так, в 1980 г. к бедным относилось 40,5% населения, а из них нищета была уделом 18,6% латиноамериканцев. Десять лет спустя эти цифры изменились в неблагоприятную сторону — 48,3% бедных и 22,5% нищих³.

¹ См.: *Пашенцев Е. Н.* Коммуникационный менеджмент и стратегическая коммуникация: Современные технологии глобального влияния и управления. М.: МЦСПИК, 2014.

² См.: *Красильщиков В. А.* Развитие России и стран Латинской Америки: факторы сходства и различия // Альманах “Восток”. 2004. № 6 (18), июнь. URL: www.situation.ru/app/j_art_448.htm (дата обращения: 15.07.2022).

³ See: *Moreno L. A.* La decada de America Latina y el Caribe. Una oportunidad real. Segunda edicion ampliada. New York: Banco Interamericano de Desarrollo, 2011. P. 39.

Правда, после “потерянного десятилетия” 1980-х гг. уровень бедности в 1999 г. вернулся к положению двадцатилетней давности, составив 35,3% всех домохозяйств. При этом абсолютное число бедных в Латинской Америке всё же увеличилось: в 1990 г. их было 200 млн человек, в 1999 г. стало 211 млн, а в 2003 г. — 225 млн, или 43,9% всего населения. Из них 100 млн человек (19,4% населения), по оценкам 2003 г., проживали в нищете¹. Характерно, что с 1998–1999 по 2002–2003 гг. доля бедных на континенте практически не изменилась, что лишний раз подтверждало необходимость смены модели развития в Латинской Америке².

Согласно отчету Всемирного банка 2008 г., Латинская Америка вместе с Экваториальной Сахарой является одним из регионов с наибольшим уровнем социально-экономического неравенства³. Только в результате частичного отказа в странах Латинской Аме-

¹ CEPAL. Panorama Social... 1998. Santiago de Chile: Comisión Económica para América Latina y el Caribe, 1999; Panorama Social... 2000–2001. Santiago de Chile: Comisión Económica para América Latina y el Caribe, 2001; Panorama Social... 2002–2003. Santiago de Chile: Comisión Económica para América Latina y el Caribe, 2003. См.: *Красильщиков В. А.* Развитие России и стран Латинской Америки: факторы сходства и различия // Альманах “Восток”. 2004. № 6 (18), июнь. URL: www.situation.ru/app/j_art_448.htm (дата обращения: 15.07.2022).

² О тяжелых социальных последствиях политики неолиберализма в Латинской Америке см.: *Victims of the Chilean Miracle: Workers and Neoliberalism in the Pinochet Era, 1973–2002* / Ed. D. Winn. Durham: Duke University Press Books, 2004; *Arze T., Kruse T.* The consequences of Neoliberal Reform // NACZA Report on the Americas. 2004. November — December; *Taylor M.* Neoliberalism and social transformation in Chile. London: Pluto Press, 2006; *La trama del neoliberalismo: Mercado, crisis y exclusion social* / Ed. E. Sader, P. Gentili. Buenos Aires: Consejo Latinoamericano de Ciencias Sociales, 2005; *The Political Economy of Poverty. Equity and Growth: Costa Rica and Uruguay* / Ed. S. Rottenberg. New York: Oxford University Press, 1993; *The Chilean Economy: Policy Lessons and Challenges* / Ed. B. Bosworth, R. Dornbusch, R. Labán. Washington: The Brookings Institution, 1994; *Graham C.* Safety Nets. Politics and the Poor: Transitions to Market Economies. Washington: The Brookings Institution, 1994.

³ See: *State Violence and Genocide in Latin America: The Cold War Years* / Ed. M. Esparza, H. R. Huttenbach, D. Feierstein. New York: Routledge, 2009. P. 1.

рики от модели неолиберализма положение к концу первого десятилетия XXI века заметно улучшилось, показатели снизились до 32% бедных и 13% проживающих в нищете¹. В июне 2022 г. Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (СЕРАЛ) увеличила показатель бедности в прогнозе для региона на 2022 г., сославшись на экономические потрясения, вызванные ситуацией на Украине. По мнению СЕРАЛ, уровень бедности в Латинской Америке и Доминиканской Республике вырастет в этом году до 33% населения, что на 0,9% больше, чем в предыдущем. СЕРАЛ предупредила о значительном увеличении числа людей в ЛАКБ, неблагополучных с точки зрения продовольственной безопасности. Инфляция в ЛАКБ увеличилась более чем вдвое с конца 2020 по конец 2021 г. и составила 6,6%².

Политика неолиберализма, “свободной торговли”, могла осуществляться по трем основным сценариям: первый предусматривал развитие коммерческих связей стран региона с Европой, Японией и, конечно, США; второй — институционализацию особых отношений с США, как поступила Мексика; и третья возможность заключалась в развитии моделей субрегиональной интеграции и унификации, что попыталась осуществить Бразилия³. Однако доминирующую роль в “экспорте” политики неолиберализма играли и продолжают играть Соединенные Штаты. Каковы же результаты? Примечательно, что даже один из региональных отчетов МВФ по ситуации в Латинской Америке (обобщающий данные на конец сентября 2011 г.) констатирует: “В экономиках Южной Америки... опасности перегрева уменьшились, но не исчезли полностью... Страны с сильной зависимостью от США, такие как Мексика и большая часть Центральной Америки, имеют

¹ See: *Moreno L. A. La decada de America Latina y el Caribe. Una oportunidad real. Segunda edicion ampliada.* New York: Banco Interamericano de Desarrollo, 2011. P. 40.

² Latin America, Caribbean 2022 poverty seen higher as Ukraine war bites - UN study // Reuters. 2022. 06.06. URL: <https://www.reuters.com/world/americas/latin-america-caribbean-2022-poverty-seen-higher-ukraine-war-bites-un-study-2022-06-06> (accessed: 05.07.2022).

³ See: *Smith P. H. Talons of the Eagle: Dynamics of U. S. — Latin American Relations.* 2nd edition. New York: Oxford University Press, 2000. P. 316.

несколько более слабые перспективы”¹. Сегодня из-за режима санкций, связанных со специальной военной операцией на Украине, МВФ прогнозирует: вследствие обрыва большого количества связей с Европой ЛАКБ будет больше затронут инфляцией. Бразилия отреагировала на рост инфляции повышением процентных ставок на 975 базисных пунктов за последний год, что окажет давление на внутренний спрос. В меньшей степени это относится к Мексике. Понижение прогнозов роста для США и Китая также влияет на перспективы их торговых партнеров в ЛАКБ. Ожидается, что общий рост в регионе снизится до 2,5% в течение 2022–2023 гг.² При этом нестабильная международная ситуация делает прогнозы менее определенными.

Очевидно, неолиберальная “терапия” латиноамериканских экономик по рецептам МВФ и Всемирного банка не могла не привести к росту экономических диспропорций и социально-политической напряженности в регионе. Дать ответы на злободневные вопросы и попытались политики новой генерации, новые политические партии и движения, которые вскоре встали у власти в ряде стран (от радикалов-прагматиков³ в странах АЛБА до умеренных националистов и социал-демократов в Аргентине, Бразилии, Чили), что получило наименование “левого поворота”. Им противостояли консервативные и реакционные партии, располагающие поддержкой как местных олигархических групп, так и североамериканского капитала.

В рамках “левого поворота” было немало достижений, одно из них нельзя не подчеркнуть. В период с 2000 по 2012 г. число бедных в Латинской Америке, по данным ООН, сократилось с 42 до 25%, что является наиболее радикальным сокращением в истории

¹ Regional Economic Outlook: Western Hemisphere. Oct. 11: Shifting Winds, New Policy Challenges. Washington, DC: International Monetary Fund, 2011. P. VII.

² World economic outlook: War Sets Back the Global Recovery. 2022. April. Washington, DC: International Monetary Fund, 2022. P. 5.

³ Отвергая в теории капитализм (или по крайней мере его неолиберальную версию), радикалы прагматично подходят к оценке своих возможностей в современном мире и не форсируют программы национализации и переход к “раннесоциалистическим” моделям развития.

этого континента. Среди первых пяти стран, которые достигли наибольших успехов в войне с бедностью, — Боливия, Венесуэла, Эквадор, Бразилия — страны, в которых у власти находились левые правительства. В то время как Гватемала, Доминиканская Республика и Гондурас показали не сокращение, а рост и без того крайне высокого уровня бедности¹. Заметим, что в двух из этих стран (Гондурасе и Гватемале) находились у власти правые режимы. Попытка изменить социальное положение народа, расширить его права, предпринятая президентом М. Селайей в Гондурасе, была пресечена в ходе правого государственного переворота 2009 г. Быстрое развитие в странах “левого поворота” получили система высшего образования и медицинское обслуживание, особенно в Венесуэле и ряде других стран АЛБА, где число квалифицированных врачей выросло на порядок.

В экономике стран региона на протяжении пятнадцати лет (после великой рецессии в США, декабрь 2007 — июнь 2009 г.) нарастали кризисные явления. Одной из основных причин такого положения стало изменение ценовой конъюнктуры на мировом рынке на экспортные товары из Латинской Америки. Так, Венесуэла, Мексика, Колумбия и Эквадор, являющиеся крупными экспортерами нефти, пострадали от снижения цен на энергоносители, а Чили, Перу, Боливия, Бразилия и Аргентина — от падения цен на металлы и сельскохозяйственную продукцию. Замедление темпов экономического роста Китая, ставшего в последние годы главным торговым партнером ряда латиноамериканских стран, также оказало негативное воздействие на регион. Экономические проблемы серьезно повлияли на возможности прогрессивных правительств успешно решать социальные вопросы, они оказались не в полной мере готовы к новым неблагоприятным условиям, допустили серьезные ошибки в вопросах государственного управления, что сократило их электоральную базу.

США в условиях международной напряженности решили воспользоваться ситуацией и усилили свое политическое, экономическое и военное давление на неугодные правительства.

¹ See: Perfil de estratos sociale en América Latina: pobres, vulnerables, clases medias. New York: PMUD UNO, 2014. P. 2.

Социальная и политическая поляризация усилились в 2020–2022 гг. Резко негативную роль сыграла коронавирусная пандемия. По состоянию на 4 мая 2022 г. в регионе зарегистрировано 1,7 млн смертей от COVID-19 (27% от глобального показателя). Наибольшее количество умерших от этого заболевания и его последствий — в Бразилии, Мексике, Перу, Колумбии и Аргентине¹. В странах ЛАКБ сильно выросла безработица. Голод в регионе находится, согласно ноябрьскому (2021 г.) докладу ООН, на самом высоком уровне с 2000 г., после увеличения числа голодных в 2019–2020 гг. на 30%².

Обострение продовольственной проблемы продолжалось в 2021 г. и в первой половине 2022 г. По оценке МВФ, конфликт на Украине — еще один инфляционный шок для региона: повышение мировых цен на нефть на 10% приведет к увеличению инфляции в Бразилии, Чили, Колумбии, Мексике и Перу (ЛА5) на 0,2%, в то время как повышение мировых цен на продовольствие на 10% приведет к увеличению инфляции на 0,9%. Совокупный рост цен на нефть и продовольствие на 10% приведет к росту инфляции на 1,1%³. В условиях кризиса на Украине отмечается дальнейшее развитие отношений Китая со странами Латинской Америки⁴. По сути, в Латинской Америке сталкиваются два нарратива: первый, поддерживаемый Вашингтоном и его союзниками, говорит о воз-

¹ Latin America and the Caribbean: U.S. Policy Overview // Congressional Research Service. 04.05.2022. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11581> (accessed: 05.07.2022).

² New UN report: Hunger in Latin America and the Caribbean rose by 13.8 million people in just one year // UNICEF. 01.12.2021. URL: <https://www.unicef.org/lac/en/press-releases/new-un-report-hunger-latin-america-and-caribbean-rose-138-million-people-just-one> (accessed: 05.07.2022).

³ *Appendino M., Goldfajn I., Pienknagura S.* Latin America Hit by One Inflationary Shock On Top of Another // International Monetary Fund. 15.04.2022. URL: <https://www.imf.org/en/News/Articles/2022/04/15/cf-latin-america-hit-by-one-inflationary-shock-on-top-of-another> (accessed: 05.07.2022).

⁴ *Graceffo A.* Latin America Moves Closer to China amid Ukraine Crisis // The Epoch Times. 23.03.2022. URL: https://www.theepochtimes.com/latin-america-moves-closer-to-china-amid-ukraine-crisis_4353802.html (accessed: 05.07.2022).

возможности падения уровня жизни, росте проблемы голода в регионе из-за “агрессии России против Украины”, второй — нарратив России — о том, что объявленные Западом санкции в обход ООН ударяют по благосостоянию миллионов людей. И у первого, и у второго нарратива есть защитники и противники как на государственном уровне, так и в общественных кругах разных стран. Геополитические факторы очевидным образом играют растущую роль в экономических и политических процессах в ЛАКБ.

Вместе с тем данные Forbes показывают, что за время пандемии общее число миллиардеров в ЛАКБ увеличилось на 31 чел., а их совокупный чистый капитал — на 196 млрд долл., что примерно соответствует размеру экономики Эквадора. То есть богатства миллиардеров в ЛАКБ, по данным Forbes, выросли более чем на 40% во время пандемии COVID-19 до мая 2021 г.¹, и этот рост продолжился далее. Экономический спад, связанный с пандемией, способствовал росту массовых протестов в ЛАКБ в 2021 г.² Рост политических рисков в Латинской Америке, по данным Fitch Ratings, оказал негативное влияние на суверенные рейтинги ряда стран региона³.

Итоги выборов в ЛАКБ в 2021 г. — первых шести месяцах 2022 г. носили разновекторный характер, но в целом сопровождались дальнейшим вытеснением центристских сил в пользу более радикальных левых и правых кругов (при всей неоднородности, эклектичности и популизме соответствующих организаций). Например, в Венесуэле, Перу, Никарагуа, Гондурасе, Чили, Колумбии победу одержали левые, а в Эквадоре и Коста-Рике на пре-

¹ *López-Calva L. F.* COVID-19 and Wealth at the Top: More and Wealthier Billionaires after the Crisis in LAC // UNDP. URL: <https://www.latinamerica.undp.org/content/rblac/en/home/presscenter/director-s-graph-for-thought/covid-19-and-wealth-at-the-top--more-and-wealthier-billionaires-.html> (accessed: 05.07.2022).

² *Sullivan M. P.* Latin America and the Caribbean: U.S. Policy Overview. // Congressional Research Service. 29.04.2022. URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10460> (accessed: 05.07.2022).

³ Political Risk Puts Pressure on Some Latin American Sovereigns // Fitch Ratings. URL: <https://www.fitchratings.com/research/sovereigns/political-risk-puts-pressure-on-some-latin-american-sovereigns-29-07-2021> (accessed: 05.07.2022).

зидентских выборах победу одержали кандидаты консервативной ориентации.

США активно проводят практику внедрения своих ставленников в левое движение. Таким примером стало правительство Ленина Морено в Эквадоре (2017–2021 гг.), а сегодня в этом направлении движется новоизбранный президент Чили Габриэль Борич. Начиная с октября 2019 г., страну сотрясли массовые протесты, которые стали известны как *Estallido Social* (социальный взрыв), и кандидатура Г. Борича ознаменовала попытку чилийского правящего класса подавить социальную оппозицию с помощью “левой” демагогии¹.

В июне 2022 г. 50 тыс. горняков на медных рудниках и нефтеперерабатывающих предприятиях по всей Чили объявили забастовку, которая стала первой общенациональной забастовкой горняков в стране за 20 лет. Чили производит 10% меди в мире — важнейшего металла, необходимого для промышленного производства, — и чилийские горняки представляют влиятельную и активную часть рабочего класса страны. Бессрочная забастовка стала вкладом в растущее глобальное движение против неравенства и удорожания жизни, усугубляемых действиями США и НАТО против России.

Поводом к забастовке стало неожиданное заявление правительства президента Г. Борича, что одно из основных предприятий по переработке меди в стране недалеко от Вальпараисо, *Fundición Ventanas*, будет навсегда закрыто, а все его сотрудники уволены². Горняки были глубоко возмущены не только посягательством Г. Борича на их рабочие места, но и позицией профсоюза *FTC*, который поддержал президента на выборах 2021 г. и призвал шахтеров поддержать его правительство. Г. Борич — один из немногих глав государств Латинской Америки, занявших резко критическую позицию в отношении военной операции России

¹ *London E.* 50,000 Chilean copper miners launch strike against Boric government // World Socialist Web Site. 23.06.2022. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2022/06/24/lpov-j24.html> (accessed: 05.07.2022).

² *London E.* 50,000 Chilean copper miners launch strike against Boric government // World Socialist Web Site. 23.06.2022. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2022/06/24/lpov-j24.html> (accessed: 05.07.2022).

на Украине. Будучи избранным президентом Чили, он высказался о конфликте в своем аккаунте в Твиттере так: “Россия избрала войну как средство разрешения конфликтов. Из Чили мы осуждаем вторжение в Украину, нарушение ее суверенитета и незаконное применение силы. Наша солидарность будет с жертвами, а наши скромные усилия — с миром”¹. По настоянию Вашингтонского правительства Борича поддержало санкции против России, а сам он отправился в Лос-Анджелес на саммит стран Америки ранее в июне 2022 г., несмотря на решение администрации Дж. Байдена запретить участие Кубы, Венесуэлы и Никарагуа. Президенты Мексики и Уругвая отказались от участия в саммите из-за этого запрета².

Выборы в Латинской Америке сопровождаются активным и грубым давлением политических и государственных кругов, СМИ США на электоральные кампании. При этом продолжаются попытки обвинить Россию и Китай в поддержке “диктаторов” и вмешательстве во внутренние дела стран региона³.

Политические процессы в ЛАКБ тесно связаны с ухудшением социально-экономического положения большей части населения и имеют тенденцию к дальнейшей радикализации на фоне явно-го ослабления структур государственной власти во многих странах. Согласно ежегодному индексу политических рисков (опу-

¹ Quédijo Boric sobre la guerra entre Rusia y Ucrania y cuáles su postura // As.com. 24.02.2022. URL: https://chile.as.com/chile/2022/02/24/actualidad/1645724336_771612.html (accessed: 05.07.2022).

² *London E.* 50,000 Chilean copper miners launch strike against Boric government // World Socialist Web Site. 23.06.2022. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2022/06/24/lpov-j24.html> (accessed: 05.07.2022).

³ *Manjarres J.* The China-Russia Iron Curtain Rises in Venezuela, Latin America // The Floridian. 25.05.2021. URL: <https://floridianpress.com/2021/05/the-china-russia-iron-curtain-rises-in-venezuela-latin-america/> (accessed: 05.07.2022); *McCool J.* Chinese Threat to U.S. Continues to Grow in Latin America // The Floridian. 14.06.2021. URL: <https://floridianpress.com/2021/06/chinese-threat-to-u-s-continues-to-grow-in-latin-america/> (accessed: 05.07.2022); *Anthony J.* China’s influence in Latin America is growing due to lack of pushback by the US: experts // The Post Millennial. 15.11.2021. URL: <https://thepostmillennial.com/chinas-influence-latin-america/> (accessed: 05.07.2022).

бликован в январе 2022 г.), который составляется Международным исследовательским центром Папского католического университета Чили, кризис в области здравоохранения привел к тому, что в ряде стран ЛАКБ “возник новый авторитаризм”, и эта тенденция подтверждается. Центр предупредил, что системы государственного управления в Латинской Америке ждет еще один тяжелый год: “Уровень неопределенности, нестабильности, политического риска и поляризации остается высоким”, в то время как “популизм... и ксенофобия” продолжают оставаться активными факторами политического ландшафта. Согласно тому же индексу, в половине всех стран ЛАКБ наблюдаются признаки эрозии демократии¹. Хосе Мигель Виванко, чилийский специалист по правам человека, дает следующую оценку: “Нынешняя панорама Латинской Америки с точки зрения демократических ценностей и соблюдения верховенства закона очень ненадежна”².

Таким образом, новые прогнозы прямо или косвенно указывают на большие политические риски в ЛАКБ. Прогнозы учитывают как неблагоприятные социально-экономические факторы, так и высокий уровень политической поляризации. При этом у кандидатов на выборах преобладают не четкие программы долгосрочных социальных преобразований с учетом вызовов XXI столетия, а лево- и правопопулистские лозунги и обещания, которые сами по себе не помогут нормализации обстановки.

Сильное воздействие на политические процессы в регионе могут оказать различные сценарии развития геополитических противоречий. *Качественные переменны* с ростом таких противоречий могут потребовать коренной и быстрой переоценки прогнозов. США при всех вариантах развития ситуации (кроме разруши-

¹ *Sahd J., Zovatto D., Rojas D., Paz Fernández M.* Political Risk Latin America 2022 // Centro de Estudios Internacionales UC. URL: <http://centroestudiosinternacionales.uc.cl/publicaciones/publicaciones-ceiuc/4931-index-political-risk-latin-america-2022> (accessed: 05.07.2022).

² *Latin America faces political uncertainty as toll of pandemic felt* // La Prensa Latina. 30.05.2022. URL: <https://www.laprensa-latina.com/latin-america-faces-political-uncertainty-as-toll-of-pandemic-felt> (accessed: 05.07.2022).

тельного кризиса в самих США)¹ будут пытаться оказать определяющее воздействие на ход событий в ЛАКБ даже при сокращении его финансово-экономических возможностей. Учитывая исторический опыт применения Доктрины Монро и подписания Межамериканского договора о взаимной помощи в 1947 г. (раньше, чем оформилась НАТО), можно считать вероятным, что в случае серьезного ослабления позиций в Евразии США *любыми методами* попытаются укрепить влияние в Западном полушарии².

Латинская Америка столкнется в ближайшие годы с политическими проблемами, проистекающими из предшествующей ситуации: с популизмом, который может разрушить основы политической стабильности и привести к анархии или открытым диктатурам в недалеком будущем; с проблемами управления, включая высокий уровень коррупции, расколотые парламенты; с ослаблением системы сдержек и противовесов, способным повлечь за собой ослабление институциональной силы государства; с высокими шансами на победу на президентских выборах радикально настроенных популистов в высоко поляризованных обществах, что чревато ростом внутривнутриполитических и межгосударственных противоречий.

Рост кризисных явлений в Латинской Америке происходит на фоне изменений в соотношении сил в регионе и в мире в целом между ведущими державами современности. Китай стал крупнейшим торговым партнером Бразилии, Чили и ряда других стран Южной Америки. Россия значительно потеснила США на латиноамериканском рынке вооружений, в энергетическом секторе.

Сами страны Латинской Америки, в отличие от ситуации предшествующих столетий, не собираются играть пассивную роль *объекта* соперничества внешних сил, но в качестве равно-

¹ О возможности такого варианта развития событий см.: Пашенцев Е. Н. США: на пути к государственному перевороту и гражданской войне? // Российский совет по международным делам. 29.04.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-na-putik-gosudarstvennomu-perevorotu-i-grazhdanskoj-voyne> (дата обращения: 05.07.2022).

² Пашенцев Е. Н., Полунина О. С. Президенты под медиаприцелом: практика информационного противоборства в Латинской Америке. М. : МЦСПИК, 2014. С. 3–5.

правного субъекта международных отношений развивают свои внешние связи на многовекторной основе, включая и сотрудничество с США. Однако желание последних держать латиноамериканские страны на тесной “привязи” к интересам североамериканской элиты серьезным образом затрудняет развитие этого сотрудничества.

Медиавойны в Латинской Америке

Борьба за контроль над СМИ стала одним из основных символов и методов идеологического и политического противостояния в регионе. И это далеко не случайно. Кто наиболее эффективно использует СМИ, тот имеет важное преимущество в многоплановой, многовекторной борьбе различных политических блоков. “Не упускать из виду это новое измерение политической борьбы, то есть “медиавойны” или “медиа терроризм” — условие, необходимое, чтобы верно понять природу и тенденции многих конфликтов и споров, культурных и идеологических, что развиваются сегодня в Латинской Америке”¹, — отмечает коста-риканский исследователь Андрес Мора Рамирес.

В целом ведущие СМИ США и коммерческие СМИ Латинской Америки (отметим, что не все), критикуя левые и левоцентристские правительства, подвергают системной критике основное содержание и направление проводимых ими преобразований, в то время как в оценке неолиберальных режимов акцент делается на частностях, хоть и существенных. Вот эти частности и мож-

¹ *Ramírez A. M.* La guerra mediática en América Latina // Con Nuestra América. 15.08.2009. URL: connuestraamerica.blog-spot.com/2009/08/la-guerra-mediatica-en-america-latina.html (accessed: 25.06.2022). Феномену медиавойн посвящен целый ряд монографий, вышедших за последние годы в США, Великобритании, Италии, Венесуэле и других странах: *Greenwald R.* Outfoxed. La guerra mediatica di Rupert Murdoch. Firenze: Casini, 2007; *Hammond Ph.* Media, War and Postmodernity. Abington: Routledge, 2007; *Schechter D.* Media Wars: News at a Time of Terror. Lanham: Rowman and Littlefield Publishers, 2003; *Osgood K., Frank A. K., Halberstam D.* Selling War in a Media Age: The Presidency and Public Opinion in the American Century. Gainesville: University Press of Florida, 2010; *Jones M. D., Flaxman L.* Mind Wars: A History of Mind Control, Surveillance and Social Engineering by the Government, Media, and Secret Societies. Pompton Place, NJ: Career Press, 2015 и др.

но критиковать “громко”, в тени — беззубая критика существующей социально-политической системы и полное забвение вопросов социальных преобразований, без которых бедность, коррупция, торговля наркотиками и высокий уровень преступности, недоступность качественного образования для большинства населения, низкий уровень научных ассигнований, общая экономическая отсталость латиноамериканских стран не уйдут в прошлое.

Однако ответ на естественный вопрос, кто по ту или другую сторону информационного фронта, далеко не прост. В общественном сознании Латинской Америки достаточно широко распространен стереотип, что честные и мужественные журналисты, расследующие факты коррупции, бюрократизма наталкиваются на враждебность, нежелание сотрудничать, а то и угрозы, преследования со стороны властей. И это часто случается во всех латиноамериканских странах, вне зависимости от того, какой из политических блоков находится у власти. Замена аппарата управления в странах левоцентристской ориентации еще только в развитии, большая часть служащих осталась по наследству от коррумпированных режимов прошлого, новые кадры не подготовишь быстро.

Следует учитывать и следующее. На стороне правительств-реформаторов есть и лидеры, действительно желающие прогрессивных перемен и поддерживающие их организации и группы, но немало и тех, кто лишь имитирует реформы, превратил их в средство личной наживы (использование ответственных постов в госаппарате для финансирования собственного бизнеса, прямое хищение общественных средств — распространенное явление). При этом лидеры правительств разной ориентации, если сами не наживаются на сомнительных сделках, то в ограниченной мере опираются на тех, кто такие сделки совершает, поскольку государственных менеджеров, способных сделать что-то хорошо без особых “бонусов”, явно не хватает.

Нельзя не учитывать и то, что страны Латинской Америки последние два столетия формировались под зонтиком неокOLONиальной политики западных держав, многие проблемы, включая коррупцию “верхов”, негласно вполне устраивали деловые круги США, Великобритании и Испании. До прихода к власти реформаторов диплом о высшем образовании или докторской степени от

лучших учебных заведений Запада почему-то не мешал распространенной системе коррупции, когда транснациональные бренды уплачивали государственной казне 1% своих прибылей и умеренно “доплачивали” прекрасно говорящим по-английски “своим” людям на государственных постах различных уровней.

Вот эту систему государственного “кормления” очень робко и непоследовательно на деле (гораздо смелее в обличительных речах) осмелились затронуть лидеры прогрессивных правительств Латинской Америки. Ослабить иностранную зависимость или хотя бы модернизировать ее с учетом интересов более широких слоев местного населения, не экспроприировать, а потеснить на Олимпе реальной власти олигархические кланы — вот чего хотели реформаторы. Ответ последовал незамедлительно, и СМИ закономерно оказались на переднем плане борьбы, а владельцы крупных медиахолдингов (Cisneros — в Венесуэле, Clarin — в Аргентине, Globo — в Бразилии и др.), поскольку были неразрывно связаны с олигархией и на волне медийного бума 1990-х гг. стали ее весомой частью и в финансовом плане, также не остались в стороне от политической борьбы. Они часто выступали в авангарде политического противостояния. Именно в этот период обогатившиеся медиахолдинги смогли дистанцироваться от государства и способствовать обнародованию беспрецедентно компрометирующих свидетельств государственной аморальности. В то же время они чрезвычайно активно пропагандировали ценности потребительской культуры.

“В 2004 г. исследование, проведенное ООН, выявило, что 65% латиноамериканских политических лидеров считали СМИ реальной политической силой в регионе, гораздо более влиятельной, чем правительство, конгресс, суды и посольство США”, — отмечает И. Бриске¹. Всё верно, главные наука и искусство современной неокOLONIALной политики — в том, чтобы сделать иностранное господство по возможности невидимым для населения, но от этого не менее реальным. И СМИ в этой игре — один из главных инструментов управления общественным сознанием.

¹ *Briscoe I.* The writing on the wall: media wars in Latin America // Open Democracy. 12.10.2009. URL: www.opendemocracy.net/article/the-writing-on-the-wall-media-wars-in-latin-america (accessed: 06.07.2022).

Почему, однако, некоторые холдинги, такие как группа компаний Cisneros в Венесуэле, оказывали поддержку даже такому радикалу, как У. Чавес? Почему конфронтация новой власти и СМИ в Венесуэле вспыхнула не сразу? Медийные группы резко усилились экономически в 1990-е гг., но это еще не отражалось в полной мере в сфере политической. Традиционные партии явно шли к краху, а старые олигархические кланы располагали в их руководстве гораздо большим влиянием. Казалось перспективным привести к власти молодого харизматика, который успокоит народ, а зависеть будет от поддержки медийного магната — «покровителя». Радикализм первых заявлений, умеренные удары по некоторым традиционным секторам олигархии — вполне возможно, это укладывалось в рамки предварительных договоренностей. Но когда У. Чавес начал проявлять «излишнюю» самостоятельность (добавим возможное давление на медиахолдинг со стороны, поскольку его доходная испаноязычная аудитория находилась и в США¹), сотрудничество расстроилось, затем был достигнут новый компромисс. В результате Густаво Сиснерос² свой канал Venevisión переориентировал на программы развлекательного характера и бейсбол. Но этот компромисс с правительством чавистов заставил Г. Сиснероса расстаться с большей частью своих активов в США.

Бывший президент Аргентины Нестор Киришнер поощрял амбиции группы компаний Clarin по доминированию в сфере кабель-

¹ Один из ценных активов группы Cisneros — Univision Communications Inc. — ведущая испаноязычная медийная компания в США. Ее активы включают: Univision Network, наиболее популярную испаноязычную сеть в США, вещающую на 98% испаноязычных семей в США; TeleFutura Network, испаноязычную телесеть, ориентированную на самую широкую аудиторию, начавшую свою работу в 2002 г. и сегодня охватывающую 79% испаноязычных семей США, и другие структуры.

² Миллиардер Густаво Сиснерос (New York Times в 2010 г. назвала его «одной из самых могущественных фигур в Латинской Америке») имел дружеские отношения с Бушем-старшим. Они вместе играли в гольф, и в 2001 г. бывший президент США проводил отпуск в гостях у Сиснероса в Венесуэле. Оба стремились к приватизации государственной нефтяной компании Венесуэлы PDVSA. Отто Райх, в прошлом помощник госсекретаря США по внутриамериканским делам, признавал, что обсуждал этот вопрос с Сиснеросом.

ного телевидения. Именно Clarín Group является крупнейшим медиаконгломератом в Аргентине, которому принадлежит соответствующая газета, а также две радиостанции (Mitre и FM100), два телеканала (Multicanal и Canal 13), газета Olé, доля в новостном агентстве DYN, издательский дом Aguilar и целлюлозная компания. Но уже у Кристины Фернандес де Киршнер отношения с Clarín Group превратились, по образному выражению журналистов, в “смертельную войну”¹.

Трудно проследить все конкретные аспекты взаимоотношений прогрессивных правительств и крупнейших медиахолдингов, но необходимо отметить, что они не сразу и не постоянно носили характер непримиримого противостояния.

Но в целом преобладающая часть крупной частной прессы заняла враждебные курсу реформаторов позиции, как, например, издания группы ежедневных газет Америки (Grupo Diarios de America): La Nación (Аргентина), O Globo (Бразилия), El Mercurio (Чили), El Tiempo (Колумбия), La Nación (Коста-Рика), El Comercio (Эквадор), El Universal (Мексика), El Comercio (Перу), El NuevoDía (Пуэрто-Рико), El País (Уругвай) и El Nacional (Венесуэла)².

За враждебностью частных СМИ крылась очевидная неприязнь большей части местной олигархии к новым режимам и проводимой ими политике. По словам бывшего директора-распорядителя Международного валютного фонда Мишеля Камдесю, 9 апреля 2007 г. президент Р. Корреа сказал, что он поддерживает “жесткие и серьезные” законодательные реформы по регулированию деятельности прессы и предотвращению “кровосмесительных” отношений между СМИ и финансовым капиталом. Своим высказыванием г-н Камдесю косвенно подтвердил всем известную истину о том, что “кровосмесительные” отношения между финансовым сектором, СМИ и коррумпированными чиновниками действительно существуют. Президент Р. Корреа добавил,

¹ Piets C. Daggers drawn in Argentine media fight // BBC News. 19.09.2009. URL: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/americas/8261278.stm> (accessed: 06.07.2022).

² См. о составе и деятельности группы подробнее: Grupo de Diarios de América. URL: www.gda.com/Quienes_Somos/index.php (accessed: 06.07.2022).

что его правительство будет уважать свободу прессы, но не позволит исказить или манипулировать информацией.

Подводя некоторые итоги анализу современного феномена медиавойн в Латинской Америке с правительствами левой или левоцентристской ориентации, можно заключить: войну начали не “честные и мужественные” журналисты — большая часть из них ушла, разобравшись в ситуации, в проправительственную прессу или быстро растущий сектор общественных СМИ, а часть осталась в частных СМИ, занявших конструктивно-критическую позицию по отношению к прогрессивным правительствам.

Можно сделать вывод, что там, где и поскольку меры по ограничению (или ликвидации) позиций частных медиахолдингов, выражающих интересы олигархических групп или внешних антинациональных сил, не сопровождаются экономическими и социальными преобразованиями, устремленными в XXI век, соответствующей демократизацией общественной жизни, развитием инициативы “снизу”, в том числе и в СМИ, путем развития сектора общественного телевидения и радиовещания, наступление на частные медиахолдинги неминуемо обернется бюрократическим перерождением реформаторов, вырождением процесса реформ, что уже отчасти и произошло в ряде стран Латинской Америки и явилось одной из причин поражения левоцентристов в Аргентине и Бразилии.

В сфере СМИ необходима прозрачная государственная финансовая поддержка общественному вещанию, но без закулисного контроля со стороны высокопоставленных чиновников с целью сокрытия серьезных изъянов, просчетов в любой, даже самой прогрессивной из программ преобразований и конкретном механизме ее реализации; ошибок и просчетов ее руководителей, включая самых высших государственных лиц, — там, где они остаются вне критики, реакция рано или поздно, но неизбежно возьмет свое.

Разумеется, относительной свободой в медийной сфере могут воспользоваться представители олигархических кругов, но и учиться противостоять им в рамках демократического поля в публичной сфере, осваивая технологии коммуникационного менеджмента, должны руководители самых разных уровней. С другой стороны, развитие программ по медиаграмотности (с учетом бога-

того, хотя и явно недостаточного международного опыта) должно помочь разобратся населению в содержательной стороне СМИ, эффективнее использовать их колоссальный положительный потенциал и вместе с тем научить людей фиксировать процесс манипулирования их сознанием посредством коммуникаций, который по всему миру носит постоянный характер.

Политические силы, выступающие за социалистические преобразования, ликвидацию олигархических групп и капиталистического строя в целом, как объективной базы развития этих групп, тем более должны учитывать исторический опыт бюрократического перерождения СССР и превращения СМИ в инструмент манипулирования массами в интересах партийно-бюрократической элиты. Чем это закончилось — хорошо известно. Опыт Венесуэлы, Никарагуа, Эквадора и ряда других стран дает примеры такого критического подхода, хотя масштабы предстоящей работы в сфере развития общественных коммуникаций намного превышают имеющиеся достижения.

Медиавойны в Латинской Америке отражают прежде всего объективное противостояние различных политических блоков в регионе при непосредственном вмешательстве в него внешних сил, главным образом США¹. Медиавойны — результат и самостоятельный фактор развития такого противостояния. Вместе с тем медиавойны — это и частное проявление информационно-психологического противоборства на континенте, инструмент латентного воздействия и управления социально-политическими процессами, где США, несмотря на несравненно бóльшие ресурсы, чем совокупные ресурсы латиноамериканских стран, а также поддержку региональных союзников, не раз терпели в этом столетии ощутимые поражения — в частности, из-за успешного применения стратегии асимметричного ответа латиноамериканскими правительствами в сфере управления коммуникаци-

¹ См. подробнее на эту тему: *Пашенцев Е. Н.* Стратегическая коммуникация США в Латинской Америке // Государственное управление. Электронный вестник. 2013. № 38. С. 83–120. URL: http://e-journal.spa.msu.ru/uploads/vestnik/2013/vipusk__38._ijun_2013_g._/kommunikazionnii_menedjment_i_strategitcheskaja_kommunikazija_v_gosudarstvennom_upravlenii/pashentsev.pdf (дата обращения: 08.07.2022).

ями, разнообразных форм открытого диалога с населением, опоры на быстрое развитие некоммерческого телевидения, разрешения конфликтов со значительной частью частных коммерческих коммуникационно-информационных групп, создания Telesur и других оптимальных решений. Но прежде всего Вашингтон понес большие потери из-за своего недалековидного курса, что принимается сегодня за действительную первооснову проблем в регионе даже значительной частью правящих кругов США.

Важная роль в реализации конкретных моделей общественного развития принадлежит СМИ. Фактор медиавойн на обозримый период не исчезнет из политической действительности. Наоборот, медиавойны станут еще более важным инструментом достижения политических целей. В этом хорошо отдают себе отчет полярные силы, активно осваивающие и развивающие механизм информационно-психологического противоборства в латиноамериканском регионе.

Некоторые направления и уроки информационно-психологического противоборства в Латинской Америке

Возможности настоящей главы не позволяют проанализировать все основные черты (не говоря уже о второстепенных) информационно-психологического противоборства в Латинской Америке. Поэтому мы остановимся лишь на некоторых особенностях и уроках такого противоборства в регионе.

Информационно-психологическое противоборство в Латинской Америке носит многоуровневый характер. В регионе наблюдаются:

1) столкновение ценностей, интересов, целей различных политических сил на национальном уровне;

2) трения, напряженность в отношениях между различными латиноамериканскими странами разной политической ориентации (например, между Колумбией и Венесуэлой, Никарагуа и Коста-Рикой и др.);

3) конфликт интересов между Россией, Китаем, США и их союзниками по НАТО и ЕС (в целом лишь отчасти связанный с событиями в самой Латинской Америке);

4) растущее соперничество ТНК и ТНБ в условиях растущей международной конкуренции, сокращения международной торговли, нестабильности на мировых сырьевых и финансовых рынках. Транснациональная олигархия аккумулирует всё больше ресурсов в своих руках, что провоцирует социальное напряжение во всех регионах, в том числе и в Латинской Америке.

Данный многоуровневый характер противостояния предполагает учет асимметрии экономических, военно-политических и информационных потенциалов внутринациональных акторов, латиноамериканских государств и межгосударственных объединений, различных внешних сил (государственных и негосударственных образований).

Многоуровневому характеру противостояния соответствует и многоуровневая система информационно-психологического противоборства на всех стадиях его развития. Разные потенциалы ведения информационно-психологического противоборства, далеко не всегда совпадающие цели и задачи, различающиеся подходы к осуществлению такого рода деятельности и степень вовлеченности в конфликт порождают сложные вопросы координации действий союзников и стремление использовать аналогичные проблемы для дезорганизации активности противника.

В президентских республиках Латинской Америки, естественно, велика роль глав государств в формировании внутри- и внешнеполитического курса. Президенты и возглавляемые ими правительства, вступая в зону интересов местных олигархических кланов и традиционных интересов американских ТНК, неизбежно попадали в эпицентр информационного противоборства. Тем более что президенты левопатриотической ориентации часто отличаются высокой степенью личной харизмы, от них во многом зависит характер и динамика принимаемых правительствами решений, и закономерно, что личная атака на них в информационной сфере стала составной частью борьбы против прогрессивных перемен.

В условиях Латинской Америки медиавойны, имея объективную основу в социально-экономических и политических противоречиях в регионе, в то же время являются частным проявлением информационно-психологического противоборства в рамках противостояния прогрессивных правительств стратегической комму-

никации США. Последняя направлена на ослабление этих правительств и последующее отстранение от власти путем долгосрочной “синхронизации дел” (всего комплекса действий США в политической, экономической, военной, научно-культурной сферах), а также методов и форм их информационно-коммуникационной поддержки.

Активное использование в ходе информационно-психологических операций в регионе новых информационных технологий стало объективной реальностью. США имеют большой потенциал в этой сфере. В частности, в разведывательном сообществе этой страны сделан правомерный акцент на развитие “упреждающей разведки” (anticipatory intelligence). Согласно Национальной стратегии разведки Соединенных Штатов Америки, представленной в сентябре 2014 г. Управлением Директора Национальной разведки США, “упреждающая разведка — продукт сбора разведанных и их анализа, сконцентрированного на тенденциях, событиях и изменяющихся условиях с целью идентифицировать и характеризовать потенциальные или неизбежные скачки (в развитии. — *Е. П.*), значительные события, существенные возможности или угрозы американским национальным интересам”¹. Большие возможности на этом направлении дает использование больших данных (Big Data).

Приведем лишь один пример использования упреждающей разведки в военных и гражданских целях применительно к странам Латинской Америки. IARPA² в 2011 г. была начата разработка Программы индикаторов из открытых источников (Open Source Indicators Program — OSI Program). Цель Программы OSI состояла в том, чтобы развить методы для непрерывного автоматизированного анализа публично доступных данных и верно предсказать и (или) обнаружить существенные социальные события. Программа была нацелена на развитие методов использования ранних индикаторов событий на основе информации, поступающей из

¹ The National Intelligence Strategy of the United States of America. Langley: Office of the Director of National Intelligence, 2014. P. 7.

² Агентство передовых исследований в сфере разведки (Intelligence Advanced Research Projects Activity, IARPA) находится в распоряжении Директора Национальной разведки США.

многочисленных публичных баз данных самого разного типа о положении в 21 стране Латинской Америки¹.

Модель раннего опознания событий на основе использования суррогатов (EMBERS — Early Model Based Event Recognition using Surrogates — “Тлеющие угольки”), созданная на основе этой программы, была введена в эксплуатацию в ноябре 2012 г. и предоставляет приблизительно 50 предсказаний каждый день для стран Латинской Америки. Предсказания относятся к событиям, которые отстоят от настоящего на 30 дней вперед.

Эти исследования, судя по открытым источникам, уже дали отличные результаты в области предсказания событий, в частности волнений в Бразилии в июне 2013 г. и Венесуэле в феврале 2014 г.²

Авторы программы оправданно обращают внимание, что многочисленные научные дисциплины, государственные ведомства и отрасли экономики могут извлечь непосредственную выгоду из предсказания общественных беспорядков, используя современные методы обработки больших данных. Для социолога “Тлеющие угольки” помогают объяснить, как люди находят пути для самовыражения с помощью современных средств коммуникации. Путешественнику “Тлеющие угольки” могут помочь избежать горячих точек и мест потенциальной угрозы. Для правительства “Тлеющие угольки” помогают определить основные причины недовольства граждан, которые ведут к социальному протесту, и т. д.³

Если отвлечься от официально провозглашенных заявленных целей программы, нельзя не заметить и возможностей использования ее в военных целях. И речь идет не только о традиционной ценности верного прогноза в политике и военном деле. Речь идет о прямой коррекции событий будущего из настоящего.

¹ See: Open Source Indicators (OSI) Program. IARPA Broad Agency Announcement IARPA-BAA-11-11. Washington, DC: Office of Incisive Analysis, August 23, 2011. Программа охватила следующие страны Латинской Америки: Аргентину, Белиз, Боливию, Бразилию, Чили, Колумбию, Коста-Рику, Эквадор, Венесуэлу, Перу, Мексику и др.

² See: Forecasting Significant Societal Events Using the EMBERS Streaming Predictive Analytics System // Big Data. 2014. December. P. 185–195.

³ Ibid.

К сожалению, такая возможность проистекает из практики частого вмешательства США во внутренние дела латиноамериканских стран, с использованием, в частности, и сил специального назначения.

Командующий Управлением специальных операций США (United States Special Operations Command, USSOCOM адмирал Эрик Т. Олсон определял в 2010 г. нетрадиционные военные действия (unconventional warfare, НВД) как операции для оказания помощи движениям сопротивления или мятежникам с целью принудить, разрушить или сбросить правительство либо оккупационную силу с помощью действий подполья, иностранных наемников или партизанских сил на территории противника¹. Подходы США к НВД базируются на использовании политической, военной, экономической и психологической уязвимости противника путем формирования оппозиционной силы сопротивления в целях достижения стратегических целей США².

На примере Венесуэлы легко увидеть применение этих методов против правительства суверенной страны. Президент США Барак Обама 9 марта 2015 г. подписал указ, вводящий чрезвычайное положение по отношению к Венесуэле, так как ситуация в этой стране якобы представляла “необыкновенную и чрезвычайную угрозу для национальной безопасности и внешней политики США”. Несколько ранее, 11 февраля 2015 г. была раскрыта очередная попытка государственного переворота в Венесуэле с вовлечением в заговор группы действующих и отставных офицеров, стало известно о планировавшейся бомбардировке стратегических объектов с последующим их захватом — в том числе гражданских объектов: зданий правительства, парламента и Верховного Суда, а также офисов основных средств массовой информации. Заговорщики назвали свой план операцией “Иерихон”. За беспорядками в различных городах Венесуэлы, прошедших в феврале, так же как и в случае с путчистами, стояли хорошо известные внешние силы. В этом контексте EMBERS может стать эффективным средством коррекции подрывных действий в будущем из настоящего,

¹ See: Special Forces Unconventional Warfare. Washington, DC: Headquarters Department of the Army, 30 November 2010. P. 1-1.

² Ibid.

что, конечно, не делает программу бесполезной для решения действительно нужных обществу задач.

Политические боты очень активно используются в Латинской Америке, включая как обычную практику политической борьбы, так и информационно-психологические операции с использованием искусственного интеллекта. Это явление становится все более распространенным в ходе конфликтов, поскольку противники пытаются контролировать повестку дня на новом поле битвы — в интернете и социальных сетях. В ноябре 2019 г., в разгар подерживаемого США переворота против президента Эво Моралеса, тысячи созданных незадолго до выборов ботов распространили испаноязычный хэштег #BoliviaNoHayGolpe, что означает “в Боливии нет государственного переворота”, пытаясь узаконить свержение демократически избранного президента. В Венесуэле местная оппозиция, поддерживаемая США, также пыталась повысить свою популярность и охват аудитории за счет манипуляций в Twitter. В Мексике было выявлено использование ботов в 2014 г. для блокировки критики в адрес правительства консервативного президента Энрике Пенья Ньето, находящегося у власти с 2012 г.¹

Группа исследователей, работающих в США, проанализировала использование ботов в политической жизни Венесуэлы. Специалисты изучили 11 платформ в стране и обнаружили, что примерно 38% ретвитов были созданы веб-браузерами, а 62% — приложениями для мобильных телефонов. Большая часть ретвитов контента политиков была сделана приложениями для мобильных телефонов, такими как Twitter для Android, Twitter для Blackberry или Twitter для iPhone. При этом в стране один из самых высоких показателей распространения мобильных телефонов в Латинской Америке. В Венесуэле также использовались для ретвитов платформы ботов, такие как Botize или MasterFollow. Это сервисы, которые сами определяют другие (популярные и бесплатные) сервисы, способные выполнять те или иные действия автоматически. Многие из ботов, замаскированных под официальных политиче-

¹ Godoy E. Automated Digital Tools Threaten Political Campaigns in Latin America // Inter Press Service. 13.02.2018. URL: <http://www.ipsnews.net/2018/02/automated-digital-tools-threaten-political-campaigns-latin-america> (accessed: 05.07.2022).

ских кандидатов, используются в поддержку более радикальной оппозиционной партии “Народная воля”, а не доминирующей Единой социалистической партии Венесуэлы (ЕСПВ) или более массового оппозиционного “Круглого стола демократического единства”. В других странах наиболее активно ботов использует правящая партия, но в Венесуэле все наоборот: общая активность ботов в поддержку ЕСПВ и “Народной воли” относительно низкая по сравнению с ботами, действующими в пользу коалиции оппозиционных партий “Круглый стол демократического единства” во главе с Энрике Каприлесом, кандидатом, который составил Николасу Мадуро серьезную конкуренцию благодаря финансовым вложениям в кампанию на выборах 2013 г.¹ Деятельность ботов радикальной оппозиции подчинена задаче социально-политической и экономической дестабилизации Венесуэлы и очень часто производит призывы к насилию².

Было бы преждевременно связывать всю активность политических ботов со злонамеренным использованием искусственного интеллекта. Это достаточно ясно следует из исследования доктора Сэмюэля Вулли, который руководил исследовательской группой в сфере компьютерной пропаганды в оксфордском Институте Интернета, изучая, использовались ли боты Twitter (и как) во время кампании в поддержку брекзита.

Коллектив С. Вулли обнаружил, что среди многих политических ботов, использовавшихся для распространения сообщений в данной кампании, подавляющее большинство автоматических учетных записей были очень простыми, созданными для ретвита контента или создания информационного шума, а не для поддержания беседы — в них не использовался ИИ. Лаборатория цифровой разведки в Институте будущего провела исследование применения политических ботов во время событий в таких странах,

¹ *Forelle M., Howard P., Monroy-Hernandez A., Savage S. Political Bots and the Manipulation of Public Opinion in Venezuela // SSRN Electronic Journal. 2015. doi: 10.2139/ssrn.2635800. P. 4.*

² *Oposición venezolana utiliza sistemas automatizados para manipular Twitter. In: Cuba Periodistas. 21.06.2017. URL: <https://www.cubaperiodistas.cu/index.php/2017/06/oposicion-venezolana-utiliza-sistemas-automatizados-para-manipular-twitter-investigacion> (accessed: 05.07.2022)*

как Турция, Венесуэла и Эквадор, и обнаружила ботов, запрограммированных на систематическое преследование в Сети журналистов и лидеров гражданского общества. Автоматизированные учетные записи в социальных сетях обрушивали на своих жертв каскады повторяющихся сообщений на “языке вражды”. Пропагандисты могут искажать правду, используя очень примитивных ботов, чтобы подчинить алгоритмы, определяющие тренды в социальных сетях¹. Однако в ближайшем будущем следует ожидать более сложных приемов, связанных как с продвижением “умных” (оснащенных ИИ) ботов, так и с их интеграцией в сложные системы управления массовым сознанием с возможным участием ИИ.

Эффективная война на информационном фронте — это, параллельно с деструкцией общественного сознания противника, защита и поступательное развитие общественного сознания своей стороны, иначе никакая прочная победа невозможна. Реакционный режим на такое не способен в принципе. Его временные победы над противником закрепляют духовное порабощение своего же народа, а это ослабляет в конечном счете сам режим и ведет его к краху. Наоборот, прогрессивный режим, побеждая реакционный в информационно-психологической сфере, не только защищает себя, разрушает общественное сознание страны-противника, построенное на ложных постулатах (например, “арийском” превосходстве германской нации над другими народами в нацистской Германии), но и создает предпосылки для возрождения общественного сознания бывшего противника на прогрессивной основе.

США как наиболее мощная держава современного мира демонстрирует разительную неспособность в ходе “гуманитарных интервенций” и “цветных революций” к обновлению общественного сознания как других наций, так и своей собственной страны. *Сознательный долговременный курс на деструкцию других наций не может обернуться деструкцией общественного сознания страны, проводящей подобный курс.* Вместе с тем мы выводим подобную деструкцию не из каких-то имманентных свойств американской нации, а из объективной глобальной роли и кризиса государственно-монополистического капитализма США.

¹ Woolley S. The Reality Game: How the Next Wave of Technology Will Break the Truth. New York: Public Affairs, 2020.

Соответственно, кризис стратегической коммуникации США — это кризис прежде всего *государственных дел*, а *качественная* слабость слов и образов, им сопутствующих, носит вторичный характер, что показывает, в частности, и опыт стран Латинской Америки.

Заключение

Можно сделать прогноз, что Латинскую Америку ждут серьезные испытания, вытекающие как из региональных особенностей капитализма, низкой дееспособности правящих элит, так и из растущих глобальных противоречий, что закономерно предполагает активизацию многоуровневого информационно-психологического противоборства в регионе.

Латиноамериканским странам из-за растущих угроз в сфере общественной безопасности предстоит большая работа по созданию эффективного механизма информационно-психологического противоборства как неотъемлемого инструмента укрепления своей национальной независимости и защиты прогрессивного пути развития. Такая система в силу объективно ограниченных возможностей отдельных государств и даже их объединений должна быть способна дать асимметричный и эффективный ответ на все попытки дестабилизации общественного сознания в корыстных целях. Овладение международным опытом в этой сфере должно идти рука об руку с новаторскими решениями, опирающимися на глубокое понимание исторических корней и особенностей современного менталитета латиноамериканских наций.

Глава 16. МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ГЕНОМНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. А. Данельян

Геномные исследования считаются одной из самых динамично развивающихся научно-технологических отраслей последних десятилетий. Согласно отчёту Market Data Forecast¹, прогнозируется рост размера мирового рынка геномных исследований к 2025 г. до 26,4 млрд долл. США. Учитывая скорость и масштабы развития рынка геномных исследований, а также ежегодное создание новых генетических технологий и внедрение их на практике, возникает справедливый вопрос о безопасности проведения исследований в сфере генома (набора всех генов) человека.

Актуальность рассматриваемого вопроса предопределена следующими факторами. В настоящее время во всём мире активно реализуются проекты, направленные на сбор, исследование, хранение и передачу генетической информации человека, а также последующее применение приобретенных данных в повседневной жизни. Так, технологии, связанные с разработками в области генома человека, повсеместно внедряются в такие сферы, как медицина и фармацевтика, промышленная биотехнология и сельское хозяйство, судебная экспертиза и криминалистическая деятельность. Совершенствование данных технологий требует поиска новых способов и методов обеспечения безопасности, как отдельного индивида, так и общества в целом. Таким образом, возникает потребность в осознании мировым сообществом проблем, связанных с необходимостью защиты конституционных и гражданских прав человека, которые могут возникнуть в результате проведения научных исследований и их последующего прикладного использования.

¹ Global Genome Engineering Market Size, Share, Trends and Growth Analysis Report — Segmented by Technology, Application, End User and Region — Industry Forecast 2021 to 2026. URL: <https://www.marketdataforecast.com/market-reports/genome-engineering-market> (дата обращения: 02.06.2022).

Проведение геномных исследований порождает не только правовые, но и социальные, этические, моральные проблемы. Неоспоримые преимущества рассматриваемых исследований зачастую сопряжены с потенциальными рисками для здоровья человека и общества, окружающей среды и экологии. Быстрота прогресса разработок геномных исследований, в том числе редактирование человеческого генома, не только обеспокоило международное сообщество, но и заставило ряд выдающихся учёных этой области, таких как Д. Балтимор, П. Берг, Д. Дудна и др., приостановить свои исследования и обратиться к другим учёным с подобной просьбой до выработки комплекса правовых, этических и технических норм в рассматриваемой сфере.

Учитывая скорость развития и расширение масштабов генетических и геномных разработок, предмет правового регулирования указанной сферы подвержен постоянным трансформациям¹. Так, ежегодно не только появляются новые тенденции в исследованиях генома человека, но и расширяются границы правового регулирования, а значит, возникает необходимость в юридическом исследовании и последующем формировании особой регуляторной среды².

Сегодня актуализировались биоэтические аспекты и моральные дилеммы генетического скрининга: защита конфиденциальности данных или раскрытие информации для биобезопасности; личный выбор или принуждение членов общества; добровольность или обязательность скрининга; дискриминация и стигматизация по генетическим признакам. Необходима разработка эффективных этических и правовых способов разрешения проблем, возникающих в связи с внедрением в клинику технологий персонализированной медицины, основанной на генетических данных. Здесь важно соблюсти биоэтический принцип справедливости

¹ *Travieso J. A., Ferraro A. V., Trikoz E., Gulyaeva E.* Bioethical aspects of the institution of human rights in Latin America // *Racionalidad, Derecho Y Ciudadanía [livro eletrônico] / Organizacao Ricardo Mauricio Freire Soares...* [et al.]. Salvador, BA : Direito Levado a Serio, 2021. P. 89–101.

² *Ястребова А. Ю., Гуляева Е. Е.* Право на здоровье в системе международно-правовой защиты прав человека на универсальном и региональном уровне // *Московский журнал международного права.* 2021. № 2. С. 99–121.

в сочетании с классическим принципом “не навреди” лишним знанием о своем геноме¹. При этом информация, полученная на основе генетических данных, не должна использоваться в целях нанесения ущерба или дискриминации личности, семьи или группы как в клинической, так и в неклинической сферах, включая занятость, страхование, доступ к социальной интеграции и возможности роста общего благосостояния².

Биологические и медицинские исследования, разработки в области биотехнологий привели к впечатляющим достижениям в области здравоохранения. Однако эти достижения поднимают этические вопросы, которые влияют на защиту прав и достоинства человека в области генетики, трансплантологии органов, тканей и эмбрионов человека, создание национальных и персонифицированных биобанков, использование современных технологий при создании баз данных о здоровье и др. В этом контексте развивается не только позитивное правовое регулирование, но и актуализируются общественные дискуссии о так называемой генетической ответственности.

На сегодняшний день международно-правовое регулирование геномных исследований осуществляется преимущественно на основе актов международного мягкого права (*soft law*), что связано со спецификой предмета рассматриваемой области. К концепции мягкого права относятся предписания публично-властных институтов, которые не являются юридически обязательными, но выступают социальными регуляторами. Мягкое право играет важную роль, поскольку зачастую не только задает направление правового дискурса, но и выступает основой для формирования жестких норм (*hard law*).

На универсальном уровне до настоящего времени не был выработан централизованный единообразный подход для регулирования данной сферы. Учреждение специализированных комите-

¹ *Furrow B., Greaney T., Johnson S., Jost, T., Schwartz R.* Bioethics: Health Care Law and Ethics (American Casebook Series). West Academic Publishing, 2013.

² Европейская Комиссия. Независимая экспертная группа. 25 рекомендаций по этике, юридическим и социальным последствиям генетического тестирования. Люксембург: Отдел официальных публикаций Европейского сообщества, 2004. 26 с.

тов, разрабатывающих международные стандарты по контролю за геномными исследованиями, а также подготовка документов, регулирующих безопасность проведения данных исследований, на универсальном уровне осуществляются в рамках таких международных организаций, как Организация Объединённых Наций (ООН), Организация Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединённых Наций (ФАО), Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), Всемирная торговая организация (ВТО), Всемирная медицинская ассоциация (ВМА) и некоторые другие.

В документах ООН и, в частности, ВОЗ определяют генетические данные как конфиденциальную персональную информацию особого социально-психологического и медицинского характера, имеющую важное значение не только для самого пациента, но и для широкого круга его родственников¹.

Базовые принципы регулирования исследований в сфере генома человека заложены универсальными международными документами, которые обеспечивают защиту прав человека, например, такими как Всеобщая декларация прав человека 1948 г., Международная конвенция ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г., Международный пакт ООН об экономических, социальных и культурных правах и о гражданских и политических правах 1966 г., Конвенция ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., Конвенция ООН о правах ребенка 1989 г.²

Первым международным документом, регулирующим этическую сторону вопроса проведения исследований над человеком (в том числе исследований в таких сферах, как генетика и медицина), стал Нюрнбергский кодекс 1947 г., обладающий рекомендательным характером. Данный кодекс, принятый по завер-

¹ См.: Review of Ethical Issues in Medical Genetics: Report of Consultants to World Health Organization professors Wertz D. C., Fletcher J. C., Berg K. WHO/HGN/ETH/00.4. 2003.

² Дубов А. Б., Дьяков А. Г. Безопасность геномной информации: правовые аспекты международного и национального регулирования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 4. С. 129.

шению Нюрнбергского процесса¹, считается первым сводом правил, в рамках которого были заложены этические основы и нормы проведения исследований и экспериментов над людьми². Так, например, после принятия Нюрнбергского кодекса обязательным стало добровольное согласие пациента на проведение над ним медицинских или иных исследований. Лицо, выступающее объектом эксперимента, при этом должно быть признано дееспособным и проинформировано обо всех аспектах проводимого исследования³. Таким образом, принцип добровольного информированного согласия, впервые оформившийся в Нюрнбергском кодексе, стал одним из ключевых в биоэтике⁴ последующих лет.

Другим важнейшим документом, оказавшим значительное влияние на становление биоэтики, является Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации 1964 г.⁵, которая также носит рекомендательный характер. Данный документ, в отличие от Нюрнбергского кодекса, предполагает возможность получения согласия на проведение медицинских исследований над человеком, даже если испытуемый признан недееспособным. В этом случае согласие должно быть получено от законного представителя объекта исследования (ст. 28). Хельсинкская декларация 1964 г. закрепила также важнейший биоэтический принцип, согласно которому права и интересы объекта исследования должны превалять над целями и задачами проводимых исследований (ст. 8)⁶.

¹ Крупнейший судебный процесс (1945–1946 гг.), в ходе которого были осуждены главные военные преступники Второй мировой войны.

² *Силуянова И. В.* “Нюрнбергский кодекс” и его значение для современной науки // *Медицинская этика*. 2014. Т. 2, № 1. С. 85.

³ *Введение в биоэтику : учебное пособие / отв. ред. Б. Г. Юдин.* М. : Прогресс-Традиция, 1998. С. 360–362.

⁴ Сфера междисциплинарных исследований, направленная на решение этических проблем, возникших в результате научных изысканий.

⁵ Хельсинкская декларация Всемирной медицинской ассоциации, 1964 г. URL: <https://www.wma.net/policies-post/wma-declaration-of-helsinki-ethical-principles-for-medical-research-involving-human-subjects> (дата обращения: 24.06.2022.)

⁶ Там же.

Отдельные положения Международного пакта о гражданских и политических правах¹, принятого Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 г., также затрагивают биоэтическую сторону вопроса проведения исследований над человеком. В данном документе подчёркивается, что нельзя проводить медицинские или научные эксперименты над людьми без их добровольного согласия (ст. 7)².

Таким образом, можно сделать вывод, что ещё задолго до начала активного проведения исследований в сфере генома человека уже были заложены биоэтические основы регулирования безопасности научных экспериментов над людьми и их биологическими образцами. Хотя Нюрнбергский кодекс 1947 г. и Хельсинкская декларация ВМА 1964 г. носят рекомендательный характер и затрагивают в основном исследования, проводимые в медицинских целях, они тем не менее стали важным шагом в истории развития биоэтики, и все последующие документы в данной области принимались с их учётом. Что касается Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., то он уже выступает элементом международного права, тем самым закрепляя положения об обязательном свободном согласии пациента.

На сегодняшний день важнейшим международным документом в сфере обеспечения безопасности геномных исследований является Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека³, принятая 11 ноября 1997 г. под эгидой ЮНЕСКО. Декларация ЮНЕСКО 1997 г. подчёркивает необходимость международного сотрудничества в области геномных исследований в целях преодоления этико-правовых проблем, возникающих в ходе научных изысканий. Данная Декларация нашла своё отражение во многих региональных и национальных законодательствах.

Во Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека признается особый статус генетических данных человека, за-

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах, 1966 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 24.06.2022).

² Там же.

³ Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, 1997 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 24.06.2022).

ключающийся в их конфиденциальном характере, поскольку они позволяют прогнозировать генетическую предрасположенность того или иного лица, и то, что последствия такого прогнозирования могут оказаться гораздо более серьезными, чем предполагается в момент получения данных.

Данный международный документ во всем мире получил поддержку со стороны международного сообщества, а также оказал положительное воздействие на государства-члены, использующие его при разработке своих законодательств, нормативных положений, норм и стандартов, а также этических кодексов и руководящих принципов.

В Декларации ЮНЕСКО 1997 г. геном человека приравнивается к “достоянию человечества”¹ (ст. 1), который не может “служить источником извлечения доходов”² (ст. 4). В статьях 5–9 данной Декларации представлены основные права заинтересованных лиц. Среди них: обязательная предварительная тщательная оценка возможных рисков и проверка предполагаемых результатов, право на добровольное информированное согласие (может быть получено в том числе и от иных лиц в рамках национального законодательства), право на недискриминацию, право на конфиденциальность представленной генетической информации, а в случае причинённого ущерба — право на компенсацию. Однако в рамках Декларации ЮНЕСКО 1997 г. предусмотрена возможность ограничения принципов конфиденциальности и согласия в случае возникновения “крайне серьёзных причин”³, пояснение которым не даётся.

По аналогии, например, с Хельсинкской декларацией 1964 г. в Декларации ЮНЕСКО 1997 г. также подчёркивается, что права и свободы человека превалируют над научными целями (ст. 10)⁴. Одна из особенностей Декларации ЮНЕСКО 1997 г.

¹ Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, 1997 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 24.06.2022).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

заключается в том, что заинтересованное лицо имеет право согласиться или отказаться от получения информации о результатах и последствиях генетического анализа (ст. 5), то есть закрепляется право человека на незнание¹.

Хотя благодаря Декларации ЮНЕСКО 1997 г. и были сформулированы основные эτικο-правовые принципы геномных исследований и применения геномных технологий, однако в данном документе не были обозначены некоторые аспекты экспериментов с геномом человека, которые особенно актуальны в последние десятилетия. Так, например, в рамках рассматриваемой Декларации не был затронут вопрос о редактировании генома на эмбриональной стадии. Более того, трактовки некоторых статей воспринимаются весьма неоднозначно. Например, статья 4 рассматриваемой Декларации гласит: “Геном человека в его естественном состоянии не должен служить источником извлечения доходов”². Исходя из данной формулировки, можно сделать следующий вывод: хотя и не допускается извлекать выгоду из самого генома, однако отсутствует прямой запрет на коммерческое использование результатов редактирования генома. Таким образом, даже в рамках такого важного для международного сообщества документа до сих пор существует ряд пробелов.

В 1999 г. на Генеральной конференции ЮНЕСКО были одобрены Руководящие принципы осуществления Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека³. Данный документ излагает задачи, способы реализации и меры, которые следует принять субъектам международного сообщества на всех уровнях для достижения целей Всеобщей декларации о геноме человека

¹ Некотенаева М. В., Малыгина О. А. Международно-правовое регулирование геномного редактирования человека // Международный правовой курьер. 2019. № 2-3. С. 36.

² Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, 1997 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 24.06.2022).

³ Guidelines for the Implementation of the Universal Declaration on the Human Genome and Human Rights, 1999. URL: https://wayback.archive-it.org/10611/20170511045919/http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/SHS/pdf/Guidelines-Genome_EN.pdf (дата обращения: 24.06.2022).

и правах человека. В Руководящих принципах подчёркивается, что, во-первых, важно распространение идей Декларации ЮНЕСКО 1997 г. для их эффективного применения. Во-вторых, необходимо выстраивание многосторонних отношений между наукой, биомедициной, политическими лидерами и обществом для организации безопасных геномных исследований и сотрудничества в данной сфере.

Особое место в сфере геномных исследований занимает клонирование человека. Правовое регулирование данного аспекта на международном уровне обеспечивается в рамках Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека 1997 г., где на искусственное создание людей с одинаковым генотипом накладывается особый запрет, а само клонирование называется “практикой, противоречащей человеческому достоинству”¹ (ст. 11). В дополнение к этому документу 8 марта 2005 г. была принята Декларация ООН о клонировании человека². Данный документ представляет собой призыв к государствам-членам принять необходимые меры для запрета клонирования человека и защиты человеческой жизни, а также недопущения применения любых методов генной инженерии, ущемляющих человеческое достоинство и эксплуатирующих женщин.

Другим важным международным документом, регулирующим безопасность проведения геномных исследований, является Международная декларация о генетических данных человека³, принятая 16 октября 2003 г. на Генеральной конференции ЮНЕСКО. Прежде всего, целью данной Декларации является обеспечение прав человека на конфиденциальность предоставляемых им генетических данных, которым, в свою очередь, предпри-

¹ Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека, 1997 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 24.06.2022).

² Декларация Организации Объединенных Наций о клонировании человека, 2005 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_clon.shtml (дата обращения: 24.06.2022).

³ Международная декларация о генетических данных человека, 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (дата обращения: 24.06.2022).

сывается особый статус. В Декларации 2003 г. также формулируются основные принципы, которых должны придерживаться государства при разработке национальной политики в рассматриваемом вопросе. Отметим также, что данный документ не охватывает сферы расследования уголовных преступлений и генетического тестирования граждан в целях установления отцовства и материнства, поскольку данные аспекты рассматриваются в рамках национального права.

Международная декларация о генетических данных человека включает в себя части, посвящённые сбору, обработке, использованию и хранению биологических образцов, генетических и протеомных данных¹. Вышеуказанные этапы генетических исследований, согласно ст. 5 данной Декларации, могут проводиться только для диагностики, оказания медико-санитарной помощи, достижения целей медицинских и научных исследований, осуществления судебной медицины и судопроизводства, а также в иных целях, не обладающих дискриминационным характером и не противоречащих международному праву в области человека в целом и Декларации ЮНЕСКО 1997 г. в частности. Важно отметить, что все процедуры, связанные с генетической информацией человека, должны быть прозрачными и этически приемлемыми (ст. 6)².

Что касается сбора информации, то, как и в предыдущих международно-правовых документах данной сферы, в Декларации 2003 г. особое место занимает получение свободного и ясно выраженного согласия от объекта исследования. В рассматриваемом документе появляется пункт в отношении лиц, не достигших совершеннолетнего возраста. Проведение генетических исследований и тестирований ребёнка возможно только в том случае, если такие исследования будут проводиться для диагностики или оказания медико-санитарной помощи и отвечать наилучшим интересам испытуемого. Согласие в данном случае может быть получено от его юридических представителей. При этом мнение несовершеннолетнего лица также должно учитываться в зависимости

¹ Международная декларация о генетических данных человека, 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (дата обращения: 24.06.2022).

² Там же.

от его возраста и степени зрелости (ст. 8). Лицо, давшее согласие на сбор генетических и протеомных данных, имеет право отозвать своё согласие, быть проинформированным или не быть проинформированным о результатах обследований, право на генетическую консультацию (ст. 9–11). Если генетическая и протеомная информация собираются в судебно-медицинских целях или для судопроизводства, то в данном случае это должно происходить на основе внутреннего права государства (ст. 12)¹.

На этапе обработки лицо, предоставившее свои биологические образцы, генетическую или протеомную информацию, обладает правом на конфиденциальность информации и частную жизнь (ст. 14). Если исследования проводятся исключительно в научных целях, то собранная информация и полученные результаты не должны раскрывать личность испытуемого. Лицо, являющееся объектом исследований, также вправе получить доступ к своим генетическим и протеомным данным, кроме случаев, когда это не представляется возможным (ст. 13). Например, когда доступ к таким данным ограничивается национальным законодательством. На структуры, занимающиеся генетическими исследованиями, возлагается ответственность по обеспечению безопасности генетической и протеомной информации в силу её социальной и этико-правовой значимости (ст. 15)².

В целях развития деятельности медицинских и научных исследований в Декларации ЮНЕСКО 2003 г. предусмотрено перемещение генетических и протеомных данных, а также биологических образцов между государствами (ст. 18). Более того, не допускается изменение цели сбора биологических образцов, генетической и протеомной информации, кроме случаев, когда на это было получено свободное согласие, или изменение цели представляется важным в общественных интересах и не противоречит международному и национальному законодательствам (ст. 16)³. В рамках Декларации 2003 г. допускается создание государствами системы мониторинга генетической и протеомной информа-

¹ Международная декларация о генетических данных человека, 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (дата обращения: 24.06.2022).

² Там же.

³ Там же.

ции человека, его биологических образцов (ст. 20)¹. Однако любые меры, связанные с полученной в ходе генетических исследований информацией, должны приниматься государствами с учётом норм международного и национального права.

Таким образом, Международная декларация о генетических данных человека 2003 г. выступает важнейшим международно-правовым инструментом в сфере обеспечения безопасности генетических и протеомных данных человека и его биологических образцов. Благодаря Декларации ЮНЕСКО 2003 г., в международном праве были сформированы критерии правомерности и основные принципы организации процедур сбора, обработки, хранения и использования биологических образцов человека и его генетической или протеомной информации.

Следующим шагом становления международной-правовой базы в сфере геномных исследований стало принятие на Генеральной конференции ЮНЕСКО в 2005 г. Всеобщей декларации о биоэтике и правах человека². Данная Декларация затрагивает этическую сторону вопроса проведения медицинских и научных изысканий, а также формирует базовые регулятивные принципы и подходы.

Особая роль в регулировании правовых, этических и социальных аспектов проведения научных исследований отводится специализированным этическим органам. Например, ЮНЕСКО в 1993 г. был учреждён Международный комитет по биоэтике (МКБ), а в 1998 г. — Межправительственный комитет по биоэтике (МПКБ). Задачами указанных органов являются развитие международного диалога по этико-правовым вопросам медицинских и генетических разработок, содействие реализации принципов, провозглашенных в международных документах ЮНЕСКО в данной сфере, и распространение информации о достижениях в биоэтике. На базе ЮНЕСКО в 1997 г. также была создана Всемирная комиссия

¹ Международная декларация о генетических данных человека, 2003 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/genome_dec.shtml (дата обращения: 24.06.2022).

² Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека, 2005 г. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/bioethics_and_hr.shtml (дата обращения: 14.06.2022).

по этике научных знаний и технологий (КОМЕСТ). Это консультативный орган, которому поручено содействие ЮНЕСКО в реализации программ по биоэтике.

Международно-правовое регулирование исследований в сфере генома человека осуществляется не только в рамках ЮНЕСКО; данный вопрос нашёл своё отражение также и в деятельности некоторых других международных организаций. Так, 12 октября 1995 г. Всемирная организация здравоохранения приняла Руководство по этическим вопросам в медицинской генетике и предоставлении генетических услуг¹, где аккумулирован международный опыт, связанный с этичностью применения геномных технологий в медицине. В Руководстве 1995 г. подчёркивается, что для диагностики, лечения и профилактики генетических заболеваний проведение исследований в рассматриваемой сфере является важным фактором. В контексте генетических и геномных разработок также необходимы образование населения и добровольность подхода². Более того, в 2019 г. на базе ВОЗ начал работу Консультативный комитет по разработке стандартов контроля и надзора в отношении редактирования генома человека. Деятельность данного комитета направлена на создание эффективного механизма контроля и надзора в отношении редактирования человеческого генома на международном и национальном уровнях путём изучения научных, правовых, социальных и этических проблем рассматриваемой сферы. Консультативный комитет ВОЗ в своей работе опирается на принципы транспарентности, инклюзивности и ответственности³. Кроме того, международно-правовое регулирование безопасности геномных разработок обеспечивается отчасти нормами и правилами Всемирной торговой организации,

¹ Guidelines on Ethical Issues in Medical Genetics and the Provision of Genetics Services, 1995. URL: https://apps.who.int/iris/bitstream/handle/10665/62048/WHO_HDP_GL_ETH_95.1_%28part1%29.pdf?sequence=1&isAllowed=y (дата обращения: 14.06.2022).

² Там же.

³ WHO Expert Advisory Committee on Developing Global Standards for Governance and Oversight of Human Genome Editing, 2018. URL: <https://www.who.int/ethics/topics/human-genome-editing/committee-members/en> (дата обращения: 14.06.2022).

а именно Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС)¹, заключённым в 1994 г. В рамках данного документа обеспечивается защита прав интеллектуальной собственности в области геномных исследований.

Регулирование геномных разработок на универсальном уровне осуществляется также международными неправительственными организациями. В 1988 г. в рамках проекта “Геном человека” была создана Международная организация по изучению генома человека (HUGO), целью которой, помимо научно-исследовательской деятельности, являются развитие сотрудничества между генетиками всего мира, координация их деятельности и обсуждение этико-правовых проблем, возникающих в ходе исследований человеческого генома. Для воплощения указанных целей под эгидой HUGO был создан Комитет по этике, праву и обществу (CELS). В 2013 г. рабочая группа данного Комитета сформулировала ряд принципов, обеспечивающих базу для применения биоинформатики² в геномных исследованиях³. Как считают представители данного Комитета, сформулированные ими принципы могут стать основой международно-правового регулирования геномных разработок.

В качестве другого примера международной неправительственной организации, регулирующей безопасность геномных разработок, можно привести Совет международных научно-медицинских организаций, который в 2016 г. совместно с ВОЗ опубликовал Международные этические руководящие принципы для исследований в области здоровья с участием людей⁴; первая ре-

¹ Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (TRIPS), 1994. URL: <https://rospatent.gov.ru/ru/documents/soglashenie-po-torgovym-aspektam-prav-intellektualnoy-sobstvennosti> (дата обращения: 17.06.2022).

² Междисциплинарная область, занимающаяся обработкой геномной информации.

³ *Capps B., Chadwick R., Joly Y., Lysaght T., Mills C., Mulvihill J. J., Zwart H.* Statement on Bioinformatics and Capturing the Benefits of Genome Sequencing for Society // Human Genomics. 2019. No. 13 (24).

⁴ Международные этические руководящие принципы для исследований в области здоровья с участием людей, 2016 г. URL: <https://cioms.ch/wp-content/uploads/2019/01/3027-CIOMS-EthicalGuidelinesRussianLayout2019-1.pdf> (дата обращения: 17.06.2022).

дакция данного документа относится ещё к 1982 г. Цель данного документа заключается в изложении ключевых этических принципов защиты людей в ходе научных изысканий: 1) уважение прав человека; 2) получение информированного добровольного согласия; 3) безопасность сбора, использования, обработки и хранения генетической информации; 4) право на компенсацию участников исследований и др.

При этом особенное внимание уделяется научным исследованиям женщин, в том числе беременным и кормящим, в силу их физиологических особенностей и потребностей в специальной медико-санитарной помощи. Обязательным условием является также получение добровольного согласия и информирование участников исследований о возможных рисках и последствиях для обеспечения равенства и справедливого подхода¹.

Наконец, в Рейкьявике в 2005 г. под эгидой Всемирной медицинской ассоциации была принята Декларация “Этические принципы применения генетики в здравоохранении”². Впервые в международном документе, затрагивающим сферу геномных исследований, содержится положение (в преамбуле данной Декларации), что нормативно-правовой акт должен постоянно обновляться с учетом усовершенствования технологий в рассматриваемой области. Также в Декларации ВМА затрагивается тема редактирования генома на основе общепризнанных международных принципов и вводится запрет на редактирование генома на эмбриональной стадии.

Масштабное развитие геномных технологий и активное внедрение их результатов в жизнь требует формирования регуляторной базы не только на универсальном, но и на региональном уровне. В этих целях в рамках Европейской комиссии ЕС созда-

¹ Международные этические руководящие принципы для исследований в области здоровья с участием людей, 2016 г. URL: <https://cioms.ch/wp-content/uploads/2019/01/3027-CIOMS-EthicalGuidelinesRussianLayout2019-1.pdf> (дата обращения: 17.06.2022).

² WMA Declaration of Reykjavik — Ethical Considerations Regarding the Use of Genetics in Health Care 2005 // World Medical Association. URL: <https://www.wma.net/policies-post/wma-statementon-genetics-and-medicine> (дата обращения: 17.06.2022).

на Европейская группа по вопросам этики в науке и новым технологиям (*European Commission European Group on Ethics in Science and New Technologies — EGE*)¹.

Данное учреждение ЕС в настоящий момент работает над темами по редактированию генома человека, применению искусственного интеллекта и по вопросам будущих потенциальных вызовов человечеству.

Важнейшую роль на европейском пространстве играет Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины², принятая под эгидой Совета Европы в г. Овьедо в 1997 г., а также дополнительные протоколы к ней.

Важность Конвенции Овьедо заключается в том, что данный документ является первым многосторонним договором по биоправу³, который имеет обязательную силу⁴.

Конвенция направлена на обеспечение соблюдения прав человека в условиях технологической революции, а также прав пациентов путем создания их актуализируемого кода.

В дополнение к протоколу о запрещении клонирования человека, подписанному в Париже в 1998 г., в настоящее время ведется подготовительная работа над протоколами по следующим вопросам: трансплантация человеческих органов и тканей чело-

¹ European Commission European Group on Ethics in Science and New Technologies — EGE. URL: https://ec.europa.eu/info/research-and-innovation/strategy/support-policy-making/scientific-support-eu-policies/ege_en (дата обращения: 02.06.2022) ; Commission Decision (EU) 2021/156 of 9 February 2021 renewing the mandate of the European Group on Ethics in Science and New Technologies. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dec/2021/156/oj> (дата обращения: 02.06.2022).

² Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине, 1997 г. URL: <https://www.coe.int/en/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007d004> (дата обращения: 17.06.2022).

³ Предмет биоправа включает в себя совокупность правоотношений по различным вопросам: от экологии и биомедицины до генетики и геномики.

⁴ *Andorno R.* The Oviedo Convention: A European Legal Framework at the Intersection of Human Rights and Health Law // *Journal of International Biotechnology Law*. 2005. № 2. P. 133.

века, биомедицинские исследования, генетика человека и защита эмбрионов человека¹.

Если принятые в рассматриваемой сфере документы международных организаций относятся к актам мягкого права (декларации и руководства), то указанная Конвенция, принятая в рамках Совета Европы, является обязательной к исполнению ратифицировавшими её государствами. Однако при этом в европейском сообществе до сих пор не существует консенсуса относительно некоторых положений рассматриваемой Конвенции (например, вопрос о редактировании генома на эмбриональной стадии); в силу этого далеко не все страны подписали или ратифицировали данный документ.

Зачастую государства стараются придерживаться более гибкой системы регулирования, поскольку стремятся к прогрессивному развитию сферы генома человека.

В Российской Федерации в 1997 г. был разработан проект Федерального закона “О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения”², закрепляющий правовые основы этики государственной политики в области здоровья и здравоохранения.

Однако Постановлением Государственной Думы № 1253-III ГД от 15 марта 2001 г. в первом чтении данный законопроект был

¹Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine: Convention on Human Rights and Biomedicine / ETS No. 164, Oviedo, 04.04.1997. В дополнение к данной Конвенции приняты еще четыре протокола: 1) Additional Protocol to the Convention for the Protection of Human Rights and Dignity of the Human Being with regard to the Application of Biology and Medicine, on the Prohibition of Cloning Human Beings (ETS No. 168); 2) Additional Protocol to the Convention on Human Rights and Biomedicine concerning Transplantation of Organs and Tissues of Human Origin (ETS No. 186); 3) Additional Protocol to the Convention on Human Rights and Biomedicine, concerning Biomedical Research (CETS No. 195); 4) Additional Protocol to the Convention on Human Rights and Biomedicine concerning Genetic Testing for Health Purposes (CETS No. 203). URL: <http://conventions.coe.int> (дата обращения: 02.06.2022).

²Законопроект “О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения” от 15 марта 2001 г. № 1253-III ГД отклонен Постановлением Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/97802181-2> (дата обращения: 02.06.2022).

отклонен в виду того, что “этика — это вопрос не правовой, а вопрос нравственности”¹.

В связи с этим, по мнению экспертов, до сих пор остаются неурегулированными этические вопросы в области биотехнологий.

Кроме этого, Россия при вступлении в ВТО, как одно из условий членства в этой организации, приняла на себя международные обязательства в сфере защиты персональных данных. В конце 2018 г. Российская Федерация совместно с другими странами-участницами подписала Протокол № 223 о внесении изменений в Конвенцию Совета Европы о защите персональных данных², который актуализирует Конвенцию в части соответствия вызовам нового времени и закрепляет защиту новых прав человека (право на доступ к персональным данным, право на забвение, право не знать и не быть информированным, право на корректировку персональных данных, право на уточнение персональных данных и др.).

В нем вводится новая категория чувствительных данных — генетические и биометрические данные.

Роспотребнадзором разработан законопроект³ по включению генетических данных в понятие “специальные категории персональных данных”.

Итак, международно-правовое регулирование безопасности исследований в сфере генома человека на данный момент сталкивается с множеством проблем этического, правового и социального характера. Несмотря на то что поколение соматиче-

¹ Стенограмма по законопроекту № 97802181-2 Рассмотрение законопроекта в первом чтении от 15 марта 2001 г. “О проекте Федерального закона “О правовых основах биоэтики и гарантиях ее обеспечения” (внесен депутатами Государственной Думы второго созыва В. Ф. Шараповым, В. И. Давиденко). Заседание № 82. URL: <https://lexfeed.ru/law/97802181-2> (дата обращения: 02.06.2022).

² Российская Федерация ратифицировала настоящую Конвенцию Федеральным законом от 19 декабря 2005 г. № 160-ФЗ с заявлением. Конвенция вступила в силу для Российской Федерации 1 сентября 2013 г.

³ Согласно новым правовым положениям, использование генетических данных допускается только с письменного согласия лица.

ских прав регулируется рядом международно-правовых актов¹, вопросы нравственно-правового характера до сих пор остаются не урегулированными.

Применение современных прорывных биотехнологий, допускающих изменения в хромосомах, генах и белках, отвечающих за наследственные заболевания, требуют от государств своевременной нормативной регламентации. Существует потенциальный риск использования генетических данных в нарушение прав человека и основных свобод, в частности, для оценки определенных аспектов личности, анализа или предсказания работоспособности человека, его материального положения, здоровья, личных предпочтений, интересов, поведения.

Учитывая общечеловеческое значение проводимых исследований, мировое сообщество стремится к созданию единой регуляторной базы и формированию сбалансированного подхода, которые бы обеспечили интересы всех участников данного процесса. В целях регулирования безопасности исследований в сфере генома человека на универсальном уровне создаются специализированные институты, проводятся саммиты и конференции, принимаются международные документы рекомендательного характера.

Однако на международном уровне научные исследования в сфере генома человека урегулированы лишь актами мягкого права (по большей части это декларации и руководства), что является существенным пробелом в международном праве. Единственный международный договор, регулирующий непосредственно область геномных исследований, принят лишь на региональном уровне (Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 г.). В связи с этим правовое регулирование на универсальном уровне лишь задает общий вектор в вопросах надзора за сферой геномных исследований. Непосредственный контроль за научными разработ-

¹ Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 г., Резолюция 2001/39 от 26 июля 2004 г. “Генетическая конфиденциальность и недискриминация”, Резолюция 2003/69 от 25 апреля 2003 г. “Права человека и биоэтика”, Декларация ООН о клонировании человека 2005 г.

ками в области генома человека осуществляется в рамках национальных юрисдикций.

Наконец, учитывая скорость развития и расширение масштабов генетических и геномных разработок, предмет правового регулирования указанной сферы подвержен постоянным трансформациям¹. Так, ежегодно не только появляются новые тенденции в исследованиях генома человека, но и расширяются границы правового регулирования, а значит, возникает необходимость в юридическом исследовании и последующем формировании особой регуляторной среды — геномного права².

¹ *Travieso J.A., Ferraro A.V., Trikoz E., Gulyaeva E.* Bioethical Aspects of the Institution of Human Rights in Latin America // *Racionalidad, Derecho Y Ciudadanía [livro eletrônico] / Organizacao Ricardo Mauricio Freire Soares... [et al.]*. Salvador, BA: Direito Levado a Serio, 2021. P. 89–101.

² *Ястребова А. Ю., Гуляева Е. Е.* Право на здоровье в системе международно-правовой защиты прав человека на универсальном и региональном уровне // *Московский журнал международного права*. 2021. № 2. С. 99–121.

Глава 17. “ИСТОРИЧЕСКИЙ РЕВИЗИОНИЗМ” В МИРОВОЙ ПОЛИТИКЕ

А. Ю. Рудницкий

Сегодня едва ли возможно рассуждать об исторической политике, не затрагивая события на Украине, развернувшиеся 24 февраля 2022 г. То, что произошло, нарастало постепенно, но достаточно планомерно и неотвратно. И одним из факторов, обостривших и ускорявших начало конфронтации, явилась “битва” на историческом поле. Мерились силами различные исторические политики, выясняя, кто лучше манипулирует общественным сознанием и направляет его в нужное русло.

“Историческая политика”, “исторический ревизионизм”, “битва историков”, “фальсификация истории” — эти термины прочно вошли в международный лексикон в начале XXI века. Суть происходящего — государственное вторжение в процесс исторического познания, стремление подвергать события прошлого под текущие политические нужды.

Согласимся с французским историком М. Ферро: “Границы мира раздвигаются, экономически он всё больше унифицируется, в то время как политическая обособленность стран сохраняется. В этих условиях история становится всё более весомым аргументом в столкновениях государств, наций, культур и этнических групп. Ссылаясь на прошлое, легче овладеть настоящим, придать легитимность власти, обосновать претензии. Государство, церковь, политические партии и группы, связанные частными интересами, контролируют средства массовой информации и книгоиздание. Именно они финансируют культуру: от выпуска школьных учебников и комиксов до кино и телевидения. Прошлое, которое они “отпускают” всем и каждому, выглядит всё более и более единообразным”.

Нечто подобное наблюдалось на протяжении всей истории человечества, с момента возникновения государства и политики, но не столь “весомо, грубо, зримо”, как сегодня. Это объясняется не только той спецификой мирового политического развития, на которую обратил внимание Ферро, но и формированием своего

рода “объединенного исторического фронта”, направленного против одной страны. Несложно догадаться, что речь идет о России.

В какой-то степени она пожинает плоды того варварского и сугубо утилитарного отношения к истории (особенно к новейшей), которое было присуще Советскому Союзу. Тогдашний подход был обусловлен последствиями революции, Гражданской войны, жесточайшим террором, сотрясавшим общество до начала 1950-х гг., и менее интенсивными репрессиями, продолжавшимися до последних дней существования СССР. Из истории изымались целые пласты (события, имена, процессы), которые с точки зрения правящей коммунистической бюрократии могли нанести ущерб ее авторитету в глазах советских людей и мирового общественного мнения. Историю переиначивали, пересказывали “в нужном ключе”.

На словах советское государство боролось с фальсификацией истории (которую, по официальной версии, практиковали исключительно “империалисты”), на деле же оно само такого рода фальсификацию поощряло и инициировало. Один из самых известных примеров — издание в 1948 г. “исторической справки” под названием “Фальсификаторы истории”¹, являвшей собой ответ на публикацию в США в сборнике Госдепартамента секретного протокола к советско-германскому Договору о ненападении 23 августа 1939 г. (“Пакт Молотова — Риббентропа”) и других документов, освещавших советско-германские отношения в канун войны².

Американские издатели и их советские оппоненты руководствовались не столько научными, сколько политическими соображениями, что в разгар холодной войны было вполне естественным. Но позиция заокеанских “разоблачителей” оказалась более выигрышной: они публиковали реальные документы, в то время как советские “бойцы историко-идеологического фронта” ограничивались справочно-теоретическими выкладками, сдобренными

¹ Фальсификаторы истории (историческая справка): по поводу опубликования Гос. департаментом США архивных материалов герм. м-ва иностр. дел “Нацистско-советские отношения 1939–1941 гг.” М.: Госполитиздат, 1948.

² Nazi-Soviet Relations, 1939–1941. Documents from the Archives of the German Foreign Office. U.S. Department of State, 1948.

отдельными и специально подобранными выдержками из документальных материалов.

Американцы затушевывали ту роль в умиротворении фашистских агрессоров и их фактическом поощрении в 1930-е гг., которую сыграли ведущие государства Запада, включая США, и фокусировали внимание на советско-германском сближении в 1939–1941 гг. Авторы “Фальсификаторов истории”, напротив, акцентировали неприглядный вклад западников в развязывание Второй мировой войны и оправдывали любые внешнеполитические акции СССР.

Уже в этом конкретном случае выявились специфические особенности исторической полемики, которая продолжалась с тех пор многие десятилетия. Обе стороны препарировали прошлое в нужном им ключе, осуществляя политически мотивированную селекцию исторических событий. Разница состояла в том, что на Западе, не гнушаясь тенденциозных интерпретаций истории, действовали более искусно, избегая открытой лжи или прямого замалчивания тех или иных фактов. Последнее характеризовало советскую позицию — более примитивную, менее изощренную, а потому более уязвимую. Она была сродни позиции страуса, прятавшего голову в песок. Не хватало ни мужества, чтобы признать секретный протокол, прилагавшийся к Договору о ненападении 23 августа, или, допустим, катынский расстрел, ни талантов, чтобы объяснять эти события, не нанося урона национальным интересам.

Неумелые ходы советских идеологов на историческом поле вызывали насмешки, ироничные комментарии, укрепляли уверенность в том, что фигура умолчания — неотъемлемая черта тоталитаризма. Самой наглядной иллюстрацией этому стало культовое произведение Дж. Оруэлла “1984”. Но было бы справедливым признать, что оруэлловские высказывания применимы и к оценкам активности в “исторической области” демократических государств. Утверждение о том, что “тот, кто управляет прошлым, управляет будущим, кто управляет настоящим, управляет прошлым”, стало непреложным тезисом современной политики в целом.

В государстве, которое изобразил в своей книге знаменитый писатель, существовало страшное и всемогущее министерство правды, занимавшееся постоянной переделкой прошлого в соответствии с требованиями сегодняшнего дня. “То, что истинно

сейчас, истинно от века и на веки вечные. Всё очень просто. Нужна всего-навсего непрерывная цепь побед над собственной памятью”. Главный герой романа отвечал за “корректировку” всех источников информации с тем, чтобы они не противоречили требованиям сегодняшнего дня. Номера периодических изданий печатали заново, а старые уничтожали. “В этот процесс непрерывного изменения вовлечены не только газеты, но и книги, журналы, брошюры, плакаты, листовки, фильмы, фонограммы, карикатуры, фотографии — все виды литературы и документов, которые могли бы иметь политическое и идеологическое значение. Ежедневно и чуть ли не ежеминутно прошлое подгонялось под настоящее... Историю, как старый пергамент, выскабливали начисто и писали заново — столько раз, сколько нужно”.

Конкретные примеры могут быть разными, не обязательно только те, которые можно почерпнуть из советской прессы. Чем не иллюстрация — попытка американского телеканала “Фокс ньюс” представить зрителям видеозапись ракетно-артиллерийского обстрела грузинской армией Цхинвала в августе 2008 г. как обстрел российскими частями грузинских сел?

Ложь в конечном счете контрпродуктивна, рано или поздно она выходит наружу. Формула Авраама Линкольна сохраняет свою актуальность: “Можно обманывать часть народа всё время. Можно обманывать весь народ некоторое время. Но нельзя всё время обманывать весь народ”.

На счету советской исторической науки немало достижений, включая фундаментальные исследования, однако целый ряд вопросов оставался “за бортом” или подавался в упрощенном, схематичном исполнении. Поэтому, когда в конце 1980-х гг., в период перестройки, запреты были сняты, хлынувший поток информации подточил устои государства, созданного в 1917 г.

Предание гласности секретного протокола к пакту Молотова — Риббентропа стало в этом плане самым громким скандалом. Первый съезд народных депутатов СССР дал политическую и правовую оценку как протоколу, так и другим советско-германским договоренностям кануна войны¹.

¹ Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1989. № 29. Ст. 579.

В 1990-е гг. в России наступила эра информационной открытости, свободных исторических дискуссий и массового рассекречивания архивных документов. Западные политики, государственные деятели и коллеги-ученые благобно взирали на происходившее и ничто не предвещало возобновления “исторических боев” — не менее, а иногда и более жестоких, чем в эпоху холодной войны. Перемены обозначились в самом начале десятилетия нулевых и к середине второй декады XXI века вскоре заявили о себе “во весь голос”.

Что же вызвало такую метаморфозу? Первопричина заключалась в отходе России от либерально-демократической модели общественного устройства, негативном восприятии ведущими державами Запада, большинством государств Центральной и Восточной Европы и некоторыми участниками СНГ упрочения международного влияния России, обусловленного ростом ее экономики, усилением ее политической самостоятельности. Тем самым в определенной степени восстанавливался баланс сил в мире, что противоречило интересам международных игроков, объединенных в военно-политический альянс НАТО. Была развернута информационно-пропагандистская кампания, обвинявшая Россию в имперских амбициях и ползучей экспансии. Нарастивалось давление и по другим направлениям (экономические, культурные связи, военно-техническое сотрудничество, сфера контртеррора и пр.). После Евромайдана на Украине, присоединения к России Крыма и возникновения конфликтной ситуации на Донбассе к этому добавились санкционные меры, принятые США и практически всеми европейскими странами. А после спецоперации, начатой в феврале 2022 г., эти меры переросли в полномасштабную блокаду России едва ли не во всех областях общественной жизни.

В этом контексте “историческое наступление” становится всё заметнее. События прошлого подбираются и интерпретируются таким образом, чтобы сформировать образ России как государства традиционно агрессивного, чуждого либерально-демократических ценностей, во все века посягавшего на свободу и независимость своих соседей (и не только соседей). Формально Российская Федерация не отождествляется со сталинским режимом или, скажем, Московским царством и Российской империей, однако де-факто

именно такая связка подразумевается и внедряется в общественное сознание. Негативные оценки поведения России на тех или иных этапах истории экстраполируются на современность с тем, чтобы показать: от этого государства ничего хорошего никому и никогда ждать не приходится.

Разыгрывая “историческую карту”, оппоненты современной России фокусируют внимание на Великой Отечественной и Второй мировой войнах, а также на предвоенном периоде. Учитывается, что для российского общества победа над фашизмом стала стержневым, консолидирующим фактором в формировании патриотического и национального сознания. Неудивительно, что творцы “исторической политики” бьют именно в эту точку. Вот некоторые ключевые “теоретические” положения, которые они выдвигают:

— Советский Союз должен разделить вину нацистской Германии за развязывание Второй мировой войны (“пакт Молотова — Риббентропа”);

— основной вклад в победу над гитлеровцами внес не СССР, а США и Великобритания;

— СССР выстоял в войне лишь благодаря западной помощи;

— освободительная миссия Красной Армии в Европе — фикция, на деле Советский Союз, изгоняя гитлеровцев с оккупированных территорий, сам осуществлял их закабаление;

— после победы над фашизмом именно Советский Союз начал холодную войну, опасаясь дальнейшего усиления международного влияния США и их союзников.

К этому можно добавить и уже упоминавшийся тезис о “двух оккупациях”, что ушедшие в подполье националисты сражались за свободу с “новыми оккупантами” и т. д. И здесь вспоминаются слова Д. С. Лихачева: “Полуправда есть худший вид лжи: в полуправде ложь подделывается под правду, прикрывается щитом частичной правды”¹.

Остановимся на советско-германском договоре о ненападении, который чаще всего обыгрывается в русле “исторического ревизионизма”. Он был подписан меньше чем через год после Мюн-

¹ Лихачев Д. С. Я вспоминаю. М. : Прогресс, 1991. С. 129. URL: http://rulibs.com/ru_zar/nonf_biography/lihachev/0/j22.html (дата обращения: 12.08.2022).

хенского сговора Германии, Италии, Великобритании и Франции (29–30 сентября 1938 г.), явившегося кульминацией политики “умиротворения” фашистского агрессора, обусловившего раздел Чехословакии и в конечном итоге ее ликвидацию как самостоятельного государства. Именно Мюнхен стал прелюдией ко Второй мировой войне, исключив на том этапе формирование единой антигитлеровской коалиции. СССР тогда оказался практически в полной международной изоляции. Его демонстративно отстранили от урегулирования чехословацкого кризиса. Отстаивавшийся им курс на коллективную безопасность в Европе был дискредитирован, англо-германская и франко-германская декларации о ненападении открывали путь нацистской экспансии на Востоке.

Убедившись в том, что ведущие западные державы не заинтересованы в обеспечении коллективной безопасности и действуют вопреки интересам СССР, советское руководство внесло коррективы в свой политический курс. Окончательным доводом в пользу такого решения стал провал трехсторонних переговоров летом 1939 г. между СССР, Великобританией и Францией.

Свою роль сыграла и поступавшая в Москву информация о практически завершившейся подготовке нападения Германии на Польшу. Нельзя было допустить, чтобы в случае ее поражения немцы захватили Западную Украину, Западную Белоруссию и Прибалтику и вышли на ближние подступы к Минску, а затем и к Москве.

Договор о ненападении от 23 августа не стал первопричиной Второй мировой войны — нападение на Польшу было подготовлено задолго до этого. Безусловно, Гитлер был заинтересован в том, чтобы не допустить сближения Советского Союза с западными демократиями, вывести его на том этапе из игры, и в этом отношении двойственная позиция Лондона и Парижа была ему на руку. Берлин делал ставку на то, чтобы разъединять своих противников и уничтожать их поодиночке.

Сегодня легко рассуждать об аморальности советско-германского договора о ненападении, забывая, что внешняя политика в ту эпоху вообще не отличалась нравственностью и во многом сводилась к территориальным переделам по праву сильного. При всей неприглядности договора от 23 августа и секретного протокола

эти документы следует оценивать в контексте реальной политики того времени и конкретных условий, характеризовавших преддверие Второй мировой войны.

Если говорить о государствах, которые до конца 1980-х — начала 1990-х гг. входили в “социалистический лагерь” или в состав СССР, то у них имеется дополнительная мотивация: ссылаясь на “угнетение” со стороны Москвы, они решают свои внутренние проблемы. Подогревая антироссийские настроения, вскармливают местный национализм, пытаются улучшить репутацию правящих кругов. Объясняют внешним давлением и экспансионизмом “большого брата” текущие экономические трудности, политические неурядицы, этнические распри и т. д. В противном случае пришлось бы признать, что все эти негативные явления проистекают из-за низкой эффективности государственного управления, коррупции, авторитаризма и произвола властей.

Социалистический период в развитии этих государств маркируется не иначе как период советской оккупации. Наиболее рьяно этот тезис муссируют в странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ). На вооружение берется концепция “двух оккупаций”, то есть нацистской и якобы советской, которые таким образом трактуются как равнозначные. Не учитывается, что вхождение в советскую, или социалистическую, орбиту было обусловлено не военными захватами “великой и ужасной” Россией своих стран-соседей, а гораздо более сложными причинами, в том числе развивавшимися там внутренними процессами. Историческая палитра всегда многоцветна, и попытки изобразить прошлое в виде черно-белых клише годятся лишь для поверхностных идеологических построений или пропагандистских кампаний.

Социалистические правительства пришли к власти в ЦВЕ после Второй мировой войны не только вследствие того, что там были дислоцированы части Красной армии. Это, несомненно, сыграло свою роль, но нельзя забывать, что в то время широчайшие слои общества в странах этого региона симпатизировали СССР и идеям социализма. Поправление демократических норм в этих странах и репрессии конца 1940-х — начала 1950-х гг. существенно уменьшили эту общественную поддержку, спровоцировав антикоммунистические и антисоветские выступления в ГДР, Польше,

Венгрии, а в 1968 г. — Пражскую весну. Однако они подавлялись не только советскими танками, но и за счет внутренних ресурсов.

Нацистская оккупация лишала народы какой-либо самостоятельности, она означала массовый геноцид евреев, цыган, славян и всех представителей “неполноценных рас”. Ничего подобного в развитии Центральной и Восточной Европы в послевоенный период не наблюдалось, и нарушения “социалистической законности”, сколь бы масштабными они ни были, несопоставимы с фашистским террором.

Страны, “оккупированные” СССР, являлись весомыми международными игроками, членами ООН. Внешнеполитическая зависимость от Москвы в определенной степени имела место — хотя бы потому, что почти все они входили в Организацию Варшавского договора. Но в настоящих условиях не меньшую, а то и большую зависимость испытывают европейские члены НАТО, которые в международных делах действуют с оглядкой на Вашингтон, а нередко попросту следуют поступающим оттуда инструкциям.

Период, сопряженный с советской эпохой, подается “младоевропейцами” огрублённо и искажённо. Налицо попытка вычеркнуть из прошлого все достижения того времени. Между тем артефакты советской эпохи, построенные тогда здания, памятники, художественные фильмы и книги — часть прошлого, и даже если эта часть не по вкусу, выбрасывать ее на свалку нельзя. Это как раз, по-оружелловски, преднамеренная деформация прошлого, чтобы проще управлять настоящим.

Пока же многое идет именно в этом направлении, в русле “исторической политики”, которая возводится на государственный уровень. В некоторых странах (Польша, Украина) ее проводниками становятся институты национальной памяти, историю “подчищают” и приводят в “нужный вид”. Принимаются законы, регламентирующие научную деятельность, а представители исполнительной власти с поразительным невежеством рассуждают об исторических событиях.

Лидерство в борьбе с социалистическим прошлым принадлежит Польше, где соответствующая работа проводится наиболее системно, с масштабным привлечением властных ресурсов, СМИ, общественных институтов и ученых. Отметим некоторые

исторические моменты, которые официальная Варшава считает для себя конъюнктурно выигрышными и на которых сегодня сфокусирована эта работа.

Россия обвиняется в трех разделах Польши, закабалении польского народа. По одну сторону баррикады — борцы за национальное освобождение, по другую — царские палачи. Опускаются многие неудобные факты. То, например, что разделы страны стали прежде всего объективным следствием нежизнеспособности политической системы Польши в конце XVIII века, ее экономики, а не только имперской экспансии соседей, причем не одной России, а еще Австро-Венгрии и Германии. Не принято упоминать, что в составе Российской империи Царство Польское сохраняло значительную автономию и располагало возможностями для интенсивного экономического развития.

Мало упоминается о связующих культурно-исторических элементах. Польские писатели, поэты, военачальники, государственные чиновники, путешественники и ученые сыграли огромную роль в развитии России. Элементы общности в истории двух стран не менее, а то и более значимы, чем элементы, их разъединяющие. Выбор зависит от исследователя: или стакан наполовину пуст, или наполовину полон.

Идеологическая ангажированность еще больше проявляется в оценках событий XX века. Выхватываются те из них, которые проще интерпретировать в антисоветском и антироссийском ключе — советско-польская война 1920 г., секретный протокол к советско-германскому Договору о ненападении, расстрелы в Катыни и Медном, Варшавское восстание, ликвидация вооруженных формирований Армии Крайовой (АК) после 1945 г. и т. д.

Не уточняется, что советско-польская война началась по инициативе Варшавы и Польша стремилась поставить под свой контроль всю территорию Украины, что советско-германскому договору предшествовал Мюнхенский сговор, позволивший Польше принять участие в разделе Чехословакии, что поражение в Варшавском восстании явилось в первую очередь результатом стратегии и тактики польского эмигрантского правительства, что отряды АК сражались против Красной армии и это неизбежно вызывало ответные действия с ее стороны. Все указанные собы-

тия — неоднозначные, исключительно сложные и противоречивые, требующие углубленного исследования, и их использование в качестве аргументов в пропагандистских акциях недостойно серьезных политиков и государственных деятелей.

Катынский расстрел был безоговорочно осужден правительством и Государственной думой Российской Федерации. На месте этого преступления сталинского режима создан мемориал, который посещают тысячи польских и российских граждан. В то же время в Польше официальные круги препятствуют установке памятника красноармейцам, попавшим в плен после войны 1920 г. и умершим в польских лагерях от лишений и голода.

По всей стране демонтируются памятники советским солдатам, погибшим в боях за освобождение Польши в 1944–1945 гг. Это постыдное явление получило название “войны с памятниками”. Справедливости ради нужно сказать, что она находит поддержку далеко не во всем обществе — во многих городах и населенных пунктах местные жители берегут память о прошлом: ухаживают за могилами советских военнослужащих, восстанавливают кладбища, на которых они похоронены. К сожалению, это не меняет общей картины.

Вместо спокойного и взвешенного осмысления истории польские власти “прочесывают” ее в поисках новых тем, которые можно использовать в “исторической” конфронтации с Россией. Такими темами в последние годы стали так называемая августовская облава (операция НКВД против боевиков АК в районе города Августов в 1945 г.), вооруженная борьба ушедших в подполье “проклятых солдат” (бывших “аковцев”), антипольские репрессии в ходе Большого террора 1937–1938 гг. Об отношении к боевикам Армии Крайовой уже говорилось, второй же момент — лишь часть огромной трагедии, жертвой которой главным образом стали народы СССР. Иностранцы также попадали в жернова репрессий, не только поляки, но и венгры, французы, китайцы, американцы и др. Но это не означает, что сталинские преступления были мотивированы какими-то национально-этническими соображениями. Поляки (в основном члены Польской коммунистической партии, Коминтерна) подвергались преследованиям в рамках общей политики устрашения, которая должна была обеспечить Сталину

полный контроль не только над партийно-бюрократическим аппаратом в СССР и всем советским обществом, но и над международным коммунистическим и рабочим движением.

Отмеченные исторические явления, безусловно, заслуживают пристального внимания и беспристрастного изучения учеными обеих стран. Для этого создавалась советско-польская комиссия по сложным вопросам, которая начала пробуксовывать не по вине российской стороны. В нынешних политических условиях, когда Варшава проводит открыто враждебную политику в отношении России, какие-либо совместные проекты в исторической области однозначно исключены.

Примеру польского правительства в системной организации “исторического ревизионизма” последовали украинские власти. Украина — единственное из постсоветских государств, где по примеру Польши был создан Институт национальной памяти, который подгоняет историческое прошлое под определенные идеологические каноны. Делается это грубо и примитивно, по принципу: чем чудовищнее ложь, тем больше шансов заставить людей в нее поверить.

Основы украинской исторической политики были заложены еще в конце XIX — начале XX века в трудах историка М. С. Грушевского, ставившего своей целью обосновать различные пути эволюции Украины и России. Если первая, по его мнению, олицетворяла передовую культуру, духовность и прогресс, то вторая представляла собой нечто темное, варварское, узурпировавшее достижения украинцев. В своей десяти томной монографии “История Украины — Руси” Грушевский уверял, что такие исторические понятия, как “Русь”, “русский” изначально имели “украинские истоки” и “были присвоены великороссийским народом” в период “политического и культурного упадка” Украины в связи с экспансией “московитов”. Он настаивал на том, что именно украинцы ведут свои духовные и государственные традиции от Киевской Руси, созданной “украинскими племенами”¹.

Историк считал, что Украина стала жертвой московской (русской) экспансии: “Москва... смотрела на Украину, как на но-

¹ Михайло Грушевський. Історія України-Руси. URL: <http://litopys.org.ua/hrushrus/iur.htm> (дата обращения: 12.08.2022).

вое приобретение свое и стремилась господствовать в ней по образцу других провинций и владений”¹. Проводилась мысль о том, что Российское государство стремилось полностью уничтожить всякую украинскую автономию, уничтожить всякую обособленность Украины и т. д.²

Идеи М. С. Грушевского были растиражированы множеством журналистов, публицистов и пропагандистов националистического толка. Они красочно описывали “политическое рабство”, в котором пребывали украинцы в России. В документах националистических партий и организаций заявлялось, что никакому другому народу России в условиях “самовластья” не приходилось “так пагубно и ужасно, как украинскому”³.

Замалчивалось, что при всех изъянах самодержавия в России происходило экономическое и социально-культурное развитие украинских земель, что украинцы принадлежали к привилегированному славянскому большинству. При этом утверждалось превосходство всего “украинского” над всем “русским”, многое доводилось до абсурда. Общероссийские достижения приписывались украинцам. Гоголь, Короленко и Чехов провозглашались великими украинскими писателями, а Чайковский — великим украинскими композитором. О том, что творчество этих гениальных людей объединяет, а не разделяет народы и является к тому же общемировым достоянием, не упоминалось.

Главное — доказать, что Украина не имеет ничего общего с Россией, что она представляет европейское общество и государство, которые будто бы всегда подвергались русским посягательствам и с трудом отстаивали свою независимость. Самым тяжелым в этом плане изображается советский период.

Закон о “декоммунизации” на Украине предусматривает уголовное наказание (тюремное заключение от пяти до 10 лет) для

¹ *Грушевский М. С.* Освобождение России и украинский вопрос. СПб., 1907. С. 14.

² *Грушевский М. С.* Иллюстрированная история Украины. М., 2001. С. 313.

³ Из опубликованного в Москве 7 марта 1917 года программного документа украинских организаций “Наши требования” // АВПРИ. Ф. Особый политический отдел (далее — ОПО). Оп. 474, д. 23, л. 4.

тех, кто отрицает преступный характер советской власти. Протесты ученых никак не повлияли на решение Верховной рады, сделавшей невозможным свободное обсуждение советской истории на Украине. Осуждая всё советское, депутаты-националисты в действительности не борются против тоталитарных порядков, а насаждают их. Четко регламентируется, что можно, а что нельзя. Герои и мерзавцы поменялись местами. Бандеру и Шухевича теперь можно только славить, Ленина и большевиков — только ругать.

Ответственность за развязывание Второй мировой войны возлагается на коммунистический и нацистский режимы, Украина и украинцы представляются их невинными жертвами. Причем коммунистический режим ставится даже на первое место — в Киеве не хотят слишком сильно ругать гитлеровцев, которые вскармливали и пестовали украинские националистические организации. Авторы декларации превозносят их, утверждая, что они боролись с фашизмом, хотя показала себя в основном Украинская повстанческая армия (УПА), уничтожая мирных жителей, прежде всего евреев и поляков. Забывается, что каким бы тоталитарным ни был Советский Союз, Украину и почти всю Европу освободила Красная армия, положив, в частности, конец холокосту. Это факт, а факты — упрямая вещь. Наверное, поэтому в правящих кругах Украины их вспоминают весьма выборочно.

В украинскую школьную программу включены произведения писателя У. Самчука, прославлявшего Гитлера, призывавшего к уничтожению евреев и писавшего, что “под ударом могучей силы Великой Германии украинская земля освободилась от оккупации главных врагов украинского народа — московско-еврейского большевизма и польского нашествия”¹.

На Украине националисты осуществляли массовое уничтожение евреев даже с большим рвением и изуверством, чем гитлеровцы. Сейчас предпринимаются неуклюжие попытки затушить эти страшные преступления, убедить мировую общественность чуть ли не в том, что бойцы УПА или “лесные братья” спа-

¹<https://news-front.info/2019/09/11/eduard-dolinskij-ukrainskimshkolnikam-privivayut-antisemitizm/>; <https://marss2.livejournal.com/2587911.htm> (дата обращения: 12.08.2022).

сали евреев, но существует слишком много документальных свидетельств, доказывающих обратное.

В отношении холокоста украинские официальные круги взяли на вооружение советский подход: дескать, евреев убивали, но в “общей массе” других жертв нацизма. В первую очередь тогда упоминались представители славянских народов, что укладывалось в рамки советской антисемитской политики. Ну а сейчас говорится преимущественно об украинцах. Как известно, нацисты не щадили никого из представителей “неполноценных рас”, однако разница заключалась в том, что русский, поляк и тем более украинец всё же могли уцелеть, а еврей — никогда.

25 февраля 2017 г. в Бабьем Яру был открыт памятник украинской поэтессе Олене Телиге, являвшейся в 1941 г. одним из руководителей Организации украинских националистов (ОУН). Нынешний вождь ОУН и по совместительству заместитель председателя Гостелерадио Украины Б. Червак заявил, что с монополией евреев в этом месте покончено. “Бабий Яр — это украинская земля, тут погибли украинские герои; украинская власть и украинский народ обязаны чествовать не только память жертв геноцида еврейского народа, а прежде всего украинцев”. При этом он умолчал, что ОУН была абсолютно солидарна с нацистами в уничтожении евреев, и газета “Українське слово”, в которой трудилась Телига, писала: “Головний ворог народу — ж...д”¹.

Немцы, считавшие идею самостийности нелепой и вредной, действительно арестовали и казнили некоторых главарей ОУН, но уравнивать их с жертвами холокоста постыдно и преступно. Председатель Украинского еврейского комитета Э. Долинский резонно заметил: “Дело не в том, где и за что расстреляли Телигу. Дело в том, что убийц евреев чествуют на том же месте, где этих евреев убивали”².

Сформулируем принципиальные задачи украинской исторической политики на сегодняшний день:

1. Показать весомую роль Украины в истории, приписывая ей даже то, что Украина никогда не делала, вырывая какие-то ку-

¹ <https://ria.ru/20170228/1488961589.html> (дата обращения: 15.08.2022).

² https://aif.ru/politics/world/duma_o_telige_v_babem_yaru_otkryli_pamyatnik_poetesse-nacionalistke (дата обращения: 15.08.2022).

ски из общей украинско-российской истории. Примеров немало, в том числе анекдотичных. Борьба с татаро-монгольским, или ордынским, игом — это, оказывается, заслуга украинцев. Восстание на броненосце “Потемкин” в 1905 г. тоже украинцы организовали в целях национального освобождения и т. д.

2. Доказать, что Украина и украинская нация начинают формироваться не к концу XIX — началу XX в., а в незапамятные времена. Что именно Украина, а не Россия — наследница Киевской Руси.

3. Доказать, что Украина в отличие от “варварской” России — часть Европы, и ее история — часть европейской истории.

4. Доказать, что Россия (Российская империя, СССР, нынешняя Россия) неизменно преследовала и терроризировала Украину и украинцев. Примеры приводятся реальные (антиукраинская политика Петербурга конца XIX — начала XX в., отношение к Украинской народной республике, репрессии 1930-х гг. против проводников политики украинизации) и надуманные. Включая, кстати, голодомор — трагедию, вызванную сталинской политической коллективизации, которая при всей своей чудовищности не имела четкой этнонациональной направленности.

5. Обосновать территориальные претензии к России.

6. Обосновать значимость “сугубо украинского” вклада в победу во Второй мировой войне.

7. Позиционировать украинских националистов как жертв нацизма наряду с евреями и представителями других национальностей, затушевывать активную роль националистов в холокосте.

8. Обосновать якобы огромный ущерб, который Украине причинило пребывание в СССР — так называемая советская оккупация.

Все это должно культивировать неприязнь прежде всего среди молодежи (если не ненависть) к “москалям”. Изложенное подтверждается документально, в частности материалами историко-документального интернет-проекта по “украинскому вопросу” до 1941 г. на основе документов Архива МИД России. Он назван словами Петра Кропоткина “Братья, не рвите вековых связей”¹.

¹ <https://archive-ukr.mid.ru> (дата обращения: 15.08.2022).

Нынешняя российская историческая политика представляется лучше аргументированной и более объективной, хотя избирательность в подаче фактов и фигура умолчания, безусловно, присутствуют, как и в любой исторической политике. Последнее подразумевается самой политизацией истории, хотя на первых порах один из ключевых и официально одобренных постулатов российской исторической политики (она развернулась позже, чем в странах Центральной и Восточной Европы, той же Польше и на Украине), как это ни парадоксально, заключался в противодействии политизации истории. Подчеркивалась необходимость перевода всех споров и дискуссий на исторической “площадке” в академическое русло.

Эта установка, которая адресовалась прежде всего Украине, Польше и странам Балтии, то есть основным российским противникам в исторической войне, не дала желаемых результатов, и вскоре после памятных событий на Украине в 2014 г. и обострения российско-украинских противоречий произошел поворот на 180 градусов. В России не создавался Институт национальной памяти, но его функции выполняют другие государственные и общественные организации, а также структуры научного сообщества и патриотического воспитания. Кроме того, в той или иной мере разработкой и осуществлением исторической политики занимаются силовые ведомства. Российские государственные и политические лидеры тоже вносят в это свою лепту, выступая с пространственными речами или статьями, посвященными истории.

Отметим характерные черты российской исторической политики:

1) подчеркиваются величие России, ее позитивная роль в истории, особенно вклад в Победу во Второй мировой войне;

2) акцент в подаче исторических сюжетов делается на фактах и событиях военно-политического характера — победе в войнах, роли великих правителей и выдающихся полководцев. Гуманитарная составляющая отходит на второй или третий план;

3) факты и события, невыгодные для национального престижа, упоминаются вскользь, впрочем, не утаиваются, как это было в условиях СССР;

4) практикуется государственное регулирование исторической науки и за некоторые оценки, не совпадающие с официальной позицией, предусмотрено уголовное наказание;

5) одной из стержневых основ российской исторической политики является акцентирование позитивного опыта СССР (негативный в большей или меньшей степени выводится за скобки), советских достижений. С одной стороны, это объясняется тем, что за последние 30 лет никаких сравнимых достижений у нас не было, с другой — стремлением выстроить сильную централизованную власть, способную решать все проблемы жестко и напористо, по-советски. В целом идеализация советского опыта заставляет смотреть назад, а не вперед. Этот опыт не следует сбрасывать со счетов, но он далеко не идеальный.

Российская историческая политика в общем является антитезисом украинской, хотя выстроена более продуманно, с большей опорой на факты. Преследуются следующие цели:

1) продемонстрировать антигуманный характер украинского национализма;

2) экстраполировать преступления националистов периода войны (уничтожение евреев, цыган, поляков, русских) на современность, продвигая тезис о геноциде русскоязычного населения Донбасса;

3) поставить знак тождества между украинским национализмом и нацизмом;

4) доказать, что Украина не является единым целым, что это не консолидированная, единая нация;

5) показать, что украинская государственность не имеет под собой прочного основания, и самостоятельная Украина в любых ее реинкарнациях в прошлом и настоящем существовала и существует только благодаря иностранным опорам (австрийским, немецким, натовским, американским и т. д.);

6) обосновывать тезис о родственности российского и украинского народов и о необходимости и правомерности освобождения украинцев от “злых сил”, то есть националистов.

Как и украинская, российская историческая политика нацелена на внешнюю и внутреннюю аудитории. Действенность российских аргументов за рубежом невысокая в силу не только объективных причин, но и антироссийских настроений, резко уси-

лившихся после начала спецоперации на Украине. Зато внутри страны они разделяются большинством населения. Об этом свидетельствуют опросы общественного мнения и поддержка большинством спецоперации на Украине¹.

Сегодня необходимо создание максимально благоприятных условий для формирования в общественном сознании в нашей стране и за рубежом объективной и правдивой картины прошлого. В этом велика роль научного сообщества, экспертов, журналистов, блогеров, всех граждан, проявляющих интерес к истории. Однако с учетом того, что во многих странах Запада антироссийская историческая политика культивируется на государственном уровне, требуются дополнительные, адекватные ответные усилия. Речь должна идти о скоординированной международной деятельности академических институтов, других научных и общественно-политических структур, включая некоммерческие, молодежные, спортивные организации и, конечно, дипломатии.

МИД России и сотрудники российских загранпредставительств ведут активную, аргументированную полемику по исторической проблематике в ООН, других многосторонних форумах, в ходе двусторонних переговоров. Накал этой полемики не ослабевает и едва ли пойдет на спад в ближайшем будущем — это обусловлено расстановкой сил на международной арене и стратегией сдерживания России, от которой пока не собираются отказываться западные державы.

Если говорить в целом, подводя какой-то предварительный итог, следует сказать, что украинский конфликт и вся кризисная ситуация вокруг Украины, помимо всего прочего, показали, что историческая наука спасовала перед исторической политикой и в результате историки разошлись по своим национальным квартирам. Компромиссы и совместный поиск исторической истины все еще возможны, но не раньше, чем будет найдено политическое решение, которое станет основой конфликтного урегулирования.

¹ См. данные ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/specialnaja-voennaja-operacija-v-ukraine-otnoshenie-i-celi> (дата обращения: 15.08.2022).

Глава 18. МЕДИАИНСТРУМЕНТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. С. Ефимов

Моя задача будет заключаться в распространении правды о России. Я должен рассеять пелену лжи, сотканную в результате неправильного понимания и неправильного толкования — в особенности, конечно, неправильного толкования — побуждений, характера и назначения Советского правительства¹.

М. М. Литвинов, представитель народного правительства Советской России в Лондоне, 1918 г.

Важным направлением внешнеполитической деятельности Российской Федерации является доведение до мировой общественности объективной информации о позиции России по основным международным проблемам, ее внешнеполитических инициативах и действиях, процессах и планах социально-экономического развития Российской Федерации, достижениях российской культуры и науки. Россия ... развивает собственные эффективные средства влияния на общественное мнение за рубежом, ... предполагается широкое использование новых информационно-коммуникационных технологий².

Пространное цитирование Концепции внешней политики России призвано продемонстрировать, что, несмотря на наличие ясно сформулированной коммуникационной задачи, четко обозначенных генеральных тематических линий, указания на используемый для ее решения инструментарий и даже технологию его применения, отражение Российской Федерации в ведущих мировых СМИ, а значит — и ее восприятие зарубежной общественностью, по-прежнему нельзя признать ни целостным, ни объектив-

¹ Из интервью М. М. Литвинова Daily Chronicle. Цит. по: Шейнис Э. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. М. : Изд-во политической литературы, 1989. С. 118.

² Концепция внешней политики Российской Федерации : утверждена Указом Президента РФ 30.11.2016. Ст. 46–47. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901 (дата обращения: 23.07.2022).

ным. Искаженное же представление интересов и инициатив России в зарубежном медиапространстве деформирует представление о них и в глазах общественности этих стран, формируя базу общественной поддержки антироссийского политического курса, который, в свою очередь, препятствует реализации целей и задач Российской Федерации на мировой арене.

Сказанное актуализирует внимание к медиаизмерению отечественной внешней политики, особенно к задействуемым возможностям современных медиа, позволяющих конструировать коммуникационное пространство, создавая благоприятные информационные условия внешнеполитической деятельности страны — медиаинструментария.

В 2019 г. один из флагманов отечественного зарубежного вещания — международная медиагруппа “Россия сегодня” — провела масштабное исследование¹ тональности публикаций качественных СМИ стран “Большой семерки” о России, в котором зафиксировала следующие результаты: 2,07% материалов носят позитивный характер, 48,12% — нейтральный и 49,81% — нега-

¹ В рамках исследования были проанализированы 81,5 тысячи информационных материалов о России в Топ-70 СМИ Великобритании, Германии, Италии, Канады, США, Франции и Японии за период с 01.01.2019 по 30.06.2019. Источниками в каждой стране стали Топ-10 СМИ (печатные, онлайн-ресурсы, ТВ и радио-ресурсы), отобранные по следующим критериям: аудитория, охват, тираж. Интернет-агрегаторы или информационные агентства в мониторинге не учитывались. Исследование проводилось по открытым источникам (Google News), а также по базам СМИ (Factiva, LexisNexis). Анализировался информационный фон в отношении объекта “Россия” (объект мониторинга “Россия” является собирательным и включает в себя наиболее часто упоминаемые в материалах поисковые слова “Россия”, “русский/е”, “Москва”, “Кремль”, “Путин” и др.) в целом без каких-либо ограничений по тематикам или категориям (от политики до спорта, от экономики — до культуры). Тональность публикаций определяется наличием выраженной, экспрессивной, однозначно определяемой позиции (негатив, позитив, нейтрал) издания/журналиста/автора/спикера в материале по отношению к объекту “Россия”. К нейтральному контенту относятся материалы с простой констатацией факта свершения того или иного информационного повода, имеющего непосредственное отношение к объекту исследования, материалы, содержащие как негативные, так и позитивные тезисы применительно к объекту исследования.

тивный характер. Лидеры по количеству негатива — американские CNN (982 публикации), The Washington Post (555 публикаций), The New York Times (346 публикаций), британские The Daily Express (339 публикаций) и The Times (311 публикаций) (рис. 1).

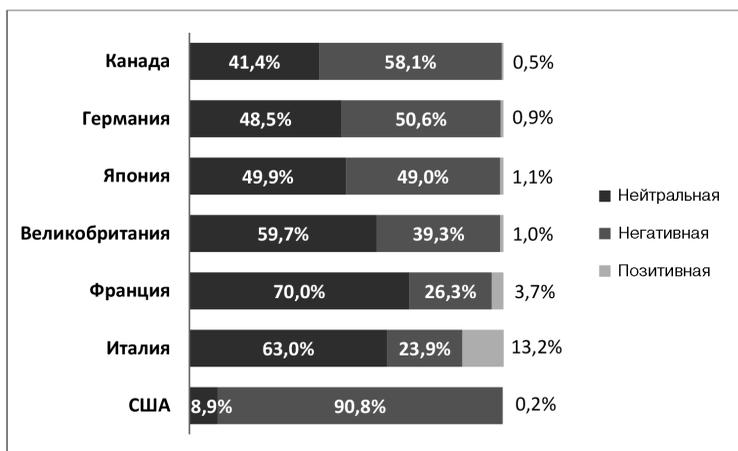

Рис. 1. Распределение тональностей информационных материалов по странам

Наиболее резонансные темы, связанные с Россией и составившие основной массив информационных материалов стран G7, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Топ-5 тем информационных материалов о России по странам

Страна	Кол-во публ.
<i>США</i>	
Вмешательство РФ в американские выборы	1013
Российско-американские отношения в контексте международных кризисов (Сирия, Венесуэла, Украина)	450
Шпионские скандалы с участием РФ	319
Развитие ситуации вокруг Договора о РСМД	214
Россия в контексте иранской ядерной программы	203
<i>Великобритания</i>	
Россия в контексте кризиса на Украине	927
Вмешательство РФ в американские выборы	869
Наращивание военной мощи России и демонстрация силы	803

Страна	Кол-во публ.
Россия в контексте кризиса в Венесуэле	627
Дело об отравлении Скрипалей	404
Германия	
Россия в контексте международных кризисов (Сирия, Венесуэла, Украина)	783
Внутренняя политика РФ и экономические проблемы	406
Взаимоотношения Россия — НАТО	195
Ситуация вокруг проекта “Северный поток — 2”	177
Вмешательство РФ в политические процессы стран Запада	117
Франция	
Россия в контексте кризиса на Украине	386
Вмешательство РФ в американские выборы	161
Внутриполитическая ситуация в России и протестные настроения	113
Строительство трубопровода “Северный поток — 2”	78
Развитие ситуации вокруг Договора о РСМД	77
Япония	
Российско-японские отношения	771
Общие оценки внешней политики России	273
Российско-американские отношения (доклад Мюллера, развитие ситуации вокруг Договора о РСМД, переговоры Путина и Помпео)	179
Внутриполитическая ситуация в России	71
Антиамериканская сплоченность РФ и КНР на международных площадках	57
Канада	
Возможность влияния России на выборы в Канаде	94
Вмешательство РФ в американские выборы	83
Развитие ситуации вокруг договора о РСМД	26
Денуклеаризация Северной Кореи	21
Российское военное освоение Арктики (милитаризация Арктики)	15
Италия	
Россия в контексте кризиса на Украине	66
Развитие российско-итальянских отношений (экономика, культура)	62
Вмешательство РФ в американские выборы	43
Развитие ситуации вокруг Договора о РСМД	39
Связи России с популистскими партиями Италии	29

Схожий перечень тематик информационных материалов СМИ стран “Большой семерки” свидетельствуют о наличии стойкого антироссийского консенсуса и отражает общую деградацию отношений с коллективным Западом (рис. 2). Впрочем, подобная ситуация в медиaprостранстве не является ни уникальной, ни тем более новой.

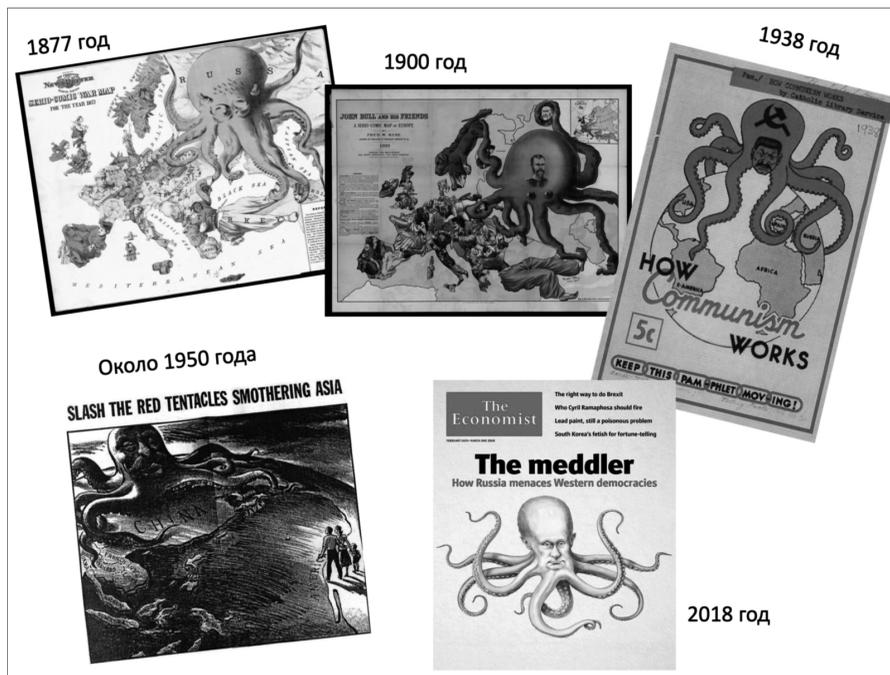

Рис. 2. Преемственность образа России в СМИ стран Запада

Негативная медиаситуация вокруг России в СМИ стран Запада, которая только продолжает усугубляться, побуждает к ревизии медиаинструментов внешней политики и перенастройке системы их применения.

Первым шагом станет выявление актуальных характеристик современных медиа и медиaprостранства с точки зрения внешнеполитической медиакоммуникации, поскольку именно они, как представляется, оказывают решающее влияние на ее эффективность.

Медиа¹ предлагается, вслед за П. Адамсом трактовать расширенно и рассматривать в качестве таковых не только СМИ (мировые, национальные и локальные, сетевые, эфирные и печатные), но и пользовательские “новые медиа” (социальные сети, например, Twitter и др.), мессенджеры (например, Telegram и др.), социальные медиа (например, YouTube и др.), а также все технические средства производства, передачи, воспроизведения и потребления медиаконтента (смартфоны, планшеты, ноутбуки и др.). Подобная трактовка медиа позволяет не только учесть большее число медиаинструментов внешнеполитической деятельности, но и позволяет отразить практические технологии задействования этого инструментария в современной медиареальности, продемонстрировать, например, арсенал тех медиа, которые дают возможность донести альтернативный СМИ взгляд на те или иные события, а также интерпретировать их.

Наиболее же релевантным подходом к описанию современного медиaprостранства как сферы реализации внешнеполитической деятельности государства видится подход Дж. Фолкхаймера и А. Янсона, которые предлагают рассматривать медиaprостранство в политическом (и идеологическом), технологическом и текстуальном измерениях².

Интерпретировать первое измерение представляется возможным с позиций критического дискурс-анализа и его классика — Тёна ван Дейка, который отмечает³, что политическая власть выражается, обозначается воспроизводится или легитимируется в медиадискурсах; медиадискурсы, таким образом, представляют собой ресурс символической власти, доступ к которым контролируется элитами; медиадискурс играет центральную роль в (транс)формировании идеологии ..., при этом доминирующие группы или классы стремятся скрыть свою идеологию (а значит, и свои интересы) и в то же время добиться того, чтобы она вос-

¹ Adams P. C. *Geographies of Media and Communication: A Critical Introduction*. L. : Wiley-Blackwell, 2009. P. 3.

² *Geographies of Communication: The Spatial Turn in Media Studies* / ed. by J. Falkheimer, A. Jansson. Göteborg : Nordicom, 2006. P. 17–19.

³ Ван Дейк Т. А. *Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации* : пер. с англ. М. : Изд-во УРСС, 2015. С. 18–62.

принималась большинством как “общая” или “естественная” система ценностей, норм, целей. Взаимозависимость медиадискурса и политико-идеологической сферы в практическом плане (применения медиаинструментария для решения внешнеполитических задач) фокусирует внимание на следующих аспектах: кто имеет доступ к производству медиаконтента? Кто определяет новостную повестку?

Кого цитируют, чьи мнения влияют на аудиторию и в конечном итоге чье определение политической ситуации будет приниматься и восприниматься?¹

Технологическое измерение раскрывает одноименную сторону медиапространства — технические средства производства, передачи, воспроизведения и потребления медиаконтента, а также медиатехнологии как совокупность специфических приемов, способов, методов конструирования и (вос)производства культурных, социальных и экономических практик. В разрезе внешнеполитической деятельности России развитие медиатехники и технологий, во-первых, еще более укрепило неравномерность медиапотоков на планете и возможности ведущих мировых СМИ по управлению медиадискурсом; во-вторых, упростился доступ к потреблению и производству медиаконтента, что не только расширило состав аудитории медиа, но и в немалой степени способствовало распространению так называемого *fake news* — недостоверного контента, дискредитирующего акторов внешнеполитической деятельности, делигитимирующего правила мирового порядка, торпедирующего внешнеполитические инициативы и, как следствие, осложняющих дипломатические усилия страны². А новые визуальные приемы, позволяющие медиа создавать несуществующую реальность и подменять ею истинное положение вещей, еще в 1991 г. привели классика постмодернизма Жана Бодриера к мысли о том, что войны в Персидском заливе никог-

¹ Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации : пер. с англ. М. : Изд-во УРСС, 2015. С. 91.

² См. выступление Президента РАН А. Сергеева на пленарном заседании международной научно-практической конференции “Цифровые международные отношения 2022”, 14.04.2022, г. Москва, МГИМО. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=O9UTJ3Nyzk4> (дата обращения: 15.07.2022).

да не было, и все это розыгрыш, устроенный СМИ¹, а после того, как война закончилась, заявившего, что происшедшее было компьютерным моделированием ядерной войны². Еще один аспект — масштабная цифровизация современных медиа, в том числе распространение электронных устройств, включая мобильные, которая привела к увеличению доли экранного потребления, усилили значение визуальной коммуникации³.

Наконец, третье, текстуральное измерение медиапространства описывает механизмы и процессы материализации пространства посредством коммуникативных практик, подчеркивая связь пространства реального и виртуального. На самом же деле “... новости (во всяком случае заслуживающие такого названия) все-таки отражают события, это отражение может быть искаженной картиной того, что реально произошло, но об этих искажениях мы можем судить, с одной стороны, сопоставляя альтернативные новостные источники, ... с другой — учитывая, что все корреспонденты каждый на свой лад реагируют на одну и ту же эмпирическую реальность”⁴. В практическом плане наличие этого измерения свидетельствует против распространенного мифа о том, что коммуникационное пространство существует параллельно реальности, а значит, например, репутационные, имиджевые риски и угрозы могут не рассматриваться как значимые.

На двух важнейших и одновременно противоречивых особенностях современного медиапространства, но оказывающих решающее значение на применение медиаинструментария, остановимся подробнее.

Одной из ключевых характеристик современного медиапространства является его исключительная гетерогенность — как субъектная, так и содержательная. Субъектная гетерогенность обусловлена усложнением мировой политики в принципе и уча-

¹ *Baudrillard J.* La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu. Paris : Galilee, 1991.

² *Baudrillard J.* L'illusion de la fin, ou, la greve des evenements. Paris : Galilee, 1992.

³ Энциклопедия мировой индустрии СМИ / под ред. Е. Л. Вартановой. М. : Аспект пресс, 2019. С. 5.

⁴ *Уэбстер Ф.* Теории информационного общества : пер. с англ. М. : Изд-во Аспект Пресс, 2004. С. 351.

ствием в ней множества новых и разнородных (государственных и негосударственных, институциональных и сетевых, локальных, региональных, глобальных и др.) акторов, каждый из которых погружен в медиaprостранство, являясь либо субъектом медиакommunikации, либо ее объектом, либо и тем и другим одновременно. В свою очередь, субъектная гетерогенность медиaprостранства порождает гетерогенность содержательную, выражающуюся в том, что, во-первых, "...для всей этой аудитории не может быть одной реальности и одних перспектив, они неизбежно придерживаются разных взглядов на события"¹. В разрезе мировой политики это означает, что "глобальный мир ... всё больше расходится на цивилизационные платформы, где у каждой цивилизации своя собственная идея"². Подобное положение вещей, по мнению Д. Ваттимо, приводит "...к коллапсу единой для всех "правды", а ... вера в реальность и связанные с ней методы убеждения утратили свою убедительность"³. Отсюда важными практическими следствиями колоссальной гетерогенности современного медиaprостранства являются: фрагментация целостного нарратива, формирующего единое восприятие мирового порядка его игроками (общественностью), на множество самостоятельных медиадискурсов; возможность сформулировать корпус релевантных месседжей, формирующих заданное восприятие внешнеполитических инициатив, и транслировать их в разнородные аудитории, что представляет собой нетривиальную задачу медиаменеджмента; сознательное искажение информации, распространение *fake news*, которые вызывают необходимость поиска технологических решений, позволяющих формировать медиастратегии, учитывающие растущую недоверчивость в массиве медиадискурсов.

Второй полярной особенностью современного медиaprостранства, оказывающей существенное влияние на конфигурацию внешнеполитической медиастратегии, являются усиливающие-

¹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества : пер. с англ. М. : Изд-во Аспект Пресс, 2004. С. 342.

² Тренин Д. В. Кто мы, где мы, за что мы — и почему // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 3. С. 32–42.

³ Vattimo G. The Transparent Society / translated by D. Webb. UK, Cambridge : Polity, 1992.

ся концентрация и монополизация крупнейших международных медиа странами коллективного Запада. Еще в 1973 г. Гербертом Шиллером в книге “Mind managers” (“Манипуляторы сознанием”) была описана глобальная система медиакорпораций, которые за счет своей гиперконцентрации и принадлежности, в первую очередь к американской корпоративной коммерческой системе, фактически создали монополию по управлению мыслями людей¹. Действительно, из шести крупнейших международных информационных агентств, определяющих планетарную новостную повестку, четыре — это британские, французские, американские и испанские медиахолдинги (табл. 2).

Таблица 2

Мировые информационные агентства

Название	Страна	Языки вещания
Sputnik	Россия	32 языка
Reuters	Великобритания	Английский, испанский, китайский, португальский, японский, французский, немецкий
EFE	Испания	Испанский, английский, португальский
Associated Press	США	Английский, испанский
AFP	Франция	Французский, английский, арабский, испанский, португальский, немецкий
Xinhua	Китай	Китайский, английский, французский, русский, испанский, арабский, японский

Пять из шести крупнейших глобальных СМИ также имеют прозападную ориентацию (табл. 3).

Подобная ситуация наблюдается и в сфере социальных медиа, где наиболее популярные и крупнейшие по числу пользователей социальные сети и социальные медиа имеют американскую юрисдикцию.

Схожим образом ситуация развивается и в отраслевых медиа. Так, например, научные медиа фактически монополизированы западными странами, и, например, пять крупнейших издатель-

¹ Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М. : Изд-во Мысль, 1980.

Крупнейшие глобальные СМИ

Название	Страна	Языки вещания
CNN	США	Английский, арабский, испанский
Al Jazeera	Катар	Арабский, английский, сербский
BBC	Великобритания	Амхарский, арабский, азербайджанский, бенгальский, бирманский, китайский, английский, французский, хинди, индонезийский, киньяруанда, корейский, киргизский, непальский, нигерийский, пушту, персидский, португальский, пенджабский, русский, сингальский, сомали, испанский, суахили, шведский, тамильский, телугу, турецкий, украинский, урду, узбекский, вьетнамский и йоруба
RT	Россия	Английский, арабский, испанский, французский, русский, немецкий
France 24	Франция	Французский, английский, арабский, испанский
Euronews	ЕС	Албанский, английский, арабский, венгерский, греческий, грузинский, французский, немецкий, итальянский, испанский, персидский, турецкий, португальский, польский, русский

ских домов — Elsevier, Wiley, Taylor & Francis, Sage и Springer — сегодня контролируют свыше 50% научных публикаций мира¹. А поскольку этот рынок, помимо собственно научных журналов, включает еще и научно-популярные издания, агрегаторы научной информации, наукометрические базы данных, которые также принадлежат ведущим западным странам, можно с уверенностью сказать, что ими полностью контролируется мировое научное медиапространство. В этих условиях реализация определенной в Концепции внешней политики РФ задачи “доведения до мировой общественности объективной информации ... о достижениях

¹ Larivière V., Haustein S., Haustein Ph. The Oligopoly of Academic Publishers in the Digital Era / PLOS ONE, June 10, 2015. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0127502> (дата обращения: 15.07.2022).

российской науки”¹ представляется не просто сложно реализуемой; вполне реальным может стать полное исключение Российской Федерации из мирового научного дискурса (табл. 4).

Таблица 4

Ведущие игроки рынка научных медиа

Название, активы	Страна
<i>Издатели ведущих научных журналов</i>	
Wiley (Wiley-Blackwell) — около 1500 рецензируемых журналов и более 1500 новых книг	США
Springer (входит в Springer Nature) — более 3000 журналов и 9000 книг	Люксембург
Taylor & Francis Group — более 2600 журналов и 5000 книг	Великобритания
Elsevier — более 2500 журналов	Нидерланды
Sage	США
<i>Наукометрические базы данных</i>	
Scopus	Нидерланды
Web of Science	Великобритания
<i>Агрегаторы</i>	
AlphaGalileo	Великобритания
EurekAlert!	США
Science X	США
Techmeme	США
NewsNow	США
<i>Крупнейшие научно-популярные СМИ</i>	
Live Science, How Stuff Works?, Scientific American, Popular Science, Discover	США
All About History, Sky at Night, Wildlife	Великобритания
Spektrum, Max Plank Gesellschaft, Hueber	Германия
Futura-Sciences.com	Франция

“Западная юрисдикция” ведущих мировых медиа неизбежно делает их инструментом формирования и распространения идеологии этих стран, механизм которого, описанный еще в 1988 г.

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации : утверждена Указом Президента РФ 30.11.2016. Ст. 46. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/official_documents/1538901 (дата обращения: 23.07.2022).

Н. Хомским и Э. Херманом в книге “Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media”¹ (“Производство согласия: политическая экономия массмедиа”), по-прежнему сохраняет свою актуальность. По мнению авторов, условиями (фильтрами), определяющими политическую ангажированность медиадискурса, являются: 1) контроль собственности массмедиа, означающий ограниченные возможности распространения информации, противоречащей интересам их собственников; 2) влияние источников финансирования, предполагающее, что противоречащий интересам рекламодателей контент будет ограничиваться; 3) контроль источников информации фиксирует зависимость массмедиа от правительственных и частных источников; 4) запугивание означает, что перспектива административного, психологического силового давления является сдерживающим фактором распространения того или иного контента; 5) антикоммунизм (книга написана во времена холодной войны) связан с эксплуатацией медиа различных коллективных страхов, фобий — сегодня это, например, страх ядерной войны, мировой терроризм и т. п.

Кроме того, по мнению профессора Иллинойского университета Роберта Макчесни, любая непредвзятая подача информации ограничена еще и форматом: количеством символов сообщения в ленте новостей, хронометражем телерепортажа и т. п.² Понимание этих и других особенностей и законов функционирования медиаиндустрии является залогом эффективной внешнеполитической медиастратегии.

Разумеется, что подобная медиастратегия и задействуемые в ее реализации инструментарий, форматы, каналы, технологии формирования и трансляции медиаконтента в аудитории целевых зарубежных стран и негосударственных игроков системы мировой политики определяются стратегией внешнеполитической.

¹ *Herman E., Chomsky N. Manufacturing Consent: The Political Economy of the Mass Media.* NY. : Pantheon books, 2002.

² *McChesney R. Rich Media, Poor Democracy: Communication Politics in Dobbious Times.* NY. : New Press, 2015.

Актуальный взгляд на состав внешнеполитических задач представляет экспертиза Дмитрия Тренина, члена Совета по внешней и оборонной политике РФ: а) стратегическое сдерживание противника — США и их союзников по НАТО, — предотвращение, несмотря на активное гибридное противоборство с ними, скатывания к ядерной войне; б) создание благоприятных условий для саморазвития России с опорой преимущественно на внутренние ресурсы и поддержания/переориентации её внешнеэкономических связей в ходе начавшейся экономической войны с Западом; максимальное содействие российскому бизнесу внутри страны и во внешнеэкономической деятельности; в) развитие тесной координации и взаимодействия с основным союзником РФ — Белоруссией; развитие экономической интеграции и укрепление военного сотрудничества со странами ЕАЭС и ОДКБ; г) дальнейшее расширение сфер практического взаимодействия и укрепление взаимопонимания с основными стратегическими партнёрами РФ — Китаем и Индией; д) активное развитие связей с Турцией, Ираном, другими странами Азии, Латинской Америки, Африки, не присоединившимся к режиму санкций против России; е) постепенное формирование, совместно с партнёрами по ШОС и БРИКС, другими заинтересованными государствами основ новой международной финансовой архитектуры, не зависящей от доллара США¹.

Переориентация российской внешней политики на страны и организации не-Запада и последовательное выстраивание вместе с ними элементов новой системы международных отношений формирует контуры содержания внешнеполитического медиадискурса Российской Федерации на ближайшую перспективу: помимо ключевых меседжей становится понятной и география медиакоммуникаций и состав целевых аудиторий.

Это актуализирует вопрос о составе и наличном состоянии арсенала медиаинструментов и его возможностях эффективно решать внешнеполитические задачи. Представляется, что данный медиакластер имеет следующую конфигурацию.

¹ Тренин Д. В. “Переиздание” Российской Федерации // Россия в глобальной политике. 2022. Т. 20, № 2. С. 27–33.

Прежде всего, это пул российских СМИ (международных и имеющих новостные ленты на иностранных языках):

- международная медиагруппа “Россия сегодня”¹, в состав которой входят РИА “Новости” и международное информационное агентство и радио Sputnik;
- международная медиагруппа RT²;
- информационные агентства ТАСС³;
- имиджевый информационный сайт Russia Beyond⁴.

Влиятельность флагманских международных российских медиа за рубежом (в странах бывшего СССР и дальнего зарубежья) позволяют оценить данные об их цитируемости (табл. 5)⁵.

¹ Подписчикам РИА Новости доступны оперативные круглосуточные ленты новостей (более 1 500 сообщений ежедневно от корреспондентов в 125 городах мира). Порталы Sputnik работают на 32 языках; подписчикам Sputnik доступны круглосуточные новостные ленты на английском, арабском, испанском, китайском языках и фарси; радио Sputnik вещает в аналоговом и цифровом формате на 16 языках в 90 городах мира, а также в Интернете; Международные пресс-центры Sputnik работают в столицах 16 городов мира.

² Телевизионная сеть RT включает в себя восемь новостных и документальных каналов, информационные онлайн-порталы на шести языках, а также глобальное мультимедийное агентство RUPTLY, предлагающее эксклюзивные материалы телеканалам всего мира. Из Москвы круглосуточно вещают новостные телеканалы RT на английском, арабском, испанском языках и документальный канал RTД на русском и английском. Телеканалы RT America и RT UK выходят в эфир из собственных студий в Вашингтоне и Лондоне, RT France вещает из Парижа. RT круглосуточно доступен 700 миллионам зрителей более чем в 100 странах мира.

³ ТАСС имеет представительства в 56 странах мира; подписчикам доступны круглосуточные новостные ленты на английском, французском, испанском и китайском языках.

⁴ Миссия проекта — помочь иностранцам лучше понять Россию. На сайте содержится следующая информация: “Мы хотим заинтересовать их нашей страной, показать ее с тех сторон, которые зарубежные медиа часто игнорируют. Мы рассказываем и показываем нашим читателям небанальные истории из современной жизни нашей страны, ее истории, помогаем разобраться в культуре. Мы публикуем гиды по городам и регионам, рецепты русской кухни и инструкции для желающих открыть тут свой бизнес”.

⁵ Представлены Центром исследований медиагруппы “Россия сегодня”, июнь, 2022 г.

**Данные о цитируемости некоторых российских СМИ
за рубежом по годам**

Медиа-ресурс	Цитируемость в СМИ зарубежных стран бывшего СССР / дальнего зарубежья, ед./год				
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.	I пол. 2022 г.
РИА “Новости”	470 885/ 45 945	362 160/ 35 099	349 226/ 33 808	326 252/ 39 419	71 556/ 35 910
Sputnik	83 302/ 505 543	131 769/ 604 644	183 054/ 769 372	179 938/ 781 328	42 184/ 251 254
ТАСС	323 512/ 79 602	378 074/ 65 626	450 331/ 67 976	428 475/ 68 437	99 047/ 73 256

Представленные данные свидетельствуют о стабильно высоком уровне интереса и доверия зарубежной аудитории к медиаконтенту российских СМИ, а значит, можно судить о наличии хорошей базы для диалога с зарубежной общественностью. Вместе с этим цитируемость отечественных информагентств ведущими СМИ стран Запада¹ остается на стабильно невысоком уровне и в целом отражает описанную выше тенденцию монополизации медиaproстранства западными СМИ и ангажированности их информационных материалов (табл. 6).

**Данные о цитируемости СМИ стран Запада
российских медиа в 2021 г.**

Группа источников	РИА “Новости”	Sputnik	ТАСС
The Associated Press	283	59	448
CNN	120	7	188
Bloomberg	487	29	689
Reuters	1362	56	1062
Agence France Presse	242	3	211
BBC	1291	432	1319

¹ Представлены Центром исследований медиagrуппы “Россия сегодня”, июнь, 2022 г.

Несмотря на это, возможности пула международных российских СМИ решать задачи медиапродвижения внешнеполитического курса страны представляются значительными. Во-первых, международные медиагруппы “Россия сегодня” и RT входят в серию крупнейших глобальных СМИ мира, что само по себе означает, что “голос” России в мировом медиапространстве звучит все более отчетливо. Второе обстоятельство состоит в том, что цитируемые информационные материалы российских СМИ — это прежде всего новости, в основе которых лежат некие факты, а значит, зарубежные СМИ распространяют не только сформированные российской стороной версии тех или иных событий, но и строят собственные редакционные интерпретации этих событий на основе фактов из России.

Зарубежные СМИ — партнеры российских СМИ — представляют (с учетом ограничения доступа международных российских СМИ к зарубежным аудиториям) исключительно ценный медиаресурс для продвижения российской повестки. Его значимость определяется и тем, что, во-первых, вне зависимости от географии и демографических характеристик уровень доверия общественности к отечественным медиа традиционно выше, чем к зарубежным. Во-вторых, партнерские зарубежные СМИ выступают не только “точками посева” фактической информации — новостей, но и информационных материалов других жанров — интервью, репортажей, тематических обзоров и т. п. И такой мультижанровый характер нарратива существенно расширяет состав аудитории, которой достигают месседжи, созданные российскими медиаменеджерами.

Понимание российской стороной возможностей зарубежных СМИ отражают данные о зарубежных СМИ — партнерах международной медиагруппы “Россия сегодня”, среди которых находятся такие влиятельные информагентства, как китайское “Синьхуа”, турецкое “Анадолу”, южнокорейское “Рёнхап”, мексиканское “Нотимекс” и др. Количество партнерств с зарубежными СМИ целевых (с учетом переориентации внешнеполитических усилий России) стран позволяет с оптимизмом смотреть на перспективы медиапродвижения в них российской повестки и распространения влияния (табл. 7).

Данные о количестве зарубежных СМИ-партнерах международной медиагруппы “Россия сегодня” в 2022 г.

Количество партнеров	Регионы мира					
	Северная и Центральная Америка	Южная Америка	Европа	Ближний Восток	Африка	Азия
Количество партнеров медиагруппы “Россия сегодня”	Более 10	Более 10	Более 30	Более 30	Более 30	Более 80

Одной из особенностей современного медиапространства, отмеченной ранее, является динамичное развитие медиаплатформ, дающих возможность не только показать альтернативный СМИ взгляд на события, но и расширить их контекст, а также состав аудитории, информированной о том или ином событии. Речь идет о **самостоятельной группе внешнеполитических медиаинструментов**: социальных сетях, чатах в мессенджерах, текстовых сообщениях, директ-мейле и собственных медиа (например, подкастах). Несмотря на широкие возможности социальных сетей и социальных медиа в управлении медиаповесткой, неумелое их задействование может привести к негативным последствиям. Так в исследовании The Soft Power 30 за 2018 г. российская цифровая дипломатия была маркирована как слабая сторона мягкой силы России: “Продолжающийся троллинг со стороны сети российских посольств спровоцировал резко отрицательную реакцию общественности в ответ на нетактичные и несвоевременные шутки”¹.

Следующую группу составляет **система интернет-ресурсов (официальных сайтов и сетевых ресурсов) Министерства иностранных дел РФ и подведомственных организаций** (например, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству). Основ-

¹ McClory J. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power 2019.

ным источником официальной внешнеполитической информации является официальный интернет-портал МИД России, действующий во исполнение положения Федерального закона от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ “Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления”. Портал содержит весь спектр информационных материалов министерства: официальные документы, заявления, комментарии, информацию об итогах переговоров, обзоры прессы, сводки и др. Помимо официальной информации, на сайте доступна линейка информационных материалов по актуальным внешнеполитическим проблемам на русском и семи иностранных языках (английском, немецком, французском, испанском, китайском, португальском и арабском). Средняя посещаемость официального интернет-портала МИД России *www.mid.ru* в мае 2022 г. составила 2,5 млн человек¹. Для сравнения: за этот же период сайт новостного агентства Sputnik посетили 21,9 млн человек². Приведенное сравнение призвано подчеркнуть, что, несмотря на кажущуюся центральную роль в системе внешнеполитических медиаресурсов, сайт любой организации является пассивным источником информации, тогда как сайт СМИ выступает ее активным транслятором. Понимание этой особенности является важным для планирования и реализации любой медиакампании.

Ценными инструментами внешнеполитического медиаарсенала являются **пресс-мероприятия**: тематические пресс-туры представителей зарубежных СМИ в Российскую Федерацию, пресс-конференции, брифинги. Несмотря на то что некоторые отечественные практики медиакommunikаций отмечают постепенную деактуализацию подобных форматов работы с медиа³, их потенциал в деле установления прямых рабочих контактов с представителями зарубежных медиа, формирования и развития доверия к источнику (спикеру) за счет прямого с ним контакта по-прежнему актуален и востребован. А тот факт, что совре-

¹ По данным SimilarWeb. URL: <https://similarweb.com/ru/website/mid.ru/#traffic> (дата обращения: 15.07.2022).

² Там же.

³ *Стулова Е.* Четыре всадника информационного апокалипсиса / под ред. Е. Сучкова. Екатеринбург : Лазурь, 2020. С. 46.

менные технологии позволяют организовывать и проводить подобные мероприятия в онлайн-режиме, лишь подтверждает тезис о востребованности пресс-мероприятий как действенного внешне-политического медиаинструмента.

К медиаинструментам российской внешней политики также относятся: издание и распространение специальных пресс-бюллетеней российских загранучреждений по наиболее актуальным вопросам внешней политики; организации фото- и других выставок, кинопросмотров, семинаров, круглых столов и иного рода акций с участием представителей медиа; перевод официальных документов и заявлений российского руководства на языки страны пребывания, который не обеспечивается интернет-сайтом¹.

Технологический аспект применения представленного выше медиаарсенала определяется конкретной внешнеполитической задачей, которая формирует географическую и аудиторную рамки, определяющие состав медиаресурсов и технологию их задействования.

Например, стратегическое сдерживание противника — США и их союзников — в условиях наличного гибридного противоборства с ними предполагает задействование технологий работы в конфликтном медиaprостранстве. Примером такой технологии от отечественных практиков медиакоммуникаций является технология “трех битв в медиaprостранстве”², ведущихся одновременно. Первая “битва” — за факты, являющиеся базой любого новостного сообщения, которые затем формируют общественное мнение, отношение к персоне, проекту, инициативе; на их основе принимаются в том числе и внешнеполитические решения. Возможность предложить аудитории медиа собственный фактаж или представить альтернативные факты означает возможность конструирования и продвижения собственной медиаповестки на их основе. Вторая “битва” — за интерпретацию фактов, позволяющую не только усилить аргументацию в медиадискурсе, построенном на основе собственных фактов, но и включиться в медиадискурс конкурентов,

¹ Мельникова О. Информационное обеспечение внешнеполитической деятельности современных государств (политологический анализ) : дисс. ... канд. полит. наук. М. : ДА МИД РФ, 2020. С. 139.

² Стулова Е. Указ. соч. С. 75–77.

предложив интерпретацию их фактажа. Здесь могут быть задействован уже следующий пласт технологий, например, нейролингвистического программирования — “переопределение”, “иной результат”, “намерение”, “последствие”, “разделение”, “объединение”, “аналогия”, “изменение размера фрейма” и т. п.¹

Наконец, третья “битва” — за каналы доставки, что означает получение (завоевание) доступа к медиа, обеспечивающим выход на целевые информационные рынки и доступ к аудиториям. Описанная технологическая рамка обуславливает вполне очевидную конфигурацию медиаресурсов, наличие которых в распоряжении Российской Федерации позволяет утверждать о высоких шансах страны быть не просто конкурентной в медиапротивоборстве, но и выйти победителем в подобном противостоянии. Действительно, две международные медиагруппы без преувеличения мирового уровня (“Россия сегодня” и RT), способные формировать, интерпретировать и транслировать как собственную, так и альтернативную медиаповестку, наличие сети качественных медиапартнерств с зарубежными СМИ (как резервный медиаканал), возможности всего многообразия современных социальных медиа, позволяющие представить аудиториям альтернативный СМИ взгляд на события, — все это убеждает в способности и готовности перечисленных ресурсов решать внешнеполитические задачи в конфликтной медиасреде.

Отдельный пласт технологий предназначен для решения задачи формирования благоприятных медиаусловий для подготовки и реализации внешнеполитических проектов и инициатив или конструирования привлекательного образа Российской Федерации. Здесь, как представляется, могут быть востребованы технологии “мягкой силы” — формирования и продвижения нарративов, массива рассказов об успехе нации, побуждающих тех, кому эти рассказы адресованы, следовать нашим путем².

¹ Дилтс Р. Фокусы языка. Изменение убеждений с помощью НЛП. СПб.: Питер, 2016.

² Борисов А. В. “Мягкая сила”: специфика отечественного понимания. Проблемы постсоветского пространства. 2020. Т. 7, № 2. Р. 130–141. URL: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-2-130-141> (дата обращения: 15.07.2022).

Понимание состава внешнеполитических задач на ближайшую перспективу, мощный состав медиаресурсов и широкий технологический арсенал его применения демонстрируют высокий уровень готовности отечественного внешнеполитического медиакластера формировать и продвигать собственную медиаповестку и влиять на нее в ведущих государствах Азии, Латинской Америки и Африки (конкретно имеются в виду Китай, Индия, Иран, Турция, Пакистан, Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Аргентина, Бразилия, Мексика, ЮАР, Нигерия, Объединённые Арабские Эмираты, Египет, Алжир).

Однако проблематика эффективного медиапродвижения внешнеполитического курса страны сегодня связана в первую очередь с фактическим отсутствием **системы** взаимообусловленных содержательных и технологических элементов, направленных на решение задач коммуникационного влияния на зарубежные целевые аудитории, — медиастратегии.

Здесь с сожалением можно согласиться с мнением президента Центра поддержки и развития общественных инициатив “Креативная дипломатия” Н. В. Бурлиновой, утверждающей, что специфика информполитики России состоит в отсутствии продуманной, рассчитанной на длительную перспективу стратегии информационного позиционирования России на международной арене¹. Отечественный медиакластер остро нуждается в документе (серии документов), в котором по каждому внешнеполитическому направлению содержалось бы описание целевых аудиторий; их информационных потребностей в отношении России; особенностей восприятия информации; задач, решаемых с помощью медиаинструментов; корпус месседжей, каналов и форматов их трансляции, а также сроков и ожидаемых результатов медийного влияния. В условиях же слабой координации коммуникации со стороны внешнеполитического ведомства и подведомственных структур ее инициаторами, формулирующими цель, задачи и основную идею медиаисторий, становятся редакции СМИ, работающие в международном медиaprостранстве. Однако такой подход позволяет осу-

¹ Бурлинова Н. В. Современная информполитика России слишком ситуативна. URL: <https://newdaynews.ru/propaganda/524119.html> (дата обращения: 15.07.2022).

ществлять очень точечные медиапроекты¹, пусть качественные, но не всегда долгосрочные и системные. Представляется, что перезагрузка внешнеполитических задач и обусловленная этим необходимость развития содержательных уважительных диалогов, прежде всего с обществами государств, занявших нейтральную позицию в мировой гибридной войне, — это шанс сформировать и эффективно реализовать такую медиастратегию. И эту задачу способен решить Департамент информации и печати МИД РФ в тесном взаимодействии с представителями внешнеполитического медиакластера и экспертного сообщества.

Российская Федерация предпринимает усилия, направленные на формирование и стабилизацию справедливого мирового порядка. Но именно это и предполагает усилия по его легитимации. Генри Киссинджер справедливо указывает на то, что “самые стабильные мировые порядки основаны на взаимопонимании его участников”². Формирование единства в восприятии мира возможно, но лишь активно взаимодействуя с народами, международными и региональными, правительственными и неправительственными организациями, с коммерческим сектором — вот коммуникационная задача, которая может и должна быть решена с помощью медиаинструментов. Поскольку глобальная взаимозависимость современного медиaprостранства исключает возможность их “отмены” или изоляции — внешнеполитический медиаресурс приобретает статус стратегического.

¹ Как пример см. публикацию: URL: <https://sputnik.by/infographics/20200717/1045195153/Kak-Rossiya-pomogla-stranam-SNG-v-borbe-s-COVID-19.html> (дата обращения: 15.07.2022). Отмечается, что инфографика опиралась только на данные Роспотребнадзора и охватывала небольшую группу стран — адресатов помощи.

² Киссинджер Г. Мировой порядок : пер. с англ. М. : АСТ, 2021. С. 132.

Научное издание

Мировая политика в фокусе современности:
к перспективам выхода из глобального кризиса

Монография

Ответственный редактор **Неймарк** Марк Афроимович

Главный редактор — *Т. А. Смирнова*

Художник — *Т. И. Такташов*

Верстка — *Н. А. Кирьянова*

Корректор — *О. Л. Грозовская*

Сертификат соответствия № РОСС RU.AB51.НО5316

Подписано в печать 28.11.2022. Формат 60×90 1/16

Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 31,81

Тираж 500 экз. Заказ

Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»

129347, Москва, Ярославское шоссе, д. 142, к. 732

Тел.: 8 (495) 668-12-30, 8 (499) 182-01-58

E-mail: sales@dashkov.ru — отдел продаж;

office@dashkov.ru — офис; <http://www.dashkov.ru>

Отпечатано: Акционерное общество

«Т8 Издательские Технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5

Тел.: 8 (499) 322-38-30

